КОНТИНЕНТ

135 2008

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 135

Каноны православия не менялись полторы тысячи лет, а люди менялись. Современный священник стал другим человеком. В чем-то он одарен, в чем-то чувствует себя беспомощно и неловко.

Григорий Померанц

Почему даже самые благие намерения либералов неизбежно ведут к ограничению свободы личности? Где тут, спрашивается, эта самая liberty? Где Богом данные права человека?

Александр Мишулович

Евгений Ермолин

Гламурный век не может быть длинным. Благополучие и безмятежность еще ни разу не длились слишком долго. В перспективе гламурная культура будет только деградировать и разрушаться.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Елены Аксельрод, Надежды Болтянской, Николая Дегтерева

Прозу Бориса Гайдука, Дмитрия Каледина, Германа Садулаева, Романа Сенчина, Сергея Шаргунова

Статьи и очерки

Александра Борина, Владимира Лукина, Ольги Седаковой, Георгия Семенова, Анатолия Ухандеева, Евгении Щегловой

А также наш постоянный раздел **БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»**

Все обращаюсь к Тебе, обращаюсь.
То ли здороваюсь, то ли прощаюсь.
То ли о чем-то пытаюсь спросить
Господи, трудно меня выносить…

Лариса Миллер

Он чувствовал, что она изменилась. Когда- то они были ровесниками. Теперь она была старше его лет на пятнадцать – двадцать… И все-таки им дано было встретиться. Это можно было назвать счастьем, или, по крайней мере, удачей.

Сергей Юрский

Сердечно поздравляем

нашего постоянного автора
выдающегося русского мыслителя,
оригинального и глубокого искателя духовных оснований бытия,
философа и эссеиста

Григория Соломоновича ПОМЕРАНЦА

с 90-летием
и желаем ему долгих лет
интенсивной и радостной творческой жизни

ГЛУБОКО СКОРБИМ
И ВЫРАЖАЕМ ИСКРЕННЕЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ
всем близким и друзьям
скончавшегося на 78-м году жизни
замечательного русского писателя,
нашего постоянного автора

Анатолия Алексеевича АЗОЛЬСКОГО,

сумевшего в своей прозе воссоздать рельефный образ
минувшей советской эпохи, вобравший в себя
десятки характерных для нее сложных,
трагических и героических человеческих судеб

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

135

2008, № 1
январь — март

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(495) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

**Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА**

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Александр и Татьяна Сергиевские
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений ЕРМОЛИН
Одинокий герой. *Памяти Анатолия Азольского* 9

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Лариса МИЛЛЕР
Накануне не знаю чего. *Стихи* 22

Борис ГАЙДУК. Два рассказа 27

Елена АКСЕЛЬРОД
Сквозняки. *Стихи* 45

Николай ДЕГТЕРЕВ
Что говорить... *Стихи* 50

Сергей ЮРСКИЙ. Врата 54

Надежда БОЛТЯНСКАЯ
С каждым годом мир старее. *Стихи* 68

В гостях у «Континента» — писатели нового поколения

Дмитрий КАЛЕДИН. Йокохама 73

Герман САДУЛАЕВ. Оставайтесь на батареях! 98

Роман СЕНЧИН. Инакомыслие 126

Сергей ШАРГУНОВ. Чародей. *Повесть* 137

РОССИЯ И МИР

Александр МИШУЛОВИЧ
Занимательная семантика. *Размышления над книгой Дж. Голдберга «Либеральный фашизм»* 185

У книжной полки

Евгения ЩЕГЛОВА
Хранитель совести 200

Владимир ЛУКИН
Юрий Карякин: личность, время, культура, судьба 213

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни */январь — март 2008 г./* 217

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской современности *в русской сетевой и бумажной периодике четвертого квартала 2007 г.* 248

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Александр БОРИН
Девяностые 283

РЕЛИГИЯ

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ. Обзор материалов 333

У книжной полки

Григорий ПОМЕРАНЦ
Поиски подлинного 348

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (*декабрь 2007 — январь 2008*) 360

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Религиозная мысль *в русской периодике*
четвертого квартала 2007 — первого квартала 2008 г. 366

ГНОЗИС

К семидесятилетию С. С. Аверинцева (1937–2004)

Ольга СЕДАКОВА
Сергей Сергеевич Аверинцев. Апология рационального 372

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая и политологическая мысль
в русской периодике четвертого квартала 2007 г. 386

ПРОЧТЕНИЕ

Анатолий УХАНДЕЕВ
Кто остановит этот поезд? 400

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Евгений ЕРМОЛИН
Артефакты гламурного времени 404

«Я БУДУ ОБ ЭТОМ ПИСАТЬ»
Памяти Юрия Казакова и Георгия Семенова 422

Георгий СЕМЕНОВ. О Юрии Казакове 422

Письма Юрия КАЗАКОВА Георгию СЕМЕНОВУ 431

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература
Четвертый квартал 2007 г. 443

Евгений ЕРМОЛИН

ОДИНОКИЙ ГЕРОЙ

Памяти Анатолия Азольского

Умер Анатолий Азольский. Один из лучших русских писателей конца XX века и начала века нынешнего.

Анатолий Алексеевич Азольский родился 27 июля 1930 года в городе Вязьма в семье военнослужащего. Окончил Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Служил корабельным артиллеристом в Военно-морском флоте (1952—1954), работал в Кунцевском морском клубе ДОСААФ, был командиром тральщика, пришвартованного к пирсу спасательной станции на Москве-реке, затем работал на предприятиях Москвы инженером (до 1965), дежурным электриком. Первый рассказ напечатал в 1965 году. В 1967 году завершил роман «Степан Сергеевич», который был анонсирован журналом «Новый мир» на 1968 год, но не прошел цензуры. Известность Азольский получил только в перестройку после публикации в журналах «Новый мир» и «Знамя» романов «Степан Сергеич» и «Затяжной выстрел». В «Континенте» он опубликовал несколько повестей и рассказов («Окурки», № 76; «Берлин — Москва — Берлин», № 79; из цикла «Ожоги», № 89; «Труба», № 94; «Атомная болезнь», № 97; «Полет к Солнцу», № 97; «Патрикеев», № 101; «Не убий», № 120; «Неблагочестивый танкист», № 120). Член Русского ПЕН-центра. За повесть «Клетка» в 1997 году писатель получил русского «Букера».

Хочется начать с того, что почему-то мало замечено: Азольский — глубоко национален. Это истинно русский писатель, даже до самых мелких частностей художественного сознания и облика. Многие самые традиционные ментальные матрицы национального характера отозвались в его душе и творчестве, несмотря на то что жить ему пришлось в пору, для русской души далеко не прекрасную. Как многие считают, в пору ее мистической истерики и острого надрыва, ее едва ли не смертельного припадка.

Что ж удивляться, что в арсенале национальных культурных архетипов, из виртуального музея главных русских историй писатель взял ту, которая наиболее убедительно рифмовалась с отвратительным историческим климатом на Русской равнине?!

Азольский рассказывал — с вариациями — всегда одну архетипически-русскую историю спасения — *о герое, который ускользает из лап смерти. Он нагружал ее надлежащим социальным, историческим, экзистенциальным содержанием — и в современной словесности у него мало было в этом равных,— но главный посыл явственно сквозил в повествованьях. Несерьезное имя героя сказки — Колобок — связано с корневой русской темой: спастись — значит убежать, не попасться, уйти, скрыться в далях необъятных, пропасть из глаз смерти. И с неизбежностью гибели, впрочем. С фатальным финалом.*

Архетип героя Азольского: Одиссей у Полифема (а отчасти и у Калипсо), Мальчик-с-пальчик, Колобок. Я от злого дедушки Осипа Виссарионыча, кащеистого пахана, ушел, я от бабушки Софьи Власьевны, старой мегеры, ушел... Новейшая рефлексия о смысловой сути одной из главных русских сказок встает в содержание возможных базисных мыслей об Азольском, что называется, паз в паз.

Вот так пишет, к примеру, психолог Николай Чаур: О чем пел Колобок? Я хочу, чтобы все обо мне знали, какой я есть, из чего меня сделали и как я лихо от всех убегаю. <...> Что двигало Колобком дальше? Показать, какой он есть. Было неосознанное желание казаться себе сильным и найти свое место с позиций своей силы, не вечно же ему катиться. <...> Что погубило Колобка? Погубили Колобка любопытство и самоуверенность. Хочу узнать, какой я. Могу я быть волевой личностью и устанавливать со встречными отношения с позиций своей сильной воли?[1] *Вывод, заложенный в сказку, по Чауру, довольно банален: дети, не бегайте от своих родителей, а то вас ожидают опасности.*

Глубже подход Тимура Василенко: ...если ты еда, быть тебе съеденным. Сказка о неизбежности смерти. «Бытие-к-смерти» — вот как называют это философы <...> ...испытания Колобка не были инициацией, а поскольку в сказке, как и в мифе, нет ничего случайного в структуре, верно более сильное утверждение — инициации не существует, съедение (=смерть) Колобка неизбежно. Рано или поздно. Он может быть сколь угодно хитрым, сколь угодно резвым — все равно его кто-нибудь съест. <...> Для Колобка нормальная жизнь непредставима. «И стал он жить-поживать» — это не про него, такую жизнь ему не выдумаешь. Единственная форма его жизни — это бегство от смерти[2].

И, наконец, размышления, можно сказать, классика по части экзистенциальной интерпретации русской сказки, Владимира Холкина. Он находит в сказке драму художника: В истории Колобка, созданного из остатков, из пыли, из последних, впрочем, праздных усилий, — проговаривается непреклонная вера в обреченность лукавых игр с нею — с судьбой <...> петлистое путешествие Колобка — это история бегства. Бегства от судьбы, полное радостного желания ее обойти, перехитрить, объехать на кривой. <...> Судьба сподобила ему заманчивый, завораживающий, но и предостерегающе-опасный гостинец: дар самовыражения, порыв к творчеству. <...> Колобкова уверенность в себе, такая вначале стойкая, начинает исподволь превращаться в самоуверенность, а обнадежившая вдруг поэтическая удача — в поспешно опрометчивую и слегка заносчивую убежденность во всемогуществе слова <...> наделив его самоуверенностью и бахвальством, судьба лишает победителя двух важных чувств: опасливости и сомнения. Именно полная утрата этих чувств и решает его гибель в конце сказки. <...> Колобок искушен: бегство его, благодаря добытому и уже освоенному опыту, превратилось (для

---

[1] *Чаур Н.* Анализ сказки «Колобок». Храбрый Колобок, или Сказка о Колобке глазами психолога //http://www.in.ks.ukrpack.net/r111/chaur/kolobok.htm.

[2] См.: *Василенко Т.* Колобок: быть съеденным //http://www.timur0.nm.ru/Kolobok.htm.

него по крайней мере) в **свободное** романтическое путешествие. Путешествие тем более ценное, что своими «победно пройденными вехами» оно крепко удостоверяет свойство и умение слагать стихи как способность хранить и уберечь жизнь от беды. <...> На манок тонкого, изящного понимания Колобок-песнопевец откликается. Откликается, отзывается, но и окончательно глохнет к голосу судьбы. Платит же он за эту глухоту полновесно, безвозвратно и с лихвой — своею жизнью[3].

Вот таков и герой Азольского. Человек воли и риска, жизнелюб и авантюрист. И даже иногда сочинитель — жизни и прозы о ней...[4] Кажется, этот герой очень близок автору. Уже своим положением в мире. Он сам был таким же подпольщиком советской эпохи, попавшись в силок ее длительного угасания в 70–80-х годах. Азольский постоянно жил жизнью своего героя. Принимал его жизнь очень близко к сердцу. А герой не хочет мириться с непреложным законом бытия. И — что важно — интересен писателю именно до того момента, пока не хочет смириться, пока не уползает в теплую тину и не замирает там насовсем.

Такой умелец. И такова его драматическая, патетическая, фантастическая и — пессимистическая эпопея.

Впрочем, пессимизм русской сказки никогда не становится уроком для персонажа прозы Азольского, не заставляет его опустить руки. Да и сам писатель был оптимистом вперекор очевидности. И пессимистом, спасавшимся от отчаяния творчеством.

Как нетрудно заметить, чем ближе он в своих вещах хронологически к 40-м, а то и к 30-м годам, тем бодрей его перо. Писатель уходил тропой воспаленной памяти и щедрого воображения в глухие, дремучие советские времена, чтобы смотреть их кошмарные сны и перелагать эти сны на язык своей жестковатой авантюрной прозы. Это, наверное, странно. Это почти уникально: Азольского вдохновляла свинцовая середина века.

Для чего же он туда возвращался, к тем годам? Что еще можно найти нового в кафкиански мрачной эпохе страха и войн, террора и нищеты?.. Да и не все ли уже сказано о ней? Уж во всяком случае источник его вдохновения — отнюдь не влюбленность. Он не любил глянцевую современность гламурного века с ее дешевыми понтами и ее человечьей гнилью — и не писал о

---

[3] *В.* «Колобок»: смерть поэта // Новый мир. 2003. № 8. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/8/holk.html

[4] В романе «Диверсант» (2002) писатель придал повествованию новое качество, представив героя несостоявшимся, но не бездарным писателем и доверив ему рассказывать историю своей жизни от первого лица. Благодаря этому в романе по-новому аккумулируются традиционные мотивы и острее начинает звучать один важный для писателя мотив: пораженность героя злом. Убегая от смерти, он в свою очередь убивает. Он становится профессионалом убийства и уже не умеет жить без риска, становящегося самодостаточным. С другой стороны, писатель привлекал новые средства, чтобы еще раз удостовериться в том, что является лейттемой его прозы: в хаотичности бытия, в бессвязности и случайности линий судьбы, в бредовости социальной ткани, в принципиальном одиночестве человека, которого не спасут ни любовь, ни дружба.

ней. Но, вопреки гнусной моде путинской Раши на сталинский гламур, в противовес анальным трелям трубадуров имперского величия, сервильных публицистов типа В. Иванова и лукавых философов типа Л. Полякова, он не любил и советскую эпоху, категорически не любил совок *как тип цивилизации. Не любил на редкость сильно и интенсивно.*

И нет слов — Анатолий Азольский сказал о XX веке нечто весьма существенное. Будь то школа младшего комсостава в «Окурках», московские задворки в «Норе» и «Трубе» или чересполосица советского ландшафта в «Клетке» — везде и всюду Азольский видит и войну, и ту эпоху в целом как враждебное пространство, в котором идеологически инфицированные убежденностью в своем праве на насилие и убийство системы отлавливают человека в хитрые ловушки и беспощадно затем уничтожают. Дракон пожирает всех без разбору. С ним нельзя вступить в соглашение. С ним нельзя пойти на компромисс. Ему нельзя верить. Такова его природа. Он сам себя не знает.

Режим был осмыслен Азольским как бродячий хаос, губительный и смертельный. Террор подобен мойре, не внимающей доводам здравого смысла; он обрушивается без разбора на правых и виноватых, правоверных и инакомыслящих. И легче легкого пропасть за так. Для ровного счета.

Так остро, как у Азольского, подобная нелепость в нашей литературе, пожалуй, не переживалась. И здесь нет и не было намека на мазохизм.

Дело в том, что ровно так, как он не любил жестокую и рабскую империю губительных советов, так же, с такой же силой, он любил и уважал человека — причем не всякого, но человека, способного на вызов, на сопротивление, на борьбу. И даже на активность, чуждую фатализму, терпеливости, тихому, незаметному стоицизму крестьянского и вообще простонародного типа, — но и не сводящуюся к слепому бунту, к той дикой разинщине духа, которая на почве минувшего века была поводом к уголовщине и алкашеству. Герои Азольского — люди неожиданной смелости, но и, как правило, люди точного расчета, практического ума, простой, но внятной этики.

Тихие свечи горят в других местах. И в других местах бродит слепая энергия отчаянности, куража. Именно там, где вспыхивает искра сопротивления, нужно искать героев нашего автора. Главный герой Азольского — заматерелый, опытный, сильный и дерзкий человек, об которого дракон обломал свои зубы. Это персонаж повестей «Окурки», «Берлин — Москва — Берлин», «Нора», «Клетка», «Облдрамтеатр», «Труба», романов «Кровь», «Диверсант»... На периферии повествования появляются и персонажи, исполненные страхов и замирающие, как кролик, под тяжким взглядом удава. Но Азольскому нужен герой бесстрашный или, по крайней мере, способный быстро победить свой страх. Герой ничего не боится. У него отшиблен орган страха.

Это особая порода людей, выкованных неустанной борьбой с помраченным мирозданием. Они знают, что сама их жизнь — это уже достаточный криминал. Что жить — смертельно опасно. Но нужно выжить. Сшибка этих двух истин определяет контур их судеб. Вот Иван Баринов из «Клетки»: потерял родителей; партизанил; его ломали в нацистском застенке, откуда выбросили, приняв за мертвого (перед тем он, однако, разделался с двумя душегубами); затем побывал энкаведистом (ошибочная попытка адаптироваться к режиму, едва не закончившаяся гибелью); ушел в нети — и

под чужим именем, свободный от иллюзий, строит свою жизнь по своему разумению... Той же масти Иван Андрианов в «Окурках», рассказчик и Антон Рымник в «Берлине — Москве — Берлине», Алеша в «Норе»...

Их судьба богата происходящим — это одна большая авантюра. Здесь возникает еще одна аналогия: с авантюрным романом и с его персонажем, неунывающим пикаро. Когда-то я уже писал о том, что герои Азольского — потомки Остапа Бендера, обер-авантюриста из баснословных времен, еще дававших повод для беззаботных игр с несмертельной судьбой[5]. Потом об этом писал и Никита Елисеев. Но Остап хватал судьбу за хвост, героев Азольского судьба сама хватает так, что только держись. Судьба испытывает, проверяет на излом. Герои эти не ищут приключений на свою голову. Им бы выжить.

Этот мир поражен злом, полон демонических энергий. Он похож на кошмарное сновидение, на лабиринт, где кругом тупики и нет ни одного счастливого выхода. Товарищ дракон съест кого захочет. Кушает и никого не слушает, как выражался один кремлевский долгожитель. Заглотит и не подавится. А в хотениях своих он волен. Предугадать их нельзя. Жизненное пространство героя становится местом активной смерти, это выжженная земля, мир страдания и небытия, мир, лишенный самомалейшего смысла.

Мир смотрит на человека пронзительными и губительными глазами смерти. Мир враждебен человеку. У человека нет родины. Вот базисная интуиция Азольского. Да и Бога в этом мире нет. Владеет им, возможно, иное божество — гневное, мстительное, жестокое. Это некое мрачное и устрашающее чудо-юдо, завладевшее миром, наподобие ветхого Велеса. В «Окурках», чудесной повести начала 90-х («Континент», № 76: 1993, № 2), с которой начался, на мой взгляд, зрелый Азольский, сказано: Может быть, существует все-таки некое Верховное существо, распоряжающееся людьми, но считающее их вшами, клопами, тараканами, которых время от времени надо истреблять? *Вопрос, впрочем, задан не слишком решительно, и позднее Азольский к нему не вернется. Для него доминантна социальная плоскость — и на нейто ясно главное: режим губит людей. Смерть у Азольского — штука заурядная. Гибнут пачками, штабелями. Главные герои обычно выживают, но радости от этого не испытывают. В тональности этой прозы есть немало от реквиема.*

Случайно отдельно взятому человеку можно, конечно, и выжить. С этим никто не спорит. Но так же случайно его смелет мельница тотальной смерти. Задача героя — устранить элемент случайности. Главной целью становится умение выскользнуть из липких объятий организованной смерти. Заброшенному в эту бездну человеку, если он хочет выжить, не остается ничего другого, кроме как, напрягая волю, разум и силы, не останавливаясь ни перед чем, выбираться из смертельно опасных силков, не шибко рассчитывая на успех и редко выходя из переделки без слишком тяжелых потерь. Вот тут и примешивается нередко технология. Технология выживания. Производство успеха. В круге данности герой конструирует свой собственный вари-

[5] *Ермолин Е.* Жизнь на нелегальном положении. Авантюристы советской эпохи в прозе Анатолия Азольского // Литературная газета. 1996. 28 авг.

ант мира, а именно тот, где удастся выжить. Для этого герою и даны ум и смелость. Герою нужно не просто заглянуть в бездну, но и устоять в пустоте, не сломиться. Выжить. Вывернуться. Выкарабкаться. Обмануть. Обвести вокруг пальца. Повернуть так, чтобы нацелившийся уже на уничтожение героя дракон съел свой собственный хвост. Изловчиться — и отпинать гнусного гада.

У Азольского было многое, чтобы стать коммерчески успешным писателем. *Это внятность и цельность героя. В его героях нет «психологической сложности», рефлексии. Это люди простые и цельные — за счет здравого расчета. Жизнь слишком трудна, чтобы позволять себе внутреннюю противоречивость, чтобы культивировать внутреннюю сложность, рефлексивность. Вопрос стоит просто: или — или. Или ты их, или они тебя. Быть — или не быть. Психология уступает свои позиции онтологии. Герой строит жизнь из поступков и расчета, а не из рефлексии. Выживает тот, кто не попадает в учетный стол, кто не зафиксирован первым отделом. Тот, кто играет со стандартом. Система не умеет схватить оригинала. В «Клетке» Азольский, кажется, договаривает до конца: успех сулит не просто самобытность ума и таланта, а хитроумие Одиссея, «преступный» умысел (притом, что преступление против режима — вообще тут не проступок). Рефлексии хватает на одну ночь. Когда, скажем, Баринов, попав в чекистский застенок и в одночасье поседев, свел концы с концами и сообразил, что этот режим — ему враг.* Похоронил себя, ничтожного и жалкого, того Ивана Баринова, который и вчера, и в прошлые годы стоял на коленях перед этой властью, которая не своя, а вражеская. *И с тех пор твердо исходил из этого знания. И убивает, скажем, не раздумывая. Не копаясь в душе, не отыскивая в ней оправдательных и самооправдательных аргументов, без жалости и снисхождения. Давит гадину.*

Это и способность лихо вязать узлы интриги, создавая конструкции детектива и триллера. Азольский умел погрузить читателя в атмосферу морока и опасности. Тревожный и смертельный холодок щекочет темя. Жизнь без гарантий, постоянно рискующая сорваться в смерть. Тесей подставлен Минотавру, а клубок Ариадны потерян. Да и где она, Ариадна? (В отличие от античного мифа и волшебной сказки женщина у Азольского не выручает героя и не становится ему подарком на финише.) Вопрос о жизни и смерти решается в пределах мгновения. Из целеустановки героя рождается у писателя детектив/триллер. Герой вынужден каждый день идти на бой, разгадывать, какую каверзу подстраивает ему мир, какие козни замышляют советские бесы. Герой явно преступен в глазах власти и должен таиться, скрываться, ускользать. А писатель из этого строит свою интригу. Иными словами, матрица детектива и триллера, как и матрица производственного романа привлекаются автором для удобства размышлений на излюбленную его тему: о мире и о человеке.

Критики новой, газетно-сетевой, генерации просто не в силах были понять глубинных тем Азольского и потому в худшем случае лишь похлопывали его по плечу: хорошую-де настрочил очередную стрелялку-убегалку. В лучшем же — ругали писателя за отсутствие сюжетной динамики (то

есть что-то чуют, но не знают, в чем подвох)... Ну да, он легко мог бы заткнуть за пояс дюжинных беллетристов, подвизающихся на ниве приключений и детектива. Но он прошел мимо этой возможности.

Во-первых, потому что он претендовал на более важное сообщение о мире. У писателя было острое мистическое чувство присутствия зла в мире — и острейшее неприятие этого бытийного факта. Отсюда духовное напряжение в его прозе, которое меня лично редко когда оставляет равнодушным, с каким бы настроением я ни брался за прозу этого автора. Главный герой «Диверсанта», Леня Филатов, приходит к выводу: Я давно понял, что Россия — центр каких-то ураганов, смерчей, штормов, что в тихую солнечную погоду русский человек жить не может. Он, обеспокоенный, выходит из избы, ладонь его, навозом и самогоном пропахшая, козырьком приставляется к высокому мыслительному лбу, а глаза шарят по горизонту в поисках хоть крохотной тучки. Россию постоянно сотрясают стихии, воздушные массы волнами бушуют у ее порога, срывая крыши, взметая людишек. Спасения нет, надо лишь изловчиться и оседлать тучу, на которой можно продержаться какое-то время.

Социальный бедлам понят автором как выражение фантомности, мнимости мира. Реальность лишена естественной укорененности, выдумана, сфабрикована, и именно поэтому в ней возможно всё. Мир заполнен суррогатами, произведенными и инстанциями власти, и простыми советскими людьми. Острее всего, пожалуй, этот эффект выражен в «Окурках». Там сплетаются в клубок слухи и грезы, политические фантомы и идейные миражи — и в сознании персонажей ткется полупрозрачная ткань рукотворного мифа, согласно прихотливой грамматике которого разобранная фанерная перегородка в курсантской столовой приходит в прямую связь с мнимой высадкой возле учебного лагеря немецкого десанта. Вымысел хватается за бред — и этой связкой люди обрекаются на смерть. Человек теряет сам себя. Перестает отличать явь от мнимости. Жизнь изживается впустую, жизненная сила уходит на миражи, выкачивается без возмещения и воздаяния. Это — константа художественного опыта Азольского, от «Окурков» до самых последних вещей.

В таких историях о людских бедах и счастьях — прелесть мгновенного обретения человеком новой жизни, той, куда он проваливается, как в канализационный люк, на крышке которого ненароком остановился, чтоб подумать, оглядеться, утвердиться. В люке чаще всего пованивает, но, однако же, кто знает, каково младенцу в роддоме, как дышится ему после первого крика ужаса и восторга... Природа, сдается, хочет каждого человека наделить биографией всего человечества, навязать ему испытания, о которых он и не слыхивал. Мало того что люди постоянно меняют социальные роли и маски, они еще подвержены уходам из привычного мира в незнакомый, необыкновенный, потому что надо спасаться от беды, которая учуяна, которая где-то рядом, и люди внезапно срываются с места, бегут под другие звезды, притягательные и пугающие, цепляются за чудовищно смещенные координатные оси, — люди исчезают, чтобы вновь появиться или появляться...

Во-вторых, он довольно далеко разошелся с идеологией современной нашей массовой культуры, которая в последнее время попыталась освоить прозу

Азольского. Вот тот же сравнительно недавний «Диверсант». Традиционный для нашего автора период: 40-е, начало 50-х. Традиционный герой: молодой одинокий волк. Сначала в годы войны он в составе небольшой команды выполняет особые поручения в тылу врага. Мужает. Убивает, взрывает. Учится делать это наиболее совершенно и становится настоящим советским юберменшем. Ну, советским, да. Некий недалекий (или, напротив, остро чувствующий конъюнктурный мейнстрим) редактор издательства «Эксмо» здесь и ставит точку в своей аннотации к книге: Остросюжетный роман «Диверсант» — удивительная история превращения незрелого мальчишки в русского патриота и хладнокровного истребителя немецко-фашистской гадины. Он прошел школу выживания у лучших инструкторов, он понял главное: пока ты хочешь жить, ты не умрешь, каким бы тяжелым ни были ранения. Он дошел с боями до Берлина через вражеский огонь, коварные интриги Смерша и гибель друзей... Головокружительный и невероятный, написанный с бешеным драйвом роман...[6]

На самом-то деле все не так. В один момент герой романа начинает догадываться, что его — личным — врагом являются не наци, а любые и всякие античеловечные «конторы», казенно-бюрократические «замки», которые решают свои сверхзадачи и готовы пожертвовать ради успеха чьей угодно жизнью. Как всегда у Азольского, враг писателя и его героя — государство. Отчетлива в романе анархическая нота, сопрягающаяся с извечным русским недоверием к власти. В этом состоит первый урок, первое «назидание». Флаг уже не важен, когда выясняется враждебность человеку любой и всякой власти[7].

---

[6] http://www.eksmo.ru/catalog/book?b=59503

[7] ...Примерно так же, как редактор «Эксмо», с романом обошлись и при его совсем недавней телеэкранизации на Первом канале, а затем при издании после показа фильма т. н. *кинороманa* (изд-во «Захаров»). Валерий Иванченко (http://www.top-kniga.ru/kv/review/detail.php?ID=266314) хорошо показал, что сценаристы сочинили «по мотивам» Азольского либретто телевизионного фильма — одного, затем другого, — уходя от оригинального текста все дальше. У Азольского герои осознали свою роль винтиков в нечеловеческой машине и выпали из нее, проявив собственную волю. В фильме они крутятся весело и лихо. В романе было одиночество, желание затеряться и просто жить. В фильме доказывается, что от службы никуда не деться, она врагов и на другом континенте достанет. В том, что в финале герои плывут в Аргентину, нет ничего удивительного для тех, кто знаком с «Экспансией» Юлиана Семенова, — диверсанты продолжат там дело М. М. Исаева. Потом сценарии отдали шустрому литератору А. Ягодкину, и он «переработал» их в «кинороман». Но самое забавное в том, что сценариев ему для творчества показалось мало (их же «развить» требовалось — литература, не шутки!), и одним глазом он стал заглядывать в текст литературного первоисточника. Получился смехотворный, для тех, кто читал Азольского, монстр: сокращенный, корявый пересказ его романа, искаженного выдумками сценаристов (глупейшими выдумками, как понимает всякий, знакомый и с книгой, и с фильмом). *Пятнадцатилетний мальчишка, мечтающий о подвигах, опытный разведчик и едва обстрелянный новобранец становятся единой командой диверсантов — совершенным инструментом для*

Такой вот это «антисоветский» и «антифашистский» роман воспитания, переходящий в приключенческое повествование и венчающийся выводами, которые сближают прозу Азольского с литературой экзистенциально-абсурдистского толка.

Азольский никогда никого не учил. Ничего не вменял. Авторитетное, пророческое слово — это не в его арсенале. Как-то он признался в симпатии к Чехову и в антипатии к Толстому. Из этого многое вытекает. Но не все. Как Чехов, не стремясь к тому, учит нас сочувствию и состраданию, как чуждый дидактики Бродский учит быть человеком в несчастии и поражении, так и Азольский (невольно!) учит — стоическому мужеству, нелегкому искусству быть мужчиной, стоять на своем, бороться и побеждать. «Диверсанту» он дал подзаголовок: «Назидательный роман для юношей и девушек». Возможно, это от отчаянья. Слишком уж неутешительны должны были быть выводы Азольского о нынешнем человеческом контингенте. И дело не только в возрастном скепсисе: да, были люди в наше время... *Когда говорят, что персонажи Азольского не всегда правдоподобны, что они слишком свободны, слишком, невероятно враждебны режиму (а говорят про это слишком часто и довольно дружно — Елисеев, Ремизова, Коваленко, Топоров), мне хочется стать мизантропом. Вот что, к примеру, пишет с ученической склонностью к схоластическим определениям Александр Коваленко:* ...у Азольского прочная репутация писателя-реалиста. Его мир кажется достоверным, выглядит правдоподобно — но ловишь себя на мысли: этого не было, того не могло быть — «потому что не могло быть никогда». Чего стоит, например, весьма неправдоподобная история с попыткой покушения на Сталина, которое намеревался осуществить герой романа «Диверсант» Леня Филатов... *И невпопад объявляет, что* вовсе и не реалист Азольский, а самый настоящий «постмодернистский писатель», у которого все подчинено самодостаточной игре; который создает новый художественный «метанарратив», «делегитимируя» старые представления об истории[8]. *Конечно, с кочки сегодняшних понятий, имея в виду современного человека — размазню и соглашателя,— трудно представить, что XX век рождал не только мерзавцев и их жертв, не только алчных хищников и жалких овец, но и иного рода люд — вольнолюбивый и отчаянный.*

Хитроумный Борис Кузьминский пробует объяснить неправдоподобие в прозе Азольского жанровыми условностями: ...то, что выходит из-под пера Азоль-

---

подрывной деятельности, добычи информации и проведения сложнейших операций в фашистском тылу. Балансируя на узкой грани между жизнью и смертью, они творят историю — страны и собственных судеб... В развороте темы романа на сто восемьдесят градусов заслуги Ягодкина нет — это сценаристы постарались. Или продюсеры. Или кураторы. Но беллетризатор Ягодкин находчивость проявил: в фильме Калтыгину и Филатову дали хоть на пристани с женами обняться, а в книжке, на последней странице, позволено только в иллюминатор на них посмотреть. Как Штирлицу в «Семнадцати мгновениях»...

[8] *Коваленко А.* Эффекты юношей питают // Знамя. 2002. № 7. http://magazines.russ.ru/znamia/2002/7/kovalen.html.

ского, — чистейшей воды «жанр», экшн с элементами шпионского романа... Жанр — и в то же время словесность высочайшей философской пробы. На родине Грэма Грина этот кажущийся парадокс издавна в порядке вещей. Мы же который год смотрим на большого мастера и в упор не замечаем его масштаба. Потому что смотрим под неверным углом. Сквозь кривые очки[9]. *В принципе Кузьминский во многом прав. Вот и сам писатель вроде б доверяет своему герою (тому ж Лене Филатову в «Диверсанте») характерное суждение:* Не сумею, не смогу и не хочется, потому что руке надоело писать неправду, а правда сама по себе никому не нужна. Когда-то Лев Толстой испытывал мучения, потому что никак не мог описать полно, неприкрашенно и честно один день человека. Я его понимаю. Начни писать — и обнаружится, что весь прожитый человеком день состоит из абсолютно бессодержательных мыслей и поступков. Надо что-то отбрасывать, что-то выпячивать, где-то поливать красками полотно, где-то вычищать его. Заострять сюжет — иначе человеческое восприятие не отзовется.

Вопрос, однако, в том, что первично: жанр — или экзистенциальная интуиция, угаданная истина о человеке и мире? Я склонен думать, что важнее в прозе Азольского — второе. Когда отвлечешься от фактуры этой прозы, она действительно выглядит неправдоподобной и в героя перестаешь верить. Потом снова берешь в руки книжку, и недоверчивость уходит. Какой там супермен! Всегда — поединок без предрешенного итога. Всегда герой только огрызается, затравленный. А финал и вовсе не оставляет камня на камне от жанровых матриц.

В чем-то главном герои Азольского похожи на персонажей прозы Грэма Грина или кино Анджея Вайды.

Та реальность, которая изображена в прозе Азольского, представляет собой сумму предпринимаемых героями попыток выстроить смысл. Многие герои, так упорно реализующие себя в ненадежном мире лжи и провокации, обмана и предательства, чают надежности и пытаются выйти к истине. Найти истину — вот их сокровенная цель. Детективный сюжет оказывается продиктован этим экзистенциальным порывом: герой затевает расследование, надеясь докопаться до беспартийной, настоящей истины факта. Герою Азольского присуще редкое по силе, отчаянное стремление как-нибудь сохранить ощущение собственной наличности, подлинный остаток в мнимом мире советской фальши.

Азольский использует острую жанровую форму для того, чтобы пролить резкий свет на своеобразие советской социальности. В этом свете становится видно, как бродит донная, страшная преступная энергия в этой варварской стране, которая вся — доказательство, приводящее к абсурду, *как идеология искривляет и патологически деформирует жизнь человека и общества. В полной мере наделенный таким знанием герой обременен экзистенциальным комплексом: он постоянно пытается нащупать ускользающий смысл существования, утыкаясь в тупики абсурда.*

---

[9] *Кузьминский Б.* // Политбюро. 11. 11.2002. См.: http://www.polit.ru/news/2008/03/27/azolskiy_print.html.

Но есть и одно решающее, даже фатальное отличие. В отличие от искусства великих художников-католиков проза Азольского лишена неба. Его герои никогда не вспоминают о Боге. Не знают Бога. Рано или поздно человек обнаружит, что все его усилия ни к чему не ведут. Его удел — поражение. Человек — это не та лягушка, которая попала в сметану и лапками сбила ее в масло. Попадает человек в зыбучий песок, и чем больше он шевелится, тем успешнее погружается в бездну. Однако и отказываясь от действия, человек обнаруживает себя в тупике: он перестает понимать — еще существует он или уже нет. Самое несомненное в жизни человека — это смерть. Вот она-то точно есть. Есть и момент перехода из жизни в смерть. Колобок гибнет.

Азольский очень хорошо видит внешнюю границу человека. Но он не столь решительно входит в ту сферу человеческого бытия, которая растет «изнутри» человека, точнее — из его отношений с метаисторическим и метасоциальным абсолютом. Теология Азольского апофатична. О Боге у него свидетельствуют лишь интуиция помраченности мира и человека да приступы тоски, которая временами наваливается на его героев, когда метафизика тоски сминает алгебру выживания. Этим местом душа героя болит, как болит отрезанная нога.

В мире Азольского совпадают истина и свобода. Свобода является для него и для его героев самоочевидной ценностью и непосредственной, данной в конкретном опыте реальностью. Жить по своей воле. Чувствовать, что живешь именно так. А для этого все понимать и не поддаваться ни на какие закабаляющие уловки. Вот идефикс персонажа. Может быть, нет ничего важнее и дороже. Так он считает. Можно сказать, что само то злое божество, которое правит миром, логичнее всего было бы назвать Несвободой, Насилием... Герой Азольского напоминает древнего грека, который знал, что Судьба существует, но жил так, как будто ее нет. Ему и деньги-то, презренный металл, нужны лишь для обеспечения свободной жизни помимо какого бы то ни было принуждения. Иной вопрос, что реальность эта обретается в борьбе. Лишь тот достоин жизни и свободы... Существовать — значит реализовать свою свободу, а следовательно — рисковать своим существованием. Нет риска — нет и свободы. Но нет и существования, которое предшествует сущности. *(Здесь возникает параллель с литературой и философией французского экзистенц-реализма: Камю, Сартр.)*

Обретая безграничную свободу, герой забывает (почти забывает) о традиционной этике христианского корня. Вообще о любой этической надстройке, продиктованной внешним абсолютом. Не во что верить, некому довериться. Нет сдержек. В недрах поврежденной социальности бродит вот такая абсолютная свобода, гибнет и выживает, прокладывая себе путь через мертвую, режимную зону. Человек, отстаивающий свой суверенитет, бывает всяким (в «Норе», «Трубе», «Крови», в «Берлине...»). Подчас герой делается подобным одинокому, умному, опытному зверю. Таков Баринов. Таковы часто и другие персонажи Азольского. В них есть звериная чуткость и звериная простота. Грубо обобщая, Кузьминский заметил: все его герои: поджарые волки среди разжиревших волков... *Это искушение чрезмерной натурализацией, и писатель от него не уберегся. Цель у героя оправдывает средства. Больше того,*

подчас выходит так: не убив — не выжить. Заново скроенный и пошитый мир оказывается не менее жестоким. Иной раз герой, будто булгаковский Воланд, провоцирует негодяев на негодяйство, расставляет свои силки, кладет в мышеловку сыр, чтобы потом безжалостно расправиться с врагом своими руками, или даже руками системы. И никто его не остановит. Даже автор. Их этика — это этика ситуативного выбора, продиктованного волей к жизни.

В этом есть зеркальность героя по отношению к обстоятельствам, в которых он существует. Герой отвечает режиму-обманщику обманом; режиму-убийце — смертью, убийствами. Он слишком тесно общается со злом, заражаясь от него микробом жестокости. А иного ему не дано. Азольский не раз и не два эту зеркальность выявляет. До парадоксального, лабораторного предела логика зеркальности-заражения доведена в повести «Берлин — Москва — Берлин», где антипод Сталина силой обстоятельств становится его духовным двойником. Антона Рымника готовят к покушению на Сталина. А для верности его экспериментально вводят во внутренний мир тирана. И химера власти, передавшись Рымнику, меняет его внутреннюю конституцию. Почти по Ницше: тот, кто слишком долго заглядывает в бездну, должен помнить, что и бездна вглядывается в него... *Автор лишь фиксирует этот парадокс, не имея средств, чтобы его преодолеть. Впрочем, он, очевидно, чувствует здесь некую несообразность. Что-то тревожное, даже опасное.*

Знает предел и интуиция Азольского о смысле истории. Не весьма убедительны его фаталистические пассажи такого, например, свойства: По уши завязнувшие в топи буден, обустроившие наконец-то скромненькое жилище свое, детей народившие, мы способны восстать вдруг из тлена благополучия. Очумелый взор наш задержится на колюще-режущем предмете, нас не остановит что-то недораздетое или недопитое, мы готовы попрать приевшиеся вдруг святыни ради новых идолов. Бабочкой на огонь полетим, помахивая крылышками, самозабвенно и не корысти земной ради. Будут гореть единицы. Десятки, сотни, тысячи, но не миллионы: они, эти сгорельцы, предотвращают революции, те периоды, когда у обывателей вырастают крылья и они летят на пламя борьбы за свое освобождение, за счастье или еще за что-то. Ничего не получат и урока никакого не оставят, потому что не мы летим на огонь, а нас туда гонит ветер эпохи. В чем и смак истории. Как и в том, что от революций спасения нет.

Горели, горим и будем гореть!..

Очень неопределенно ставился писателем и вопрос о смысле социальности, о возможности социального позитива. Точнее, ответ был дан уж очень однозначный. Масштаб реальной позитивной социальности у Азольского лишен глобализма, а характер ее предельно конкретен. Писатель часто возвращается к мысли о солидарности простых, хороших людей вопреки абсурду бытия. О мудрости опытных и стойкости слабых. Героям Азольского присуща острая жажда братства, взаимопонимания, духовной близости. Их главный путь — это путь к другому человеку: опознать своего, побрататься, полюбить, взять на себя груз общих забот. Это люди не только дерзкие и отважные, но и бесконечно верные своей дружбе и своей любви. Худо ли, хорошо ли, но основная форма социального единения у Азольского — за-

столье. Пир на весь мир, потенциально объединяющий всех без исключения. Как в повести «Окурки», когда посреди войны сходятся несколько человек, совпавших в том, что ориентированы они не на смертоубийство, а на жизнь. Момент доверительности, безмятежности, веселия... Один момент. Звездный час. Сойтись вместе хорошим, надежным людям за одним столом — вот кульминация жизни. Это какое-то мирское подобие евхаристического таинства. Несакральная агапа. Это — утопия идеальной социальности. Азольский знает, что такое возможно, но возможно ли такое в масштабе, превышающем круг друзей? На этот вопрос он не готов ответить. Проблема в том, что редко когда бывает пир долгим. Люди теряют друг друга, расходятся, как в море корабли, гибнут или звереют.

Итак, опора Азольского — отдельная человеческая особь, лишенная иллюзий, свободная от предрассудков. Его героя не обманешь, не купишь. Но достаточно ли этого? И есть ли у героя более высокие мотивы? На этот вопрос мы не всегда получим точный ответ. Вернее, есть у Азольского вещи, где вопрос этот даже не возникает. Писатель пытался иногда отрегулировать ход событий этически. Брал на себя роль Немезиды, сюжетно приводя дерзкого своего героя к кризису и поражению. В «Норе» герой задумал нераскрываемую кражу, ему понадобилась подставная фигура, и он использовал негодяя-уголовника. Тот оказался в результате на нарах, сам герой приобрел капитал, но потерял единственного близкого человека. Не столь жестко, но вполне явно тот же узел завязан в «Клетке», «Кандидате»... Однако сюжетные развязки — не главная удача Азольского.

Он шел вместе со своими героями их путями зла и путями добра. Теперь этот его путь приходится считать пройденным до конца.

Горько.

Лариса МИЛЛЕР

НАКАНУНЕ НЕ ЗНАЮ ЧЕГО

* * *

Я люблю эти долгие проводы дня,
Что меняет цвета, покидая меня.
Я его провожать начинаю с зари.
«Что-нибудь мне на память, — прошу, — подари».
Он мне дарит тепло в середине зимы
И на лужах узор ледяной бахромы,
И оттаявший пруд с небесами в пруду,
И подарок, который я после найду.

* * *

Хоть верится слабо в счастливый конец,
Но каждый в душе — желторотый птенец
И ждет не войны, не болезни, не шторма,
А чьей-то опеки и сладкого корма.

И даже поживший, усталый, седой
Он верит, что он под счастливой звездой
Родился и дальше не смертные муки,
А чьи-то большие и теплые руки.

* * *

Кому поплакаться? Тебе ли?
Тоскую с самой колыбели.
Припав, родной, к тебе плечом,
Печалуюсь невесть о чем.
Как будто мы с тобою оба
Обречены. Любить до гроба
Тебя я буду. И за ним
Я буду жить тобой одним.

Лариса МИЛЛЕР — родилась в Москве. Окончила Государственный институт иностранных языков. Автор книг «Безымянный день», «Земля и дом», «Стихи и проза», «Стихи о стихах», «Сплошные праздники», «Заметки, записи, штрихи», «Между облаком и ямой», «Мотив. К себе от себя», «Где хорошо? Повсюду и нигде» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

* * *

Так рано глаза начинают слипаться.
А утром мне так тяжело просыпаться.
Так рамки земные для жизни тесны.
Зато так воздушны и сладостны сны.
И я в этих снах молода, легконога,
И все мне подвластно — любая дорога,
Все близкие живы и рядом они.
Будь милостив, ангел, и сон мой храни.
Позволь со мной рядом побыть моей маме,
Такой молодой с золотыми кудрями.

* * *

Так надо, чтоб легко дышалось,
Но почему-то сердце сжалось
И улыбаться нету сил,
И если бы Господь спросил,
Что ранит, что дышать мешает,
Желанной легкости лишает,
Терзает душу, застит свет, —
Я разрыдалась бы в ответ.

* * *

И маленьких нас небеса окружали.
И было нам страшно, и губы дрожали,
Когда небесам задавали вопрос
О том, что нам день народившийся нес.
И губы дрожали, под ложечкой ныло,
А солнце в глаза нам безжалостно било,
И небо, которое было везде,
Качалось в текучей и талой воде.

* * *

Все обращаюсь к Тебе, обращаюсь.
То ли здороваюсь, то ли прощаюсь,
То ли о чем-то пытаюсь спросить.
Господи, трудно меня выносить.

Я и сама себе так надоела.
Но что поделаешь, коль наболело.
Что ж Ты все время молчишь, ни гу-гу,
Даже когда я дышать не могу?

* * *

Позволь дышать. Позволь глубоко
Дышать до гибельного срока.
Позволь Твоей листвой шуршать
И видеть небо, и дышать.

Позволь, как позволял доселе
Бродить без умысла и цели
По тропам. И Тебя в тиши
Просить об этом разреши.

* * *

Малютка жизнь, дыши.
Арсений Тарковский

Я под утро сплю так чутко.
Тихо дышит жизнь-малютка.
Дышит, крылышки сложив.
Я жива. Ты тоже жив.
И смешались наши вздохи.
Нет ни века, ни эпохи.
Лишь в рассветном серебре
Двое спящих на заре.

* * *

Воздух прозрачный, хрустальные трели.
В марте легли, а проснулись в апреле.
Травы пугливы, и дымчаты дали.
Мы здесь когда-то уже побывали,
Что-то шептали о листьях узорных
И о надеждах своих иллюзорных.

* * *

Все светится вокруг. Да будет все светиться.
На солнечном лугу воскресла медуница.
И я всему под стать должна сиять, наверно,
Хоть вроде нет причин и счастье эфемерно,
И возраст не такой, чтоб жить, расправив крылья.
Но изобилье птиц и света изобилье
Велит, забыв себя, лицо подставить свету,
Не помня, как давно пришла на землю эту.

* * *

А живем мы всегда накануне.
Накануне каникул в июне,
Часа звездного, черного дня,
Золотого сухого огня.
Накануне разлуки и встречи.
Обними меня крепче за плечи.
Мне не жить без тепла твоего
Накануне не знаю чего.

* * *

День ангела, нежной заботы.
Не бойся, доверься, ну что ты.
Его безмятежно чело,
Его белоснежно крыло,
Как облако или как млеко.
Забота, защита, опека.
И слышит он каждый твой шаг
И вздох твой. О если бы так!

* * *

Я не обижена вроде судьбой,
Все же мечтаю расстаться с собой,
Голос забыть свой, походку, повадки,
Где я — не думать — на взлете, в упадке.
Жизни любое мгновенье любя,
Так я мечтаю пожить без себя.

* * *

Я здесь тоже обитаю,
Но хожу, а не летаю.
А летают те и те,
Отдыхая на кусте,
Лепестках, тычинках, травах.
Я люблю читать о нравах
Всех имеющих крыла.
Может, раньше я была
Кем-то легким и крылатым,
Светом солнечным объятым,
Кто умеет жить вдали
От неласковой земли.

* * *

Что делают с нами?
Сживают со света.
Давно ли?
С рождения, с осени, с лета.
И как, удается?
Конечно, всегда.
Зачем же, скажи, мы приходим сюда?
Приходим сюда, потому что мы званы
Сменить получивших смертельные раны.

* * *

Повернулась земля на незримой оси.
Тихий дождь моросит. Мороси, мороси.
Мне с тобой веселей. Ты ведь мой собеседник
Да к тому же меж мною и небом посредник.

* * *

Врача вызывали? И зря вызывали.
Врачи и лекарства помогут едва ли.
Душа, говорите, все время болит?
Кто душу бессмертную вам удалит
И новую вдунет, вмонтирует, вложит?
Терпите такую. Никто не поможет.
А впрочем, целительны и хороши
Все средства, щадящие область души.

ДВА РАССКАЗА

1. Отец Михаил

С признательностью
отцу Алексею Кузнецову
за помощь и благословение

В бане завелись клопы, будь они неладны.

Ползают по полкам, таятся в углах. Когда топим, уходят, потом снова появляются. Пробовал закрывать заслонку, выкуривать дымом — не помогает.

Сосед Яков Никитич говорит, что он своих клопов вывел.

Поделился отравой.

Александра Филипповна, грузно прислонившись к перилам, стоит на крыльце, смотрит на мои приготовления. Заливаю кипятком соседский порошок, размешиваю палочкой. Кружатся в ведре соринки и нерастаявшие комочки.

Приступим, помолясь.

Дверь осела, скрипит, надо будет подтянуть и смазать.

Метелкой окропляю в бане все углы, щели между досками, укромные места за каменкой. Вот вам, живоглоты! Вот вам!

То же самое повторяю в предбаннике. Слазить бы на чердачок, но болит поясница. Отдохну, а потом все же заберусь и наверх. Иначе что толку?

Александры Филипповны не видно; наверное, опять прилегла. Совсем в последний год ослабела. «Хоть бы дал Бог не лежать, сразу умереть», — все время повторяет.

А я в ответ: «Погоди, душа моя. И полежишь еще, и побегаешь».

Смеется: «Отбегали мы с тобой, пора и на покой».

Ладно, продолжим.

Поднимаюсь по лестнице, ползу на четвереньках. Темень, хоть глаз коли. Вслепую машу метелкой по сторонам, сам отворачиваюсь, чтобы отравы не нюхать и в глаза не попало.

Вот и сделано дело. А то совсем одолели, проклятые.

Теперь полезли обратно.

Борис ГАЙДУК — родился в 1967 г. в поселке Любавичи Смоленской области. Закончил сельскохозяйственную академию им. Тимирязева. Печатался в журналах «Литературные незнакомцы», «Московский вестник», «Полдень XXI век», «Юность» и др. Автор книг «Миллениум Сидоров», «Третья Мировая Игра», «Яуза». Сборник «Миллениум Сидоров» вошел в длинный список премии «Большая книга». Живет в Москве.

Нашариваю ногой перекладину.

Не свалиться бы.

Александра Филипповна в одежде лежит поверх покрывала.

— Голова закружилась, — виновато говорит. — Сейчас встану.

— Лежи, — отвечаю. — Дела пустячные, сам поделаю.

Всего-то надо вынуть из печи чугун, намять козам картошки. Туда же — обрезки хлеба, немножко молока. На следующий год коз тоже будем сводить, держать уже тяжело.

Прошлой зимой к Рождеству поросенка забили и больше не брали. Александра Филипповна сначала все охала: как же мы будем без свинки. А как подкосило ее, так и примолкла.

Теперь и коз сведем, а молоко у Якова Никитича брать будем по три рубля за литр. Нам теперь много ли надо? Оставим десяток кур, ну и Рыжка — дом охранять.

От мятой картошки валит сытный пар. Козы несмело тычутся, обжигаются, вытягивают губы.

Морозы спали, хорошо. Третий день снежок сыпет, все периной прикрыл.

Белым-бело.

Пережить бы Александру Филипповну. Не бросить одну.

Захвачу-ка сразу дровишек для грубки, чтобы в другой раз не ходить. Пять, шесть... хватит. Кое-как порубал Василий. Корявые, толстые, в печь не лезут, разгораются плохо.

Ладно.

У печи угол треснул, пара кирпичей еле-еле на глине висит. Тоже надо бы приладить.

— Как ты там, душа моя, — заглядываю.

— Да, как. Сам видишь, как...

— Ну, не скучай.

Пора на службу. Воскресенье.

Церковь на горке стоит, небольшая, но видно издалека. В восемьдесят восьмом заново открыли, во всем районе вторая церковь была. Тут я поближе к родным краям и попросился, а владыка, царство ему небесное, утвердил. Молодых в такую глушь не заманишь. В Курове, вон, недавно ушла от молодого священника жена, не выдержала, а он и сам вскоре исчез, ни слуху ни духу. А до того месяц пил беспросветно. Так то еще Курово, не то что наш лосиный угол. Но зато и храм уцелел, вдали от начальства. При помещике еще поставлен, полтораста лет скоро будет. Уберег Господь. На освящение со всего района народ съехался, внутрь не поместились. Епископ Григорий по полному чину освящать приезжал.

Сейчас не то.

Отпираю дверь, сбиваю с валенок снег, оглядываюсь. Каждый раз боюсь, не пограбили бы. Но — нет. Не до того еще ожесточился народ.

Подходят Галя Пирогова и Вера Сильчугина, певчие.

Здороваемся.

Летом еще Завидовские близняшки поют. Чисто, душевно. На каникулы приезжают. Денег у матери нет, чтобы на юг катать, вот и привозит к бабке с дедом. А что? У нас лес, речка. Грибов в прошлом году много было. И в храме попеть не повредит детям.

Облачаюсь. Беру крест.

Надеваю на себя — и всякий раз до мурашек замираю: могу ли еще служить? Имею ли разрешение?

Слушаю.

Раньше сразу все слышал. Сейчас уже почти ничего.

А все равно сюда никто не поедет. В Курово только через месяц нового священника прислали.

Опустеет храм, ох, опустеет.

Ладно, присяду.

После службы ребеночка крестить, Николая и Натальи Гурьяновых девочку. Крестят сейчас всех, слава Богу. Отпевают тоже почти всех. А венчаются редко. Оттого и живут, как зря.

— Батюшка, тут еще один креститься хочет. Из Залужья. Но денег, говорит, нет. Как быть?

— Ладно, покрестим. Только пусть службу отстоит.

Не положено, конечно. Но пусть уж послушает, раз пришел. А то еще, пока ждать будет, и креститься передумает.

Ну, благослови, Господи.

— Иже на всякое время и на всякий час, на небе и на земли покланяемый и славимый...

Человек двадцать сегодня. Бабы, Виктор Сергеич хромой, Иван Маркович. Этот, из Залужья. Знаю я его, Томилин Иван. Ссутулился, по сторонам поглядывает. Видно, что первый раз человек на литургии. Крестится, будто крадет. На него смотрю, ему стараюсь служить. Пусть хоть так крестится.

Справа Катерина Федорова. Дочь похоронила, двое внуков на руках остались. Но, слава Богу, пенсия хорошая, в школе тридцать лет проработала. Вытянет ребятишек. Родственники есть, тоже помогут.

Ох, опять отвлекся. И без того ведь запинаюсь...

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и вовеки веков...

В праздники побольше народу бывает. А в Светлое Воскресенье и из соседних деревень приходят яйца святить, куличи. Даже из района люди ездят. По старой памяти, наверное. Сейчас уж и в районе храм возвели, хотя и наспех. Шумно тогда у нас бывает, торжественно. Ребятишки крашеными яцами бьются. Хорошее островерхое яйцо ценится, припасается заранее.

А потом опять никого. Так и живем.

Незаметно переступаю ногами.

— Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного...

Совсем стало больно, поджилки трясутся. Ни мази не помогают, ни таблетки. Голос сбивается, на концы слов не хватает дыхания. Гурьяновы всем семейством тихонько заходят, и крестные с ними. Девочка на руках, спит, похоже. Ах, ты, Господи, как бы еще не упасть! Ладно, потерпим немножко.

— ...да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое...

Вот теперь хорошо. Не совсем оставил, Слава Богу. Наполняются стены молитвой, звучит храм. Всхлипывает девочка Гурьяновых, склоняется над ней с платком мать, отец оглядывается по сторонам и нерешительно осеняет себя крестом. Катерина Федорова в черном платке шепчет губами. Залужский притих, уставился себе под ноги.

Все.

Люди вереницей подходят к кресту.

Татьяна Тушина исповедуется. Больше никого. Причащаю ее Святыми Дарами.

Спешу в алтарь отдохнуть.

Вера Сильчугина бежит наперерез Гурьяновым, просит немного обождать. Томилин топчется рядом.

В алтаре без сил падаю на стул. Вытягиваю ноги, шевелю пальцами. Нечего стонать, дурак старый, радоваться надо. Две души сейчас прибудет, а тебе их в Царство вести. Вот и славно.

Заглядывает Варя.

— Как ты, батюшка?

— Сейчас иду. Еще минутку.

Елею нужно купить. И свечей. Стены покрасить я уж и не надеюсь. Ладно, пора.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

Девочка ерзает, хнычет. Начинает реветь. Жарко ей, завернули, как голубец. Крестные молодые, неумелые, зря только ребенка тискают. Ничего, ничего.

Залужский не поднимает глаз, слова повторяет глухо, коверкает. Переминается каждую минуту. Ждет, не дождется. Постой уже, раз пришел, не переломишься.

— Отрекаешься ли от сатаны? Говорите: отрекаюся...

— Отрекаюся...

Снова ноги трясутся. Девочка благим матом орет. Поскорее заканчиваю.

Гурьяновы бегут к дочке. Мать берет на руки, баюкает, раскачивая плечами. Хорошая семья. Но тоже уезжать собрались. Николая берут на стройку каменщиком, договорились уже в городе с жильем, по полторы тысячи рублей в месяц.

Томилин бочком подходит поближе.

— Простите, это... не знаю имени-отчества. Мне бы, это... завязать как-нибудь. Покрестился вот, спасибо вам, может еще чего сделать надо?

— Молиться тебе, Иван, надо. «Отче наш» читай.

— Чего?

— «Отче наш», говорю. От пьянства еще молитва Божьей Матери Неупиваемой Чаше помогает. В лавке есть, стоит рубль. И в храм заходить не забывай.

— Так ведь нам это... не близко.

— Хотя бы иногда.

— Ага... Ну, ладно. Это мы обязательно. Пока что покрестились, посмотрим, как оно дальше пойдет. Спасибочки!

Идет к выходу, нашаривает в кармане сигареты, одну вытряхивает. У порога чиркнул спичкой, прикурил.

— Молиться... Хех!

Оля Федорова подает записочку о поминовении, протягивает пять рублей.

— Дедушка, а что значит «сорок дней»? Маме завтра сорок дней. Наши ставят лапшу, носят от соседей стулья. Забили петуха и двух гусей.

Мама осенью утонула. Потащило ее в такую темень гостей провожать. Вот на обратном пути и оступилась. И ведь на берег сумела наполовину выбраться, но поздно, захлебнулась уже. Не спасли.

— Это значит, Олечка, что завтра твоя мама будет в раю.

Поворачивается и радостная бежит из храма. На улице уже целая ватага ребятишек.

Слышно звонкое:

— Поп сказал, что завтра моя мама будет в раю!

— Вранье все это! Никакого рая нет.

— Дураки вы!

Все расходятся, кланяются. Скудное, тощее мое стадо.

Пойду и я.

У дома машина стоит. Не наша, да пожалуй что и не из райцентра. Новая, вся блестит.

Вышел мужчина, бросил в сугроб сигарету.

— Здравствуйте, ваше... э... ваше...

Нет, выговор совсем не наш, столичный. Из Москвы человек или из Ленинграда.

— Батюшка, — подсказываю ему обращение.

— Здравствуйте, батюшка, — с облегчением подхватывает. — Нам бы бабулю отпеть, чтобы все, как положено. Завтра можно?

— Можно. Кто новопреставленная?

— Мирошникова Анна Васильевна, из Пореченки.

Из Пореченки. Почти уже нет там деревни. От силы дворов десять осталось.

— А что же вы в Курово не поехали? Вам ближе. Или занят отец Алексей?

Гость мнется.

— Да нет. Она сама к вам просилась, если можно так выразиться. Заранее сказала, чтобы обязательно отпеть и обязательно у вас. Вроде как последнее желание. Такие вот дела.

Пытаюсь припомнить. Анна Васильевна. Мирошникова. Нет, ничего не выходит. Ладно, завтра увижу, вспомню. В лицо-то я всех здесь знаю, а вот имена забывать стал.

Александра Филипповна поджигает грубку.

— Все тухнет и тухнет, — жалуется. — Подай-ка мне, батюшка, еще газетку.

— Давай я сам, душа моя.

Газетки бережем. Районную раз в неделю приносят, а областную в этот раз не стали выписывать, дорого.

— Что ты все сам да сам. Скоро и со двора меня попрешь. Никакой пользы от меня нет.

Помогаю встать. Сильно опирается на руку Александра Филипповна, совсем не держат ее ноги.

Подкладываю газету, щепочек, несколько раз длинно, до одышки, дую. Огонь разгорается, потрескивает. Будем в тепле. Когда морозы стояли и грубка не помогала, под двумя одеялами спали, а с утра первым делом бросались печь топить.

Александра Филлипована подает на стол. Ладонями трет на картошку сушеный укроп, ставит тарелки. Это она сразу завела, отдельные тарелки ставить. Все воспитывала меня, деревенщину.

Режет к грибам лук, льет масло. В этом году легко будем поститься, грибной был год. Насолили и насушили достаточно. И наши, слава Богу, лишний раз не согрешат.

— Может, наливочки, батюшка?

Подлизывется, знает слабость мою. Сегодня можно и наливочки.

Наливает полную ребристую рюмку, ставит, стараясь не дрожать рукой. Болезни своей стесняется, стремится угодить. Раньше-то за эти наливочки поругивала, а теперь сама предлагает.

Ах ты, глупая.

Мнет вилкой картошку. Так за сорок лет и не приучилась ложкой есть, не снизошла.

— Как служба?

— Все хорошо. Завтра в Пореченку еду, Анну Мирошникову отпевать.

— Анюту! Ах ты, Господи! И я с тобой поеду. Подпою.

— Да куда тебе!

— Так на машине же?

— На машине.

— Ну вот. Это раньше все конями ездили. Как в Гриневском лесу заночевали — помнишь?

— Да уж, помню...

На печи трещина, два кирпича еле висят.

Намазать бы глиной и склеить хорошенько. Глины у речки накопаю. Теплой водой разведу да подклею. Пара пустяков.

Снова снежок повалил. Ласковый, мягкий. Тропинку еле видно. Занесло, да и смеркаться стало.

Раньше полнее речка была. Сейчас не то, обмелела.

На склоне глина.

Да ведь зима же. Как тут глины нароешь? Такие сильные морозы были.

А я-то, дуралей, с лопатой пришел!

В речке меж льдов тонко струится поток. Даже в морозы не вся промерзла, шальная.

Тот берег совсем занесен, а наш крутой, почти что голый.

Славная речка, быстрая.

Летом играет, искрится.

Играет, искрится...

Что ж, пойдем назад, какая тут глина.

Александра Филлиповна успела притащить из колодца два ведра воды. Заваривает чай. Совсем уже стемнело, на часах полшестого.

Всегда на воду и на огонь безотрывно смотреть мог. Вот и сейчас часа полтора там оставил. Совсем старый стал.

К чаю печенье и вафли. Вазочка крыжовника, перетертого с сахаром.

— Яков Никитич приходил. Завтра едет в район. Спрашивал, не надо ли чего.

— Ну, а ты?

— Скумбрии попросила, горячего копчения.

— Вот, любишь ты эту скумбрию.

— А что же, вкусная. И майонезу к ней.

После чая сажусь под лампу читать.

Обязательно читаю на ночь Писание.

С тех самых пор, как тетки Нади наследники выкидывали хлам, чтобы избу в другое место перевозить. Метили мелом бревна. Мальчишки набежали рыться в барахле, дрались. Мне досталась потертая книжка — Новый Заветъ.

Спрятал, тайком читал, сначала про себя, потом вслух, невольно смягчая окончания тревожных слов непривычными твердыми знаками.

Через год уже знал почти наизусть, в книгу едва заглядывал. Да что там книга — живые картины видел, голоса улавливал. Дрожал, плакал, и

все втихую, признаваться боялся. Потом в семинарии все удивлялись, как я целые главы подряд произносить мог.

А сейчас вот тыкаюсь, словно слепой, ничего в голову не идет.

...кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник...

Проговариваю губами, возвращаюсь назад.

Буквы, как те клопы, разбегаются.

Вот, не забыть бы!

Завтра же надо будет попросить у Якова Никитича отравы, он обещал дать, и в бане хорошенько их потравить. Давно пора. Совсем уже допекли, ползают по полкам, кусают. И ведь нигде нет, а в бане — на тебе, завелись...

Ползают по полкам, кусают... Ох, отойди от меня, сатана!

...и если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне...

С грехом пополам дочитываю главу и начинаю сначала.

Второй раз идет легче, пока не сразу истерлось из памяти.

...Я есмь пастырь добрый...

Да и Бог с ними, с клопами. Тоже твари. Лучше печку сделать. Пойти, взять под речкой глины, развести теплой водой...

В третий раз и вовсе хорошо читается, покойно.

...пастырь добрый полагает жизнь свою за овец...

Лампочка мигает. На улице ветер поднялся.

...потому любит Меня Отец, что я отдаю жизнь Свою...

Вот и снова, как раньше, дрожь пробирает.

Верую, Господи, верую.

Сделано дело. Отступил, проклятый.

Вдруг приходит на память, как мать тащит меня, перекинув через плечо, из подожженной снарядом хаты. Животу тесно, гудит огонь, прямо над головой рушатся балки. Пропало все, только меня успела она из пламени выхватить да Тихвинскую Божью Матерь.

«Миша! Ты как? Живой?»

Вырыли потом землянку, зимой еле уцелели от холода, а следующим летом возили на себе из леса бревна, заново строились. Еще шесть лет там после войны жили, пока отчим новый дом не поставил.

Тридцать километров отсюда.

А вот и большой белый конь, на которого верхом сажал меня отец.

«Мишка! А ну, крепче! Крепче сиди!»

Вокруг родные, лица все беспокойные, а отец — нет. Веселый, тянет руки, поддерживает. Спина у коня твердая, будто палка вдоль хребта лежит.

Только это про отца помню, больше ничего.

Сороковой год был. Осенью призвали его на службу.

«Что, Мишенька, что? Пальчик? Ну, дай маме ручку. Сейчас подуем-подуем-подуем... У кошки заболи, у собачки заболи, а у Мишеньки жирком затяни. Еще подуем-подуем-подуем... Вот так...»

Отец Михаил роняет голову, книга со стуком падает на пол.

Страницы несколько раз перелистываются и раскрываются на шестьдесят первом псалме.

Тихонько мычит отец Михаил во сне, всхрапывает, свешивается набок и не видит, как Александра Филипповна, тяжело приподнявшись на постели, несколько раз быстро осеняет его крестным знамением.

2. Упражнения

Посвящается памяти Сони Русиновой. В этом рассказе остались ее стихи, и сама она всегда с нами

Нет ничего лучше, чем слякотная осень или морозная зима.

Прижаться боком к батарее и смотреть в окно на бегущих под дождем людей.

У моих снова гости, пьют чай.

Хозяева квартиры, неизвестно почему, сразу обозначились этим родственным словом «мои», хотя менее близких мне людей нет, кажется, и в другом полушарии. Шумные и убогие одновременно. По крайней мере, больше не зовут к столу. А вообще к ним ходит едва ли не весь дом.

Проходной двор.

Выставляют свои тридцать три варенья и белый хлеб с маслом. Есть даже варенья из кабачка с лимоном и кабачка с апельсином.

Мерзость.

Невозможно смотреть, как они едят.

Если Бог есть, почему его до такой степени нигде не видно?

Как учитель, который задал домашнее задание, а сам заболел и не может его проверить. А дети и рады, скачут друг у друга на головах. Лентяи радуются больше всех, им все сошло с рук. Отличникам обидно, целый вечер учились, а вышло впустую. А учитель, может быть, прячется в это время за дверью и тайком ставит оценки себе в журнал.

А потом придет другой учитель и скажет: дети, вместо математики у нас будет пение.

В двадцать первой группе новенькая. Мара. Странное имя.

Ужас! Оказывается, я один не смотрел «Окна». Лола говорит, что это европейский мейнстрим. Максим скептически кривит губы. Если бы у меня папа был владельцем трех ночных клубов, я бы тоже кривился, не переставая, и плевал бы на весь европейский мейнстрим вместе с азиатским и американским.

Лежал бы в гамаке и читал книги.

Интересно, наверное, было родиться дворянином. Просто родиться и сразу быть не таким, как все. А еще лучше иметь титул: каждая секунда твоей жизни бьется кровью и разумом десятков поколений.

А потом стать революционером. Бросить бомбу в царя, с пороховым треском расстрелять в подвале маузер, топтать сапогами кровь и разум поколений, напиваться ею допьяна, а потом, напившись, строить новый, прямоугольный и громогласный мир.

Примерно об этом мы говорили позавчера. Лола привела какого-то азиата — кажется, узбека. Азиат был великолепен; жаль только, что скоро ушел. Даже Максим при нем оставил свою улыбочку, слушал внимательно и выбирал выражения. А потом оказалось, что азиат прямой потомок Тимура, железного хромца. Он ушел, а мы стали говорить о нем. Лола сказала, что вот это и есть «голубая кровь», мистические царственные гены. А я возразил, что дело не в крови и генах, что у него примерно такой же гемоглобин в крови, такие же красно-белые тельца и прочее мясо. Дело в мозгах, в самосознании. С раннего детства человек чувствует себя потомком великой личности, это его питает из года в год, выпрямляет ему спину. Пошлость и глупость становятся для него физически невозможны, а ум и благородство, напротив, естественны. Кажется, все впервые согласились скорее со мной, чем с Лолой. Она, правда, стала говорить о космосе и кармическом предназначении, но я был более убедителен, хотя и не столь изощрен.

А моя мать торгует яйцами под окнами собственного дома на вокзальной площади. Зимой бегает греться. Брат сидит в тюрьме за разгром вагона электрички, ожидает амнистии.

Летом пыль, зимой сугробы в человеческий рост.

Никогда туда не вернусь, даже на каникулы не поеду. Не хочу. Лучше в Болгарию, яблоки собирать.

Мои ждут с севера сына. До сих пор есть, оказывается, какие-то большие стройки, куда люди ездят на заработки. Сын два года потратил на то, чтобы накопить на машину и первый взнос за квартиру в кредит. Два года своей единственной жизни ради жестянки на колесах и крыши над головой.

Не понимаю.

Мои говорят, что он сразу поедет в свою новую квартиру, а комната останется мне.

Хорошо бы.

Где я еще найду комнату за такие деньги?

У дома на вокзальной площади как начала пути тоже есть свои преимущества. Видно к чему стремиться, от чего барахтаться. Сразу приходит на ум какой-нибудь тривиальный Наполеон или, скажем, Линкольн. Но, по крайней мере, из всех наших я один не платил денег за

поступление. У того же Максима, например, все уже в порядке до самой старости.

Наверное, это скучно.

Впрочем, что есть путь?

Мара.

Оказалось, она наполовину цыганка. Очень некрасивая, большие губы всегда по-дурацки приоткрыты. Верхние зубы просто огромные, а между ними щель. Глаза, правда, тоже большие, какие-то марсианские. И грудь большая.

Забавно, сама маленькая, а у нее все большое.

Полдня ходил по улице в костюме сотового телефона. Жаль, что нельзя было читать. Зато можно неторопливо перекладывать в голове разные мысли. Как камешки. Обтесывать их, подгонять друг к другу. Строить свою башню.

Лола сказала, что это очень оригинально — смотреть на мир из телефонной трубки.

А что если внутри каждого телефона живет маленький человечек?

Черно-белая эротическая фотография Божлевича.

Очередь в три витка, а мы непринужденно проходим внутрь, у Лолы всегда есть билеты.

Пошлое прикосновение к чужой избранности, завистливые взгляды толпы.

Лола трогала Кленевского за рукав и показывала взглядом: ах, смотри вон там! А вот еще!

Кленевский сдержанно восхищался. На Лолу смотрело больше народу, чем на эротическую фотографию Божлевича.

В итоге я скептически пожал плечами. Это я придумал на тот случай, когда не знаю, что сказать.

Почти всегда помогает.

Мара.

После пафосного высказывания Кленевского о природе литературного таланта Мара извинилась и сказала, что это слова человека, ничего хорошего, кроме диктантов, в жизни не писавшего.

Все повернули к ней головы.

Она снова извинилась и покраснела.

Кленевский потом перехватил ее в коридоре и что-то горячо говорил. Я услышал только о единстве черных и белых клеток. Видимо, шахматных.

Мара еще плохо знает Кленевского. Он просто неудачно выразился.

В детстве я не умел подтягиваться на канате.

На уроках физкультуры я был уверен, что ребята, ловко залезавшие по канату до самого потолка, знают какой-то неизвестный мне секрет, а потом оказалось, что просто нужно тренироваться и быть сильным.

Мара забавная. Совсем неглупая, хотя и ведет себя очень скромно.

Пишет стихи. Кленевский каким-то образом видел, говорит, что довольно банально.

Скорее всего, не может простить ей то высказывание.

Получил сто долларов за перевод литературного чтива. Жухлов из двадцать четвертой группы подрабатывает этим в каком-то издательстве. Мой перевод его устроил, обещал время от времени подкидывать мне халтуру. Не так уж и плохо, сто долларов за четыре вечера.

А ведь кто-то будет всерьез читать это дерьмо. Лола сказала, что это аморально и что я своим переводом добавил в мир еще одну каплю лжи.

Им легко говорить.

Буддисты не считают самоубийство грехом, а смерть горем. Они рождаются множество раз, а бедных христиан судят на Страшном суде по их единственной жизни.

Здесь что-то не так.

Должно быть общее для всех правило.

Мара.

Что-то меня дернуло, и я попросил ее показать мне стихи. Она удивилась, спросила, откуда я знаю. Пришлось выдать Кленевского.

Стихи показались мне интересными.

Небесный свод слегка завышен.
Пришла весна. — Ко мне? — К кому же!
Автобус цвета спелых вишен
Без плеска рассекает лужи.

Или вот.

Хренушки, мой милый, хренушки
Воробушкам показывать, воробушкам...
Вскрывала я надысь себе венушки —
Быть может, ты теперь, дружок, попробуешь?

Венушки, надо же. Интересно, это просто метафора или...

В ней что-то есть, я назвал это «волнение». Точнее, не назвал, а определил. Почувствовал это слово по отношению к ней.

У каждого слова есть запах и вкус. При добавлении других слов вкус может меняться, еще больше меняться, и так до бесконечности, до неузнаваемости. Хороший писатель не роет, подобно экскаватору, словесную руду, а составляет из тщательно отобранных слов изысканные блюда. А плохой варит в огромных количествах столовскую бурду: тушенка, гречка. Всякий сброд жрет эту тушенку и эту гречку, набивает брюхо, рыгает.

Нужно запомнить, при случае сказать.

Пришло письмо от матери.

Просит приехать, починить ей кран. Кажется, она совсем уже не в себе.

Мара была у меня.

Первым делом подошла к книжному шкафу. Есть в этом неосознанном движении к чужим книгам какой-то неуловимый признак, по которому безошибочно узнаешь «своего». Я чуть не закричал, что на нижней полке не мое, а хозяев квартиры. Вся эта макулатурная Шехерезада, разноцветный четырехтомный Джек Лондон, какие-то непонятные друзья Пушкина и прочее барахло.

Нужно все это как-нибудь припрятать, а то еще увидят Максим или Кленевский. Или даже Лола.

Лолу на самом деле зовут Лариса. Красивое имя. Интересно, зачем ей понадобилась Лола?

Моя репутация квартиранта практически безупречна, и теперь ко мне могут заходить гости.

Мара сказала, что я никогда в жизни не молился, даже неосознано, и это написано у меня на лице. Думаю над этим.

Я часто, особенно в детстве, загадывал желания. Некоторые из моих желаний исполнились. Я научился лазить по канату и сумел уехать из дома на вокзальной площади.

Но, наверное, даже самые сильные желания не имеют ничего общего с молитвой.

Или не так?

Мара считает, что в лозунге «возлюби ближнего» слово «ближний» такое же ключевое, как и «возлюби». Человек слаб, и Бог тем самым, дает ему задачу по силам: не можешь любить весь мир, так люби хотя бы ближнего.

Какого ближнего? Того, что на кухне вслух читает передовицы из «Советской России» и ждет с севера сыночка, которого я заранее ненавижу?

Зачем?

Пусть они сами друг дружку любят.

Мара.

Ходили с ней на «Окна». Мара сказала, что жалкое подражательство и жлобство. Не стоит выеденного яйца и потраченного времени.

Кажется, так оно и есть.

Катастрофа.

Кленевский в разговоре назвал Мару мартышкой.

От стыда я содрогнулся и вспотел. Вряд ли он хотел меня обидеть: нас, кажется, никто не видел вместе.

Мартышка.

Женщина все же не должна быть уродливой. Неужели ничего нельзя сделать хотя бы с этой огромной щелью между передними зубами?

Наверняка есть способы. У нее ведь довольно обеспеченные заграничные родители.

Почему она этого не понимает?

Нельзя же, в самом деле, быть настолько некрасивой.

Кленевский сказал, что если Лола снова ему откажет, то он захочет Мару, хотя это почти скотоложество. Именно так и сказал. И снова назвал ее не Марой, а мартышкой. Максим засмеялся. Я на несколько секунд замер, а потом обнаружил, что тоже хихикаю.

Ужас.

Что здесь смешного?

Вспомнилось из Эдгара По, что истинная красота всегда неправильна, ассиметрична и даже уродлива. Что-то в этом роде.

Приехал с севера брутальный сыночек, весь в лучах дешевой брезентовой романтики. Мои носятся вокруг него, как встревоженные куры. Вытащил меня из комнаты знакомиться, сказал, что на пару недель мне придется съехать, а он поживет в моей комнате, пока заканчивается ремонт в его квартире.

Так я и знал.

Мара принесла мне показать новое стихотворение и спросила, что со мной случилось. Я рассказал про свою грядущую квартирную неустроенность, а она вдруг предложила пожить у нее. Родители в отъезде, дома только старшая сестра.

Меня будто током ударило, я замычал в ответ что-то нечленораздельное.

Мара смутилась.

Писать об июле опять? Да какая отрава
Сравнится с повторным глотком раскаленного полдня?
Уродуя перстень, уронит кристаллик оправа
В последний бокал — и попробуй его не наполни!

Так себе, на самом деле.

Мои пошушукались и объявили, что уезжать не нужно. Они, оказывается, за меня беспокоятся, а драгоценный сынок уместится в своей новой квартире рядом со своим незаконченным ремонтом. Меня чуть не стошнило оттого, что они обо мне беспокоятся. Впрочем, спасибо.

На радостях даже выпил с ними чаю. К чаю было варенье из абрикосов с ядрами из абрикосовых же косточек, и варенье из целых маленьких яблочек с дольками лимона.

Вкусно, конечно.

На вареньях они просто помешаны. Варили все лето и всю осень. Банок двести до сих пор стоят по всем углам. Раздают его всем подряд, но требуют, чтобы обязательно возвращали пустое стекло.

Сладкая жизнь в буквальном воплощении.

Мара подходила ко мне, а я с энтузиазмом сообщил ей, что жилищная проблема решена.

Поймал себя на мысли, что радуюсь убедительной причине не ехать к ней жить.

При этом я зачем-то постоянно отворачивался. Выглядел, наверное, отвратительно.

А ведь в профиль она действительно похожа на обезьянку.

Снова приезжал сынок, на этот раз с женой и ребенком. Жена — толстая нелепая клуша, а мальчик — хамоватый балбес. Какой смысл в их жизни? Плодиться и размножаться?

Не понимаю.

Воспоминания на самом деле состоят из запахов, а картинка или рулон с сюжетом к ним только прилагаются. Если мне посчастливится путешествовать, обязательно запомню все запахи. Хочу старых знойных маслин и блестящей бьющейся рыбы.

Женщина на улице выронила маленький сверток, а мне что-то помешало крикнуть ей вслед.

Что там? — кольнуло в первый момент.

А в следующий — если кричать, то нужно было сразу.

И потом — желание убежать с этого места.

А сверток подобрала смешная остролицая старуха и позвала женщину. Та от радости всплеснула руками. Наверное, там было что-то важное.

Интересные новости: несколько раз видел Мару с Кленевским. Мара отводит от меня взгляд, а я испытываю странное чувство, будто они оба меня обманули.

Кленевский больше не называет ее мартышкой, напротив, говорит, что в ней есть изюминка.

Разумеется, есть.

Только не его пошлая изюминка, а мое невесомое воздушное «волнение». Забавно, но я по-прежнему чувствую вкус и запах этого слова.

Как он может быть с ней, если всего месяц назад называл это скотоложеством? Это недостойно, я бы ни за что себе не позволил.

Знание должно вести к мудрости, а иначе это просто возмутительная трата времени.

Конечно, это могло выглядеть убедительно, если бы к вполне конкретному понятию знания прилагалось хотя бы приблизительное определение этой самой мудрости.

У моих большое горе. Их ненаглядный сын погиб. Привел к себе какого-то нового северного знакомого, а тот ночью ударил его ножом.

Они даже почти не плакали. Стали как-то тихо шевелиться насчет похорон, квартиры. Каждый день приходило много людей, я ото всех прятался. Даже в туалет не выходил, пользовался двухлитровой пластиковой бутылкой, заворачивал пробку, ставил под кровать, а на следующий день потихоньку выбрасывал по дороге.

Мне стыдно, но, кажется, я их жалею.

Может быть, жалость и есть молитва.

Мара сильно изменилась. Теперь в ней не просто «волнение», а целое солнечное море с невысокими радостными волнами и прозрачными ветряными брызгами. Кленевский ходит за ней повсюду и совсем ее не стесняется, даже наоборот. Остальные тоже не видят в этом ничего особенного. Но и Мара теперь совсем другая.

А ведь Кленевский, по большому счету, никто.

Неужели это всего лишь физиология? Неужели женщину достаточно просто заливать спермой?

Гадость.

Что, собственно, гадость?

То, что я думаю об этом и даже пытаюсь себе представить. Вот, что гадость.

Меня Мара совсем не замечает.

Хочется весны, воздуха.

Такое ощущение, что, похоронив сына, мои стали двигаться вдвое медленнее и говорить вдвое тише. Соседей ходит меньше. Стыдно при-

знаться, но теперь мне живется гораздо лучше, хотя они снова постоянно зовут меня ужинать и даже приносят мне в комнату на подносе чай со своим бесконечным вареньем. Сегодня было грушевое с грецкими орехами.

Очень вкусно.

Может быть, теперь я их ближний.

Попробовал представить себя на их месте. Очень странное чувство. Пресловутые нищие духом? Тогда они должны быть блаженны, а они сгорблены и несчастны. Теперь они тоже скоро умрут.

Если Бог есть, зачем он забрал у них сына? Какой в этом смысл? Никакого.

Значит, Бога нет.

Мара уехала.

Кленевский ходит совершенно в воду опущенный, вокруг него все шушукаются.

Говорит, что накопит денег, добьется визы и тоже уедет. Интересно, помнит ли он, как при всех называл ее мартышкой?

Задние мысли, с которыми ты впускаешь в себя зло, — это не твои мысли, а зла.

Изумительно.

Задние мысли, с которыми ты впускаешь в себя зло, — это не твои мысли, а зла.

Может быть, лучше было бы сказать «тайные мысли»?

Кленевский говорит, что она ему не пишет и не звонит. Во мне шевелится тихое злорадство.

А если бы от Мары пришло письмо мне? Хотя бы с одним словом? Что бы я стал делать?

> Не имея судьбы, не имею ни силы, ни страха.
> «Но Вам плохо?» (поскольку шатаюсь). — О нет, мне не плохо.
> Я шатаюсь по улицам, где прорастает из краха
> Осень жизни, закат мирозданья, короче — эпоха.

Нужно показать ее стихи Жухлову. Он тусуется со всякой богемой. Интересно, что они скажут?

Не буду показывать. Это мое.

Равнодушие есть самый страшный порок человеческой жизни.

Вот где надутое пустословие, отвратительное умственное барство. Мерзость.

Благодарной мировой культуре от великого гения.
Кто дал право?

Безнадежность. Одиночество. Страх смерти. Ложь. Бессилие. Предательство. Что угодно.
Выбрать и подчеркнуть нужное.

Зачем мне все это?

Будто пытаюсь заполнить в себе некую пустоту.
Ношу полные ведра, сгибаюсь в три погибели, а яма с каждым днем все глубже и глубже...

СКВОЗНЯКИ

* * *

Я вспоминаю жизнь свою
и жизнь чужую.
На память — стершийся костыль —
я опираюсь.
Охранник-странник, тени весен
сторожу я,
И тени зим в ладони теплой собираю.

Но я опять в крутых объятьях лета,
Придет ли осень, и гадать не смею,
Но кличут тени, шелестит газета,
И бормочу о прошлом вместе с нею.

* * *

В квартире пустой,
Тишиной налитой,
Воспоминаний
Бродящий настой.
С давно развалившегося
Крыльца
Пытаюсь окликнуть
Мать и отца.
В комнате сплющенной,
Будто каюта,
Ищу приметы
Былого приюта
Любви безответной,
Пропавшей бесследно,
Потопленной
В сорокоградусной влаге,
В слякоти медной,
Осеннем овраге.

Елена АКСЕЛЬРОД — родилась в Минске. Окончила Московский городской пединститут им. В. Потемкина. Автор восьми поэтических сборников и десяти книг для детей. Постоянный автор «Континента». Последние годы живет в Израиле.

А чуждое лето,
Без гроз грозовое,
Где думать смешно
О любви и покое,
Цветет так пестро,
Так обманчиво тихо,
Что память — не память,
А лгунья, шутиха.

* * *

Ваш поезд оторвался от вокзала.
И места нет ни вздоху, ни упреку.
Как мало память мне о вас сказала,
Но я уже от вас неподалеку.

Наш век отколесил, расставшись с вами —
Такими прошлыми и молодыми.
Неузнаваемыми легкими руками
Обнять бы вас, свое напомнить имя.

Как липнет сквер ко мне в предвестье мая,
Как память зимняя взыскует пищи,
По Трубниковскому бредет, хромая,
У темных тупиков подсказки ищет.

Но лиц не видит, только плечи, спины.
Во времени чужом мы инородцы.
Игрушечный вагон из красной глины
По рельсам поролоновым несется.

* * *

Конец не за горами,
Додремываю жизнь.
Твержу себе: «Держись
Последними дарами».
Поэт сказал: «Не спи»,
В бессоннице покорной
Я по квартире черной
Брожу, как на цепи.
Трехмесячная жизнь
Сопит в кроватке внука,
Не спит чешуйка лука,
В луче луны дрожит.
А что не за горами —
Не видно из-за гор.
Как не заметен сор
В ночной оконной раме.

В доме творчества

То ли отклеиваются обои,
То ли мыши резвятся,
То ли с самою собою
Никак не могу развязаться.

Где-то кого-то зовут к телефону,
Где-то шуршит страница,
Ясень-подросток склоняет крону,
Завтра он мне приснится.

Глядит на меня и листвой моргает,
Тихий, ни в чем не перечит.
Кто-то поет: «Прощай, дорогая»
На вечном моем наречье.

Роща машет сухими ветвями,
Серчает или винится?
А за горами, а за долами
Ждет меня птица-синица.

Навстречу мне кинется, затрепещет,
Жаворонком заплещет...
Пора в чемодан заталкивать вещи,
Сбираться в свой город вещий.

То ли в комнате шарит урка,
То ли копают грядку,
То ль осыпается штукатурка...
То ли пора на посадку...

* * *

Лес за окном — зеленая заплата
На платье, прохудившемся когда-то,
Мне сшитом в детстве из льняных лоскутьев...
Но мой язык соскучившийся скуден,
Как деревце ленивое граната,
Надумавшее вдруг на третий год
Краснеть и зеленеть, да вяжет рот.
О чем я? Как сравнить густой настой
Июньской зелени зелено-голубой
С тем морсом розовым, в бутылке разведенном,
Клен неуемный с тем рододендроном,
Что чувствовать спешит, покуда жив,
И жить торопится, скупой воды испив.

Пошивочные кончены дела.
Я память залатала, как могла,
Уткнулась в свой надежный круглый фикус...

Да вот опять забытый этот привкус.

Обратная перспектива

Что видят горы, глядя на меня
И на тебя, на бугорки-домишки?
Вбирают ли в себя причуды дня
И взгляды окон — пятнышки и вспышки?
Что видят горы? Нашей кутерьмы
Хранят, быть может, черепки и клочья?
А, может, по ночам им снимся мы,
И что-то нам, глухим, они пророчат?

* * *

Уходящие уходят навсегда,
А входящий входит на мгновенье.
Не боится Страшного суда
Времени расчетливое рвенье.
На кого охотится метла,
Сжатая Рукой беспрекословной,
Нам ли знать, когда под ней мы, словно
Мелкий сор, сметенный со стола.

Где убежище, где те окопы,
Чтобы нам входящего сберечь,
Где та нерастопленная печь,
Чтобы нам не полыхать всем скопом?
Как ребенком верила во встречи
В первую недетскую войну,
Так не буду Времени перечить —
Просто уши пальцами заткну...

* * *

За семнадцать лет я не поняла,
Почему метель, как метла, мела,
Почему она среди бела дня
Дом продула настежь, вымела меня.

И метель бела, и жара бела,
За семнадцать лет я не обрела
Под ногами тверди и над головой,
Снег песком прикинулся, а песок — травой.

Разве вызов вьюги я не приняла?
Белую перчатку сходу подняла.
Только поединок проиграла ей.
Вновь она резвится, белого белей.

Правда, что за разница снег или песок,
Не напрасно я не жалела ног,
На горе нашла уголок стола,
И тетрадка школьная, как зима, бела.

ЧТО ГОВОРИТЬ...

* * *

Мой друг, мне снится иногда
Мой двор и детские качели.
Они качаются тогда,
Поскрипывая еле-еле.

Дорога снится в шуме дня.
И каждый раз так происходит —
Дорогой той, забыв меня,
Мои родители уходят

И пропадают без следа.
Качель застонет и споткнется.
И никогда, и никогда
Мне их догнать не удается.

* * *

Просто так на качелях качаться,
Просто так до подъезда дойти,
И ни с кем уже не повстречаться
На знакомом и близком пути.

Просто так уходить спозаранку
В переулок, в метро, в переход,
Не выкручивать жизнь наизнанку
И не думать, что кто-нибудь ждет.

Просто так, без тоски и кошмара,
Посмотреть за ночное окно,
Где гуляет влюбленная пара,
Будто в сентиментальном кино.

Просто так, с ощущением рока,
Соглашаясь и вторя ему,
Говорить, что любая дорога
Обязательно канет во тьму.

Николай ДЕГТЕРЕВ — родился в 1986 г. в поселке Шексна Вологодской области. Стихи публиковались в коллективных альманахах и сборниках. Участник форумов молодых писателей России. Учится в Литинституте. Живет в Москве.

* * *

Комната будет бела,
Комната будет сиять,
В комнате будет юла,
В комнате будет семья.

В комнате будут цветы,
В комнате будет июль,
Дети и, взрослая ты
В тихом семейном раю.

Мне же, куда мне сбежать,
Другу чужбин и утрат?
Как мне тебя потерять,
Дом этот, рай этот, клад?

Как мне избавиться от
Этого светлого дня?

В комнату смерть не придет,
Если не будет меня.

* * *

Из рам несорванных, из темных помещений
Смотрели белые, слепые потолки,
Дома стояли, жуткие, ничейные,
Как призраки — прозрачны и тихи.

Но музыка, негромкая и горькая,
Как воздух осени, промозглый и сырой,
Звучала в этих зданиях и двориках,
Где память тыкалась, не помня адрес свой, —

О том, как пьяные, хмелея до беспамятства,
Под плач гармони пели о войне,
О том, как дети перед красным знаменем
Торжественно клялись родной стране,

О том, как, тихое, на лесенках и кухоньках,
Звучало сказанное: «Я тебя люблю»...
Как будто сохранить хотела музыка
Чужую жизнь. Чужую и свою...

Дома снесли, и вот уже в песочнице
Другие дети строят города.
И музыка — растаяла и кончилась.
И жизнь прошла. Неслышно. Без следа.

* * *

Что говорить, встречались, разошлись.
А может быть, осталось что-то? Может...
Хотя... «она вас больше не тревожит».
Мечты, как говорится, не сбылись.

Что говорить, зеленая вода,
Нева, мосты, ампир и все такое...
И двое — над ноябрьскою рекою...
Что говорить, исчезло навсегда...

Но вспомнишь все — и кажется тотчас:
А может, мы и не были такими —
Влюбленными, счастливыми, иными?
И что вода не отражала нас,

И что, как век назад, она текла,
И жизнь текла, похожая на кому, —
Вне нас, без нас, над нами, по-другому,
Без божества, без чувства, без тепла,

Что губ твоих не пил и не кусал,
От запаха не млел, не полоумел,
Не знал тебя, не видел, не искал,
Не потерял, не тронулся, не умер...

Приду в себя... и вымою посуду.
Побреюсь, причешусь, включу кино.
Что — говорить? Не важно. Все равно.
Но говорю. И говорю. И буду.

* * *

Стоять у окна, и смотреть, и смотреть, и смотреть,
И с каждой минутой стареть, и стареть, и стареть.
И думать о том, что наверное все решено.
И легким движеньем внезапно свалиться в окно.

И вниз головою лететь, и лететь, и лететь,
Чтоб жизнь наугад в одночасье о камень стереть.
И робких прохожих пугая дыханьем своим,
На голом асфальте зачем-то остаться живым.

А после, к заклеенной раме башку приклоня,
Глядеть, как старушки на лавке гундят про меня,
Как старая мама посуду за мной уберет
И, будто ребенка, в коляске гулять повезет.

* * *

Сане Иванову — поэту и рыболову

Тихо и спокойно у реки.
Догорает солнце вдалеке.
Долго-долго курят рыбаки,
Взгляд остановив на поплавке.

Раз-другой потипает — и взял!
Подсекай! Сорожка? Окунек?
«Ваське хватит». Удочку собрал
И пошел до дому паренек.

И куда несутся все вокруг?
Так бы все сидел бы и сидел...
И не то, что жизнь свою, мой друг,
Даже смерть свою бы проглядел.

* * *

Когда я отчаюсь, так ясно представится мне
Знакомая местность и северный вечер короткий,
Развалины храма, где вьюн обвивает решетки,
И тихая речка, и поле на той стороне.

Как часто, от вечных сомнений пытаясь спастись,
Сюда убегал я дышать этим воздухом хвойным,
И вдруг становился таким неподвижно-спокойным,
Как древние сосны, навек устремленные ввысь.

И глупый мой страх пропадал неизвестно куда.
Душа оживала и высшего мира хотела.
И ясно мне было, что нет человеку предела,
И ясно мне было, что смерть не придет никогда!

ВРАТА

= Где, где? Да, ну! Было же сказано: «Входите тесными вратами»! А это что!? Сюда не танк, сюда линкор пролезет. Мимо, мимо, идем дальше, искать надо, где они, тесные-то... Давай этой дорогой. Что там вдали? Жаль, света мало. Подойдем поближе.

Действительно, было темно. Не черно еще, но серо. Неприятно серо. Собственно, лучше бы уж совсем ночь, а то не поймешь что...

Гравий скрипел под ногами.

= Жека, слово забыл... Как это, когда ни то ни се? Господи, ну... На языке вертится... ну, умирание такое, понимаешь? Когда свет высасывается...

= Сумерки.

= Вот! Молодец! Сумерки! Хорошее слово — СУМЕРКИ... А можно — УМЕРКИ... Когда солнце закатилось, как умерло. А кстати, где оно село, справа, слева? Не ориентируюсь — где Запад, где Восток... Не помнишь?

= Смотри, вон ворота.

= Где, где? А-а... эти? Да ты что! Это не наши. Это арка, а не ворота. Там за ней все то же — как здесь, так и там — гравий. А должна быть перемена.

= Ты устал. Посидим?

= Жека, здесь не на что сесть.

= Ну, постоим.

= Давай постоим. Курить очень хочется. Я папиросы потерял. Ты мне принесла, а я потерял.

= Ничего ты не потерял, ты их мне отдал, они у меня в сумке... вот они.

= Родная моя, спасительница! Славно! А спички?

= А вот спичек нет.

= Как? Как это может быть!? Как же я прикурю? Жека, поищи, они там.

= Нет, спичек нет.

Был серый свет. Скрипел гравий под ногами. Справа стояли деревья без листьев. Слева — далеко — были видны большие строения без окон...

Сергей ЮРСКИЙ — родился в 1935 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский театральный институт. Народный артист России. Работал в Большом Драматическом театре им. Горького (Ленинград). С 1978 — в Московском театре им. Моссовета. Как прозаик дебютировал в 1977 году. Автор нескольких книг прозы и многих повестей, рассказов, воспоминаний и статей, печатавшихся в центральных российских журналах. Член редколлегии «Континента». Живет в Москве.

Потом шли вдоль стены. Из пролома вышел человек — в большой шапке, шея три раза обмотана шарфом, на плечах длинный плащ. Кашлял.

= Коллега, у вас спичек не найдется?

Шарф кашлял, плевался. Потом ответил:

= Не найдется, коллега. Я бросил.

= Курить бросили? — спросила Жека.

= Нет, спички бросил — там, у ворот. Зачем мне спички... теперь-то?

= Курить хочется, — сказал муж Жеки. — А что за ворота? Где это?

= Там! — сказал человек с обмотанной шеей и показал неопределенно назад, в пролом стены. — Была надежда, — продолжал, покашляв, — что они тесные... Там действительно тесно, не протолкнуться.

= В каком смысле? — спросила Жека.

= Толпа. Такая толпа... Слух пустили, что это и есть тесные врата. Ну, они и метнулись. И я тоже.

Муж Жеки громко захохотал:

= Какая нелепость! — пробасил, смеясь. — Глупая ошибка. У тесных врат не может быть тесно от людей, они не медом мазаны, в них соблазна нет. Они сами тесные, то есть очень незаметные, узкие. А тут, надо же, — «слух пустили!», «метнулись!» — Он ловко передразнил хриплый голос и интонацию человека из пролома и опять засмеялся.

= Во-о-от! — носитель шарфа тоже засмеялся. — А там ворота вроде футбольных, даже шире. Но раз слух пошел, нас не остановишь. Нас там собралось не тысячи, а, может, сотни тысяч. Заткнули все щели, намертво друг друга прижали.

= А тебя-то чего туда понесло, если ты все понимал?

= Так не видно — далеко же! Какие там ворота, может, те самые!? Вот стоишь — впереди одни спины, как стена. Движемся медленно. Очень медленно, редко, когда один шаг сделаем. Спросишь: «Почему так медленно?», — раздражаются: «А чего вы хотите, тесные же врата, а желающих — сами видите. Вы что, лучше всех, что ли?» Ну, и стоишь. Терпеть можно, но скука. Представьте себе, такая скука!

Он закашлялся. Извинился, отошел к стене и долго плевался.

Донеслось от стены:

= Я легкие еще тогда испортил, когда в натуре был, а все курил, курил... А тут твердо решил бросить, думаю, самое время, но сигареты еще оставались (кашель)... большой запас... И тут от скуки опять начал (кашель, плевки),.. вот, довел себя...

= Сколько же вы там стояли? — спросила Жека.

= Ну, как узнаешь!? Месяца четыре, а, может — больше. (Кашель.) У меня шесть блоков с собой было. Всё скурил. И сам, и угощал...(кашель)... Потом спички выбросил, чтобы не курить, а не помогло — пришлось одну от одной прикуривать (кашель). Чтоб огонь не угасал (кашель).

Человек в шарфе оторвался от стены и полез в пролом.

= Извините, невмоготу. (Преодолевая кашель.) Слышь, туда не ходи — безнадежно. Там с другой стороны ворот — СЕТКА. Они в сетку проваливаются, кто дошел, проваливаются, как в сачок, и там друг на друге барахтаются, и так всегда. — (Кашель доносился совсем уже издали). — Безнадежное дело. Мне знающий человек объяснил.

Жека и ее муж постояли, слушая, как удаляется кашель и скрип гравия.

= Ты устала? — спросил он.

= Совсем нет. Пошли. Я люблю ходить.

Шли и молчали.

Курить ему уже не хотелось. Он спрятал папиросу в карман — на всякий случай. Наверное, она там, в кармане, сломается... Ну и ладно, как будет, так и будет...

Он думал. Он умел думать. Думал о скуке.

Как и обернутый в шарф кашлюн, он тоже курил всю жизнь. Но не от скуки. Скука была, но вокруг. Внутрь не проникала.

Он был насмешник. И умел на время сделать насмешниками других. Тогда скука отступала. Такое свойство.

Он был... ... СТОРОННИЙ, вот что!

Если бывал с кем-то вдвоем, то он же был еще и третьим, который смотрит на этих двоих со стороны. Если сидели втроем, вчетвером, то он был еще четвертым, пятым, который разглядывал компанию снаружи. И было немного печально, но еще и очень смешно.

И если множество людей располагались за столами, и в креслах, и на диванах в большой светлой комнате, ели, пили, курили, говорили, и сам он среди них ел, пил, курил, говорил и забывался на время, но потом, когда начинались повторы еды, питья, курения, разговоров, как будто патефонная игла зацепилась за бороздку и никак не может перескочить на следующую, тогда появлялся еще один участник — ОН САМ, но невидимый, и смешно было ему — СТОРОННЕМУ. Все смешны и он сам среди них.

И если в темном зале сидели рядами сотни людей и он среди них, и смотрели на освещенное возвышение, и если сидел за длинным столом на освещенном возвышении среди десятка избранных, и если стоял там же на свету за трибуной и говорил, а те, что сидели в зале, слушали, — всегда за его спиной тенью стоял он же, СТОРОННИЙ.

Он давно забыл когда-то любимую математику, но мерещилось неопределенное число /n/, и он думал о том, что даже если было /n/ людей.., персон.., личностей.., то появлялся еще один под номером /n + 1/, которому становилось смешно все, что творят /n/.

...Вот, вот, вот... Когда появлялся этот посторонний, хотелось курить. Появлялся он часто, поэтому курил много. Никак не от скуки, наоборот — от радости. Скорее даже, от предчувствия радости — вот сейчас начнется! И хотелось чуть задержать это предчувствие, слегка растворить его в дыму.

Тогда он не думал, что это грех. Наоборот, это было как дар. И он гордился этим даром. Смехотворство — грех, и гордыня — грех. Гордыня и смехотворство — два греха. На суде это стало ясно. Но ведь он и признал!

И осознал, и признал. При этом никогда не думал, что это он один такой, что ему одному дар. Он встречал подобных людей, чувствовал их по одной фразе, по внезапному хмыку, по мелькнувшей улыбке, по проблеску в глазах. И радовался, что дар поделен, что есть, с кем соединяться. И стало быть, явление ПОСТОРОННЕГО — не выдумка, не мираж, а кусок или хоть осколок истины.

Какой же грех?

И все-таки грех — на суде объяснили. Он, может, не до конца все понял, но начал понимать. И признал, так? А что теперь? Окончательное решение, видимо, оттягивается... Да. Так... От чего потянулась эта нитка мыслей? — Ах, да! От курева! Курить-то он начал ой как давно, тогда все курили. Голодно было. А что заменит еду? Только курево и заменит...

= Жека! — крикнул он, — Куда ты так несешься? Вроде, не опаздываем.

Жека ушла шагов на сто вперед и приблизилась к какой то продолговатой бесформенной массе.

= Смотри! — крикнула Жека. — Лодка!

Он побежал. Ноги работали хорошо. Неплохо. Он не гнал, не задирал коленей. Не бег, а пробежка. Однако дыхание сбилось почти сразу. Даже хриплый призвук появился на каждом шагу — ёкал. Еще хорошо, что пота здесь не полагалось, а то уже был бы мокрым.

= Большая лодка, — снова сказала Жека.

Оно лежало на боку — длинное, высотою в два человека, обветренное, обугленное, очерненное.

= Нет, это не лодка... Где же палуба и мачты?

= Ну, наверное, с той стороны....

= Да нет, это другое.... — цельное, закрытое....

Он поднял камешек гравия и острым углом стал царапать копченую поверхность. Трудно отскребывалось, он был настойчив, и, наконец черные чешуйки начали отпадать, и промелькнуло исподнее... ...

Стекло!

Он взял и второй камешек в другую руку, и еще Жека подхватила два. Работали в четыре руки.

Стекло!

С внутренней стороны буквы:

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!

= Греческий, что ли? — изумленно пробасил он.

= Да нет, это зеркально... это изнутри надо читать... — догадалась Жека. — НЕ... НЕ ПРН... Нет! — НЕ ПРИСЛО...

= НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ! — прочли оба одновременно. И стало очень радостно от понимания:

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!

= Это метро! — крикнул он. — Вагон метро! Вот так штука! Откуда он?

Ну да! Это дверь, которая открывалась и закрывалась на остановках. А надпись, чтобы не прислонялись, а то можно выпасть.

= Замечательно, — сказала Жека.

Из-за вагона вышли двое — тоже мужчина и женщина — оба в фуражках и в совершенно закопченных, но очевидно форменных шинелях.

= Чего надо? — спросила женщина-шинель.

= Это метро? — он двинулся к ним навстречу.

= Конечно, что же еще? Зачем портите вагон?

Он засмеялся:

= Полагаете, его можно испортить!? Помилуйте, он сверкает и, кажется, вполне рад нашим прикосновениям.

Жека подхватила:

= Мы хотели очистить кусочек.

Мужчина в фуражке осматривал обнажившееся стекло.

= Посторонним здесь нельзя, — пробурчал он. — Объект на ремонте. Придут мастера, сделают как надо. А вы камнем скребете. Это хулиганство.

= Ну да, ну да! — сказал муж Жеки. — Примите наши извинения. Да, камнем... инструмента под рукой не было. А вы, стало быть, сами не мастера?

= Мы транспортники, — строго сказала мужская шинель. — Починят, поставят, будем класть рельсы.

= Вот как! — восхитился муж Жеки. — А что внутри там — мотор есть? А электричество откуда?

= Откуда надо, — грубо произнесла женская шинель, подходя к ним. — Не ваше дело. Отойдите от объекта!

Муж Жеки улыбался.

= Дорогая моя, объект не может существовать без субъекта, это элементарно. А мы как раз субъекты.

= Оно и видно, — буркнул мужчина в фуражке. — Ладно, идите, куда шли. А то начинаете: где мотор, откуда электричество... Придет служба тяги, будет и мотор. И электричество будет, тогда и потянем рельсы.

= Жека, нам повезло! — Муж, смеясь, обнял ее и звучно поцеловал в лоб. — Тут все спланировано, все службы на подходе. Включат моторы, протянут рельсы. А куда протянете? — обернулся он к фуражкам. — Прямо к воротам? Или еще дальше — за ворота планируете трассу? И направление знаете? Куда пойдет дорога? Где ворота?

= Это служба пути знает, — не подымая глаз, твердо брякнула мужская шинель.

= Так и хотите въехать в тесные врата в широком вагоне?

= Мы транспортники, — глухо сказал мужчина, — у нас путь рельсовый.

Муж Жеки хотел еще что-то сказать, но она прижалась к нему и закрыла руками его рот:

= Перестань! Не ввязывайся. Это поразительно, как ты находишь конфликты даже здесь. Он обнял ее за плечи и повел прочь от вагона.

Обернулся и крикнул:

= Удачного ремонта, счастливого пути! — наклонился к уху Жеки, нежно прикусил мочку зубами и, смеясь, прошептал тихонько: — Подумай только, какие дураки...

= Не насмешничай, — сказала она и слегка потерлась щекой о его бородку. — Люди разные.

Шли рядом, и он обнимал ее за плечи. Крупная галька под ногами делала шаг неровным, они спотыкались, но это ничего... все-таки шли рядом.

Вообще-то, им повезло, им дана встреча. Это можно было назвать счастьем, или, по крайней мере, удачей.

Они шли рядом. Он обнимал ее за плечи. Он чувствовал, что тело ее изменилось. Очень. Она стала шире, мясистее. И он изменился — это он тоже понимал — его длинная рука почти лишена мышц, уменьшился некогда высокий рост, усохла фигура.

Когда-то они были ровесниками. Теперь она была старше его лет на пятнадцать,.. двадцать... Они все как-то не решались толком поговорить об этом... Она успела увидеть много неведомого для него... (надо бы узнать, расспросить)... Но зато у него много больше здешнего опыта... И все-таки... все-таки... им дано было встретиться здесь, это немало... Может быть, это и есть... решение... прощение?.. Все-таки... идти по серой гальке вдвоем... ВДВОЕМ... это ведь не всем дается...

Они оба одновременно обернулись.

Вагон темной полоской лежал уже далеко позади. Две крошечные фигурки, как детские оловянные солдатики, торчали возле него.

* * *

Шли. Вагон больше не был виден, и во всем обзоре во все стороны не было ничего. Только черная земля, покрытая галькой, и серый свет над ней.

= Знаешь, что меня удивляет, — сказала Жека, — что есть не хочется. Мы же ничего не едим, а я совсем не ощущаю голода.

= Да-а,.. это сперва удивляет. Потом привыкнешь.

= Нет, я не возражаю, это даже хорошо в каком-то смысле... масса времени высвобождается...

= О, конечно! — пробасил он. — Столько дел можно переделать!

= Вот ты смеешься надо мной...

= Да нет! — Он остановился и прижал ее к себе. — Не смеюсь над тобой. Я шучу. Здесь это не принято, но с тобой можно. Ты новенькая.

= Ну ладно, шути, раз тебе нравится...Только осторожно... Здесь я новенькая.., но вообще-то я уже старенькая.

Раздался странный шуршащий звук. Они замерли. Пустым, без запаха, ветром подуло справа. Издалека быстро приближалось непонятное существо, размером с небольшую собаку. Цеплялось за камешки, перекатывалось, кувыркалось, потом подпрыгивало... И вдруг взмыло кверху, полетело и спланировало наземь почти у самых их ног. Это была половинка пустой картонной коробки. Бывшая упаковка... винных бутылок, что ли? Или из-под конфет? Шершавые бока и два острых угла — ими она и цеплялась за камешки. Теперь крепко зацепилась. Покачивалась нерешительно на ветру и, будто даже, с любопытством разглядывала двумя дырками обнявшуюся парочку, и покачивание напоминало хитрое и укоризненное: «Ай-яй-яй!»

Дунуло круче, и обломок ненужной тары, махнув им картонным крылом, прыгнул раз,.. два... и опять покатился, шурша, ударяясь о камни теперь уже в левую часть пустоты. Ветер слег, и стихло.

= Ты давно очки носишь, Муха? — спросил он.

Иногда он называл ее Жекой, а иногда — это он теперь внезапно вспомнил! — иногда звал Мухой.

= Очки?

Она удивилась. Сняла очки и с недоумением разглядывала их.

= Да, давно...

Она снова надела очки. Стояла в задумчивости, вспоминая... Вспомнила... Посмотрела ему прямо в глаза сквозь стекла и сказала твердо:

= Очень давно. Сперва только для работы были, я ноты плохо стала видеть. А потом вторые пришлось заказать — для дали. Эти — для дали.

= Ну что, пойдем, Муха? — сказал он.

= Конечно, конечно, — ответила Муха и взяла его под руку.

На этот раз очень долго шли молча. Было пусто.

II

Серое пространство воздуха уменьшилось — снизу его подрезала четкая более темная полоса, как будто бесконечно длинный прямоугольник черной земли отломился, приподнялся и встал дыбом.

Забор?

Заслонка?

Ширма?

Стена?

Стена и оказалась. Необозримая в обе стороны, высокая, угольно-черная. Подошли поближе, и блеснул в стене другой прямоугольник — вертикальный, узкий, чуть выше человеческого роста, поблескивавший вкраплениями серебристого металла. И в прямоугольнике — еще поближе подошли — ЩЕЛЬ.

Знак?

Просвет?

Дыра?
Дверь?

= Жека! — сказал он и надолго замолчал.
Было очень тихо.
= Жека! — снова сказал он. — Остановись здесь. Я пойду, посмотрю.
Он насчитал сто тридцать двойных шагов, когда приблизился к двери. Вокруг была чернота, а прямоугольник посверкивал. Нет, это была не дверь. Это была тяжелая гладкая плита, плотно втиснутая в стену. В центре ее — почти от земли и в высоту его роста — непостижимой силы... резец... зубец... коготь... прочертил рваную сквозную царапину. ЩЕЛЬ. Неровные края ее серебрились, кололи глаза. А в просвете, в дыре, там, за толщиной плиты, стены было... было... Он стал подыскивать слово... и не смог подыскать... Он давно отвык бояться, но вдруг испытал страх и очень этому удивился. Он испугался за Жеку... за Муху,.. за тот миг, когда она подойдет сюда, увидит ЩЕЛЬ и то, что за плитой и тогда она может сильно испугаться. Она, наверное, еще не отвыкла бояться. Может быть, нужно не дать ее подойти, велеть, чтобы стояла там, или даже отогнать ее подальше. Он потом ей все объяснит... Но еще больший испуг охватил его при мысли, что он так и не найдет СЛОВО, которое бы объяснило, что он видит там, за плитой... «Неужели они железные?» — подумал он про тесные врата. Он сделал самые последние, самые короткие шаги к стене, и мысли в голове его не унимались — «А какие они должны быть, врата? И из чего они должны быть? Из белого кирпича? Из бревен? Из досок? Из яшмы? Из оникса? Изо льда? Из еловых веток? И почему обязательно представлялось что-то прямоугольное? Почему? Это может быть... труба! Или овал. Или вот эта ЩЕЛЬ... и то, что за ней... Там было... было... Он опять не находил слова. Там был... сгусток (вот, нашлось слово!)... Сгусток! Но сгусток — чего? Он не мог ни понять, ни подумать об этом.

Жека смотрела издали и удивлялась его неподвижности перед самой дверью. Она хотела окликнуть его, но не знала, как это сделать. Нет, она, конечно, знала его имя, но было еще другое обозначение, было слово, которым она называла его в долгие годы их последней реальности, когда их дети были маленькими и даже потом, когда дети стали большими. Он ведь назвал ее Жекой, Мухой... и у нее было для него какое-то свое особое слово. Это было теплое слово, и она никак не могла его вспомнить. А просто выкликнуть его имя — в этой пустоте! — это слишком холодно. Это не выражало той благодарности, которую она испытывала к нему — за то, что нашел ее здесь, за то, что вел ее за собой, за то, что осмыслил их общие хождения, отыскивая такие нужные ему ворота. Она не находила зовущего слова и поэтому молчала и ждала.

Он провел рукой по краю щели. Холодный неровный царапающий металл. Щель узкая. Не пролезешь... Хотя... нога, конечно, пройдет сво-

бодно... Голова, пожалуй, тоже... пройдет — в верхней части было расширение... Если осторожно, то можно даже не пораниться. Но вот корпус... плечи... Нет, не пролезть. Весь обдерешься и зависнешь на колючих крючках, которые торчат по всей длине. Не пролезть... Хотя...

Вдруг он осознал, что щель не совсем бесформенна. Она как бы вырезана по лекалу его тела, только очень узкая.

Осторожно — правой ногой — он шагнул через порог металлического выреза, носком ботинка нащупал твердую площадку на той стороне — тоже очень узкую. Но вся тяжесть тела приходилось на левую ногу, а левая-то оставалась еще по эту сторону стены. Не пролезть — узко.

И тут же тело напомнило, что оно само давно уже сузилось, ссохлось... Это прежнее его тело ни за что не прошло бы здесь, а нынешнее...

Можно попробовать... «А Жека?» — сверкнула в голове мысль. Ее тело, наоборот, расплылось, расширилось. Он войдет и позовет ее за собой, но ей совершенно невозможно будет преодолеть этот колючий вырез.

Мысли побежали цепочкой ====== вот что такое «тесные врата» — это выбор, это поступок, последний шаг, окончательное прощание, последнее одиночество. Надо перенести свою почти невесомую тяжесть с левой ноги на правую. Один шаг. Это обмен всего, что осталось на... на что? Это и есть те врата, которые он искал так долго? А Жека? Ей не дано? Тогда зачем же дана была им встреча?

Очень медленно, вывернув шею, просунул он голову в как бы специально раздвинутую для головы трещину. Впереди ничего не было. Осторожно перевел он взгляд вниз, боясь ступить всем телом на правую ногу. Внизу тоже ничего не было. Не было и земли, покрытой галькой. Была глубина и чернота. И в ней... кишело. Звука не было, и не было формы, но было ужасное чувство — там кишело.

= Папико, ну что там? — крикнула Жека.

Он услышал голос и услышал забытое свое прозвище. Как на экране, мелькнуло внутри его глаз море с несильным прибоем, дом на горе с короткими белыми облупленными колоннами, и они идут по пляжу навстречу друг другу, хрустя крупной светлой черноморской галькой под ногами.

Сердце подпрыгнуло, потом упало, а потом часто и мелко заколотилось внутри, как застоявшийся механизм часов, пружину которого вдруг напрягли уверенным поворотом крепкого ключа.

Он вспотел (здесь же никогда не потеют!?), очень медленно повел голову обратно, к левому плечу. Острый шип надрезал скулу, и струйка крови потекла по щеке (здесь же никогда не течет кровь!?)

«Неужели не пройдет? Неужели застряну?» — быстро думал он.

= Папико, я иду к тебе! — крикнула Муха.

Зацепившись еще виском и подбородком, он ВЫНУЛ голову из щели.

«СОБЛАЗН» — мелькнуло слово. Он не мог охватить всей его многозначности, но убежденно повторил его про себя: «СОБЛАЗН».

Затекшую правую ногу он тоже вытащил из щели... и наконец... облегченно перевел дыхание.

= Я уже стала волноваться, — говорила его жена, подходя. — Что там такое? Это не они, не ворота?

Он смотрел на нее и улыбался. Он хотел произнести непомерно трудное слово

«СОБЛАЗН», но губы выговорили другое: «Обман».

= Обман, Муха. Пойдем, — он улыбался.

= У тебя кровь на щеке.

Он улыбался и утвердительно тряс головой

= Это не то, да? Ну, пойдем... Куда?

= Мы... пойдем отсюда. А куда... будет видно. Может быть, будет видно.

III

Город был неинтересен. В домах, естественно, никто не жил. Люди неопределенно слонялись по улицам, и людей было не очень много. Иногда собирались группами и переговаривались, но больше ходили в одиночку. Двери в домах и ворота в подворотнях были распахнуты настежь, но ими никто не интересовался — ничего важного не может быть в городе. Люди заходили в магазины, но там ничего не продавали и поэтому ничего не покупали. Были рестораны. Были и кафе. Но ни у кого никогда не возникало чувство голода. Наверное, поэтому не было ни поваров, ни официантов. Стояли столы, но стульев не было. Кое — где стояли намертво вросшие в землю машины, автобусы. На площади стояли даже два трамвая — № 39 и № 39-а. люди входили иногда в эти застывшие мобили, но там было неуютно — сидения везде были сняты.

Был театр — без кресел в партере. Целая толпа, стоя тесно, смотрела на сцену, по которой бесконечной цепочкой слева направо шли люди, приветственно махая правой рукой смотрящим.

В городском парке было много качелей — доски, подвешенные на железных трубах и веревки, чтобы держаться. Все качели были заняты. Стояла даже небольшая очередь. Качались лихо, высоко взлетая, и качели скрипели и повизгивали. Этот звук разносился по всему городу.

Пробежала собака, тяжело дыша и роняя слюну с длинного языка. Видимо, ей было жарко. И многие спрашивали друг у друга — откуда могла взяться собака? Как это может быть? Ответа не находилось, и люди опять шли к качелям.

Жека и ее муж пересекли город насквозь и снова вышли в пространство. Сперва было ровно. Потом справа и слева появились камни — по всему обзору, до самого горизонта. Они шли, и камни по обе стороны становились больше, как будто росли, и камней этих становилось все

больше. Постепенно оказались вроде как в каньоне, в ущелье. Теперь их путь обтекали высокие бугристые склоны с торчащим в расщелинах сухим безлистным кустарником.

Склоны становились все выше, и уже не видно было, где они кончаются. Полоска серого неба была только прямо над головой.

Неожиданно оба, враз, остановились.

= Ты видела? — спросил он.
= Я услышала, — сказала она.
= Белый свет, — сказал он.
= Был звук, — сказала она.
= Слева, — пробасил Папико.
= Да, слева, — шепнула она.

Они повернули назад и прошли осторожно десяток шагов, приглядываясь и вслушиваясь. Серая скала в тишине медленно двигалась перед их глазами. И вдруг рассеклась ослепительно яркой бело-желтой полосой вдали. Полоса не имела конца ни внизу, ни вверху. И стал слышен мягкий длящийся аккорд непонятного многострунного инструмента.

Бесконечно долго стояли они неподвижно. Полоса не исчезала, и аккорд висел в воздухе.

Глаза привыкали, и стало видно, что сквозь скалу ведет тропа, очень узкая, но все-таки вмещающая двоих.

Они переглянулись, помолчали и поцеловались в губы.

В его голове мелькнуло слово: «ЭТО». А она просто доверилась сочетанию звуков аккорда и его взгляду.

Они тронулись по тропе. Скалы пропускали их, но все время напоминали о своем присутствии. Он слегка терся о камни левым плечом, а она правым. Он думал, а она слушала его мысли — вот что такое «врата»... это луч... это меч, рассекающий все надвое и сопрягающий воедино... Но в луч нельзя войти... это только мечта, недостижимый предел, образ...

А тропа сужалась. Уже жестко камни с двух сторон теснили их друг к другу. Луч... меч... Светящаяся нить слепила и манила издали.

«Здесь нет входа двоим», — думал он, и она слушала его мысли. — «Здесь нет входа и одному. Это невозможно... мне... нам»

И однако, они шли, и камни вдавливали их друг в друга.

«Превращение», — вспомнил он слово — Двое станут одним телом, и тело превратится... Только тогда можно пройти... войти... Это нельзя понять, но... только превращенные могут войти..

Луч был уже близко. Сама тропа, по которой они шли, превращалась в нить. Камни с двух сторон обретали мышечную силу, упругость и мягкость. Они давили и обволакивали, претворяя их в единое.., в одно... в уже несуществу... ю ... .

Луч еще горел во всю бесконечную вертикаль. Многострунный звук еще висел в верхнем пространстве. Но если бы нашелся некто, стоящий в ущелье и вглядывавшийся в тропу с ее конца, вернее, с ее более широкого начала, — не увидел бы этот некто на тропе ни души.

IV

Они не видели друг друга. Они больше не могли видеть друг друга. Они были одно. Они ничего не видели, кроме света. Везде был свет. Все было светом. Был звук. На что похоже?... На что похоже?... На что же похоже?... На шум крыльев большой стаи больших птиц. Они осматривались в этом свете, в этом плескании звука. Не было ощущения ног, шагов. Но можно было передвигаться — переноситься — скользить по стеклянному морю света. Внизу был плотный гладкий кристалл, но он тоже был светом.

Чего-то не хватало в этом бесконечном пространстве безмерной радости. Чего-то не было. Ах, вот что, не было... частей — оно ничем не расчленялось. Не было престолов, тронов, вообще не было никаких... существительных (? Не то!) Не было... ПРЕДМЕТОВ — (вот, вспомнилось это слово!) Предметов не было! Ну, допустим, облупившихся колонн... или какой-нибудь лестницы... Или (совсем другое!) — тех же камней... или дерева, пусть даже без листьев. Совсем ничего не было. Был только ясный свет и шум крыльев.

Они не видели друг друга — было слишком светло. Они не видели и себя. Но они чувствовали движение. Могли мыслить и слышать. Это было удивительно.

ОНА. Мы пришли?

ОН. По всей видимости.

ОНА. А это мы?

ОН. Трудно сказать. Может быть, это уже не совсем мы. Возможно, это наши души витают в свете абсолютной истины. Тебя устраивает такая гипотеза?

ОНА. Ты даже здесь насмешничаешь. Ты какой-то ненормальный.

ОН. Полагаешь, обстановка требует нормальности?

Все было светло и ясно. Не было тени. Не было ни одного потаенного угла.

ОНА. А где мы вошли?

ОН (смеется басом). Я, Жека, именно сейчас о том же самом подумал.

Тот луч, навстречу которому они шли, теперь был везде. Его нельзя было различить среди бесчисленного множества таких же остро отточенных лучей... мечей, нерасторжимо прижатых друг к другу. Так где же был их вход? За этой мыслью маячила вторая, неопределенная, но неотвязная — там, где был вход, может быть, есть и... выход?! Обратно... туда...

ОНА. Теперь все так и будет?

ОН. (Он не ответил.)

ОНА. Мне будет трудно. Мне слишком светло.

ОН. Мы так долго стремились к этому.

ОНА. К этому?

Шумели крылья. Гудел многострунный аккорд. И был свет. Ничего не менялось. Но вот (показалось, что ли?) в монотонном гуле обнаружились некие колебания, биения... Они стали формоваться в подобие внятности, и постепенно образовался ГЛАС, который был сам по себе, но при этом включился в их мысли и общение.

ОНА. Я сейчас все стала вспоминать.

ОН. Угу... Нам тогда многое не нравилось. Мы были такими глупыми, ведь было прекрасно... Или это теперь так кажется, и мы опять глупые?..

ГЛАС. Все позади.

ОН. Мы еще не освоились. Ей трудно. У нее не совсем в порядке глаза. Она даже носит очки.

ОНА. Ну, что ты говоришь? При чем тут очки?

ОН. Не знаю, как быть... Просто не знаю... Мы привыкли, что одно видно, другое не очень, а третье вообще спрятано... И потом, день и ночь... Солнце и тень...

ГЛАС. Начальный путь.

ОНА. Очень трудно, когда совсем все ясно.

ОН. Как нам быть?

ГЛАС. Путь не кончен.

Они не видели друг друга, они не видели и себя, но нет, нет! — Это фокус невозможного света, игра его преломлений и отражений. ОНИ ВСЕ-ТАКИ БЫЛИ! Они слились, но каждый чувствовал присутствие ДРУГОГО, значит, каждый был еще и сам по себе.

ОН. Муха, ты чувствуешь?

ОНА. Да... да... Да, да!

ОН. А что ты чувствуешь?

ОНА. Большая теплая ладонь на голове... Ты тоже ощущаешь?

ОН. Угу.

ГЛАС. Путь не кончен.

ОН. Я вспомнил комнату. Слышишь, Муха? Я вспомнил комнату. На столе стоит простая еда. Около стола стул, и я сажусь на него. Передо мной тарелка, и я накладываю в нее простую еду. Я хочу есть. В рюмку я наливаю водку из графина. Я хочу курить. Ты играешь на рояле. Я хочу слушать, как ты играешь.

ГЛАС. Все позади.

Большая теплая рука была на его голове. Большая теплая рука была на ее голове. Что, что? Канун блаженства или прощание с блаженством?

ГЛАС. Все позади.

ОНА. Папико, а где остальные... где все... наши?.. Ведь кто-нибудь прошел?.. Почему мы одни? Где они?

ОН. Я думаю, здесь, близко.

ОНА. Но я не вижу их...

ОН. Это нормально, Муха. Если мы не видим самих себя, как можем видеть их?

ОНА. Я всегда знала, что ты умный.

ОН (смеется басом).

ГЛАС. Путь не кончен.

Долгое молчание.

ОН. Простите нас.

ОНА. Простите нас.

На поверхности кристалла свет закружился, превращаясь в вихрь. От немыслимой скорости свет стал темнеть, образуя воронку в стеклянной тверди. Они приближались к ней, к воронке. Они оба одновременно поняли, что свет и шум крыльев — только форма, обрамление входа, врата..., врата все еще впереди, там, в глубине. В глубь! Вот направление!

ГЛАС. Тьмы больше, чем света.

ОН. Там бездна, да?

ГЛАС. Там глубина. В свете нельзя спрятаться от тьмы.

ОН. Свет и шелест — это только оболочка, только восторг, да?

ГЛАС. Там глубина. Мысль и покой.

ОНА. Покой?

ГЛАС. И мысль. Путь.

Вот уже и стало их завихривать. Но это не была беспощадная волна, они сами были частью движения.

ОНА. Тебе страшно?

ОН. Пожалуй... немного...

ОНА. Мне страшно.

ОН. Не пугайся, Муха! Проще надо смотреть на вещи. Сложное тоже не так уж сложно.

ОНА. Смеешься?

ОН. Угу (смеется басом).

Если бы кто мог видеть их в темнеющей воронке на стеклянном море кристалла в этом... этом, непередаваемом... ослепительном... бесконечном.....

А впрочем..., впрочем... это совершенно невозможно.

2008 год, январь–февраль

С КАЖДЫМ ГОДОМ МИР СТАРЕЕ

* * *

В книжице загнется страница,
Радио продолжит вещанье.
Мне шофер в любви объяснится,
Я ему кивну на прощанье.

Ты идешь, сливаясь с толпою,
С каменным лицом пионера.
Воздух над моей головою
Хлещет из кондиционера.

Как концерт бездарно невнятен,
Да еще тебя пригласила.
Сумерки расплывчатых пятен
Порождает бледная сила.

* * *

Запах моря, обрывки растений,
Над антеннами солнце встает.
После ночи несложных решений —
Сухопутного ветра налет.

Гром победы, стрельба, канонада
Растворились в ночной глубине.
Я прошу, пощадите, не надо
Выжигать все песчинки на дне.

В пыльном городе, в душной постели
Оголтело встречаю рассвет.
Незаметно часы пролетели,
Только сна долгожданного нет.

Надежда БОЛТЯНСКАЯ — родилась в 1963 г. в Москве. Окончила Московский инженерно-строительный институт. Автор книг «В осколках погибающих зеркал», «Я из породы длиннокрылых», «Пьяная ртуть», а также ряда публикаций в литературных журналах и антологиях. Живет в Москве.

* * *

Я смотрю в аквариум сквозь дым,
Кто-то курит, дышится с трудом.
Что мне делать с норовом моим —
То в обход, а чаще напролом.

Память привиденья достает,
Только ты не слушаешь меня.
Больно, тяжело закушен рот,
Все сидят, стаканами звеня.

Может, мы в кафе в последний раз,
Надоела злая кутерьма.
На толпу, на люди, напоказ
Я иду, слабея, без ума.

* * *

Слезятся от усталости глаза,
Стоит туманом сигаретный смог,
Как видишь, отказали тормоза,
Угрюмо нависает потолок.

Так зябко и некстати залатать
Прогалины на свитере моем,
Зимы неосторожная печать —
Беспомощно и холодно вдвоем.

Рекламы волновая беготня
Впивается в широкие зрачки,
Мучения сегодняшнего дня
Перемололись, страшно далеки.

* * *

Давно протекает лодка,
Уставшая плыть и плакать.
Стареющая красотка —
Ресниц расписная слякоть.

Как давят воспоминанья.
От них тяжелей и хуже...
Заношенные страданья
О старом суровом муже.

Кого-то еще любила,
Кого-то забыть не может.
Зимы бестолковой сила
Обиды в комод уложит.

Осталась еще товарка,
Что помнит и навещает...
Зимою бывает жарко,
Красотку зима прощает.

* * *

Мягкие кошачьи движенья,
Хищная повадка циклопа.
Блеск металла — знак умноженья,
Шла бы ты домой, Пенелопа!

Дома понабросаны шмотки,
И фиалка просит напиться.
Сон, конечно, грустный и кроткий.
Перестаньте, так не годится!

Сохнет без воды каланхое.
Я его полью из кувшина.
Господи, что это такое,
С треском отступает рутина!

* * *

Хорошим днем, осенним днем
Бредем по городу вдвоем.

Легки слова, рука в руке,
Шумят машины вдалеке.

Толпе неспешной мерно течь,
Порой звенит чужая речь.

Седеют листья желтизной,
Совсем не хочется домой.

Прохладный вечер, синева,
Почти воздушна голова.

* * *

С каждым годом мир старее,
По обветренной аллее
Мимо света, мимо тьмы
Все бредем за ручку мы.

Разыгрался март зимою.
Погоди, глаза умою,
Посмотрю на небеса,
Промечтаю полчаса.

Снег весенний все быстрее
Месит вьюга — ворожея.
Вот бы крылышки размять,
Только холодно опять.

* * *

Ночами в Москве не видно звезд.
Туман за окном бездумно прост.
Прожектор сверяет неба свет.
И нету луны, и ночи нет.

Я плачу, скулю, схожу с ума.
Бессильною стала я сама.
Красивая клетка клонит в сон.
Покой расплескался, обречен.

Я в небо смотрю, я вижу свет.
Но нету луны, и ночи нет.
Огни вдалеке — высотный дом.
Болтает листва с моим окном.

* * *

Надоела речей суета,
Я всегда чем-нибудь занята,
Электричка, платформа, вагон.
Набухает дождем небосклон.

Шумно давятся двери в проход.
Кто-то «Люди, подайте!» поет.
Неопасна вагонная вонь,
Коль лицо погрузилось в ладонь.

Я щекой обопрусь на кулак,
После сумку сниму кое-как.
Остановка. Скорее назад!
Кто-то рад, ну а кто-то не рад...

* * *

Когда еще не отряхнул
Подъезд макушку снеговую,
Забился, спрятался, нырнул
Циклон весенний вкруговую.

Мне отвечают зеркала
Большими светлыми глазами.
Преграду мутного стекла
Мы распахнем в природу сами.

Провал расширенных зрачков
Лучи весенние вбирает.
Как хорошо, не надо слов!
А снег все тает, тает, тает...

Прощание с пятиэтажкой

Прости меня, ива,
Простите, собаки и кошки,
Тебе помахала,
Родное синичье гнездо.
Я нетороплива,
Все книги, ботинки и ложки
Лежат, где попало,
И так начинать тяжело.

Раскладывать вещи,
Пылинки снимать безвозвратно,
Смотреть, как машина
Сминает все то, чем жила.
Куда уж похлеще,
Уже не вернуться обратно,
Своя паутина
Затянет. Такие дела.

Дмитрий КАЛЕДИН

ЙОКОХАМА

Посвящается моему отчиму
Александру Шнирельману

— Нюшка, падла! Опять ты нагадила!..

Наташа спустила ногу с кровати. Пятка мягко утонула в недавно отложенной куче. Французский бульдог Нюша вышла из своей опочивальни — кухни. Вытянулась вперед-назад, зевнула. Затем наклонила ушастую голову на бок, подумала и решила, что сейчас хозяйка будет наказывать. И даже, наверное, тыкать мордой в содеянное ночью. Обычно, просыпаясь, собаки залезают к нам на кровать для утренних игрищ. Сегодня Нюшка поприветствовала меня издали. Она завертела толстой бежевой попой со свинским хвостиком, а потом убежала от греха под стол и там затихарилась. Вспоминая на нелитературном русском языке нюшину маму, жена пошла на кухню за бумажными полотенцами и спреем от запаха.

— Давай я тебе Брамса включу? Говорят, очень полезно утром слушать классику. Успокаивает... — Я присел к компьютеру.

— Не сейчас, — ответила Наташа, стоя на карачках. — И не потом... Иди, лучше детей разбуди...

— Может, ты — детей, а я какашки потру?

— Ну уж нет! Я их вчера будила...

Так, значит, день начался. Главное — не забыть поменять колеса. Поставить зимние. Выпадет снежок или, не дай бог, приморозит ночью — и всё: с автоматической коробкой передач с места не сдвинешься. Заморозки в Монреале случаются за ночь. Вечером — солнышко и тепло, а утром, если колеса не поменял, — всё, с места не сдвинешься. Так что сегодня надо выкроить часок-полтора на замену резины. Опять же финансовый вопрос. Купить дешевые покрышки — на один сезон. Приобрести хорошие — дорого. Говорят, что бедные не могут себе позволить дешевые вещи: чаще менять приходится. В этот раз, наверное, притворюсь богатым. Авто у меня — «Додж Караван». Мини-ван цвета мокрого асфальта. В моем случае еще и грязного. Тачка — мой заработок: доставляю ленивым клиентам продукты из гастронома. Я думаю поставить японскую резину «Йокохама». Ее мне рекомендовал один знакомый, который в машинах классно разбирается.

Дмитрий КАЛЕДИН — родился в 1975 г. в Москве. Как прозаик дебютировал в «Континенте», № 84 (№ 2 за 1995). Живет в Монреале.

В эмиграции, и здесь, в Канаде, а уж в Израиле особенно, всегда есть соотечественники, которые на правах старших товарищей (раньше приехали) с апломбом дают советы. Причем во всех областям и направлениях. Оно бы и не плохо, да только те советы в большинстве — полная чепуха. Мы с женой по мере сил фильтруем. Отбираем только то, что говорят люди явно доброжелательные и проверившие информацию. Еще лучше, если они сами уже поступили так, как нам советуют...

— Нюша, Чуча, гулять!

...Да, забыл, плюс к Нюше, живет у нас еще йоркширский терьер Чуча. Полностью будет Чучундра, или Чучмек. Чучу колбасит от всего. Она маленькая: всего три фунтика (полтора кило). Характер, однако, имеет задиристый и гордый. Видимо, от совпадения этих крайностей Чуча никак не может определить свое место под канадским небом. Прятаться или нападать. Увидев другую собаку, комбинирует: сначала бросается с безумным лаем, а потом линяет от нее и в каком-нибудь углу трясется, как в инфаркте. Жена говорит:

— Продай Чучу. Все равно от нее никакого толку. Только посмотри на нее. Родить она сможет гусеницу, да и ту с кесарем, а какает очень часто...

Это, к сожалению, правда. Я регулярно выгуливаю собак и запираю Чучу ночью в клетку. Она же, на зло всем моим планам, умудряется еще поднадуться и отложить личинку на ковре. А жена мне когда еще говорила: «Хочешь заводить собак — нет проблем. Только научи их гадить на улице...»

Для такой строгости при разговоре со мной в том, что касается собак, у как правило мягкой жены есть основания. Просто скажу, что когда-то в Израиле в нашей трехкомнатной квартире оказалось семь собак. Два боксера, два спаниеля, мопс, йорк и английский бульдог. Жили мы на четвертом этаже без лифта. Гулять с этим стадом было не реально. К тому же я работал с шести утра и до семи вечера. Беременная жена непрерывно убирала за собаками...

Раньше Наташа вообще не очень любила собак. Кошек, признаться, тоже. Шесть лет тому назад я начал заниматься животным бизнесом, и жена к тваринам привыкла. Затем — полюбила. Сначала к нам попал персидский кот Мистер. Котюнька спал у меня на голове и драл коготками-иголочками одеяло. Лицо у него было удивительно плоское: блинок с носом, ртом и двумя огромными рыжими глазами. Иной раз, выпив вина и желая потешить публику, я мучил кота. Приставлял его голову вплотную к стене. Создавалось впечатление, будто котик растет из стены. Мистер любил корм «Роял Канин» и спать на компьютере. Не любил детей: они клоками драли из него шерсть. Охотился на тараканов. Если появлялся таракан, Мистер становился рысью. Бился с чудовищем до победного конца. Добычу складывал жене на подушку. Радости жены не было конца, когда перед сном она находила в кровати братскую могилу из пяти-семи в ряд уложенных тараканьих трупов. Тараканы в Израиле особенные. По семь сантиметров и летают. Жена боялась их панически...

Мышей в нашем старом доме с участком было в избытке. Кот их не ловил. Держал нейтралитет, попросту говоря, ужасно боялся. Мыши были вполне довольны тем, что кот ленив и их не ловит. Они обнаглели. Бегали по всему дому, дразня всех, кроме Мистера, своей наглостью. Мы решили научить кота храбрости. Я загнал очередную нахалку за кресло. Поставил жену с шваброй наблюдать чтоб мышь не слиняла. Притащил теплого, похожего на огромный кусок теста, сонного Мистера. Резким движением отодвинул кресло: мыш сидел в углу. Привыкнув за долгое время к полнейшей беспечности, он не проявлял особой тревоги. Я установил кота на позицию в метре от мыша. Тет-а-тет. Кот вздыбил шерсть, выгнул спину. Мы завороженно смотрели на природные инстинкты хищного зверя. Начали было вслух жалеть заволновавшуюся мышку. Однако, вместо стремительного прыжка с летальным для мыши исходом, котик начал пятиться мне под ноги. Я подтолкнул его назад, на арену. Он утробно заурчал, но на врага не пошел. Только еще сильнее выкатил свои и без того выпученные природой глаза. Попрощавшийся с жизнью мыш принял этот подарок господа и бросился в сторону вечно открытой из-за жары двери. Мистер с облегчением вздохнул и пошел к миске захрустеть стресс шариками...

* * *

Дом у нас гостиничного типа. Коридор на этаже длинный. По обе стороны — квартиры. До сих пор чувствуется запах масляной краски. Глупость человеческая и халтура — экстерриториальны. Это я понял ранней весной. Осень в Монреале сухая. Дожди и грязь, наоборот, весной. В апреле, в самый разгар грязного сезона, местные работнички притащили огромные рулоны коврового покрытия и стали менять его в коридоре. Светло-зеленое, оно замечательно подходило по цвету к моим найденным на помойке кожаным мебелям. Я начал примериваться, с какой же стороны ночью оттяпать себе коврика для плезира домашнего очага. Купил острый сапожный ножик. Шагами отмерил необходимый мне кусочек. Жена, узнав про мой план, на фотке детей поклялась со мной развестись. Сказала, что покинет меня навсегда, если хотя бы один квадратный инч этой синтетической дряни будет мной приватизирован. Пока шли семейные прения, домовладельцы уложили ковры. Но это были цветочки. Они решили заменить плитку около лифтов, на лестнице и в подвале-гараже. Неделю долбили молотками и даже отбойными. Пожилая консьержка-уборщица, охая и матерясь, неделю вычищала от бетонной пыли новый ковролин. И тут эти умельцы решили покрасить потолок и стены свежей краской...

«Остров сестер», на французском «Иль де Сёр», — сказочный уголок. Центр города в пяти минутах, а живешь, как в деревне. С десяток высоких домов. Остальное — частные виллы и трех-пятиэтажные здания. Лес есть. Для пущего естества рощицу специально не чистят от упавшей листвы и поваленных деревьев. Проложили дорожки, засыпали их на-

туральными большими опилками. Где весной-осенью притапливает, помосты сделали. Бумажки собирают. Да их собирать-то можно раз в месяц. А то и в два. Жителям в голову не приходит свинячить. Если только ветром шальную обертку или пакет целлофановый занесет. Посреди леска озерцо, камышами окруженное. В нем утки, цапли и полчища маленьких, с ладошку, золотых карасиков. Плавают небольшие, мордой похожие на собачек, усатые сомики. Рыбу никто не ловит. Даже кормить весь этот зоопарк, вопреки детским прихотям, нельзя. По выходным у озера дежурят юннаты. Если кто-то из гуляк хлебушек в озеро кидает, они вежливо на французском и английском разъясняют, что хлебопродукты не являются натуральной пищей уток и сомиков. Ути, мол, потом имеют несварение желудка. А иногда вечером золотые рыбки подпрыгивают в воде. Впечатление такое, будто вода стала красной и закипела...

Деревьев на острове очень много. Недавно видел, как муниципальные садовники еще досаживали. Измеряли расстояния между старыми деревьями. Где метраж позволял, новые кленки вкапывали. Вокруг и поперек острова — велосипедные дорожки. Как раз на одной из них Нюша примостилась покакать. Странная собака. Не может она с этим делом за один присест справиться. Всегда беру с собой два, а то и три мешочка. Вот опять. Только встала, отошла три шага и снова уселась. Я проводил с ней воспитательные беседы. Особенно зимой в мороз. Но она победила. У французиков, согласно экспертам, вообще животы слабые. С этим я могу поспорить. Нюша, конечно, в еде переборчива. Я покупаю самые хорошие корма. Первые два дня она ест с аппетитом. А на третий говорит, что ей надоело. Зато сожрать детскую игрушку из ужасной стеклоподобной пластмассы — это пожалуйста. Мягкий пластик или каучук, из которого делают дорогие собачьи игрушки, ей не вкусны. Она даже не смотрит в их сторону. Жена говорит, что дело тут в хрусте, с которым разгрызаются китайские игрушки. Они для Нюшки типа как для нас картофельные чипсы. Каждый раз, когда я нахожу на полу или на диване останки игрушечного солдатика, молюсь, чтобы кусок руки или ноги не застряли у Нюши в пищеводе. Но пока, тьфу-тьфу-тьфу, она только иногда поносит. Как сегодня утром, например...

Урна для мешочков-калосборников переполнилась за уик-энд. Нюшин желтый пакетик величественно лег последним камнем на эту пирамиду любви к чистому скверику. На острове нет такого, чтобы не убрать за своей собакой. Вообще, я заметил, что у наших островных богачей свои понты. Есть они у всех, это еще Том Сойер сказал. Здесь крутизна другая. Местные богатеи полностью останавливают «Порши» и «Феррари» на знаках «Стоп». Они дочиста вылизывают асфальт от экскрементов своих дорогостоящих собачек. Разводят в садиках плакучие, нависающие шатром березы и ивы. Катаются на роликах и велосипедах. Все как один занимаются благотворительностью. Деньги отдают на самые разные нужды. Скажем, пострадавшим от цунами. Хотя, я думаю, где Индонезия, знают далеко не все. Просто западло у них не дать маленькую денежку. А можно сотворить добро иначе. Например, отвезти в

воскресенье утром мешок одежды к приемнику «Арме де Салют». «Армия Спасения» — это организация, которая централизует благотворительность. Вроде, отслюнил-то каждый отдельно взятый богатей денег не много. Однако суммы вырастают астрономические. Шмотье старое, но без него третьему миру плохо. Благотворительностью, я заметил, многие занимаются, как-то не думая. По привычке, что ли...

Главные же понты начинаются зимой, к Рождеству. Вот когда владельцы миллионных вилл дают волю своему богатству и воображению. Дома и приусадебные участки становятся похожи на театральные декорации к «Снежной королеве». Фигурки оленей, зайчиков, не говоря уж о Санте, всех размеров и мастей выстраиваются перед домами. Они качают головами, барабанят лапками и до одиннадцати вечера (по закону) издают всякие звуки. Лампочки обвивают дома в несколько рядов. Снег подсвечивают. Кажется, что сугробы горят изнутри. В общем — красота. Детишки мои каждый вечер просят, чтобы я отвозил их «смотреть зверей». Оно и неплохо. Зимой темнеет рано, а развлекать детвору как-то надо...

Сейчас вернусь домой, вытру псам лапы и — в битву. Родители против детей. Борьба эта требует от нас с женой выдержки, самообладания и находчивости.

— Папа, я не хочу чистить зубы новой пастой, она невкусная! — Настя недовольно протянула мне зубную щетку. — Я хочу красную, а не синюю. Купи мне красную...

— Ладно, я подумаю...

— Не надо думать! Надо покупать!.. И дай мне вот этот новый ободок, который мне Лена (теща) прислала, а то мои волосики на зубы наматываются.

С недавнего времени дочка сама расчесывается. Часами может колдовать перед зеркалом с ободками, заколочками и резиночками. Я всегда терпеть не мог расчески, забитые волосами. До тошноты. А теперь каждый день с удовольствием вытаскиваю из щетки длинные Настины волосы. Интересно, когда она станет взрослой, волосы у нее потемнеют или останутся такими же светлыми? Я-то темный с младенчества. А вот жена светлая. В детстве вообще была, как Барби. Теща любит рассказывать, что таксисты в Новосибирске останавливались посмотреть на наташенькины локоны. Потом, в Израиле, от дикого солнца волосы у жены потемнели из блондинистых в русые. В довершение на студенческой попойке она их свечкой спалила...

Жена подошла к ванной:

— Закончили умываться? Молодцы. Настюша, какую одежду тебе сегодня надеть?

— Чистую!.. Уйдите, родители, я хочу какать. Я же не буду терпеть до вечера!

— А что, в садике нельзя?..

— В садике воспитательницы плохо вытирают мою попу. А сама я не могу. Потому что не вижу. Закройте дверь!..

С Настей можно договориться. По утрам у нее всегда хорошее настроение. И спит она с малого детства не много. Сынок Акай — другой. Любит поспать. Затем лежит в кровати и размышляет о жизни. О чем, интересно, трехлетняя мелочь думает? Если его разбудить не деликатно, он может злиться и гундеть вплоть до садика, да еще и там устроит сцену. Заставить его с утра пописать и умыться — тема из учебника по детской психологии. Но если все в порядке, он прямо светится добродушием. Более милого и очаровательного малыша не найти...

— Акаичка, иди умываться, — попробую на «взять его на морду». Иногда, пока он сонный, это срабатывает.

— Нет! — Значит, уже достаточно проснулся.

— Почему?

— Ну так!..

И правильно. Нечего, папаша, дурацкие вопросы в идиотский форме задавать. Впрочем, гениальный Григорий Остер с его «вредными советами» в случае с моим сыночком не особо-то помогает. Если сейчас сказать Акаю: «Не надо идти чистить зубы», — то он и не пойдет. Перед выходом в садик опять незадача: какую игрушку взять с собой. Акай долго ходит по квартире и выбирает. Я, от нетерпения, начинаю дергать ногой и веком. Следующий этап борьбы — в машине. Игрушку надо оставить. В садик ее приносить не разрешают. Акай знает, что все это занимает время, и тянет его изо всех сил. Хотя в садике ему нравится. Когда жена вечером за ним приходит, он не хочет идти домой. Я тоже из такого садика не хотел бы уходить. Детки разбиты по возрасту. В группе по две воспитательницы. Тетки немолодые. У всех есть педагогическое образование. Детей обожают. Еще работают у Акая в саду два парня. На вид — шпана. Крепкие. Один на лысо бритый, с цветными наколками на плечах. Другой богемный, с растами на голове а-ля Боб Марлей. Рожи, правда, у парней не бандитские, а добрые. Поначалу чинные островные мамаши, оставляя своих детей, с ужасом посматривали в сторону парней. Потом привыкли... Мужчина-воспитатель в детском саду — великая удача. Особенно, если он не гей и может передать детям свое отношение к жизни. Многие детки обделены отцовским, мужским вниманием. Канада вообще, а квебекцы особенно, гордятся и изо всех сил охраняют свои завоевания в области межличностных свобод. Тут легализированы однополые браки. Семейные устои претерпевают большие изменения. Можно запросто встретить пары, которые живут вместе по двадцать лет и при этом не расписаны. Заложниками ситуации часто становятся детишки. Им приходится отдуваться за свободолюбие родителей. К сожалению, пока что статистика неуклонно указывает на все большее количество неполных семей...

Во всех садиках каждую пятницу родителям выдают дневник. Там по дням расписано, что ребенок делал, как спал, что ел. Меню на неделю висит в коридоре. Около откидного столика для раздачи тарелок — фотографии детей с аллергией. Указано, на что именно может быть реакция. Есть садики, в которых установлены видеокамеры. В случае прилива

тоски по ребеночку родитель может через Интернет увидеть, что происходит в садике. По-моему, это слишком. Отвел чадо в сад — и все, своими делами надо заниматься. Ребенок, если пожелает, сам все расскажет. Воспитательницы дополнят, если что-то не так. Настя, к примеру, никогда сразу после садика не отвечает на вопросы: «Как было в саду?.. Что делали?..» Отворачивается. Говорит, что не хочет сейчас разговаривать. Это ее мир. Она его бережет. И пускай. Мы напролом не лезем. Все равно потом, спустя час или день она делится своими переживаниями...

Насте — пять, через неделю пойдет в школу. Точнее, в подготовительный класс при школе. «Матернель». В школу она еще не пошла, но Акая уже дразнит. Он, по ее словам, маленький, а она большая. Акай растопыривает три пальчика. Говорит, что сейчас ему три, но скоро будет «восемь, четыре, девять годиков», и тогда он тоже пойдет в школу.

Почему — Акай? Первый раз в жизни бабы победили. Жена лежала в Тель-Авивской больнице после кесарева. Характер сынок проявил еще в утробе и не пожелал развернуться вниз головой. Я носился между старым и только открытым зоомагазинами. Расставлял по местам собачьи консервы. Подгонял медлительных по жизни и еще более от жары продавщиц. Затем летел в больницу, поглядеть на сына Ванечку. Да, да, Ванечку. Мы с женой давно и единодушно решили, что именно так назовем сына. Уж больно хорошо нам «Ваня» на ухо ложилось. Мягкое имя. Ванечка, Ванюша...

Мамаши на «Ваню» взбеленились. Теща каждый день звонила в больницу. Убитым голосом интересовалась у синей, лежащей под капельницей жены, не передумали ли мы относительно имени. Не надо грязи, теща у меня замечательная. Свое мнение никогда, кроме того раза, не высказывала. Моя же маманя еще круче завернула. Она к тому времени уже год как жила в Англии. Но на родины внука приехала — помочь. И помогла. Уже в такси из аэропорта, как услышала про «Ваню», перестала со мной разговаривать. Заговорила только через три дня, когда маленькая Настя заболела и пришлось нам с ней и мамой срочно ехать в больницу. Через пару дней Настя поправилась. Мама вспомнила про «Ваню» и обиженно замолчала вплоть до самого отъезда назад в Англию. Но суть-то в том, что, какими-то неведомыми путями, вынудили они нас задуматься над тем, а не выбрать ли сыночку другое имя. Абсолютный мрак в моей памяти. Помню, как жена говорила мне неуверенным голосом: «Ну посмотри на него... Волосики темненькие, весь острый какой-то... А Ваня должен быть белым и круглым...» И уж совсем робко: «И как он с таким именем будет жить в Израиле?..»

В то время мы и думать не думали, что когда-нибудь окажемся в Монреале. Но выяснилось, что здесь всем наплевать, кого как зовут. Народу эмигрантского полно. Такие имена приезжают, что европейский язык не выговорит. Вот и меняют себя люди, по собственному почину. Был ты непонятный, стал Жаном или Майклом. Акаем здесь никого не шокируешь. Кроме русских мам на площадке. Они не могут понять, что за имя такое. И укоризненно качают головами: «Какие же вы родите-

ли? Как ребеночек с таким именем жить-то будет?..» А вот китайские Хуи живут. И очень даже почетно у китайцев иметь такое имя: «Хуй» на мандарине[1] значит «интеллиджент». Умный то есть...

Так что две недели сынок был «мальчиком». Мы ломали голову над именем. Потом решили — Захар. Настюша, двухлетняя, «Захар» выговорить не могла, лепетала: «Акай, Акайчик». Ну и вся семья вслед за ней. Через годок выяснилось, что Захара-то и нет никакого. Пошли мы в МВД и официально сыночка переделали в «Акая»...

Сбоку от акаиного садика — огромный клен. Корни поперек дорожки оголились, как вены на руке у работяги. Акай запнулся о корень:

— Какая большая змея...

— Нет, это — корень.

— Я боюсь эту корень... Она меня укусит...

Сынок любит все, что связанно с природой. Палки, шишки, бабочки, гусеницы и другие ее творения проходят через нашу маленькую двухкомнатную квартиру в огромных количествах. Может, вырастит Джеральдом Даррелом? Я в детстве зачитывался его книгами. Потом узнал, что Даррелл был алкоголиком. Сообразить это я бы смог и раньше. Мешали защитные розовые очки детства. Когда ты — ребенок, эти очки помогают не видеть плохое. В повести «Гончие Баффута» Даррелл в Африке собирает животных. Помогает ему в этом королек небольшого местного племени. Король с Даррелом пьют ежедневно и помногу. Пьяные распевают английские и местные песни. Глубокой ночью придворные сопровождают Даррелла домой. Несмотря на многолетнее пьянство, Даррелл был замечательным писателем, ученым, популяризатором дикой природы. Зоопарк свой создал. Хэмингуэй, Даррелл, Фицджеральд, Ремарк, Довлатов — все квасили по-черному. Странно, таланта у них была на тонну, а счастья, как мне кажется, на килограмм...

Лично меня тема выпивки тревожит давно и настойчиво. Правда, с недавнего времени, когда случается злоупотребить алкоголем, на следующий день, вместо привычных легкости и подъема духа, появляются тоска и грусть. По совету Александра Евгеньевича Бовина я не опохмеляюсь. Остается грусть во мне по два-три дня. Началась сия метаморфоза ровно в тридцать лет. Не без страха отметил я у себя этот признак старения. Кроме того, аккурат после юбилея на плечах и спине начали расти волосы. В отличие от мужественных волос на груди, эти совершенно лишены сексуальности. Скорее наоборот, вызывают у женщин отвращение. Ну с волосками понятно: дети рвут их из меня с удовольствием и зверскими лицами, как сорняки из огорода. А вот с пьянкой... Очень нравится мне сидеть, выпивать, болтать всякие глупости за столом с друзьями. Нет, до алкоголизма далеко, но слова «холодная водка и соленый груздь» вызывают у меня душевный трепет...

---

[1] Мандарин — диалект китайского языка, распространенный на большей части северного и юго-западного Китая (Википедия).

Уже внутри садика, у дверей группы Акаичка печально посмотрел на меня. Попросил в сто тридцать восьмой раз купить ему большого пластикового льва и улитку. Вдохнул, как будто собрался нырнуть под воду, и пошел на свою детскую работу. Теперь Настю завезу и всё — утренние родительские обязанности закончились. Не забыть ее велосипед вынуть из багажника. Настя возвращается из садика домой на велике. Маленькая тетка. В процессе езды для нее самое главное то, как она выглядит за рулем. Частенько Настюша красуется, а велосипед съезжает с дорожки в траву. Ей вообще главное — порисоваться. Любит потанцевать-попрыгать, глядя в зеркало, а еще лучше — вечером перед большим темным окном в салоне. Не обязательно, но желательно, чтобы кто-то в это время смотрел. Позы принимает такие — закачаешься. А ведь никто ее этому не учил. «Наряживаться» обожает, украшения всякие. Недавно сказала моему папаше, который собрался из Москвы приехать, что в качестве подарков ей нужно: «платице, туфельки на таблучкофф и украшения». Дедуля размяк...

Полицейский, опершись о красный почтовый ящик, лазерным пистолетом измерял мою скорость. А чего зря светить-то. Я никогда под знаком пятьдесят больше пятидесяти пяти не еду.

На стольник, правда, меня все же один раз наказали. Поехали мы за грибами. Конец августа — начало сентября, самое время груздиков насобирать и насолить. Тормозит меня патрульный:

— Вы, говорит, сэр, быстро ехали. Конкретно семьдесят четыре километра в час. А здесь можно только пятьдесят. Дайте, пожалуйста, ваши права и страховку...

Я жене говорю:

— Что-то тут не так, не мог я так быстро в городе ехать...

На обратном пути специально осмотрел это место. И точно: скоростная зона кончается, стоит знак «50». Мент, он и Канаде мент, направляет свой лазер на машины, которые только-только знак проехали. Стало не так обидно. Жаль, грибов не было. Правда, на следующие выходные два ящика собрали. Да еще подкову старую я нашел...

«Нет худа без добра». Сколько раз так было: вроде все хреново, ан нет. Весной телефон мне устанавливали. Только звонил он почему-то в соседней квартире. На улице дождина. Целая Волга у тротуара. В телефонной будке, из которой я дозванивался в фирму скандалить, озерцо собралось. Я, как попугай ара, пристроился на полочке для телефонных книг. Сорок минут слушал музыку из фильма «Профессионал». Накричал на телефонистку, потребовал немедленного возврата всех уплаченных денег. Погрозил судом. Довел чуть не до слез. Кстати, орут и бибикают на шоссе здесь только эмигранты. Местный люд бережет свои, а значит, и чужие, нервы. Девушка попросила меня не волноваться и сказала, что соединит меня с начальством. Опять зазвучала мелодия, под которую убили героя Бельмондо. Ветер поменял направление, и теперь ледяной мартовский дождь наискосок залетал в будочку. Меня трясло от ярости и холода. Еще больше бесила собственная нерешительность.

Я не мог определиться: дотерпеть и с кайфом наорать на менеджера или, спокойненько, как настоящий канадец, перезвонить в контору завтра. Но тогда зачем я страдал все это время? Решила сомнения пятидесятидолларовая бумажка. Она не спеша приплыла мне под ноги. Сказала, чтобы я немедленно шел домой, а по дороге купил винца, гвоздики и корицы для согревающего глинтвейна...

Настин садик рядом со спортзалом «Наутилус». Праздные и ухоженные мамаши бодрым, неутомительным шагом ходят на тренажерах с утра до вечера. На острове таких дам много. Мужики бабки зашибают, женщинам работать не приходится. Детей своих из садика забирают раньше срока. Не в пять, как положено, а в час, до сна. Заботу проявляют и любовь. При этом сами твердо верят, что творят добро. Детки, правда, вырастают невротиками. Но пока они маленькие, мамы об этом не особо задумываются. А потом? Потом психотерапевты есть. Хорошие и дорогие. И опять мамаша при деле — волноваться за подростка и водить его к доктору. Главное, чтобы было, о чем поговорить с товарками. И так до пенсии. Пока ноги идут по тренажеру. Кстати, русские дамы моду эту переняли. До спортзала они, правда, еще не дошли, но бездельничать уже начали...

Вообще-то я склонен думать, что лучше, если следующий наш ребенок будет девочкой. Так называемое воспитание мужчины мне глубоко противно. Ничего путного из этой затеи не выходит. Получаются закомплексованные особи мужского пола. И чем сильнее в воспитании мальчика так называемая мужская рука, тем больше потом, в зрелом возрасте, проблем. Но, с другой стороны, некоторая твердость в отношениях с сыночком требуется. Чтобы потом ему же проще было. Получается косяк. А ведь морально-душевная нагрузка у мужика при капитализме огромная. Многие с ней не справляются и пополняют ряды сексуальных меньшинств. Да и сами дамы, честно говоря, подливают масла в огонь. В ресторане счет раздельный, а сауна общая...

С девочками проще. Их воспитывать — одно удовольствие. Надо просто находить данные от природы положительные моменты и их культивировать. Недостатки опускать. Они на фоне поощрения хорошего сами рассосутся. И с мальчиками этот путь действует. Просто он более замысловатый. Но какие девчонки нежные! Залезает Настя ко мне на коленки, за шею берет: «Ты мой папунчик...» Подсмотрела, колбаса такая, наше взрослое кино и давай в губы целоваться. Мы это дело пресекли. Сказали, что в губы целуются дяди и тети, когда у них любовь. Настя нацепила женины туфли и сказала брату: «Акай, ты будешь папа, я — мама, и у нас любовь. Давай целоваться в губы...» Вот тебе и ухищрения взрослых на воспитательной ниве. Мне кажется, что в отношениях с детьми главное слово «исподволь». Вроде как они своим умом дошли до того, что тебе нужно. Правда, времени эта тактика занимает гораздо больше. Напрямки-то быстрее. Да и башку, в поиске обходных маневров, приходится напрягать. Но в итоге работает такой подход гораздо лучше...

Я затормозил на парковке около Настиного садика.

— Папа, мы забыли кое-что. — Она показала мне на кончике языка жвачку. Вот и доказательство. Я мог сам сказать ей, что в садик со жвачкой нельзя. Тогда она начала бы упираться. Сказала бы, что еще чуть-чуть пожует. Что выплюнет в группе. И прочие хитрости. А так она проявила самостоятельность и взрослость.

— Молодец, Настя...

— Называй меня — Настюшка! Глупый папка... — Слова эти сказаны беззлобно, но строго. «Глупый папка», звучит-то как, а?.. Песня...

— Я хочу проехать до садика на велосипеде. — Сад в пяти больших шагах. Но ритуал нарушать нельзя. Мало того, потребовала, чтобы я ей шлем надел. Велела не подталкивать. Три раза крутанула педали — колесо уперлась в ступеньки.

В садике Насте надо дать две минуты на адаптацию. Лучше всего, если дверь ее группы закрыта. Тогда она залезает на скамеечку перед окном, разделяющим группу и коридор. Смотрит через большое окно, кто из деток пришел и какие сегодня воспитательницы. Недовольства увиденным она не высказывает. Просто подготавливается таким образом к своему рабочему дню.

— Настазья, вьен иси, ма бель (Настасья, иди сюда, моя красавица). — Воспитательница Рашель Настю обожает, а та отвечает ей взаимностью.

Мы с женой никак не можем понять, что происходит у наших детей с французским и английским. Ведь они проводят на них по восемь часов в день. Наставники говорят нам, что языковых затруднений у Акая и Насти нет. Однако дома заставить детей сказать хоть одно иностранное слово невозможно. Настя, правда, недавно говорит Акаю:

— Акай, иди сюда. Кам он, бейби, кам он...

— Не хочу «кам он»!.. Не пойду!

Иногда во время игры у Насти проскакивают слова и фразы на французском. Или песенки. Но если попросить ее повторить, она смущается и говорит, так разговаривают только в садике. Нас с женой это устраивает. Мы от детей требуем, чтобы дома говорили на русском. Мультики ставим только по-русски и сами иностранных слов не употребляем. Французский и английский к детям и так прилипнет. А вот если дать возможность говорить дома не на родном языке или еще круче — самим начать говорить не по-русски, то будет плохо. Очень скоро выяснится, что дети вообще не хотят на нем разговаривать. Сколько раз в Израиле мы такое видели. Родители под детей прогибались и начинали с ними дома разговаривать на иврите. С той только разницей, что молодежь новоприбывшая слова и интонации схватывает в момент, а родители до пенсии — на ломаном и с акцентом. «Хотели как лучше, а получилось, как всегда...» Думали взрослые под местных закосить. Не тут-то было. Вместо уважения получили презрение своих детей. Жалкое зрелище. Не раз я видел: подростки идут компанией, а как родителей своих заметят, переходят на другую сторону улицы. Стыдятся того, как родители выглядят, и того, как они разговаривают. Так что дома у нас — русский. Псы, опять же, привыкли к русским

командам. Как, например, я буду говорить Нюше: «У-у-у, толстая моя рожа...»

Настя махнула ручкой через плечо. А как же объятья и поцелуй папе на дорогу? Видать, в другой раз. Я забрался в машину, достал блокнот и написал: «Поменять колеса». Листок вырвал и положил на торпеду. Пусть все время будет на виду. До работы — полтора часа. Очень хорошо, что сегодня удалось детей разбудить пораньше. Значит, и нам время осталось. Супруга вообще считает, что вечерний секс можно отменить. Он, по ее словам, ни в какое сравнение не идет с утренним или дневным. Сил, говорит, в начале дня больше. Настроение опять же ничем не загажено. Вроде как в начале нашего с женой совместного полового пути. Тогда голова не была занята мыслями о зарплате, счетах и детском сиропе от кашля. Либидо в чистом виде. Хотя, согласно фильмам про красивую любовь, должно быть все наоборот. Для отменного сношения надо: вечер, бутылку красного, музыку, наводящую на мысль о скором оргазме. И... Голос Акая, из-за угла: «Мама, а почему папа гладит тебе попу?» Вот тебе и вечерний коитус в семейном кругу...

Около двери в нашу квартиру — маленькое темное пятнышко. Трудно поверить, что с единственным в жизни убийством я столкнулся именно здесь, на острове. Более того, произошло оно в соседней квартире.

Три месяца назад, заправляя на ходу майку, с термосом-стаканом в руке, я выскочил из квартиры на работу. На земле, около входной двери, сидел сосед. Молодой парень. Пучеглазенький такой. Сидел он у стены в грязных трусах и майке. Одной рукой оперся о землю, другой держался за шею. Я не стал его рассматривать, только чуть притормозил на бегу:

— Гуд морнинг. Хау ар ю? (Доброе утро. Как дела?)

В ответ парень очень медленно кивнул головой.

Я улыбнулся: — Хэв э грэйт дэй... (Хорошего тебе дня...) И помчался к своей машине. Не в себе пацан. Бухнул, наверное, с утречка, а может, и закурил травкой. Здесь, в Монреале, многие травку покуривают, а уж пиво пить — так это просто национальный спорт. На более сильный алкоголь у местных голова слабая, да и дорого. Виски-водка по двадцать долларов бутылка.

Оказалось, не бухнул... Тем самым утром кто-то пришел к моему соседу в гости. На смерть зарезал товарища, с которым сосед проживал. Самого его ранил в шею. Узнал я все эти подробности, когда приехал домой. Подробностей убийства, к сожалению, никто не рассказал. Только кровь, которую паренек размазал по стене коридора, затирали пару дней. Я все собирался позвонить в контору, чтобы отправили кого-нибудь дочистить стенку. Со временем кровь выцвела. Осталась просто маленькая засохшая капелька.

После того случая я не спрашиваю: «Как дела?» Здороваюсь. Улыбаюсь, если хочется. И плевать, что здесь все привыкли при встрече говорить: «Привет. Как поживаешь?» Если уж я смог мимо умирающего пробежать, то что говорить о канадцах. Они генетически вежливые и

при этом совершенно не интересуются другими. Тут ровным счетом никому не важно, как у тебя дела. Ответ должен быть «ОК». А если дела не «ОК», то все равно надо говорить «ОК». Другого ответа никто не ждет. В общем, на работе уже привыкли и не удивляются моей бестактности. Даже с друзьями стараюсь найти другую форму вопроса о жизни. А паренька того я встретил через пару недель с повязкой на шее. Он еще немного пожил в нашем доме и съехал. И все это произошло на тихом острове. Где даже раздавленная белка — событие...

— Тебя, Анита. — Жена протянула мне телефон...

Не думал, что здесь, в Канаде, пригодится мое израильское прошлое. Знание иврита. Ан нет. Искал я прошлым летом работу. Звоню по объявлению, в одном месте пригласили на встречу.

Начальницей оказалась смешливая и весьма еврейская тетя лет пятидесяти. Рассказала, что да как. В конце разговора спросила, откуда я приехал. «О, так ты знаешь иврит?..» С того момента я хожу у нее в любимчиках. Меня Анита тоже устраивает. Как босс и как человек. В начале 90-х евреи, полуевреи и совсем не евреи из бывшего СССР массами ломанулись в Страну Обетованную. Мало кому пришло в голову, перед тем как сделать такой драматический шаг, поднакопить деньжат и слетать в Израиль. Поглядеть, чего да как. Ехали с уверенностью, что все местные — евреи. Значит — свои. Родные. «Коль исраэль хаверим». Все евреи — братья. Очень быстро стало ясно, что к этому высказыванию, в обязательном порядке, надо добавлять стишок Игоря Губермана: «От шабата до шабата, брат нае....ет брата». Вот так картина становится полнее. Науку, как вести себя с братом, «русские» схватили быстро. Усвоили крепко. Этот шаг к интеграции в коренное общество стал в основном удачным. Были, конечно, недовольные. Выкатив глаза, они смотрели на Израиль. С ужасом думали, куда же они попали. Наиболее прозорливые стали искать третью родину. Тихонько. А как же иначе? Ведь они были предателями. Но предавали они святое. Не антисемитский и бандитский «совок» начала 90-х, а Родину Предков...

Я ничего не искал и никуда не собирался. Мы с женой сняли маленький домик в самом центре очень богатого района. Домик стоял на огромном, с футбольное поле, участке. Хозяйки-сестры ждали, пока откинется папаша и оставит им в наследство миллионную землю. Папаша оказался живучим. Сестры злились и старели. Пока что, за шестьсот долларов в месяц, сдавали нам эту халупу с маленьким сараем в придачу. В сараюшке я разводил собак. Нянчился с маленькой Настей. Поэтому у нас с ней такая душевная близость. А вот когда родился сыночек, я из-за своих магазинов видел его мало. Поэтому он больше тяготеет к маме. Три годочка от роду, а мне уже приходится налаживать с ним отношения. Наверстывать время, потерянное в младенчестве...

Дома я просидел около года. Потом стало ясно, что кушать с собачьего бизнеса можно обильно, но не часто. Точнее, три-четыре раза в году, когда продавались щенки. Остальное время приходилось питаться мыс-

лями о том, что мы будем есть, когда народятся щенки. Сначала жена даже радовалась такому раскладу. В моду вошли «топики» — сексуальные майки, не закрывающие живот. Жена как раз обнаружила у себя полтора лишних килограмма. Мне не давало погибнуть народное еврейское пиво «Гольдстар». Настя кушала сисю. Псы — рис с мясными остатками. Спустя пару месяцев фигура у жены пришла, по ее мнению, в норму. На мой взгляд, она являла собой первую степень дистрофии. Вопрос о еде настойчиво давал о себе знать. Пришлось мне открыть зоомагазин...

«Зооцентр» мы обмывали три дня. Если бы доход магазина находился в пропорции от количества выпитого на открытии пива, то я сейчас был бы весьма состоятельным человеком. К сожалению или к счастью, с финансовой точки зрения я до сих пор не состоялся. По соседству был, да наверное и есть, магазин игрушек. Йорам, хозяин магазина, несколько раз помог мне бесплатными, но хорошими советами. Торговля была у него в крови. Он отменно знал, как разговаривать с банками и поставщиками. Йорам забавлял меня рассказами во время мертвого часа. В Израиле с двенадцати до трех даже мухи ленятся жужжать. Аккуратно посматривая на меня: а вдруг сдам, — дела-то все реальные, — Йорам сообщал мне о разных аферах. О том, как много он раньше зарабатывал, а потом красивым жестом швырял деньги жене на кровать. Иногда его россказни переходили черту нечистоплотности. Переваривая очередную услышанную от Йорама мерзость, я пару дней избегал его. Сосед, видя, что я к нему не захожу, приходил сам. Он никогда не сожалел о рассказанном. Просто ему было скучно...

— Вот ты, Дмитрий, плохой бизнесмен. Наблюдал я, как ты с клиентами общаешься. Без обид, — ты прогоришь. Вы, русские, слишком вежливые. А мы, израильтяне, не понимаем, когда с нами так обращаются. Поэтому твоим клиентам всегда будет казаться, что здесь что-то не так. Что ты их обманул. Или собираешься обмануть. Для нас самое страшное — оказаться «фраером». Понял? Деньги надо делать иначе. Вот, к примеру, машина эта, на которой мы сейчас сидим. Она ведь не моя, а моего папы. Папа старенький, семьдесят шесть лет. Я ему говорю: «Папа, зачем тебе машина? Тем более, она все время ломается. Давай я ее заберу, починю и буду на ней ездить. А если что, я сам тебя куда надо отвезу». Короче, машину я взял. Маленько подправил. Теперь вот надо ее продать. Тысяч семь думаю выручить...

— Деньги папе отдашь?

Йорам посмотрел на меня как на нездорового.

— Зачем? Я же тебе сказал: папа старенький. В лучшем случае я ему куплю ездилку электрическую. Поношенную... Тысячи за полторы...

Все детские подарки я честно приобретал в магазине Йорама. Он же покупал у меня корм для своей собаки крайне неохотно. Говорил, что дорого. Просил скидку. Хотя зарабатывал я на нем пару копеек вместо положенного рубля. Мелочность и спесивость — вот две неотъемлимые черты среднестатистического израильтянина. Слились воедино еврейский гонористый характер и полная неуверенность в завтрашнем дне. Будет

война — не будет. Будет теракт — не будет. Будут деньги на жизнь — не будут. Люди хотят рвануть копейку сейчас. И не важно, что, как правило, это сопряжено с обманом. Все привыкли...

В Канаде первое, что мне сказали: не работать на русских и на евреев. Обманут. Русские сразу. Евреи — малость погодя. К счастью, в моем случае все получилось наоборот. На примере Аниты я увидел, какими должны быть евреи. Что такое на самом деле «коль исраэль хаверим». Не на словах, как в Израиле, а на деле. При том, что жизнь у Аниты была отнюдь не сахар. Родилась она в Южной Африке. Дедушка был раввином. Воспитывалась как религиозная девушка и первый раз вышла замуж в шестнадцать лет. Муж Йоси был старше ее на пятнадцать лет. Израильтянин. Бывший десантник. Колотить ее начал с первых же дней совместной жизни. Анита, правда, говорит, что поводов она давала ему множество. Слишком острая была на язык.

Несмотря на драки и скандалы, прожили они вместе долго и родили трех сыновей. Кончилось, правда, все трагедией.

Был Анитин день рожденья. Гости разошлись. Анита с Йоси начали скандалить. Мама Аниты, увидев, что будет драка, увела детей к себе. Драка действительно случилась, и в конце Анита сказала Йоси:

— Помяни мое слово, на этой неделе в этом доме будет Шива[2]. По тебе или по мне...

На следующий день рано утром Йоси спросил:

— Дорогая, тебе оставить ключи от машины?

— Пошел ты! Вместе с твоей машиной...

Йоси пошел, вернее, поехал с братом по делам. Через пару часов Аните позвонили из полиции и сказали, что Йоси погиб. У пассажира ни одной царапины. Машина на повороте вылетела с шоссе и ударилась левой стороной о дерево. Виной аварии были кленовые листья. Осенью в Монреале они устилают землю влажным покрывалом...

— Ты не поверишь, Дмитрий. Он был мерзавцем. Бил меня все время. Прошло уже тринадцать лет с его смерти. А я до сих пор по нему скучаю...

Потом было недолгое замужество за миллиардером, от которого Анита ушла в никуда. К еврейской родне идти не хотелось. Своих денег не было. На улице стоял подаренный мужем «мерседес»-кабриолет. Пришлось три ночи спать в машине. Сейчас у Аниты муж — замечательный дядька. Живут они скромно. Потихоньку поднимают свое дело по перевозкам. Девиз их фирмы: «Если хорошо будет нашим водителям, то хорошо будет и нам». Работать с ними одно удовольствие.

* * *

После вчерашней рыбалки в машине остался запах рыбы. Один знакомый пристрастил меня к подводной охоте. Без баллонов с воздухом.

---

[2] Шива — семь дней после смерти, в течение которых евреи сидят и оплакивают покойного в его доме.

Только костюм, ласты, маска с трубкой и ружье. Еще кукан для рыбы и нож. Ощущение под водой сказочное. Особенно, когда заплываешь в водоросли. Если день солнечный, лучи как бы прокалывают воду. Мальки стайками носятся вокруг. Большие рыбы неторопливые... Прицелился — хлоп, и толстобокий сазан на кукане. Очень интересно на щуку охотиться. Она стоит в воде, как торпеда. Если увидела, — всё, не догнать. Игра — кто кого перехитрит. Зато, когда щучка стоит на месте, стреляешь, как по мишени в тире. Угри попадаются. С ними, правда, мороки много. Живучие. Кроме того, они крутятся вокруг стрелы. Все пачкают слизью. Кусаются. Недавно стрельнул я одного. Потом еще ножом зарезал, а он все равно вырывается. Сбежал-таки. Через пять метров я нашел его под камнем, но достать так и не смог. Ненавижу, когда раненая рыба уходит. Хотя, с другой стороны, дохляк — еда ракам и тем же самым угрям.

После ныряния усталость наваливается. Мир и покой в душе. Хотя бы ненадолго...

Мобильный телефон задрожал на ремне. Звонок я себе поставил, как у старого дискового телефона. Не нравится мне, когда телефон звонит всякими песнями и замысловатыми мелодиями.

— Дим, привет. Ты мне сообщение вчера оставил. Я тебе перезваниваю. Но говорить сейчас не могу. Бегу на интервью. Говорят, по статистике точно устроишься на работу, если пройдешь шестнадцать интервью. У меня пока было три. Как дети?

Это Юлька, сестра двоюродная. Она вышла замуж за американца. И сама она, честно говоря, теперь больше похожа на американку, чем на советскую даму. Хотя чувство юмора у нее вполне русское, знакомое. Я люблю ей звонить, лежа в ванной. Двойной кайф: водичка теплая с солью пахучей, и Юлька меня веселит — истории рассказывает. Джон, Юлькин муж, — большой, рыжий ирландец. Вдумчивый. Честно сказать, Джон или очень терпеливый, или очень любит Юльку. Через жену на его в пятом поколении американскую голову свалилась масса испытаний. Начались они с поездки в Москву. Джон долго отпихивался от предложения посетить Россию. Он не хотел ехать знакомится с Юлиными родителями Таней и Осей. Но это стало неизбежностью. Пришлось купить приличную одежду. В Москве Ося показывал ему достопримечательности. В таких количествах, что Джон опух. Соборы, церкви, музеи слились у него в единое пятно, как ртуть из разбитого термометра. Ему же хотелось пойти в казино «Рояль» — проиграть там долларов сто и поглядеть на красивых девок-крупье. А также на русских гангстеров-мафиози, которых так часто показывает Голливуд. Но казино обломалось. Вместо казино Джона повезли на «dachu» в семидесяти километрах от Москвы. Из аттракций на даче Джона ждали: утренний сбор грибов с будущим тестем и посещение музея-усадьбы Абрамцево. Слово «Абрамцево» Джон выговорить не мог. Грибы собирал до сих пор только в супермаркете в виде консервов...

Тоска по родине прихватила Джона уже в электричке Москва — Загорск. Джон не мог понять, почему сиденья в поезде сделаны под та-

ким углом, что туловище все время наклонено к коленям. Жесткая, без какой либо обивки фанера мучила его избалованный заокеанским комфортом зад. В оставленном дома «Шевроле» сиденья были с подогревом...

Если по шоссе, то от станции до дачи — минут сорок. Или двадцать пять, но по пересеченной местности. Пересекалась она полями, усеянными коровьим навозом. К поездке в Москву Джон приобрел новые белые кроссовки «Найк»...

Ужин был съеден, кровати кое-как просушены после долгой зимы и готовы к ночному сну. Джон тихонько спросил у Юли на предмет туалета.

— В углу...

Спустя десять минут Джон вернулся.

— Юля, в каком углу? Я обошел весь дом два раза...

— Извини. В углу участка. Сразу после картошки. Возьми с собой фонарик.

— Зачем фонарик?

— Чтобы не упасть в туалете...

Джон взял динамо-фонарик. По его скрежету на протяжении тридцати лет становилось ясно, что кто-то из родни пошел по нужде. Зато в нем никогда не кончались батарейки. Их просто не было...

Туалет-скворечник скрипел и охал. Сквозь неплотно подогнанные стенные доски залетал лунный свет. Джона охватил ужас. Он представил себе, что хилое это строение может не выдержать его вскормленного гамбургерами тела. Он было собрался сохранить задуманное до утра, но живот высказал иное мнение. На всякий случай Джон посветил на приступку, куда полагалось садиться... Из старшего поколения, которое, собственно, и построило дачу, к сожалению, все умерли. Среднее, а тем более младшее, гнушалось выгребать яму. За долгие годы добра поднакопилось. Вершина практически упиралась в самый зад садящемуся. Джон изо всех сил сжимал-разжимал фонарик. Жалким лучиком он шарил по стене в поисках заветного рулона туалетной бумаги. Единственное, что он увидел, так это полочку с довольно мелко нарванной газетой. «Как они это читают?» — мелькнуло у него...

Утром Джона разбудил тихий Осин голос. Он сообщил, что уже пять часов тридцать минут утра и пора идти по грибы. Если припоздниться, то грибы будут собраны соседями. Усомнившись в целостности ума будущего тестя, однако не смея ему перечить, Джон вылез в предрассветный дачный холод...

Из крана на улице послышалось змеиное шипение. Две грязные ржавые капли упали в раковину.

— Джон, там нет воды, иди сюда умываться. — Ося никогда не пропускал утреннее бритье. Вот и сейчас он с удовольствием полоскал свежевыбритое лицо под непрямой струйкой воды из «писающего» умывальника.

— Тут все просто, — Ося протянул руку, — нажимаешь на клапан снизу-вверх, и идет вода. Джон попробовал. Вода не шла. Кончилась.

— Сейчас исправим. — Ося гнутым алюминиевым ковшиком зачерпнул воды из стоящей рядом бочки и протянул Джону. — Долей...

Вода в бочку попадала через водосток с крыши. Предназначалась она для мытья лиц и орошения огурцов, ибо была дождевая, а значит — чистая. Джон заглянул в ковшик. Вода действительно была чистейшая. Однако на дне ковшика он заметил маленькие запятые, которые дергали хвостиками и таким образом перемещались в воде.

— Ничего страшного. Это — бейби-комарики. Комары зарождаются в воде. А потом улетают в воздух. Они безвредные. — Ося взял ковшик из рук Джона назад и долил умывальник. — Гуд. Можно чистить зубы...

Джон молча вернулся в дом и взял баночку с диетической кока-колой. Два глотка он для успокоения выпил, а в остальном сполоснул зубную щетку и почистил зубы. Умываться колой он не стал, а просто выковырял сухарики из уголков глаз...

«Тут все больные, мазер факер», — подумал Джон, когда в лучах утреннего, холодного солнца он увидел еще с десяток грибников.

— Теперь расходимся, — бодро сказал Ося, войдя в лес. — Так грибы лучше собирать, охват площади больше...

«Я погиб. Надо было брать с собой спутниковый навигатор или хотя бы сотовый телефон. *При необходимости звоните 911.* Хотя вряд ли здесь есть служба спасения...» Джон автоматом в очередной раз выполнил указание и отошел на несколько метров от Оси. Грибов не было. Были лягушки. Влажная от росы паутина налипала на лицо...

— Джон, кам хиар, — Ося ткнул пальцем в пень с опятами. — Вот они, настоящие русские грибы. Это вам, — Ося ножиком, как араб шаварму в питу, срезал опята в корзину, — не шампиньоны в баночках...

— Осип, эти грибы кушать нельзя... Это — галлюциногены. От них начнется тошнота и останавливается мозговая деятельность...

— Что ты. Жаренные с луком опята — прекрасная еда. Никакой тошноты. Не говоря уж о работе мозга. Иди, вон там еще немножко есть...

«Если я вернусь-таки в Айову, то пойду в церковь», — подумал американец...

— Джон, хватай скорей! Я не могу так долго висеть!

Джон обернулся. Ося орангутаном повис на толстой ветке орешника, пригнув ее под нос ошалелому гостю. Безразмерные резиновые сапоги Оси сползли с ноги и еле-еле касались земли.

— Хватать?.. Что?.. Вас?.. — Джон ломанулся к висящему на кусте будущему тестю.

— Да не меня же, а орехи!..

— Какие орехи? — Кроме густой листвы на нагнутой Осей ветке Джон ничего не видел.

— Джон, кончай смеяться! Вон там, перед тобой, орехи.

Бестолковый зарубежный зять никак не замечал пару чудесных лесных орешков. Натренированный глаз подмосковного дачника сечет их в лесу за двадцать метров. Перебирая руками по ветке, тяжело дыша, Ося подобрался к Джону.

— Ну вот же они.

Ося сорвал орехи и выпустил куст. Толстая ветка с шумом распрямилась, ободрав Джона по раскрасневшемуся от умственного напряжения лицу.

— Скушай, это очень вкусно и полезно.

Не держащий зла Ося протянул Джону два похожих на яйца молодого котика зеленых орешка.

— Осип, я ценю ваше желание познакомить меня поближе с природой России. Если позволите, я хотел бы взять эти орехи с собой в Америку. На память.

На завтра было запланировано Абрамцево...

* * *

Машину подбросило на выбоине в асфальте. Казалось бы, за год я изучил уже все ямы по дороге на работу. Видать, новая образовалась. Дороги в Монреале отвратительные. Патриоты объясняют это тем, что, мол, погода здесь такая, для дорог плохая. Летом жарко, зимой холодно. Вода, дескать, попадает в трещинки и потом, зимой, расширяется и рвет полотно. Согласиться с этими мудрыми словами я не могу. Несколько лет назад катались мы с женой по Европе. В Швейцарии и Германии зима тоже не сахар. А вот трещин и ужасных дырок — «птичьих гнезд» в асфальте — там, даже если захочешь, не найдешь. Значит, это из-за того, как здесь дороги строят и, главное, как их потом чинят. Хотя, собственно, как чинят, я видел. Летом к одной особо выдающейся ямке подогнали тележку с асфальтом и маленький каток. Завалили ямку и пару раз поерзали катком. И все бы хорошо, да только в тот день был ливень. Ровно через два дня яма просела и стала в глубину практически такой же, как была до починки. Но теперь год к ней никто не подойдет. По бумажкам она заканапачена. Вот и приходится тратиться на починку машины. Пару раз в год подвеска обязательно летит...

Магазина, для которых я развожу продукты, два. В Лассале и в «даунтауне» — центре Монреаля. Раньше все города-сателлиты вокруг Монреаля были на сто процентов самостоятельны. Только недавно они объединись. Городские советы поняли, что в складчину многие проблемы решать легче и дешевле.

Лассаль городок не плохой, но и не хороший. Никакой. Промышленность кое-какая имеется. Деревьев мало. Магазины недорогие. В Лассале расположен огромный пивной завод. Я, когда начал работать, не мог понять, что за запах такой стоит в восточной половине города. Вроде пахнет шоколадом, но уж больно приторно. И как-то химически. Оказалось, солод. На заводе написано: «За последние пять лет мы вложили в переоборудование нашего завода пятьдесят миллионов долларов». Тогда откуда, скажите на милость, такая вонь. И главное, почему жители близлежащих районов не вчинят заводу-миллиардеру иск с требованием поставить фильтр и не отравлять жизнь. Суд, мне кажется, был бы ко-

ротким. Привезти судью к заводику. Оставить минут на десять. Когда почтеннейшего затошнит, — везти назад, писать вердикт. Значит, принюхались местные жители...

Вообще-то монреальцы своего не упускают. Они вежливые, но требовательные. Никогда не кричат, но если им кажется, что-то не правильно, они не стесняются высказывать свое мнение. А уж если разговор заходит о деньгах, тут вообще не жди сантиментов...

В Лассале живет много итальянцев. То есть уже давно канадцев, но отцы или деды приехали из Италии. Народ добродушный. С нежностью относятся к исторической родине, хотя из молодежи многие там никогда не были. Канадская политкорректность замечательна тем, что никто не смотрит в твою сторону с презрением или негодованием, когда ты разговариваешь на иностранном языке. На детской площадке можно услышать семь-восемь разных языков. Многие, например, китайцы, от природы тихие. Итальянцы, наоборот, разговаривают громко. Авто свое я чиню в гараже у Лео и Мигеля. Лео — двадцать восемь лет, Мигелю — шестьдесят. При этом Лео — босс. Он хозяин заправки и гаража при ней. Лео скоро женится. По секрету рассказал мне, что собирается заплатить за обручальное кольцо пятнадцать тысяч долларов. На мой вопрос, зачем так много, сказал: вложение денег.

На родине своих родителей — Сицилии, где у него до сих пор полно родни, он никогда не был. Вообще дальше Торонто не ездил. А кольцо покупает. Я с ним не спорю. Я вообще не хочу ни с кем спорить. И не дай бог кого-то в чем-то разубеждать или, наоборот, убеждать. Если кто свою неправоту и признает, то скорее всего на словах. Зачем же понапрасну тратить время. Хотя, что греха таить, иногда завожусь. Начинаю кричать. Что-то доказывать. Краснею. Плююсь от обиды и злости, что меня не понимают. Обычно это происходит при разговоре с близкими, друзьями. В общем, с теми, кто мне небезразличен. Но и это — глупо. Лучшее доказательство твоей правоты — действие. Сделал что-то. Если результат хороший, дай бог, кто-то последует за тобой. А если плохой — тоже не беда, может, сделают вывод и не будут так поступать. Так что с Лео я не спорю. Он, отдать ему должное, тоже. Хотя и не может взять в толк, как можно за вязку собаки отдать тысячу долларов...

* * *

Мне как развозчику очень важно, кто живет в районе, который я обслуживаю. Помимо зарплаты от начальства я получаю «типы» — чаевые от самих клиентов. Допустим, в даунтауне типов мало. В Монреале с десяток университетов и колледжей. Все они расположены в центре города. Соответственно, в центре полно студентов. Не до «типов» молодежи. Голова занята пьянками-покурками и противоположным полом. Тем не менее кушать и пить пиво студенты любят. Жить предпочитают в дешевых домах. Вот и приходится мне таскать ящики со снедью на третий-четвертый этажи. Чем выше этаж, тем дешевле аренда. Без лифта, конечно...

Селятся в центре приезжие из арабских стран, Индии, Пакистана. Индусы и паки вообще никогда не дают: они, вне зависимости от дохода, считают себя бедными. Исторически. С арабами сложнее: они либо ничего не дают, либо дают много. Лучше всего со средним классом — «квебекуа» (квебекцами). Они очень уважительно относятся к любой работе. И если ты ее выполняешь нормально, это ценится. Типы в Монреале принято давать всем. Таксистам, официантам, грузчикам при переезде, механикам в гараже. Для многих профессий здесь, в Монреале (не знаю, как в остальной Канаде), чаевые составляют неотъемлемую часть дохода. Кстати, нескольких клиентов я сам выдрессировал. Началось с того, что я получал от них, в лучшем случае, «сенк ю». Я запоминал адрес и в следующий раз всем видом выказывал свое недовольство. Не здоровался, не прощался, на спасибо бурчал что-то невнятное. Паратройка жадин поняли мою пантомиму и в следующий раз давали доллар-два. Мало? Согласен, не много. А если так человек десять? Глядишь, в конце дня двадцатка-тридцатка в кармане звенит. Дома я раздаю монетки детям. Они складывают их в копилку-обезьяну. Мартышка из кокосового ореха — наши с женой сбереженья. Раз в три месяца мы ее откупориваем. Всей семьей складываем монетки в специальные пластиковые формы: не нести же в банк в пакете. Обезьяньи деньги мы тратим на удовольствия и подарки. Заказы от детей принимаем наперед. Себе ресторанчик подыскиваем. Так чтоб с музычкой и недорого. Монреаль замечательный город в этом смысле, уникальный в Северной Америке. От Европы здесь французский язык, умение и желание у людей красиво одеваться и, конечно, сидение по кафе-ресторанам. В городе нет района, куда было бы страшно пойти ночью. Монреалю не до сна. Постоянная тусовка. Кроме того, здесь разрешена продажа алкоголя с восемнадцати лет. До границы с США — час езды на машине. Вот и едут американосы, у которых всё с двадцати одного, сюда отрываться. Я не понимаю, почему мудрые головы не решат легализовать в Монреале проституцию и марихуану. Как в Амстердаме. Ведь деньги хлынули бы в городскую казну рекой. Плюс новые рабочие места. Контроль над наркотрафиком. Не говоря уж о СПИДе. Недовольные? Я думаю, что в основном это был бы набожный плебс. Так ведь дай им побольше пособий, социальных выплат, и всё — заткнутся. Еще и благодарить будут. Тем более что сейчас этот самый плебс шмалит с младенчества и чуть ли не на глазах полиции. Курить и иметь на себе траву для личного использования разрешается. Продавать нельзя. Более того, местные врачи канабис прописывают как болеутоляющее. Так что, видать, бояться политики таких инициатив, — можно голосов лишиться. Ну да ладно. Тем более что ко мне такой поворот событий имел бы малое отношение. Пыхтеть я не люблю. Два-три раза пробовал в жизни. Радости не было. Было острое желание сесть на горшок и одновременно хотелось вырвать. Весь мой кайф состоял в прыганье вокруг унитаза. Потуги есть — результата нема. Понял я, что «дурь» — не для меня. С проституцией, конечно, все иначе. «Нет такого мужчины, который раз в жизни не хотел бы стать холостым». Уж лучше

с проститутками, чем любовниц заводить и метаться-врать потом годами. А так, встретился-отдохнул-заплатил-расстался. И никаких душевных мук. Как-то раз в Израиле звонит мне товарищ, говорит: всё, приперло. Жена недавно родила, совсем обессилела. А у него гормон взыграл. Я ему говорю: «Приезжай в магазин. В задней комнате положишь рядком большие мешки с собачьим кормом, сверху спальничек и — понеслась душа в рай». Он примчался через час, позвонил в соответствующую контору, продиктовал адрес. Мы выпили по пивку, я наказал все прибрать после разврата и ушел домой. На утро звонок:

— Ты почему не предупредил меня о том, что у тебя хомяки разнузданно бегают по магазину?..

— А что, уже бегают? Неделю назад мамка-хомячиха на сносях слиняла из клетки. Мы ее никак найти не могли.

— А я нашел! Лежу, отдыхаю. Подруга сверху трудится. Спальник, правда, куда-то делся, а мешки кормовые разъехались. В общем, дело к кончине, и тут у меня в заду кто-то зашевелился. Я думал, показалось. Ан нет, норовит гад в самое очко забраться. Думаю, начну его прогонять — кайф сломаю. Короче, я расслабился — дал ему углубиться и половинки-то сжал. Сам понимаешь, десять лет профессионального футбола. Животное дернулось и притихло. Ты бы видел глаза подруги, когда я ей по концовке хомячка показал. Но тебе век не прощу такой подлости...

Кроме хомяков, рыбок и птичек я продавал собак и кошек. Дело это было денежное, но не благодарное. В тот момент, когда собачка продавалась, я был счастлив. За саму собаку клиенты хорошо платили. К тому же набирали все необходимое для собаки и чуть более. Раньше, до того, как самому открыть магазин, я партнерствовал с Зивом. У него был огромный зоомагазин, и парень он был добродушный. Я заказывал собак из Москвы, Зив содержал и кормил их. Бабки — пополам.

Партии собак, которые мы получали, нас не радовали. Радовали они в основном ветеринара, который часто звонил мне или Зиву и с нетерпением спрашивал, когда же мы привезем еще животных на продажу. Помимо слабого здоровья, живой товар отличался некондиционностью. Скорее всего, потому что, несмотря на клятвенные уверения моих поставщиков, покупался на птичьем рынке. Кое-как вылечив тех, кто не сдох при перелете или в течение первой недели, мы собачек продавали. Особенные сложности вызывала продажа мини-собачек чи-хуа-хуа. Щеночков с этим китайским названием мы получали регулярно. Прилетали они действительно маленькими, но потом, как правило, начинали стремительно расти. Видимо, к этому располагал жаркий израильский климат. Иногда клиенты заезжали в магазин и не без гордости демонстрировали нам своих питомцев. Смотреть без содрогания на этих чудовищ было невозможно. Чи-хуа-хуа напоминали докторскую колбасу формой и гиену окрасом. Порой клиенты возмущались. Совали нам под нос каталог и утверждали, что данная собачка должна весить кило-полтора. А их песик тянет на все пять. На этот случай у нас была заготовка.

— Чем кормите собаку? — спрашивали мы.

— Сухим кормом и немножко со стола, — как правило, отвечал нерадивый владелец.

— Корма сколько даете?

— Так у нее все время корм в тарелке. Щенок ведь должен расти...

— И после этого вы предъявляете магазину какие-то претензии? Мы же вам четко сказали: кормить собаку четыре раза в день. И только сухим кормом. Отмерили, насыпали. Десять минут подождали, что щенок не съел, — убрать назад в мешок. Чего же тут непонятного? Сами перекормили щенка, а нам претензии? Нехорошо...

— Но меня нет дома целый день. Я не могу кормить собаку пять раз.

— Покупая живое существо, вы берете на себя определенные обязательства...

В самой дальней вольере магазина сидел необычайный пес. По документам он числился пинчером, каковым и выглядел в момент прилета. Однако вскоре шерсть у него стала курчавиться, а уши не поднимались. Мы с Зивом стояли вечером у клетки и смотрели на этого ублюдка. Он к тому же оказался прыгучим настолько, что пришлось надставлять дверь вольера.

— Димитрий, он не похож на пинчера, — задумчиво протянул Зив. — Однако продавать его надо, за него уже деньги уплачены.

— Да, но кто ж его купит... — Уплаченные деньги были моими.

— Надо ему другую породу написать и цену спустить. 600 долларов за него никто не заплатит...

— Он не похож вообще ни на одну из известных мне пород. Но что-то в нем есть от терьера...

— Да, несомненно, это терьер. Мексиканский...

— Почему мексиканский?

— Там бабы хорошие... — Зив вздохнул с тоской. Тридцать пять лет мужику, а все с малолетками мучается. Потом плачет, как, мол, они его достали...

Мы незамедлительно переписали табличку на вольере: «Мексиканский терьер. С родословной. Привит по возрасту. Цена 900 долларов».

На следующий день была суббота, самый активный в магазине день. Он позвонил мне под вечер:

— Ты не поверишь. Перед самым закрытием приехал один. На БМВ. Говорит, собачку хочу. Забрал терьера. В общем, я уже позвонил своему адвокату...

Как ни с странно, мы не видели больше того мужика. Правда, отдать должное, мексиканский терьер, несмотря на свою полнейшую беспородность, имел характер дружелюбный и мягкий.

Но это редкость, чтобы израильтянин не отжимал своего до последнего. Один клиент купил, кстати, вполне породистого пекинеса с прекрасной шерстью и чудесными формами. Продавец ляпнул, что собака с родословной. Клиент начал нудить и раздражать. Он каждый день

приходил в магазин, спрашивая, не получили ли мы родословную на его «пикензи». Он нас так достал, что мы выдали ему родословную на пекинеса соответствующего возраста. Зануда изучил документ и на следующий день вернулся с претензией, что, мол, цвет в родословной указан не такой, как у его собаки. Мы долго объясняли, что цвет у собаки меняется с возрастом. Клиент не верил нашим заверениям и обещал пойти в суд. Вернуть собаку и получить деньги назад он, тем не менее, не соглашался. Говорил, что привык уже.

В Израиле мы с женой Наташей прожили 15 лет...

* * *

Много я разных работ переделал. На Святой Земле, до того как заняться зообизнесом, почти десять лет работал журналистом. Два года вел передачу на радио. Караулил богатый дом, вел дискотеки, красил стенки, работал на пескоструйке. Только вот на заводе трудиться не приходилось. Здесь, в Канаде, по началу продавал мороженое. Ездил на трехколесной тележке в парках и кричал: «Айс крим — Крем глассе». Поначалу стеснялся, а потом так разорался, что проходящие мимо пенсионеры аж подпрыгивали. В особо жаркие дни я находил молодую компашку и выменивал мороженое на пиво. Кстати, оказалась, что для летней подработки продажа мороженого — совсем неплохо. Во-первых, деньги приличные к концу дня получались. Во-вторых, весь день на свежем воздухе и на велосипеде. Жена сначала хихикала, а потом поглядела на мою постройневшую талию и могучие ноги и попросилась устроить ее тоже. Два месяца вместе ездили по одному парку, составляя конкуренцию друг-другу. В общем, я много чего перепробовал. Но, пожалуй, из всех теперешняя работенка водителем нравится мне больше всего. Время за рулем летит быстро. Это не то что в офисе сидеть, на часы посматривать, с утра ожидая заветных шестнадцати ноль-ноль. Плюс радио в машине, новости, музыка. Водят в Монреале аккуратно, и стресса на дороге мало. Раздражает только, когда одновременно из двух магазинов звонят: «Дмитрий, у тебя заказ». Ну что прикажете делать? Как успеть в оба места одновременно? А если затянуть, клиент начнет волноваться, названивать в магазин, магазин — мне. Хотя продавщицы привыкли и сами говорят покупателям, что тем придется с часок подождать. Как раз столько времени мне нужно, чтобы обернуться туда-сюда...

Родные смотрят на меня с тоской: не оправдал я их надежд. Слова «учеба», «университет» слетают с губ моих родителей с трепетом. Никакие мои доводы не интересны. Как будто с высшим образованием дураков мало. Нет, оно, конечно, прекрасно, если знаешь, что тебе нравится, и это учишь. Сначала первая степень, затем вторая. Докторская и так далее. Проблема в том, что многие родители в разговоре со своими детьми настаивают, что именно бумага об окончании высшего заведения сделает их, детей, счастливыми. Занятно, что сами родители имеют

эту самую бумагу, а порой и две. При этом сами они уже и не помнят, когда последний раз со счастьем встречались...

Эх, минуй меня чаша сия с моими детками. Не хочу я за них решать, что им интересно, чего им хотеть и кем в жизни становиться. Я стараюсь воздерживаться от оценок. Мое воспитательское дело — наблюдать и поддерживать, а не определять и настаивать. Главное, чтобы без наркоты. Но тут уж мне как родителю все карты в руки. Думаю, счастливый ребенок наркоманом не станет. А в остальном... В остальном пусть мои дети растут без слова «должен». Да и кому? Мне — папаше?.. Нет, уж лучше главным у нас будет глагол «хочу». Хотелки завсегда обсудить можно. Детишки народ справедливый. И слова вроде: «Сегодня у меня есть только один доллар, а двух нет», — доходят до них отменно...

Никто никому ничего не должен. Стоп, вру. Я должен своему дядьке. Он поверил в мою идею и отвалил мне деньжат на открытие зоомагазина. Но этот вопрос мы решим. Главное, чтобы спина от коробок не болела, да бульдожка Нюша щенков исправно рожала. Тогда — прорвемся!

Да, и колеса надо сегодня не забыть поменять...

ОСТАВАЙТЕСЬ НА БАТАРЕЯХ!

Небеса готовы разверзнуться сверху...
Священный Коран. Сура 42, Аят 5

Двадцать шестого апреля, в понедельник, солнце поднималось над континентальным горизонтом особенно медленно, как будто выталкиваемое из ночи заржавелым подъемным механизмом артиллерийского орудия, рукоять которого вращала усталая рука седого и бессильного Бога. Когда косые лучи зари пробрались сквозь плотную атмосферу и легли в изнеможении на мягкую пыль города, пыль показалась серой и больше похожей на пепел; словно Бог галлюцинировал или предчувствовал. Если это не одно и то же, ведь самые страшные кошмары Его снов обречены стать нашей явью.

Город еще не вышел из оцепенения ночи: лежащие по обочинам улиц коровы не торопились вставать, только мотали своими рогатыми головами, отгоняя непонятные сны о длинных ножах и мужчинах в кожаных передниках, забрызганных кровью. Людей на улицах практически не было видно. В конце улицы, сидя на корточках перед затухшим костром, бодрствовал патруль, прокалывая сумрак огоньками папирос. Полусонная девушка искала свою корову, чтобы подоить. Безумный мальчишка, вышедший вместе с сестрой, уже начал играться в пыли, возводя крепости и тут же разрушая их ударами прутика, изображавшего, по всей видимости, разрывы снарядов. Закутанный в одеяло беженец шел с пустой бутылью к гидранту с водой. И всё, пожалуй. Остальные спали.

Таким увидел мир в то утро лейтенант Хосе Баррос, кадровый артиллерийский офицер. Он был одним из тех, кому не спалось. Всю ночь лейтенант бродил около позиций, осматривая свои батареи, а к утру возвратился в квартиру, чтобы умыться и сменить рубашку.

В умывальной стоял большой металлический кувшин с водой. Лейтенант взял кувшин и вышел в патио, где к стволу высохшего деревца было прикручено тусклое зеркало. Раздевшись до пояса, он стал поливать голову, набирать воду в горсти, плескать на лицо и подмышки, охая

Герман САДУЛАЕВ — родился в 1973 г. в селе Шали Чечено-Ингушской АССР. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Как прозаик дебютировал в декабре 2005; в 2006 году выпустил книги «Я — чеченец» и «Радио Fuck», опубликовал реконструкцию чеченского эпоса «Илли». В 2008 году выходят две новые книги: сборник «Пурга, или Миф о конце света» и роман «Таблетка». Постоянный автор «Континента». Живет в Санкт-Петербурге.

и фыркая. Посмотрев на себя в зеркало, он после минутного колебания решил побриться. Развел в плошке мыльный раствор, нанес его толстой кистью на щербатую кожу и соскоблил щетину опасной бритвой. После бритья пришлось умываться заново. Процедура не приносила особого удовольствия, но установленный ритуал заметно успокоил мятущееся сознание. Одевшись в чистое, он снова посмотрел на себя в зеркало и пригладил волосы.

Лейтенант Баррос не был хорош собою. Низкорослый, но не коренастый, а скорее пухловатый. Облысение не собирало еще урожай на его голове, но жесткие волосы были неприятно редки. Лицо, белое, с тонкими черными бровями над глубокими карими глазами и удлиненным подбородком заметно портил нос, плоский, с широко расставленными, как у негра, ноздрями.

Говорят, что метисы бывают необычайно красивы. Хосе мог бы с этим поспорить. Но в этом не было необходимости — сама его внешность была слишком очевидной иллюстрацией обратного. Действительно, красота детей от смешанных браков скорее редкое исключение, чем правило. То, что мы воспринимаем как человеческую красоту, — чаще всего наиболее правильное и стандартное воплощение расовых и френологических типажей: нордического или азиатского, франкского или славянского. Когда природа мешает краски и бросает с размаху на палитру, то только изредка, случайностью, получается картина оригинального эстетического совершенства. Чаще это нескладность, граничащая с уродством.

Мать лейтенанта, урожденная Мария Хуанита Гомес Феррарис, была наследницей славного и древнего, но столь же бедного рода малоземельных каталонских дворян, идальго. В чистоте ее крови можно было не сомневаться. Но по линии отца, торговца из Андалузии Хосе Альберто Баррос, чего только ни было намешано! Помимо испанских крестьян и ремесленников в формировании своей родословной Хосе не без оснований подозревал мавров, чернокожих из самого центра Африки, французов и даже андалузских евреев. Семья сеньора Баррос в разные века исповедовала то католичество, то ислам, то иудаизм и снова католичество — в зависимости от того, какая религия в тех или иных обстоятельствах была наиболее благоприятна для торговли и снижения налогов. Сеньор Баррос при всем этом, а скорее — благодаря всему этому, был зажиточен, держал торговый дом в Валенсии, где сейчас жила семья Хосе: молодая жена Исабель Соледад и крошечка-дочка, прекрасноликая принцесса с белыми локонами на смуглых щеках, названная по испанскому обычаю именами матери и бабушки: Исабель Мария. Отец лейтенанта скончался года за два до начала Гражданской войны, от сердечной болезни. Мать была жива и поселилась в доме Хосе и Исабель. Она не очень ладила с невесткой, но души не чаяла во внучке.

Сеньор Баррос оставил после себя достаточные средства и процветающее торговое дело. Однако в обстановке нынешней неразберихи, войны и экономического упадка, состояние семьи быстро исчерпыва-

лось, утекало, как морская вода из ладоней, оставляя после себя только быстро выпаривающуюся на солнце соль разочарования и беспокойства о будущем. Беспокойства, которое и здесь, недалеко от линии фронта, не оставляло лейтенанта.

В семье сеньора Хосе Альберто было трое дочерей и только один сын. Заводить пятого и шестого ребенка сеньора де Баррос отказалась, сказав, что она потомственная аристократка, а не племенная крестьянская кобыла. Хосе Альберто при жизни удачно выдал всех троих дочерей в дома своих торговых партнеров, успешных буржуа. И готовил сына принять фамильное дело в свои руки.

Молодой Хосе, в пику желаниям отца и следуя советам матери, пошел в военное учебное заведение. Однако его карьера на военной службе не сложилась. Хосе не имел ни протекции в штабах, ни таланта к интригам, ни особого служебного рвения и оставался лейтенантом, хотя возраст его приближался к сорока. Его возраст приближался к сорока, когда Испанию расколола война.

Шестнадцатого февраля 1936 года, в воскресенье, Народный Фронт, объединивший либеральных демократов, анархистов и коммунистов, одержал победу на выборах в кортесы, испанский парламент. Правые партии получили всего 205 мест, а партии Народного Фронта — 263. Большинство в кортесах сформировало правительство Мануэля Асаньи и восстановило действие конституции 1931 года. По всей Испании начались самозахваты земель помещиков и церкви.

Десятого апреля, в пятницу, кортесы лишили президента Замору полномочий главы государства и через месяц, десятого мая, президентом страны был избран Асанья. Двенадцатого июля в Мадриде пролилась первая кровь: республиканцы арестовали и убили депутата кортесов от правой партии сеньора Сотело. Шестнадцатого июля правительство Асаньи отменило отпуска военнослужащим и запретило им покидать свои части в связи с угрозой антиправительственного мятежа.

Но мятеж был неизбежен. Восемнадцатого июля, в субботу, из Марокко по радио был передан условный сигнал к выступлению: «Над всей Испанией безоблачное небо». В Мадриде взбунтовалась казарма Ла Монтанья. На следующий день казармы были взяты республиканцами. Выступление подавили и в Кампаменто. А в Севилье, благодаря подкреплению, полученному из Марокко — Пятая бандера Иностранного легиона и Второй марокканский табор, войска мятежников возглавляемые генералом Кейпо де Льяно, одержали верх. Пал и Кадис, под натиском десанта марокканцев, высадившихся с пароходов «Чуррука» и «Сиудад де Алхесирас». Уже двадцатого июля по странному стечению обстоятельств, которые иногда творят историю, в авиакатастрофе погиб генерал Санхурхо, и руководство мятежом принял генерал Франко.

Казалось, сдвинулись вековые тектонические плиты, разлом удлинялся, шел по всему Пиренейскому полуострову, расширялся, вовлекая в адские волны кипящей лавы войны тысячи и тысячи жертв.

Девятнадцатого августа в Гранаде мятежные франкисты расстреляли поэта Федерико Гарсиа Лорку, а тридцатого августа в Бадахосе марокканцы и солдаты Иностранного легиона зверски расправились на арене для боя быков с пленными республиканцами. Немецкие бомбардировщики начали налеты на Мадрид. Бои велись в нескольких провинциях. Почти вся Испания стала одной ареной боя быков, залитой кровью.

С двадцать третьего по двадцать восьмое сентября шла битва за замок Алькасар в Толедо. Алькасар переходил из рук в руки; трупы убитых с обеих сторон громоздились валами. Такого избиения не знало и кровавое средневековье.

Двадцать девятого сентября Хунта национальной обороны назначила генерала Франко верховным главнокомандующим и главой правительства. Первого октября Франко был провозглашен руководителем Национального правительства Испании.

А в Мадриде шестого декабря республиканские кортесы утвердили автономию Страны Басков. В первый и в последний раз за свою историю баски получили свое государственное образование. И, конечно, они поддержали республику в ее борьбе с франкистами.

Пятнадцатого октября армия Тахо войск Франко перешла в генеральное наступление на Мадрид; началась оборона Мадрида, которой было суждено длиться до двадцать восьмого марта 1939 года, когда город пал.

Восемнадцатого ноября все еще 1936 года Германия и Италия признали правительство генерала Франко в Испании. Объем военной помощи Германии и Италии войскам Франко постоянно увеличивался. Из боевой техники и военнослужащих германских Люфтваффе был сформирован Легион «Кондор». В операциях на стороне франкистов принимали участие регулярные части итальянской армии. Помощь республиканцам оказывал только Советский Союз — поставками вооружения и присылкой военных специалистов, не решаясь открыто вступить в войну. Демократические державы Запада придерживались политики «нейтралитета». По собственному желанию в Испанию направлялись добровольцы со всего мира, чтобы в составе интернациональных бригад защищать республику. Прибывали добровольцы и в армию Франко. Бой между фашизмом и миром был начат.

Первого апреля 1937 года на Северном фронте войска Франко окружили Бильбао, столицу Страны Басков. Автономия Басков была отрезана от республики. Бильбао будет обороняться три с половиной месяца и падет восемнадцатого июля, в годовщину начала мятежа.

Лейтенант Баррос не присоединился к мятежу. Он остался верен Республике. Хотя большинство его коллег, кадровых офицеров, в особенности артиллеристов, оказались по другую сторону фронта. И это были — лейтенант с горечью осознавал — лучшие офицеры, профессионалы, вояки.

Он никогда не был принятым в их элитарном клубе. Для благородного офицерского сообщества Хосе всегда оставался бастардом с крестьянскими грубыми ладонями, недоноском. Они были красивы и эффектны, молодые девушки в тавернах кружили вокруг офицеров, как пчелки у корыта с сиропом, и часто залипали в их объятьях на постелях дешевых отелей, квартир или даже просто под лунным небом в теплые испанские ночи. А Хосе знал только одну девушку, свою жену Исабель — милую простушку из семьи школьного учителя. Военная наука давалась им легко, и бо́льшую часть времени офицеры проводили в гулянках или играя в карты. Хосе ночами штудировал математику, подолгу занимался с солдатами, возмещая природный недостаток талантов усердием.

Офицеры за глаза называли его Пепе. Это было детское прозвище, так Хосе называла мать. В устах коллег, обращенное к взрослому мужчине «Пепе» звучало как издевательство.

Все это, возможно, и не было главной причиной того, что Хосе не присоединился к мятежной кадровой армии. Лейтенант Баррос по убеждениям был противником монархии и диктатуры. Во время выборов в кортесы он голосовал за социалистов. И это, очевидно, сыграло свою роль.

Теперь он искренне сражался за Республику, думая о том, что воюет и за будущее своей семьи, своей любимой Исабель Соледад, и за свободную страну для малютки Исабель Марии. Хотя его, профессионального военного, привыкшего к дисциплине, раздражал бардак, творившийся в республиканских войсках. Особенно, рохо-негро, «красно-черные», названные так по цвету их рубашек и головных уборов, анархисты. Эти бравые парни, опоясанные пулеметными лентами, толком не слушались никаких приказов, шли в атаку шеренгой в полный рост, как на демонстрации, а потеряв пару человек убитыми, сразу возвращались — предать тела товарищей земле. И никакими уговорами было невозможно убедить их продолжить бой.

Городок, в котором оказался лейтенант Баррос, находился в Стране Басков к северо-востоку от Бильбао и не представлял стратегического значения ни для одной, ни для другой воюющей стороны. Основное сражение шло у Бильбао. Двадцать три батальона армии басков занимали позиции к востоку. В самом городке были расквартированы два батальона. Кроме басков, в городке находились разрозненные остатки интербригад и республиканских соединений на переформировании. И две батареи артиллерии под начальством Хосе. В каждой батарее было по четыре семидесятишестимиллиметровых дивизионных орудия образца 1902 года. В последнем сражении половина личного состава орудийных расчетов были убиты и ранены в артиллерийской дуэли с батареями франкистов; лейтенанту требовалось пополнить расчеты и обучить новых солдат. Этим он и занимался в городке уже три недели. Новобранцы были, в основном, из басков, крестьяне и лесорубы, сильные, но не слишком сведущие в науках. А артиллерийское дело — это прежде всего математика. Тригонометрия. Хорошо, удалось заполучить трех студентов — одного француза и двух каталонцев. Лейтенант занимался со

своими артиллеристами по десяти часов в день, обучая пользоваться панорамой, прицелом, планшетом и таблицами стрельбы.

Гражданских лиц в городке было около пяти тысяч, это только местные. Помимо местных, городок заполнили беженцы из районов, занятых франкистами, их никто не считал, но, кажется, их было примерно столько же. Сегодня, в понедельник, людей обещало быть еще больше. Понедельник — базарный день, и хотя республиканское правительство, чтобы предотвратить заторы на дорогах, а также проникновение шпионов, запретило базарные дни, окрестные люди все равно собирались, чтобы продать или обменять вещи и еду. Война войной, а люди всегда хотят кушать.

В последние дни Хосе часто с тревогой глядел в небо. Да, городок был не бог весть как важен в этой войне. Но все же в нем располагались три фабрики, одна из которых производила авиабомбы. Неподалеку — стратегически важный мост в деревне Рентериа. К тому же, это потенциальный путь для отхода республиканских войск. Мрачные предчувствия особенно сильно стали терзать его после того, как по республиканской армии прокатилось известие о случае под Бильбао: республиканцы сбили самолет немецкого Легиона «Кондор» и устроили самосуд над спустившимся на парашюте пилотом — ожесточенные потерями от бомбардировок баски повесили пленного. Месть басков могла вызвать еще большую месть немцев.

Так что возможность массированных бомбардировок нельзя было исключать. А городок был совершенно лишен противовоздушной обороны. Ни одного зенитного орудия! Никаких истребителей, контролирующих воздушное пространство! Перед атакой с воздуха город был совершенно беззащитен.

С зенитными орудиями в республиканской армии с самого начала было очень плохо. Их практически не было. Только недавно стали поступать советские среднекалиберные зенитные установки. Они неплохо показали себя в Харамской операции в феврале. Но здесь зениток не было. Лейтенант Баррос отправлял докладную записку в Мадрид, начальнику артиллерии республиканской армии подполковнику Фуэнтесу, но никакого ответа не последовало. Командиры республиканских частей поговаривали, что подполковник вообще мало утруждает себя фронтовыми делами, занимаясь ведомственной перепиской. Советовали обратиться к русскому военспецу по артиллерии, известному по конспиративному имени Вольтер. Но возможности найти контакт с русским Вольтером у лейтенанта не было.

Еще неделю назад Хосе самостоятельно принял решение приспособить имеющиеся в его распоряжении орудия для поражения воздушных целей. Прежде всего для каждого орудия выкопали яму глубиной в полтора метра. Обрадовавшиеся привычной работе крестьяне взялись за лопаты и быстро сделали правильный окоп. Местные рабочие сбили по чертежу лейтенанта зенитные станки — из досок, перехваченных железными полосами. Благодаря подставке наибольший угол стрельбы

сильно возрос. Однако «мертвая воронка», непростреливаемая часть воздушного пространства над орудием, оставалась очень большой.

С большим трудом, но удалось раздобыть угломер зенитной артиллерии. По его шкалам можно было определить одновременно азимут самолета и угол места, то есть вертикальный угол между линией горизонта и линией цели. Но для точного определения местоположения самолета одного угломера мало, нужен второй, чтобы засечкой самолета построить два треугольника, тригонометрическое решение которых дает возможность навести прицел.

С утра лейтенант Баррос думал о том, как наловчиться наводить орудия для стрельбы по воздушным целям используя только один угломер и бинокль.

Когда над городом окончательно рассвело, лейтенант вернулся на батареи. Большая часть солдат и командиров еще не вернулась с квартир. Хосе знал, что некоторые появятся только после сиесты. В окопе на лафете ближайшего орудия сидел пожилой доброволец в гражданской одежде.

— Доброго утра, Пепе! — приветствовал он своего командира, не вставая.

Хосе передернуло. Он обиженно поджал губы, выпрямился и уже был готов устроить подчиненному разнос за фамильярность в обращении к офицеру. Но взглянул в теплые глаза старика и мгновенно обмяк. Это было совершенно не похоже на «Пепе» его бывших коллег офицеров; скорее напоминало «Пепе» из уст матери.

— Доброго утра, сеньор Пако! — ответил лейтенант и усмехнулся.

Солдата звали Франциско. «Пако» — так, наверное, в детстве его звала мать.

Старик широко улыбнулся, показав белые зубы, чередующиеся с черными провалами там, где зубов не осталось, — выдернул ли местечковый зубодер, выбили ли в драке на улице, когда Пако был помоложе, а, может, сами выпали от времени.

— Можешь называть меня Лагарто, лейтенант. Меня все так зовут.

«Лагарто» значит ящерица. Хосе пригляделся к старику. В нем действительно было что-то от ящерицы — холоднокровного и мудрого существа, сливающегося с камнем, когда греется на солнышке и готового юркнуть в расселину раньше, чем ты успеешь сморгнуть.

— Хорошо, Лагарто. Собери мне всех командиров батарей и расчетов на командно-наблюдательном пункте, мы начнем сегодняшние занятия.

Франциско-Пако Лагарто был лучшим помощником лейтенанта в командовании батареями. Старик был испанец, родом с побережья, в прошлом то ли рыбак, то ли матрос торгового судна. Никакого звания он не имел, прибился к батарее уже в городке: его часть понесла большие потери и была расформирована. Он, казалось, знал и жизнь, и смерть, а к войне относился как к самому обычному делу. Его почему-то слушались все новобранцы, даже хмурые баски, не признающие авторитетов.

Командно-наблюдательный пункт своих батарей Хосе устроил на окраине города, где небольшой холм венчала церковь Сан Хуана — святого мученика. Никакой религиозной подоплеки в этом не было, лейтенант не искал покровительства святого. Просто с холма хорошо просматривались окрестности, а батареи были окопаны неподалеку. Но его подопечные все равно шутили, собираясь к холму:

— Пойдемте скорее, наш святой Хосе уже бродит около церкви, как призрак.

Прошло еще не менее часа, пока все подтянулись на командно-наблюдательный пункт: восемь командиров расчетов, два командира батарей, сам Хосе и его правая рука, Лагарто.

— Ну вот, двенадцать апостолов в сборе, — провозгласил Лагарто с ехидцей.

По кучке воинов прошел добрый смешок.

— Труднее всего было со святым Мануэлем, — продолжал Лагарто. — Непросто было вытащить его из постели достопочтенной сеньоры Фелисидад, тоже, надо полагать, святой. Он многажды поминал дьявола и все время путался в ризах.

Бойцы хохотали, а молодой брюнет Мануэль, командир первого расчета второй батареи, победно глядел поверх голов.

— Вы мне просто завидуете.

— Альто! — громко сказал Хосе и поднял правую руку.

Смешки и разговоры смолкли. Лейтенант оглядел своих «апостолов». У многих были опухшие глаза, выдававшие, что вечер и ночь прошли за распитием деревенского вина из кладовых местных жителей. Лейтенант покачал головой.

— Доставайте тетради, пишите.

Командиры примостились кто на земле, кто на брошенных бочках и ящиках, открыли тетради и изготовили карандаши. Записывать не собирался только Лагарто. Он по умолчанию выполнял в подразделении и на импровизированных курсах функции заведующего хозяйственной и административной частью.

— Итак, вчера мы разобрали, как установить три координаты самолета. Таким образом, мы можем зафиксировать, где находится самолет в момент наблюдения. Но этого мало: нам нужно знать, где он будет находиться в момент, когда его зоны достигнет снаряд. Для этого нам нужно знать скорость самолета.

Хосе с удовлетворением отметил, как все его гуляки превратились в серьезных студентов и царапают тетради, чуть не высунув языки от усердия. Ему подумалось, что у него есть педагогические способности. Если бы не эта война, сеньор Баррос рано или поздно преподавал бы в артиллерийской академии...

— По высоте и угловым координатам на планшет наносим точку — проекцию самолета на горизонт. Через несколько секунд снова измеряем координаты самолета. Заносим на планшет вторую точку. Теперь измеряем расстояние на планшете между двумя точками и делим его на

число секунд, которое прошло между двумя измерениями. Это и будет скорость движения самолета. Мы знаем скорость самолета и работное время, то есть время, необходимое для выполнения всей подготовительной к выстрелу работы. Это десять секунд. А задачу встречи самолета и снаряда считаем с помощью таблиц стрельбы...

— Постойте, лейтенант, — Мануэль даже поднялся со своего бочонка, — а если заряжающий, мой Бето, этот баскский медвежонок, промедлит? Если он не уложится в десять секунд?

Неожиданно Лагарто ответил вместо Хосе:

— Лучше бы он укладывался, Маноло! Лучше бы он укладывался в десять секунд, твой сонный медведь. Иначе мы расстреляем все снаряды по ангелам небесным. А у нас не так много снарядов. Если ты не знал, у нас всего по сорок снарядов на орудие.

Студенты уставились на лейтенанта, выжидая реакции их ревнивого преподавателя на вмешательство старика Лагарто в педагогический процесс.

Но лейтенант Баррос, против ожидания слушателей, не разозлился и не накричал на Лагарто; напротив, он напустил на себя серьезный вид, даже поднял зачем-то указательный палец и, кивая головой, произнес, поддерживая теологические измышления Лагарто:

— Если мы будем палить в небо, а не по самолетам, пара снарядов могут залететь в райские кущи, или даже к престолу Самого Господа Бога! Господу Богу может не понравиться, что мы выбиваем перья из Его ангелов и разносим в щепки рай, вместо того чтобы валить на землю немецких чертей. «Ради чего Я даровал вам по сорок снарядов на орудие? — спросит Он. — Знаю, это не много, но при нашей бедности даже на фронте не всегда артиллерия имеет такой боезапас. А знали бы вы, чего эти снаряды стоили вашему лейтенанту, сколько он молился и клал поклоны по штабам! Если вы ночами кутите, а днем засыпаете со снарядом в руках, не можете правильно выставить прицел и вовремя подготовить орудие к выстрелу, — пожалуй, стоит поджарить ваши задницы на сковороде без масла!»

— Вот святой Хосе и произнес свою нагорную проповедь!

— Баста, баста! — лейтенант замахал руками.

Бойцы угомонились, и занятие продолжилось.

— Итак, командиры расчетов держат в руках таблицы стрельбы. Командир батареи отдает команду: высота 32, скорость 50! Командиры расчетов находят нужные страницы, по клапанам с надписями 32 и 50. В соответствующих строках и столбцах напечатаны вычисленные заранее установки орудия. Артиллеристы принимают установки и наводят орудия. В ту секунду, когда стрелка секундомера пробегает назначенное работное время, командир батареи командует: фуэго! Орудия стреляют, но не туда, где находится самолет сейчас, а в упрежденную точку, где по расчетам должны встретиться снаряд и летящий самолет. Запомните: стрелять надо не в ту точку, где находится самолет в момент определения его координат или в момент выстрела, а в упрежденную точку на

пути самолета. Мы стреляем из настоящего в будущее, вот как я вам скажу!

...А когда он был совсем маленьким, зима была чудом. На южной окраине огромной страны только далекие горы были всегда одеты снегом и льдом. Холода спускались в долину совсем не надолго: два коротких месяца с неба мог падать мягкий пушистый снег. Та земля не знала жестоких морозов.

Снегопадение, волшебная белая сказка! Словно лепестки акации, кружили снежинки, дети выходили на улицы, даже дворовые псы не могли усидеть в деревянных будках, таращились на свои холодные носы и хватали снег алыми языками прямо в воздухе. Если долго смотреть в вертикальный столб света под уличным фонарем, начинало казаться, что снег не падает, он возносится к небу!

Что же случилось с миром? Почему эта грязная каша под ногами, колючая мокрость за воротником, зябкая кожа и тусклый северный свет теперь называются так же — зима? В новой земле на два месяца приходит лето, да и как приходит: потопчется только в прихожей, не снимая плаща, и спешит уйти, захватив непросыхающий зонтик.

Наверное, дело во взрослости. Ведь его маленькая дочь еще совсем недавно, года четыре назад, тоже умела радоваться снегу. И первый снег в ту зиму был как первый грех, но — прощенный. Они наспех оделись и выбежали во двор. У самых окон, среди голых ветвей сирени, они катали громадные комья снега, с налипающей палой листвой, и собрали даже снеговика — с крюкастыми руками из сучьев.

Через пару лет они шли мимо этого места, держась за руки:

— Помнишь, папа, здесь мы с тобой лепили снежную бабу!..

Почему захотелось рыдать, закрывая лицо руками, обнять и прижать ребенка, молить о прощении за то, что так мало простого счастья, что всегда далеко и этим обманул и предал ее любовь? А годы ушли, и она стала совсем большой и не рисует смешные картинки. Смешные картинки из шариков и крюкастых палок, выведенных на бумаге карандашом, и подписи, такие же кривые, внизу: папа, я, снеговик. Потом она научилась писать целыми предложениями: папа и я лепим снеговика! И скоро, вкусив плод речи, Ева уже фантазировала: мама, папа и я лепим снеговика!!! И мама нарисована — с большими глазами, потому что это красиво, и ее крюкастая рука перекрещена с палкой, торчащей из овального тельца папы. Чистый художественный вымысел, ведь мамы не было рядом. Мама была дома, наверное. Или в гостях. А папа — такой редкий, воскресный, почти чужой, но тогда — непонятно.

И так хотелось, чтобы она скорее стала взрослой, чтобы смогла понять. Совсем уже скоро она поймет. И все поздно.

Эти картинки раньше она дарила папе на каждый праздник, зимой и летом.

Теперь она рисует только холодных кукол в дерзких нарядах, с бриллиантами в волосах и коровьими глазами. Потому что это красиво. И

кукол зовут, как ар-эн-бишных красоток: Синди, Джессика, почему-то мужское — Сэм.

Что же ты за человек, как ты просрал свою жизнь, как просрал ее детство?

А скоро мы все умрем.

Серый снег за окном опадает, как пепел.

Анвар Берзоев оторвал взгляд от окна и посмотрел прямо перед собой на сидящего рядом с журнальным столиком человека с крохотной чашкой кофе в ладони.

В маленький кабинет без стука зашла высокая девушка в черном костюме.

— Георгий Анатольевич, ваш водитель спрашивает, можно ему отлучиться на полчаса пообедать?

— Конечно, Ксения. Спасибо. Пусть заедет за мной в три.

Девушка вышла. Гость, кивнув головой в сторону закрывшейся двери, спросил:

— Е.ешь ее?

Берзоев скривил лицо укоризненно и ничего не ответил.

— Ну, по.бываешь ведь, признайся, старый развратник. Или уже не стоит? Сколько там тебе лет?

— Ты, я вижу, совсем разошелся...

Гость достал из кармана пиджака пачку сигарет, щелкнул по днищу и поймал выскочивший фильтр губами. Пошарил в карманах брюк, достал дешевую одноразовую зажигалку и закурил.

— Ладно, забудь. Это нервное.

— Проехали.

— Что скажешь насчет речи?

— Гоша, по-моему, ты злоупотребляешь националистской риторикой.

— Ты, Ваня, меня не обижай. Риторика — это у педросов и прочих холуев, они тебе какую хочешь риторику изобразят: хоть националистскую, хоть коммунистическую. Им до п.зды, лишь бы остаться у кормила, которое одновременно кормушка. А я русский националист. И никогда этого не скрывал.

Берзоев покачал головой и стал перебирать лежавшие на столе перед ним листы с текстом.

— Ты хочешь, чтобы тебе бил морду именно русский полицейский? Для тебя это — главное? Так ОМОНовцы, которые на митингах дубинками мозги массажируют, в большинстве своем русские. Чем тебе не русский мир и порядок?

— Если я предам Россию, то пусть меня русские парни отп.здят до смерти. А сейчас они сами служат предателям и врагам нации.

Георгий докурил сигарету до половины и затолкал ее в пепельницу, уже полную окурков.

— И потом, Ваня, ты же сам националист. Просто не русский. Ты должен меня понимать.

— Нет, Гоша. Мой национализм мне отбили еще в детстве вместе с почками. Когда в одном городе меня мордовали за то, что мать звала меня Ваней, а в другом — за то, что отец называл Анваром. В конце концов я пошел в секцию бокса. Теперь вот могу мочиться на два фронта и защищать оба своих имени.

— О, да! Ты же принц-полукровка. А я Гарри Потер. И все-таки ты мыслишь национально, я всегда это отмечал.

— Наверное, да. Но это только потому, что сейчас все не так, как во времена классического марксизма, сейчас все наоборот. Тогда буржуазия защищала национальные интересы, а пролетариат был интернационален — во всяком случае, в теории. А теперь буржуазия космополитична — не на словах, а на деле. И широкие массы инстинктивно противопоставляют идеологии глобальной элиты свой частный национализм.

— Ты сам это признаешь! Левый протест против глобализма неэффективен. Только националистические идеи могут быть ресурсом новой революции.

— Гоша, не заставляй меня повторять банальности. В России революции всегда одного цвета — красного, цвета крови. Коричневыми могут быть только погромы. А погром — это еще не революция. Или уже никогда не революция. Погромы — то, что нужно власти: это ресурс ее легитимации, сам прекрасно понимаешь.

— Я не призываю к погромам.

— Слава Аллаху, этого еще нам не хватало.

У Берзоева на столе зазвонил телефон. Он поднял трубку, но услышал только шипение, которое сменилось короткими гудками. Георгий посмотрел понимающе.

— Прослушка глючит.

Берзоев опустил трубку на рычаг и пожал плечами.

— Да и не будет никакой революции.

Минут через сорок Берзоев все же отредактировал речь Георгия Анатольевича Невинного, кандидата в губернаторы. Георгий забрал листки, исчерканные карандашом Анвара, и уехал. Почти сразу вслед за ним из редакции оппозиционной газеты, надев бежевое пальто и шарф, вышел и сам Берзоев.

Он пошел по улице, немного боком и подняв ладонь к лицу, пытаясь защититься от холодного ветра со снегом, который, казалось, шел горизонтально. Небо было серо-голубое, пустое, как глаза идиота, и делало вид, что не имеет к происходящему внизу никакого отношения.

Над проезжей частью колыхалась огромная растяжка, залепленная снегом. Слоган призывал голосовать за кандидата от партии власти. Сам кандидат присутствовал неподалеку в виде огромных биллбордов с фотографией: он жмет руку президенту. Или президент жмет ему руку? Пес их разберет. Но оба улыбаются в объективы фотокамер и в глаза электората: кандидат улыбается широкой, открытой улыбкой, президент —

немного сурово, но в целом тоже доброжелательно. Жирная подпись под фотографией гласит: «Мы — вместе!»

Вместе — с кем? — подумал Берзоев. Друг с другом, наверное. Не с нами. Дружат против своего народа. Да и дружат ли? Каждый, как волк, готов вцепиться в глотку вожаку стаи, стоит только Акеле промахнуться... Вместе...

«Все говорят, что мы вместе, все говорят, но не многие знают — в каком...», — вспомнил Берзоев строку из песни Виктора Цоя. Интересно, а Цой был русским националистом?

Город прятался от непогоды за стеклами кафе, за стенами домов. Редкие прохожие спешили свернуть во двор или зайти в парадную. Машины двигались медленно, ожесточенно работая дворниками на лобовом стекле.

Анвар Берзоев жил в этом городе уже почти двадцать лет. Он остался в России — в большой России — после окончания института. В этот город его привезла женщина. Русская женщина. Мать Евы. Его дочери.

Ее зовут Ева. Ева Анваровна Берзоева. Так написано во всех документах. Так написано в школьном журнале. Мать Евы не сменила свою русскую фамилию, не взяла фамилию Берзоева когда они зарегистрировали брак. Но дочь носит фамилию отца.

Может быть, только до совершеннолетия. Может, когда ей будут выдавать паспорт, она возьмет фамилию матери. Он поймет — дочери жить среди русских, с фамилией Берзоева она будет чувствовать себя неуютно. Может, нет. Пусть решает сама.

Не очень-то у них получилось. Все это — семейная жизнь, совместные походы в магазины, воспитание ребенка, супружеские долги. Сначала они часто скандалили. Потом стали жить отдельно — каждый своей жизнью. Говорят, всегда виновны оба. Но Берзоев главным виновником считал себя. И не потому, что позволял себе много, нарушал чистоту и святость супружеских уз, — хотя и это было. Просто потому, что мужчина. Женщины и дети не могут быть ни в чем виноваты.

Вот только зря все родственники — с той и с другой стороны — покачивали головами с выражением всезнайства. Мол, мы-то всегда понимали. Не живут в одном гнезде орел и ласточка. Это тут ни при чем. Разве мало русских мужчин, расстающихся со своими русскими женами? Да еще тяжелее, грязнее, кошмарнее.

Просто разные люди.

А Ева — Ева вырастает красавицей. Умницей. Говорят, что метисы бывают необычайно красивы и талантливы. Анвар — тоже метис, но на нем природа отдохнула. По крайней мере, сам он считал так. А Еву вознаградила всем, что упрятала от отца.

Если бы не Ева...

Если бы не Ева, жизнь была бы простой. Не так ныло бы сердце. Ночами не мучила бы бессонница. Не терзало бы чувство вины. Жить было бы легко.

Только в душе дул бы холодный северный ветер, ветер пустоты.

Такой же зябкий и мерзкий, как тот, что сейчас пробирается за воротник пальто, накладывает свои холодные пальцы на тело и начинает медленно сжимать грудную клетку, душить.

Берзоев распрямился, открывшись летящему снегу, и обхватил голову обеими руками, как будто стараясь выдавить из нее лишние мысли, чтобы вернуться к делам.

Город, не очень большой, даже не миллионник, был, тем не менее, центром области. Здесь располагалось областное правительство. Недавно прошел первый тур выборов губернатора. Число зарегистрированных кандидатов было беспрецедентно большим. Несколько кандидатов были вброшены самой партией власти, спешно сформировавшей для этой цели даже какие-то подобия политических движений и общественных организаций, симулякров политической активности.

В избирательном штабе партии власти этих кандидатов называли «ловушками» или «ложными целями» — по аналогии с военно-ракетными терминами. Когда стратегическая ракета с ядерной боеголовкой оказывается над объектом, она выстреливает несколько ложных боеголовок: чтобы отвлечь ракеты-перехватчики противовоздушной обороны противника. Так же и кандидаты от симулякров должны были, по замыслу технологов партии власти, отвлечь голоса протестного электората от реальной оппозиции.

Берзоев и его нынешние соратники называли псевдо-кандидатов по-своему — пиявками. Отсосав кровь народной воли, они должны были отвалиться от тела больного. А как в медицине утилизируют использованных пиявок? Знакомый медик рассказал, что часто их просто сливают в унитаз.

На этих выборах хитромудрые технологи переусердствовали. Запустили слишком много ловушек-пиявок. В результате, голоса избирателей так распылились, что главный — настоящий — кандидат от партии власти не смог одержать убедительную победу в первом туре. Более того, во второй тур вышел не засланный казачок, а представитель действительно оппозиционных сил. Георгий Невинный.

Это было, конечно, парадоксом. Где-то не успели вовремя среагировать, подрисовать цифры, вбросить фальшивые бюллетени или как-нибудь иначе выдать ожидаемый результат. На следующее утро результаты выборов стали известны. Слетело несколько чиновничьих голов, но повернуть время вспять партия власти не могла. Пришлось готовить второй тур. Теперь уже под пристальным наблюдением и непосредственным руководством центрального аппарата партии власти.

Город и область сами по себе не имели никакого стратегического значения. Чахлая, разваленная после краха Советского Союза промышленность, вяло вымирающее население, удаленность от торговых путей. Но на носу выборы в российский парламент. Партия власти хотела быть уверенной, что на местах — нужные люди, которые при необходимости используют для закрепления навечно ее руководящей и направляющей роли фактор, который в России по-иезуитски называют «админи-

стративным ресурсом». Во всем мире то же самое явление известно как «фальсификация результатов выборов» и преследуется по уголовному законодательству.

В тихом губернском городе началась настоящая вакханалия. Настойчивость агитации, которую вела партия власти, стала сравнима разве что с пропагандой своих учений тоталитарными сектами. С той только разницей, что никакого учения не было и в помине, даже Рон Хаббард с его дианетикой дал бы сто очков вперед «программе» кандидата от партии власти в конкурсе на реалистичность и внутреннюю логику. Зато партия власти могла себе позволить в агитации поистине державный размах.

Простого очернения оппозиции и обвинения ее участников во всех смертных грехах от распятия Иисуса Христа до убийства Джона Кеннеди было уже мало. Начался прямой шантаж и силовые акции. Тираж газеты, главным редактором которой был Анвар Берзоев, дважды арестовывали. За самую осторожную критику в адрес кандидата партии власти против газеты и журналистов возбуждались дела о клевете. Суд был готов усмотреть нарушения избирательного законодательства в каждой запятой оппозиционной прессы. Не замечая, конечно, на какие изыски пускались властвующие, игравшие вообще против всех правил.

Берзоев и его авторы не сдавались, старались приспособиться. Они заново осваивали эзопов язык, который, казалось, уже никогда не понадобится после победы в России «демократических реформ». Последняя редакционная статья была выдержана в самых радужных и оптимистических тонах, в подражание текстам партии власти. Она называлась «Всем табором на выборы!» и рассказывала о том, как жители пригорода Большая Коневка массово получают открепительные удостоверения и готовятся к голосованию под руководством авторитетного бизнесмена Давыдова, поддерживающего партию власти.

Всем жителям области было известно, что Большая Коневка населена почти полностью цыганскими семьями; в пригороде открыто торгуют героином и скупают краденое. А Давыдов — цыганский барон, глава преступного сообщества.

Народ уже похохатывал в кулачки, тиражи газеты Берзоева, которые не успевали арестовать, раскупались как жареные семечки, рейтинг партии власти падал прямо пропорционально наглым акциям политтехнологов, призванным его поддержать и повысить любой ценой.

В стане самой оппозиции единства, как водится, не было. «Либералы», «почвенники», «социалисты» с большим трудом пошли на перемирие, тактический союз, чтобы поддержать альтернативного кандидата.

Берзоев много раз выступал на объединенных заседаниях политбюро и эмоционально доказывал, что враги либералов — не почвенники и националисты, а враги социалистов — не либералы и демократы. Сторонники различных путей развития российского общества могут вступить друг с другом в диалог, даже если этот диалог будет жесткой дискуссией. В конечном итоге, народу выбирать, за кем он пойдет. Если

российский народ захочет капитализма и частного предпринимательства, — пусть так и будет. Если решит снова строить коммунизм, — это его право. Если завтра проголосует вернуть Романовых на царство, — пусть будет монархия, мы должны будем это принять. Надо уважать свой народ и доверять ему. Иначе гроша не стоят все наши заверения о том, что мы боремся за народное счастье. Только это должен быть сознательный и свободный выбор, а не зомбирование или «железная рука», набрасывающая поводья на шею населения.

А настоящие враги и либералов, и демократов, и левых — всех, кто искренне любит Россию, — вот эти иуды с лоснящимися от внутреннего жира мордами. С ними дискуссия невозможна. Потому что у них нет никакой позиции, никакой идеологии. И, вместе с тем, они могут занять любую позицию и примерить любую идеологию. Когда споришь с ними, то все равно, что стреляешь в тени, — все пули проходят мимо. Они — оборотни. У них только одна цель — продолжать обманывать, обкрадывать, насиловать нашу родину. Им безразлично, под каким флагом это делать. Они циники и постмодернисты от политики. Они воры и негодяи.

Мы должны свалить их, свалить вместе, чтобы открыть России путь к свободному выбору своей судьбы, своего будущего. Пусть это будет пока только на нашем маленьком участке фронта. Войны выигрывают не маршалы, войны выигрывают лейтенанты.

А пока мы грызем друг другу глотки, они пристроились сзади и методично имеют нас в жопу, нас и всю страну.

Берзоеву удалось убедить в необходимости союза многих. Отчасти даже самого Невинного — яростного сторонника русской идеи, которую он, впрочем, никак не мог однозначно сформулировать. Часто они спорили:

— Гоша, в чем твоя идеология, объясни мне, нерусскому человеку, — спрашивал Берзоев.

Невинный начинал нервничать:

— Я вижу, что мой народ вымирает, каждый год на миллион или больше. Мой народ теряет свои территории. Мне не нужна идеология, чтобы любить свою мать, не нужна идеология, чтобы любить свою родину!

— Чтобы любить мать, идеология действительно не нужна. Но чтобы идти во власть, нужна программа. И философия, которая будет понятна народу. И народ должен эту философию принять, если ты, конечно, не хочешь просто власти ради власти. Но тогда чем ты отличаешься от наших отцов-иезуитов?

— Я знаю, Ваня, ты все подводишь опять к своему гребаному марксизму, который уже чуть не уничтожил нашу страну.

— Страну уничтожал не марксизм. Страну не может уничтожать ни марксизм, ни теория конвергенции. Даже учение Платона не может ничего уничтожить. И вообще никакие теории. Ты знаешь, кто уничтожал страну и народ. Такие же и те же оборотни, приспособленцы, что и сейчас.

— А вот х.й тебе! Ты сам себе противоречишь. То кричишь, что нужна теория, — аж слюной брызжешь. А то сам признаешь, что все теории — говно, главное — личности. Как тебе удобнее! Это же софистика. Ты сам — первый иезуит. Ты и все твои левые, пикейные жилеты. А скажи, Ваня, у тебя-то у самого программа есть?

— У меня — есть.

— Да ладно!

— Есть.

— Ну, давай, излагай!

— Даю. По пунктам. Первое — то, чего все боятся — пересмотр итогов приватизации. Убить «священную» корову нынешней власти.

— Ага, снова твое двуличие! Меня, значит, в подстрекательстве к погромам обвиняешь. А то, что ты говоришь, — не призыв к погромам? Или ты не знаешь: никто ничего сам не отдаст, собственность быстро прирастает к телу. Всех придется убивать и отдирать эту собственность с кровью. Значит, снова бойня, революция, экстремизм!

— Нисколько! Ни разу не экстремизм. Я юрист, законник. Все должно быть сделано по закону. И даже наше действующее российское законодательство предоставляет такие возможности. Уверяю тебя, пересмотреть итоги приватизации можно, и на это есть правовые методы. У нас нормальное цивилизованное законодательство, уголовное и гражданское. Его составляли умные люди, с учетом мирового опыта.

— Ага, либерасты и дерьмократы. С учетом опыта мировой либерастии и дерьмократии.

— Гоша, право само по себе не бывает ни либеральным, ни социалистическим. Право, как говорили древние римляне — это воплощенный разум. Нет логики мужской и женской, европейской и африканской — есть логика и идиотизм. Так есть право и есть беспредел. Все. Прихватизация народной собственности — это не право, это беспредел. С беспределом нельзя бороться другим беспределом. Только законностью.

— Да, и как же?

Словно не услышав в вопросе сарказма, Берзоев терпеливо объяснил:

— Это даже проще, чем может показаться. Практически ко всем актам захвата народной собственности могут быть применены правила о недействительной сделке. А какие последствия влечет недействительная сделка? Правильно, никаких. Какое же решение должен принять суд? Двойная реституция.

— Двойная — кто?

— Не делай вид, что не понимаешь. Лучше меня все понимаешь. Двойная реституция — возврат сторон в первоначальное положение. То есть, если наш олигарх путем махинаций на залоговых аукционах или еще как-то приобрел сталелитейный завод за цену, скажем, двухкомнатной квартиры в Воронеже, то ему законно и справедливо выплачивается сумма, равноценная стоимости двухкомнатной квартиры в Воронеже, а сталелитейный завод возвращается в народную собственность. И все. Никого не сажаем, не расстреливаем. Уважаем право частной

собственности. Никаких конфискаций! Только реституции. И для этого хватило бы даже Кодекса Юстиниана, а наше гражданское законодательство развито все же лучше, чем законы Рима.

— А ты еще и знаток римского права?

— Еще бы. У меня зачет по нему сам полупреемник принимал, когда еще был преподавателем.

— Ага. Только у нас не Рим. У нас без ОМОНа х.й какая реституция получится.

— Ну что ж... Слушай, а не ты ли мне что-то про Третий Рим толкал?

— Приплел тоже. Давай лучше дальше.

— Хорошо. Дальше. Выплата вкладов Сбербанка с индексацией по реальным потребительским ценам. В Советском Союзе четверть работающего населения имели на книжке деньги, чтобы купить себе домик в пригороде. Вот на домик в пригороде и вернуть. Сразу появится средний класс — так долго, между прочим, ожидаемый. Народ же беспардонно ограбили на эти деньги! Сбербанк был государственным банком. Сбербанк и сейчас есть, и сейчас принадлежит государству. Российская Федерация провозгласила себя правопреемницей СССР по всем обязательствам. Почему же она исполняет свои обязательства перед всеми, кроме своего собственного народа?

— Демагогия. Это невозможно.

— Все возможно. Если вклады не вернут, тогда — народный дефолт. Отказ населения — всего сразу — делать выплаты по всем кредитам, особенно государственным и полугосударственным банкам. Если государство может объявить дефолт и перестать выполнять свои обязательства, почему народ не может сделать то же самое?

— Это крах банковской системы. В текущем году россияне понабрали столько кредитов, что потратили в полтора раза больше, чем заработали.

— Значит, тем более, безопаснее вернуть нашим старикам их «гробовые» с советских сберкнижек. Третье: реформа уголовных наказаний. Амнистировать тех, кто сидит за мешок картошки. Есть прописанное в законе смягчающее обстоятельство: стечение тяжелых жизненных обстоятельств.

— Что же, понемногу воровать можно?

— Воровать вообще нельзя. Ни картошку, ни мобильники, ни кошельки в автобусах, ни миллионы из госбюджета. Просто если кто своровал мешок картошки, чтобы накормить детей, — его не надо сажать в тюрьму. Его нужно наказать — тот, у кого он украл картошку, может, сам едва сводит концы с концами! Отправить вора на принудительные работы, чтобы вернул потерпевшему четыре мешка картошки — и в то же время продолжал кормить собственную семью. А за миллион из госбюджета судить по другой статье — как за нанесение ущерба национальной безопасности. Ему придется сесть, чтоб другим неповадно было.

— Ты забыл, что и миллионы воровать, и судить будут все те же мрази. Они друг с другом договорятся, а посадят твоего голодного бедолагу.

— Те же мрази — не будут. Четвертое: закон о люстрации. Запрет чиновникам, занимавшим в администрации должности выше определенного уровня, поступать на государственную службу. Потому что эта администрация — антинародная, по сути даже оккупационная. И всех членов партии власти — по списку, всех — обязать написать объяснительную: как и почему они вступили в партию. Если докажет, что имело место принуждение, начальство, например, заставило, а активистом не был, — реабилитировать. Нет — тоже попадает под закон о люстрации.

— То, что ты сейчас предлагаешь, Ваня — это похлеще погромов. Ты только представь себе, что все это осуществится! Знаешь, ты смотри, пожалуй, не разглашай свои планы. А то одного бойца мы не досчитаемся. Тебя замочат.

— А как иначе, Гоша? Как — иначе?..

Берзоев и Невинный были знакомы давно, задолго до того, как оказались связаны с политикой. Их дружба началась еще в лихие девяностые, когда они, тогда молодые парни, просто старались выжить в этом новом мире, куда их вытолкнули, не спрашивая, чего они сами хотят. Они, как многие тогда, пытались заниматься торговлей — перепродажей импортных товаров, которые попадали в Россию практически контрабандой. Приходилось и давать взятки чиновникам, и договариваться с бандитами. Так что на святого ни один, ни другой не тянули.

В начале нулевых Берзоев купил долю в местной газете и стал ее редактором. Невинный вложил свой капитал в консолидационный склад на границе с Польшей, освободился от ежедневных коммерческих забот и увлекся националистическими идеями.

Если кто и был святым, так это их третий друг из девяностых, Алик Васильев. Несмотря на чисто русскую фамилию, Васильев был большей частью татарин, и даже немного еврей. Тогда, в девяностые, Алик еще не был святым. Алик был завзятым кутилой и донжуаном. Чуть ли не первым в губернской столице он подсел на кокаин, когда все — и братва, и коммерсанты — еще только глушили водку.

Но миллениум произвел в душе Алика настоящий переворот. Конец века — простую календарную смену дат — он принял очень близко к сердцу. Алик бросил даже курить, не говоря уже о наркотиках. Еще через пару лет он принял ислам и стал практикующим суфием, забросив бизнес. Чтобы поддерживать душу и тело вместе, он работал охранником в банке, сутки через трое. В свободные дни он молился, изучал Священный Коран и жизнеописания святых шейхов.

Они продолжали поддерживать связь, встречались втроем. Чаще всего собирались поздно вечером в редакции Берзоева. В последний раз это было на прошлой неделе. Выслушав своих разгоряченных спором друзей, Алик сказал тогда:

— Пацаны, вы так об этом говорите, как будто это все действительно имеет значение. Как будто вы собираетесь жить здесь вечно. Но все мы умрем. Умрем и оставим все — и эти тела, и эту землю. Россия, родина...

we don't belong here. Мы не принадлежим этому миру — ни России, ни Китаю, ни какой другой стране. Мы слуги Всевышнего и должны вернутся к Нему. Вот о чем надо думать. Вот к чему прилагать усилия, джихад. А не грызться за власть в этом бренном мире.

Берзоев задумался. Действительно, от престола Бога, от вечной жизни вся политика и мирская деятельность вообще выглядели как мышиная возня. Но он чувствовал, что Алик не совсем прав. Не может быть, чтобы для духовной жизни это было все равно — жить ли в деспотии, под властью воров, либо в свободном обществе.

— Алик, эту жизнь и эту землю дал нам Всевышний. Люди умирают. Но пока мы живы, нам не должно быть безразлично, как устроено общество. Добро и справедливость — Его пути, ведущие к свету. Зло, насилие, ложь уводят нас в противоположном направлении.

Невинный поддержал Берзоева:

— Ты что, не видишь, что происходит? Если эти выродки укоренятся во власти, и «духовной» жизни никакой не будет, кроме разрешенной и контролируемой ими самими. Будет одна религия, гэбульное «православие». А шейха Алика отправят на лесоповал и будут кормить тухлой свининой.

Алик только пожал плечами.

— Всевышний даст вам все, что захотите. Если это действительно нужно. А настоящую духовную жизнь нельзя разрешить или запретить. Даже на лесоповале. Это — между мной и Богом.

Алик остался при своем мнении. Это был оппонент, против которого у Берзоева не было стопроцентных доводов. Но и Берзоева нельзя было убедить в том, что гражданская активность бессмысленна и бесполезна.

Георгий недавно спросил его: если ты, Ваня, сам не веришь, что революция возможна, зачем ты во все это вписался?

— Зачем?

Тогда Анвар ничего не ответил.

Сейчас он подумал: возможно, просто затем, чтобы не было стыдно. В конце жизни, перед взрослой дочерью, или после смерти — перед престолом Бога. Если после смерти душа не исчезает, если Бог есть.

Берзоев подошел к выходящей на улицу двери офиса на первом этаже, который занимал штаб оппозиции, и нажал кнопку звонка.

Вестовой должен был, по твердому мнению лейтенанта Хосе, бегать в мыле, добравшись до офицера, рапортовать громко и четко, из последних сил и тут же падать, как первый марафонский гонец. А этот республиканский штабист забирался на холм не спеша, подошел вразвалочку и обратился так, словно они цепляли вместе шлюх на набережной, а не служили в армии:

— Буэнос диос, лейтенант! Тебе приказано срочно явиться в штаб.

— Хорошо. Я сейчас же буду.

Вестовой достал пачку папирос и закурил, перебрасываясь шуточками с артиллеристами. Хосе собрал свои бумаги в кожаную сумку с планшетом и распорядился:

— На сегодня занятия окончены. Все к орудиям. Почистить и смазать. Лагарто — проследи!

— Будет сделано, лейтенант. А что у них там, опять совещания?

— Кто знает... необходимые распоряжения командования будут доведены до вас в должное время.

Хосе закончил сухо и покинул командно-наблюдательный пункт, направившись к городскому штабу. Низ живота неприятно стягивало физическое чувство страха, предчувствия беды. Хосе подумал, что надо позавтракать. Немного подташнивало, он сказал себе, что это от голода.

Штаб располагался в старой ратуше минутах в двадцати быстрой ходьбы. Лейтенант шел быстро, да.

Постовой у дверей ратуши приветствовал его молчаливым кивком и посторонился, пропуская внутрь. Лейтенант по каменному полу дошел до залы с дубовой мебелью, где на резных креслах сидели командиры подразделений — временный штаб республиканских войск в городе. Два командира батальонов с заместителями, три командира интернациональных формирований, представитель республиканского командования. Начальником штаба был комендант города, баск, но выглядящий необычно для баска — субтильный интеллигент в очках, больше похожий на учителя или священника, чем на военного офицера.

Все без исключения дымили, кто папиросами, кто толстыми, в два пальца, сигарами. На длинном столе стояла большая бутыль с вином и тарелка с домашним сыром, нарезанным крупными ломтями. Бокалы пустели и наполнялись вновь. Кто-то говорил с соседом, кто-то размышлял о чем-то своем. То ли деревенская посиделка, то ли клуб джентльменов. Только свежих газет не хватало.

Вместо газет на столе была разложена карта местности, вся в хлебных и сырных крошках, залитая кроваво-красными пятнами. Вином, конечно.

Начальник штаба не пил и не закусывал, его сигара дымилась на кофейной чашке: казалось, он ее раскурил и забыл о ней. Он смотрел в одну точку карты, удивленно и испуганно, как будто увидел на столе в своем чистеньком и ухоженном доме невесть откуда взявшегося наглого таракана.

— Все пришли? Хорошо. Господа... ммм... товарищи, скорее всего, это провокация, но я счел своим долгом собрать всех вас и сообщить...

Из путаной речи начальника штаба следовало вот что: неподалеку от позиций республиканской армии был захвачен итальянский легкий танк «Ансальдо». В полевой сумке убитого офицера обнаружен оперативный приказ и подробный план операции.

Приказ был адресован командиру легиона «Кондор» оберлейтенанту Вольфраму Фрейхерру фон Рихтхофену — от штаб-квартиры испанского командования мятежников в Саламанке.

Немецким летчикам предписывалось разбомбить город.

Начало бомбардировки назначено на 16.30. В первой волне с юга должны пойти Dornier Do 17, потом их поддержат итальянские SM.79s

с грузом легких зажигательных бомб. Третью, четвертую, пятую волну бомбардировок должны осуществить самолеты Heinkel He 111s, Ju 52 «Behelsbombers» и Messershmidt Bf.109 в сопровождении истребителей из 5 Aviazone Legionaria Fiat fighters под началом капитала Коррадо Ричи.

Заявленные цели бомбардировки: мост в Рентериа, дорога на север, штаб-квартира партии Izquierda Republicana, Республиканская Левая. Храм San Juan, тот самый, возле которого расположил свой командный пункт лейтенант Баррос. Но планировалось сбросить около восьми тысяч тонн пятидесяти- и двухсотпятидесятикиллограммовых бомб — количество, явно избыточное для поражения локальных целей.

Город будет обращен в прах и пепел.

Выслушав донесение, командиры зашумели:

— Это дезинформация!

— Полный бред, зачем им понадобилось уничтожать нашу деревню? Решающие бои идут под Бильбао!

— Отвлекающий сброс информации! Какого дьявола этот макаронник с секретным планом разъезжал взад-вперед прямо перед носом наших бойцов?

— Да, но зачем?

— Чтобы наше командование оттянуло свои силы с места настоящего удара?

— Какие силы? Сил-то никаких нет! Ни зенитных батарей, ни истребителей.

— Просто запугать? Запутать?

Один Хосе сидел с отсутствующим видом, как будто не мог понять, что происходит. Хотя он давно уже думал об этом и боялся, что именно так и произойдет. Наконец, как будто очнувшись, он среди общего гвалта тихо спросил начальника штаба:

— Простите, а дата?

— Что? Не слышу.

Лейтенант спросил громче.

— Дата налета. Когда, на какой день назначена бомбардировка?

Комендант взял большим и указательным пальцами свою сигару, которая уже успела потухнуть, и просунул ее между своими тонкими губами. И даже попытался потянуть дым.

— А, черт! Потухла! Дерьмовая сигара!

— Комендант!

— Дата бомбардировки — двадцать шестое апреля, понедельник. Сегодня, лейтенант.

Берзоев нажал на кнопку звонка и постоял перед дверью пару минут. Потом позвонил еще. Никто не выходил. Он толкнул дверь — дверь была открыта. Вошел в офис и по маленькому коридору, в котором горело только аварийное освещение, добрался до конференц-зала. Помещение было наполовину заполнено людьми. Люди выглядели ошарашенно, даже испуганно. Курили, кто-то тыкал в клавиши мобильного телефона, пара

человек сидели с раскрытыми ноутбуками на коленках и листали — пэйдж ап, пэйдж даун.

— Вы что, оглохли? — недовольно спросил Анвар вместо приветствия.

— Проходи, садись, — мужчина встал навстречу Анвару и протянул ему руку для пожатия. — Плохие новости.

— Это тавтология, — пробормотал Берзоев, — новости — плохие, масло — масляное.

— Невинный...

— Что? Я видел его полчаса назад, мы правили речь.

— Полчаса назад... значит, сразу после тебя.

— Да что случилось, черт вас возьми?

— Только что звонила Соня.

Соней звали жену Георгия.

Соня позвонила в штаб в истерике. Недалеко от дома Георгий попал в аварию. Его Вольво столкнулась с грузовиком. Хотя «столкнулась» — не совсем правильное слово. Грузовик просто переехал седан и скрылся.

— Он... жив?..

— Слава Богу... переломы, болевой шок, но жизнь вне опасности. Он в реанимации.

— А водитель?

— Михаил успел выскочить.

По правилам делового этикета место важной персоны — на заднем сидении, за водительским креслом. Но Георгий не особо соблюдал приличия — он любил сидеть впереди, рядом с шофером, как все русские начальники, и давать руководящие указания, как и куда рулить. Это его и спасло. Задняя часть салона была смята, когда грузовик ударил в бок с правой стороны.

Анвар хотел спросить: вы думаете, это... или: похоже на..?

Но оглядел присутствующих и смолчал. Все и так было ясно.

Молодой, подтянутый парень из социалистической партии в майке с Че Геварой и чем-то вроде кожаной портупеи встал с кресла и вышел в середину зала, держа в руке несколько свежих лояльных партии власти газет.

— Позвольте сделать короткое сообщение по обстановке.

Берзоев хмыкнул. Маскарад какой-то. Они думают — здесь спектакль, или снимают шоу. А здесь грузовики переезжают людей. Они доигрываются... мы доиграемся... уже доигрались.

Берзоев чувствовал заливающую сердце тоску и страх, внутренний, животный, головокружительный, как будто бы он летел в черную пропасть.

Майка-Че, не дожидаясь ответа, начал докладывать, тыкая ладонью в полосы газет.

— В город стянуты подразделения ОМОНа из других регионов, якобы для проведения антитеррористических учений. Для той же цели из

гарнизонов выдвинуты части внутренних войск и зачем-то танки — танки встали у города со стороны Большой Коневки.

— Чего они боятся, — собравшиеся нервно шумели, — что народ выйдет на улицы поддержать оппозицию?

— Бред, никто не выйдет!

— Мы выйдем!

— Раз боятся, значит, знают то, чего мы и сами не знаем.

— Перестраховываются.

Майка-Че развернул другую газету:

— А вот материал о принуждении к голосованию за партию власти в бюджетных учреждениях. Вот здесь — о массовой выдаче открепительных талонов и о готовящихся нарушениях в подсчете голосов и фальсификации выборов.

— Странно, для чего такие статьи печатают проправительственные СМИ?

Анвару стало холодно. Хотя в помещении было тепло. Это была внутренняя зябкость. Может, грамм двести коньяку?.. Мысли метались между крашеных в синее стен, как ошалевшие птицы, случайно залетевшие в открытую форточку.

Господи, зачем, зачем?.. У Гоши жена, у Гоши трое маленьких детей... Он сумасшедший папаша, дома всегда держит одного ребенка на руках, смотрит вместе с ними мультфильмы, собирает конструкторы «Лего»... Куда нас всех занесло, в эту политику! Какая политика? Никакой политики уже нет, ее у нас отняли, теперь это просто самоубийство или дурное пари: сколько я еще проживу? Я сам, газета, материалы, агитация — и вот, эти мальчики в маечках, вместо того чтобы сидеть в кофейне с большеглазыми девушками, похожими на кукол, натянули дурацкие кожаные ремни, как мазохисты, готовятся идти на Голгофу, на стеклянные щиты и дубинки... безумие!

Алик, Алик... наверное, Алик был прав.

Голоса стали стихать. Берзоев сидел в углу, нахохлившись, как старый воробей. И вдруг понял, что все присутствующие смотрят на него и ждут, что он скажет...

— Для чего... зачем... — Анвар повел головой, разминая шею по боксерской привычке. — Есть такая стратегия в информационной войне: правдиво слить угрожающую информацию. Со времен князя Святослава — «иду на вы». Все предрешено. Пять волн самолетов, восемь тысяч тонн бомб. Город будет обращен в прах и пепел. Бегите, забейтесь в щели. Сопротивление бесполезно.

— Анвар, ты о чем?

— У вас есть родные? Возвращайтесь к ним. Я еду в больницу к Георгию. Закрывайте штаб. Газета тоже пока не будет выходить.

Берзоев встал и направился к выходу.

Это была война испанцев с испанцами; это была испанская война. Ни немцы, ни итальянцы, ни русские не смогли ее изменить. Случалось,

что с двух до четырех часов пополудни боевые действия с обеих сторон прекращались. Сиеста.

Гул стрельбы у Бильбао стих. Лагарто сидел на теплом камне, щурясь на тусклое весеннее солнце, и крутил соломинку на пальце. Лейтенант ходил перед ним взад-вперед, словно маятник. Старик был единственным, кому Хосе рассказал о донесении, поступившем в штаб.

Франциско, если и был обеспокоен, то не подавал виду. Его поза и выражение лица говорили: мальчик, я столько раз обманывал смерть, ускользну и теперь. Сольюсь вот с этим камнем, — и что сделают мне бомбы и самолеты? А даже если и нет, если пришло мое время, — что с того?..

Но вдруг морщины на лбу старика страдальчески сложились, и он спросил:

— Лейтенант, но мы ведь не зря вырыли эти ямы и учились стрелять по небесным тварям? Мы защитим город?

Хосе покачал головой. Он уже не чувствовал ни страха, ни отчаяния, — в груди была только холодная пустота, в голове — математика.

— Смотри, Лагарто! — Лейтенант раздвинул руки отмеряя сектор горизонта. — Вот это поражаемое пространство. А это — мертвый сектор. И это — мертвый сектор. С помощью ям и станков мы увеличили зону обстрела раз в шесть, но этого мало!

Франциско вздохнул и сбросил соломинку с пальца. Хосе продолжал, громко, надтреснутым голосом, но четко и внятно, как если бы вел урок в сельской школе.

— Слушай, Лагарто! Самолеты с их скоростью пройдут поражаемое пространство за две минуты. Теоретически скорострельность наших орудий — двадцать выстрелов в минуту. Практически мы сможем делать один залп в двенадцать секунд, то есть за две минуты мы успеем сделать десять залпов. Помножить на восемь орудий — каждая волна самолетов встретит в небе восемьдесят выпущенных нами снарядов. В прошлую войну на европейских фронтах, чтобы сбить один самолет, приспособленная к поражению воздушных целей артиллерия тратила в среднем две тысячи снарядов, сейчас зенитным батареям требуется для того же самого, по статистике, всего сто пятьдесят. Но это зенитные орудия, а у нас нет даже второго угломера, и наши пушки — не зенитки, обычные дивизионные орудия. У нас всего триста двадцать снарядов, мы можем встретить огнем батарей четыре волны, — но это опять чисто теоретически, потому что, может, после первой и второй волны стрелять будет уже некому. Наш командный пункт и батареи значатся в числе первых целей авианалета. В рулетке у нас было бы больше шансов, поставь мы на красное или черное, чет или нечет.

— Что же, вот мы и узнаем, на чьей стороне тот бородатый держатель игорного дома на облаках!

— А, — Хосе рубанул воздух рукой. — Он всегда на стороне больших батальонов.

— И что же нам теперь делать, Пепе? Прятаться в подвалах?

— Я не знаю, Лагарто! Если смотреть правде в глаза, своими залпами мы только еще больше озлобим немецких летчиков. Может, стоит эвакуировать людей.

— Куда и как, лейтенант? Ты сам сказал — первая волна пойдет через полчаса после окончания сиесты. Это будет не эвакуация, а бегство и паника, запруженные дороги. Одно попадание бомбы в беззащитную толпу — несколько сот убитых... Вот как это будет. Именно этого хотят франкистские черти. Именно поэтому они подкинули нашим разведчикам подробный план налета. Они хотят выиграть бой еще до того, как сделают первый выстрел. Выиграть его в наших умах и сердцах. Они хотят, чтоб мы сжались от страха, как кролики перед мясником.

Они помолчали пару минут. Лейтенант перестал ходить и сел прямо на землю напротив Лагарто. Старый испанец посмотрел на Хосе теплыми чуть слезящимися глазами и сказал с нежностью, почти материнской:

— Пепе...

— Лагарто?..

— Пепе, мы пришли сюда воевать. Воевать и, если надо, — умереть за Республику и свободу. Мы будем стрелять. Мы должны стрелять. Даже если успеем сделать всего десять залпов, или восемь, или пять... даже если мы успеем сделать всего один залп! Мы будем стрелять.

Хосе кивнул и уткнул взгляд в землю. Ему вдруг стало спокойно. Когда все предрешено и ты знаешь, что ничего не можешь изменить, но все же решаешь действовать так, как велят тебе долг и совесть, — страх уходит. Становится легко и спокойно.

— Хорошо, Пако. Мы будем стрелять. Мы солдаты, и это наш долг. Мы будем стрелять и умрем.

Но старику не понравился тон усталой обреченности лейтенанта. Он покачал головой.

— Нет, лейтенант, не так. Мы будем стрелять, и мы будем стараться делать это как можно лучше. Не бывает заранее проигранных войн, кроме тех войн, в которых ты решаешь сдаться. Мы будем сбивать самолеты. Ты никогда не знаешь, что принесет твой поступок, как он изменит мир, изменит будущее. Даже если мы не отразим атаку, даже если мы собьем всего один самолет, — а вдруг это будет тот самый самолет, который потом, может, даже не здесь, а далеко-далеко отсюда, не сможет сбросить свою бомбу, одну-единственную бомбу, которая решила бы все в пользу дьявола. А он не сбросит, потому что будет ржаветь в пыли под этим Богом забытым местечком. И дьявол проиграет свою войну.

Берзоев сидел в кресле с потрепанной обшивкой, в единственной комнате своей квартиры. Его ноги укрывал шотландский клетчатый плед, на коленях лежала книга по истории гражданской войны в Испании. Но Берзоев уже не читал, а смотрел в пустоту, поверх строк. Свет ночной лампы образовывал вокруг него желтый круг, похожий на нимб ангела, только распластанный по горизонтали пола.

Ветер за окном стих. Улица была пуста. В окнах домов напротив зажигался и гас свет. Анвар чувствовал уютное одиночество, хотя он и не был один. Никто не бывает один — так устроена жизнь.

Он побывал в больнице. Соня сидела в коридоре перед палатой и тихо плакала. Медсестра разрешила Берзоеву войти, но ненадолго. Георгий спал, под действием уколов обезболивающего и снотворного. В аппаратах поддержания жизни не было необходимости, но капельница стояла у койки и медленно вливала в Невинного что-то безвредное и бесполезное — может, физраствор.

Берзоев постоял у кровати друга пару минут и вышел. Рядом с Соней уже сидели двое ребят из штаба, наверняка решили дежурить всю ночь. Берзоев ничего им не сказал, а Соне только пожал сочувственно руку.

— Все обойдется.

Вернувшись в свою квартиру, он не стал ужинать. Сон тоже не шел. Анвар взял книгу и читал, час или два. Потом просто сидел с книгой на коленях и смотрел в никуда, ни о чем не думая. Так прошло еще минут двадцать, или, может, полчаса.

Анвар отложил том в красном переплете, снял плед и свернул его, встал и положил на кресло. Когда Анвар вышел в прихожую и снял с вешалки пальто, Ксения проснулась и пробормотала:

— Ты куда?

— Спи. Я в редакцию.

— Я с тобой...

— Не надо, сегодня постараюсь справиться без тебя. Спи. Увидимся утром.

Она послушно упала головой на подушку и отключилась.

Берзоев вышел на холодный ночной воздух и пошагал по улице. До редакции минут двадцать, если идти быстро. Берзоев шел быстро.

Материалы вычитаны, верстальщики за работой. Верстка будет готова к раннему утру. Берзоев сам отвезет все в типографию. Тираж напечатают уже к полудню. С утра в редакции наверняка будет обыск, изъятие жестких дисков с редакционных компьютеров, проверка финансовой документации — пятая за месяц. Но верстка будет уже в печати.

Скорее всего, тираж арестуют. Или сети распространения откажутся брать газету. Сайт заблокируют. Что-нибудь придумают. Они всегда что-нибудь придумывают.

Анвар понимал: эти люди никогда не отдадут власть. Уже никогда не отдадут. Они обольют все и всех вокруг себя грязным вонючим дерьмом, извращениями, посулами и клеветой. Если им будет надо, — зальют улицы кровью. Они готовы уничтожить город, но не уйти. Они никогда не уйдут. Не уйдут — сами.

Но когда-нибудь встанет солнце. И алчные вурдалаки зашипят, испаряясь в его лучах, как в серной кислоте. Тени отступят. Станет слишком ясно, слишком видно — каждого, и какой он сделал выбор. В чьем оказался стане.

Может, он никогда не увидит. Может, только Бог увидит, когда поднимет свое старое затухающее солнце над горизонтом.

А может — Бога нет и солнце не встанет.

И что же?

Тогда он просто скажет, в космическую пыль и темную пустоту, в разверзнутую пасть нежилого неба:

— Я, Анвар Берзоев, маленький человек, потерянный в мире и потерявший все, что мог потерять, несчастный и усталый, не верящий в себя и не имеющий никакой надежды, делал то, что считал правдой и долгом. Всё, можете выключать освещение, — и шагнет за границы круга, в старость и смерть. В пустую и неблагодарную вечность.

Лагарто собрал все расчеты у храма Святого Хуана и сам встал между солдат и командиров как один из них. Лейтенант прошелся перед кривым строем. Он нисколько не чувствовал себя Бонапартом. Его оборванцы были еще меньше похожи на гвардию. Расслабленные сиестой, молча ожидающие. Остановившись, он постарался заглянуть в глаза, каждому. И сказал:

— Герререс!

Воины. Хосе не захотел называть их солдатами. В слове «гуэрэрро» — витязь, ратник — было что-то величественное, древнее. Эмпавесадо — еще одно старинное испанское слово: так называли воинов с щитами. Им предстояло стать последним щитом обреченного города.

— Меньше чем через полчаса начнется налет авиации. Немецкий легион. Они хотят уничтожить город. Я научил вас всему, чему смог. Что успел. Для многих из нас эта битва станет последней. Нам неоткуда ждать помощи. У врага десятки самолетов, самые лучшие самолеты. Они будут сбрасывать бомбы, они будут расстреливать нас из пулеметов. А мы — мы должны оставаться на батареях. У нас есть наши орудия, есть снаряды и вера в Республику в наших сердцах. Мы будем стрелять по самолетам. Мы будем сбивать самолеты. Делайте то, что должны делать. Заряжайте, наводите, стреляйте, залп за залпом. Оставайтесь на батареях. Что бы вы ни увидели сегодня в небе. Даже если вам покажется, что вас атакует стая огненных драконов, — оставайтесь на батареях. Если вы увидите в небе самого дьявола, такого, каким вас пугали священники, во всей его славе и могуществе, предвещающем конец света, — оставайтесь на батареях. Что бы ни происходило вокруг вас, даже если эта земля превратится в пекло, станет такой, как в свой последний день. Оставайтесь на батареях. Оставайтесь на батареях.

Никто не промолвил ни слова.

Они разошлись по орудиям и заняли места согласно боевому расписанию.

С востока послышался глухой гул моторов. Лейтенант поднял бинокль и вгляделся в сереющий горизонт. На небе появились две первые едва различимые черные точки.

ИНАКОМЫСЛИЕ

1

История этой страны состояла из нашествий завоевателей, угнетения местных жителей, войн завоевателей между собой за право обладать этой страной и ее жителями, вспышками борьбы за освобождение, которые заканчивались страшной резней и ужесточением ига.

В эпоху последнего передела мира, когда империи теряли свои владения на всех континентах, страна стала свободной, впервые получила на политической карте свой особый цвет. Международное сообщество придумало для нее государственный флаг и герб, а молодые национальные поэты и музыканты сочинили гимн.

Страну оставили в покое, уверенные, что теперь ее народ, веками унижаемый, истребляемый, забитый, стал хозяином, может сам выбирать путь, каким развиваться; сам изберет себе главу государства, сам построит пирамиду власти.

На первых порах страна словно бы оцепенела. В ней было тихо, странно тихо, как после бешеной бури. Или как перед бурей... Люди сидели в своих лачугах, глядя на темные витрины магазинов, куда входить имели право лишь иноземцы, на опустевшие отели и пансионаты, где иноземцы больше не жили, на опустевший дворец иноземного управителя. Люди не могли поверить, что теперь все это — их.

Но вот один, другой, третий, осмелев, сначала прикоснулись к стенам, потом вошли внутрь, сели в мягкие кресла, осторожно отпробовали дорогого вина, закурили сигары. И вот тысячи, как муравьи, получившие сигнал, что неподалеку делят гусеницу, ринулись в отели, магазины, дворцы, захватили автомобили, учреждения, склады с оружием... Началась борьба за имущество. Сначала боролись мелкие отряды, потом организовались армии, армиями командовали вожди. Чтобы легче было командовать, один вождь объявил себя и своих подчиненных республиканцами, другой — коммунистами, третий — демократами, четвертый вспомнил о древних национальных богах, и защищал веру в них, сражаясь с остальными армиями.

Сражения были непрерывны и жестоки, а страна маленькой, расположенной на полуострове. Бежать народу от пожара истребления было некуда — единственным соседом являлась бывшая грозная империя, проигравшая в последней большой войне, — и, чтобы спасти людей,

---

Роман СЕНЧИН — родился в 1971 г. в Кызыле. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор книг прозы «Афинские ночи» (2000), «Минус» (2002), «Нубук» (2003), «День без числа» (2006), «Ничего страшного» (2007), «Вперед и вверх на севших батарейках» (2008). Живет в Москве.

сильные государства объявили вождям армий, что введут в страну свои армии, если сражения не прекратятся.

Вожди заключили мир, по примеру сильных написали законы, выбрали президента на семь лет и парламент на четыре, в котором заседали представители бывших армий-партий.

Парламент быстро сделался источником возможной смуты, и президент распорядился арестовать большую часть депутатов. Нескольких казнили, остальных заключили в тюрьму. Новый парламент был уже более послушным президенту, но и в нем появились смутьяны. Их тоже лишили свободы... Иногда в стране происходили стихийные демонстрации и митинги, даже беспорядки, которые сурово подавлялись — зачинщиков прилюдно вешали на крюках. Но до настоящей войны не доходило, и сильные государства, обеспокоенные соблюдением прав человека, свободой волеизъявления, не вмешивались. Наблюдали.

Прошло семь лет управления страной президентом. Его переизбрали на новый срок. Оппозиционеры стали утверждать, что выборы были нечестными, призвали своих сторонников выйти на улицу. На это президент ответил новыми арестами, ужесточением политической жизни. «Пора стать едиными, как сжатые в кулак пальцы!» — провозгласил он.

Каждая волна недовольства политическую жизнь всё ужесточала. Ужесточение коснулось общественной, а затем и личной сфер. В конце концов откровенно недовольных не осталось, но спецслужбы находили скрытых и лишали свободы. Заключенных было так много, что не хватало тюрем, и были созданы трудовые лагеря. Заключенные добывали серебро, — главное природное богатство страны, — собирали автоматы, рыли оросительные каналы, строили заводы.

Первый президент старел, и политические аналитики сильных государств предрекали стране грядущие потрясения. Одна часть сильных государств ждала потрясений с радостным нетерпением, надеясь получить нового сателлита, другая — с опаской потерять стабильного покупателя новых видов оружия, станков, автомобилей.

Но со смертью президента потрясений не произошло — власть както естественно перешла к его сыну, который объявил отца вечно живым вождем народа, а себя — его вечным наследником...

Сильные государства следили за тем, что происходит в этой стране всё менее пристально. Да и ничего особенного не происходило — единение народа упрочилось до однородности, стабильность окаменела.

Доходили слухи, что большая часть народа живет впроголодь, но от голода массово не умирают, что ученые вроде бы создают ядерное оружие, но до создания еще десятки лет, что периодически происходят репрессии, но не столь массовые, чтобы потребовалось вмешательство мирового сообщества.

Дипломатические отношения страна имела почти со всеми государствами планеты, иностранные послы, правда, кроме министерства иностранных дел и центральных улиц столицы почти нигде не бывали, ничего не видели, а послы страны в других государствах вели себя так,

что их называли живыми роботами — ни одного лишнего слова, ни одного двусмысленного жеста, никаких намеков.

Поразительно, что и редкие граждане страны, сумевшие убежать с родины, внятно о происходящем там рассказать не могли. Они тоже очень походили на роботов, но роботов сломавшихся, зараженных каким-то вирусом... Из сбивчивых свидетельств создавалась картина реализованного на практике государства из известной антиутопии англичанина Оруэлла.

Журналистов эта страна, — фактически белое пятно на современной карте мира, — интересовала много больше политиков. Материалы оттуда ценились высоко, хотя все они, как правило, ничем серьезно не отличались от официальных статей и телероликов, распространяемых отделом внешней информации: всё спокойно, граждане сдержанны, на улицах порядок, на спортивных площадках — подвижные игры. Правда, нет привычной пестроты рекламных щитов, но без этого даже лучше, люди, как один, сухощавы, но от истощения не падают, на удачные удары волейболистов болельщики реагируют короткими аплодисментами, зато нет заливающих мировые стадионы агрессивных фанатов и полуголых девиц, танцующих в проходах.

Журналисты, которым удавалось побывать в стране, возвращались чаще всего восторженными, некоторые становились пропагандистами увиденного порядка, а в узком кругу подолгу и подробно рассказывали об обедах, которые давались в их честь, о вкуснейших блюдах, тихих санаториях на побережье океана... Когда же им задавали вопросы: а вы беседовали с простыми людьми, бывали в их жилищах? — журналисты пожимали плечами: там это не принято. На вопрос: встречали ли вы местных инакомыслящих? — утвердительно кивали: конечно. И добавляли: но там инакомыслие не имеет смысла, так как весь народ уверен, что создал идеальное общество. И это было, кажется, недалеко от истины...

Иногда инакомыслящие выступали на международных конференциях и очень смущали борцов за демократию, обличавших президента-наследника за репрессии и прочие преступления против своих граждан.

2

Борис давно добивался командировки в эту страну.

Дело в том что его отец, историк, занимался Дальним Востоком и много внимания уделял именно этой стране на полуострове. О ее далеком прошлом почти ничего не было известно. В некоторых источниках сообщалось, что именно там находилась столица империи, владевшей более четырех тысяч лет назад четвертью евроазиатского континента, но название и самой империи, и ее столицы не сохранились. Отец Бориса пытался отыскать документы, установить историческую справедливость.

С детства Борис помнил толстенькие журналы об этой стране, которые выписывал отец. Иллюстрации были в основном красного цвета от обилия флагов и транспарантов: на каждой странице помещалось фото парада, праздничного шествия, юбилейного митинга. И так из

номера в номер, из года в год. Отец всё искал статей о древности, исследований и фактов, но находил лишь фразы о том, что у страны «великая история». Без подробностей и документальных подтверждений. Так он и умер, не собрав сколько-нибудь достоверных сведений о том, что же было на полуострове четыре тысячи лет назад.

В Борисе жило, не давало ему покоя это несбывшееся желание отца. Не желание точнее, а нереализованная цель. И хотелось или доказать, что существование империи со столицей на полуострове обман, или все же найти хоть какое-то достоверное подтверждение...

Тянуло съездить и любопытство. Повсюду красный цвет менялся на другие цвета, повсюду открывались границы, происходили послабления и реформы, а на полуострове всё оставалось как и полвека назад, словно мир нисколько не изменился. Но действительно ли оставалось? Может, всё же и там есть перемены? Да и так ли суров в действительности режим?

То государство, в котором жил Борис, никогда не числилось ни в друзьях, ни во врагах этой страны. Находились они далеко друг от друга, торговых связей не имели, общих политических интересов тоже; дипломатические отношения хоть и были, но незаметные, формальные — как и с полусотней других стран, о существовании которых рядовой гражданин может даже не знать.

Теперь, когда командировка стала реальностью, Борису казалось, что учиться на журналиста-международника он пошел именно затем, чтобы в конце концов побывать на полуострове. И сейчас, собираясь, жалел, что совершенно не знал языка, а без него по-настоящему понять, что происходит там, где находишься, невозможно.

«Это моя ошибка», — признался-успокоил себя в итоге Борис, и за оставшиеся дни попытался больше узнать об этой стране. Правда, ничего нового не обнаружилось, даже всемирная информационная сеть не помогла, — всё было то же, что и многие годы назад: географическое положение, животный мир, численность населения, государственный строй и государственные праздники, те же три политические партии, две из которых названы оппозиционными, но признаки их оппозиционности, как и многие годы назад, не были обозначены. Об империи: существовала, но следов практически не сохранилось...

Перелет был долгим. Точнее, их было несколько — прямого авиасообщения между их странами не существовало. Сначала Борис добрался до столицы одного из ближневосточных государств, затем до столицы одного из юго-восточных, а уж затем небольшой моторный самолет доставил его к цели.

3

Каждый прибывающий иностранец вызывал у спецслужб не то чтобы тревогу, но подозрение. Слишком долго их землей владели чужаки, слишком жестоко общались с народом, и об этом отдел информации не уставал напоминать. Раз в неделю каждому сотруднику спецслужб показывали старую кинохронику, где были запечатлены издевательства

иноземцев над местными жителями, пытки, сцены телесных наказаний. Какой-то жандарм-кинолюбитель отснял лет семьдесят назад несколько катушек пленки в центральной городской тюрьме, и теперь этот документ являлся лучшим агитматериалом, доказывающим, что каждый иностранец — потенциальный враг их народа.

Понимая это, иностранцы сюда не очень рвались — дипломаты расценивали службу на полуострове как ссылку, торговые представители скучали в офисах, так как торговля происходила вяло, была скована многочисленными ограничениями; корреспонденты нескольких СМИ, имеющих здесь свои пункты, проводили дни в гостиницах, понимая, что кроме официально разрешенного им увидеть ничего не позволят. Оживление возникало редко — когда в страну прибывали делегации зарубежных стран: парламентарии, министры иностранных дел, министры внешнеэкономических связей. Вот тогда и корреспонденты, и торговые представители, и дипломаты поднимались «в ружье»...

Сегодня в страну прилетел необычный иностранец. Это был журналист из малозначительной, с точки зрения межгосударственного партнерства, страны, журнал, где он работал, был почти неизвестен, и внешним агентам пришлось поработать, чтобы отыскать несколько десятков — для создания общей картины — его номеров, доставить в страну. Аналитики из отдела пропаганды тщательно изучили каждую страницу и ничего крамольного не обнаружили.

Долго выяснялось, зачем журналист по имени Борис так настойчиво добивается приезда в страну. Провели целое расследование и в итоге установили, что отец его занимался историей Дальнего Востока, выпустил несколько известных в узких кругах книг, пытался написать о древней империи, центром которой была эта страна. И сейчас сын, по всей вероятности, решил закончить дело отца.

Была разработана программа пятидневного пребывания журналиста в стране — расконсервированы раскопки на севере полуострова, где, судя по преданиям, несколько тысяч лет назад находилась столица, из запасников Центрального музея были извлечены памятники древности, подлинность которых вызывала сомнение, виднейшие историки подготовили доклады, где доказывалось, что империя действительно существовала, и объяснялось, почему следы о ней стерты из исторических скрижалей...

Визит Бориса в страну до поры до времени шел хорошо. Его свозили на раскопки и предъявили остатки глиняных стен (на самом деле стены были сделаны лет двадцать назад, в полной секретности); музейные экспонаты — осколки месопотамских сосудов, индийские и китайские монеты второго тысячелетия до новой эры, глиняные таблички с клинописью, фрагменты оружия и украшений из разных территорий Восточной Азии, якобы найденные на полуострове, — произвели на гостя впечатление, и он что-то увлеченно записывал у себя в блокноте. И доклады Борис выслушал с огромным вниманием, сочувственно кивая в тех местах, где профессора рассказывали, как иноземные завоеватели из поколения в поколение вытравляли память о великой империи, ко-

торая зародилась здесь, в этих местах, как уничтожали любые материальные свидетельства ее существования.

Каждый вечер в честь Бориса устраивался ужин; хозяева не жалели морских деликатесов, национальной, сложного приготовления, водки, которую производили путем долгой перегонки сока особого вида груш. Перед гостем выступали лучшие танцовщицы и музыканты, блюда подавали самые умелые официанты. И журналист, кажется, был полностью удовлетворен, — приставленные к нему сотрудники спецслужб, по легенде кандидаты исторических наук, уже собирались прощупать, в какой тональности собирается он писать статьи об увиденном, — но в последний день Борис стал интересоваться тем, чем интересоваться было нежелательно.

Он вдруг попросил показать ему продуктовый магазин, дав понять, что ему известно о трудностях с продовольствием... После коротких переговоров по рации с управлением и получив оттуда согласие, приставленные сотрудники подвезли Бориса к ближайшему магазину (а их в столице было около двадцати). На прилавках и в стеклянных холодильных камерах лежали крабы, рыба, устрицы, свинина; на полках — пакеты с рисом, кукурузой, чечевицей.

— А где же покупатели? — удивился Борис.

— Сейчас — рабочее время, граждане трудятся, — спокойно ответил один из сопровождающих. — Вечером они зайдут сюда и приобретут продукты питания.

— Логично.

На самом деле в этих магазинах происходила не торговля, а обмен продуктов на специальные талоны, обладателями которых становились особенно заслуженные люди. Большинство же питалось в столовых; в домашних условиях приготовление пищи не приветствовалось, да и было практически невозможно — газовые и электроплиты были запрещены. И даже если какой смельчак решил бы нарушить запрет и установить плиту, воспользоваться ею он бы не смог: газ в дома не подавался, а электричество...

— Скажите, — как раз задал новый вопрос Борис, — я видел по вечерам, что люди читают книги под фонарями прямо на улице. Это удивительно. Чем это объясняется?

— Наши граждане очень любят книги. Некоторые не могут дотерпеть до своего дома и читают на улицах. Мы очень долго были лишены права наслаждаться чтением.

— М-м! — Борис понимающе покачал головой.

Но причиной чтения под фонарями было слишком слабое электрическое освещение в квартирах. Его хватало лишь на то, чтобы раздеться и повесить одежду на спинку стула, различить унитаз в туалете, не натыкаться на стены. Воду при таком напряжении было не вскипятить.

— Я слышал, — не унимался журналист, — что в вашей стране существует несколько партий.

— У нас многопартийная система, — подтвердил один из сопровождающих, — в парламенте представлены три политические партии.

— Да, да. И... — Борис запнулся, — и есть противники действующей власти. Правда ли это?

Сопровождающие переглянулись, и один стал рассказывать иностранцу о трудном процессе политической стабилизации, а другой в это время связался с управлением и попросил проинструктировать, что делать в данной ситуации. В управлении разрешили не только озвучить легенду о сегодняшней оппозиции, но и, если понадобится, свозить Бориса к одному из ее лидеров.

— К лидеру демократов, — уточнили. — Мы его подготовим.

4

Борис выказал желание встретиться с инакомыслящим, и его повезли.

Инакомыслящий, которого звали Рю, жил почти в центре города. Не в бетонной пятиэтажке, как большинство граждан, а в отдельном доме — симпатичном двухэтажном коттедже, окруженном высоким глухим забором, окрашенным в оранжевый цвет.

Ворота открыли молодые люди в черной униформе без знаков различия, и машина въехала в просторный двор.

Справа от коттеджа, в тени грушевых деревьев располагалась беседка, за ней — теннисный стол и волейбольная площадка. Слева был гараж с черепичной крышей.

Рю оказался человеком высокого роста, лет пятидесяти, в темном костюме, при галстуке. С улыбкой спустился с невысокого крыльца, тепло, как с давним приятелем, поздоровался с Борисом, кивнул сопровождающим его «кандидатам». Пригласил в дом.

— Не в наших традициях, — заметил, — пускать в жилище неродственников. Обычно мы встречаемся в общественных местах... Но в исключительных случаях позволяется нарушить покой домашних духов.

— Есть поверье, что гости тревожат духов и те разрушают уют, — добавил один из сопровождающих.

Уселись в глубокие кресла. Жена инакомыслящего, немолодая, но очень миловидная женщина, одетая, как светская англичанка, подала зеленый чай, поставила на столик вазу с фруктами и тоже устроилась в кресле.

— Я — руководитель Демократической партии. — Рю очень хорошо говорил по-английски. — Наша партия была создана в год провозглашения независимости страны и с тех пор находится в жесткой оппозиции к правящему режиму.

Он посмотрел на Бориса. Тот покачивал головой, судя по всему, ошарашенный столь неожиданной встречей, и не мог собраться с мыслями. Чтобы как-то его поддержать, хозяин спросил:

— Какие вопросы вас интересуют? Задавайте любые, даже самые острые.

— Гм... — Взгляд журналиста нашел хрустальную пепельницу. — Простите, можно ли закурить?

По закону курение в стране было строго ограничено. Иностранцам разрешалось курить в специально отведенных местах, а гражданам не разрешалось вовсе — табак приравнивался к наркотикам.

Хозяин неожиданно обрадовался просьбе Бориса:

— О! С удовольствием! Я и сам подымлю. Дорогая...

Жена поднялась и сняла с полки коробку с сигарами. Лидер демократов умело откусил конец сигары щипчиками и раскурил ее от красивой зажигалки.

— Но ведь курение запрещено, — напомнил Борис.

— Мы не признаем этот запрет, — мужественно ответил Рю. — Меня могут упрятать за решетку, могут отправить в трудовой лагерь... Наша партия с тревогой следит за ущемлением прав курильщиков в Америке, Франции. Это — бесчеловечно... Впрочем, здоровье нации оправдывает любые запреты...

— Товарищ, — перебил Борис, и хозяин от этого слова подскочил в кресле:

— Господин! Требую называть меня — господин!

— Простите, но ведь в вашей стране все должны называть друг друга товарищ...

Рю сморщился:

— Это отвратительно. Я не переношу это слово. Оно ассоциируется у меня с теми ужасными процессами, которые происходили в мире. Социализм, коммунизм — страшные эксперименты.

Борис поерзал в кресле, глубоко затянулся сигаретой и затушил ее. Он наконец был готов к серьезному и откровенному разговору.

— Видите ли, господин Рю, в мире давно утвердилось мнение, что в вашей стране отсутствует демократия. Что ваш президент... Гм... Думаю, вам известно, что его считают диктатором. И для меня откровением стало, что здесь действительно существует многопартийная система, есть люди, открыто высказывающиеся против... Я очень рад нашей встрече. Но почему о вас ничего не известно в Европе?

— Ничего не известно? — удивился лидер демократов. — Я часто бываю за рубежом, выступаю на конференциях, симпозиумах. У меня есть книги, изданные в Париже. Впрочем... — Он задумался и горестно покачал головой, и Борис заметил, как напряглись сопровождающие его молодые люди. — Да, вы правы, мой друг, обо мне, и моей партии, и о партии Небесного пути, которая отстаивает интересы верующих в национальных богов, — о нас знают очень немногие. Во-первых, западным демократиям невыгодно представлять нашу страну как страну с твердой демократической основой — им выгодно иметь пугало, которым можно останавливать укрепление какого-либо государственного руководителя. Выгодно поддерживать страх скатывания к тоталитаризму... А во-вторых, мы, как это ни грустно признать, не пользуемся поддержкой народа. Даже самой малой его части. Мы, — господин Рю качнулся к столику, бережно сбил с сигары пепел, — мы принимаем участие в выборах, имеем возможность свободно агитировать, озвучивать свою программу, мы, никого

не боясь, критикуем действующий режим, но — всё бесполезно. Народ не желает идти за нами. В предыдущем парламенте мы имели трех депутатов, в этой — всего одного... Это я. У партии Небесного пути положение чуть лучше... Надо признать — народ не с нами.

— Но ведь народ, — попытался поспорить Борис, — как говорят, да и я сам это заметил, живет очень... — Он не смог подобрать нужное слово. — Люди даже одеты, как солдаты.

— Да, люди живут сурово. Сурово... Рабочий день составляет двенадцать часов, один выходной день, досуг не очень разнообразен. У нас нет ночных клубов, казино, рестораны закрываются в восемь часов вечера... Но, с другой стороны, у нас нет проституции, нет блудоманов, пьяных хулиганов, спекулянтов. Мы — маленькая страна, мы живем за счет собственных сил, без чужих капиталов. Мы должны неустанно работать. Наш народ любит работать. Труд всегда был у нас не обязанностью, а почетным долгом. Так повелось издревле... Конечно, существуют недостатки, имеются даже факты преступной деятельности, мешающей народу идти по прямому пути побед, но с ними борются, виновных сурово наказывает суд.

Борис кивнул:

— Я слышал, что у вас очень много заключенных.

— Заключенные есть, — горестно покачал головой господин Рю. — В любом государстве есть те, кто нарушает закон.

— И, как пишут в западной прессе, их используют как рабскую силу.

— М-м? Рабскую силу?.. Я знаю, что заключенные действительно трудятся, и они рады тому, что им позволяют трудиться. Пребывание в тюремной камере — это намного страшнее, чем трудовой лагерь. Отбыв срок, человек получает не только права гражданина, но и сумму денег... Понимаете, — встрепенулся инакомыслящий, — о нашей стране распространяется много лжи. Я читал чудовищные вещи — что у нас запрещена всякая оппозиция, что народ голодает!..

— Я тоже об этом читал.

— Эта ложь опутала весь мир. Но вот — я перед вами. Я самый радикальный диссидент в стране. И я на свободе, я могу говорить. А что касается голода... Вы были в продуктовых магазинах?

— Да, мне показали...

— И что? Есть в нем еда?

— О, даже крабы! Но я не видел, чтобы кто-либо делал покупки.

— Когда вы посетили магазин?

— Часа три назад.

Господин Рю слегка иронически усмехнулся:

— В это время все находятся на рабочих местах. У нашего народа органически стальная дисциплина... Да и разве, — он вставил потухшую сигару в ложбинку пепельницы, — разве, если бы люди голодали, они могли бы совершать такие подвиги?! Вот пример: один рабочий из южной провинции проработал без сна и отдыха двадцать девять часов, перетаскал пятьсот восемьдесят мешков с песком, чтобы уложить дамбу, и справился с задачей за пять дней, а не за двадцать, как предпола-

галось планом. Это поразительно!.. И разве бы вообще наш свободолюбивый народ стал терпеть какую-либо несправедливость со стороны руководства?! Тем более голод! Наш народ, который сотни лет держали впроголодь иноземные изверги! Да он бы в едином порыве смел такое руководство. Вы разделяете мою убежденность, мой друг?

Борис как-то механически покивал.

— Но есть еще проблемы, — вздохнул господин Рю, — много недоработок, перегибов. И с ними мы беспощадно боремся. Нас никто не заставит молчать. Меня и мою партию! Наш народ достоин того, чтобы жить еще лучше.

Вскоре беседа стала угасать. Инакомыслящий раскурил свою сигару и, посасывая ее, время от времени повторял:

— Я горжусь моим народом! Горжусь!..

Напоследок Борис спросил:

— Скажите, а вы давно занимаете пост лидера Демократической партии?

— Три года и восемь месяцев.

— А что стало с вашим предшественником?

— Он находится в заключении.

— Да? — Борис почувствовал, как натянулось что-то в груди, даже дышать стало трудно.

— Да, — спокойно подтвердил господин Рю. — Мой предшественник призвал к насильственному изменению государственного строя, он хотел вывести людей на улицы. Хотел пролития крови. Крови моего народа! И я считаю, он получил по заслугам. Как бы мы ни были несогласны с отдельными процессами, но экстремизм — недопустим. Да!.. Думаю, и в вашем государстве, где торжествует демократия, с ним поступили бы также. Или я не прав?

Борис снова покивал, не совсем уверенно, но — покивал...

— И, — господин Рю приблизил лицо к его уху, — хочется дать вам совет, мой друг. Не нужно лить грязь на наш народ. Нам, как это ни покажется, может быть, странно, доступна любая пресса, издающаяся на планете. Любой злобный выпад обнаруживается. Многие журналисты-лжецы уже поплатились за свою клевету. Они вкусно едят у нас в гостях, мягко спят, а потом — лгут, измышляют. Нет, так не пойдет. Понимаете?

Медленно подошли к автомобилю. Господин Рю широко, совсем по-американски, улыбнулся:

— Что ж, очень и очень рад нашему знакомству! Надеюсь, мы еще встретимся, подымим от души. Так, мой друг?

— Думаю, да...

5

На следующее утро Бориса везли в аэропорт. В голове доброживал хмель выпитой накануне национальной водки, а телу было легко, кровь живо бежала по артериям, казалось, организм переполнен кислородом... Наверное, морепродукты так влияли. Крабовое мясо, акульи плавники,

свежие мидии, живые устрицы, салаты из водорослей... При воспоминании о том, что скоро опять будет жевать разогретые в микроволновой печи сандвичи, картофель-фри, жирные бифштексы, подташнивало.

Борис смотрел в тонированное окно автомобиля. По тротуарам плотным потоком шли на работу мужчины и женщины в почти одинаковой светло-серой одежде. Невысокие, как один сухощавые, со строгими лицами... Сейчас займут свои места и будут выполнять почетную обязанность двенадцать часов подряд, а вечером так же дружно направятся домой. И не было в этой простой схеме места заходу в магазин, покупке продуктов, приготовлению полезных и сложных блюд, какими пять дней потчевали Бориса...

Нет, не нужно пока задаваться сложными вопросами. Он устал. Не физически, а иначе. Очень много впечатлений... Потом всё обдумает... Сейчас — сесть в самолет, расслабиться в удобном кресле, закрыть глаза... А ведь еще пересадки, ожидания нужных рейсов в аэропортах, расписания, визовые контроли, предпосадочные боксы, взлеты, приземления...

На родине навалились дела; статью о поездке у Бориса не требовали, а он даже не делал попыток ее написать. В профессиональном плане командировка не дала результатов.

Борис не знал, что целый отдел специальной службы страны на протяжении нескольких месяцев пристально следил за ним, изучал каждую его новую публикацию. На полуострове ждали, как он опишет то, что увидел, как передаст свою беседу с лидером оппозиции. Был даже продуман план его ликвидации в том случае, если бы он слишком очернил страну. Такие формы кары иностранцев, да и своих перебежчиков применялись нередко — или укол медленно действующего яда в людном месте, или сбрасывание с виадука, замаскированное под самоубийство, или сбивание автомобилем... Но Борис молчал, и в конце концов слежка за ним была ослаблена.

Борис потерял интерес к далекой стране. Своей цели — убедиться или разувериться в существовании древней империи — он не достиг (раскопки, музейные экспонаты, лекции все-таки вызывали у него большие сомнения); он не увидел тех ужасов, о которых иногда говорили побывавшие на полуострове или сбежавшие оттуда, но и не поверил, что люди живут счастливо, как одна крепкая семья...

Однажды ему случайно попалась заметка о международном конгрессе по детскому образованию. В перечне участников он увидел: «Господин Па, руководитель Демократической партии». Что случилось с господином Рю, Борис догадался, хотя подтверждения этому не нашел. Да, впрочем, и искал не очень настойчиво.

ЧАРОДЕЙ

Повесть

1

Москвич Ваня Соколов, четырех лет отроду, вертелся перед зеркалом. На него смотрел худой черноглазый ребенок. Вдруг какой-то старик проплыл за спиной, зеленый шерстяной плед на плечах, мелькнула желтая щека с седой щетиной. В эту минуту в Ярославле у него умер дедушка.

Когда ему было шесть, в их светлом дворе мальчишка постарше с другого двора, темного и прокопченного, подбежал, ударил в живот, сорвал с него шапку, забросил далеко, затем повалил, надавил коленями на грудь и, бесстыже глядя васильковыми любознательными зенками, начал угощать снегом. Он лепил снег Ване на лицо, Ваня бешено выл, выдергивался, кусал снег и глотал.

— Ваня! Домой! — слепо закричала в форточку мать.

Зов спугнул обидчика.

Ваня вслед ему сквозь сопли и снег выпустил нечто вроде свиста. Налетчик убегал к своему черному двору, а жертва издала громкий выдох свободы и ненависти.

Ночью Ваня не мог заснуть. Он умел источать энергию бессонницы. Его бессонница захватывала тех, кто был рядом. Он ворочался час за часом, вспоминал ушедший зимний день, обидчика и вкус снега и чувствовал, как вокруг обжигающими волнами расходится проклятая бодрость. У него поднималась температура, но он не звал родителей. Взрослым надо было вставать с утра на работу, а Ваня, горячий, все думал: «Вдруг он меня снова повстречает? Хочу быть победителем...» Наступил третий час ночи, сосед над головой заходил, поскрипывая потолком, на кухню отправился папа, где зажег свет и шумно, с интервалом в минуту переворачивал страницу.

Скрип шагов соседа был тяжелым и загнанным. Ваня пожалел этого немолодого стоматолога, но сон не шел. Свет, зажженный отцом на кух-

---

Сергей ШАРГУНОВ — родился в 1980 г. в Москве. Закончил факультет журналистики МГУ. Автор книг прозы «Ура!» (2003), «Как меня зовут?» (2006), «Малыш наказан» (2006); книг «Быть мужиком», «Мы — рисковое поколение», «Происхождение крика», «Уйти по-английски», вышедших в серии «Поколение Лимонки», а также ряда рецензий и статей. Лауреат общенациональной премии «Дебют» в номинации «Крупная проза» и премии Московского правительства. Участник форумов молодых писателей в Липках. Живет в Москве.

не, укромно красил снежные ветки деревьев у дома. Между шторами из своей комнаты мальчик видел подсвеченные ветки. Свет укреплял его в деле бессонницы и в ощущении головного жара. Он ужасно сочувствовал шелестевшему папе. Встала мама, пошла в ванную и открыла стирку, заныли трубы, зачавкало белье. Ваня слушал стирку с большим состраданием, но не мог заставить себя отключиться. Обида ярко в нем звенела. Знали бы они — не поверили: это ребенок, температуря, властью своей кипящей бессонницы гнал их сон.

Через месяц была черная весна. Ваня с мамой пересекали вражеский двор. Они шли по узкой черной речке искристого асфальта, справа кишмя кишели порочные снега, слева громоздился копченый дом. Возле среднего подъезда они наткнулись на помертвелое оживление. Десяток женщин и один старик.

— Несут, — сказала баба с несчастным желто-красным наморщенным лицом.

В тот же миг из подъезда вынырнула юркая женщина с белым окостеневшим личиком. Она выпала, как черная метка. И только тут Ваня увидел, что люди эти — в черном, и почуял все и предвосхитил больше, чем способны взрослые. Женщина придержала дверь подъезда, беззвучно двое мужчин вынесли деревянный алый ящик.

— Идем! Не смотри! — тянула Ваню мать, огибая кучку людей по черной весне.

Но он успел разглядеть. Он узнал. Это был его обидчик. Отстраненно-спящий. Покойный.

И еще он поймал голубые, пронзительные глаза бледной женщины, он столкнулся с ней глаза в глаза и увидел, что васильковые глаза ее расширились в ужасе прозрения, невероятной догадки... Как будто она хотела его окликнуть, задержать.

Мать увлекала Ваню, и все же в арке этого двора, спасительно выводившего на набережную, какая-то совсем обыденная тетя, отдаленная от прощальной кучки, видно, просто местная, сказала:

— Прививку ему вкололи. От кори. А у него — отек легких!

— Какой ужас! — Мать вела Ваню прочь, дальше, бегом с того места, словно он мог заразиться смертью. Ванино сердце колотилось, он бежал, увлекаемый матерью, навстречу ветру, и думал: «А ведь это я его! Я!»...

— Он меня обижал, — горячо говорил он — А потом я ему свистнул. И я его убил. Правда, мам.

— Ты плохо поступил, — мать дернула его руку, сжимая в своей, рассеянно не приняв лепет. — Никогда так не делай.

В тот день Ваня открыл новый чародейский прием. Он не только может устраивать бессонницу, он свистом умеет мстить. Он прямо связал свой мокрый вопль-свист на белом дворе в спину убегавшему обидчику со смертью, которая этого обидчика уложила в алый ящик. Смог убить человека, а мог бы разрушить дом? Или, допустим, Родину? Отныне Ваня смотрел на себя с особым прищуром.

Он стал себя бояться.

А как бы научиться приносить пользу? Ему подарили копилку, глиняную розовую свинью, и он клянчил у гостей монеты, забивая ими ее тулово. Было бы здорово, если бы монетами из чистого золота залило их голубую облупившуюся ванну до краев, вот родители удивятся. Или ему бы подарили что-нибудь живое, хоть ежа, хоть рыбок, лучше всего — щеночка. Но он не знал, как это подстроить, чтобы не навредить. Очень хочется рыжую собаку с вислыми ушами, а еще хочется вылезти из тапочек и, стоя посреди комнаты, поскрести носком левой ноги пятку правой. Но вдруг вместо щенка в квартиру ворвутся бандиты?

Иван то и дело чувствовал порыв сделать нелепость, — к примеру, трижды дать щелбан по стеклу окна, отвернуться и прошептать заманчивое слово: «Севадрила», — но держался. Он не знал, в какую пропасть могут толкнуть роковые силы. Так он стал смирным, аккуратным, чуть заторможенным, — маленький контролер, изучающий самого себя, точно билет, зажатый двумя бдительными пальчиками.

То, что СССР умрет, он понял в ту весну. Ваня убил свою страну. Это было в 87-й переломный год.

Их дом стоял напротив обширного, яичного цвета, Министерства обороны.

Они с отцом гуляли мартовским полднем на собачьей площадке между домом и Пентагоном. Встречались люди с собаками, но были и родители с детьми, встречались и песьи отходы, и резкие линии мочи в талом месиве. По вине испражнявшихся собак на площадке они гуляли не часто. Иван любил там гулять, воображая, как они могли бы гулять со своей собакой.

Папа подстелил газету, сел, ребенок пошел бродить. И набрел на двух военных.

Они стояли в снегу и сосредоточенно смотрели под ноги. У одного военного была ветка. Хворостина. Иван подошел ближе, военный рисовал схему, не отрывая взгляда, а другой на рисунок смотрел. Они специально выбрали островок не самого замаранного и относительно крепкого снега. Один изобразил три вытянутых коробки, соединил их, провел стрелку и под ней нарисовал ромб вдвое больший, чем каждая из коробок. «Вот как-то так, Олежа», — сказал он. И добавил внутрь ромба букву К. Другой ошарашено сказал: «Теперь ясно». Они заметили Ваню, переглянулись, во взглядах мелькнула ирония, мол, «ребенок вне подозрений». И все же военный-чертежник со словами «Ладно, пойдем» наступил сапогом и растер схему. И тут же вляпался. Под снежком таился кал собачий.

Они разозлились.

Тот, кто вляпался, зло и весело разозлился, поднял ногу, и стал ковырять себе по подошве веткой, и ветку отбросил, а его товарищ разозлился, сочувственно причитая. Они пошли, бранясь двумя интонациями, веселой и плаксивой. Вероятно, один был командир, другой подчинялся, — в детстве Ваня не умел различать военных.

Они дошли, бранясь, до края собачьей площадки и перебежали узкую улочку к Министерству. Там к зеленым воротам с красной звездой все время подъезжали и выезжали из ворот военные грузовики и черные волги, военный парнишка регулировал. Рядом тяжелая дверь с золотой ручкой то и дело открывалась, впуская и выпуская зрелых и старых военных.

А на собачьей площадке, в десяти метрах от этой интересной циркуляции, вместо недавней таинственной схемы были смятый водянистый снег и фактурный отпечаток подошвы. Мальчику стало неожиданно муторно, точно он узнал постыдный секрет и лучше бы его не знал. Но если ОНИ об этом не узнают — им капут.

И он решительно пошел на край собачьей площадки. И вдруг засвистел! Истошно, звонко. Вложив в этот свист не столько воздух, сколько окаянный голос. Он визжал.

Дернулся регулировщик, болезненно заскрипела тяжелая дверь подъезда, которую отверзли на половину, ворота замерли, удивленно приоткрытые, военные грузовики на несколько мгновений показали неловко-дикий ракурс, как если бы были инвалидными машинами. Ваня перестал. И все вокруг с облегчением забыли про Ваню с его свистом. Что они могли сделать? Даже самый бдительный военный — что мог сделать? Выстрелить в крик ребенка?

Но Иван всегда понимал: обвал системы начался с этой минуты. Камешек остро стукнул в лоб великана. И заскользили камешки, побежали трещины, кирпич полетел, цепляя кирпич, и случился обвал... И при воспоминании об этом своем выступлении Ване будет становиться до слез жалко систему, ее оплот, молоденьких наивных военных, оплывших, с бабьими лицами военных немолодых. Они, как дети, были, военные из СССР.

Он досвистел, тут его грубо схватили за плечо. Это был отец, подбежавший от своей скамейки.

— Зачем? Не смей! Идем!

— Это не я.... Я не хотел... — бормотал Ваня, хлюпал послушно нечистый снег, начался черный асфальт, в глазах мальчика играли бедовые огоньки.

Вернулись домой. Только сели обедать — звонок в дверь. Пришел слесарь. Он направился в ванную чинить кран.

— Представляешь, — обратился отец к маме через стол, пережевывая куриное белое мясцо. — Этот негодяй устроил визг.

— Какой визг?

Отец кивком показал ей закрыть кухонную дверь, она выполнила, а он еще и понизил голос.

— Решил освистать... Встал у Министерства обороны и свистит. Ваня, я тебе еще раз строго приказываю: не смей.

При закрытых дверях на кухне сделалось душно-аппетитно, кухня поплыла, мутно-желтая, превращаясь в куриный бульон.

Мама вздохнула нервно, с каким-то шутейным страданием:

— Надо меньше при нем говорить.

Отец невесело хихикнул и помассировал себе живот:

— Ты, маленький, чего? У тебя головка не того? Ты соображаешь, с кем шутки шутишь?

Иван задавленно молчал.

— Он еще ребенок, ничего не понимает, — мать скуксила голос. — Ванечка, иди лучше к слесарю, спроси, не надо ли чем помочь.

Мужик возился под ванной, изогнувшись и кряхтя. На спине задралась клетчатая рубашка, оголив полосу кожи. Лысый затылок лоснился испариной, украшенный редкими рыжими кудряшками.

— Что тебе, Ваня? — спросил этот умелец игриво, не поворачивая головы.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — бойко спросил мальчик.

— А у меня, Ваня, есть ушки на макушке. А на ушках веснушки. Вот эти веснушки позволяют мне слышать дальше и лучше, чем обычные дяди и тети. — Он звякнул, крякнул, потянулся ручищей назад и почесал оголившуюся полосу спины, оставив на коже темный след. — Вот я и заслышал, как ты сюда идешь. Да я уже знаю и что ты — хулиган, злейший враг нашей советской власти, желающий ей верной погибели. Контра! — И он задорно икнул под ванную, как будто открыл зубами винную пробку.

Ваня замер, потеряв речь. Этот мужик все подслушал... Оборвалось сердце. Он молчал, затаив слова и понимая, что слесарь продолжит.

— Слушай сюда, — тот вытащил голову из-под ванной, веснушчатое несуразное лицо, очки на лбу, в углах рта пенка. — Министерство обороны — это оплот твоей страны. Вырастешь, пойдешь в армию служить. Может быть, сам станешь военным. Если будешь хорошим. — Он вернул голову под ванную, опять показав лысину в ореоле кудряшек.

Ваня обидчиво присвистнул. Легонько, фюить... Сложил губы в трубочку и выдал тонкий птичий звук. И отправился к себе в комнату, где начал скакать на пыльном диване, наколдовывая перемены.

— Эй! Хозяева! На помощь! — услышал он.

— Что случилось? — голос матери.

— Застрял я! Голову сунул, а обратно не лезет! Позови хозяина!

— Вова! — мать звала отца.

Они долго шумели, бранились, мама куда-то звонила. Провозились час. Кто-то пришел из ЖЭКа («Да вы сапоги не снимайте», — суетилась мать). Беднягу спасли, уводили. Иван не вылезал из комнаты, энергично подскакивая. Диван был телегой, летящей по пыльной дороге войны... Ночью у него поднялся жар.

Иван замирал, и навылет его пронзало очевидное: скоро все кончится.

Позднесоветские дети скликали, притягивали распадные, недужные силы, созывали мороки.

В сообществе детей, как эпидемия, передавалась считалка:

Шла машина темным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву «с».
А на буковке звезда.
Там проходят поезда.
Один поезд не пришел,
Человек с ума сошел.

И вместе с той считалочкой со двора во двор летало предупреждение: по городу ездят автомобили, у которых на номерах написано «ССЛ» и «ССД» — Смерть Советским Людям, Смерть Советским Детям.

У Ивана было счастливое детство. Исторический закат страны кинул ему косой луч счастья.

Родители были простыми инженерами. Они работали в одном и том же НИИ, конструировали самолеты. Иван запомнил их разговор про пограничников. Они слушали иногда вечером транзистор, который шипел и булькал. И там передавали: люди хотят бежать за границу, и на границе в них стреляют. Родители потом обсуждали это. Они говорили про какого-то мужчину, который уже почти доплыл до берега, но его настигли пограничники на лодке и веслом пробили ему голову...

В ту весну в квартире у них был гостем скромный парень Гриша, сын их приятелей, он заявился в военной форме, служил «срочником» в духовом оркестре в Москве. Когда родители вышли из комнаты на минуту, Ваня выпалил ему от души:

— Как вы можете! Вы стреляете! Люди хотят убежать, а вы стреляете в них!

Тот розовел, непонятливо смущался. Ваня не выдержал и щелкнул зубами. Для Вани любой военный казался пограничником. Ваня сидел на полу и щелкал зубами, отчетливо, жестоко, и блестела люстра, отражаясь деревяшками паркета. Он воображал море, отражающее прожектор. Прожектор тупо светит на волны, и пловец не укроется.

По дороге из их дома Гриша поскользнулся в гнилом снегу и сломал ногу...

Услыхав об этом, Ваня (у него начался рецидив гриппа) сделал новое открытие: щелкая зубами на человека, можно ломать ему кости.

В июне родители отвезли Ваню в Батуми.

Жили возле гор.

— Пойдем, — глуховато позвал папа.

Переглядывались южные звезды. Растения погружались в забытье, распуская ароматы.

— Надо спать уже ложиться. Куда идти? — мудро сказал мальчик.

— Сходим в горы, подышим.

— Но там шакалы. И пограничники...

— А мы их обойдем в темноте.

— Папа, ты хочешь бежать? — выдавил Иван.

Отец властно притянул его. Покинули участок, заскрипел гравий, воздух был блаженно неподвижен, а звезды посверкивали ехидно: «Вас застрелят! Вас убьют!»

Отец задумчиво шел к горе, вверх по дороге, сын следовал за ним, но стал отставать, стараясь громко попадать в такт его шагов, ударяющих гравий, отставал, плавно замедлялся и резко рванул прочь.

Он пробежал по дороге, метнулся за калитку, на бегу сшиб рукой несколько низких виноградин, сжал в руке, помчал тропинкой в глубь участка и с разбегу сквозь темноту полетел в канаву. Он лежал на спине, оглушенный, видел звезды, разжал руку, выпуская измятый виноград, и почему-то представил зимнюю Москву, Фрунзенскую набережную и ярко-голубую мигалку над черной машиной, пролетающей через морозный вечер. И представил белого медведя, виденного в московском зоопарке. Иван лежал, одинокий, разбивший локти, уверенный, что избежал худшего — того, чем занимается сейчас авантюрист-отец, карабкаясь в горы, тщетно рассчитывая перехитрить жестоких пограничников. «Папа!» — слабо позвал Ваня и засунул два пальца в ноздри. Мимо, над канавой мелькнула чья-то фигура, шатнулась, и через мгновение впереди, в ту же траншею канавы обрушилось тело. Человек зачертыхался, поднялся, и в свете звезд они узнали друг друга...

— А ты что здесь делаешь? — спросил отец.

Он помог Ване выбраться. На следующее утро втроем пошли на пляж. Мальчик купался в море с зеленкой на локтях. Отец был с ними, ссадина на подбородке.

— Я решил без тебя не бежать, — сказал он.

— А как же мама?

— У нее свой план к нам перебраться.

Какой кошмар! Может, он шутит?

Но мама смутно улыбнулась. И сразу же надела крупные темные очки, и в этом Иван почуял что-то иностранное.

Отец потащил его в воду.

Он волок в море, дальше и дальше, одной рукой разбивая соленую плотную гущу, другой придерживая ребенка за грудную клетку. Было весело, лихо, вода накатывала, все больше, все глубже, а впереди из сини мрачно замаячил контур другой, турецкой земли. И в этот миг, сквозь резкие славные брызги, Ваня понял.

Он дьявольски забрыкался и закричал, оборачивая искаженное лицо к советским курортникам, плещущимся у бережка и дрыхнущим на пляже:

— Папа, куда ты меня тащишь? Папа! Там же турский берег!

У него был последний шанс предотвратить побег — обратить внимание советских граждан. На маму он не надеялся.

— Турский берег!

И опять глядя на зловещий контур чужой земли, перелетая глазами роскошную гущу водяной сини, Иван выпустил свой фирменный звук — смесь визга и вопля.

Отец растерялся, ослабил хватку, деланно засмеялся. Люди подозрительно нацеливали взгляды, мама рассержено сняла очки, отец возвращал сына на советский песок.

Всю ночь в доме грузин, у которых они снимали, верещал попугай. А утром пришла весть: в Турции — землетрясение. Сотни погибших. Завалы. Ваня простудился на море. Его увезли.

Полечив Ваню в Москве, его отправили на дачу.

Иван скакал по березовой рощице, ошалев от череды черных, и белых, и зеленых пятен и хлестких выстрелов обламываемых веток. Неподалеку вышагивала старуха Мария Алексеевна, хозяйка дачи. Коренастая, с кустистыми белыми бровями, добрым и испытующим сизым взглядом и красным, похожим на кулачок, носом. Она держала корову, трех коз. Из-за скотины у нее на кухне, в ее части дома, всегда сытно и жирно пованивало из ведер с гниющим кормом. На кухне сновали тараканы, и Мария Алексеевна шутливо давила их рукой на обоях и ничуть не морщилась. Перед сном она крестила кругом и капризно говорила:

Ангел мой,
Пойдем спать со мной,
А ты, сатана,
Отойди от меня,
От окна, от дверей,
От постели моей.

Внешне Мария Алексеевна была похожа на Льва Толстого, только без бороды и усов. Это маленький Ваня распознал, потому что на кухне у Марии Алексеевны висел портрет Толстого (на изнанке портрета сидели тараканы-авторитеты). Ваня, поскакивая рощей, играл в будущее. Он носился среди березовых стволов и листьев, молодецки отстреливаясь.

— Мария Алексеевна, — спрашивал Ваня, — вы верите, что я колдун?

— Верю, — хитро кивала она.

— А родители не верят.

— Небось говорят: «Болтун ты, а не колдун»?

— Значит, вы тоже не верите?

— У нас была колдунья-молодка в деревне. Под Калугой. Я сама видела, как она из бани в небо полетела. Мы ее с девками выследили. И за ней гонялись впотьмах. А она от нас тикала, уже по земле, в чем мать родила...

— Интересно, какое для этого слово надо знать? — задумчиво сказал Ваня.

— Чего ты?

— Чтобы полететь в небо... А если за мной будут гнаться, вы меня спрячете?

— Спрятаю. Так запрятаю, что сама не отыскаю. — Седой вихор выбивался из-под платка.

Почему-то он Марии Алексеевне не верил. Думал, обманет, испугается, и он ее пытал, забыв о чудесном.

— А если я против власти?

— А че мне власти? Вон председатель у нас взяточник тот еще. — Но вихор ее был по-прежнему простонародно лукав, как ухмылка кота, слизавшего со стола сметану.

— А вдруг вы испугаетесь?

— Кого? — показное удивление.

— Да тех, кто будет меня искать. И покажете им, где я сижу.

— Укажу? Вот те раз! Спросят, я им: не видала такого... Не видала, убег он... — И она лукаво развела руками.

Она показала ему обе пятерни, вроде умыла руки.

Пальцы ее были грубо-розовые, точно обожженные, в мглистых земляных мозолях.

Нет, она выдаст. Предаст, если будет надо.

Но Ване каждым ударом детского сердца дороги были эти ее пальцы, роща легкая и прелестная дорога, дорог пестрый сладкий закат, неразрывно и сложно смешанный с запахом навоза. И он, не в силах сдержаться, выдохнул свободно:

— Рамэламурамудва! — не отрывая взгляда от ее пальцев.

— Ты чо матюгаешься? — заметила старуха строго. — Матери скажу.

В тот же день перевелись тараканы. Мария Алексеевна шастала по кухне, подозрительно глядя то на стены, то на грубые подушечки пальцев, но давить было некого. Тараканы оставили ее дом. Толстой со стены одобрительно жмурился.

Так Иван сделал первое доброе чудо.

Откуда берется детская страсть к бродяжничеству? Какая сила гнала за ворота домашних розовощеких пупсов, сбивая их в армию, в целеустремленный ртутный поток, ставший известным в истории как «крестовый поход детей»? Не та ли загадочная сила пробежалась по Ване сквозняком, коснулась лба, взбила темные вихры, дала легонький подзатыльник? И захотелось в дорогу.

Конец августа, через несколько дней будет Москва и в первый раз школа. Папа повел его в большой, темно-синий бор за железной дорогой. Отец ступал между сосен прощально, зачарованно, с прищуром лесовика, вынужденного горожанина, ребенок плелся нехотя, и кто-то шепнул ему: пора, начинай...

— Я хочу домой. Можно?

— А ты помнишь, как идти? — спросил отец, одурманенный сосновым полусветом.

— Помню, честно!

— Ну, иди...

— А можно мне пойти путешествовать?

— Иди, иди, иди...

Магия дороги, которая овладела Ваней, на короткое время усыпила папину бдительность.

Быстро, как можно быстрее, Ваня покидал пределы соснового царства.

Обогнул мусорную свалку с ржавым остовом «Жигуленка». Переждав, пока отгремит товарняк, своим палевым оттенком и унылым скрежетом символизировавший осень, мальчик пересек железнодорожное полотно. Когда он переходил рельсы, из леса донесся пробудившийся взрывчатый голос: «Ваня! Ау!» Вправо, вслед за «железкой», уходила улица. Простая, земляная, с лужами и колдобинами, беззвучно зовущая в долгие странствия.

Мальчик пошел по этой дороге, понимая, что главное — оторваться на возможно большее расстояние. Не сказать, что он беспокоился о пропитании и крове. План был прост: ходить по дорогам и выискивать банду, выдергивать по ребенку, заманивать к себе в компаньоны. Вместе они точно не пропадут!

Дорога вильнула влево. Иван шел упрямо, иногда вытирая сапожки о придорожную траву, веря, что встретит нужных ребят.

— Ой, куда такой собрался? Ты чейный? — удивилась возле голубенькой калитки полная женщина, собиравшая терновник, сердобольно раззявив черный от сока рот. — Хочешь ягодку?

Он воспринял это предложение как первый знак благоволения судьбы. «Не успел пойти, уже кормят», — рассудил мальчик.

Она ссыпала горстку черных ягод в подставленные ковшом ладошки.

— Путешествую, — честно признался Ваня.

— Ой, кто же тебя, дитенка, отпустил...

— Папа. А у вас нет детей? Я бы их с собой взял.

— Сынок мой взрослый. В Афганистане служит. Слышал про Афган? Ой, клоп вонючка попался, — и женщина принялась отплевываться черной слюной и вытирать рот о рукав куртки защитного цвета.

Мальчик уходил дальше.

Встретил троих. На перекрестке. Двое ребят его возраста и один постарше. Они словно ждали тут.

Обменялись именами.

— А я иду путешествовать. Пойдемте со мной.

— Ты что, дурак? — спросил старший, двое мелких настороженно молчали.

— Будем ходить, станем армией... Потом победим. И все будут хорошо жить. Мы соберем вилы и косы...

— Иди отсюда, — мальчишка толкнул Ваню в грудь. — Проваливай! У! — и он замахнулся кулаком.

— Мне плутать — мамка заругает, — меланхолично заметил один из малышей.

— А я буду путешествовать! Всегда! Я все равно приду к своей цели! — поклялся Ваня.

Он быстро от них уходил, вслед летели грязные сырые камешки. Он оглянулся, злобно присвистнул, гневно щелкнул зубами. Дальнейших их судеб он не знал.

Ваня по-прежнему шел одиноко. В тот момент, когда он попытался восстановить пройденный путь и хотя бы мысленно вернуться назад, к ужасу своему понял, что не знает обратной дороги.

Вскоре он поравнялся с дедком, который приветствовал его вялым взмахом руки. Они шли вровень, старик держал паузу, скосив глаза. Он не удивился ребенку-скитальцу и сказал с каким-то обреченным довольством:

— Попутного вихря! Спаси Бог!

— Спаси Бог! — ответил Ваня в лад.

— Надо же, и ты Бога поминаешь... — засомневался дедушка, не ангела ли встретил он.

— Иду, путешествую, — бесхитростно поведал Ваня. — Хочу найти друзей.

— Я ничего не боюсь! — Дед остановился, увязая в грязи, а мальчик встал на траве. — Козу недавно руками разворотил. Жена от сердца померла. Я тебе грубо не говорю, но девок надо любить, а если кто есть поперек, взял и кадык ему вырвал! Знаешь, где кадык? — И он шутливо потянулся к детскому горлу.

Ваня отшатнулся. Старичок зачавкал грязью дальше, Ваня стоял на траве. Горбатый путник свернул. Почему-то мстить ему не захотелось.

Мальчик бродил часа два. Навсегда ему запомнилась эта картина на фоне сырых небесных седин и на фоне голода, мало-помалу сводящего желудок. Странный изгиб дороги, тупик, дом за забором, собака звенит цепью и жадно брешет. Ивану с обманчивой надеждой вдруг кажется, что это его дом, ну вот же яблоня, и серенькая ограда, и собака звенит цепью, все похожее. Он медлит с надеждой, и понимает, что напрасно. Надо заходить на новый жуткий круг поисков. И вот в эту минуту он явственно ощутил время, медленность времени, тоску времени и то, что невзрачный тупик, сиротливую яблоню и невидимую, брешущую надсадно на цепи собаку запомнит навсегда.

Он вышел к поселку, оживленному, с мраморным обелиском при венке, с белым каменным мостиком над прудом. Чужой поселок. Там встречные прохожие то и дело лениво спрашивали: «Ты откуда взялся?» — «Я путешествую», — дипломатично отвечал Иван. Сразу же они испытывали желание его сдать: «Мальчик, мы сейчас милицию позовем, погоди», — и приходилось от них скрываться. Кто-то предложил леденечного петушка, Ваня отверг.

И вдруг он сообразил. Вложил два пальца в ноздри и слабо позвал:

— Папа!

Родители сбились с ног. Они прочесывали лес, бегали по дорогам, звали. Отец взобрался на велосипед и поехал по центральной улице в соседний поселок — в милицию. При въезде в поселок он и встретил сына.

— Куда тебя понесло?

— Никуда. Ходил-гулял.

Отец безостановочно крутил педали, захватывая шинами лужи, молочно вспенивая дорогу, и кричал через плечо:

— Я тебя дома изобью... Ты — плохой! Ты — очень плохой! От этого так часто болеешь!

Но дома бить не стали. Сил на это не было уже. Первое хождение по Руси состоялось. Вечером у Вани поднялась температура.

2

Минуло двадцать два года...

Иван давно уже выбрал жизнь без чудес.

Палитра волшебства за это время не расширилась. Ваня как получил в шесть несколько способов влияния, так больше и не открыл. Очень скоро он понял, что все эти способы бьют по нему: использовав колдовской прием, он заболевал. Поэтому в любом колдовстве была подкладка жертвенности. Станешь колдовать слишком часто — вообще можно слечь с тяжелым недугом. Ваня перенес за детство две операции: аппендицит и паховая грыжа. Он боязливо лелеял в памяти все дарованные ему приемы, но к ним почти не прибегал. Два злых: щелкнуть зубами и присвистнуть, при этом обязательно адресно, в чью-то конкретную сторону, видя перед глазами этот неприятный объект. Один радикально злой прием: визг со свистом. Один прием вроде нажатия на сигнальные кнопки «СОС»: пальцы в ноздри и позвать на выручку. Но тот, кого вызываешь, должен быть знакомым и находиться близко: американский президент по Ваниному призыву так и не явился. И наконец, если желаешь кому-то добра, надо, видя этого симпатичного человека, сказать на него: «Рамэламурамудва!»... Но за добро тоже придется платить здоровьем. Плюс еще можно бодрить окружающих бессонницей... За бессонницу Ваня почему-то еще не получал наказания. Может быть, людям спать надо меньше?

Он не хотел болеть, страх сковывал его ум, сужал глаза, которые теперь хищно фильтровали разноцветную явь. Но самое страшное, Ваня не мог понять, кто он: господин чар или раб их? С детства он чувствовал, что словно проводит чей-то интерес. И каждое чудо усиливало это чувство.

С годами Иван реже и реже прибегал к услугам хитрого и капризного чародея. Он предпочитал Ваню покладистого и мнительного. Жизнь превратилась для него в сеанс страха. Однажды лет в десять, играя с мальчишками в футбол на школьном дворе, он погнался за проворным горячим мячом и, пробегая мимо качелей, не рассчитал, головой ударился о железку, за которую обычно держатся рукой. Качели качнулись. На секунду ощутив голову железной, Ваня от боли и досады скрежетнул зубами. И вдруг качели рассыпались, распались на несколько кусков, причем деревянное сиденье, отскочив, пребольно ударило его по ноге. Подбежали мальчишки. «Слушай, Ванек, а у тебя голова железная! Качели разломал...» — «Да уж, и правда, железная голова, крепка, — подумал Ваня, — Как я еще с ума не сошел!» Из школы подбежал взволнованный учитель труда. «Брак, — бормотал он с одышкой. — А если б кто качался. Убился бы. Нет, правда, убился бы, если бы качался. Какой брак делают!»...

Ваня хромал неделю и температурил. Мама потащила его на рентген, подозревая трещину кости, но все обошлось.

Даже в бреду, даже во сне он следил за собой, чтобы не сорваться на какой-нибудь скрежет или жест. Дышать ровно, говорить обычные слова, не дергаться — вот чему выучила его жизнь.

Единственным решением, как победить страх, было либо смирение вплоть до пускания сладких слюней на смирительную рубаху, либо движение навстречу жизни с ее грубой механикой. Овладеть рычагами успеха, добиваться удивительных событий, запустить хитроумные процессы, разогнать качели выше неба... А через что можно научиться управлять жизнью, если не ударяться в опасное колдовство? Через практику властвования — политику. Через уличные гульбища, мякоть толпы и денежных пачек, наждачность интриг, ласковую шершавость византийщины.

Он довольно рано заставил себя никогда больше не колдовать. Но в детстве и подростком, бывало, срывался и даже мнил, что несколько поворотных сюжетов в жизни его страны не обошлись без него. И в юности срывался... И мучился потом. Каялся. И боялся. Запрещал себе даже думать о возможностях одним щелчком зубов или одним словечком поменять картинку. «Крепкая у меня голова, чугунная, золотая. Как я еще соображаю что-то в таком стрессе! И рассказать некому». Он пробовал делиться, предлагал однокурснику Петьке провести эксперимент, хотел опытным путем доказать свое могущество, но потом передумал отчего-то. Сообразил, что не знает последствий волхвования, если оно при осведомленном свидетеле. Жизнь таила множество силков. Остерегаясь ловушки, он не пошел в церковь, на «отчитку», фрагмент которой показали по каналу «Культура». Все-таки навеки расстаться со своим даром он тоже не решался.

Но он искал других «чудес» — положения, успеха, достатка. Научился абстрагироваться от страшной ноши, жить гладко, точно, на автомате, не допуская волшебных осечек.

Но и в этой ровной жизни он продолжал нелепо ощущать себя чьей-то собственностью, словно просто менял владельца, но оставался игрушкой.

Зимой Иван ехал по Руси. Они поехали с политиком в Тамбовскую область, там приближались выборы в Собрание.

Они встретились ранним неуютным московским утром, когда еще болталась жидкая темень. Политик сидел в черном джипе. Ваня сел рядом. Один охранник крутил баранку, другой высился на переднем сиденье.

Мчали под сверкающей мигалкой, расталкивая машины, выбираясь из Москвы, где, несмотря на темень, уже зарождались пробки.

— Сука. Маячит, — процедил шофер Паша с личиком, похожим на надкушенное яблоко. — Ненавижу!

Это он ненавидел чайника на сером «Форде-фокусе», не сразу убравшегося с их дороги.

— Поравняйся, — жестко сказал второй охранник, Егор, розово-красный, могучий. Похожий на разросшуюся морковку. Он открыл окно,

высунулся и проорал: «Гад! Да я тебя ща прикончу!» — Он вернул голову в салон, бормоча: «Ты че, падла, не понял?» — Нашарил под ногами полупустую литровую бутыль газировки, взболтнул.

— Куда швепс потащил? — хихикнул Паша.

Егор швырнул бутыль.

Бух! Попала в серый капот... Раздался скрежет тормозов.

— Обалдел, ненормальный, да? — затявкал мужской голос.

Паша остановился.

— Да я убью тебя! — Егор сунул руку внутрь кожаной куртки, вытащил пистолет и потряс им в окне. — Пушку видел? Тебя пристрелить, ублюдок?

Мужик из «Форда» тотчас поднял свое стекло.

Вокруг бибикали.

Они мчали дальше. Политик, Михаил Геннадьевич Ефремов, довольно захохотал сочным, крупным смехом. «Цирк!» — выдохнул он в смехе и с наслаждением потер черные моржовые усы. Охранник Паша хихикал, нервно, истерично трясся хулиганским смешком. Охранник Егор глухо бормотал брань, остывая и время от времени вскидываясь на очередные препятствия в виде «чайников», — «А ты куда лезешь, гнида?», — готовый в любую секунду снова вспыхнуть. Ваня тоже смеялся, делано, деревянно, добавляя свой смех к их веселью.

А сам думал те мысли, которые часто думал последнее время: «Зачем я с ними? К какой цели еду? Или это все — страсть к бродяжничеству?»

— Вань, Пожарский сразу? — спросил политик дремно.

— Сразу, — ответил юноша. — Завтракаем и к нему.

— Мой корефан старый. Поместье себе нехилое отгрохал. Возле реки. На километр по берегу. Был я у него на речке этой. Грязна-а-а... — Политик мощно зевнул, и пахнуло сырой илистой гнилью, как будто его воспоминание материализовалось. — Во сколько заканчиваем?

— В восемь по графику, — отозвался Иван. — Дальше ужин, баня. Утром у вас запись для областного телевидения. И в Москву.

— Баня с девочками? — спросил охранник Егор.

— Обещали, — сказал Ваня.

— Надо точно знать. Тебя чего, девочки не интересуют?

— Почему? — потерялся Ваня.

— Вот и я спрашиваю: «Почему тебе девочки не нравятся?»

— Нравятся, — тупо ответил Ваня и в сотый раз за жизнь проклял этого хама, еле удерживаясь от того, чтобы на очередном подскоке машины не лязгнуть зубами.

— Гоша, хорош цепляться, — процедил водила Паша.

Ефремов, прикрыв глаза, равнодушно отсутствовал. Густые усы почивали на его круглом лице.

Иван глубоко задумался. В очередной раз.

Сначала он верил в политику как в новое чудо. Рухнул СССР. Девяностые вступали в права. Когда его одноклассники мучались музыкой

и бегали за девчонками, он боготворил политику. Подросток Ваня ходил на разные митинги. Читал газеты разных мнений. Он участвовал в политике, как в большой дискотеке, перемещаясь за летучей красоткой из одного танцевального зала в другой. Он думал: можно что-то изменить, не обязательно прибегая к колдовским штучкам, простыми, не волшебными словами, вскинутыми кулаками, криками...

Оказалось — это бизнес.

Политики торговали собой. Все они дружили. Они сцеплялись на экране телека, багровея, а после передачи размякали, кровь отливала от щек, шутили, обнимались. И так — все они! Главное — бабки, срубить побольше, договориться с высшим руководством, околпачить наивных и простых...

Цинизм заселился в его сердце, свился плотной змеей и стал сутью жизни. Теперь всякий честный порыв сердца змея встречала, хищно раздувая кольца и резко сжимая: темнело в глазах от скуки, и ладони потно холодели, как при пересчете банкнот.

Он работал помощником депутата Ефремова. Господин Ефремов был владельцем спиртового завода и одним из депутатов от главной партии страны. Иван стал работать у него, когда еще учился в МАИ. Авиация волновала Ваню мало. Зато манили тайны власти. У его однокурсника Пети отец был замом начальника аппарата Думы, сам Петя числился в помощниках одной матроны-депутатки. Петя и сосватал Ване господина Ефремова, потом Петя уехал в Германию, где устроился в аэрокорпорацию, а для Вани депутат стал своим... Он был рядом с господином Ефремовым, знал дела наперед и помнил нужные бумаги, хорошо зарабатывал. Он делался все ближе к этому видному усатому политику и притом укреплялся в отвращении к нему и его усам.

Ваня делал свое дело без энтузиазма, позевывая, словно уготовляясь ко сну. Или, возможно, так позевывает сомнамбула, не разлепляя глаз, пересекая темную комнату с лунным пыльным шрамом на полу. Он брел по жизни, исправно, даже увлеченно, но безглазо, послушный таинственному сигналу из глубин вселенской ночи.

Последние месяцы Ваня стал понимать, что влез не туда. Это осветил его конфликт с женой. В такие резкие моменты начинаешь смотреть на мир, словно прозрев. Женился Ваня три года назад, а неделю назад решил развестись.

Он влюбился, когда змея еще не подросла, только-только нырнула в его сердце легкой проказливой змейкой. С матерой змеюкой в сердце он, вероятно, и не влюбился бы.

Ох, уж этот злобный змий. Вроде того, которого поражает всадник на московском гербе. Иногда Ване казалось, что змееныш зародился, заерзал в его сердце уже в детстве, с первым же чудом, с криком и свистом свободы и ненависти, когда Ваня погубил обидчика...

Девочка на два года младше, студентка журфака, у нее была стажировка в Думе. Она приходила, смуглая и гибкая, красноватые локотки, половозрело набухшие, в пушке. В тот жаркий день она надела прозрач-

ную белую рубашку, виднелся животик чуть-чуть на выкате. На Кате были розовые шорты в белых полосах и пляжные шлепанцы. Она забавно чавкала этими шлепанцами, беззаботно поднимаясь по мраморной старообразной лестнице Думы от рамки металлоискателя на второй этаж. Впервые увидев ее сверху вниз, облокотившись о скользкий отутюженный гранит своего наблюдательного поста, он вдруг захотел сделать ей, поднимавшейся, что-то очень хорошее. Едва остановил это желание.

Они пили кофе в думском буфете, где назойливый теплый воздух гоняли кондиционеры, потом (предложила она спортивно-нахальным тоном) поехали на Воробьевы горы. Солнце пекло, с высоты посверкивали маревные стекляшки и серые душные конструкции Москвы, здесь пили и ржали новобрачные, и какая-то девушка в фате запрокинулась, а муж в черном костюмчике, жадно обхватив, целовал ее, как длинное белоснежное мороженое. В эту минуту Ивану и пришла мысль: предложить Кате женитьбу, хотя он знал ее первый день и они еще не целовались даже, еще не поехали к ней в Щукино, еще не встречались все лето, пока он не скажет, отгородясь темным теплым пивом от непогожего октябрьского выходного дня, в баре на Пушкинской площади:

— Катечка, давай поженимся!

Времени между раскаленным летним днем знакомства и хмурым днем осеннего предложения вроде и не было. Время промелькнуло одним голым лягушачьим прыжком. Наверно, это и есть любовь с первого взгляда.

И вот, поженились. И не пришлось прибегать к волшебству.

Один раз пришлось... Через год женитьбы.

Однажды Катя вернулась с работы, хлопнула дверью и крикнула с порога:

— Поздравь! Меня выгнали!

Она села, согнулась, водрузила голову на кухонный стол, лицо ее было отчаянно праздничным, по скулам плясали земляничины.

Она давно жаловалась на редактора отдела Нилогова: старый томный умник распекал ее каждый день манерным голосом. Он винил ее в плохом языке, неверных политических акцентах, незначительных именах в репортажах. Он внушал ей комплекс вины, назидательно разбухая, увеличиваясь в размере, и метко причмокивал.

Сегодня утром он гулким античным голосом потребовал:

— Катя, вы должны связаться с премьер-министром. До обеда нам нужен его комментарий.

— Я попробую, но это будет трудно.

— Что значит, попробую? — Пушистые черные брови взлетели до потолка его седин. — Вам здесь не богадельня! Я засекаю время. Если через два часа премьер не будет лежать у меня на столе, нам придется расстаться, — и он чмокнул, кривя угол сытого рта.

— В таком случае до свидания, — сказала Катя, замученная.

Через два часа она получила трудовую книжку, уволенная по собственному желанию.

— Я от тебя скрывала: он ко мне лез, — рассказывала она Ване. — Он меня хватал за локоть, пробовал ущипнуть за попу. Все зазывал к себе на дачу, а я отнекивалась. Требовал меня в кабинет и часами читал лекции про журналистику и с какой он роскошной биографией. Голос ласковый, глаза бархатные. Вдруг потянется — и хвать за плечо... Я раз расплакалась, он на время отстал. Ему нравилось меня опускать. Особенно, когда хорошая статья выходила. Обязательно говорил гадость.

— Гад, — вздохнул Иван.

— Он унизил меня, — в горле у Кати булькнуло. — И не отомстить...

— Деньги я и так получаю, — утешил муж. — Писать ты можешь, найдешь другую газету.

— Как ты не понимаешь! Он меня выставил на смех. В газете все думали, что у нас роман, шептались, что он меня трахает и опекает... Знали бы они... А теперь у всех — злорадство. Поругалась со своим хахалем и свалила... Им всем — забава... Тошно-то как!

И действительно, через минуту в туалете раздались характерные звуки кашля, горловых потуг и облегчения рвотой. Пара шумных извержений, и плеск смывающей воды. Она вышла, жалкая, гадкая, вспотевшая.

Назавтра Ваня с утреца приехал к ее бывшей редакции. Он топтался возле проходной несколько часов, уже разуверился, что дождется, и нервно почесывал пальцем в ноздре. Но остановился синий «мерседес» и, не спеша, вылез кряжистый седой мужчина с надменным заспанным видом. Он бдительно кинул взгляд на Ваню и тотчас лениво погасил.

— Георгий Борисович! — Ваня шагнул наперерез вместе с взвившимися от ветерка палыми листьями.

— Чего изволите? — иронично спросил мужчина, наступая.

Ваня ловил его глаза. Две черные оливки плавали в красноватом соусе. Мужчина притормозил, шагнул назад, сердито поднял брови, сделав глаза доступнее. Ваня цеплял эти оливки, тянул их придирчиво. Обморочная стынь, звонкий неистовый костяной стук, ритмичная музыка лязга...

Мужчина быстро обошел странного незнакомца, упоенно стучащего зубами.

Ваня лежал под двумя одеялами, и его трясло. Ночь он прометался в бреду. Ему грезилось, что он ест из бочонка острые крупные оливки, горло саднит, но он должен съесть их до самой последней.

Катя ухаживала за ним, поила чаем, подходила, обеспокоенно клала пальчики на лоб.

— Вызвать неотложку?

— Это само пройдет... Я болею всегда строго... Строго по делу... Так бывает... Ты же знаешь, что я колдун.

— Знаю, знаю, милый.

— Я тебе это говорил. А ты не верила. Я...

— Лежи, милый, куда ты поднимаешься?

— Я хочу полететь... Я хочу улететь из политики... Это не политика... Это... У власти одни говноеды и кровопийцы. И твой Нилогов такой.

За мной могут прийти. Скоро. Арестовать. Ты меня спрячешь? Не выдашь? Мне очень плохо. Я даже не знаю, что натворил. И натворю еще. Ты спрячешь?

— Я тебя укутаю, укрою в одеялах.

— Так меня найдут, ты так меня выдашь, они зайдут, а под одеялами увидят тело. Холм тела моего...

— Спи, Ванюша.

— А Бог все-таки есть, — утром Катя поила его, возлежащего на высоких подушках, желтым вонючим напитком против жара. — По телевизору передают. Зверское нападение на известного журналиста. Кто-то измотелил Нилогова. Ноги переломали. Сотрясение мозга. В Склиф его положили.

— Умял я оливки... — прогундосил Ваня.

— Что ты?

— У меня алиби...

— Ты давай, дорогой, поправляйся быстрее! Нет, это чудо! Чудо из чудес! Кому он мог навредить? Бизнеса не имел. Всегда такой осторожный, вечный лизоблюд. Может, обычные хулиганы? Даже жалко его...

— Думаю, это не люди, — сказал Ваня. — Я думаю, это джинны.

Через месяц Катя устроилась в службу новостей на радио. Они жили в съемной квартире на Белорусской. Ребенка пока не хотели. Они обещали друг другу верность. Но Ваня ей изменял. С разбитными думскими бабешками, в командировках с неизбежными проститутками. В этих изменах он тоже был не сильно заинтересован. Он жил, как будто и не просыпаясь. Поступал, как было принято в тусовке, которая стала для него родной. У него закрутились отношения с крашеной блондинкой, долгоносой девицей Оксаной, работницей фракции конкурентов-коммунистов. Ваня любил Катю, но все больше по привычке. Его уже раздражал пух на ее руках, огрубевший в черные колючки, и ее худоба, и это ее вздутое нелепое брюшко. Они с Оксанкой списывались СМСками, которые Ваня затем исправно подчищал. Но однажды он вернулся от Оксаны пьяный, завалился спать, бросив на пол одежду, а тем временем беспокойно пискнуло сообщение. Каждые пять минут телефон, как цикада, выдавал трель в темноте. Катя чертыхнулась, прошлепала босыми ногами и, покопавшись в тряпках, извлекла аппарат. И высветились слова:

«Как ты доехал? С тобой всегда хорошо! Пока! Я буду ждать звонка!»

Катя швырнула телефон в угол, подскочила к лежащему, закатила пощечину:

— Очнись! Подохни, скот!

Он проурчал:

— Любимая моя...

Она схватила в шкафу запасное белье и бросилась спать в ванную. Утром высказала ему, он похмельно не отпирался, и, вихрем собрав чемодан, уехала жить к маме.

Ванина сердечная мышца бешено сокращалась, змея цинизма шипела, избиваемая аритмией, звонили с работы, он не подходил, зачем-то написал СМСку Оксане:

«Прощай. Я расстаюсь».

И отрубил телефон.

Он не ел, даже чай не заварил, пил пустую воду. Наползли сумерки, он не зажег свет, лег на диван. Часы текли. Он не спал, слышал, как сосед отпирает дверь, щелкает зажигалкой и окликает другого соседа на лестничной площадке:

— Что, Петрович, тоже не спится?

Посреди бессонной ночи Ваня включил свет и записал первое стихотворение в жизни:

Каждое лифта гудение —
Это приехала ты.
Выпади, как привидение,
Милая, из темноты.

Тошно лежать одинокому
В черном квадрате тоски.
Может, ты где-нибудь около...
Мчишься ко мне на такси...

Тихо — и странные радости
Входят в оставленный дом.
Спи не со мною, рядом спи
С жирным говном.

Почему-то он представил, что она уехала спать на дачу к старому журналюге Нилогову.

Затем случилось примирение, он божился, что у него никого не было и не будет, Оксанка — это сумасшедшая поклонница с галлюцинациями... Катя вернулась. Но ее возвращение, которого он так желал, оказалось напрасным. Они снова зажили, а он все чаще стал в мыслях обращаться к тем нескольким дням, когда остался один. Одному было лучше. Он разлюбил Катю. Ей грубил.

— Как он тебя щипал? Так? — спрашивал в темноте, сдавливая пористый затвердевший сосок.

— Кто он? — тусклым от неги голосом спрашивала Катя.

— Нилогов, — чеканил Ваня.

— Не неси ерунду! — голос ее вспыхивал, она резко отталкивала его руку.

После новогодних каникул, этапа безделья и взаимных оскорблений, они подали на развод.

В конце января Иван ехал в Тамбов...

В Тамбове снега было много более, чем в Москве.

Они рассекали окраину. Белизна, пятиэтажки, осоловелые прохожие. Ефремов закурил, он неподвижно смотрел вбок и раздалбливал об стекло

выдыхаемый дым. Спрятал окурок в пепельницу на двери и резко, с мясистым хрустом повернул голову к помощнику.

— Тучков, когда выходит?

— Обещали к пятнице, то есть завтра, — быстро ответил Ваня.

Тучков был соперником Ефремова внутри их партии. Оба — богачи, оба имели амбицию возглавить саратовскую парторганизацию. Тучков был воронежцем, а Ефремов родился в Ленинграде, но ничейный сочный ломоть Саратова вызывал у обоих слюнявейший аппетит.

Иван организовал диверсию. Со взломанной почты Тучкова на адрес нейтрального аналитического сайта, посвященного регионам, было отправлено интервью. Подлинное интервью Тучкова, чьи пиарщики разместили эту болванку в пяти саратовских изданиях, набор унылых штампов, вряд ли богач сам его читал. Но Ваня постарался: деликатно, высунув язык, он растворял в старом добром киселе гомеопатию свежего безумия. Интервью должно было выйти на нейтральном сайте: ожидалось, что Тучков и его присные не станут вглядываться в знакомый материал. А через короткое время грянет скандал...

Шум поднимет сайт «Компромат», отзывы станут обильно давать правозащитники-антифашисты. Вдруг, как при рентгене, откроется, что в благостном интервью Тучкова из трех мест мрачно темнеют фразы Гитлера. Раскавыченные, самые заурядные цитаты, привет от «Майн кампф», чего-то о целебной пользе национальной прямой демократии...

Нет, такого человека нельзя ставить на должность саратовского гауляйтора. Саратов должен достаться Ефремову. Тучков, конечно, примется визжать о провокации, о гнусной подставе, ну что же, все равно — остолоп. Слабый, гнилой кадр.

Это была дешевая операция. Хакеру, взломавшему мыло Тучкова, Ваня дал пятьсот долларов. Нейтральному сайту, где интервью завтра выложат, — тыщу. Пятьсот он передаст для разогрева сайту «Компромат», и без того вожделенно ждущему грозный корм грязевыми комьями... Остальные восемь штук он со спокойным сердцем положил в карман.

— Думаешь, не засекут? — после недолгой паузы хитро спросил Ефремов. Они уже въехали в центр Тамбова. — Не начнут опровергать раньше времени?

— Не начнут.

— Почему?

— Потому что все вокруг — раздолбаи маринованные, — Иван дернул плечами.

— Верно мыслишь, — политик заухмылялся, раздувая усы.

Ваня хоть и грустил по паскудной своей жизни, все же подчинил себя ей, он страдал, но летел дальше и дальше, успешный, целеустремленный. Иногда недоумевая: почему все получается, неужели у него такая способность к политике?

Несколько лет назад его полюбил немолодой препод и после зачета повел студента Соколова в «Бутербродную», одно из немногих оставшихся в Москве простецких заведений.

— Ты знаешь, что такое самолет? — выпытывал мужичок, сразу захмелев. — Железо? Нет. Топливо? Нет.

— Пилот? — спросил Ваня.

— И не только... Самолет — это небо! Запомни, милый, небо формирует самолет. Без неба он не существует...

И вот к двадцати семи годам Ваня понял, что стал рабом фона. Небо жизни несло его в мясистом кулаке. Так он продвигался. И хоть и переживал, но смирился с тем, что властная жизнь двигает, хрупкого, его. Несет в своем заботливом сальном кулачище со вздутыми жилами лазури.

— Утрецо доброе! — Депутат распахнул объятия.

С ответно распахнутым объятием обнажились запястья, ослепило золотко часов, из-за стола к ним поднялся мужчинка в золотых узких очках:

— Как доехали?

— Домчали... — хохотнул депутат, приближаясь к владельцу кабинета, и они сомкнулись, ушибая друг дружку по пиджачным спинам.

Разлепились. Охранники ждали за дверью.

— А это мой помощник. Ушлый пацан. Он доверенный. Посидит с нами?

— Пускай. Умных слов наберется, твою мать... — У Пожарского был скрипучий голос костлявого человека.

— Ваня. — Юноша пожал крепкую сухую ладонь.

— Садитесь, гости! — Пожарский показал им места за лакированным столом, на котором царил минимализм: одна-одинешенька лежала красная папочка с золотым готическим тиснением «ТРУДЫ И ДНИ».

— Чем обрадуешь, соратничек? — спросил Пожарский плутовато.

— Да вот, партия сказала: надо по владениям твоим покататься. Я ответил: «Честное пионерское». Повыступаю тут у вас, расскажу твоим тамбовцам, как давать стране угля и кто самый лучший в мире губернатор. Завтра в Москву.

— Ну, я видел твой график... — Пожарский покачал головой. — Жалко, сейчас не лето. А хочешь на речку ко мне махнуть? Снег, красиво.

— Не могу, братан. Сам говоришь, видел график.

— Слушай, и я сегодня замудохан. Через двадцать минут совещание с местными главами. Если я к тебе вечерком присоединюсь за ужином, простишь? Без меня справитесь?

— Обижаешь, гражданин начальник.

— Ладно, Миха, ты еще не зэк пока...

— Типун тебе налево...

— Хорошая присказка. А у меня мэр третий месяц сидит.

— Олейников? Да я следил. Вроде раньше он мужик договорной был...

Худое лицо Пожарского потемнело, губы задрожали:

— Я такую крысу врагу не пожелаю. Окрысился... На меня попер, мол, давай город делить: «Тебе половина, и мне половина». Я ему: «А ссаную парашу ты поцеловать не хочешь?» Вот — расплачивается. Письма мне пишет. Письма счастья.

Ефремов гоготнул:

— Жестко стелишь! А чего по выборам в Собрание?

— Сейчас, — Пожарский взглянул на часы, — глав усажу, еще разок прочищу духовку, чтоб у наших не меньше семидесяти пяти процентов. У кого меньше, считай, попал на бабки. Ноу-хау. Я так на президентских сделал. Созвал и сказал: «Меня не волнует, где вы голоса возьмете, но кто не дотягивает, плати штраф».

— И сколько? — оживился Ефремов.

— Сто косарей, — буднично сообщил Пожарский и лязгнул зубами.

Ваня вздрогнул.

Ефремов присвистнул.

Ваня вздрогнул вновь.

— Молодец! — восхитился Ефремов. — А в остальном? Бизнес? Семья как? Область-то не вся перемерла?

— Бизнес — это, Мишк, военная тайна. Но ползет, ползет кривая... Семья — нормалек, младшая в школу пошла. Старшего в Брюссель отправил, на курсы дипломатов. Рулю, не жалуюсь. Знаешь, еще в старину говорил: «Тамбов — город гробов». Так и жуем сопли по старинке. СПИДак, старики бедные, из молодых есть, кто зарабатывает, чурбанов больше стало. Народ на выборы не ходит, пьют горькую и в землю... Бедная Россия, Миша! Когда гимн все вместе поют, я почему-то вместо слова «держава» — «корова» пою. Россия — священная наша корова... Буренка наша. Кормилица-поилица. Ты сам-то как? За Саратов пасти рвешь?

— Да хрен с ним, с Саратовым! — отмахнулся Ефремов. — Бабки вертятся. Как насчет — у вас завод открыть?

— Предлагай. Спрос большой. Местных я бы потеснил ради такого парня.

— Ага. Надо отдельно приехать, — обсудим.

— Давай, давай, Миха, мода на бухло у нас не кончится, — Пожарский подмигнул. — Не зарастет к бухлу народная тропа... Значит, до ужина?

Он встал. Гости встали.

Выходя из кабинета, Ваня с чиновным довольством подумал, что за время всей встречи не проронил ни звука, верная тень своего усатого господина.

— Дорогие друзья! — Ефремов стоял на сцене, зал был забит до отказа, в основном — средний возраст, люди, выдернутые с работ и брошенные слушать. — Мы помним, что происходило еще недавно. Но так устроена человеческая память, что плохое хочется поскорее забыть. В этом и состоят труд и мужество политика: видеть и помнить самые темные стороны жизни... Я вам честно скажу, девяностые годы я иначе, как клятыми, клятыми девяностыми, не называю!

В нескольких точках зала хлопнули горячие ладоши, и зал захолонуло аплодисментами.

— Друзья, да, нам по-прежнему непросто, проблем навалом, но Россия едина, Россия уверена в завтрашнем дне. И все это благодаря команде, к которой имею честь принадлежать я и в которой работает ваш губернатор — Леонид Пожарский!

Снова в тех же эрогенных точках раздались хлопки, и шумная потная волна плоти, бьющей о плоть, прошумела по рядам.

— Спасибо за доверие! Многие из нас думают, что все уже в порядке и можно расслабиться. А этого и ждут от нас враги. Все девяностые они разоряли и спаивали народ, топтали святыни, называли Россию свиньей или козой, в глубь которой надо заглянуть...

В зале возмущенно старушечьи охнули. Ефремов сказал торжественно:

— Народ их отверг!

Раздались жидкие несанкционированные хлопки.

— Но у них есть западные хозяева, — продолжил он сокрушенно, — учителя из Америки, которые выделяют им гранты. И вот эти дети капитана Гранта, а на самом деле пираты Карибского моря, — зал обдал себя ушатами освежающего смеха, — очень хотели бы направить корабль России на рифы.

«Хорошо шпарит, сволочь», — подумал Ваня про начальника. Впрочем, одну и ту же речь господин Ефремов всякий раз с вдохновением говорил, куда бы он в тот день ни ехал.

На восьмом повторе про «учителей из Америки» Ваня стал вспоминать учительницу из Америки, навестившую их школу. Он тогда пошел в первый класс.

В первый день был Урок Мира. Его вела Александра Гаврилова, добрейшая и в меру строгая, полноватая, домашняя, с гордым и теплым взглядом наседки, с большим шерстяным клубком волос на затылке. Несколько лет она будет над ними трепетать. На Уроке Мира она показывала толстую книгу волшебных контрастов: в цвете колосились поля советского Ставрополья, но черно-белый (черная клякса одежды, белое пятно лица) лежал на тротуаре застреленный рабочий Чили.

В этом первом классе английской специальной школы было несколько детишек дипломатов, непременно с легким золотистым налетом загара. Казалось, так проступало внутреннее довольство. Были и оторвыши, пролетарские дети, с обреченной прозеленью в лицах.

Зеленоват лицом был Андрюша Дубинин, круглый светло-карими глазами и круглый ноздрями, к которым подошло бы круглое кольцо, желтый кудряшками. Следовало написать сочинение про свою семью. В несколько печатных строчек. Девчонки-отличницы накатали лучше всех. Они во всем успевали, эти несколько сексапильных особ, чьи щеки энергично розовели от каждой пятерки. Образцовые сочинения им, очевидно, составили успешные родители-дипломаты. А Дубинин трудно писал сам. Александра Гавриловна недоуменно зачитала его историю под смех класса и особенно радостный, звонко-электрический смех отличниц. Ваня смеялся со всеми, посмеивался... А над чем было смеяться?

«МОЯ МАМА ХОДИТЬ НА ЗАВОД. У МОЕЙ МАМЫ ЕСТЬ ПОДУШКА. Я ВЕРЮ В СКАЗКИ. БАБА-ИГА БЫВАИТ», — просторно поведал миру правдолюб Андрей Дубинин, которого после второго класса зачем-то перевели в школу для дефективных.

А ведь и Иван верил в сказки!.. Но смеялся, как все.

Из стана отличниц выделялась Лола Лагутина. Она была поживее этого розового коктейля. Вреднее, гибче, своенравнее. Первого сентября Ваня взглянул на нее в столовой и удивился: как таких маленьких сюда пускают? У нее был беззащитный вид. Она уплетала шоколадный сырок и сверкала черным любознательным мышиным глазком, когда глаз Ивана ее впервые приметил. За хрупкой беззащитностью скрывался расчет. Обнаружив, а вернее, учуяв интерес одноклассника, Лола тотчас стала выманивать разные красивые вещицы: блокнот с Микки-Маусом, стильный карандаш, чей ствол был красно-коричнев, — она пищала жалко-жалко, получала требуемое в сахарный зубок, делала перебежку к своей парте и добычу спешно засовывала в норку ранца. Зато Ваня и девочка стали созваниваться.

— Лолык! — подзывал ее мужчина густым трубным голосом.

Солнечноликий, подчеркнуто смуглый, он встречал ее после занятий. Девочка вбегала в широкие объятия его кожаного рыжего плаща.

Ваня ей названивал, и она ему звонила, и кротко просила: «Почитай мне что-нибудь». Читал ей сказки. Просила читать букварь, про Ленина, — читал про Ленина.

Она ушла из школы лет в десять и поступила в балетное училище. Превратившись из белой черноглазой мышки в маленького лебедя, она стала балериной Большого Театра. Она нерядовая балерина. И муж ее — модный певец. А Ваня, отскакивая часы на диване, представлял ее рядом с собой, а не с вами, модный певец: пыль крутилась, стреляли, и мягкая черная голова, полная капризов и страхов, все плотнее вжималась в сердце чародея...

Лола была его первая настоящая любовь, — потому что в свои детские годы уже была абсолютно женственна.

Она была единственная, кому он, глядя в глаза и отдавая пачку выигранных вкладышей, прошептал: «Рамэламурамудва». И тотчас любовь занялась в нем гриппозным пожарищем. Даже будущей жене он «Рамэламурамудва» не сказал. Та любовь из первого класса была в его жизни самой-самой.

В те времена парты и подоконники цветастой метелью захлестнули вкладыши — пестрые картинки, приложенные к жвачкам. Советский школьник вкушал свою первую, сухую, правильной формы жвачку с таким замиранием и благоговением, с каким его западный ровесник принимает облатку на первом причастии. А метель вкладышей разгорелась, кулаки застучали по сладким бумажкам в такт боевому чавканью. Удалось перевернуть ударом — бумажка твоя. Множество вкладышей было у детей дипломатов, бедняки рассчитывали на ловкость кулаков

или приносили жалкое подобие. Правдолюб Андрей Дубинин широким жестом высыпал на школьный подоконник яркие вырезки из тоталитарного журнала «Корея».

А перестройка уже шла по плану. И приехала первая американка. Она готовилась после переменки зайти в класс. Между тем по галдящему коридору пронесся слух: вон та сухопарая и длинная, с натянутой улыбкой одними ярко-накрашенными губами, это и есть она. А знаете, что у нее в оранжевом пакете? Гостинцы, подарки, яркие, которые могут всем не достаться. Сначала группкой, а потом толпой вокруг американки угрожающе накапливались дети. «О, хэллоу!» — сказала она с пугливым восторгом. Первым толкнул Андрюша Дубинин: он, нагнув голову в желтых кудряшках, боднул ее в живот. И, как по команде, понеслось... Ваня стоял в двух шагах, заглядывался, не зная, помочь гостье или навалиться со всеми. Это было месиво! Среди толпы мелькала черная головка маленькой разбойницы Лолы. Атаманша любопытно и зло крутилась в битве. Орудовала ярая банда малолеток, визг, натиск, а над всем — выпученные глаза и перекошенный рот миссионерши, ее лицо беспомощно и несчастно колыхалось. Внезапно он ощутил во рту тот провокационный привкус, который дарит жвачная резинка, взывая к челюстям — скорее размолоть ее. Глядя прямо в обморочные глаза чужеземки, отдаваясь сладкому призыву, Ваня щелкнул зубами. Он вонзил зубы в нежную сладость, но укусил воздух: челюсть щелкнула об челюсть. Голова американки нырнула вниз — громкий стук тела, общий визг, многоголосый вопль победы...

Пакет был опорожнен, закипела драка за крошечных мишек, приготовленных в дар советским школьникам. Мишки были коричневые и голубые, и битва развернулась между собой, дети царапались, грызлись, пинались, каждый хотел более милого — голубого мишку, а коричневым мишкой пускай давится неудачник. Лола вырвала голубого, лучшего мишку и торжествующе понесла — прятать в ранец. Американка лежала, пробовала встать под жестяной звонок на урок, оправляла юбку, стыдливо трогала порванные колготки, но встать не могла: одна нога ее была уродливо вывернута...

Днем они посетили новый собор Тамбова.

Большой, красный, изнутри гулкий и белый, росписи еще не поспели. Их водил митрополит в белых ризах и белом крахмальном клобуке — под цвет стен и сводов. Митрополит был объемен, с длинными трубочками растительности, свисавшими с масштабного великодушного лица.

Ваня скучал всякий раз, едва заходил в церковь. Ваня был разночинцем, мыслил на стыке конкретного и абстрактного. Будь он прост, как его мама, всю жизнь перерисовывавшая схемы самолетов, он бы верил бездумно и доверчиво, для светлого утешения. Будь Ваня посложнее, позаумнее, засушенной сороконожкой, он бы стал «книжным христианином», каких тьма-тьмущая среди интеллигентов. Но Ваня был не

прост и не абстрактен, и живой, и не дурак, а значит, религия была ему скучна. Он знал, что умеет делать вещи необыкновенные, но про Бога не знал ничего.

Обедали на нижнем этаже собора, в трапезной, длинном помещении с деревянной обшивкой. Митрополит произнес молитву прекрасным густым и раскатистым голосом, затемнявшим слова. «Аминь!» — спел крепко хор из двух священников. И стали обедать. Ефремов, митрополит, тройка местных партийцев и эти два священника: один кругленький, азиатского вида, оживленный, метелочка бороды, другой — замкнутый, в окладистой бороде с поджатыми обветренно-алыми губами и с лихорадочным блеском глаз. Охранники сели в конце стола.

— Из-за леса, из-за гор / едут водка и кагор, / белорыбица и мясо / из мужицкого запаса, / шашлыки, уха, соленье — / вот и все стихотворенье! — победно провозгласил митрополит. — Старинное. Девятнадцатый век. — И он воздел рюмку. — За едоков! — Выпили. Принялись жевать. — Собор отстроили, спасибо губернатору. Сначала мэр подсоблял, — он по-свойски делился с Ефремовым, и тот кивал, хрустя соленым патиссоном. — А потом, как говорится, выпал из доверия.

— До смешного дошло, — довольный, отхлебнул супец азиат-батюшка. — Мы престол осветили, уже табличку повесили медную: «Сей храм сооружен при вспоможении мэра Олейникова Бориса Никитича», — потом пришлось снимать ее.

— Много не болтай, отец, — прервал митрополит и представил: — Это отец Евлогий, нашим казначейством ведает.

Ефремов кивнул сноровистей и дружелюбно крякнул.

— А это отец Петр, наша слава: лучший проповедник епархии, — митрополит показал на молчальника с поджатыми пылающими губами.

— Лучше бы только в мирские дела пореже лез, — громко сказал, отставляя вычищенную тарелку, один из партийцев, жилистый смуглый мужчина, похожий на Бабу-ягу из мультика, с залихватским смоляным коком на голове. — Выйдет после службы и давай власть ругать, — объяснил он Ефремову. — Мол, такая-сякая, попущена в наказание, ворует, людей держит за животных, обворовывает, спаивает, порнушку смотреть заставляет. Хорошо хоть не прямо президента или губернатора хает, но близко к тому. Власть — это кто? Это те, кто храмы ваши строит и восстанавливает. Я вот лишний раз и при депутате, и при владыке нашем прошу: уймитесь вы, отец Петр! Хватит народ смутьянить. Вы бы про божественное больше говорили.

Священник молчал и вилкой ловил горошину из салатовых зарослей у себя на тарелке.

— Погоди, Лексеич, — сказал митрополит миролюбиво, — оба вы хороши. Не надо бы тебе при гостях нашу ерунду ворошить, а ты, отче, и впрямь спокойнее будь. У тебя же так про веру добротно получается. Проповеди к двунадесятым праздникам мы в нашей газете местной печатали, а ты запретил. Разве дело?

— Что за газета? — спросил Ваня.

— Партийная, — откликнулся кто-то из партийцев. — Он узнал и запретил.

— Смотри, отче. Забыл, чем Аввакум кончил? И чем всегда раскол кончал?.. Пью за твое вразумление! — Митрополит широким жестом мощной руки наливал в протянутые рюмки. — Я ведь еще, почему его так ценю? — Он обвел стол милосердными глазами. — У него икона в храме — чудотворная.

— За чудеса? — гоготнул Ефремов с поднятой рюмкой.

— За спасение душ наших! — поправил его митрополит тоном снисходительного наставника, и все выпили, — не пили охранники, да еще отец Петр поднес бокал с кагором к бороде.

— Не уважает водку, ты гляди, — подмигнул смоляному партийцу его стертый коллега.

— Святой! — тот отправил в рот на ножике розовую плоть рыбы.

— А что за икона чудотворная? — спросил Ваня.

— Отче, расскажи странникам! — обратился митрополит, как бы подтрунивая.

— Не томи народ, — квакнул батюшка-азиат. — Спой, соловей! — и его затряс смешок.

— Говорить нечего, — тихо вздохнул священник, опустив голову, глядя на тарелку, где горошина зеленела, расплющенная между зубьев вилки. — Не говорить надо... — насморочно продолжил он и внезапно воскликнул чистым громовым голосом: — А каяться! Вы — люди неверующие. Что я вас потешать буду? — Он не выделил, кто не верует, отметил Ваня, он всех неверующими назвал. — Неволишь, владыка, требуешь на трапезы такие ходить: принимаю как послушание. Миро истекает из иконы Преподобного Сергия Радонежского, великого нашего святого и заступника земли Русской, по молитвам истекает прихожан, бабушек нищих, тружениц, которым вы, власти, ноги мыть должны и воду пить.

Вдруг Ваня ощутил укол, как будто он спит, но пора вставать, солнце оценивающе и безжалостно ужалило сквозь проем между штор. Но он гуще зажмурился, и в какой-то иной комнате его двойник недовольно повернулся на бок и уютно поджал ноги.

— Впрочем, что говорить о власти безбожной, — продолжил священник бодро, — сменяете вы один другого, все норовите что-нибудь украсть, а Бога задобрить, но не в камне Бог, — а в человеке! Ждут опалы вас, пьянство и разорение, бесславие и уныние, ибо вместо хлеба дали вы народу бетонный камень, перемешанный со стеклом вашего поганого телеящика. Партию вашу знать не знаю и ведать не ведаю, ибо нет ее, а завтра и совсем не будет. Кайтесь! Чудес захотели! — Он сделал паузу и вздохнул со спазмой, по-прежнему глядя на блюдо. — Вижу, отрок, вернее, юноша между вами. Ради него и договорю. Многими ложными соблазнами прельщает душу дьявол. И страшно, и невозможно человеку отпустить от себя тяжесть зла, боится человек стать совсем легким, как воздушный шарик, и улететь в небо и лопнуть, а на самом деле, уйти к Богу. Молись — и только так обретешь силу и с ума не

спятишь. Гороскопы, гадалки, заклинания и разное прочее — это все от лукавого. А в концовке — большой жирный кукиш. Молись! И тверди: «Господи, дай мне чудо услышать совесть мою!»

Все неловко молчали. За это время женщина в белом платке и черной одежде беззвучно поменяла блюда. Партиец укоризненно качал смоляным коком. Охранник Егор влажно ухмылялся. Охранник Паша исподтишка хихикал. Священник-азиат, звеня приборами, обидчиво ел второе.

Ефремов потянулся за свежемытым помидором и спросил:

— Хотите анекдот?

И все вернулись в благое расположение духа:

— Давай!

— После такой отповеди — только анекдотец хороший!

— Ух! Вот это ловкий политик. Мы слушаем!

— Отгадайте загадку: «Без окон, без дверей, полна... — он запнулся, — полна задница этих... скотов...»

— Не знаю... — сказал Ваня потерянно.

— Наша Дума! — воскликнул Ефремов.

— А почему «без окон, без дверей»? — поинтересовался азиат-священник.

— Ну вот, и ты тоже... — просиял Ефремов. — Хоть кто бы спросил почему скотов?

И все засмеялись счастливо.

Кроме одного священника.

В синих потемках джип несся по раскоканной дороге, по скорлупе наледи, среди деревушек и лесов. Ели стояли, занесенные снегом, обрывались, и мелькал отрезок занесенных снегом домиков. И опять Иван косился на избы, которые преданно тянулись вверх острыми крышами, готовые вознестись. Окна темнели, свет горел лишь в паре-тройке домов.

— Так мало жилых домов... — засомневался Ваня.

— Просто гуляют, — безразлично сказал шофер Паша. — Соберутся в одной избе и в карты режутся или самогон хлебают. Или чаи гоняют. Много старух совсем старых... Они — в одну избу. Кто помоложе — в другую. Деревня — это как в городе коммуналка. Вот и решают, чей дом будет этим вечером вроде общей кухни.

И он замолчал.

Теперь Ваня глядел на эти деревни более чутко, как на чудо: темные, мертвые, запечатанные льдом деревяшки, и внезапно — освещенный дом — сладко сияющий, в драгоценном блеске прилипшего снега. Новогодняя игрушка.

— Они встречают Новый год круглый год, — поэтично придумал Ваня.

И снова помчали ели, за которыми сопела и варилась гуща зимующего лесного воинства.

— Тормози! — прикрикнул Егор.

— Чего ты? — Паша остановился.

— Назад подай! — Егор вытащил пистолет.

— Что еще? — У Ефремова насторожились усы.

— Волк.

— Где? — спросил Ваня радостно.

Егор выскочил из машины и, утопая в снегу, понесся к глухонемым елям, в голой руке зажат черный предмет. Он опустил голову, высматривая что-то на снегу, у корней первого фланга деревьев, бегом вернулся в машину.

— Извините, Михаил Геннадьевич, не успел.

— Да откуда ты его взял?

— Видел. Стоял на опушке. Типичный волк. Так и просился, чтобы грохнули.

— Ты мог обознаться на такой скорости... — с сомнением протянул Ефремов. — Ты, смотри, не чуди.

— Больше не буду, — пообещал Егор.

— Волки, волки... — поддразнил его Ефремов.

И опять — понеслись ели, тут никаких озарений, ни огонька, сплошная пелена вечной зелени, белизны и темноты.

Паша резко вдарил по тормозам. Вильнув к деревьям и выпахав аршин снега, джип встал. Всех тряхнуло вперед. Их обогнал грузовик, истошно голося.

— Смотрите, — прошептал Паша. — Еще один.

Сквозь оседающую снежную пыль, под светом фар они разглядели матерого зверя. Большая серая собака выжидала — смиренно отводила глаза, но пасть была гостеприимно оскалена.

Первым разорвал оцепенение Егор. Он вышвырнул себя из машины, и зрителям предстала в желтых лучах фар застекольная сценка. Зверь встрепенулся, теперь он смотрел прямо на Егора, не убирая оскал и не сходя с места.

Ефремов хмуро закурил:

— Пускай кончает. Избиратели ждут!

Паша приоткрыл окно и позвал:

— Хватит возиться! Михал Генадич сказал!

Сквозь приоткрытое оконце до них донеслось сдавленное рычание.

Егор вытянул руку. В грохоте зверь отчетливо взвизгнул. Волк опал, заскреб лапами, как сучка, придавленная невидимым кобелем. Ваня смотрел с жалостью: серая шкура трепещет, глаза пропали, растаяли, а из серой башки, где серое ухо, заструился на снег родник, в свете фар — красивый, ярко-красный...

— С первого раза, — громко сказал Егор, влезая в машину.

Он принялся хвастливо отирать пистолет о брючину, словно нож.

— Молоток, — сказал Паша.

— Снайпер, епта, — рассмеялся депутат, докуривая сигарету и пряча в пепельницу. — Хвалю.

Ваня понимал, что тоже надо сказать, и он повторил за шофером:

— Молоток.

— Не хотите вылезти посмотреть? — спросил Паша.

— Времени нет. Видели... — сказал депутат.

— Можно, я по нему проедусь?

— А?

— Ну по волчаре... я проедусь...

— В смысле?

— Ну, типа ритуал. Волчар давим...

— Дави!

Мотор заревел, они сорвались с места, под колесом хрустнуло.

— Люблю давить, — сказал шофер. Все рассмеялись. — Нет, вы не смейтесь. Это моя примета такая. Если вижу дохлую собаку или кошку, обязательно перееду. Или голубя, ворону... А волк — в первый раз. К удаче!

— Ты серьезно? — крякнул депутат.

— От своего опыта, Михаил Геннадьевич, — тревожным голосом сказал Паша. — Вот, сколько не давил, всегда удачу приносило. Причем обязательно в тот же день. То вы мне оклад повысите, то сын-хулиган вдруг пятерки принесет. Жену с дачи вез и утку сшиб, так она выиграла стиральную машину в лотерее «Золотой ключик».

— Утка? — хмыкнул депутат.

— Ленка... Я и не пойму, как первый раз падаль раздавил, пес это был, будто кто-то мне руль вывернул. С тех пор — понеслась. Еду по дороге, как в компьютерной игре, и удачу высматриваю. Хотите верьте — хотите проверьте. Сегодня обязательно счастливое чего-то будет.

— Людей давить не пробовал? — нагло усмехнулся Егор.

Паша ничего не ответил.

Они въехали в городок и остановились. В большой темноте площадки толпился народ перед длинной, освещенной прожектором, телегой с триколорами, воткнутыми на краях. Триколоры развевались по метельному ветру, как знамена мороза. Белый-синий-красный — цвета обморожения... Толпа, как огромное, впряженное в телегу животное, выпускала единодушный пар и паром умывалась. Гремел гимн России, так что слышно было в машине. Джип моментально облепили подобострастные человечки. Испитой мужик в дубленке приоткрыл дверь, заглянул и выпалил:

— Милости просим! Головкин, мэр. Заждались. Звонить уж думал. Гимном народ разогреваем. — Он оглянулся и рубанул темень осатанелым взмахом. — Коля, давай! По новой...

Прервав державную песню на полуфразе, звукач, сокрытый мраком и паром, запустил гимн с начала.

Они зашли к телеге с тыла и взобрались.

На телеге было еще ветренее, у Вани затряслись худые ноги, и коленные чашечки начали чокаться в кокетливом исступлении. Ефремов был добродушно-безмятежен, он принял из рук мэра микрофон. «Чер-

товская выдержка», — вместе с новым порывом метели подумал Ваня. Лица людей были на уровне его коленей. Руки стоявших самыми первыми держались за телегу, некоторые в варежках, а некоторые — красные и нагие.

— Дорогие друзья! — изогнутые усы депутата моментально вспенило белизной.

— Ну, здравствуй, дружок... — вздохнула старая женщина, чьи узловатые красные пальцы были в каких-то сантиметрах от круглых носков черных депутатских туфель.

— Россия окружена врагами. Многие хотели бы завладеть нашей Родиной. Враги России недовольны нашей сильной властью. Враги Тамбовской губернии ставят палки в колеса! Они хотят нам зла! — Здесь, под ударами снежной мути, Ефремов, очевидно, решил употребить короткий уличный вариант спича. — Получится? — Он выкрикнул это, и снег опал с его усов, и грозное лицо его прыгнуло навстречу залпу метели. — Сломают Россию?

— Про пенсии давай... — вялым голосом попросила старушка из-под ног.

— Пенсии? — глянул под ноги Ефремов, и это было его ошибкой. Народ, будто пьяница, забывшийся в сугробе и вдруг проснувшийся, обмерзнув и протрезвев, зашипел: «Пенсия! Пенсия!», — а Ефремов, наоборот, прикрыл глаза, собираясь для новой тирады, но и точно бы засыпая. Тут же новый ветер харкнул ему в лицо, и в это лицо озабоченно заглянул охранник Паша, и Ефремов начал обозленно тереть веки, а какой-то старик захохотал в толпе пустым глубоким ртом, безумным, как сама непогода.

— Предатель! — вдруг метнулся крик из толпы. — Долой свинью!

Парень с непокрытой плешивой головой и опухшей физиономией прорывался из темени к телеге.

— Кузьма! — угрожающе крикнул с телеги мэр, весь напрягаясь изнутри своей дубленки. — Опять в дурку захотел?

Парень мотнул головой и завизжал с новой силой:

— Иуда! Свинья! Предатель! Паскуда!

— Ща я его управлю, — сказанул за спиной у Вани Егор. Ваня оглянулся и увидел, как охранник спрыгивает с телеги.

— Вот видите, провокаторы суют палки в колеса! — поставленным самоотверженным голосом возгласил в микрофон Ефремов.

— Да это Кузька, наш дурачок... — рассудительным миролюбивым тоном сказала женщина у него под ногами.

— Иуда Родины! — Поросенок приближался страстными рывками, перед ним редели люди, но вот сбоку толпы, свирепо разрубая тела, влетел Егор. И одним махом, локтем расплющив чьи-то очки, он ударил поросенку в лоб квадратным кулаком, как обухом топора.

Толпа распахнулась, и в открывшемся голом проеме мелькнула статная фигура Егора, который волок за собой бессильную тушку, издававшую ультразвуковой визг.

— Россия будет единой и справедливой! Россия — великая наша держава! Пенсии повышаются, зарплаты растут... — Ефремов продолжал говорить.

— Он сирота. Родители его угорели. Он живой остался... — поежилась старушка о своем, и ее пальцы сделали пробежку назад от круглых носков депутатских ботинок.

Да и Ваня не слушал гордо раздиравшего воздух у него над ухом депутата, а дрожь улеглась, хотя ветер свистел и напрыгивал. Все Ванино внимание было обращено к краю людской черной разбурлившейся проруби, где Егор прыгал на юродивом, юродивый уже замолк, замолк, замолк. Ванино сердце взорвалось багровой жалостью, и с его губ навстречу вихрю, диким пространствам и избиению человека почти сорвалось такое простое: «Рамэламурамудва».

— Идем, ты живой? — Паша дернул его за плечо.

Ваня увидел, что депутат и мэр уже спустились с телеги, и палаческий Егор красуется рядом с ними, а народ разбредается в стороны...

Снова ехали. И приехали в пансионат. Огороженный со всех сторон, затонувший в снежных деревьях.

Ужин был накрыт в просторной столовой с остатками советского кефирно-оладушкового прошлого на стенах: седая тучка, круглое румяное солнышко.

— Устал? — спросил губернатор с братской интонацией.

Ефремов отмахнулся.

— Представляешь, волка встретили.

— Где?

— Ехали и приметили.

— Их много развелось.

— Одним меньше. Егор, парень мой, молодчик. С одного выстрела — уложил.

— Говорят, в Рассказово были приключения, — Пожарский смотрел на мэра, у которого от первой рюмашки лицо обложила сухая гранатовая корка.

Тот затараторил, засорил словечками:

— Да это Кузьма — придурок тамошний. Дорого его в дурдоме содержать. Ходит по улицам, баб пугает. Его заперли, а он дверь высадил и все равно приперся. Из погорельцев он. Родные его сгорели, а он хоть мелкий был — из дому выбег. И с той поры у него начались завихрения. Так и вырос дурнем. И еще он как будто радиоактивный. Хворает, волосы повылезли. Ну вы его, Михаил Геннадьевич, — подобострастно осклабился он на депутата, — знатно отбрили.

— Это опять все Егор — моя подмога... Вмазал ему? — Депутат лениво повернулся к охраннику.

— Я его уделал. Башку свернул. Пусть теперь орет! — подал мужественный голос с конца стола Егор.

— Ну, удаль молодецкая, награждаю тебя, — сказал Ефремов тяжело, величественно. — С февраля повышаю тебе оклад. На пятьсот единичек. Выпьем?

— За справедливость! — рассмеялся кислым смешком Пожарский. — Греешь своих.

— Спасибо, Михаил Геннадьевич! — только и сказал Егор, высосав стопку и все больше походя на химически ражую, яркую морковь.

Паша, как прежде похожий на надкушенное яблочко, однако моченое, с кислятиной, шумно зашептал:

— Убедился? Это тебе за то, что волка переехали... Я же обещал: будет благо. И мне будет, и Ване, и шефу! Всем по благу. Это нам за волка...

— Хорошо дерешься, — одобрил Егора пацан из свиты губернатора, пучеглазый, с кадыком в жестких желтых шерстинках. — Боксом занимался?

— Дворовым боксом, — дерзко заявил Егор. — Мы с ребятней возле кабаков тусовались. Видишь, мужик бухой, дернул его и давай лупить. Вроде тренировки. На живой мишени. Он и слабый, и предъявить ничего не сможет, пьяный был. Так я и учился. Чтоб с одного кулака укладывать.

— Это что! — рассказывал тем временем губернатор. — Я тут в райцентр приехал, коммунисты старичье подговорили, один завопил, и все как начнут кричать: «Советский Союз! Советский Союз!» Я послушал, послушал и говорю: «Так я и есть Советский Союз!», — они опешили. Ну, менты там пару зачинщиков вырвали, и все молчали, слушали.

— Я всегда вот как говорю, — откликнулся Ефремов. — У совка было два глаза. Социальное око. И политическое око. Социальное вытекло. А политическое мы промыли и обратно к зрению вернули. Живу — не нарадуюсь: все четко, все хозяйственно. Надысь во фракции методичку раздали: как и о чем выступать. Кажется, чепуха, и так все знаю. Полистал — вещь толковая. Во всем порядок должен быть.

— Да и мои сегодня местные главы подходят, ручкаются: «Как хорошо, Леонид Степанович! Как будто старые времена вернулись». Я их там расчихвостил, объяснил, какой процент на выборах будет. Они и рады. Рады? — Он оглядел мэра, от водки похожего на красное деревце. — Рад, Тимофей?

— А как же! — Мэр с натугой улыбнулся, словно треснула кора дерева. — Мы рады. Наконец-то, покой.

— И знаешь, что хорошо, — продолжил Пожарский, обращаясь к Ефремову. — Все в одного человека упирается. Как он скажет, так и будет. Если ты ему верен, быть тебе кум королю. Нет никаких провокаций, скандалов, судов. Раньше при совке не было самого важного. Чего? Собственности. Власть была в руках, а руки тряслись. Сколько аскетов было среди Политбюро, Кощеи настоящие, и это не от идей, а от страха. Сейчас — красота. Никто к тебе в карман не лезет и твои деньги не пересчитывает. Если попрешь против главного, пеняй: слопают враз.

И дерьмом измажут, и баксы меченые найдут, и закатают за решетку. А будешь верен, даже если вздумают убирать, то новое местечко предложат. В этой стабильности рядов и есть наша сила!

Звякнуло стекло рюмашек. Коллективное действо чоканья сменилось глубоко индивидуальным: каждый по-своему выпил свою водку. «Чоканье символизирует общность жизни, а выпивание водки — то, что каждому из нас умирать в одиночку», — подумал Иван.

— Какую страну потеряли... — напевно вздохнул Ефремов. — Сейчас модно стало выдумывать, мол, заранее все было понятно, мол, не удержался бы совок. А мне ничего понятно не было. Думал, удержим картину. До девяностого года думал. Я тогда в комсомоле сидел.

— А я, Миш, в восемьдесят седьмом все понял. У меня дядя в Генштабе работал. И он мне рассказывал: американосы обогнали нас по секретному оружию. Если бы мы не начали отступать тогда, они бы нас заживо сожгли. Он говорит, весной восемьдесят седьмого теракт был у них в Минобороны. Только об этом информацию сразу обрезали. Управляемое землетрясение. Шантаж типа. Конкретно против их здания. Весной дело было. Он решил, то ли снег за окном сбивают, то ли пылесос в коридоре включили. Вдруг засвистело, загремело, он как будто в свист попал к Соловью-разбойнику, и уши заложило, и пол под ногами уходит. А потом — прошло. Один генерал себе в кабинете ноги кипятком ошпарил, на него чай в подстаканнике упал. Какой-то полковник от неожиданности раковину расколол, руки мыл...

— Это на Фрунзенской набережной? — возбужденным голосом вторгся в их разговор Иван.

— Ага. Минобороны, — подтвердил губернатор.

— Чего ты всполошился? — Ефремов осуждающе-иронично глянул на Ваню. — Водка не пошла?

— Я там жил напротив, — сказал Ваня.

— Хороший он у тебя парень, — сказал Пожарский.

— Неплохой, — согласился Ефремов. — Вань, у меня для тебя сюрприз был. Приятный. Еще скажу.

— Греешь своих... — Пожарский ухмылялся длинно. — Так я про дядю. Дядя утверждал, что Чернобыль нам подстроили. Хороший был мужик, профессионал, сокол. Бабы за ним до семидесяти пяти бегали. Он недавно умер. Жить замаялся. Ельцина не любил, а нашу власть так и не принял. Он в девяносто третьем, уже отставной, в Белом доме сидел. Его «Альфа» вместе с остальными выводила...

— Белодомовец? Не, белодомовцы — это дикари были. Если б они победили, у нас бы ничего не было. Ни бизнеса, ничего. Я тогда только с фирмой раскрутился, специально выходной взял, смотрел в ящик, как их из танков бьют. Ты извини, я понимаю: там дядя твой был...

— Да я сам за город уехал, спирт глушил, грибов, помню, жена нажарила, смотрел, и по барабану было. Чернь! Верно? Я смотрел и был доволен: бьют чернь по ее черным щекам. По кумполу дубасят. Я потом узнал, что мой там дядька был. Вот все говорят: девяностые, расстрел

Парламента. Но согласись, братела, мы все про разные девяностые говорим. Для меня после того, как белодомовцев обстреляли, наше время и началось. Потом Чечня. Потом девяносто шестой. Показал Борис, кто главный. А потом уже по накатанной, пока совсем не укантропупили. А плохие девяностые — это самое начало, август.

— Когда Дзержинского выламывали? — утвердительно спросил Ефремов.

— Вот. И ни один чекист не заступился. Потому что чернь на улицы вылилась. И в девяносто третьем тоже чернь. Народ не может решать. Мы должны решать, деловые, прочные мужики.

«А ведь это я, я их, и Дзержинского и Белый дом», — с блаженным историческим трепетом подумал Иван.

Мама осталась в Москве, работать, а отцу выпал отпуск. Поехали в Ялту. Папа вставал на полчаса раньше, отдергивал штору и выходил. Он обливался на воздухе холодной водой из синего шланга, который протягивал через кухню во дворик. На кухне пело и бурчало настенное радио. Ваня спал в приоткрытой комнате. Бодренькая музыка проникала в полусон, как аккомпанемент для солнца. Солнце давило на веки и наполняло полусон ликующе-кровавым багровым цветом. Но в этот раз вместо музыки чеканил твердый и рассудительный голос. «Обращение к советскому народу. Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! — внушал он сквозь веселенькую красную завесу. — Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой».

Алая завеса лопнула и развеялась. Иван смотрел в мир распахнутыми глазами, спрыгнул на холодный деревянный пол, выбежал на прохладный линолуем кухни.

Они поздно пошли на пляж. Ваня и отец слушали мантру. Радио выдавало заявления, похожие на шифрограммы, таким же секретным паролем было и само название: ГКЧП, — загадочное и колючее, как россыпь крупных звезд, слагаемых в изогнутое «созвездие косы» или «созвездие акулы».

— Диктатура — это страшно, — прошептал отец. — Как же ты будешь жить, сынок? — И он добавил цитату из поэта: — Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря.

Они сидели за горячим, а затем остывающим чаем, со двора вливалась солнечно-голубая прелесть жизни, ветерок приносил фруктово-звериные запахи моря, которому плевать, волнами швыряться на политику. Папа с сыном, уравненные невнятицей исторического момента, внимали пластмассовому желтому устройству, прибитому к облезлым зеленым обоям, и непонятно было, кто из них взрослый, а кто ребенок.

Пришли на пляж к полудню. Разместились у самого моря, окруженные скоплением тел. Люди купались, болтали ни о чем, нервная, обгорелая до состояния курицы-гриль одинокая дама затягивалась коричневой сигареткой.

Рядом с ними, сидя, жмурилась белая блондинка, тетка в изумрудном купальнике и с дочкой-пышкой лет восьми. Тетка была стройная, тело ее дышало ровно.

— Ася, освежись, — просила она вяло.

— Не буду, — готовая разрыдаться, отказывалась девочка и усердно рыла и подновляла сырую канавку от моря до их лежбища.

Возможно, папа хотел обсудить ГКЧП с кем-то, возможно, познакомиться с женщиной, но им было произнесено: «Сколько вашей? Купаться не хочет? Эх, трусиха... Хе-хе. Мы? Мы из Москвы. Ваня постарше, одиннадцать. Видели, как плавал? Я его с детства на плаванье записал. Вы откуда? Я был в Луганске, проездом. Ага. Очень приятно, Светлана, я — Евгений. Слышали, что в Москве происходит?»

— Паны дерутся, у холопов чубы трещат, — сказала Светлана из Луганска и рассмеялась плотоядным ртом курортницы, в котором мигнул золотой зуб — зловеще среди яркого могучего дня, как огонек еще далекой ночи.

Обедали они вместе на балконе столовой, где упруго, как мышца у атлета, трепетал густой воздух, наискось продуваемый ветром с моря. Они с аппетитом ели суп и мясо с тарелок на пластмассовых коричневых подносах и пили компот из алычи, и пустые стаканы ставили на коричневые подносы.

— Мы и вечером тоже к морю ходим, — сообщил папа, втягивая квелую алычовую ягодку.

— Давайте повстречаемся. В восемь на молу, идет? — радостно сказала женщина, чья светлая челка шевелилась в такт пережевыванию последнего телячьего кусочка.

— Договорились, — сказал папа.

Ваня под столом зачем-то ущипнул девочку за пухлую каленую ногу, ниже коленки. Она скуксилась для плача, он не отпускал, и она тянула предгрозовую паузу, но тут взрослые встали, доевшие.

Ничто не напоминало об утренней политической тревоге. Ваня и папа, конечно, помнили обо всем, после обеда они сходили на телефонный узел. Папа обеспокоенно звонил в Москву. Мама сказала, что на улицах военная техника. Танк охраняет Министерство обороны. Они вернулись в дом, опять за пустым клеенчатым столом слушали приемник с его непроницаемой мантрой.

Волны сталкивались. Женщина появилась на молу, красное нарядное платье, она размашисто приближалась из зоны огней в зону темноты и брызг и тянула за собой упиравшуюся девочку, которая оглашала морскую шумную даль:

— Мама, я спать хочу!

— Сейчас, сейчас... Скоро уснем, — громко бормотала женщина. — Поглядите. — Она наскочила на них и дернула вверх платье девочки, беззащитно белевшее в темноте.

— Все видно?

— Что? — спросил папа.

— Пойдемте на свет! Пойдем на свет, негодяй! — Она схватила Ваню за ухо и потянула, папа твердо отстранил ее руку. — Он подлец, ваш сын! Пока мы обедали, вы в курсе, что он натворил? Он так ущипнул мою Асю, что у нее синяк. Она пять часов плакала подряд. Изверга растите! Был бы здесь мой муж, а он у меня шахтер, он бы вас своими руками... — Она не договорила. — Ваше счастье, что Генки здесь нет! Москали сраные...

— Мам, я спать хочу! — Голос девочки был отстранен от скандальной сцены и ревниво соперничал лишь с одиночеством шумящей воды.

— Идем, мой Асик, идем скорее... — Женщина толкнула Ваню в воду, но Ваня устоял, она рванула дочку за руку, и стремительным виденьем они провальсировали в сторону города и его зубастой иллюминации.

— Странные... Это... о чем она? — наконец сказал папа, выходя из замешательства. — Ты, правда, оцарапал девочку?

— Ущипнул?

— Ущипнул, то есть...

— Нет, не правда.

Они стояли и смотрели на море. Волны гуляли привольно и обдавали миллионом восторженных капель. Черная даль, белая пена. Волна — боевой слон. Волна — проурчавший танк. Волна — дворец, горделиво вознесшийся и осыпавшийся в прах. Вот волна проехала, как белая машина «Лада». Такая у них в Москве.

Ваня странной ассоциацией вспомнил: они возвращаются с дачи, в ногах у него на заднем сиденье зажат лиловый баклажан, и они делают круг на площади Дзержинского, подле поджарого вытянутого памятника, и тут в продолжение его мыслей волна подкинула и качнула палку с водорослью, налипшей сверху, как голова и торчащая борода клином. И уронила. Палка пропала среди волны, как в гуще народа, волна разбилась на множество живых, криком кричащих капель. Волна пенно шумела, словно толпа в момент натиска. Капли крутились и тряслись, как крохотные бесчисленные головы. Палка металась с бороденкой водоросли. Пахло железом. Море пахло железом. Море пахло Дзержинским.

Прижавшись к промокшей рубахе отца своей промокшей майкой, Ваня легонько завыл, заскрипел челюстями и вместе со взмахом волны издал негромкий щелчок, ни о чем не думая. Волна окончательно поглотила палку. Над ними было черно-серое небо, сквозь лохмотья тучек бросали свет отдельные звезды, не способные объединиться в скелет какого-то созвездия.

Он приболел назавтра, но солнце быстро вылечило. Через пару дней была Москва, и Ваня не удивился, когда по телевизору показали толпу, ночную, с капельками голов, белевших под вспышками фотокамер, и над

этой толпой, в шуме, гаме и улюлюканье, раскачивалась длинная палка памятника с налипшей бородой клином. Феликс был демонтирован.

А через два года случился 93-й год. К тому времени Ванины родители уже разочаровались в несоветских порядках. Мальчик тоже не принимал новый строй.

Ваня, прогуливая школу, ходил к белому Дому Советов. Там был всплеск народного творчества. Белое, все в стеклах окон, здание было лишь эхом многоголосого воспаленного народного ропота. Простые люди, рабы из рудников, приближали день перелома. Ветхий старик, в вагоне метро закричавший: «Товарищи! Все выходим!», — дородная женщина, воевавшая с ментом на станции «Краснопресненская» за бидон борща, который она хотела вывезти на поверхность, мужчина, подтянутый и улыбчивый, на эскалаторе бодривший знакомых и незнакомцев: «Победим! Куда денемся...» А у метро, словно согбенные от влаги белесые одуванчики, мокли старушки с картонками, на которых красным фломастером были выведены стрелки — «К Белому дому». Кипела дождевая городская каша. Кипела самодеятельность.

Над баррикадой, свалкой железных штырей, дрожала простыня: «Прости, распятая Россия!» Черные буквы расплывались и отекали струйками: очевидно, лозунг был исполнен акварелью. За баррикадой в нескольких шагах стоял металлический стенд, который кто-то заботливо оклеил детскими картинками про Ленина и Великую Отечественную войну, вырезанными из букваря. Картинки сек дождик, и они сползали в медленном забытье.

Белый дом набух от мороси, как седая овца, это был храм наива, и вокруг бурлили раздраженные, счастливые, непрестанно спорящие люди. Разъединенные, несогласно встречающие каждого оратора: кто сыро хлопая, кто отворачивая лицо в дождевой ветер. Ване показалось, что он узнал слесаря из советского детства в пьяноватом старике, тот из тряских добрых рук предлагал всем брошюру «Откуда есть пошла русская земля»... Голый череп старика отекал, словно рыдал, а веснушки выглядели на сырой коже головы мазками талого шоколада.

Тоска по правде — одна эта тоска объединяла площадь у белого здания.

Потом дом блокировали, обнесли колючей проволокой, людей избивали окрест, и Ване выпало стать участником переломного дня.

Это был огромный день. Огромный — люди в большом количестве и большие небеса над площадями и широкими дорогами улиц. Выходной. Утром Ваня, уходя из дома, сказал, что едет на Горбушку, недавно оперившийся рынок, посмотреть музыкальные диски. Но ехал он за одним музыкальным диском — солнечным, пылающим над музыкой лязга и крика.

Он приехал на Октябрьскую и видел прорыв сквозь железную стенку щитов и касок. Он со всеми бежал по Крымскому мосту, изогнутому, как арбузная корка, где милиционеры, побросав щиты и дубинки, ви-

новато жались по краям, у перил, серые. А на воде жирно и радужно плыли пятна бензина.

Тот прыжок был крестообразен и уже заключал в себе обреченность казни. Сломали первый барьер, и дальше река людская хлынула неостановимо, а водная Москва-река текла наперерез под ними, перпендикулярная их бегу, — вот и получался крест. Ваня поспешал, он стремился попасть вперед, ближе к передовой. На Смоленской площади возле замка МИДа началась жестокая сеча. Какой-то паренек отскочил, пятернями накрывая лицо, умываясь ручьем крови. Под ноги ему с тоскливым звоном упала лыжная палка. Ваня подобрал ее и, вложив в свой бросок неисчерпаемую жажду чуда, метнул, как копье, в серые, темные, зеленоватые толщи препятствия. «Переправа, переправа...» — тамтамом стучало в висках. Народ ломил, теснил, давил... Под руками народа-исполина расступались военные грузовики. Один такой грузовик с брезентовым кузовом и засевшими битком солдатами, бешено взревел и пронесся через гущу людей, на ходу скосив девушку. Она упала и лежала без лица. И ее, в розовой дутой курточке и чернильной кофте, и с толстой серебряной цепочкой, и страшной мясной клубничиной вместо лица, обходили, благоговейно замедляя шаг.

Русская студентка, приехавшая из Таджикистана поддержать тех, кто «за русских», — узнал Иван позднее биографию этой первой жертвы.

Возле мэрии, стеклянной книги, застрекотали выстрелы. Они бежали, пригибаясь, по ним, — видать, прицельно, по самым крепким, — лупил пулемет. Споткнулся и замер дюжий парубок, поскользнулся на выстреле и рухнул мужик с гусарскими солнечными усами и в военном берете. Его подхватили, понесли дальше, с дико бледными подушками щек. Но они прорвались. Кто-то перегрыз стальные кольца колючей проволоки кусачками (заранее припасенными: вот она, вера в светлый час победы). Так буржуй перерезает ленточку на открытии казино, так простой человек в погожий денек третьего октября размыкал жуткую спираль Бруно и кидался на немытую, костром пропахшую шею своему брату-баррикаднику, изможденному неделей изоляции. Братания. Митинг бедных, блаженных исполинов. Отряд автоматчиков перескочил из Белого дома в стеклянную книгу мэрии: ведь оттуда стрекотал пулемет по людям. И вот, мэрия уже взята. А на площади — мегафонный клекот, истовый призыв идти в Останкино, чтобы получить желанный эфир на телевиденье. И все ловят кайф победы, и приплясывают, и хохочут, кто-то растянул гармошку, небо светло-синее, слащавое, обманчивое, коварное, словно кругом весна, а не преддверие зимы.

— Мы въедем в Кремль и отдадим под суд узурпатора! — кричит профессор-кавказец, глава Парламента.

И толпа отвечает единогласным: «Ура!» — и свистом радости, каким птица свистит от избытка сил. Ваня в толпе. Заглядываясь в зеркальные, голубые стекла белого здания, он свистит, визжит и, уже свистя и визжа, вдруг понимает, что он наделал.

На следующее утро он сидел дома, продутый ветром, родители в гостиной смотрели прямую трансляцию. Очередной танк лихо прокатил набережной, встал бочком, ствол дернулся, вспышка, и очередное окно выблевало седой колючий колтун дыма. Черные дымные провалы, золотые часы, остановившиеся на башенке дома. Ваня отворачивался и выходил из гостиной, пил горячий чай на кухне. Все было ясно.

— Еще поп нас загрузил... — вспомнил Ефремов, широко улыбаясь и показав лукавую расщелину между передними зубами.

— Чего за поп? — спросил Пожарский.

— Да ваш, тутошний. На приеме у митрополита.

— Отец Петр, — догадался губернатор. — Наглый. Я бы давно на него укорот нашел. Но слышал, наверно, икона у него мироточивая.

— Боязно?

— Да иди ты со своим «боязно»... Пиар для области какой! Святыня масло изливает. А он вроде менеджер по этому пиару. Не трогаю я его пока. Терплю дурака.

— А чудо это настоящее? — спросил Ваня.

— Да вроде, — равнодушно сказал губернатор.

Доужинали. Пожарский с пляшущими желваками, угловатый, как скрипичный футляр, прощался кисло и скрипуче и щурился до того, что губы его задирала странная морщинистая улыбка. Мэр, пунцовый и корявый, ойкал и, пожимая правой всем руки, левой с энтузиазмом рубил воздух. Ефремов мягко помахивал уходящим ладошкой, выкатив огромный живот. Казалось, депутат состоял из двух дорожных предметов, незаменимых для пилигрима: круглого чемодана живота и изогнутой сочной щетки усов.

Так бывает, подумал Ваня, алкоголь чудесно делает из человека карикатуру и заостряет его свойства: вялый повисает тряпкой, энергичный трясется, словно кузнечик на игле, длинный бьет затылком в потолок, коротышка уходит под стол, бас гремит, как медвежья пещера, писк разъедает слух, как рану соль, в носатом проклевывается Буратино, у бровастого волосяной оползень хоронит глаза, — все человечьи черты спирт дает жгучими и мощными, как будто наложили сверху прозрачное стекло увеличения.

Охранник Паша, хихикая, вылетел осматривать спальные места в пансионате. Они остались втроем. Охранник Егор, напоминавший уже не морковь, а былинный, готовый пахать земли и взрывать воды уд, зырил по сторонам в слепой малиновой ярости. Ефремов, тяжело выдыхавший сплошной живот, в который превратилось его туловище. И Ваня. Он ощущал в себе ту мелодичность, когда каждый твой жест и всякое твое слово не случайны, ты весь подотчетен легкой французской мелодии, элегантен и истончен, нежные перезвоны на кончиках твоих пальцев, и даже взмах ресниц тает у глаз хрупким серебристым звоночком. Это была музыкальная паранойя, впущенная им в себя вместе с водкой.

Ефремов сделал трудный вдох, и на выдохе крякнул, едва не подавившись животом.

— Ты парень умный. Столько лет мне помогаешь. Верный. — Он выговаривал слова напряженно, в борьбе с победоносным брюхом. — Верный, — повторил он. — Президента уважаем? — Он тускло посмотрел исподлобья.

Ваня, ощущая себя принцем-оленем с золотой клавишей во лбу, глядящим сквозь душистые молочные хлопья жасминового куста, кротко качнул головой.

— Уважаем, — пожевал губами и усами депутат. — Через недельку важное мероприятие. Это я по секрету говорю. Тебе и тебе. — Он глянул на охранника. — Че такой красный? Охранять можешь? За что я тебе зарплату повысил?

— Всегда могу. Спасибо, Михаил Геннадьевич! Спасибо, спасибо! Рад стараться, — жестко оттарабанил тот, сохраняя малиново-ярый эрегированный вид.

— Так вот, значит, Ванек, это тебя касается. Президент наш соберет разных лучших людей. Земский собор раньше был на Руси. А тут — круг народной воли. Название не мое, это они в Администрации намудрили. По составу всего двенадцать человек, от каждого слоя по человечку. Не все слои, но показуха красивая. Военный, доктор, космонавт, инвалид обязательно, спортсмен, батюшка, писатель, — вроде писательницу нашли, — крестьянин, рабочий, — тоже баба, ткачиха она, — учитель, потом интернетчика заказали: в ногу с ветром шагаем, и молодой нужен. Просто молодой. Символ будущего. Молодой возраст — это тоже профессия. Мне спикер — наш, госдумовский, — рассказывал: сначала на девке остановились, из Тюмени, студентка-отличница, папаня — жирный кот, а начали копать, она токсикоманка драная. Парня подыскали, прилежный, из кремлевской организации молодежной, а он, оказывается, в анкете скрыл: у Баркашова начинал. Молодость — гадость. Мне спикер излагает, а я сразу тебя вспомнил. И так ему, полушутя: а у меня помощничек есть, молодой, грамотный, надежа Родины. Выпускник Авиационного. Орлята учатся летать, е-мое... И зовут тебя, как в сказке: Иван Соколов. Звучит гордо! Он, — я сам был удивлен, — вдруг за эту идею ухватился, говорит: готовь на него представление и давай попробуем. В общем, я это тебе сюрпризом решил поднести. Неделя еще целая. Тебе говорить надо будет малым-мало, вопрос задать, зубы поскалить вежливо и радостно и на его вопрос ответить. Но дело люто ответственное: журналистов будет вагон и тележка. Прославишься!

— Везет чуваку! — Егор чмокнул губами, и в его малиновом лице всплеснула конвульсия сильного возбуждения.

Ваня молчал, ощущая стыд и нескладность, музыка прервалась. Он сидел, оглушенный серой снеговой шапкой тишины, обрушившейся на него. Мелко трясло. Он вдруг понял, что не понимает, как он здесь оказался, кто эти люди и зачем ему так называемая политика.

— Я не готов, — сказал Ваня просто.

— Что? — спросили Ефремов и охранник вместе.

В этот миг в зал ворвался Паша:

— Девочки приехали!

— Жирные? — поинтересовался Егор.

— Нормальные, — Паша трясся весельем на пороге зала.

— У меня резиновая женщина в чемодане, — упредил Ефремов и загромыхал в три горла.

— А я женат... — сиротливо протянул Ваня.

— Вы же вроде разводитесь? — поинтересовался Ефремов недоверчиво. — А! Правильно! Молодец! — сообразил он. — С младых мудей бойся компромата.

— Просто не охота, — признался Ваня.

— Нам же больше достанется! — Егор просиял, как свежевыкованный меч, отразивший печное пламя.

— Всю водку не выпьешь, всех баб, как говорится... — ответно расцвел Ефремов.

— А знаете, чему я радуюсь! Михаил Геннадьевич, разрешите доложить? — Паша аж заикался от счастливой щекотки. Тело его гибко извивалось на месте. — Подарок я получил. Волк-то был золотой! Жена СМСку прислала: квартира на Соколе освободилась. Мы ведь в Бутово живем. А на Соколе старуха древняя скрипела, женина тетка двоюродная, ну, Бог прибрал, жена над ней убивалась — ухаживать. Я так считаю: пожила, дай другим пожить... А квартира-то нам завещана. Вы не представляете, — он обводил объедки и опивки стола и застольную троицу влюбленным летящим взглядом. — Там четыре комнаты, балкон, кладовая, лепнина. Лепнина, Михаил Геннадьевич! У вас теперь шофер будет на уровне... Как космический пилот...

— Шкет, — не понятно, к чему произнес Ефремов с завистливой ухмылкой, и его круглый ус отпружинил вверх. — Значит, Иван, через недельку — на дело. Белая рубаха, черный костюмчик, галстук желательно красный с намеком, что пионер вчерашний. Слова тебе заготовят. Выучишь, как следует. Перед зеркалом отрепетируешь. Понял?

— Понял, — угодливо, ненавидя себя, сказал Ваня.

— Мужики, я на боковую. — Ефремов грузно поднялся, колыхаясь всем брюхом.

Охранники подскочили, и он оперся о них. Ваня вышел следом. Тотчас в зал бросились бабы-подавальщицы — убирать со стола.

На улице было тихо, мерцали снежинками сугробы по сторонам узкой, выцарапанной у снега, асфальтовой дорожки. За зданием «едальни» ароматно дымила в небо баня, ало пульсировали огоньки сигарет, слышались визгливые хохотки и задорное: «Ну, не толкайся ты, Лена!» — «А ты не прижимайся, Марин!» В конце дорожки высилось двухэтажное строение «опочивальни», сиявшее стеклянным вестибюлем.

— Гульнуть что ли на старости лет... — с сомнением проговорил Ефремов. — Я с детства любил париться... Отец баньку растопит засветло. Я иду, куда глаза глядят, возвращаюсь — темно-о-о. Только дым в небо, это банька в разгаре. Зайдешь, обмоешься, надышишься жаром,

светло-о-о, глаза щиплет и режет... И спишь потом без задних ног. Ой, ребятки, как же мне сегодня хорошо-сладко! Давно такого не было!

— Это вам сладость в душу за то, что мы волка переехали, — захихикал Паша.

— Компромат завтра выйдет? — спросил Ефремов. — Завтра?

— Да, — сказал Ваня.

— И это сладко! — Депутат закурил.

Ваня ступил в сторону.

По сугробам, расталкивая темные свисающие ветви елей, он шел и шел, увязая, но все быстрее, охватываемый громом тайного оркестра, в абсолютную одинокую тишину — от визгливых девок, отрывистых фраз костолома Егора, хихиканья шофера Паши и трубного бахвальства депутата, от ненавистных звуков, заглушавших ту единственную музыку, ради которой и стоило жить.

Однако он вышел к очередному шуму, кто-то болтал у костра.

Возле огня стояли трое детей.

— Привет! — окликнул Ваня.

— Привет, — неласково буркнула девочка.

Остальные двое — подросток и маленький мальчик — ничего не ответили, увлеченно обжаривая по сардельке каждый на своей веточке.

— А что вы здесь ходите? — спросила девочка.

— Путешествую, — не нашел другого ответа Иван. — Хотите со мной?

— Дядя, не приставай, а то папку позову, — недоверчиво чиркнул по Ване глазами старший мальчик.

— У нас папа — повар, — нежно проговорил малыш.

— Главный повар, — важно поправила его девочка.

— Пойдемте воевать. Соберем ножи, вилы, косы... — Ваня, произнося бредятину, вошел в красный мигающий свет. — Идем в поход!

— Я готова! — заявила девочка.

— Дети, я — это враг всех властей. А вы меня укроете, когда меня ловить начнут? — Ваня разглядывал костер пытливо, как будто огромный кубик-рубик. — Вы меня спрячете, дети? Я буду воевать. Я дойду до своей цели обязательно. Клянусь вам! Отведите меня к чудотворной... Где у вас икона святая? Отчитайте меня!

— Валька, ты не видишь, он пьяный! — вдруг истошно закричал подросток. — Семья, бежим!

— Бежим! — подхватил крик самый маленький.

Семья вскочила на ноги и сорвалась, и со скрипом, хрустом и воплем пропала за деревьями.

Ваня стоял над костром, шипящим в снегах.

Думал: «Надо мной чары».

3

Новый президент Российской Федерации был миловиден. Похож на шотландца. У него романтично синели два чистопородных глаза. Обнаружь поэты «озерной школы» такие глаза на лице дамы, они могли бы

их воспеть У президента был мягкий овал лица. Горделивый, опрятный, чуть выдвинутый подбородок. Светски-насмешливые леденечные губы. Чуткий хрящеватый нос. И вихор цвета шотландского виски.

Ваня ничего не имел в отношении президента, кроме равнодушия. Ваня простыл накануне. Странно, потому что платить было не за что, — Ваня не щелкал зубами, не свистел, не говорил: «Рамэламурамудва», — не совал в нос пальцы. А все же его продирал кашель. Измученный ночной бессонницей, Ваня ехал на кремлевскую встречу (рано утром за ним прибыло спецавто — черный ауди) и кашлял в платок. Когда он вышел, дворник у подъезда, смуглый, как сушеный банан, говорил, показывая молодые белые ознобные зубы:

— Весь двор зачистил. Ночью не спал, это домовой в бок меня толкал. Я решил: чего лежать зря? Взял лопату и ночью снег чистил.

— Молодец, Файзи, что снег чистил, — отвечала ему бабуся, вставшая на крыльце подъезда. — Я вот тоже всю ноченьку глаз не сомкнула. Может, правда, нечистый? Меня как будто кто-то поджаривал, такая бессонница была приставучая. Может, на холодке немножко ободрюсь. Вы телевизор, Файзи, смотрите? Сегодня же наш президент с лучшими людьми встречается.

— Нет телевизора. Я без телевизора. Надо купить телевизор.

— Молоденький он у нас еще, — рассуждала старуха. — Но больно симпатичный. Как призовой бычок на ярмарке. Трудно ему, надо ему всем народом помогать... И вам, таджикам, надо ему помогать.

Ваня садился в глухую блестящую машину, исполнительно мрачнел водила. Дворник улыбался всему свету белыми, как наркотик, зубами. Ваня хлопнул дверцей, и все померкло. И поехали, а кашель карабкался изнутри, царапался, выворачивая горло наизнанку.

Президент приветливо шел по залу. Легко, как пушинка, — так бывает во сне, — отворилась пудовая резная дверь. И возник короткий и пухлый, похожий на большой «во»-палец, человек в синем костюме. Приветливая походка стремительно несла его по дорожке, на ходу он помахивал правой рукой.

Двенадцать избранных дочерей и сынов страны смотрели на это приближение первого лица с напряженным обожанием. Они жаждали встречи и трепетали от предвкушения. В грешных нежных мягких местах, вроде содержимого их черепных коробок, они были растерянно-безрадостны. Сколько у него денег? А сколько яхт? Небось, ему скучно с нами? Он бы предпочел другие зрелища? Правда, у него счет в десять миллиардов? А правда, что он любит смотреть, как юные девочки дерутся в грязи, и разоблачивший эту тайну журналист был найден мертвым в луже у своего подъезда? «Мы не верим тебе», — плескалось живой водицей на донцах взглядов, встречавших этого человека, а дальше нарастали пласты фальшивого интереса, все тяжелее и непрозрачнее. Корысть, тщеславие, страсть к начальству, боязнь остаться лохом, пока другой урвет, притворный патриотизм — на приближавшуюся фигуру смотрели масляно и выпучено.

Писательница, нарядная скользкая книжка, с новенькой закладкой Госпремии и настороженными умными очками, похожими на ее инициалы О и С. Учитель, сухой и миниатюрный, весь, от кудряшек до ногтей, в желтом табачном налете, взгляд нервно и ярко трепещет, как огонек зажигалки. Крупный священник с медными глазами, которые тяжело ходят из стороны в сторону, как язык колокола на веревке у пономаря. Врач, чьи глаза жадно блестят, как скальпель, изготовленный к операции. Компьютерщик: его зеленый взгляд ядовито мерцает оконцами соединения с интернетом. Генерал: глаза крепко раскрыты и не мигают, встали на вытяжку, ресницы торчат в ряд, как строй на плацу. Спортсмен, бегун мирового класса: глаза натужны, замерли на старте, сейчас бросятся стремглав, выскочив из орбит. Инвалид в коляске, сам со стальными глазами-колесами, которые исступленно прокручиваются в непролазном бездорожье: хворые темные круги вокруг глаз, как резиновые шины. Старый заслуженный космонавт: в его глазах невесомость похмелья. Аграрий: замерли в предчувствии жатвы светлые нежные стебли льна, переходя в бесцветные низкие облака бровей. Ткачиха: в ее блудных глазищах — серые жесткие волокна уже убитого льна...

А это Ваня. В глазах у него подавленный кашель дребезжит, как мухи о стекло.

За что ему этот кашель?

Он поджимал губы и всматривался навстречу президенту, скованный опасением, что кашель, как лай правды, вырвется и забрызжет из глотки.

Глава государства остановился среди красной дорожки и улыбнулся нижними зубами, оттянув челюсть. Его обдали десятки вспышек. От фото и видеокамер было жарко. По сценарию он сейчас обратится с недолгим спичем и затем подойдет к двенадцати, ждущим его на белом мраморе пола по краям дорожки. Каждому пожмет руку. Задаст вопрос. Получит ответы в форме кратких речей. Лицо президента было румяно, в глазах над вальяжными мешочками мерцали словно бы лекарственные капли.

— Здравствуйте, — вареным голосом сказал он. Воцарившаяся тишина только подчеркнула неуверенность его голоса. И тотчас он бойко приступил к выступлению: — Наша встреча, наш круг народной воли — своего рода чудо. Верите ли вы в чудеса? Одно из чудес — единство народа. Достигается такое единство через сочетание разных отраслей жизни в общем хозяйстве. — Ваня проследил за легкомысленно-скорбными глазами оратора и инстинктивно оглянулся.

На мраморной стене залы поверх золотых выдолбленных буквиц ярко краснели огромные строки. Выступавший просто считывал речь, спроецированную на славную стену кремлевской залы. Ваня, непочтительно отвернувшись, мигом пробежал всю речь: «В России наступила стабильность. Мы идем поступательно и спокойно. Почти не слышно воя заграничных неприятелей. И уж точно, не слышно визга и свиста доморощенных несогласных. Мы достигли чуда: народ наделил власть абсолютным доверием».

Ваня посмотрел на президента. Тот был близок к заключительному абзацу. Он дочитывал речь, а Ваню вдруг словно что-то прожгло. Опалило внезапно вспыхнувшей любовью к замученному народу, ненавистью к себе в похабной политике, а всего вернее — накатившим желанием. Это был жаркий засос истории прямо в мозг. Отсутствие страха, одна жажда... Иван почувствовал: все, что он делал и даже думал, было бесстыже, его юношеские угрызения совести уравновешивал его же аппаратный молодой аппетит. А вот сейчас весы перекосило. Его встряхнуло. Ваню добудились! Разлепив глаза, он увидел, что стоит на карнизе и впереди — мгла, и пылает, — нет, не солнце. Огненный лунный шар одиночества. Однозначный в своей требовательности. Иван, зрячий, шагнул вперед.

— И уж точно, не слышно визга и свиста доморощенных несогласных, — прочитал ясноглазый оратор.

Ваня засвистел и завизжал.

Президент запнулся, испуганно смотрел, зашушукались одиннадцать избранных гостей, камеры повернулись в сторону возмутителя спокойствия. Адски звякнула, заколыхалась люстра высоко-высоко над залой.

— Диверсант! — абсурдно каркнул прокуренный миниатюрный учитель и, подпрыгнув, кулачком клюнул Ивана по скуле.

Ваня щелкнул зубами, поймав мутнеющий взгляд президента.

Тотчас все делегаты навалились, даже инвалид колесом наехал на башмак. Налетела прочухавшаяся охрана.

Одинаковые молодчики, пятеро, волокли Ваню по лестнице черного хода, и голова его стучала о ступени, отзываясь горячей болью и кашлем взахлеб.

Он отключился.

Ваня полулежал в пустой камере. Один в черной камере, на узкой скамье, с отсыревшим бинтом, грубо, в три слоя обнявшим голову. Перед глазами плыли глянцевые радужные круги, похожие на капли нефти, и строго горели «колобки». Ваня окрестил их «колобками», как увидел, — эти идеально круглые отверстия в кованых железных дверях. «Колобки» были наполнены ярким электричеством коридора, но в камере все равно правил мрак. Сколько прошло времени? Полчаса? Сутки? Врача бы... Врача? Да, таблетку и пить. Воды попить. Брюки спадают, пустые — без ремня, без мобильника, без паспорта.

Впереди был морок. Допросы. Крушение карьеры. И новое битье? Тюрьма? Психушка? Вспышка диковинной славы? И нищета, паскудная нищета... Кстати, где это он, — в карцере Кремля?

А что — президент? Помер? Упал с переломанными конечностями? Теперь потеряет власть?

Ваня прислушался.

— Але-гоп! УВД Китай-Город слушает! — Развинченный голос. — Нет. Зеленковича набери. Добавочный: восемь восемь. — Трубку плюхнули на рычаг.

— Сень, дай радио погромче, — раздался окрик.

— ...народной воли в Георгиевском зале Кремля, — услышал Ваня динамичную жвачную дикторшу и узнал голос своей жены Кати. — В ходе круга также были обсуждены вопросы скорейшего внедрения нанотехнологий. Президент обстоятельно рассказал собравшимся о планах на ближайшие годы. Генеральный план — сохранение стабильности. Не обошлось и без забавного инцидента. Один из двенадцати гостей, — он олицетворял на встрече молодежь, — не смог сдержать бурного восторга и приветствовал главу государства радостным криком, свистом и аплодисментами. Президент охладил пыл не в меру рьяного поклонника, призвав его соблюдать этикет. Екатерина Соколова, «Русская Служба Новостей».

— Наш что ли гаврик, а? — Развинченный голос.

— А то! Отсыпается! Нервный припадок, блин!

— Я не хлопал... — с ужасом забормотал Ваня. — Я не хлопал... Я не, — он с трудом выговорил это слово, — аплодировал...

И вдруг ему за одну секунду сделалось ясно, что больше он не чародей. А был ли он чародеем раньше? Или это все грезы, удлиненное детство? Бывает так, детская блажь затягивается, сжирает жизнь и вот уже сталкивает тебя лоб в лоб с твоим каменным надгробием. «Я ничего не умею, — подумал Ваня. — Я — придурок избалованный». Свист и визг, и щелчок зубами, и драгоценное заклинание: «Рамэламурамудва», — это самовнушение. Он с болезненным воодушевлением стал перебирать житейские истории, вспоминая, как всякий раз постфактум уверялся в своей причастности к тому или иному событию. Все чудеса были только совпадениями.

Он слышал чужую бессонницу просто потому, что сам в поздний час не спал. Соседский мальчик умер от прививки, а не от мокрого свиста на дворе. Слесарь сам по себе застрял головой под ванной. А Ванин свист под стенами Министерства обороны? С чего ему втемяшилось, что именно этот свист вызвал распад страны? Но ведь губернатор говорил про микро-землетрясение внутри военного ведомства. «А уверен ли я, что он не нес застольную парашу? И причем тут я?» — спросил Ваня. На даче тараканов вывела мама — порошком. А не накручивал ли он себя, вообразив, что причастен к сносу памятника Дзержинскому, к выстрелам по Белому дому и переломам костей разных людей, пересекавших его жизненную дорожку? А болезни, настигавшие его обязательно после очередного «чуда»? Может быть, это мания воздаяния, которая воплощалась насморком, горловой болью, однажды даже воспалением легких...

Но — получается: слишком много совпадений.

Выходит, все-таки — волшебник?

Разве не удивительно хотя бы то, что именно ему («Мне, мне», — Ваня в темноте ткнул себя в грудь) выпало крамольное счастье — визжать и свистеть прямиком в румяную маску президентской физиономии.

Он слышал, как у ментов — там, где дежурный постоянно снимал трубку, хамски возглашая: «Але-гоп!» — радио пело песенку из детства, которую он в свое время не любил, почему-то она его бесила, а старые песни опять в цене. Слушай, Ваня, слушай...

Даром преподаватели
Время со мною тратили,
Даром со мною мучился самый искусный маг.
Мудрых преподавателей
Слушал я невнимательно.
Все, что ни задавали мне,
Делал я кое-как.
Да-да-да!

Юная Пугачиха, еще тонкоголосая, визгливая девчоночка, вертлявая егоза... «Вычислить путь звезды, / И развести сады, / И укротить тайфун — / Все может магия...»

Песенка мальчика-волшебника.

«А как там моя жена? Выберусь отсюда — помиримся. Обвенчаемся. Да-да-да!»

Он ощутил, что не собирается заболеть после эксцесса. Кашель куда-то делся, словно его вытрясли, пока сволакивали Ивана за ноги по лестнице власти. И еще чего-то не было. Сердце колотилось мерно. Ваня прислушался к сердцу и обнаружил: из груди пропала змея цинизма. Змеи не было. Он уже не мог вспомнить, какой она была.

«Наверно, пропажа змеи — главное чудо моей жизни», — подумал Иван Соколов двадцати семи лет отроду.

От редакции

Приносим читателям «Континента» извинения за то, что не сумели выполнить наше обещание — напечатать вторую часть беседы с президентом Института экономического анализа А. Н. Илларионовым в этом номере. Работа над сложным и большим текстом этой части интервью — авторская и редакторская — заняла много больше времени, чем мы планировали, и была закончена только тогда, когда поставить материал в номер уже не позволяли производственные условия. Окончание беседы с А. Н. Илларионовым будет напечатано в следующем номере. Пользуемся также возможностью принести наши извинения за досадную опечатку, вкравшуюся в текст первой части интервью, напечатанной в № 134: на странице 108 всюду, где стоит «2004 год» следует читать «1994 год».

Александр МИШУЛОВИЧ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

Размышления над книгой Дж. Голдберга «Либеральный фашизм»

Ах, как шаг мы печатали браво,
Как легко мы прощали долги,
Позабыв, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

А. Галич

Америка всегда удивляет. Заморский гость, в детстве гонявший мяч во дворе, будет сильно озадачен американским футболом. Ведь слово «футбол», как известно, происходит от слова *foot*, т. е. нога, а играют в него в Америке чем угодно, только не ногами. Так же и в американской политике: тут водораздел проходит не между буржуазией и пролетариатом, даже не между двумя главными партиями, а между консерваторами и либералами. И опять слова эти означают совсем не то, к чему он, заморский гость, привык.

«Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля» дает такое определение:

Александр МИШУЛОВИЧ — родился в 1937 г. в Харькове. Окончил Харьковский политехнический институт и аспирантуру НИИ Цемента (Москва). Печатался под псевдонимом М. Александер в «Новом русском слове» и журнале «Весник», а также под собственным именем — в специализированных технических изданиях. С 1978 г. живет в США.

***Либерал**, политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; вообще, желающий большой свободы народа и самоуправления.*

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона говорит примерно то же, но подробнее:

***Либерализм**, направление в политике, противоположное консерватизму, стремление к реформам и организации государства и общества на началах свободы личности, свободы от притеснений, налагаемых церковью, деспотизмом власти, полицейской регламентацией, обычаями и т. д. <...> Л. в экономической жизни выставляет требование возможно полной свободы промышленной деятельности от вмешательства государства.*

Почему же тогда именно либералы (американские) хотят все больше вмешательства государства в жизнь общества? Даже самые благие их намерения — ликвидация бедности, бесплатная медицина для всех и т. д. — неизбежно ведут к ограничению свободы личности. Государство манипулирует налогами, чтобы по своему усмотрению перераспределять доходы. Мелочно регулируются экономические отношения. Раздувается бюрократический аппарат. И, не в последнюю очередь, создается прослойка общества, которая целиком находится на государственном иждивении. Где же тут, спрашивается, эта самая *liberty*, свобода, которая названа в Декларации Независимости одним из Богом данных прав человека?

А на другом полюсе — консерватизм, то направление в политике, которое, по определению Брокгауза, противоположно либерализму. Но сегодня именно консерваторы стоят за максимальную свободу — за ограничение функций правительства, за свободную рыночную экономику, облегчение налогового бремени и укрепление индивидуальных прав, включая право частной собственности. Для консерватора Рональда Рейгана «правительство — это проблема, а не решение».

Левая, правая — где сторона?

Американский журналист Дж. Голдберг посвятил свою книгу исследованию корней и эволюции американского либерализма. Она озаглавлена так: «Либеральный фашизм: Тайная история американских левых от Муссолини до "политики со значением"»*. Голдберг — видный журналист среднего поколения (ему 38 лет), один из редакторов журнала *National Review*, его статьи печатаются в газетах *USA Today, Wall Street Journal, Chicago Tribune*, журналах *New Yorker, Commentary* и др. Больше трех месяцев эта книга была в самом верху списка бестселлеров и вызвала множество отзывов в печати — от хвалебных до уничтожающих. Что такое «либеральный фашизм» — бессмыслица, вроде деревянного железа? Или грубая клевета на силы прогресса?

Оказывается, нет. Этот термин был выдуман Гербертом Уэллсом, уважаемым писателем безукоризненно прогрессивных взглядов.

Давно уже стало привычным делить политиков на левых и правых. Вначале такое разделение пришло из британского парламента: правящая партия сидела справа от спикера, оппозиция — слева. Потом появились нюансы — некоторые правые оказались правее других, а некоторые левые — слева от

* Liberal fascism: The Secret History of the American Left. From Mussolini to the politics of meaning, by Jonah Goldberg, Doubleday, 487 p., New York (2007).

прочих левых. Выстроилась этакая политическая шеренга: на левом фланге — коммунисты, потом всякие социалисты, потом либералы, потом консерваторы. А на дальнем правом краю — фашисты.

В своей книге Голдберг подвергает этот стереотип глубокой ревизии. Для него важен другой критерий: как данное политическое движение трактует взаимоотношения между индивидуальной свободой и государством. Тогда на одном полюсе оказываются сторонники полной свободы от правительственного вмешательства (*libertarians,* по американской терминологии), а на противоположном — те, кто хотят общества, которое сверху донизу, во всех аспектах жизни, контролируется правительством. Крайнее выражение такой позиции Голдберг видит в фашизме. Он трактует фашизм прежде всего не как государственную систему, а как некую квази-религию. Фашисты в Италии, Германии, Испании, России, Китае не сходятся во многом. Но объединяет их пренебрежение к отдельной личности в пользу культа сообщества: народности, нации, государства, расы. Поэтому-то фашистские движения так часто становятся на путь шовинизма, милитаризма, государственной централизации, безоговорочного подчинения вождям.

Фашизм, напоминает Голдберг, — это не специфически «правое» явление. Так же, как и коммунизм, он зародился из утопического ви́дения и несбыточных мечтаний о переделке мира. Исторически он всегда был связан с «левой» идеологией. Но Голдберг идет дальше. Он видит идейное родство между фашизмом, коммунизмом и современным американским либерализмом. Это не значит, подчеркивает он на одной из первых страниц книги, что каждый либерал — это фашист. Но указать на такое родство — это значит предостеречь против опасных тенденций в демократическом обществе.

Тут читатель вправе возмутиться: как же так, уж мы-то хорошо знаем, что такое фашизм! А так ли уж хорошо? В сознании всех людей понятие фашизма неразрывно связано со зверствами гитлеровцев, — в частности, с уничтожением шести миллионов евреев. Но Сталин еще раньше использовал фашизм как ярлык, которым клеймил не только Муссолини с Гитлером, но и Троцкого с Бухариным, и Черчилля, и кулаков. И в 1946 году Джордж Оруэлл заметил (в эссе «Политика и английский язык»), что "слово фашизм сейчас уже потеряло всякий смысл и стало означать просто «нечто нежелательное"». Так что хотя бы в одном трудно не согласиться с автором — многие слова в нашем политическом словаре заслуживают свежего взгляда.

* * *

Давайте вспомним, что мы знаем из истории. В июле 1912 года на съезде в Реджио Эмилиа Итальянскую социалистическую партию возглавил Бенито Муссолини. Блестящий оратор, знаток не только марксистской теории, но и классической философии от Канта до Ницше, в свои 29 лет он был уже признанным вождем радикального крыла наиболее радикальной социалистической партии Западной Европы. Ленин в корреспонденции для «Правды» писал: «Партия итальянского социалистического пролетариата выбрала верный путь». Муссолини роднили с Лениным вера в историческую роль классовой борьбы и неприятие буржуазной демократии (Ленин похвалил Муссолини за отказ участвовать в «буржуазно-реформистском»

правительстве Джолитти). А главное, оба они видели партию как организованный передовой отряд, который принесет пролетариату революционное сознание и поведет его в окончательной битве с буржуазией.

Первая мировая война расколола мировое социалистическое движение. Волна шовинизма захлестнула Европу. Хорошо чувствуя настроение масс, Муссолини выступил в поддержку войны. Война, писал он, ведется против реакционных германской и австро-венгерской империй, ради освобождения угнетенных народов и будущей социалистической революции в «истинно пролетарской» Италии. Расставшись с социалистами, в марте 1919 Муссолини основал новую партию, которую назвал фашистской. Платформа партии призывала к введению 8-часового рабочего дня, минимальной зарплаты и прогрессивного налога; реформе пенсионной системы; национализации военной промышленности и экспроприации земельной собственности; отмене дворянских титулов; созданию системы государственных школ. Чем не социализм?

Италия после Мировой войны была бедной, плохо управляемой страной. Национализм фашистов — в отличие от традиционного социализма — был рассчитан на то, чтобы привлечь недовольных из всех социальных классов — рабочих, студентов, демобилизованных солдат, городскую буржуазию. Фашистские «команды действия» были лучше организованы, чем раздираемые спорами старомодные социалисты. В октябре 1922 года Муссолини уже смог направить в марш на Рим 40 тысяч своих сторонников. 29 октября слабый и трусливый король Виктор Эммануэль назначил «дуче» премьер-министром.

Поначалу новый режим вел себя вполне пристойно. Муссолини не разогнал парламент, не создал тайную полицию. Пресса была свободной. Правительство навело порядок в работе почты и железных дорог. Снизилась преступность, даже сицилийская мафия подверглась преследованиям. Стабилизировалась экономика, росла новая промышленность, осушались болота на юге.

Но логика диктатуры брала свое. «Чернорубашечники» развязывали террор против оппозиции — реальной или вымышленной. Кульминацией стало убийство социалистического депутата Маттеотти. 3 января 1925 года Муссолини объявил о переходе к «фашистскому строю». Оппозиционная пресса была запрещена, депутаты оппозиции интернированы. Фашистский Большой Совет стал государственным органом. Была принята целая серия «фашистских законов». В центре этой идеологии причудливо сочетались национализм и «синдикализм», идея рабочего управления промышленностью. Но главное в фашизме — это культ тоталитарного государства (термин, выдуманный самим Муссолини). Отсюда формула нового строя: «Все в Государстве, ничего вне Государства, ничего против Государства». Фашизм ставит государство выше отдельной личности, единогласие выше дискуссии, социализм выше капитализма.

* * *

Если в Италии послевоенная разруха была главным источником массового недовольства, в побежденной Германии к этому примешивалось чувство национального унижения. После военного поражения и отречения от

престола кайзера Вильгельма II Германия находилась на грани анархии. Коммунистический Союз Спартака организовал мятеж в Берлине. В полуавтономной Баварии коммунисты установили недолго прожившую «советскую республику». Эти попытки были жестоко подавлены силами полувоенных организаций бывших фронтовиков. Когда те же организации попытались свергнуть правительство республики во главе с социалистом Эбертом, этот путч захлебнулся. Но террор, развязанный вооруженными бандами «красных» и «белых», продолжался.

Демобилизованный унтер-офицер Адольф Гитлер впервые появился на собрании Германской рабочей партии в мюнхенской пивной «Хофбраухауз» 16 октября 1919 года. Обсуждался доклад левого популиста, экономиста-самоучки Готтфрида Федера. Тема: «Как и какими средствами уничтожить капитализм». У Гитлера были свои идеи о будущем Германии. Германская рабочая партия показалась ему несерьезной организацией — так, чем-то вроде дискуссионного клуба. Но у него было чутье. Он немедленно понял, что, антикапиталистическая и националистическая демагогия — это то, что может привлечь массы. И год спустя Гитлер был уже лидером партии, переименованной в Национал-социалистическую Германскую Рабочую Партию (НСДАП). Его выдвижению способствовали ораторские способности, организаторский талант и поддержка националистических военных кругов.

Случайно ли появление этого странного словосочетания — национал-социализм?

Социализм в той или иной форме давно уже был частью германской политической культуры. Еще Бисмарк, вводя самое прогрессивное по тем временам рабочее законодательство, говорил о «социализме сверху» — в противовес социализму Второго Интернационала. В 1917 году генерал Людендорф, по сути военный диктатор, ввел в стране «военный социализм». Эта система означала тотальный контроль экономики, в том числе использование принудительного труда в виде «трудовых батальонов».

Конечно, радикальные идеи, популярные в массах, призывали совсем к иному социализму. Грегор Штрассер, один из ранних идеологов нацизма, говорил: «Мы социалисты. Мы враги, смертельные враги сегодняшней капиталистической экономической системы». Для многих, испытавших ужасы мировой войны и послевоенные лишения, социализм в самых крайних формах казался наилучшей альтернативой капитализму. Будет ли это марксистский социализм коммунистов или национальный социализм НСДАП — этому вопросу предстояло решаться в пропагандной войне и кровавых уличных стычках.

Как и у итальянских фашистов, национализм был тем, что могло объединить все классы. Горечь поражения на фронте усугублялась подозрениями в предательстве, совершенном в тылу. И тут на первый план стал выходить традиционный антисемитизм, который всегда был недалеко от поверхности в германском общественном сознании. Конечно же, евреи были виноваты во всем, что случилось в Германии: евреи-капиталисты развязали войну, евреи-политики предали германскую честь, заключив унизительный мир. И евреи-коммунисты боролись с оружием в руках, чтобы отдать Германию в лапы мирового еврейского большевизма.

В августе 1920 года Гитлер выступил с двухчасовой речью в той же мюнхенской «Хофбраухауз». С самого начала он провозгласил, что цель его партии — «освободить вас от власти евреев». И закончил призывом: «Народы Европы, освободите себя! Антисемиты всех стран, соединяйтесь!»

Сейчас трудно даже представить себе, что вокруг такого можно построить партийную платформу. Но недаром говорил Август Бебель: «Антисемитизм — это социализм дураков». Заметим, что национализм был также базой идеологии Муссолини, но в Италии вообще и в итальянском фашизме в частности антисемитизм как фактор отсутствовал.

Главный принцип платформы нацистов, — Гитлер был ее соавтором, — заключался в том, что «общее добро важнее личных интересов». Помимо призывов к национальному единству и осуждения версальского мира, платформа выдвигала привычные социалистические или популистские цели: конфискация военных прибылей, национализация трестов, запрещение детского труда, участие рабочих в прибылях, система пенсий и т. д. В общем, это мало чем отличалось от программы итальянских фашистов. Как, впрочем, и от платформы коммунистов: то же обращение к «классово сознательному пролетариату», отрицание капитализма, либеральной демократии, религии и «реакционных сил». Все чаще коммунисты и нацисты голосовали в рейхстаге вместе — против «буржуазного» центра. И те, и другие конкурировали друг с другом, борясь за поддержку одних и тех же слоев обшества. Главная разница была между национализмом гитлеровцев и интернационализмом коммунистов, а не между их экономическими планами. Дитрих Эккарт, один из ранних соратников Гитлера, даже писал сочувственно о «немецком большевизме» — как антитезе «еврейского большевизма». В свою очередь, Карл Радек уже в 1923 году говорил о нацизме как о «мелкобуржуазном социализме».

В отличие от интеллектуала Муссолини, у Гитлера не было цельного мировоззрения. Он читал множество литературы — от «Капитала» Маркса (хотя считал его частью всеобщего еврейского заговора) до классиков «научного» антисемитизма и расовой теории. Он менял свою позицию в угоду политическим требованиям момента, но неизменной оставалась его вера в свою роль как вождя и в превосходство арийской расы. Последнее отличало его от Муссолини.

В начале своей карьеры Гитлер отдавал должное Муссолини, но вовсе не считал себя его единомышленником. В «Майн кампф» он лишь раз упоминает фашизм, причем в довольно любопытном контексте: «Появление новой и великой идеи было секретом успеха Французской революции. Русская революция обязана своим триумфом идее, и только идея позволила фашизму привести целую нацию к полному обновлению». (Как видим, это не так уж далеко от знакомого: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами».)

Иными словами, нацизм и фашизм не тождественны. Но объединяют их идея нации, управляемой сверху, и культ диктатуры государства и партии. При этом они не пытались вернуться к старому, уже разрушенному строю (что по определению ожидается от реакционеров), а создавали строй новый, ранее не виданный. Поэтому-то Голдберг, как и многие историки (от

консервативного Д. Пайпса до марксиста Дж Лукача), утверждает, что и фашизм, и нацизм — это не реакционные, ультраправые движения, а скорее плод извращения передовых «левых» идей, уже существовавших в общественном сознании.

* * *

Все вышесказанное достаточно хорошо известно и без книги Голдберга. Предметом споров делает его книгу тезис об идейной связи фашизма и либерализма (в американском понимании).

Вернемся к началу XX века. В это время *передовые* идеи уже завоевывали признание по обе стороны Атлантики. Казалось, что противостоять анархии капиталистического строя с его эксплуатацией, властью монополий, хищническим отношением к природе может только общество, построенное на некой разумной основе. Революционные перемены в послевоенной Европе открывали перспективы такой коренной реорганизации.

Идеи тотального управления обществом не были выдуманы ни прогрессивными мыслителями этой эпохи, ни тем более фашистами. По мнению Голдберга, они уходят корнями в традиции якобинцев времен Французской революции. Но не заглянуть ли дальше в глубь веков? Как преодолеть несовершенство человеческой натуры — об этом задумывались еще мыслители древности. В идеальном городе Каллиполис, придуманном Сократом, обществом управляют философы, а прочие граждане, лишенные нужных знаний, добровольно этому подчиняются. Идея рационального, управляемого сверху общества развивалась затем Платоном, Томасом Мором (давшим нам слово «утопия»), Кампанеллой и т. д. вплоть до французского утопического социализма, ставшего, по словам Ленина, одним из источников марксизма.

Герберт Дж. Уэллс был известен не только как автор «Человека-невидимки» и «России во мгле». Активный член английского социалистического движения, он всегда был близок к революционным идеям. Его теория звала к «открытому заговору» авторитарной элиты, способной возглавить общество. Коммунистические и фашистские движения несли в себе многие качества, которые Уэллс хотел видеть в авангарде общества. И в 1932 году, выступая в Оксфорде перед студентами-членами Либеральной партии, он сказал: «Нам нужны либеральные фашисты, просвещенные нацисты». Демократию, говорил он, должна сменить новая форма правления, которую он назвал либеральным фашизмом и при которой, «как Феникс из пепла, возродится либерализм».

Дж. Бернард Шоу получил Нобелевскую премию в 1925 году и, как часто бывает, ничего существенного больше не создал. Его прославленное мастерство парадокса вырождалось в самокарикатуру. Будучи с самого начала поклонником Муссолини, он провозгласил Сталина и Муссолини «самыми ответственными государственными деятелями в Европе». В 1931 году Шоу провел несколько дней в СССР. Встретившись со Сталиным и посетив образцово-показательный лагерь ГУЛАГа, он говорил, что хотел бы прожить остаток своих дней в «самой счастливой стране на земле». А вскоре он уже объявил о своей симпатии к нацистам, потому что Гитлер «оп-

роверг Карла Маркса, чтобы стать под знамя Бернарда Шоу» (скептическое отношение к Марксу он разделял с Уэллсом и прочими английскими «фабианскими» социалистами). Хотя, по мнению Шоу, Гитлер был чересчур терпим по отношению к капитализму, Шоу считал его человеком «железных нервов и фанатических убеждений».

Мечты о перестройке общества естественно сочетались с идеями улучшения человеческой натуры. Уэллс, биолог по образованию, был увлечен модной тогда евгеникой. Почему бы образованной элите не вмешаться в анархический процесс естественного отбора и не подбирать супружеские пары на научной основе? Собственно, то же самое предлагал еще Кампанелла в «Городе солнца». Уэллс не мог знать о будущих экспериментах одержимого «чистотой крови» Гиммлера. Вряд ли знал об этом и Бернард Шоу. Но в 1938 году он писал Беатрисе Уэбб, основательнице фабианского движения: «Я думаю, мы должны затронуть еврейский вопрос, признав право государства вести евгенические эксперименты для устранения нежелательной наследственности».

А как же Америка?

Как пишет Голдберг, предшественниками американских либералов были «прогрессивисты» начала XX века. Так называемое прогрессивное движение в Америке стремилось к усилению роли государства в жизни страны. Конечно, идеи эти развивались до Муссолини, но во многом питались теми же философскими источниками (в том числе философией Гегеля и Ницше). В мирное время достижения этого движения ограничивались реформами, многие из которых действительно были прогрессивными в самом широком смысле слова — такие, как меры по защите природы, охране труда, введение санитарного контроля в пищевой промышленности. Но вступление США в европейскую войну резко изменило политический климат в стране. Оно было делом рук прогрессивного президента, демократа Вудро Уилсона и почти единодушно принято «на ура» традиционно пацифистским прогрессивным движением.

Дух милитаризма охватил страну. Мировая война была тем кризисом, который мог оправдать отказ — хоть и временный — от всех привычных американских демократических норм. Неожиданно милитаризация распространилась на всю жизнь нации. Война была объявлена источником моральных ценностей. Сам Уилсон говорил о «множестве великолепных вещей, которые даст нации военная дисциплина». Военная дисциплина стала в глазах многих интеллектуалов моделью для рациональной реорганизации общества. Ведущий прогрессивный философ Дж. Дьюи призывал американцев «отказаться от многих из наших экономических свобод... Мы должны отложить в сторону наш индивидуализм и маршировать в ногу». Был организован Совет Военной Промышленности, взявший на себя функции контроля экономики по образцу германского «военного социализма». Вновь созданные правительственные организации вели милитаристскую, шовинистическую пропаганду. В стране, никогда не знавшей политической цензуры, инакомыслие стало подавляться полицейскими мерами.

Голдберг называет администрацию Уилсона «первым фашистским правительством». Это — явное преувеличение. Ни Уилсон, ни его соратники не

думали покуситься на основу американской политической системы — представительную демократию. И в строгом соответствии с Конституцией, в первый вторник после первого понедельника ноября 1920 года Америка избрала нового президента, республиканца Уоррена Хардинга. Страна возвращалась к нормальной жизни, начинался экономический бум, длившийся до конца 20-х годов.

Но внимание «прогрессивистов» привлекали новые режимы в Европе. Журналист Линкольн Стеффенс прославился до войны своими разоблачениями хищничества капиталистов и коррупции в государственном аппарате. Еще в 1919 году он посетил Советскую республику и объявил: «Я побывал в будущем, и оно работает!» Как же мог он не оценить достижения Муссолини, с его пресловутыми «поездами, которые стали ходить по расписанию»? И вскоре Стеффенс пишет: «Бог создал Муссолини из ребра Италии». Что бы эта туманная метафора ни значила, он приходит в восторг от «русско-итальянского эксперимента». Духовная связь большевизма и фашизма была для него бесспорна.

* * *

Из идеологии прогрессивизма выросло мировоззрение Франклина Д. Рузвельта и окружавших его интеллектуалов, так называемого «мозгового треста». Рузвельт стал президентом в 1933 году, во время нового кризиса, когда Великая Депрессия прервала десятилетие послевоенного процветания. Сомнения в жизнеспособности капитализма, стремление к поиску «третьего пути» вели к рузвельтовскому Новому Курсу с его упором на централизованное планирование экономики и правительственный контроль рынков. Тогда-то Рузвельт и ввел понятие либерализма в новый политический контекст. Он заявил, что либерализм означает «изменившееся представление о долге и ответственности правительства по отношению к экономической жизни». Впрочем, к этому время само понятие уже утрачивало свое первоначальное значение. В 20-е годы *Нью Йорк Таймс* (сегодня — самая «либеральная» из ведущих газет страны) уже писала об «экспроприации слова “либерал” красно-радикальной школой мысли» и требовала «вернуть это слово его законным владельцам». Как показало будущее, либерализм стал по сути неотличим от западноевропейского социализма.

Правительство решило взять на себя заботу о «маленьком человеке». Чтобы занять тех, кто в результате промышленного спада оказался без работы, администрация развернула невиданную ранее программу работ, которые финансировались казной, — не только строительство дорог, плотин и, между прочим, военных кораблей и самолетов, но и «проекты», платившие писателям, художникам, историкам за идеологически правильные труды. Как грибы после дождя, стали возникать новые правительственные агентства для руководства разными сторонами экономической жизни. Около двух с половиной миллионов молодых людей были заняты в одном только Гражданском Корпусе Защиты Природы (CCC). Большей частью это была мирная «армия лесников», занимавшаяся уходом за лесом и подобными работами. Но набирались «лесники» через систему военных вербовочных пунктов

и одеты были в армейскую форму из запасов Первой мировой войны. Размещались они в военизированных лагерях и подчинялись воинской дисциплине. Все это было очень похоже на такие же «корпуса», организованные нацистами в Германии. Снова милитаризм сливался с прогрессивной или либеральной политикой.

Экономическая политика Нового Курса поставила с ног на голову все нормы рыночной экономики. Торговля сельскохозяйственными продуктами регулировалась Вашингтоном. Чтобы поддержать искусственно высокие цены, якобы в интересах фермеров, правительство платило за уничтожение зерна нового урожая. Всю страну облетело дело братьев Шехтер, отданных под суд за... продажу цыплят дешевле, чем требовала бюрократическая система цен. А в это время миллионы безработных голодали, потому что продукты были им не по карману. Многие предприятия были уже готовы нанять их на работу, но не могли себе позволить платить завышенные зарплаты, установленные правительством.

Централизация власти в руках федерального правительства неизбежно вела к возвеличиванию роли того, кто стоял на вершине пирамиды, — самого президента. На эмоциональном уровне отношение масс к отцу Нового Курса иначе, как культом личности, не назовешь. Наряду с личным обаянием Рузвельта этому способствовала почти единогласная поддержка, оказанная ему интеллигенцией. Впервые в американской практике он, со своими еженедельными «беседами у камина», обратился к радио как средству пропаганды. (Кстати, Гитлер приписывал радио половину своего успеха.)

Какими моделями руководствовалось правительство, взявшее курс на отказ от американской традиции свободного предпринимательства и независимого местного самоуправления?

Рексфорд Г. Тагуэлл, один из архитекторов рузвельтовской экономической политики, посетил СССР, встречался со Сталиным и пришел в восторг от советской системы. Он даже попытался (без большого успеха) открыть в Америке что-то вроде совхоза. Впрочем, нравилась ему и другая революционная система. «Фашизм, — писал он, — это самая чистая, эффективно работающая социальная машина». Восторженным поклонником Муссолини был и генерал Хью Джонсон, глава Национальной Администрации по Восстановлению (NRA) — важнейшего агентства Нового Курса.

Г. Дж. Уэллс так оценил программу Рузвельта: «Новый Курс — это попытка осуществить действующий социализм. Он чрезвычайно близок к политике и планам русского эксперимента». В сознании либеральных интеллектуалов фашистская и коммунистическая системы вовсе не были несовместимы. И не только либеральных. В годовщину вступления в должность Рузвельт получил поздравления от... Адольфа Гитлера. Рейхканцлер нашел родство между планами Рузвельта и его собственной программой восстановления экономики Германии. Справедливости ради надо сказать, что последняя была более успешной, чем Новый Курс. Америка так и не смогла выйти из депрессии до самого начала Второй мировой войны.

Бесспорно, Рузвельт был убежденным противником гитлеризма. Именно он ввел Америку в войну против нацистской Германии, — и кто, как не мы, должны быть ему за это благодарны. Но многое в рузвельтовском либера-

лизме должно настораживать. Никто до него не выдвигал себя в президенты четыре раза: это шло вразрез с демократической традицией, установленной Дж. Вашингтоном, первым президентом, — традицией, позднее узаконенной XXII поправкой к Конституции. Только американская система разделения власти ограничивала попытки Рузвельта выйти за пределы своих законных полномочий. Верховный Суд отменял многие решения администрации как неконституционные. Когда Рузвельт захотел расширить состав Верховного Суда за счет своих надежных сторонников, Конгресс ему это не позволил. Рузвельт, как никто до него, усилил роль правительства в стране. Но стать диктатором он не мог.

* * *

Конечно, симпатии либералов к фашизму не могли продержаться долго. И Муссолини, и Гитлер довольно скоро — к середине 30-х годов — показали миру свое истинное лицо. И тут произошла неожиданная метаморфоза. Желая откреститься от былого увлечения фашистскими идеями, левая интеллигенция объявила фашизм крайне правой, «наиболее реакционной и террористической формой диктатуры финансового капитала» — и, следовательно, радикальным продолжением идей консерватизма. А консерватизм, как мы уже знаем, есть не что иное, как противоположность либерализма. Так сложилась легенда о полярной противоположности фашизма и либерализма.

Легенда эта хорошо вписывалась в общую линию коммунистической пропаганды. Сталин хотел, чтобы Европа забыла о его экономическом сотрудничестве с фашистской Италией, об альянсе Красной Армии с рейхсвером в обход ограничений Версальского договора. Быть признанным членом левого крыла мировой политики соответствовало его новому курсу антифашистского «народного фронта». Поддержка либеральной интеллигенции означала, что мировое общественное мнение вскоре закроет глаза на массовые репрессии 30-х годов и последует за Сталиным через все зигзаги советско-германских отношений. Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер, Андре Жид будут в числе многих левых деятелей культуры, посетивших его в Кремле. Бернард Шоу выдвинет его на Нобелевскую премию мира. И возникнет газетная формула «Советский народ и все прогрессивное человечество».

* * *

Сегодняшний американский либерализм не только унаследовал многие идеи либералов старой школы, но и впитал более поздние политические веяния. Как отмечает Голдберг, и Ленин, и Муссолини, и Гитлер возглавляли движения в первую очередь милитаристические, хотя и окрашенные либо «пролетарским интернационализмом», либо национализмом, либо расизмом. Нынешний американский либерализм в первую очередь пацифистский. Многие из его деятелей были антивоенными активистами времен войны во Вьетнаме. Другой источник либерального движения — это борьба за гражданские права меньшинств в 60-е годы. К этому примешались разнообразные идеи — и феминизма, и сексуальной революции, и всевозможные

левые влияния, вплоть до Мао и Че Гевары. И конечно, неизменная антикапиталистическая риторика.

Легко заметить, чего не хватает в этом коктейле, чтобы назвать такую идеологию чисто фашистской: идеи диктатуры. Американский либерализм стоит на твердом демократическом фундаменте даже тогда, когда принципы демократии используются для вовсе не демократических целей.

Новый виток либеральной политики начался с приходом к власти администрации Кеннеди — Джонсона. До сих пор как образец красноречия цитируются слова Кеннеди: «Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас. Спрашивайте, что вы можете сделать для вашей страны». Такой призыв к самопожертвованию вполне мог бы прозвучать в устах любого тоталитарного вождя, с их культом Государства, Партии или *Vaterland*'а.

Впрочем, через полгода после убийства Кеннеди Джонсон уже говорил о том, что именно «страна может сделать для вас». И никто не мог бы отрицать, что цель его была по-настоящему благородной. «Для вас» означало в первую очередь для тех, кто больше всего нуждался в помощи правительства. Не зря Джонсон начинал свою политическую карьеру под крылом Рузвельта. Великое Общество, — так назвал он обещанную утопию, — будет основано на изобилии и свободе для всех. Оно, говорил Джонсон, «положит конец бедности и расовой несправедливости... каждый ребенок найдет знания, обогащающие его ум и талант... отдых будет временем для созидания и размышления... города будут служить стремлению к красоте и общению». И т. д., и т. п.

Конечно, Джонсон признавал, что пути к такому раю на земле были пока неясны. Поэтому были созданы около пятнадцати комитетов для изучения вопроса. И вскоре одна за другой стали возникать программы помощи различным группам населения — бедным, меньшинствам, матерям-одиночкам. Из них и выросла система, известная в просторечии как *Welfare*, т. е. благосостояние. А с нею — и целая философская школа культа правительства-няни, которое заботится о своих подданных от колыбели до могилы. Именно всеохватывающая и всепроникающая роль правительства, по мнению Голдберга, и роднит либерализм с классическим фашизмом.

Декларация Независимости в 1776 году провозгласила стремление к счастью одним из фундаментальных прав человека. Но вопреки американской традиции — добиваться успеха своими силами — все больше людей стали рассчитывать, что счастье будет доставлено прямо на дом добрым правительством. Социальные последствия этой системы привели к легко предсказуемым пагубным последствиям. Вырос целый класс населения, живущий на правительственные подачки в виде денежных выплат и дешевого жилья. Количество детей, рожденных вне брака и растущих вне нормальной семьи, достигло катастрофического уровня, что привело уже к потомственной зависимости от правительства. Начиная с 1964 года, преступность росла примерно на 20% в год. Иждивенчество настолько въелось в национальную психологию, что даже для консервативных политиков посягнуть на *Welfare* означало бы политическое самоубийство.

Родительская забота правительства всегда имеет и свою оборотную сторону — контроль за каждым шагом общества. Некоторые вещи могут

показаться просто смешными. Так, забота о здоровье населения проявилась в истерическом крестовом походе против курения, вызывающем в памяти первую в истории противотабачную кампанию Гитлера. Да, природные ресурсы надо охранять. И Конгресс Соединенных Штатов (!) принимает закон об ограничении размера сливных бачков в туалетах шестью литрами.

Но если бы только этим дело и ограничилось. Работу промышленности в большой степени тормозят экологические нормы и правила, часто лишенные научной базы и экономического смысла. Права трудящихся тоже нуждаются в защите. Но трудовое законодательство постепенно свелось к капитуляции перед профсоюзами не только в промышленности, но и в общественном секторе, например, в школьной системе. Именно учительские профсоюзы больше всего ответственны за плачевное состояние среднего образования в стране. Так и стремление покончить с расовой дискриминацией привело к принудительным квотам при найме на работу, приеме в университеты и даже назначении на высокие посты в корпорациях — к своего рода дискриминации наоборот. Под маркой так называемой «политической корректности», чтобы не обидеть любые меньшинства — расовые, этнические, сексуальные, — зачастую ограничивается свобода устного и печатного слова.

Либералы стремятся свести все проблемы общества к бедности. Отсюда решение всех проблем: больше тратить на «войну с бедностью» (кстати, еще одна военная метафора). А средства берутся из одного источника — налогов. Смещая налоговое бремя на плечи более состоятельных граждан, налоговая система неизбежно подавляет стимулы для экономического роста.

Как называть такую систему: системой победившего либерализма? Или социализма? Голдберг использует термин Г. Дж. Уэллса, вынесенный в заглавие книги. Книга эта — в первую очередь полемика с теорией и практикой целой системы взглядов и течений, объединенных общим понятием либерализма. Исторический фон для него — это линза, через которую он рассматривает идейные корни этого явления. И полемический азарт иной раз толкает его на сомнительные сравнения. Но тем не менее многие увиденные им параллели не могут не тревожить людей, живущих в демократическом обществе.

Вот типичная фигура современного «либерального фашизма» — Хиллари Клинтон. Источниками ее мировоззрения были, казалось бы, несовместимые влияния — левый активизм методистской церкви, радикальный социализм чикагского профсоюзного организатора Сола Алинского, а позднее — полумистическое учение «политики со значением», приписывающее государству ведущую роль в духовном возрождении общества. В молодости она выступала в поддержку самых воинственных течений левого крыла, включая негритянскую расистскую группу «черных пантер». Но где ее взгляды проявились с пугающей ясностью — это ее деятельность «в защиту детей». Ее статьи на эту тему показывают принципиальное желание ввести государство в сферу воспитания детей в семье. Противопоставляя детей и родителей, Хиллари Клинтон ратовала за «принятие государством родительских функций». Такого рода идеи, возможно, вытекают из искреннего желания творить добро. Но постороннего наблюдателя они неизбежно наводят

на мысль о тоталитарных режимах — вымышленных, как у Платона и Кампанеллы, или реальных, которыми так богато недавнее прошлое. Для всех этих социальных экспериментов воспитание нового человека всегда было задачей критической важности. Вспомним выступление Максима Горького перед зэками, выжившими на строительстве Беломорканала. Назвав тех, кто его слушал, «человеческим сырьем», он объяснил им, что таковое «обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево». «Черти драповые, — восклицал он восторженно, — вы сами не знаете, что сделали!»

Взгляды Клинтон выражены с наибольшей полнотой в ее книге «Нужна деревня...» Заглавие взято из африканской (скорее всего, мифической) пословицы: «Нужна деревня, чтобы вырастить ребенка». В изложении Клинтон, деревня — это воображаемый мир, где все друг друга любят и все друг о друге заботятся. Нет индивидуумов с их различными интересами и взглядами, — только полное единомыслие и «духовное сообщество, которое связывает нас с высшей целью». В нацистской мифологии такое уже было, и называлось оно *Volksgemeinschaft* — народное сообщество.

* * *

Куда более реалистически — и гуманно! — смотрит на взаимоотношения общества и личности классическая английская и американская школа философии, начиная от Джона Локка и Адама Смита. В естественном состоянии все люди равны и независимы. Никто не имеет права посягать на жизнь, здоровье, свободу и собственность другого человека. Люди могут и должны заботиться о своих личных интересах, и именно взаимодействие этих интересов, при всех их противоречиях, ведет к созданию здорового гражданского общества. И консервативное движение основывается на этих взглядах. Вот что пишет историк Томас Соуэлл: «Если под консерватизмом понимать веру в свободные рынки, ограниченное правительство и традиционную мораль, включающую влияние религии, то это именно то, чему в равной степени противились и фашисты, и сегодняшние левые». Фридрих фон Хайек, один из отцов современного консерватизма и Нобелевский лауреат, противопоставлял истинный либерализм любому тоталитаризму, включая социализм — дорогу к рабству, по выражению Хайека.

Что возвращает нас к вопросу о семантике. Противопоставление «реакционного» фашизма и «прогрессивных» течений на левом крыле мировой политики (включая, конечно, коммунизм) — это тот стереотип мышления, который стремится развенчать книга Голдберга. А ведь таких стереотипов много. В привычном понимании либерализм и демократия всегда имеют положительный смысл. Именно поэтому беспринципный политик охотно использует их как удобную, но бессодержательную этикетку. Или возьмите само понятие прогресса. Можно рассуждать об историческом процессе по Марксу. Можно даже приписать исторически прогрессивную роль, скажем, Ивану Калите или Ивану же Грозному. Но где в этой схеме поместить всю историю XX века? Когда на смену старым режимам, как угодно дряхлым и гнилым, пришел паноптикум деспотов великих и малых, разрушительные гражданские войны, десятки миллионов бессмысленных жертв — был ли

это прогресс? А революции, эти локомотивы истории? Вспомните хотя бы Французскую революцию. Четверть века террора и завоевательных войн залили кровью сначала Францию, потом всю Европу — и для чего? Чтобы установить конституционную монархию, на которую Людовик XVI был согласен еще в 1789 году.

Кто-то однажды заметил, что главный урок истории — это то, что уроков из истории никто не извлекает. И вот в феврале 2008 года (!) агентство Ассошиэйтед Пресс без тени иронии пишет о «марксистской» армии ФАРК в Колумбии:

«Мятежники, которые больше 40 лет сражаются за более справедливое распределение богатств Колумбии, финансировали себя в основном торговлей кокаином и захватом заложников для выкупа. Торговля наркотиками и похищения не улучшили их репутацию».

Нет, цель не оправдывает средства. Слишком дорого заплатило человечество за негодные средства в погоне за самыми благородными целями. И хочется закончить предостережением того же поэта, слова которого я поставил в эпиграф:

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: Я знаю, как надо!

Евгения ЩЕГЛОВА

ХРАНИТЕЛЬ СОВЕСТИ

Вл. Глинка. Хранитель. Статьи. Письма. Проза.

СПб.: Арс, 2003.

Вл. Глинка. Воспоминания. Архивы. Письма.

СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006.

Грустное зрелище представляет собой сегодня видимая поверхность российского общества: кажется, сам дух мнимостей, дух самодовольства объял нынешнюю Россию. Все — вымороченное, все — зыбкое, все поддельное, подловатое, жуткое...

А тут, в этих книгах, перед нами — сама подлинность. Подлинность глубокого и точного ума, совести, интеллигентности, чести. Этот великолепно изданный и богато иллюстрированный двухтомник, составленный петербургским писателем Михаилом Глинкой, посвящен памяти его дяди — одного из самых знаменитых «эрмитажников», историка и писателя Владислава Михайловича Глинки (1903–1983). Книги содержат максимально полный свод статей, писем, мемуаров В. М. Глинки, а также воспоминаний о нем. А помнили и помнят Владислава Михайловича многие, и можно сказать без преувеличения: этот человек был и по сию пору остается настоящей легендой Эрмитажа.

На составление этой книги М. Глинка не пожалел ни сил, ни времени, ни энтузиазма. Работа по собиранию и комментированию материалов проделана была колоссальная. Чего стоит хотя бы *красивейший, но предельно неразборчивый почерк* автора, на расшифровку которого ушел не один год! Только исследователь, когда-либо бравшийся за подобную работу, способен оценить объем вложенного в эти книги труда. А сотни имен и фамилий, внимательно и точно откомментированные М. Глинкой! А тысячи слов, автором не написанные, а только обозначенные двумя-тремя буквами — «для себя», чтобы потом перечитать, разобрать, выправить... Владислав Михайлович так и не успел этого сделать, и вся эта кропотливейшая реставраторская работа легла на плечи его племянника. И результатом его трудов стали десятки и сотни поистине бесценных страниц.

Евгения ЩЕГЛОВА — родилась в 1951 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский филиал Московского полиграфического института (отделение журналистики). Литературный критик. Статьи публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Всемирное слово», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», в «Литературной газете» и других изданиях. Постоянный автор «Континента». Живет в Санкт-Петербурге.

Но как бы ни был двухтомник богат и разнообразен по части исторических изысканий и свидетельств очевидца, значение его этим не ограничивается. Эти книги вполне можно прочитать как кодекс ума и чести по-настоящему свободного, умного и совестливого русского интеллигента. Человека, лишенного малейшего снобизма, чванства и высокомерия. Во вступительной статье к первому тому М. Глинка рассказывает, как Владислав Михайлович, очень любивший свою старушку-няню, в течение долгих лет, до самой ее кончины, отсылал деньги в деревню, где она жила. Бесконечные посылки долгие годы шли и в костромскую область, где семья жила в эвакуации. И все это В. М. Глинка делал абсолютно естественно и спокойно, как само собой разумеющиеся вещи.

А ведь в музее он зарабатывал буквально гроши, на которые надо было содержать и жену с дочерью, и двоих осиротевших племянников (Михаила Глинку и его сестру Владислав Михайлович с женой усыновили во время войны), и приезжающих из других городов друзей, и даже домашнюю живность — приблудных кошек и собак, которые не переводились в доме. Конечно, зарплаты музейщика на такие расходы хватать не могло. И Владислав Михайлович постоянно, несмотря на огромную загруженность (а частенько ему приходилось работать и в двух-трех музеях), ежевечерне до глубокой ночи писал историческую прозу.

Его отличали абсолютное бесстрашие и независимость мысли, безошибочное чутье на подлинность, благородство слова и дела. Этот тончайший знаток истории, старинного русского быта словно бы был послом из русского Серебряного века. К нему обращались за консультацией и режиссеры, и сценаристы, и писатели, и музейщики, и вообще все, кто по службе или по интересу занимался русской историей.

Приносят ему, например, — вспоминал Натан Эйдельман, — *предполагаемый портрет молодого декабриста-гвардейца. Глинка с нежностью глянет на юношу прадедовских времен и вздохнет:*

— Да, как приятно, декабрист-гвардеец; правда, шитья на воротнике нет, значит, не гвардеец, но ничего Какой славный улан (уж не тот ли, кто обвенчался с Ольгой Лариной, — «улан умел ее пленить»); хороший мальчик, уланский корнет, одна звездочка на эполете — звездочка, правда, была введена только в 1827 году, то есть через два года после восстания декабристов, — значит, этот молодец не был офицером в момент восстания. Конечно, бывало, что кое-кто из осужденных возвращал себе солдатскою службою на Кавказе офицерские чины — но эдак годам к тридцати пяти-сорока, а ваш мальчик лет двадцати да и прическа лермонтовская, такого зачеса в 1820—1830-х еще не носили Ах, жаль, пуговицы на портрете неразборчивы, а то бы мы определили и полк и год.

Так что не получается декабрист никак — а вообще славный мальчик

Когда А. И. Солженицыну в работе над «Августом 1914-го» потребовалась консультация специалиста-историка, он обратился именно к Владиславу Глинке, которому тайно и прислал рукопись (дело было в 1974 году, накануне высылки писателя из СССР). Обширное письмо Вл. Глинки Солженицыну по поводу романа поражает скрупулезнейшей требовательностью к точности буквально во всем — от норм поведения до мельчайших деталей одеж-

ды. Страница за страницей, строка за строкой ученый вчитывается, всматривается, вдумывается в текст — и обращает внимание автора, что, например, в 1914-м не существовал еще термин «передний край»: он появился позже, при позиционной войне. Что *на слова штаб-офицера урядник не посмеет пожать плечами, это дерзость. А офицер не скажет ему «вы», так же как не скажет «ваших земляков работа», а скорее «твоих станичников работа»*. Или что револьвер с шашкой в эпоху Первой мировой не пристегивались, а надевались вместе с ремнями походного снаряжения. И почему, далее проходится Глинка с карандашом в руках по тексту, один из героев книги входит в комнату к сестре в кепке? — *Даже безбожник, он с молоком матери всосал необходимость, входя в дом, снимать головной убор.*

И никакой «золотой шпаги» тогда в поход не брали, пишет Вл. Глинка, да и не было ее у героя романа. У него могло быть только *так называемое золотое, или «георгиевское оружие», то есть шашка с золоченым эфесом и эмалевым Георгиевским крестиком, на верхней его части. Значение этого знака отличия отнюдь не следует переоценивать. За одну Японскую войну им было награждено более 600 человек.*

Подобных консультаций Владислав Михайлович за долгую свою жизнь раздал не одну тысячу. Его щедрость не имела границ и тут. Но малейших исторических неточностей, небрежностей он не терпел. М. Глинка вспоминает, как, прочитав довольно популярный тогда исторический роман (сочинение, правда, не историка, а поэта, и очень хорошего), Владислав Михайлович буквально выскочил из комнаты, держа в руках развернутый том. Оказывается, в книге было написано, как ямщик на постоялом дворе сидит на кухне, *«рассупонившись и развязав кушак»*! Боже, какой гневной тирадой разразился историк! Ямщицкий кушак — это вовсе не ремень, тесьма или веревка, как думалось слабо подкованному в исторических реалиях автору романа. Это — широкое полотнище длиной в несколько метров, и для того чтобы ямщик мог окрутиться в него, всегда нужен был второй человек, помощник. Обернутый в несколько слоев вокруг поясницы, такой кушак надежно защищал ямщика и от мороза, и от дождя, и от ветра. Да и облучок, на котором сидит ямщик, все время подбрасывает его снизу, так что кушак — это еще и что-то вроде корсета, предохраняющего крестцовую часть позвоночника.

Это тебе не сейчас по асфальту! — возмущался Владислав Михайлович. — *А вот еще — граф едет у него по Петербургу на гунтере! Не на рысаках, как все, а почему-то на гунтере — лошади той породы, которая выведена англичанами для охоты на лисиц! Для чего? Красиво сказануть?*

Можно только вообразить, насколько интересны были его рассказы об истории. Освещенные светом его незаурядной, обаятельной личности, они буквально завораживали слушателя. Близко знавший Вл. Глинку Натан Эйдельман писал, что именно *личность* этого человека, его дух, его доброта позволяли ему быть на «ты» с прошлым. *Прошлое*, — писал Эйдельман, — *не всякому открывается. Я помню, как об одном специалисте сказали: «Все знает — ничего не понимает». Знания большие, а чувства духа нет — и прошлое не дает себя явить — это лишь склад знаний. Все знания Владислава Михайловича были оживлены его личностью, его духом, его улыбкой, его сар-*

казмом, его добротой, и он был конгениален своим положительным героям, во всяком случае, таким, как декабристы, Пушкин, герои 1812 года.

И далее: *Я думаю, что одним из главных заветов Владислава Михайловича может считаться мысль о значении хорошего человека* (подчеркнуто мною. — *Е. Щ.*) *в истории и изучении истории. Мы не всегда об этом вспоминаем, а ведь надо быть хорошим человеком, чтобы разговориться с историей. Плохой человек, даже вводя в обиход новые факты, окрашивает их своей дурной личностью — и эти факты почти погибают.*

Замечательные, удивительно простые и оттого пророческие слова: *надо быть хорошим человеком.* Тогда и история откроется тебе совершенно поиному — не как склад событий и фактов, а как живая, глубоко нравственная летопись поколений. Как полная драматизма и самых насущных вопросов жизнь наших предков, сколь бы далеко во временном пространстве они от нас ни отстояли.

Припоминается игра, которую Владислав Михайлович затеял однажды со своим близким другом Евгением Шварцем: предлагалось сходу назвать троих «целиком чистых людей». Вл. Глинка тут же припомнил своего любимого декабриста Горбачевского, доктора Гааза и Н. П. Анциферова. На другой день — Радищева, Жуковского и Чехова. Шварц в ответ назвал Кони, Короленко и Волошина. Потом игра эта периодически ими возобновлялась. И дело тут даже не столько в конкретных именах, сколько в жгучей, ненасытной потребности отыскать в истории родную и притом непременно высокую и чистую душу, как маяк в океане. Впрочем, человеческая нравственность — вообще стержень этого двухтомника, о каких бы временах или деятелях ни шла речь.

Интересно, что Владислав Глинка, человек энциклопедических познаний, по образованию вовсе не был историком. Ленинградский университет он закончил как юрист. Однако еще смолоду углубился в изучение истории. Семья Вл. Глинки, потомственно дворянская, с начала 20-х годов успела попасть в эпицентр воистину дьявольской классовой борьбы. Сам Владислав Михайлович, как и его брат Сергей, шестнадцатилетним мальчишкой ушел в Красную Армию (в семье принято было начинать взрослую жизнь со службы народу и отечеству), в то время как их старший брат Михаил служил на санитарном поезде в армии белой. В 1920-м при невыясненных обстоятельствах он будет заколот ударом штыка.

Трудно сказать, чем было вызвано решение молодого юриста стать историком. Вероятно, сердцем почувствовал, какого рода юриспруденция только и возможна в молодом, но чрезвычайно многообещающем государстве. Ведь юрист решает судьбы живых людей...

Впрочем, заниматься историей в советской России было не намного менее ответственно. Существовала ли другая отрасль знаний, которую бы столь нещадно коверкали, кромсали, переписывали, перелицовывали, как отечественная история?! О которую попросту бы вытирали ноги?.. И существовало ли другое государство, где сам по себе естественный исторический процесс был переломан через колено, как палка? А уж что заведомо меньше всего было нужно быстро становящемуся на ноги классу, злобному, как выпущенный из бутылки нечистый дух, — так это историческая

точность. Вкупе с такими пережитками, как уважение к предкам, почитание истинных героев и вообще правда.

О каком уважении предков и истории можно было говорить, если сразу после революции началось повальное расхищение, разграбление, разбазаривание ценнейших и абсолютно не восстановимых предметов дореволюционной жизни?! В середине 20-х годов уничтожен был почти весь тираж изданной незадолго до революции ценнейшей «Истории кавалергардов» С. Панчулидзе. В те же годы, рассказывается в «Хранителе», сотрудникам ленинградских пригородных дворцов-музеев для повседневной носки в счет жалованья раздавались обувь, шаровары, брюки из гардеробов Александра II, Николая II и царевича Алексея. Из Зимнего дворца таким же образом исчезло неисчислимое множество предметов дворцовых сервизов. А находящийся ныне в Лондоне Коран Аббаса! Ведь это тоже в прошлом — достояние Эрмитажа. Для мусульман это святыня такого рода, что, заполучив книгу, среднеазиатские муллы несли ее на руках по всему Невскому проспекту до Московского вокзала, передвигаясь только на коленях...

Сам Вл. Глинка, с конца 20-х и до 1941 года — хранитель и сотрудник последовательно музеев Петергофа, Грузино, Царского Села, Фонтанного дома Шереметевых, Русского музея, а потом Эрмитажа — вспоминал о чудовищном разграблении ценностей: *До сих пор вижу, как в кошмаре, в двух залах, выходящих на Неву,— в бывшей половине последней царицы — нагроможденную почти до потолка нашу коллекционную мебель. Сколько при этой перевозке и забрасывании «все выше и выше» было переломано ценнейших предметов из Строгановской усадьбы Марьино, из Шереметевского Фонтанного дома, особняка Бобринских на Галерной, из дома купцов Терликовых, из митрополичьих покоев в Александро-Невской лавре, из особняка Штиглицев-Половцевых, из множества других! Карельская береза, красное дерево, персидский орех, палисандр, бронзовые каннелюры, золоченые сфинксы, прорванные шелковые сиденья и ручные вышивки,— все это громоздилось перед нами. Отдельной горой были сложены обломки — локотники кресел, ножка клавесина, подножье арфы с педалями...*

А впереди была массовая продажа за границу бесценных эрмитажных полотен, проводившаяся якобы в интересах освобожденного народа, затем — в 1950—70-е — бездумное раздаривание кому надо и не надо нашего национального достояния. Порой, спасая от гибели портреты царских генералов и сановников, военную атрибутику, гобелены, изумительный русский фарфор или знамена царских полков, музейщики проявляли поистине чудеса изобретательности. И не в эти ли, кстати, времена зародилась пламенная любовь властителей ко всему «барскому»?

И надо было уметь — в этом царстве мнимостей, где бал правился глубоко невежественными, примитивными существами, где пышным цветом расцвели человеческая глупость и пошлость, сохранить абсолютную независимость мысли. Ибо любовь к правде и только к правде — это прежде всего антипошлость и антиневежество.

Тут, кстати, припоминается и один из рассказов Владислава Михайловича о роте Преображенского полка, с помощью которой Елизавета Петровна пришла к власти. Разумеется, эти триста пятьдесят лейб-гвардейцев

сразу же по воцарении дщери Петровой были осыпаны всевозможными дарами и привилегиями. Всех их возвели в потомственное дворянство, они получили личные гербы и земельные наделы. Но... за два десятка лет почти все они спились, спустили с молотка свои имения или проиграли их в карты.

Вот как оно бывает в России со скоробогачами...

А вот характерный пример упорно не стареющей тесной спайки невежества с хамством — уже из более близкого к нам времени. Некогда знаменитый историк-античник Лев Львович Раков, ученый секретарь Эрмитажа, директор уничтоженного Музея обороны Ленинграда, один из очень близких Вл. Глинке людей, как-то написал письмо прозаику-маринисту Леониду Соболеву по поводу его нашумевшего еще с горьковских времен романа «Капитальный ремонт». Эту историю рассказывает в «Хранителе» Михаил Глинка. Что за человек был Соболев, известный сталинский подхалим, рядившийся в тогу благородного моряка, — про то, несомненно, знали и Л. Раков, и Вл. Глинка. Но Раков все-таки посчитал необходимым указать самоуверенному писателю, что линейный корабль — главное действующее лицо книги — мог в действительности иметь пять вариантов названий, *но только не такое, которое дал кораблю автор.* Ах, как рассыпался Соболев в благодарностях ученому: *Только в Петрограде-Ленинграде, городе эрудитов, мог найтись столь тонкий знаток... И если бы только книга уже не разошлась А сейчас, увы, уже нет никакой возможности...* На второе письмо с другими замечаниями Соболев ответил крайне сухо — мол, стоит ли обращать внимание на мелочи. Третье осталось без ответа.

А уже в брежневские годы, пишет М. Глинка, подобный этико-культорологический конфликт произошел у Владислава Михайловича с С. Гейченко, главой знаменитого Пушкиногорского заповедника. Они были добрыми знакомцами, знали друг друга с 1930-х годов, вместе работали в Петергофе. Вл. Глинка ценил Гейченко как человека, чрезвычайно много сделавшего для возрождения Пушкинских Гор. Конфликт между ними возник после выхода в свет книги Гейченко «У Лукоморья». И дело тут было не в допущенных автором мелких исторических неточностях: ошибки всегда можно исправить. Изъян книги был куда глубже.

В письме к Гейченко от 8 апреля 1974 года Владислав Михайлович писал: *Уже несколько лет, с тех пор как ты вошел в славу, стали доходить до меня упорные слухи, что ты занесся, т. е. перестал узнавать многих старых знакомцев по музейной части, держишься на людях высокомерно, на манер «наместника Пушкина на земле», как выразился некий острослов. Рассказы эти, шедшие от весьма различных людей, очень меня опечалили... Не один человек и не два, а по крайней мере с десяток из тех, кто близко наблюдал твою жизнь в послевоенные годы (и я в том числе), очень огорчились, не найдя в «Лукоморье» упоминания о Матвее Матвеевиче Колоушине, а ведь все мы знаем, что Матвей в те годы и для Заповедника, и для тебя лично сделал очень много доброго. Как же это вышло? Уж кого только ты ни упомянул в книге по имени, отчеству и фамилии. И лесоводов, и металлургов, и археологов, и архитекторов. И хороших, дельных людей, и иных вроде Лактионова или Бельчикова. Только Колоушина ни разу не вспомнил.*

Тут надо пояснить, что Семена Гейченко, перед войной уволенного из петергофского музея, затем арестованного и вернувшегося в Ленинград в 45-м безруким бродягой, спас именно Матвей Колоушин. И не помнить об этом было столь очевидной неблагодарностью, что Владислав Михайлович не мог смириться с этим долгие годы. Незадолго до смерти он записал в своей рабочей тетради: *Черная душа и чрезмерная самовлюбленность — плохие помощники в творчестве, как и на любой стезе жизни <...> Семен Степанович не выдержал испытания известностью, потерял меру вкуса и собственного достоинства, возомнил себя действительно «наместником Пушкина на земле». И как же это нелепо.*

Когда сильно идеологизированный врач В. Софронов в 1963 году в «Неве» выскочил с сенсационной статьей о Дантесе «Поединок или убийство?», Вл. Глинка вместе с Л. Раковым и Я. Давидовичем дал не в меру ретивому автору достойную отповедь. Нет, он защищал не Дантеса, авантюриста, бездельника на службе и пустого светского хлыща. В данном случае, как и всегда, он защищал честь и достоинство правды, в какие бы сложные и запутанные обстоятельства ей ни приходилось попадать. Софронов самонадеянно утверждал, что Дантес вышел к барьеру, будучи облачен в кольчугу, потому что «*собственная жизнь для таких людей была дороже их дворянской чести*». В письме ученых, направленном в Пушкинскую комиссию АН СССР и в редакцию «Невы», говорится, что, безусловно, безнравственный человек способен на многие грязные дела. *Но чего Дантес не мог сделать — надеть кольчугу, отправляясь на дуэль: даже в случае легкого ранения в шею или в плечо это привело бы к такому позорному разоблачению, которое люди «высшего круга», способные не заметить и забыть любую подлость из отмеченных выше, никогда бы не простили. Это был бы скандал, после которого ни в России, ни в каком-либо другом месте Европы Дантеса не пустили бы ни в один дом,.. ни один из бывших его знакомых не узнал бы его на улице, не подал бы ему руки.*

Скрупулезность, точность и беспристрастность в следовании правде — таковы приметы подлинно нравственного отношения к истории. Позволю себе еще один пример.

Иосиф Орбели, в военные годы бывший директором Эрмитажа, выступая в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, не устоял перед соблазном порисоваться, демонстрируя миру благородное негодование. Комментируя это выступление, Владислав Михайлович называет академика «официальным мастером картинного гнева». Никто, разумеется, не снимает с фашистов их чудовищной вины, но и никакая вина не может оправдать заведомую ложь. *Все показания И. А. Орбели на Нюрнбергском процессе — сплошной вымысел,* — пишет Вл. Глинка в воспоминаниях. — *Немецкие артиллеристы никогда не били по зданиям Эрмитажа из дальнобойных пушек, стрелявших из Красного Села и обстреливавших любой район по выбору, а их летчики не старались специально разбомбить или зажечь Эрмитаж с воздуха. И академик отлично знал это...*

Великое счастье музейных работников, — записал как-то Вл. Глинка одну из главных своих мыслей, — *в неспешном прикосновении к прекрасным тво-*

рениям прошлого, в возможности остаться с ним наедине, всматриваясь в них, пытаясь понять то, что когда-то их породило.

Подчеркну — в прикосновении неспешном, несуетном, вдумчивом. В чутком диалоге с историей.

И вот человек такой нравственности, таких обширных и разносторонних знаний, такой степени ответственности перед настоящим и будущим, именно он в блокадных своих мемуарах жестко, честно, предельно откровенно описывает трагедию загубленного великого города, свидетелем чего был сам. Да-да, загубленного. Должны же когда-нибудь быть внятно произнесены эти слова. Трудно сказать, знал ли Вл. Глинка подлинную историю того, как же именно город оказался обречен на смерть. Скорее всего, знал. Догадывался, проникая в глубь событий точнейшим чутьем ученого. К тому же ни малейших иллюзий относительно страны, в которой он живет, Глинка не питал. Наверняка он понимал, что дорожка к трагедии блокады проторена была не чем иным, как советско-финляндской «незнаменитой» войной, деянием однозначно подлым и бессовестным, за что СССР еще в 1939-м исключили из Лиги наций. И — бесконечными репрессиями, сотрясавшими Петроград-Ленинград с первого залпа «Авроры».

Современный историк Марк Солонин в книге «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?» (2006), основательно проанализировав массу исторических фактов, наконец-то ставших читателю доступными, с полным на то основанием утверждает: не будь той «зимней» войны, в результате которой от Финляндии были отторгнуты исторически ей принадлежавшие земли, не будь вторичного (!) нападения СССР на Финляндию 26 июня 1941 года, нейтралитет которой четырьмя днями раньше Советский Союз обязывался неукоснительно соблюдать, о чем советские идеологи десятилетиями стыдливо умалчивали, — не будь всего этого, блокада Ленинграда была бы абсолютно невозможна. *Ленинград расположен НЕ на полуострове,* — пишет Солонин.— *Его в принципе нельзя блокировать «с одной стороны». Имея Финляндию в качестве — нет, не союзника, а всего лишь нейтрального соседа, Ленинград можно было бы снабжать сколь угодно долго по железной дороге через Петрозаводск-Сортавалу.*

И не кто иной, как барон Карл Густав Маннергейм, главнокомандующий финской армией, в прошлом кавалергард, выпускник Николаевского кавалерийского училища, верой и правдой служивший России, начиная с Русско-японской войны, отдал в 1941 году приказ не совершать никаких налетов на Ленинград. Приказ этот финская армия соблюдала на протяжении всей войны, даже тогда, когда линия фронта проходила в нескольких минутах лёта от Дворцовой площади. Собственно, для ленинградцев-блокадников это не новость. Им известно, что знаменитая надпись на ленинградских домах (а на одном из них, на Невском проспекте, 14, сохраняющаяся до сих пор) — «*Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна*» — всегда обращена была только на запад и юг, к немецкой стороне. Ни одного выстрела со стороны финской за всю войну произведено не было.

Ему же, Маннергейму, все мы обязаны тем, что осажденный Ленинград все-таки не был взят. В конце августа 1941-го, рассказывается в уже упоми-

навшейся книге М. Солонина, Кейтель направил Маннергейму письмо с предложением финнам взять, совместно с вермахтом, Ленинград штурмом. На что и Маннергейм, и президент Финляндии Рюти ответили отказом.

И такие факты, способные в корне уничтожить слащавую, а правильнее будет сказать — преступную ложь о том, что у нас якобы «никто не забыт и ничто не забыто», о трудовых и прочих подвигах мучеников, умирающих от голода и холода стариков, детей и женщин, запертых в вымирающем городе, ежедневно обстреливаемом с земли и с воздуха, — они по сей день остаются достоянием очень и очень немногих. *Забыто очень многое, и забыто намеренно,* — написано у Вл. Глинки. — *Об именах и говорить нечего. Они заняли бы сотни томов. Слишком много было подлости и глупости, о которых запрещено было вспоминать со смертью уцелевших свидетелей. Но на месте этого остается бесконечная ложь и потребность болтовни вроде пустого названия «подвиг века».*

А подлинную правду о блокаде надо было бы выбить в камне, как слова Ольги Берггольц, начертанные на вратах Пискаревского мемориала. Чтобы, кладя цветы к подножью петербургского (ленинградского) памятника «Жертвам коммунистического террора» на Троицкой площади, у Дома политкаторжан, современник, как и его потомок, понимал: это цветы и бесчисленным убитым блокадой ленинградцам.

Сколько же их было?.. В мемуарах Вл. Глинка дает на это ответ — конечно, приблизительный, сколь-нибудь точной цифры тут не может быть. Ибо в город пришло множество абсолютно никем не учтенных жителей пригородов, а также Псковской и Новгородской областей. Они, не имевшие ни работы, ни карточек, ни прописки, умерли первыми. А что говорить о тех ленинградцах, кто погиб при переправе через Ладогу, кого вывезли едва живыми и кто умер после первого же плотного обеда, — а то и не дожив до него, как ленинградская писательница и скульптор Елена Данько, неизвестно где похороненная вместе с погибшей тогда же сестрой... Такими могилами отмечены все пути из Ленинграда в эвакуацию.

Так вот о цифрах. Разговаривая осенью 1942 года с известным врачом, членом-корреспондентом Академии медицинских наук Николаем Николаевичем Петровым, Вл. Глинка узнал потрясшие его сведения об умерших в городе менее чем за год — с ноября 1941 по декабрь 1942-го. Эти цифры только что были озвучены в Горздраве. *Миллион девятьсот тысяч!* — воскликнул тогда Петров. — *Это же государство целое вымерло!.. Ведь это примерно столько мы потеряли за всю войну с 1914 по 1917 год! Но на фронте! На фронте! И за это Николай слетел*

Насколько я знаю, по сей день в официальных сводках звучит цифра иная — 600–700 тысяч; самые храбрые не боятся произнести — около миллиона. Ну, да ведь врать нам не привыкать: на том стоим.

Вл. Глинка, всю блокаду проведший в городе, на себе испытавший нескончаемый, сводящий с ума голод и не менее страшный холод, бесконечные бомбежки и обстрелы, утверждал в записках: читанное им о блокаде, за редчайшими исключениями, *преступно лживо*, если автор пытается отразить будни среднего ленинградца, чудом не умершего от голода. В этих фальшивых воспоминаниях и не менее лживых псевдохудожественных книгах

намеренно умалчивалось о таких общеизвестных явлениях, как грабеж управхозами имущества умерших и спекуляции их продовольственными карточками, о черном рынке, где за продовольствие отдавали все — от одежды и обуви до бриллиантов и регалий, умалчивалось даже о судьбах таких многочисленных категорий населения, обязательно виденных всяким жившим тогда в Ленинграде, как сотни тысяч бездетных одиночек — холостяков, незамужних или вдовых, существовавших до войны на скромную зарплату, а также стариков и старух, родителей солдат и офицеров, бывших на фронте или уже там погибших, об их женах и детях, если они не эвакуировались и не были особенно «пробивными».

Все эти группы обречены были на неизбежную и очень скорую смерть. То были, в основной своей массе, недобитые репрессиями ленинградские интеллигенты — художники, скульпторы, музейщики, артисты, музыкальные работники, — самые, как пишет Глинка, беспомощные в быту люди, лишенные инстинкта добытчиков и нахрапистости любого рода. Они умирали тихо и безропотно, как святые.

О гибели одной такой семьи Вл. Глинка рассказал подробнее. То была семья известного коллекционера, мецената, «мирискусника» Федора Федоровича Нотгафта, заведовавшего в Эрмитаже издательским отделом. Вместе с женой, сотрудницей отдела рукописей, Ф. Ф. жил недалеко от Эрмитажа — в Кирпичном переулке. Нередко навещала их и Анастасия Петровна Боткина, прежняя жена Ф. Ф., красавица, оригинал одного из портретов З. Серебряковой. Однажды эрмитажники забеспокоились, долго не видя на работе ни Ф. Ф., ни его жену. И. Орбели послал своего сотрудника к ним домой. *Посланец вошел в квартиру без труда,* — рассказывает Глинка, — *дверь была отперта, и в квартире был такой же холод, как на дворе. Ф. Ф. и его супруга лежали на диване рядом, укрытые пледом и давно уже умершие. А на двери, на перекинутом через нее шнуре от оконной занавески, привязанном к медной ручке, висела Анастасия Петровна Боткина. Рядом лежал поваленный стул. Очевидно, добралась их навестить, нашла мертвыми и, не став дожидаться своей очереди, тут же покончила с собой.*

Каково же после таких строк — щемящих и обжигающих, бесконечно трагических, — читать в этих же воспоминаниях о жизни партийной верхушки! О жизни сытой, теплой и даже веселой. В январе 1944-го группе англо-американских журналистов (с ними был и Глинка) устроили встречу с председателем Ленсовета П. Попковым (это был тот самый деятель, который, свидетельствовала Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая, его соседка, в самые страшные блокадные месяцы ежедневно приносил домой для своего кота двести грамм свежего фарша. Эти двести грамм фарша для кота врезаются в память намертво). И когда на той встрече разговор зашел о погибших, которых, по сведениям, выданным нашей официальной пропагандой иностранцам, в Ленинграде было около пятисот тысяч, этот самый Попков *с кривой ухмылкой, не задумываясь, ответил: — Эта цифра во много раз завышена и является сплошной газетной уткой...* А на вопрос о снабжении населения во время блокады коммунальными услугами он ответил с той же улыбочкой: *Подача электроэнергии и действие водопровода в Ленинграде не прекращались ни на час*

Прочитав в рукописи Владислава Михайловича о Попкове (позже расстрелянном по «ленинградскому делу»), М. Глинка решил, что надо все-таки прочесть эти строки кому-нибудь из тех, кто знал Н. В. Крандиевскую-Толстую. Он позвонил вдове Никиты Толстого, сына Н. В. *Я еще ничего не успел прочесть*, — рассказывает в книге М. Глинка, — *только назвал фамилию Попкова.*

— А-а Это тот деятель, — сразу сказала Наталья Михайловна, — который в блокаду сухой хлеб в помойное ведро на лестнице выбрасывал? А что вас по поводу него интересует?

Знал ли он вообще, этот городской голова, ни разу, кстати, за всю войну, как и Жданов, не обратившийся к гибнущему населению, что живущие рядом с ним люди ели столярный клей, варили ремни, ручки от портпледов, сдирали со стен обои, чтобы соскрести с них тончайший слой муки? Что в городе процветает трупоедство? Что на ленинградских улицах и в квартирах не осталось ни одной кошки, ни одной собаки, ни одного воробья? Что ели — если удавалось поймать — даже крыс?

Да что крысы!.. Старый товарищ Глинки еще по юрфаку рассказал ему в 42-м, что военной прокуратурой заведено множество уголовных дел на управдомов, приканчивающих жильцов, — из-за хлебных карточек, золота, мехов, шуб; что существует множество дел по людоедству, приводящему, как правило, к необратимым психическим отклонениям. Этих нелюдей, отведавших человечины, нельзя было оставлять, рассказывал он, даже в обществе заключенных.

И в то же самое время, самое жуткое для умирающего Ленинграда, — в январе 1942 года — одна известная писательница, распоряжавшаяся продовольственными посылками, праздновала свою свадьбу. Эта дама (впоследствии воспевавшая мужество ленинградцев в годы войны и удостоенная за это Государственной премии) проживала в «писательском» доме на канале Грибоедова, и множество людей слышали в этот январский день из ее квартиры звуки патефона, шарканье танцующих, а по коридору разносились запахи вкусной пищи.

У обычно сдержанного Глинки тут вырвались слова: *это так чудовищно, что в это трудно поверить.*

Трудно, — но необходимо.

А как поверить в то, что для другого ленинградского партийного вождя тех лет — А. Жданова — в том же 1942 году на территории Смольного оборудовали теннисный корт, чтобы он мог «сохранять форму» и не слишком полнеть?!

Что же, вполне вероятно, — написано у Вл. Глинки. — *Посмотрите на фотографию Жданова в июньском номере журнала «Ленинград» за 1942 год, и вы поверите в это* . И далее: *думаю, что оправданным будет объединить в один ряд эти упомянутые Натальей Васильевной Крандиевской-Толстой 200 граммов свежего мяса, секретный теннисный корт и свадьбу в январе 1942 года.*

И ответил ли хоть кто-то, с тоской спрашивается в мемуарах, за пожар Бадаевских складов, уничтоживший почти все продовольствие? За бессмысленные, тяжелейшие работы женщин и подростков на рытье окопов? За создание «народного ополчения», когда *десятки и тысячи юношей и пожи-*

лых штатских людей «обучали» 10—20 дней и, вооружив старыми трехлинейками и бутылками с горючим, бросали в бой с наступавшими, вооруженными лучшей техникой того времени немцами? Молодые научные сотрудники, инженеры, студенты, — это из них состояло в считанные дни изничтоженное ополчение, это они стали в той бойне простым пушечным мясом.

Но Вл. Глинка свидетельствует и о других явлениях, которые ему, интеллигенту, привыкшему уважать простой народ, понять было уже совсем невмочь. Придя в промерзшую и разграбленную квартиру одного из умерших эрмитажников, он увидел на полу толстенную груду растерзанных и испакощенных книг. Было такое впечатление, что делалось это долго и не одним человеком, причем — с особым удовольствием. *И тогда я задавал себе этот вопрос, задаю его и сейчас — что заставило тех людей так обойтись с книгами? Если замерзаешь, то превратить в топливо все, что способно гореть, еще понятно, но остальное-то, что мы увидели в этой квартире, как понять это?.. <...> Почему, погибая от голодного поноса, люди приходили гадить именно на книги? Пока я жив, я буду возвращаться к вопросу, пытаясь понять, что же именно они ненавидели в этих книгах?*

Скорее всего, думается мне сегодня, Владиславу Михайловичу открылось тут самое дно человеческой (нечеловеческой) души. Он, что называется, ухватил в тот момент дьявола за хвост. Какие тут, в общении с дьяволом, точнее с одной из его ипостасей, могут действовать логические доводы, отыскиваться причины-следствия и пр. и пр. Это — дьявол, это его след, его повадки, его ухищрения, его ухмылка. На дьявола управы нет. И попробуй ты загони его, выпущенного из бутылки, обратно. Его же деяния — и выбитые у арестованного в 37-м Сергея Глинки, младшего брата Владислава Михайловича, зубы и сломанные ребра (а был он ветеринарным врачом — найдется ли на свете более мирная специальность!), и отнятые у умирающих ленинградцев последние их ценности.

А рядом со всей этой мерзостью, с преступлениями, за которые никто так и не был наказан, в которых никто не раскаялся, о которых, в общем угаре сегодняшнего национального самовозвеличивания, вообще не принято говорить, — рядом с ними существовали и бескорыстие, и сострадание, и помощь. Как забыть воистину сказочный дар, когда посторонние, в сущности, люди, два моряка, при виде умирающей от голода девятилетней дочери Владислава Михайловича отдали голодающим свой паек — буханку хлеба, мясные консервы, сахар?! Долгое время, уже после войны, Вл. Глинка тщетно разыскивал их следы. *Зная дядю,* — пишет М. Глинка, — *уверен, что если бы он разыскал Меснянкина* (фамилия одного из моряков. — *Е. Щ.*), *то нашел бы такую форму дружбы с ним, которая позволила бы им быть близкими людьми до конца дней.*

Это ведь был, — добавляет Михаил Глинка, — *тот самый тип человека, которого В. М. все время искал и в реальной жизни, и среди архивных бумаг.*

Помните? — «*Надо быть хорошим человеком*».

Вл. Глинка всегда искал его, этого по-настоящему хорошего и достойного человека. В какие бы времена он ни жил, из какого круга ни происходил. Владислав Михайлович бесконечно любил свою няню, простую крестьянскую женщину, с ее верой в высшее начало добра и справедливости,

вековым крестьянским поклонением любому труду. Он безмерно уважал финнов, которые в военное время дошли только до своей старой границы и не сделали шагу на чужую территорию, да и в занятой ими Карелии заботились о мирном населении. Своему усыновленному племяннику он завещал не строить дачу на бывших чужих землях (а таковым является, в сущности, весь Карельский перешеек). И — завещал ему же собирать и хранить не антиквариат, а нужные книги, справочники, а главное — фотографии: бесценные следы ушедшей жизни и культуры.

И Камчаткой, добавлял он, нам не удастся долго управлять по телефону из Москвы, «страна слабеет», говорил он. «Свое бы удержать. А чужое начнет отваливаться». «Когда-нибудь мы потеряем Крым, — сказал он однажды Михаилу Глинке. И добавил, что это будет плата за нашу политику. — За то, что мы не видим в человеке гражданина. И за то, что сделали с татарами». Он знал, предчувствовал, что когда-нибудь нам, в частности, придется отвечать и за создание в послереволюционные годы национальных карательных отрядов, и отвечать жестоко.

Увы, до гибели советского монстра он не дожил нескольких лет. И не узнал, до какой же степени в своих опасениях был прав.

Но он оставил не только опасения. Любимым его жизненным правилом было исконно народное: «умирай — а жито сей».

Владимир ЛУКИН

ЮРИЙ КАРЯКИН: ЛИЧНОСТЬ, ВРЕМЯ, КУЛЬТУРА, СУДЬБА

Юрий Карякин. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению)

М.: Радуга, 2007. — 416 с.

У людей карякинского склада (таких людей очень мало, а сам он — один) нет профессии в строгом смысле этого слова. Зато есть призвание. Это призвание — беспокоить, будоражить человеческую совесть. Думаю, для нашей страны в наше время эта профессия — главная. Метод его работы — отыскать в кладовых культуры (российской и всемирной) то вечное, что особенно необходимо для нашего времени, жгуче взыскуемо им. И, постигнув все это самому, буквально вдолбить, вбарабанить постигнутое в наши глухие души и ленивые мозги.

Как говорят в Китае, для того, чтобы хлопнуть в ладони, надо, как минимум, иметь две ладони. В карякинском случае этими двумя ладонями стали как содержание его слов и текстов, так и сам их носитель.

Начнем со второго. Ю. Карякин несомненно является личностью харизматической. Вряд ли понятие «харизма» можно рационально определить. Его можно только почувствовать. Впервые я встретился с Ю. Ф. в январе 1965 года в Праге, куда приехал работать в журнал коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма». Карякин уже работал там несколько лет. Познакомила нас моя подруга по Институту мировой экономики и международных отношений Ирина Зорина, приехавшая на работу в журнал чуть раньше меня. Мне суждено было стать другом тогда еще складывавшегося не без трудностей семейного дома Карякиных.

Я быстро понял, что Юрий в журнале занимает особое место. Он был несомненным нравственным авторитетом. При том что в бытовом смысле

Владимир ЛУКИН — родился в 1937 г. в Омске. Окончил исторический факультет Московского государственного пединститута им. Ленина и аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Работал в журнале «Проблемы мира и социализма», в Институте США и Канады АН СССР, в МИДе, в 1992–1993 гг. — посол РФ в США. В период кампании по выборам в Государственную думу РФ первого созыва возглавлял избирательное объединение «Явлинский–Болдырев–Лукин» («Яблоко»). В настоящее время — Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Доктор исторических наук, профессор. Награжден орденом «Знак почета». Живет в Москве.

Юра в то время отнюдь не был ангелом. Просто все или почти все, что было яркого, игрового, азартного, задорного, я бы даже сказал, хохмаческого, в незаурядной пражской колонии российских интеллигентов, крутилось вокруг него. Карякина особенно сильно любили и особенно ожесточенно ненавидели. Он был фактурным человеком. А следовательно, резким вызовом. Чему? Прежде всего, пожалуй, не идеологии, а скорее эстетике, стилистике советского существования. Ну, какая-то несоветская у него была манера ходить, говорить, слушать, спорить, смотреть в глаза начальства. Какая-то раскодировка советской ритмики. Да и писать он норовил не по-советски, хотя и вставлял в текст (совершенно искренне) привычные тогда для всех нас обороты и клише.

В общем, харизму не опишешь. Харизма — это, с одной стороны, собственный внутренний импульс, сигнал, за которым и естественная органическая сила характера, и тщательно переработанный, перепаханный жизненный опыт, ставший частью натуры и предвестником судьбы. Но с другой стороны, харизма — это всегда встреча. «Душа ждала кого-нибудь. И дождалась». В отношениях с Карякиным градус общения был всегда — высок. Знак мог меняться с плюса на минус и обратно. Менялся он, например, у нашего общего товарища по Праге М. К. Мамардашвили. Но градус — не менялся никогда. Дело в том, что карякинский взгляд, карякинское слово, карякинский текст, как правило, попадал прямо в точку пресечения наших самых острых душевных разломов и того, что на тогдашнем птичьем языке именовалось *особенностями текущего момента*. От него ожидали чуда в форме слова и, вместе с тем, поступка, и он чувствовал, что ответ на это ожидание и есть его дело. Ощущал, что он может и должен делать это дело. И нередко ему действительно удавалось подарить людям это чудо-слово-дело.

С пражских времен длится наша дружба. Так что итоговая книга Юрия Федоровича «Перемена убеждений», начиная с его воспоминаний о 60-х годах, — это рассказ о том, чему автор этих строк был одним из постоянных и внимательных свидетелей. Свидетелей не только и не столько в смысле событийной фактуры, а главным образом — эволюции карякинской мысли.

И здесь уместно сказать несколько слов о первой из «двух ладоней». Я имею в виду содержание процесса перемены убеждений.

Достоевский когда-то сказал: «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?»

Эти слова могут служить ключом к пониманию книги Карякина. В ней он рассказывает о долгом, сложном, порой мучительном пути своего мировоззренчески-духовного развития. От искренней веры в истину марксизма в свои молодые годы, через осознание преступности «реального социализма» — к пониманию культуры как противостояния угрозе самоубийства человечества, потерявшего, по выражению Достоевского, инстинкт самосохранения.

Рассказ об этой эволюции тем более важен, что, в силу высокого градуса харизматичности автора, личная история духовного развития Юрия Карякина особенно колоритно и выразительно высвечивает судьбу целого поколения шестидесятников XX столетия, их яркий и поучительный путь преодоления старых иллюзий посредством обретения новых — и так вплоть

до постижения иллюзорности любых идеологических формул под лучами яркого света давно и навсегда сформулированных истин человеческой нравственности и любви.

Путь этот был проделан не впервые. Сам Ю. Ф. Карякин — один из лучших знатоков Ф. М. Достоевского (причем именно со стороны его идейно-философского наследия), хорошо знаком с драмой русских шестидесятников XIX века с их искушением, страшным соблазном нечаевщины и трудным, мучительным интеллектуальным и нравственным усилием по его преодолению.

Все дело в том, насколько содержательным в широком культурно-историческом смысле и, вместе с тем, насколько поучительным и востребованным оказался тот уже давний опыт.

Ответ на этот вопрос весьма не прост. Я бы разделил этот сдвоенный пласт на две части — культурную и историческую.

В культурном смысле трудно найти более плодотворное поколение, чем «шестидесятники» первого разлива. Их вклад в российскую и мировую культуру поистине уникален и общепризнан. Достаточно сопоставить достижения этого поколения с результатами деятельности современных ему правивших страной имперских «державников», начавших с крымской катастрофы и подготовивших почву для катастрофы цусимской, как сразу станет ясной несоизмеримая разность потенциалов, выявится со всей очевидностью, кто создавал величие России и кто подрывал его.

Но в плане историческом великие прозрения и бесценные уроки этого поколения оказались маловостребованными. Более того, они были с презрением отвергнуты многими активными представителями непосредственно следовавшего за ними поколения. Как известно, отец Александра и Владимира Ульяновых был человеком, положившим все силы на народное просвещение. Он, несомненно, был шестидесятником своего века. Но — увы! — он и его единомышленники не смогли просветить своих собственных детей. Ветры лихого времени вкупе со «свинцовыми мерзостями жизни» оказались сильнее. Как тут не вспомнить судьбу отца и сына Верховенских. Я не исключаю, что В. И. Ленин не выносил Достоевского, в особенности его «Бесы», в том числе и в контексте собственных семейных ассоциаций.

Разговор о вкладе шестидесятников XX столетия в культурно-историческую судьбу страны и мира отнюдь не завершен. Эта тема еще не остыла, еще не вышла полностью из конъюнктурно-событийного контекста. Както в разгар культурной революции в Китае (кстати, тоже в 60-е годы) премьера Чжоу Энь-лая, человека умного, гибкого и осторожного, а потому люто ненавидимого хунвэйбинами, иностранные журналисты спросили: «Что Вы думаете о значении Великой французской революции?» Чжоу после паузы ответил: «Пока еще рано делать выводы».

То, что вклад и следующей, «второй волны» российских шестидесятников в национальную и мировую культуру огромен, трудно оспорить. Не буду называть многие фамилии, — это все равно было бы неполно и субъективно, — ограничусь одной — Солженицын. Не случайно наряду с Достоевским Александр Исаевич стал по существу главным героем жизни, а следовательно, и книги Карякина. В этих именах для него (и далеко не только для

него) уникальным образом сплелись воедино базовые парадигмы личности, времени, культуры и судьбы.

Карякин справедливо замечает и со свойственной ему страстной энергией вдалбливает нам: эти два гиганта прошли каждый в отпущенное им время во многом сходный путь — от ослепления искушением рая на земле любой ценой к ясности и яркости духовного зрения, для ограниченных возможностей человека близкого к предельному.

Будет ли востребован этот рывок к свободе и нравственности, этот пример мучительного прозрения?

Первая попытка оказалась катастрофической.

Что-то будет со второй?

На этот счет существуют серьезные опасения. Сейчас рывок шестидесятников к свободе и нравственности часто вспоминают со снисходительным пренебрежением. «Как можно было не понимать очевидных вещей, которые для нас, молодых, ясны и просты, как таблица умножения» (кстати, в 60-е годы таблицу умножения, да и не только ее, молодежь знала значительно лучше, чем сейчас).

Опасность таких рассуждений отнюдь не в том, что они кого-то задевают. Это — не проблема. Проблема в опасности слишком легко обретенных истин, даже самых правильных. Для Карякина человек, мучительно освобождающийся от демонов тьмы, совершающий рывок к свету в чем-то даже более ценен, чем органически свободный человек. Для такого — освобождающегося — человека важен и бесценен сам путь («дао», как говорят на востоке). Для него метафора одинокого монаха, бредущего по миру с дырявым зонтиком, интереснее и ярче, чем образ современного, «органического» жителя какой-нибудь очень благополучной страны, начиненного штампами нынешних конъюнктурных политкорректностей. Даже если (что вполне вероятно) конечная цель рывка к свободе в земном измерении и есть почти автоматическое обретение этих сытых, благополучных и даже слегка гламурных штампов и политкорректностей.

Станет ли рывок к свободе шестидесятников XX столетия составной частью российской мысли и культуры — это не вопрос. Вершины творческих достижений этого поколения просто нет смысла перечислять.

Станет ли их опыт уроком для ближайших поколений мыслящих и творящих россиян — вопрос открытый. Бациллы большевизма, шовинизма и других гибельных недугов по-прежнему разносятся буйными ветрами по просторам нашей все еще необъятной Родины. Возможно, это еще не эпидемия, но уже серьезное и опасное нездоровье.

Книга Ю. Ф. Карякина «Перемена убеждений» — очень сильное, действенное средство против этих бацилл. Настоятельно советую всем: примите это лекарство и обязательно дайте его вашим детям.

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ*

(январь — март 2008 г.)

19.01.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну, как говорится, с почином: восьмой пошел! Куда именно он пошел, и куда ему следовало бы пойти — выяснится ближе к девятому, а пока милости просим на первый кусочек!

Стабильность — вот ключевое слово, определяющее текущую политику партии и правительства. Все должно быть стабильно! Не в европейском смысле, пропади он пропадом, а стабильность по-нашему: всем стоять, ноги врозь, руки на стену! И всё. Кстати, если что, можно для надежности и пристрелить. Это уже будет полная стабильность. Но многие еще не прониклись — вот и и теребунькают на родных просторах про всякие европейские ценности типа честных выборов. Ну, они дотеребунькаются!

В Ингушетии завершилась акция «Я не голосовал!» В ходе акции, организованной независимым сайтом «Ингушетия.ru», выяснилось, что больше половины жителей республики не ходили на выборы Госдумы 2 декабря. Между тем, по официальным данным, явка составила 98%. Собранные материалы направлены в Генеральную прокуратуру для проведения проверки по факту фальсификаций при голосовании в Ингушетии.

Ну вот только не надо нас пугать! Вы давайте везите свои заявления, а уж прокуроры поработают — не столько с заявлениями, сколько с заявителями... Прокурорская проверка называется. Тук-тук-тук, это мы, ваши ингушские правоохранительные органы. Ваша подпись? Ага-а... Значит, вы утверждаете, что не голосовали... Странно. Как же не голосовали, когда уже все посчитано и законным образом утверждено? Вы, наверное, голосовали, но просто забыли! А может, вы хотите подорвать в республике стабильность? — так вы так и скажите. Кстати, а кто приходил к вам с этим заявлением? Опишите, как выглядел... И еще кстати: вы всегда живете по этому адресу?

---

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Щукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

И жена тут, и дети?.. А вы бандитов не боитесь? А то придут завтра, как стемнеет, и что-нибудь нехорошее сделают... Да, так я не понял: вы по-прежнему утверждаете, что не голосовали? Уже не уверены? Тогда давайте напишем заявление. Я, такой-то такой-то... — что это у вас рука дрожит, не надо дрожать, вы же под защитой милиции... Я, такой-то такой-то, заявляю, что моя подпись под заявлением в Генеральную прокуратуру является фальшивкой. Прошу разобраться и принять меры. Господин Чайка, дорогой Генеральный прокурор, я правильно описал грядущий процесс прокурорской проверки по вопросу о фальсификации выборов в Ингушетии?

Ну, насчет Ингушетии — это покамест только фантазии, а в Питере и Екатеринбурге с сотрудниками Британского совета уже работают...

К россиянам, служащим Британского совета, поздно вечером приходили с так называемыми разъяснительными беседами сотрудники милиции и ФСБ, пишет лондонская Times. От россиян требовали прекратить работу в Британском совете и предупреждали их, что они работают на незаконную организацию и (цитирую) «иностранные силы используют их как агентов-провокаторов».

Каким образом служащий Британского совета, ничего не делая, кроме своей обычной работы, становится агентом-провокатором? Почему пятнадцать лет он не был провокатором — и вдруг стал? И что это вообще такое — агент-провокатор? И что за таинственные «иностранные силы»? Много вопросов, и все лишние. Потому что тут логика вообще не при чем, тут же вся суть — во времени прихода сотрудника из органов. В двенадцатом часу ночи в дверь — дзынь! Тут не мозгами, тут кишками сразу все поймешь. Генетическая память...

Операция по изгнанию из России Британского совета — только начало большого пути (по которому мы, впрочем, давно ходим кругами, как та цирковая лошадь). Грехи этого Совета столь ужасны и многочисленны, что все перечислять не будем, сразу скажем о главном! Пятнадцать лет они для виду обучали россиян на свои деньги в своих оксфордах, а на самом деле все это время... Но не будем пересказывать своими словами, лучше процитируем. Слава богу, еще остались в России на складах старые чекистские корешки. От этих не скроешься!

«Деятельность Британского совета напрямую связана с деятельностью разведслужб Великобритании и США, и в руководство этой организации входят люди, которые прошли подготовку в спецслужбах», — заявил бывший руководитель управления нелегальной разведки КГБ генерал-майор Дроздов. Далее, со ссылкой на не названных зарубежных политиков, генерал заявил, что (цитирую) «при предполагаемом разделе России территория от Питера до Екатеринбурга должна стать территорией Великобритании, а Сибирь — отойти Соединенным Штатам».

О, это нам только давай! Угроза расчленения России! Кругом враги! Как там, у классиков? — «придется отстреливаться, я дам вам парабеллум». Как и в случае с Остапом, весь этот ужастик имеет целью, по преимуществу, выбивание финансирования из лохов — вот хоть этого генерала спросите, возглавляющего ныне некий аналитический центр... Если Англия перенесет уровень этой аналитики, ей уже ничего не страшно. Ну а мы-то привыкшие!

Но не Лондоном единым жива патриотическая мысль! Нас хватит на всех...

В ближайшее время в России будет создан аналитический центр, целью которого станет мониторинг нарушений в области прав человека и межрасовых отношений в Европе и США. Как заявил автор идеи, член Общественной палаты адвокат Кучерена, «во всех этих областях возникают тревожные вопросы». По словам Кучерены, финансировать проект будут российские бизнесмены.

О да! Так прямо и вижу: просыпается утром российский бизнесмен — в холодном поту, в острой тревоге за права человека на Западе! Приснилось ему истребление индейцев и голосование во Флориде. И так его это дело прошибло — завтракать не может, руки трясутся... Нет, думает, так нельзя — надо кинуть «бабок» Кучерене, пускай помониторит там права человека, а то совсем беспредел какой-то. После этого решения на душе у бизнесмена сразу легчает, и он идет со своей телкой в бутик по соседству, ну, скажем, в Кенсингтон (поскольку, как всякий уважающий себя российский бизнесмен, давно живет в Лондоне).

Но шутки в сторону! Поскольку о необходимости вставить Западу эту аналитическую свечу пару месяцев назад сказал лично Владимир Владимирович и смета (700 тысяч евро) тоже была определена в Кремле, то острое желание открыть Кучерене кредитную линию гарантировано безо всяких сновидений. Один звонок — и бизнесмена уже тревожат нарушения прав человека на Западе.

Теперь заглянем в телетеремок. Кто-кто в теремочке живет? Медведев в теремочке живет и наружу не выходит. Когда ни загляни — он всё там, всё заботится о россиянах! То в Тюмени жильем займется, то в Челябинске экологию на контроль поставит. А то вообще придет в Мурманске с толпой журналистов на морозильный траулер «Капитан Моргун» — и ну глядеть в карту района промысла! В каких бы широтах блукал морозильный траулер «Капитан Моргун», если бы Медведев не посмотрел ту карту! Но Медведев карту посмотрел и пообещал лично проинспектировать мурманские магазины на предмет наличия рыбы. Так что — не знаю, как у рыбы с Мурманском, а у Медведева с рейтингом все будет хорошо. Хотя тут не без наперстков... А впрочем, нам не привыкать!

Как передает сайт «Избранное», традиционный ежегодный рейтинг российской элиты, представленный издательским домом «Коммерсант» и Первым каналом, был изменен в эфире программы «Время». На второе место, принадлежавшее Алле Пугачевой, был поставлен первый вице-премьер Медведев, занимавший в рейтинге пятое место, а на пятом месте оказалась сама Алла Пугачева.

Ну, в том, что назначенному преемнику чуток приподняли позицию, ничего ужасного нет. После давешних выборов нас уже никакой цифрой не удивишь, и фальсификациям нашим пускай поражаются в Страсбурге, а тут все свои. Но вот опускать Аллу Борисовну, я думаю, не стоило... Должно же быть хоть что-то святое! А впрочем, там у них, в элите, тоже все свои.

И напоследок — о вечном. О вечном нашем самоощущении, я имею в виду.

Комментируя итоги отборочного турнира Евро-2008, лучший игрок сезона в России Константин Зырянов заявил: «Я думаю, что сборная России была фаворитом группы. Мы сильнее и хорватов, и англичан».

Отлично, Константин! Конечно, мы их всех сильнее, фигня вопрос! Жалко, Германия в другой группе была, повезло немчуре... Итальяшки, я считаю, тоже легко отделались: так и не увидели в деле братьев Березуцких... М-да. Адекватность — наше сильное место. Патриотические галлюцинации! — в этой дисциплине мы победим на любом Евро... Счастья вам!

26.01.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну, что сказать про отчетную неделю? — хороша! Коллектив нашей программы выражает благодарность Генштабу минобороны, спикеру верхней палаты Сергею Миронову, постпредству президента России в Уральском федеральном округе и отдельное спасибо... как говорится, special thanks — генералу Колесникову! С генерала, пожалуй, и начнем.

Недельной давности интервью, которое он дал нашей радиостанции, я, признаться, пропустил. Мое внимание на эту эпохалку обратил адвокат Юрий Шмидт. В своей весточке Шмидт писал: Виктор, «Эхо» попросило меня это прокомментировать, но мне тут комментировать нечего, это — для вас. Ну, что вам сказать, Юрий Маркович... Ну, послушал я пленочку... Нет, это не для меня! Это — для моего друга, врача-мозговеда Андрея Бильжо. Но поскольку он в настоящее время не практикует, придется, действительно, мне... Итак, генерал Колесников! Ну, вы его помните, господа. Нехудой такой правоохранитель, в прошлом — заместитель Генпрокурора, ныне, при том же Устинове, крупный деятель родимой юстиции. Генерал и раньше любил поговорить — пару лет назад он задал жару историкам, сообщив, что Иван Грозный был из булгар, Коран написали скифы, и они же завезли в Англию баранов... Высказавшись про скифов, генерал, по совету Козьмы Пруткова, дал фонтану отдохнуть, но в прошлую субботу фонтан снова дал струю. Виною этому стал Михаил Касьянов.

Г. К.: Я по радио услышал фрагмент его выступления, где было заявлено о том, что Ходорковский, Лебедев, Бахмина и другие — это не что иное, как политические заключенные, что власть глумится над ними. <...> Я считаю, что это глубочайшее оскорбление представителей следственно-оперативных бригад. А я знаю этих ребят, это профи. <...> Это оскорбление всей правоохранительной системы страны, судебной системы, ГУИНа, это глубочайшее неуважение к моему народу, неоднократно оболганному и ограбленному.

Насчет народа — я бы продлил список эпитетов. Он не только оболганный и ограбленный, он еще и многократно использованный. Потому что — как какой-нибудь сукин сын, так сразу, первым делом, ария об ограбленном народе; у публики-дуры сразу глаза слезами заволочет — тут наперсточнику и раздолье... Так что, товарищ генерал, не будем пришивать кобыле хвост! Отложим в сторонку народ-страдалец; вернемся к сути вопроса. Стало быть, слова Касьянова о политическом заказе на ЮКОС — глубочайшее оскорбление представителей следственно-оперативных бригад и

судебной системы. Этих профи заподозрили в нечистоплотности — как можно? Голос дрожит, глаза сверкают оскорбленной добродетелью... просто «Гранатовый браслет» какой-то... Теперь, я думаю, либо Касьянов возьмет свои слова назад, либо все они застрелятся до последнего прокурора Шохина. Общественность в нетерпении. М-да. Но пока что — все эти оскорбленные профи живы-здоровы и продолжают гулять по буфету во всей красе своего профессионализма!

Следователь Генеральной прокуратуры Салават Каримов неоднократно предлагал подследственному Алексаняну освобождение его из-под стражи в обмен на показания против Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Об этом находящийся в СИЗО бывший исполнительный вице-президент ЮКОСа заявил на слушаниях в минувший вторник.

Следователь Салават Каримов — особый случай даже по нашим меркам. Это закоренелый профессионал, профессионал-рецидивист! Именно он семь лет назад аналогичным образом (вот как сейчас Алексаняна) держал в заложниках главного финансиста группы «Медиа-Мост» Антона Титова — и так же, как сейчас у Алексаняна, в обмен на свободу, вымогал у Титова показания на Гусинского... Нынешней ситуации особое обаяние придает смертельная болезнь Алексаняна, которого Верховный суд оставил без медицинской помощи, в следственном изоляторе, в полном распоряжении «профессионала» Каримова... В подвалах папаши Мюллера тоже, говорят, работали крепкие профессионалы. Но вернемся к генералу Колесникову и его интервью «Эху Москвы». Он там еще много чего наговорил.

ЖУРНАЛИСТКА: Смотрите, если мы берем начало 90-х, первую половину 90-х, все, кто у нас сейчас занимается бизнесом с тех времен, сделали свой капитал примерно одинаковыми методами.

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ: Да.

ЖУРНАЛИСТКА: Но получается, что под следствием находятся только те...

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ: Отвечу на ваш вопрос. Все это вызвано тем процессом, который у нас есть. Я не могу по одному только заявлению взять и арестовать человека. Прежде чем принять соответствующее процессуальное решение о задержании, здесь я должен собрать доказательства. А там несколько стадий, вначале оперативная проверка, потом следственная проверка. Я задаю вам вопрос. В процессе этого расследования, казалось бы, правоохранительная система страны, и когда мы начали привлекать, я не услышал из уст нашей элиты, бомонда, ни одного, чтобы он выступил по телевидению и сказал — давайте мы дадим возможность правоохранительной системе закончить расследование этого дела. Ату, ату, ату!

Вопрос о том, святой ли генерал Колесников или идиот (или чем-то из этого притворяется), оставляю на усмотрение почтенной публики, — но если он притворяется, то делает это очень хорошо... Его, попросту говоря, спросили: почему за все олигархические девяностые сидит Ходорковский, а не сидят (по алфавиту) Абрамович, Дерипаска, Потанин, Фридман и весь список русского «Форбс» в промежутке между ними? Мне, признаться, раньше казалось, что не сидят они потому, что находятся в глубоких экономических отношениях как раз с теми, кто сажает. Но нет, оказывается, всему ви-

ной процессуальные трудности! Оказывается, Колесников и его правоохранительная К° «начали привлекать», но им не дали закончить расследование; более того, их травили! «Ату, ату, ату...» Кто же эти злодеи, посмевшие ставить палки в колеса правосудию? Почему не привлечены к уголовной ответственности в эпоху законности, наступившую с приходом Путина? И, кстати, о каких делах идет речь? Что-то я не упомню никаких процессуальных действий прокуратуры в куршевельско-кремлевском направлении. Или я что-то пропустил? Вроде нет. Ходорковский сидит, Лебедев сидит, Бахмина сидит, Алексанян умирает под следствием, — а Дерипаска, которого при всех его миллиардах в Давос не пускают, на родине в полном шоколаде и с прокуратурой вась-вась... Так при чем тут процессуальные трудности? К чему генерал городил этот огород? А?

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ: А вот вся эта словесная шелуха необходима для того, чтобы скрыть, создать видимость, ввести в заблуждение...

Простите, это другой фрагмент интервью, случайно приклеился! Ну, я думаю, версию о святости генерала Колесникова мы отложим: стало быть, либо идиот, либо притворяется. Хотя. скорее всего, и то, и другое. То есть, он притворяется, но по-идиотски.

ЖУРНАЛИСТКА: Вам наверняка известны доклады и наших правозащитников, и международных правозащитных организаций, которые говорят о том, что в России все-таки есть политзаключенные. <...> Им что можете возразить?

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ: Я бы посоветовал нашим правозащитникам шире смотреть, на причины смотреть. <...> А что послужило тому, что он оказался на скамье подсудимых? Ведь этот пласт же тоже, меня как криминолога, как профессионала, да, меня интересует психотип Чикатило, но я невольно задаю себе вопрос, а как он был зачат, в каких условиях, как его мать выносила эти 9 месяцев? И когда я вижу, что в течение этих 9 месяцев и еще раньше он подвергался таким издержкам со стороны общества и государства, конкретных людей, что мы превратили его в зомби. <...> И правозащитники, конечно, на это прежде всего должны обратить внимание, помочь.

Пробирает? Меня пробрало до костей. Да, ерундой занимаются правозащитники! Незаконные задержания, похищения и пытки, условия в тюрьмах, ментовской беспредел... Неглубоко копают! Им бы обратить внимание на условия зачатия преступника! На издержки, которым он подвергался до этого! Нет, все-таки идиот... Или не идиот? Нет, притворяется! Но очень, очень успешно...

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ: Я остаюсь поборником института смертной казни. <...> Я изучил эту проблему со времен фараона по социалистов-утопистов, коммунистов, по сегодня. И когда мои оппоненты говорят, что смертная казнь — это не панацея, я говорю — почему так считаете? А ученые сказали. А кто ученые, конкретно назовите, Сидоров, Петров, Козлов, я хоть с этим ученым поговорю...

Мои соболезнования ученому, которому придется говорить с генералом Колесниковым. Не знаю, как насчет взгляда на смертную казнь, но взгляд на русский язык ему поменять придется...

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ: ...он должен знать, что, подняв руку и убив, то же самое последует. Да, это больно, да, это так, но мы должны защитить живых, которые живут еще.

Уф-ф... Ну, пожалуй, хватит. Отдохнем до следующего раза, когда прорвет этот правоохранительный фонтан... А живых (которые живут еще) защищать, действительно, нужно. Главным образом, от генерала Колесникова и дружного коллектива форменных профессионалов, который он представляет.

Теперь немного о будущем. Будущее, как известно, штука туманная, но не везде. В Штатах, действительно, до сих пор даже непонятно, кто станет кандидатом в президенты, а уж результаты выборов и наощупь не нашаришь. Оттого и нет в рядовом американце уверенности в завтрашнем дне! Спивается рядовой американец в своем Нью-Гемпшире и завидует рядовому россиянину, которому пару месяцев назад скормили с овсом фамилию его нового президента, а давеча успокоили совсем.

В интервью газете «Московский комсомолец» спикер верхней палаты Миронов предположил, что Путин вернется в Кремль в 2012 году. «Я думаю, к этому времени мы увеличим срок полномочий главы государства до пяти или до семи лет, — заявил Миронов. — Если до семи и Владимир Путин будет избран на два срока подряд, то получается, что он будет руководить страной четырнадцать лет — с 2012 по 2026 год. А в 2026 году, может, Дмитрий Анатольевич снова вернется на президентский пост».

Ну, вот и ладушки, а то мы уж заранее волновались... Стало быть, в 2026-м возвращается Медведев и садится еще на четырнадцать лет... То есть, до сорокового года можно расслабиться точно. А в сороковом Путину всего-то будет восемьдесят шесть. Неужто Россия позволит такому кадру уйти из политики? Да он и не сможет к этому времени... В общем, кочумайте, россияне. Все под контролем.

Ну, будущее уже прибито к перекладинке большими гвоздями, но покамест надо еще подналечь, чтобы обеспечить счастье народов. Этим и занимались в отчетный период в уральском постпредстве президента.

Уральских студентов в обязательном порядке обяжут прийти на выборы президента России. Главы регионов Уральского Федерального Округа получили сверху соответствующую разнарядку, пишет агентство «Новый регион». «Губернаторов обязали "пригнать" на выборы не меньше 40 процентов молодежи, так как, по задумке Кремля, Медведев олицетворяет новое поколение в политике».

Ну, делать нечего! Раз в Кремле решили, что Медведев олицетворяет новое поколение, новому поколению натрут задницу скипидаром и погонят на участки, как во время оно гнали в колхоз их прадедушек. А для начала в постпредстве тем же составом натерли привычные места активистам партий, типа как бы выдвинувших этого Медведева. Наложили епитимью на рабов божьих и предупредили добром: если Медведев наберет в области мало голосов, спрос за это будет не только «единороссов». Любуйся, Урал, как сейчас Миронов и Барщевский с аграриями побегут петушком за дрожками! А ты, уральский студент, готовься ко второму марта — и не приведи тебя, Господи, сачкануть...

Теперь — чистый Маркес: хроника объявленной смерти! Зарезали кандидата Касьянова. То есть, зарезали кандидата, а уцелевшего Касьянова подвесили на солнышке с перспективой уголовного дела за фальсификацию подписей в республике Марий Эл. Тамошняя прокуратура открыла ужасные факты фальсификаций! Республика Марий Эл вообще давно известна как край, где царит закон. Это, в некотором смысле, край закона, если вы правильно меня понимаете... В общем, Касьянова зарезали прямо в ЦИКе, посреди Москвы, и лучше всех эту его неудачу по-дружески объяснил глава Демократической партии Андрей Богданов, сам-то прошедший в кандидаты вполне благополучно.

По мнению кандидата в президенты России Андрея Богданова, значительная часть брака в подписных листах Михаила Касьянова обусловлена, в частности, «человеческим фактором».

Вот! Не знаю, что именно имел в виду Богданов, но у него самого с «человеческим фактором» все сложилось прекрасно, и этот кудрявый демократ, родом из аппарата «Единой России», в декабре на выборах набравший меньше девяноста тысяч голосов, к середине января по щучьему велению представил в Центризбирком подписи двух миллионов граждан, желающих видеть его президентом! И заметьте, никакого брака в документах! Центризбирком искренне порадовался за Богданова и выдал ему ксиву.

Ну да. Потому что, сами посудите, — ну как в мартовском балаганчике совсем без демократов? Касьянова зарезали, Каспарову сорвали выдвижение, Буковского помножили на ноль в Конституционном суде, Немцов все понял сам, а Явлинского забодали свои... А репертуар-то пропадает! Теперь за них за всех будет валять ваньку этот демократ на ниточке, и до марта администрация вертепа в обиду Богданова не даст! Теперь главное — чтобы картонный злодей Зюган не выпал из левой кулисы, а то пьеска не состоится...

Счастья вам!

02.02.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Отчетная неделя — это было какое-то просто чудо! В других краях ее сюжетов хватило бы на пару лет непрерывных скандалов с отставками министров и правительств, а у нас — ничего и не шелохнулось. Ну, обо всем по порядку. Начнем с легкого психологического этюда.

Вот, значит, загуляла баба налево и засветилась — что делать бедной бабе? Да только одно и остается — отвернуться и сказать: не хочу с тобой разговаривать, дурак! И тут же перейти в атаку: подлец, я тебе верила, а ты за мной шпионил! Это я к чему говорю? На прошлой неделе в Штатах вышла книга одного нашего перебежчика. Этот информированный перец, среди прочего, настучал о том, что в конце девяностых члены правительства России похитили около 500 миллионов долларов из фонда программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» (причем эти миллионы были взяткой от Саддама Хусейна за лоббирование его интересов) и что нынешний президент России, в ту пору глава Совбеза и ФСБ, прекрасно об этом знал... Разумеется, вся эта мерзость (я имею в виду не взятки, а рассказ о них) не могла остаться без ответа!

В заявлении пресс-бюро Службы внешней разведки России, в частности, говорится: «Хотели бы подчеркнуть, что во всех спецслужбах мира "пиар на предательстве" всегда считался омерзительным деянием, а само предательство — уголовно наказуемым». «Пресс-бюро, — говорится далее, — не намерено впредь комментировать сообщения на данную тему». Ну, вот я и говорю! Отвернуться и сказать: не хочу с тобой разговаривать, дурак! А предательство — штука и впрямь омерзительная... Когда, например, правительство обнимается с союзниками по «большой восьмерке», а само втихую, за бабки, работает на Хусейна, а глава Совбеза, будущий страстный борец с коррупцией, обеспечивает приватность этому слиянию сердец и баррелей нефти... Впрочем, говоря о предательстве, Служба нашей внешней разведки, кажется, имела в виду что-то другое, и благородный гнев, сквозящий из каждого ихнего слова, заволакивает мой взор слезами умиления. Холодная голова, горячее сердце, чистые руки! Вот только нефть бы с пальчиков отмыть, чтобы отпечатки не так бросались в глаза...

Но былые полмиллиарда — мелочи на фоне достижений нового века, когда наш борец с коррупцией вошел во вкус. А вкус у него оказался чудесный! Да и не нефтью единой живы бойцы невидимого фронта — есть же еще и газ! Уж сколько об этом говорено, и не хотелось лишний раз вспоминать, но — придется...

В Москве арестован Семен Могилевич, много лет находившийся в международном розыске. СМИ связывают его имя с фирмами-посредниками, через которые Россия осуществляла и осуществляет транзит туркменского газа в Украину. О да! Осуществляла, осуществляет и будет осуществлять! Вначале был загадочный Eural Trans Gas — пятикопеечная фирма из тихой венгерской деревни, созданная адвокатом этого самого Могилевича, уже находившегося в международном розыске. Именно через эту дырочку Путин и К° решили почему-то прокачивать туркменский газ и денежки за него. (Ближе и прозрачнее, видать, ничего не нашлось.) Потом был скандал, и вместо плохой Eural на свет божий вынырнула хорошая «Росукрэнерго», состоящая по преимуществу из карибских и кипрских оффшорок, фирм из Лихтенштейна и Вены, друга Берлускони, которого давно хочет итальянское правосудие, и сына Ариеля Шарона, который уже сидит. А объединяют все это торжество логистики два хозяина «Росукрэнерго» — один из них в прошлом питерский чекист, а другой (вы будете смеяться) корешок все того же Могилевича! Международного преступника, много лет преспокойно жившего в Москве... Ну, международных преступников Россия-щедрая-душа приютила немало, но Могилевич — особая статья. Его не сербы с грузинами — его ФБР искало пятнадцать лет, а он, значит, жил в Москве, и надо заметить, без пластических операций, со своим лицом... Владел фирмами, обедал в дорогих клубах... Ну, все свои. И вдруг — что такое? Налетели, положили лицом в снег! Борьба с международной преступностью прорезалась! С чего бы это? И почему, как выяснила дотошная коллега Латынина, валяли Могилевича в снегу как бы по запросу украинской прокуратуры, а потом за ночь пристегнули вдруг к чужой неуплате налогов? И почему налоговая полиция была не в курсе? И отчего это брал Могилевича не УБОП, а какие-то левые менты? Кажись, операция готовилась в секрете не только от Могилевича, но глав-

ным образом — втайне от чекистов. И не при чем тут, стало быть, борьба с международной преступностью, а при чем тут как раз та самая «Росукрэнерго» с ее миллиардами, и близкая смена власти, и возможность перегрызть сухожилие товарищам по вертикали... Ну, теперь ход чекистов. Сейчас они отроют очередного «оборотня» в МВД! Но для начала главное — не допустить выдачи Могилевича в Штаты, где его ждет 350 лет тюрьмы, дай бог ему здоровья... Не то чтобы чекистам было жалко Могилевича, но за 350 лет он там напишет американцам такие мемуары, что преждевременный «могилевич» наступит уже у Путина с К°... Нет, либо отмыть Могилевича здесь, либо здесь же закопать! А врагу мы Семена не отдадим.

Итак: питерские любители пилить туркменский газок (пополам с солнцевским братком в международном розыске) продолжают благополучно рулить страной, а то, что они называют законом, продолжает упражняться на Ходорковском и всех, кто был рядом с ним. То есть — не всех, конечно! Рядом с Ходорковским был и Сурков (и, заметим, немало заработал, находясь рядом с ним в годы, когда, находясь рядом с Ходорковским, можно было заработать). Но вот когда, находясь рядом с Ходорковским, стало можно получить срок, число желающих встать рядом резко убавилось. Один из них, адвокат Алексанян, два года гниет в камере, потому что, такой странный, не хочет давать показаний на Ходорковского и Лебедева. А с недавних пор он в камере уже не только гниет, но и прямо умирает, что, конечно, не должно отвлекать российское правосудие! А на Европейскую конвенцию по правам человека мы попросим помочиться следователя Каримова — в некотором смысле он делает это уже много лет... Впрочем, Каримов в этой системе, слава богу, не один такой. Голодовка Ходорковского с требованием прекратить издевательство над смертельно больным Алексаняном позволила россиянам узнать по имени еще многих стражей закона — и насладиться их уровнем чести и стройностью логики.

На минувшей неделе начальник УФСИН по Читинской области Юнус Амаев прокомментировал объявление Ходорковским голодовки. «Нет понятия "голодовка", — заявил Амаев, — а есть понятие "отказ от пищи", и если он ничем не обоснован, то человек наказывается за нарушение внутреннего распорядка». Чисто филологическая справка для господина Амаева — чисто по понятиям. Понятие «голодовка» — существует. Так и не произошедшему из обезьяны в человека представить содержание этого понятия довольно трудно, а люди понимают это как раз очень хорошо. А «отказ от пищи», г-н Амаев, это совсем другое. Это — когда вы поели с добавкой и в вас больше не лезет. Не надо путать понятия...

Для продолжения правоохранительной темы перенесемся в Ингушетию и посмотрим, как обстоит дело там. Только осторожненько так перенесемся и незаметненько так посмотрим, а то вмиг отметелят и сделают подозреваемыми...

В прошлую субботу в Назрани нарядом милиции были схвачены и избиты фотограф агентства «РИА-Новости» Царнаев и корреспондент газеты «Твой день» Курскиев, фотографировавшие горящее здание редакции местной газеты. Журналисты были допрошены сотрудниками ФСБ и Следственного комитета, после чего переведены в изолятор, где им было предъяв-

лено обвинение в совершении поджога редакции. Доблестные ингушские чекисты, менты и прокурорские работники были буквально в двух шагах от раскрытия поджога здания газеты, потому что больше суток Царнаева и Курскиева не кормили и не давали пить, и еще немного — они бы, конечно, сознались, но проклятая правозащитная свора отбила журналистов: продержав под замком сутки с гаком, их выпустили из изолятора безо всяких претензий; как приснилось все это... Но направление прокурорской мысли следует признать правильным! Человек, фиксирующий преступление — он преступник и есть! Как минимум в Ингушетии эта концепция, кажется, восторжествует. Создатель и владелец оппозиционного сайта «Ингушетия.Ru» адвокат Магомед Евлоев объявлен в розыск. Об этом он сам сообщил в телефонном интервью телекомпании РЕН-ТВ. По словам Евлоева, ему предъявлено обвинение в организации массовых беспорядков. На сайте «Ингушетия.Ru» сообщается, что президент Ингушетии Зязиков потребовал от руководителей Следственного комитета «любым путем что-то придумать, чтобы арестовать Магомеда Евлоева». Магомед Евлоев — давнее бельмо в честном глазу президента Зязикова. Зязиков терпел его как мог, но организованная Евлоевым акция «Я не голосовал» стала последней каплей! В ходе акции выяснилось, что зязиковский республиканский рекорд по явке в поддержку Путина был полным фуфлом, о каковой фальсификации Евлоев хамским образом написал в Генеральную прокуратуру. После этого, сами понимаете, один из них должен сесть в тюрьму: либо Зязиков, либо Евлоев. Угадайте, кто именно сядет? Вот и я так думаю...

В общем, с законностью в России все хорошо — все было бы хорошо, кабы не проклятый Страсбург. Страсбург — это конечно, самый явный случай вмешательства в наши внутренние дела! Но не единственный. Я-то могу только догадываться, но президент, конечно, владеет полной информацией...

Выступая в минувшую среду на коллегии ФСБ, Владимир Путин, в частности, заявил: «Россия не позволит корректировать из-за рубежа ход президентской кампании в стране». Путин поручил чекистам «усилить работу по своевременному получению информации о попытках вмешательства в наши внутренние дела». Если первый ужас прошел, то, не дожидаясь второй волны мурашек, давайте зададимся вопросом: каким образом некто из-за рубежа может вмешаться в ход нашей президентской кампании? Даже не будем спрашивать, кто именно этот злодей: козлобородый дядя Сэм или наглый Джон Булл? Да хоть оба разом! Я спрашиваю: каким образом? Мы уже не то что агентов влияния — наблюдателей ОБСЕ в страну не пускаем! В телевизоре полтора десятка пушковых конкурируют за право оплевать оппозицию, в ЦИКе дежурит личный путинский старик Хоттабыч, — и это при том, что избирательный бюллетень заранее превращен в пустыню... Может быть, говоря о попытках вмешательства, Путин имел в виду Фиделя Кастро, который будет тайно продвигать в Кремль Зюганова? Не знаю... А впрочем, отчего ж «не знаю»? Знаю! Ничего он не имел в виду. Просто деваться было некуда. Вот коллегия ФСБ, вот президиум, вот телевидение, и все смотрят тебе в рот, и надо что-то сказать. Ну, он и сказал, что всегда говорит. Органчик!.. А победе Медведева, как ехидно заметила испанская газета «Ля стам-

па», может помешать разве что высадка в Кремль марсианского десанта. Если, говоря об угрозе извне, Путин имел в виду именно это, — то мой ему респект; чекисты против марсиан — это будет круто. Ну, а поскольку других угроз торжеству суверенной демократии не наблюдается, в победителях обнаружилась некоторая приятная расслабленность...

В понедельник в СМИ появились сообщения о том, что в Кремле решили избавиться от молодежных движений. Как заявил газете «КоммерсантЪ» источник в администрации президента, «при нынешних результатах, ликующая "гопота" не нужна». Через несколько дней другой источник в Кремле опроверг сообщение о закрытии молодежных проектов, заявив, что администрация по-прежнему рассчитывает на сотрудничество с движением «Наши».

Итак, в администрации наметились тактические разногласия по вопросу: использовать ли это изделие еще пару раз или выбросить втихаря за Спасские ворота? Но, признаюсь, эти частные разночтения — ничто рядом с вылетевшим словом, которое не воробей... Стало быть, «ликующая гопота»? О, yes! Вот эти — по всем телеканалам, в новостях, с птичьего полета снятые многотысячные колонны, вышедшие подержать курс Путина; этот передовой отряд, это будущее нации, этот завтрашний день России — это всё, оказывается, гопота! Кстати: они уже поставлены в известность, что они гопота — или до сих пор считают себя патриотической молодежью?.. Но какая жалость, если их снимут с финансирования! Куда ж будет податься мальцам-хунвейбинам? У них же за пять лет рефлексы образовались: полаешь — покормят... Что ж теперь, и посла Брентона потравить нельзя? Каспарова какашкой не обозвать? А что же делать? Учиться? Но которые хотели учиться, они и учились, а не ездили зимой за тридевять земель достоинство отмораживать. В общем, дорогой Кремль, ты в ответе за тех, кого приручил! Давай там без жестокого обращения с животными, ладно?

И напоследок — одна обнадеживающая информация.

Как сообщило агентство РИА «Новости» со ссылкой на источник в правительстве, в ближайшее время премьер-министр Зубков может возглавить совет директоров «Газпрома».

Ах, только бы это не сорвалось! Какая славная получится хороводина: Медведев пойдет на место Путина, Путин — на место Зубкова, Зубков на место Медведева. А все вместе будет называться «Россия, вперед!»

Счастья вам!

09.02.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Знаете, вот вроде бы — почти полвека на Родине, должен бы уже адаптироваться, а все никак. Каждый раз даю себе слово: больше они меня ничем не удивят! А они удивляют и удивляют... Ну, обо всем по порядку!

Начну с самокритики. Неделю назад я написал в своем блоге: мол, история с Алексаняном — это чистая антропология, тут даже Путин не при чем! Мне (честное слово) казалось, что судей, оставивших умирающего человека в клетке, просто хватил душевный паралич. Что за семь путинских лет они сами скукожились до такого убогого состояния и теперь принимают рефлекторные решения без посторонней помощи... А в Кремле (казалось мне)

никому дела нет до Алексаняна. Все ж таки это не Ходорковский, который, во-первых, был личный враг нашего королька, а во-вторых — при нем лежало и просилось в новые руки восемнадцать миллиардов долларов... Там все понятно, но здесь-то к чему это прилюдное людоедство? В общем, я полагал, что пыточный суд над Алексаняном — это уже самодеятельность. А вот ни фига, оказалось, не самодеятельность! Один добрый человек поведал мне, как прямо при нем звонили Суркову, хлопотали об изменении меры пресечения... И этот любитель поцитировать философа Ильина оказался в теме по самые ушки. Доводами гуманизма кремлевского визиря грузить не стали, обошлось практическими соображениями, и, видать, по результатам разговора идея замучить Алексаняна до смерти в зале суда была признана чересчур затратной. В репутационном отношении, разумеется — какие-никакие, а выборы на носу! Из бойницы махнули белым платочком — и наутро Фемида протерла бельма и разглядела у подсудимого смертельное заболевание, которое два года в упор не видела...

Итак, что же нужно для того, чтобы принять решение о переводе в лечебницу смертельно больного человека? Всего и делов: сухая голодовка Ходорковского, поддержанная голодовками десятка людей на воле, демонстрация в Москве, правозащитные письма, официальные поручительства деятелей литературы и искусства, плюс письмо 23-х членов Европарламента президенту, премьеру и Генеральному прокурору страны... Был, правда, путь попроще: два года назад заглянуть в Уголовный Кодекс, прочесть восемьдесят первую статью и поступить в соответствии с законом, — но мы не ищем простых путей!

Теперь (как эхо этой истории) один психологический этюд. Точнее — несколько этюдов. Я уже упоминал про письмо правозащитников и поручительство за подсудимого, появившиеся когда Алексаняна еще пытали в зале суда. Под этими документами стояло два десятка подписей, — но если бы вы знали, скольких подписей там не оказалось! И если бы вы знали, по каким причинам их там не оказалось!

Причины самые уважительные. Например, один видный российский демократ отказался вступаться за Алексаняна, потому что ему было бы неприятно видеть свою фамилию рядом с фамилией другого российского демократа. А один видный журналист сказал другому видному журналисту: старик, я всей душой за Алексаняна, но меня ж тогда уволят с телевидения! И кому, говорит, будет лучше? Ну да, ведь этот журналист — демократ (в душе). И еще много пользы принесет сдержанной, одобренной сверху, критикой отдельных перегибов... А третий, видный театральный деятель, тот прямо чуть не расплакался, но подпись свою под поручительством не дал. По техническим причинам. Я, сказал, сейчас за рубежом. Меня нет. И попрощался. Вот... Но вообще-то, наша творческая и художественная элита — вся, поименно... — это очень тонкие люди, и все страшно Алексаняну сочувствуют! Особенно те, у которых в кабинетах висят портреты Путина. Эти сочувствуют совсем сильно, просто не знают, как выразить... Поиск выразительных средств — главная проблема у настоящего художника!

Теперь поговорим о выборах. Тут, как говорится, два мира — два шапиро! В минувший вторник в Штатах прошли очередные праймериз. Жуть!

Мало того, что две разные партии вместо одной правильной, так даже до сих пор не ясно, кто от какой пойдет в президенты. У республиканцев еще, туда-сюда, устаканилось (хотя бы ясно, что это будет белый мужик), а у демократов белого мужика точно не будет — либо одно, либо другое, ну и, как положено, полный раздрай в демократическом лагере! Тут Обама выиграл, а там — Хиллари! На праймериз в Нью-Мексико опять Хиллари, а на кокусе на Аляске — снова Обама! А «кокус», чтоб вы знали, это собрание партийного актива. А Аляска, чтоб вы знали — это Чукотка. Казалось бы, какие проблемы: один звонок местному Абрамовичу — и все эскимосы голосуют за преемника Буша, главу корпорации «Exxon». И никаких кокусов! Но нет, не могут американцы по-человечески, все устраивают из политики шоу... А простому американцу одна нервотрепка.

Выгодно отличается от этого американского балагана маршевый ход предвыборной кампании в России.

Губернатор Петербурга Валентина Матвиенко потребовала от коммунальщиков отчитаться по итогам голосования на выборах президента России. «А не проголосуют, — вы как руководитель отключите свет, газ и воду», — сказала Матвиенко, обращаясь к руководителю Товарищества собственников жилья. Председатель Законодательного собрания Петербурга Александр Гнетов расценил эти слова как шутку и «способ поднять горожанам настроение».

Как настроение, петербуржцы? Приподнялось? М-да... Шутки-малютки нашей Валютки в других краях мигом сделали бы ее безработной с волчьим билетом, но у нас с таким казенным юмором — хоть в «Аншлаг»... Впрочем, сам г-н Гнетов выдал шутку потоньше.

Комментируя требование губернатора Матвиенко к коммунальным службам города отчитаться по явке на выборы, председатель Законодательного собрания Петербурга, в частности, сказал: «Любой избиратель имеет право следить за избирательным процессом». А? Как вам реприза? По-моему, смешно. Ну, а чего стесняться, когда все свои! И буквально свои, и ментально... Похоже на то, что тревоги Валентины Ивановны насчет явки второго марта — излишни: к предстоящей им обязательной диспансеризации россияне относятся с полным пониманием!

По данным «Левада-центра», почти половина россиян не уверены в том, что выборы президента будут честными; при этом три четверти опрошенных заявили о своем намерении принять участие в голосовании. Среди мотивов участия наиболее часто упоминается ответ «обязаны голосовать».

Считать своим гражданским долгом участие в игре в «наперстки» — это истинная доблесть! Тютчев угадал: умом тут не понять... А уж аршином общим точно не измерить — как минимум потому, что с общим аршином никто близко не подпустит. Тут к нам намылились на этот счет господа из ОБСЕ, из Бюро по демократическим институтам и правам человека. Хотели прислать наблюдателей — аж за две недели до выборов! Им, видите ли, хотелось понять, обеспечен ли равный доступ кандидатов к средствам массовой информации! Раскатали губу. Залягут, поди, с секундомером у телевизора и ну ждать Зюганова! А там все Медведев и Медведев... Мы им русским языком, супостатам, говорим: дался вам равный доступ! Что вы тут будете тор-

чать две недели на холоде? Милости просим прямо к празднику народовластия, полюбуетесь на голосование — и цурюк. А они настаивают на сроках! Неадекватные какие-то, нереалистичные совсем... Это не я так считаю, это — наш МИД.

Первый заместитель главы МИДа России Андрей Денисов заявил, что отказ европейского Бюро по правам человека приехать на выборы в сроки, предлагаемые Россией «вряд ли испортит выборы в России» и призвал европейцев «подходить к оценке ситуации с более реалистичных позиций».

Да! Реализму им не хватает. Приперлись к туарегам и требуют европейских стандартов. Правда, сами наши туареги при случае не прочь погулять на «большой восьмерке», и носят эти туареги «версачче», и дети у них учатся по преимуществу в европах, но куршевели куршевелями, а выборы вождя — это старый местный ритуал с местными обычаями, и не надо нам тут портить праздник! А не то — вы нас знаете, мы просто так этого дела не оставим!

Неготовность европейского Бюро по демократическим институтам и правам человека действовать в рамках приглашения ЦИК России — свидетельство необходимости реформирования этого института, заявил заместитель главы МИД России Александр Грушко. По мнению члена ЦИК Игоря Борисова, своими действиями Бюро «пытается помешать нормальной организации президентских выборов».

Как говорил Гамлет: вот и разгадка! А то я все не мог понять: что же имел в виду наш гарант, когда на прошлой неделе говорил о попытке вмешательства извне в процесс наших выборов? А вот, видимо, как раз это и имел в виду. Не позволим! Профсоюз российских «наперсточников» выражает официальный протест по поводу попыток иностранных наблюдателей заснять весь процесс целиком.

Ну, а уж когда стало известно, что никаких наблюдателей снаружи не предвидится, от сердца отлегло совсем.

В случае, если второго тура президентских выборов в России не будет, деньги, выделенные на его проведение, пойдут на премии сотрудникам Центризбиркома. Информацию об этом корреспонденту «Уолл-стрит джорнал» подтвердили представители ЦИК. Издание в связи с этим напоминает, что на проведение второго тура ассигновано около миллиарда рублей.

Ну, теперь... ну, я даже не знаю, что должно произойти, чтобы Медведев набрал меньше 50%! Таких правил арифметики еще не придумано. Ну, вот, представьте себе: вы Чуров. (Вы не смейтесь, это в России со всяким может случиться. Завтра ось повернется каким-нибудь другим концом, ваш приятель станет президентом России, — вы очухаться не успеете, а уже чем-нибудь заруководите! Надо быть готовым в любой момент.) Так вот, значит: вы руководите ЦИКом, а тут как раз выборы и вам говорят: видите этот миллиард? Это вам с коллективом премия. А видите этого милого господина? Это наше очередное всё. Либо оно набирает 50% сразу, либо вся ваша премия уходит на проведение второго тура. Ваши действия? Ну, то-то. Не приведи господи теперь какая-нибудь тварь на местах не даст нужной цифры! Уже и чекистов не потребуется — члены ЦИК сами ему все оторвут.

Нимало не сомневаясь в будущих успехах в области арифметики отдельных штатских губернаторов и целого Центризбиркома, хочу все-таки

поставить им в пример людей в форме. Они в такой форме... в смысле арифметики... это что-то один раз! Хотя как раз — не один.

Как заявил замглавы МВД России генерал-полковник Еделев, в прошлом году в Чечне было уничтожено 28 бандглаварей и 164 бандита, а также задержано более семисот участников и пособников незаконных вооруженных формирований. На территории Чечни в настоящее время остается до 440 боевиков, заявил замглавы МВД.

Товарищ Еделев! Я от вас с ума сойду. Я ведь гуманитарий, у меня голова на математическую сторону поврежденная, со мной так нельзя... Ну хорошо, давайте в столбик, как в третьем классе. Значит, двадцать восемь главарей плюс сто шестьдесят четыре бандита плюс более семисот участников и пособников... В общем, как не крути, получается около тысячи обезвреженных только за прошлый год! А в позапрошлом году бандитов в Чечне оставалось всего 450. И эту цифру называл — кто? Вы будете смеяться: тот же генерал Еделев и называл. Было значит, 450 боевиков, тысячу обезвредили, осталось 440... В этом году еще тысячу наколотят, останется 430. Следите за статистикой.

Кстати, о статистике. Тайны ее размаха, или, скажем так, разлета, скрыты за семью федеральными печатями, а разгадка (совсем простая) лежит в области финансирования. Ну вот, скажем, те же чеченские боевики, источник генеральского благосостояния. По версии МВД их в настоящий момент — 440, а Кадыров на прошлой неделе говорил — 60–70... Отчего так? Даю минуту на размышление. Ну, есть версии? Правильно: Кадырову деньги из казны дают, чтобы боевиков в Чечне не было, а МВД их получает за то, что оно боевиков ловит... Чуете разницу? И какой же кот будет таким идиотом, чтобы докладывать о полном уничтожении мышей, если за ежегодные доклады о борьбе с мышами его кормят сметаной?

И напоследок — о душевной отзывчивости россиян. Но сначала — об одном телевизионном телесюжете. Вполне здоровенькой лабораторной крыске на глазах телезрителей ввели парализующую сыворотку, и под доброжелательный комментарий ведущей крыска перестала шевелиться, а потом сдохла. Все это происходило утречком в воскресенье, в программе «Здоровье» на Первом канале. И вот несколько сотен сограждан из десятка городов нашей необъятной и такой чувствительной Родины, увидев сие, разом направили заявление на тысячу надзорных адресов; аж в Генеральную прокуратуру написали! Сограждан возмутила демонстрация насилия и жестокости! В тот самый день, когда СМИ сообщили нам об этой всенародной волне сочувствия к живому организму, в Симоновском суде Москвы в очередной раз не выпустили из клетки человека, больного двумя смертельными болезнями... Дорогие россияне! Может, вам с утреца, по Первому каналу, вместо несчастной крыски покрутить прямые включения из ГУЛАГа? Там тоже живые организмы... А? Ну, если запасы сочувствия на всю Евразию, а девать некуда... Ладно, шучу. Гноить людей — местная традиция, жизнь на грани ужаса тут — обычные условия обитания, и привычка к этому — часть нашей загадочной души... А крысу действительно жалко. Она-то точно не при чем.

Счастья вам!

23.02.2007

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, неделька выдалась выразительная — по некоторым направлениям я бы предпочел меньше выразительности, но меня никто не спросил... Сказанное запомнилось ясно, но яснее всего запомнится, пожалуй, молчание. С этого и начнем.

Да-да, для начала — легкий этюд о свойствах местной акустики... Две недели назад в Москве прогремел доклад Бориса Немцова и Владимира Милова об итогах путинской восьмилетки. Итоги эти подводили многие, и аз грешный мел языком еженедельно, но тут уже, под занавес, не публицистика пошла, а цифирки, фактики да имена собственные — и сложились они, надо сказать, в картинку совершенно уголовного свойства... По простому говоря, нынешних хозяев страны поименно, с примерами, назвали ворьем и лжецами. Я как это дело прочел, первым делом вынул часы с секундомером и засек время. Ну, думаю, сейчас им из Кремля врежут! Вот прямо сейчас! Потому что — ну, это же невозможно в приличном обществе, чтобы тебе прилюдно сказали «подлеца», а ты продолжал стоять у рояля во всем белом и о погодах разговаривать... Да еще перед выборами, когда политики так чувствительны к вопросам репутации... Стреляться немедленно! На Первом канале, через Шевченко! Но день прошел — тишина, другой прошел — тишина... Ну, думаю, дело серьезное: не иначе как на Старой площади готовят подробные опровержения по каждому пункту. Однако ж неделя прошла, и ни гу-гу... И вторая прошла, и опять ничего... Только телевизор со всех кнопок трындит как трындел о России, встающей с колен. Божья роса, стало быть... Продолжают стоять у рояля во всем белом. Ау! Господа! Вы чего? Вы, может, не расслышали? Вас назвали ворами. Во-рами! Опять не слышат. Что-то с акустикой в помещении... Очень большая страна, звук рассеивается...

В продолжение акустической темы замечу: звук на наших просторах не только рассеивается, — он еще в одно ухо влетает, а в другое вылетает; и этот чудесный сквозняк в голове позволяет держать мозги в незагруженном состоянии.

По данным журнала «Финанс», депутатами Государственной думы 2 декабря стали пять долларовых миллиардеров, причем четверо из них — члены партии «Единая Россия». СМИ напоминают, что президент Путин, выступая на съезде партии, говорил о недопустимости совмещения бизнеса и депутатской деятельности.

О, помню, помню, как же... Прекрасная была речь, спичрайтеру респект! «Смогут ли бизнесмены, развивая собственный крупный бизнес, в то же время оставаться объективными, принимая решения, затрагивающие интересы всей экономики?» — риторически вопрошал наш президент, гроза олигархов; по совместительству — покровитель группы новых миллиардеров, ставших миллиардерами стремительно и как раз после того, как их друган Вова сел в Кремль. Причем для красоты сюжета полезно вспомнить, что в Кремль его тоже сажали миллиардеры... И с таким диагнозом — восьмой год борется за интересы простого народа! До чего ж у нас простой народ, одно удовольствие руководить.

Теперь несколько слов о неусыпной заботе власти на противопожарном направлении. Эта забота в последнее время заметно усилилась. Просто — мировой пожар в крови (господи благослови)... Приходит Каспаров в МГУ встретиться со студентами, а аудитория опечатана — ну, непригодна вдруг оказалась в противопожарном отношении, именно в этот день! В Питере с целым Европейским университетом — та же фигня. Синхронно воспалились пожарники и насчет Центрального дома Журналистов, где «Другая Россия» снимала помещение для пресс-конференций... А давеча недреманное противопожарное око пристально глянуло и на сам Союз журналистов.

Главное управление МЧС по Москве обратилось с заявлением в суд с требованием приостановить на три месяца деятельность Союза журналистов России. Спустя несколько дней заявление было отозвано «для дополнительной проверки по вновь открывшимся обстоятельствам».

Ну, что журналисты играют с огнем, это давно было понятно! И пришел наконец заботливый «ноль-один», чтобы залить эту оппозиционную «малину» густой пеной. Чтобы, значит, сгореть не сгорел, но уже сгнил к чертовой бабушке... В первом протоколе осмотра помещений МЧС зафиксировало у журналистов четырнадцать нарушений; когда нарушения были устранены, МЧС пришло снова и выявило их уже тридцать два! Кто служил в армии и пытался заправлять койку в присутствии сержанта, — тот понимает происходящее правильно. В настоящее время от журналистов, для работы в соответствии с законом, требуется (цитирую) «не запирать двери, ведущие в другие организации», а также «содрать все покрытия на полах и убрать из приемной мягкую мебель». Уважаемый глава МЧС, товарищ Шойгу! Дорогой Сергей Кужугетович! Всецело разделяя вашу заботу о противопожарной безопасности, я бы предложил в самое короткое время опечатать Кремль... Я, знаете ли, видел там запертые двери и много мягкой мебели... Не будем опечатывать Кремль? И для дополнительной проверки по вновь открывшимся обстоятельствам — тоже не будем? Тогда не надо притворяться шлангом.

Итак, чрезвычайная ситуация с мягкой мебелью в приемной Союза Журналистов, кажется, преодолена. Самое страшное позади.

Ничего необычного не происходит и в больнице, куда с небольшой задержкой (всего в пару лет), привезли лечиться подследственного Алексаняна. Лечат его по всем правилам тюремной науки, а именно — пристегнутым наручниками к койке. Причем, как выясняется, — все это делается для его же блага.

Руководитель пресс-бюро Федеральной службы исполнения наказаний Александр Сидоров заявил, что Алексаняна приковывают к кровати наручниками, чтобы (цитирую) «обезопасить его от попытки побега или самоубийства».

Когда твоя жизнь в руках Федеральной службы исполнения наказаний, о самоубийстве действительно можно только мечтать. Но вот насчет того, что Алексаняну грозит опасность собственного побега — это настоящий перл пеницитарного ума! Браво, Сидоров! Сидоровский начальник, директор ФСИН Калинин, был не столь изыскан, но подтвердил, что Алексаняна приковывают «во избежание побега». Остается пожелать самому господину

Калинину, для расширения представлений о целесообразности, попробовать как-нибудь сбежать из больницы в состоянии, когда слепота, туберкулез и рак лимфатической системы являются не самой тяжелой частью диагноза. Но не будем требовать от тюремщиков чрезмерного ума, не предусмотренного инструкцией, — в России, слава богу, есть кому осознать ужас происходящего и воззвать к милосердию! Кстати, о Боге: не вступился ли часом за Алексаняна патриарх? А то — артисты, писатели и правозащитники небольшим числом голос все-таки подали; даже из Общественной палаты приехали в больницу, когда эти цепи начали натирать им репутации, а вот из офиса патрирахии как-то ни слова не донеслось — ни по этому поводу, ни по другим аналогичным... А доносится оттуда и уже много лет звенит в ушах — аккуратное молчание.

М-да... Вы заметили, как выросло за последние века духовное величие церкви? При Иване Грозном отцы православия еще вступались перед самодержцем за невинных мучеников. Сами шли под корень, но возражали садисту-батюшке именем Христовым... Видать, не понимала еще церковь своего государственного значения! Но за пяток веков им объяснили, в чем настоящая задача здешнего православия: Матфей побоку, и Лука побоку, главное — подпереть трон на взаимовыгодных условиях! А чья там задница на троне: Романова ли, Джугашвили, или вот это коллективное чекистское седалище, и что там говорил Христос про милосердие, — в эти подробности лучше не вникать! Смертельного ли больного гноят, матери ли маленьких детей дают срок, какой не дают убийцам, — ничто не нарушит спокойствия в офисе РПЦ. Мои поздравления святейшему аппарату — верным путем идете, товарищи!

Да — чуть не забыл! У нас же тут типа как бы выборы на носу! Типа народ выбирает себе как бы президента! О да! И прогрессивное начальство, ближе к выборам, продолжает подтягивать вялое малосознательное население до своего офигенного гражданского уровня.

В Мурманской области школьникам были заданы сочинения на тему: пойдут ли ваши родители на выборы? По информации «Газеты.Ru», это было сделано в соответствии с рекомендацией, разосланной из штаба кандидата Медведева.

Крошка сын к отцу пришел и спросила кроха: папа, ты на выборы пойдешь? А то тут Марь Иванна интересуется. Папа вспомнил отсидевшего дедушку, скушал таблетку валидола и сказал: пойду, сынок, конечно, пойду... Куда ж я на хер денусь. А в Ульяновской области, для пущей надежности, деток попросили заполнить анкетку — вписать телефоны и паспортные данные родителей... Дали за это по десять рубликов. Мальчик Павлик взял рублики и написал: мой папа, Тимофей Морозов, говорил маме, что не хочет идти на выборы... Шутка! Пока — шутка. А вот насчет инициативы заместителя мэра Москвы — это уже, извините, на полном серьезе...

Как сообщило агентство РБК, заместитель мэра Москвы Анатолий Петров предложил ввести в столице социальную карту гражданской активности, в которой бы делалась отметка о том, ходил ли человек на выборы. «Если человеку власть не нужна, — заявил заместитель мэра, — то зачем он приходит к ней с какими-либо вопросами?»

Трудно не согласиться с мудрым заместителем нашего мэра: людишки дрянь! Не нужна им власть, не хотят с голым пузом скакать в медвежьем балагане, а вот, понимаешь, лифт, теплую батарею и чтобы вода из крана шла — это им, значит, давай! Несознательный народец, только и жди от таких подляны... Ну, ничего, вот сейчас их партия контрольными карточками обеспечит — они, гады, сразу Медведева полюбят!

Счастья вам!

01.03.2008

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что же, отчетная неделя получилась очень российской — уж и не знаю, где бы еще выдали к светлому празднику такой продуктовый наборчик... Но — обо всем по порядку!

Начнем с приятного. В минувший четверг президент Путин выступил на заседании совета по национальным проектам. Россияне, приникнув к телевизионным линзам, ловили каждое слово, и стало им хорошо. Им и было хорошо, а стало — совсем хорошо!

Абсолютным приоритетом и стратегическим государственным ресурсом российского государства является человек, и российские власти намерены этот ресурс сберегать, приумножать и развивать, заявил Владимир Путин.

Ах, богу в уши ваши слова, Владимир Владимирович! Просто монтескье какое-то, приятно процитировать. В подтверждение этого монтескье, в тот же день, когда Путин радовал нас своими абсолютными приоритетами, в прессе появилось очередное сообщение о ходе лечения подследственного Алексаняна. Подследственного, заметьте, даже не осужденного.

Продолжаются издевательства над умирающим под охраной в больнице бывшим вице-президентом ЮКОСа: как сообщает пресс-центр адвокатов Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, Алексаняну не разрешают принимать душ и спать более четырех часов в сутки, проводя смену охраны и проверку комнаты по ночам.

Тут, я думаю, что-то одно из двух. Или наша великая тюремная инквизиция пропустила программу «Вести» с выступлением президента на заседании совета по национальным проектам и просто не в курсе того, что абсолютным приоритетом российского государства теперь является человек — или инквизиция в курсе, но знает цену этой светской предвыборной болтовне и позволяет себе не отвлекаться на ерунду.

Ну, как вы понимаете: на фоне того, что делают в больничке с Алексаняном, происходящее в аэропорту Домодедово с Натальей Морарь и Ильей Барабановым можно считать легким променадом наших милых силовиков.

О да... Сколько ума, вкуса и мужества проявила в этой битве Российская Федерация! Наша пернатая дуся, двухголовая государственная птичка! Подумать только: крошечная Россия против этого страшного безжалостного зверя, журналистки Наташи Морарь... Горстка отважных чекистов и дипломатов — против коварной иностранки, вооруженной всеми тридцатью тремя буквами нашего алфавита! Но не дрогнули, выстояли, ничего не ответили на убийственные статьи, а подстерегли Морарь в командировке и

выбросили вон из страны. Какая блестящая тактика, — это ж чистый Кутузов! Но не сдался опасный враг, вышел замуж и снова пошел приступом на шлагбаум... Тут уж черед спасать Родину пришел пограничникам: настоящие панфиловцы оказались! Велика, говорят, Россия, а отступать некуда — позади Лубянка с заградотрядом, ни пяди родной земли молдавским оккупантам! Наталья Морарь их в упор — и российскими законами, и европейской конвенцией, а они от стыда умирают, но не сдаются: нам, говорят, конвенции побоку, у нас приказ. Саму не пускать, адвоката не пускать, еды, питья, бумаги, электричества и разъяснений не давать... Чекисты все попрятались, лиц нет, только туман, шлагбаум в тумане, и птичка гербовая государственная прилетает к молодоженам, чтобы клевать им печень в два клюва. Ничего личного, дежурный облет несогласных! К Лебедеву с утра прилетит, к Ходорковскому прилетит, к Алексаняну, к Сутягину, к Бахминой... Триколором-салфеточкой утрется — и на второй канал, говорить слова о человеке, абсолютном приоритете государства...

И все-таки одно лицо из государственного тумана высунулось, а лучше сказать: голос раздался. Это в эфире нашей радиостанции глаза Матвею Ганапольскому открыл Михаил Леонтьев.

Мих. Леонтьев: «А знаешь, откуда она летела, когда ее задержали в первый раз? Из Израиля! И сто процентов, встречалась там с Леней Невзлиным... А Леня Невзлин проходит у нас по нескольким убийствам...»

Сила этой аргументации заставляет замолчать непосвященных. Тут уже действительно одно из двух: либо Морарь стреляться, либо Леонтьеву — лечиться...

А теперь — приятная новость.

Президент Путин наградил президента Ингушетии Мурата Зязикова орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени. Зязиков награжден «за большой вклад в социально-экономическое развитие республики и многолетнюю плодотворную работу».

Социально-экономическое развитие Ингушетии при Зязикове — это действительно сказка! Ну, такая... из Хичкока. Но те, которые при вести об этом награждении схватились за голову и застонали, — просто гнилые интеллигенты безо всяких понятий о государственном устройстве головы нашего президента! Из той головы глядя, Зязиков — идеальный глава Ингушетии. Это ж вам не Аушев, имевший пагубную привычку вести себя как мужчина. Нет, Мурат Магометович — другое дело! Срочное отбытие в Мадрид в дни Беслана, успешное превращение Ингушетии в Чечню семилетней давности и северокорейские показатели на голосованиях — прямой путь к ордену в стране победившего чекизма! Ну, а всех, кто не проникся благодарностью к носителям этого стиля, ждет правосудие.

Еще одно дело, на этот раз административное, возбуждено на минувшей неделе в отношении трех активисток организации «Голос Беслана». СМИ напоминают, что эти женщины обвиняются в избиении судьи и семерых судебных приставов.

Вот настоящий источник экстремизма на северном Кавказе — матери Беслана! Государство для них сделало практически все, что могло, — сначала проспало бандитов, потом засекретило число заложников, потом не допу-

стило помощи от Масхадова, потом, в процессе борьбы с терроризмом, само расстреляло детей из огнеметов, потом грузовиками вывезла улики, потом наградило Патрушева и отменило выборы губернаторов... Казалось бы, что еще требовать от администрации? Но женщины не унимались и четыре года терроризировали Кремль и прокуратуру! Наконец ангельское терпение власти иссякло, и она приняла решение ликвидировать организацию «Голос Беслана», поручив это дело честному судье Зауру Тавитову. И когда честный судья Тавитов сделал все, как просили, три женщины, как следует из материалов следственного комитета, избили его и семерых судебных приставов. Судебных приставов в Осетии, как известно, набирают из младшей группы детского сада и беззащитнее их — только бойцы ОМОНа... Короче, теперь женщин Беслана можно наконец с полным основанием сажать, и тогда на Кавказе настанет спокойствие.

А для полного спокойствия в исправительных колониях России к уголовной ответственности за клевету был привлечен на прошлой неделе правозащитник Лев Пономарев. В интервью американской The Wall Street Journal он в очередной раз нагло оклеветал нашу Федеральную службу исполнения наказаний, заявив, что в России, видите ли, жестоко обращаются с заключенными. Он и раньше такое же клеветал, и называл главу ФСИН Калинина «автором садистской системы». И вот Калинин, покопавшись в себе, обнаружил там, внутри, честь и достоинство, и при ближайшем рассмотрении судом эти честь и достоинство, оба, оказались повреждены Пономаревым. С Пономарева взяли подписку о невыезде и будут судить. Надеюсь, торжеству правосудия не помешает пленка, появившаяся в СМИ на минувшей неделе.

Видеодоказательства зверств ОМОНа в одной из свердловских колоний, предположительно ИК-2, размещены на сайте YouTube. На пленке хорошо видно, как раздетых людей в тюремном дворе избивают резиновыми дубинками. Руководитель Свердловской правозащитной организации «Правовая основа» Алексей Соколов, комментарий которого публикует сайт «Избранное», подчеркивает, что запечатленное на пленке — не наказание провинившихся, а обычное, так называемое «профилактическое» избиение заключенных.

Вот! Профилактика это, а никакая не садистская система... Про-фи-лакти-ка! И во избежание дальнейших нравственных страданий главного тюремного профилакта генерала Калинина правозащитник Пономарев будет судим за клевету.

И напоследок заглянем в завтрашний день, буквально в завтрашний...

В одном подмосковном городе, где завтра гражданам предстоит волеизъявление по вопросу о местной власти, в почтовых ящиках обнаружилась листовка с образцом заполнения бюллетеня — ну, типа, в помощь избирателю! Там в единственной клеточке, по-простому, вписана фамилия нынешнего мэра города (разумеется, члена партии «Единая Россия»), а внизу — черным по белому: «*бюллетень, заполненный иначе, считается недействительным*». И все дела! Мне страшно понравилось... Что-то есть в этой местной инициативе... такое свежее, искреннее... чего немного не хватает на федеральном уровне, да и в работе ЦИКа... Не правда ли?

А впрочем, от добра добра не ищут. И так сойдет. Вон, на Кубе попросту заменили Фиделя на Рауля — в рабочем порядке, как колесо. Остров свободы, век воли не видать! Ну, и у нас тоже завтра намечается остановочка на станции техобслуживания... Называется — эти... Ну, как же их... ну, когда надо обязательно прийти, а то хуже будет! Раньше там еще за галочку пирожок давали. А впрочем, можно и не приходить, потому что фамилия давно известна, победный процент утвержден в Кремле и спущен в регионы, и придешь ты, не придешь, то же самое будет. Технология на участках налажена, наперстки надраены, ручки — вот они, теперь главное только не перестараться на местах, чтобы не выскочило снова алым прыщом 109 процентов, как в декабре в Мордовии. Так что, я считаю, граждане, нам можно не заморачиваться с походом на участки и заранее начинать наливать за очередную победу демократии!

Счастья вам!

08.03.2008

Здравствуйте! В эфире — программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну, что же, стало быть, Медведев. Какая неожиданность. М-да... Вот, значит, и закончился наш цирк-шапито, наша нехитрая антреприза... Маленький, лысый, буйный и кучерявый! Лысый бубнит, буйный бьет кучерявого, маленький становится президентом. Представление прошло чистенько, точно по сценарию, а потом вышел бородатый и в последний раз всех рассмешил.

Комментируя прошедшие в России президентские выборы, глава ЦИК Владимир Чуров, в частности, сказал: «Нет более открытой, более гласной и более организованной системы выборов, чем избирательная система Российской Федерации».

Про Чурова ничего сказать не могу, но вообще, должно быть, приятно быть идиотом! Никакого спросу. Что ни скажешь, то и ладушки... Другой со стыда умрет, а идиот пукнет и поглядит тебе в глаза добрым взглядом, и сердиться грешно. М-да... Наш глава ЦИКа на минувшей неделе вообще ни в чем себе не отказывал — говорил и говорил... Открыв миру наше чемпионство в области избирательных прав, Чуров развернулся и проехался асфальтовым катком по клеветникам России.

Сомневаться в честности прошедших выборов могут только дилетанты, заявил в минувший вторник глава Центризбиркома. Как считает Чуров, поданные жалобы нередко имели надуманный и несерьезный характер. «Чайники раздавали в неположенном месте — уровень примерно такой».

Вторничная чуровская зарисовка из жизни чайников наконец убедила и меня в честности выборов. А в воскресенье, признаться...

В воскресенье я был сам себе ВЦИОМ. Сидел дома, чего-то стучал на компьютере да поглядывал в окошко. А окошко у меня выходит прямиком на избирательный участок. В мирное-то время там школа, дети с утра тащатся по гололеду навстречу знаниям и машины у офисов стоят в два ряда и на тротуаре — не пройдешь, не проедешь. Но в субботу поздно вечером к дому свезли группу узбеков с ломиками-лопатами, пригнали уборочную машину с эвакуатором — и вычистили улицу до немецкого состояния. С утра поста-

вили на каждом углу по менту, а у входа на участок — еще троих с машиной, и я начал глядеть из окошка на торжество демократии. Только чего-то никто на избирательный участок не шел. Вот поверите ли — буквально ни одного человека! Как ни гляну на дорожку, — там чистая фотография; ну ничего не движется, даже менты в пейзаже не колыхнутся! Ну, я, конечно, не весь день туда смотрел, отвлекался иногда на компьютер, а там, в ленте новостей, постоянно росла явка. Чистое волшебство! У меня, значит, под окошком к полудню только старик со старухой прошли на сдачу голоса, а у Чурова уже двадцать процентов! Ну, чего не видел, того не знаю, — может, как раз пока я глядел в ленту новостей, избиратели и рванули на участок всем кварталом, но когда я снова поглядел в окошко на дорожку, там опять было пусто.

Ближе к обеду пошел я во двор подышать (весна все-таки), а во дворе в будке стеклянной сидит охранник Леша и тоже на дорожку смотрит, как зачарованный. Ну что, спрашиваю? Тишина, говорит. А зимой, говорит, сто пятьдесят два человека пришло, я считал. Не может быть, говорю, у нас же избирателей под тысячу. Он так раздельно мне повторяет: сто пятьдесят два. 16 процентов, стало быть, спрашиваю? Он говорит: ну. Я говорю: Леша, вы, наверное, что-то путаете, не было второго декабря таких процентов! А он мне из будки эдак нахально: 152, как одна копеечка. Я ему говорю: вы, Леша, Чурову не верите, я с вами даже разговаривать не буду, вы опасный человек... И пошел обратно к окошку смотреть на торжество демократии. Ну, буду с вами честен, до обеда еще троих избирателей увидел. А Чуров, молодец, к этому времени пятьдесят процентов явки стране обеспечил.

А наутро секретами растущего мастерства в эфире нашей радиостанции поделилась член ЦИКа Елена Дубровина. Секрет высокой явки оказался прост: энтузиазм населения и хорошая работа избирательных комиссий. Все это чистая правда — особенно насчет энтузиазма. Если, как в Омске, хорошенько пригорозить народу срезанием дотаций области в случае низкой явки, энтузиазм зашкаливать начинает! А уж избирательные комиссии второго марта работали не покладая рук. Теперь народ, подлец, пускай даже не пытается сфальсифицировать результаты!

По данным Центризбиркома, явка во всех субъектах Федерации на Северном Кавказе составила свыше 90%, в частности, в Ингушетии — 92,3%. Между тем, по данным независимого мониторинга, проведенного местными жителями, в выборах в республике приняли участие только 3,5% от числа зарегистрированных избирателей.

Вот это как раз и есть тот самый случай злонамеренного дилетантизма, о котором предупреждал честный профессионал, физик Чуров, знающий правило буравчика и вворачивающий нам в мозги по часовой стрелке! Ингушские дилетанты накрыли видеозаписью двадцать избирательных участков — и зафиксировали на них явку семидесяти граждан. По три с половиной гражданина на пункт сдачи голоса. Заодно они сняли, как по республике колонной ездили съемочные группы — впереди местное телевидение, а за ним, в нескольких автобусах, счастливые избиратели. В советское время за день работы в киномассовке платили трешку — почем это сейчас, не знаю, но надеюсь, исполнителей роли народа рублем не обидели...

Самоотверженная работа избирательных комиссий, о которой говорила член ЦИК Дубровина, шла не только на Кавказе: в ментальном смысле Ингушетия может случиться где угодно... Стопроцентной явки добились, например, в московском районе Выхино-Жулебино, в избирательной комиссии 1257. Каким образом, неизвестно, но может быть, тем же волшебным, что и по соседству, в Печатниках, на участке 1513. Там еще до начала голосования в урнах обнаружились пачки бюллетеней за Медведева — ну вот как мыши заводятся от грязи... Эти грязь с галочками завелись в воскресенье в утра пораньше много где, но в Печатниках сие успел сфотографировать один юный наблюдатель. И вызвал, гад, милицию! Юношу целый день добром просили выковырять себе глазки и не мешать победе демократии, но он не соглашался, и тогда за час до закрытия участок был объявлен заминированным. Загудела воздушная тревога — и под вой сирены, при личном бесстрашном участии главы Управы «Печатники» г-на Бирюкова, милиционеры просто вынесли наблюдателей вон с участка! По закону требовалось вынести и урны, но мужественная глава УИКа, г-жа Черкалина, рискуя жизнью, осталась с ними на участке и прикрыла своим телом утренний вброс демократии. Если после этого ей не будет ордена, я ничего не понимаю в героизме!

Не щадя себя, члены избирательных комиссии обеспечивали не токмо явку, но и надзор за гражданской позицией.

Журналист химкинской газеты «Вперед» Антон Назаров был задержан и избит сотрудниками милиции при попытке вынести бюллетень с избирательного участка. Команду «ни в коем случае не выпускать» Назарова с участка с бюллетенем милиционерам отдали председатель химкинского избиркома и глава местной избирательной комиссии.

Ну да, конечно! Эдак все повынесут свои бюллетени, а потом сложат стопкой и айда в Страсбург, и давай терроризировать родную власть несовпадающей арифметикой. Фиг с маслом! Не пущать! Ломать ему руку, журналисту Назарову! Запихнуть ему в рот Конституцию и закон о выборах! Он сам говорил, что хочет провести эксперимент, — ну, так эксперимент можно считать удавшимся.

Еще несколько экспериментов, проведенных в день выборов, закончились полным успехом!

Представитель КПРФ Владимир Константинов был вызван для дачи показаний в отдел по особо важным делам следственного комитета при прокуратуре, где, по его словам, рассматривается вопрос о возбуждении против него уголовного дела по статье «Воспрепятствование деятельности избирательных комиссий».

Воспрепятствование деятельности избирательной комиссии имело место несомненно. И посадить Константинова, я считаю, совершенно необходимо. Я бы ему еще и руку сломал, как тому журналисту. Ну зачем посреди Башкирии дергать стенку урны на избирательном участке? Мало ли, что она с двойным дном? Ну и пускай там заранее лежат четыреста бюллетеней с проставленными галочками за Медведева! Кому это мешает? Зачем лезть куда не просят? Сажать, сажать башкирского Константинова — в одну камеру с новосибирским фотографом Ивановым, снимав-

шим чего-то свое на избирательном участке (его уже щучат по той же 141-й статье УК). Туда же, до кучи, не худо было бы свезти группу мурманских «яблочников», которые со словами «сами мы не местные, открепительных нет, хотим проголосовать за Медведа» — обошли, для эксперимента, семь избирательных участков в Питере и на всех семи, разумеется, благополучно проголосовали.

Экспериментаторы успели скрыться, но лидер петербургского «Яблока» Максим Резник, после рассказа об этом случае по телевизору, в тот же вечер, с гематомой на голове, был обнаружен в отделении милиции, в статусе задержанного за побои и оскорбления, нанесенные представителю власти (видимо, тому самому, который бил его). В настоящее время Резник празднует высокую явку, сидя в «Крестах» с перспективой провести на нарах пять лет... А не надо потому что экспериментировать с властью!

Но довольно о неприятных людях, пытающихся испортить нам праздник демократии! Поглядим, как там приятные. О, они — отлично! В ЦИКе выдали явку, нарисовали Медведеву политкорректный процент (чтобы, значит, всенародная поддержка, но все же поменьше, чем у Путина), и под песню «Комбат-батяня» оба-двое, только что не за ручку, вышли к заранее свезенному народу на Васильевский спуск, и программа «Время» прямым включением вывела в эфир это торжество вкуса. Строчка «А может мы, а может нас...» в исполнении члена партии «Единая Россия» Расторгуева наполнила стылый воздух этого дня каким-то особым предчувствием... Приятно порадовали свободолюбивые звезды рока; отработал на властном «корпоративе» и Андрей Макаревич — ко взаимному удовольствию, я надеюсь. Кремль-то давно ждал случая освоить этот либеральный репертуар...

Но что мы все о выборах и о выборах?.. Жизнь-то не прекращалась и снаружи! Еще как не прекращалась. Ну вот, например. Много лет мясокомбинат в Новоалександровске тоннами выбрасывал на городскую окраину свои отходы. Атамана Терского казачьего войска, который пытался организовать экологическую проверку, год назад убили. Убийц не нашли, комбинат продолжает гадить на город, власти шлют отписки, бывший глава района, уволенный за растрату пятой части районного бюджета, взят на работу в краевую администрацию... Милиция, ясное дело, не дремлет, преследует казаков. И вот на минувшей неделе ситуация, кажется, прояснилась.

Казаки Терского войска, не дождавшиеся помощи от местных властей в борьбе с коррупцией, обратились с письмом к директору ФСБ Николаю Патрушеву. В письме, под которым стоят подписи более ста человек, приводятся факты беззакония, творящегося в Новоалександровском районе. «Сложившиеся обстоятельства, — пишут казаки, — вынуждают нас выйти из государственного реестра и отказаться от российского гражданства».

Вообще, это идея. Выйти из реестра, послать на все буквы администрацию и перейти в автономное плавание по родимым просторам. Отделиться лестничной клеткой, как Косово, а если живешь под Питером, то перекинуться к Финляндии. Потому что здесь уже, кажется, всё... А письмо Патрушеву с просьбой побороть коррупцию — это уже... как бы мягче сравнить... что-то вроде письма индейцев Кортесу с жалобой на конкистадоров. Лучше уж действительно выйти из реестра.

Что же еще случилось хорошего в отчетный период? Еще — в очередной раз вырос уровень законности! Зря не верите.

Мининформсвязи официально обязало все телекоммуникационные компании, а также интернет-провайдеров предоставить возможность ФСБ проводить неограниченное и неконтролируемое прослушивание телефонов и снятие информации. СМИ напоминают, что Конституция России допускает это только на основании судебного решения.

Вот я и говорю: вырос уровень законности! Раньше некто с оттопыренным ухом сидел, скрючившись, в нашей телефонной трубке просто так, а сейчас — все будет типа по закону! Ну, не то чтобы по закону, конечно, но теперь для прикрытия уголовщины у них имеется официальное письмо от Мининформсвязи... Авторитетная малява! Отныне — даже не сомневайся — Большой брат слышит тебя! Ну, слушай, слушай, Большой брат... Позвоните мне кто-нибудь, я что-нибудь скажу, чего по радио стесняюсь...

И напоследок — о кривой улыбке, которой нам улыбнулась сама жизнь... Но сначала — короткая предыстория. Минувшим летом в Алтайском крае, в селе Горновка, появилось «ООО имени Путина». С именем Путина «хлеб растить и коров доить» собирался местный предприниматель Титов, чтобы «память о президенте осталась». Мнение коров об этой инициативе мне неведомо, но люди в Горновке в память о Путине высказались давеча весьма определенно...

Избиратели из села Горновка, где находится ООО имени Путина, отказали в доверии преемнику Путина Дмитрию Медведеву, сообщает агентство «Банкфакс». На выборах в Горновке его с подавляющим перевесом победил Геннадий Зюганов.

М-да. Не довезли, стало быть, до Горновки из Башкирии урну с двойным дном и правильным голосованием внутри. Смешно (если не вдумываться). История — она хихикает в кулак, но потом этим же кулаком может дать так, что мало не покажется... Нет, вы только подумайте: Зю-га-нов! Обкома кусок. Полвека в строю, из них двадцать лет в нафталине... Но на фоне этих — выберешь и такое... Бедная наша Агафья Тихоновна, ну и варианты у нее. Хоть сама в окошко полезай.

Счастья вам!

15.03.2008

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну, что же: неделька случилась подарочная — наговорились они всласть, только успевай записывать! Весна, что ли? А впрочем, они у нас дают дрозда в любое время года. Ну, обо всем по порядку.

А по порядку — все на этой неделе началось с важного мероприятия в Кремле.

В минувший вторник состоялась встреча Владимира Путина и Дмитрия Медведева с руководством Госдумы, посвященная вопросам дальнейшего взаимодействия властей — президента, правительства и Думы. Как заявила вице-спикер Думы Любовь Слиска, «разговор был очень доброжелательный и конструктивный».

Некоторые подробности этого доброжелательного конструктивного разговора с наслаждением описала пресса. Некто Жириновский (если помните, шедший в Думу под лозунгом «я за бедных, я за русских») предложил Путину делать ставку не на простых людей, а на элиту. Какой именно слой имел в виду Владимир Вольфович, говоря об элите, в точности неизвестно, но догадаться можно, потому что почти двадцать лет элита у нас — он сам, такой же бедный, какой русский. Простой же народ этот легкий на язык господин назвал «детьми Шарикова», на что немедленно получил в торец от президента, сказавшего: «я ведь тоже из рабочей семьи». Только тут до Владимира Вольфовича дошло, что он ляпнул, и Владимиру Вольфовичу стало плохо... Пока этому либералу нормализуют сердечную мышцу, опавшую от взгляда гаранта, должен шепотом заметить гаранту, что Шариков был вовсе не из рабочей семьи. Он был неблагодарная собака со вшитым гипофизом алкоголика Клима Чугункина. А рабочих к тому времени уже расстреляли в Кронштадте. Впрочем, вернемся в наши славные дни, на встречу в Кремле.

Геннадий Зюганов в разговоре с президентом поднял тему коррупции. Как сообщают СМИ, в ответ на реплику главы КПРФ «везде надо давать на лапу» Путин заметил: «Хорошо бы эту лапу отрубать, как было в средневековые времена».

Средневековье — правильный образец для подражания, и поскольку слова у нашего президента никогда-никогда не расходились с делами, а разговор был во вторник, то надо полагать: в настоящее время Лобное место уже залито кровью, а половина кремлевской администрации бегает по Соборной площади, размахивая руками, причем каждый размахивает одной... Интересно было бы удостовериться и в наличии полного комплекта конечностей у гаранта... Ну, выйдет к народу — поглядим.

А во вторник два президента — покамест еще в четыре руки — начали укреплять законодательную базу для развития гражданского общества... Ох, шалуны!

Владимир Путин и Дмитрий Медведев намерены обсудить с руководителями обеих палат разработку законов, регулирующих формирование конструктивной оппозиции в России, пишет «Ъ». Глава думского комитета по конституционному законодательству, член генсовета «Единой России» Владимир Плигин заявил в связи с этим о необходимости создать условия, в которых в стране возникло бы «несколько структурно больших организаций в общепринятой системе представлений».

Боюсь, что в общепринятой системе представлений Плигин и его шефы, после их многолетних руководящих забот об оппозиции, сидели бы уже не в парламенте и не в Кремле. Но в нашей специфической системе эти новые хлопоты выглядят очень стройно. Изготовить новую партию игрушечных солдатиков для игры в политическую конкуренцию, выстроить их на кремлевском коврике, попереставлять туда-сюда, потом бац по ним рукой, — и опять выиграл выборы!

Нет, вы как хотите, а лично я верю в успех! Новой оппозиции — быть! Хотя и старый конь Зюганов борозды не испортит, и из Богданова вышел бы неплохой маленький Явлинский для потешных баталий, да и Жиринов-

ский еще поправится на радость отечественному цирку! Ну, поживем-поглядим. А пока... Пока власть работает с оппозицией на таланте, без особых изменений в законодательстве. Вот Путин принял Явлинского и обещал разобраться с делом главы питерского «Яблока» Резника, посаженного в СИЗО. Ну, слово президента — вы ж понимаете! Разобрался. Через пару дней в штаб питерского «Яблока» пришли с проверкой из прокуратуры, а к Резнику перестали пускать даже мать. Одно слово: гарант! Весь в делах на благо народа.

Как сообщает «Интерфакс», бывший член Общественной палаты депутат Госдумы Сергей Марков на пресс-конференции в агентстве назвал «три подвига Путина»: победу над радикальным исламизмом и бандитизмом на Северном Кавказе, победу над олигархами и победу над экономическим кризисом в России.

Три подвига — это, конечно, не двенадцать, но все-таки эта четвертушка Геракла, наш Владимир Владимирович, должен быть Марковым доволен. Отрабатывает хлеб юноша, молодец! Правда, свежеиспеченный депутат забыл главный подвиг Путина — установление в России советской свободы слова. Именно этот, первым делом совершенный, подвиг и позволяет им теперь трындеть обо всех остальных путинских подвигах без опасения получить прилюдно по шее за вранье. Стало быть, победа над бандитизмом, над олигархами и над экономическим кризисом! О да! Правда, кризиса никакого не было, а был уже рост экономики (когда про Путина, кроме жены и Березовского, еще и не знал никто); правда, с начала года мука в Москве подорожала на четверть; правда, пошла вразнос Ингушетия... Правда, в западной прессе, что ни день, появляются публикации о растущих личных запасах этой нашей четвертинки Геракла — что интересно, накопившихся как раз за время борьбы с олигархией... Но пока Останкино под контролем, все это такие мелочи... Говорите, г-н Марков, говорите!

Теперь — на секундочку замерев, послушаем, как затихает на бескрайних просторах Отечества эхо прошедшего спецмероприятия. Ну, вот этого их аттракциона под названием «выборы президента Российской Федерации»...

Как передает Русская Служба Новостей, глава ЦИК Чуров, комментируя информацию о массовом вбросе бюллетеней в Башкирии, в частности, заявил, что член избирательной комиссии, зафиксировавший этот факт на видеокамеру, «до этого трижды привлекался к уголовной ответственности за хулиганство, клевету и изнасилование. И за изнасилование четыре года отсидел».

И впрямь, тяжелый случай! Как нам поступить с таблицей умножения, если человек, привлекавшийся за клевету, говорит, что дважды два четыре? Если, отсидевший за изнасилование, он смеет утверждать, что угол падения равен углу отражения, — не порвать ли нам учебник геометрии? М-да... Впрочем, погодите: Чуров, кажется, еще не закончил комментарий.

Информационное агентство «Росбалт-Приволжье» приводит также слова главы ЦИК о том, что изъятые в Башкирии фальшивые бюллетени были «заполнены за разных кандидатов».

Чистая правда! Дело в том, что, кроме президентских бюллетеней Медведева, в ящичек с двойным дном в тот день были заранее положены бюллетени с проставленными галочками за местного «единоросса» Ахата Бакирова, шедшего в башкирский парламент — и он, разумеется, тоже свои выборы выиграл.

Еще одно эхо прошедших второго марта мероприятий прозвучало очень кстати на «Эхе». В гости к Ксении Лариной пришел Михаил Боярский. Мы все знали, что у Боярского есть шляпа, но там обнаружилось и под шляпой... Вот как это обнаружилось: Михаил Сергеевич начал объяснять Ксении, почему он считал своим долгом агитировать за Медведева. Оказалось: он делал это вовсе не за пару бюджетных подвесков королевы, как думали некоторые вредные радиослушатели. Оказалось: тут дело принципа! Просто Медведев для Боярского — это продолжение политики Путина, а именно Путин прорубил нам окно в Европу! Ларина с первого раза даже не поверила.

ЛАРИНА. Это не Путин открыл границы, извините.

БОЯРСКИЙ. А кто же это сделал?

ЛАРИНА. Границы? По моему, у нас все-таки границы открыты были после 90-го года.

БОЯРСКИЙ. Так вот и считайте, что с этого времени он уже начал оказывать влияние на это.

ЛАРИНА. Владимир Путин?

БОЯРСКИЙ. Владимир Владимирович.

Заполнив эту белую страницу истории, Боярский поплыл дальше... Как Колумб, куда ни попадя и по дороге открывая новые Америки.

ЛАРИНА. ...Вопрос по поводу строительства здания Газпрома. На какие деньги оно будет строиться, знает ли это Михаил Сергеевич?

БОЯРСКИЙ. На деньги Газпрома.

ЛАРИНА. Вы глубоко ошибаетесь, это деньги из бюджета.

БОЯРСКИЙ. Приходите к Валентине Ивановне на прием...

Дивная уверенность в том, что Путин открыл для россиян границы, «Газпром» заплатит за строительство небоскреба, а рядовой житель Петербурга может прийти на прием к Матвиенко, выдает в Боярском человека глубоко неординарного, и теперь у нас есть все основания для того, чтобы прислушаться к его нравственной проповеди, посвященной свободе выбора. Кажется, артист имел в виду свободу выбрать питерских — чтобы все оставалось, как было.

БОЯРСКИЙ. Есть момент выбора человека — он обязан выбирать! И если он, благодаря своей свободе, выбирает не то что-то — что у нас внутри есть, внутренний камертон, внутренние понятия совести... — выбирает не то, лишен этого, некрещеный, нехристианин, — тогда он поступает против совести, против государства, против своей семьи, ради собственной выгоды. Начиная от самого грязного воровства и кончая убийством себе подобных.

Мои соболезнования всем некрещеным корыстолюбивым противникам совести, семьи и государства — миллиардам мусульман, иудеев, буддистов и прочих нехристей, включая неприсоединившихся вроде меня... Беда нам всем,

не ударенным по голове нравственным камертоном, которым шарахнуло Михаила Боярского.

Нравственный камертон звучит, видать, не переставая и в голове Рамзана Кадырова. В середине февраля он торжественно пообещал Путину, что через месяц в республике не останется лагерей беженцев. Ну и: сказано — сделано!

Президент Чечни Рамзан Кадыров переименовал лагеря беженцев в «общежития», сообщает сайт gazeta.ru. В результате перемещенные лица лишились официального статуса и возможности получать гуманитарную помощь извне, сообщает издание.

Какая прелесть. К некоторым кадыровским технологиям, ей-богу, стоит присмотреться на федеральном уровне. Я имею в виду не выставление на видном месте отрезанных голов политических противников, а для начала — вот такой способ решения социальных проблем. Просто переназвать всех по-другому — и хорош! И поскольку со стороны президентской администрации в ответ на кадыровские игры с терминами возражений не последовало, стало быть, понимание имеется...

Если с государственной «социалкой» понятно, переходим к радостям низкого быта...

На российских прилавках появились пельмени «Сталинские нежные». Как сообщает сайт newsru.com, рекламным слоганом продукта стала фраза «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Вот такие у нас нынче нежности, господа! А ведь еще недавно казалось: все это давно протухло и воняет так, что никто в здравом уме не притронется. Но — неисповедимы пути господни: пригодилось мясцо... Ну, здравствуй, пельмень наш усатенький, — приятного всем аппетита!

И напоследок — новости культуры. В прошлые выходные Путин посетил спектакль «Горе от ума». Пару лет назад он уже ходил в театр — в тот же «Современник», на «Грозу», и с тех пор на вопрос, что случилось с Катериной, твердо отвечает: «Она утонула». Теперь вот снова пошел в поход за знаниями — и получил наконец полное представление о том, как надобно поступать с умалишенными, которые нахватались по европам вредных идей и мутят Москву ненужными разговорами. Спектакль, однако, Путину не понравился — и, зайдя за кулисы, наше уходящее всё от чистого сердца сделало выволочку постановщику спектакля, Римасу Туминасу, за неверную трактовку образа Чацкого. Про образ Чацкого Вове Путину объяснили еще в средней школе, и с тех пор он знает, как это дело правильно играть. А Туминас отклонился от линии. И Путин, конечно, был бы не Путин, если бы не указал на ошибки. А главный режиссер театра не была бы главным режиссером, если бы тут же не сдала с потрохами приглашенного постановщика и не согласилась с президентом, что Чацкий — это Александр Матросов, который должен ложиться на амбразуру вместо того, чтобы жевать сопли. Бедный Грибоедов на Чистопрудном бульваре! Как он не упал в тот вечер... А впрочем, ничего нового! Алексей Степаныч выбился в люди и дает указания в области культуры: «Вон из Москвы»!

Счастья вам!

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
четвертого квартала 2007 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями (находя их в журналах и в Рунете), отличающимися либо основательностью анализа, либо концептуальной четкостью, либо, иногда, просто симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов ***apn.ru, ej.ru, gazeta.ru, grani.ru, kasparov.ru, lenta.ru, nazlobu.ru, point.ru, polit.ru, rian.ru, russ.ru, vz.ru*** *и др., а также статей в бумажной прессе (****«Ведомости»****,* ***«Москва»****,* ***«Неприкосновенный запас»****,* ***«Новая газета»****,* ***«Полис»****,* ***«Pro et Contra»****,* ***«Прогнозис»****,* ***«Российская газета»****).*

Итоги 2007 года и глобальные прогнозы

В 2007-м, формально последнем году президентства Путина, персонализированная система «сверхуправляемой демократии» приобрела законченный вид. Из двух голов российского орла та, что смотрит в Азию, заклевала ту, что смотрит в Европу. Тенденциям «деевропеизации» и деинституционализации часто противопоставляется, пишет **Николай Петров** (**«Задом к Западу»** — Грани.Ру, 29 декабря), «европейский выбор» политических и бизнес-элит, которые обзаводятся на Западе собственностью, учат там детей и держат деньги в банках. *Но этот выбор мало чем отличается от того, как выбирают, скажем, Лондон арабские нефтяные шейхи, и может абсолютно не влиять на вектор политического развития.* По мнению Петрова, 2007-й стал годом символического завершения «эпохи Ельцина», конец которой знаменовался уходом из жизни первого российского президента и сходом с политической сцены ряда политиков. Из новых же политических имен можно назвать, пожалуй, только Гарри Каспарова. Петров отмечает, что декабрьские выборы в Госдуму впервые были признаны ОБСЕ не только несправедливыми, но и нечестными, произошла маргинализация демократических политических партий. В соревновании преемников победителем стал более слабый Дмитрий Медведев. Это был год гонений на мэров со стороны как региональных администраций, так и центральной власти, включая многочисленные аресты (в Архангельске, Владивостоке, Волгограде, Ставрополе, Томске и других годах) и тюремные сроки. Это был год публичного сведения счетов между кланами силовиков — с ожесточенной войной компроматов и арестами. Это был год выведения из-под правительственного контроля предприятий во всех важных секторах; год «бархатной реприватизации» и создания госкорпораций; год расстановки повсюду людей, лично преданных Путину. Это, наконец, был год принятия правительством многочисленных обязательств на перспективу:

Сочи-2014, Владивосток-АТЭС-2012, трехлетний бюджет, энергетическая, транспортная и прочие стратегии.

Александр Амзин подвел итоги года в российской экономике (**«Дед Мороз как госслужащий»** — Lenta.ru, 28 декабря). Событие года — осенняя инфляция, хотя она и не вызвала волнений, сравнимых по масштабу с протестами против монетизации льгот. Было принято неожиданное решение — разделить на две части Стабилизационный фонд и начать тратить те средства, которые поступили туда от распродажи «ЮКОСа». А это уже привело и еще приведет к вбросу сотен миллиардов рублей в экономику, и без того страдающую от безудержного роста цен. В целом КПД правительства и депутатов в 2007 году оказался, замечает Амзин, *разве что чуточку выше паровозного.* По итогам трех кварталов года успешными оказались только девять из 46 федеральных целевых программ. Как и прежде, одним из основных источников финансирования амбициозных правительственных проектов стала экспортная выручка от продажи нефти и газа. Конъюнктура на этих рынках была идеальной. Если в середине января стоимость барреля нефти колебалась вокруг отметки в 50 долларов, то к осени она дошла до 90. Других экспортно-импортных достижений у России в 2007 году не было, если не считать того, что страна снова разрешила ввоз польского мяса и молдавского вина. Но жизнь лучше не стала: несколько исследований показали, что бедные становятся все беднее, а богатые — богаче. Тенденцией года стала монополизация отраслей экономики и создание государственных корпораций там, куда российские чиновники не хотели бы пускать иностранцев и частников. Во-первых, госкорпорациями легче управлять — почти все они подчиняются президенту и правительству через их представителей. Во-вторых, у чиновников есть странная идея, которую сформулировал Дмитрий Медведев: *Государство должно сохранить контроль в стратегических компаниях, а все остальные могут и должны быть в частной собственности. Государство — далеко не самый эффективный собственник. Поэтому оно должно присутствовать только в определенных, критически важных для обеспечения безопасности страны, компаниях.* Таким образом, чем больше в России стратегических отраслей и важных для безопасности компаний, тем больше будет доля неэффективно работающих предприятий. К стратегическим отнесли девять отраслей. Участие иностранцев будет ограничено в сорока видах деятельности.

Директор Института проблем глобализации **Михаил Делягин** (**«В деле. Итоги года: Конец стабильности»** — Ежедневный Журнал, 28 декабря; см. также: **«Реконструкция провала»** — «Новая газета», № 88) фиксирует наличие серьезных проблем в экономике. Даже официальная инфляция превысила плановый уровень в полтора раза, приток частных капиталов, достигнув невиданной интенсивности, сменился максимальным за годы правления Путина оттоком, бизнес лишился привычной возможности покрывать убытки от поборов внешними займами, а ликвидность банковской системы за четыре месяца упала более чем вдвое — до беспрецедентно низкого уровня. *Да, показатели экономического и инвестиционного роста великолепны — если забыть про минимум двукратное занижение официальной инфляции. А рост реальных доходов населения сногсшибателен даже при корректи-*

ровке на реальную инфляцию: надо ведь понимать, что основная часть этого роста достается 3–5 процентам богатейших россиян. Именно их самочувствие отражают истерические завывания о «подымании с колен», «мировом признании» и «возрождении», под шум которых экономика плавно вошла в спираль ускорения инфляции и сокращения ликвидности. Эта спираль, полагает Делягин, будет закручиваться все туже. Правящая бюрократия, эта новая, силовая, олигархия, занятая переделом политических и коммерческих активов и интригами, органически не способна к управлению и потому неминуемо опрокинет Россию в жестокий системный кризис, в котором и сгинет. Либо одна, либо вместе с Россией. *Привыкшие воровать не способны руководить, и коррупция выела путинское государство и путинскую стабильность, как муравьи — трухлявый пень.* Такие власти не выдержат нарастания порожденных их бездельем и корыстью внутренних трудностей. К тому ж на горизонте замаячили внешние проблемы. В 2010 году глобальные инвестиции, хлынувшие с 2002 года в нефтяную промышленность и в разработку альтернативных источников энергии, принесут результат и снизят цены на нефть. Нефть может подешеветь и раньше. В 2008-м же по нам ударит расширяющийся ипотечный кризис и удорожание продовольствия, вызванное производством биотоплива вместо продовольственных товаров, переориентацией спекулятивных капиталов с минерального сырья на сельхозпродукцию и ростом потребления Китая. России, резюмирует Делягин, надо готовиться к системному кризису.

Президент Центра стратегических разработок экономист **Михаил Дмитриев** в публичной лекции **«Россия-2020: долгосрочные вызовы развития»** (прочитана 25 октября в клубе Bilingua; polit.ru, 21 декабря) отвечает на вопрос, есть ли у России шансы вырваться в категорию наиболее развитых стран. При благоприятном стечении обстоятельств вроде бы есть. В самом красивом сценарии до 2020 года в России сохраняются такие же темпы роста, как и сейчас. И к 2020 году мы станем постиндустриальной страной и войдем в «золотые 2 миллиарда» мировой экономики, т. е. в число стран, население которых к тому времени составит порядка двух миллиардов человек, это будут верхние 20% самых развитых экономик мира. Дмитриев тщательно разбирает параметры и факторы роста. Вывод его таков: если у нас в экономике и есть значительный потенциал долгосрочного развития, то многие институты из рук вон плохи. Мы находимся на уровне 25% наименее развитых стран мира по многим показателям, характеризующим качество государства (уровень коррупции, состояние государственного регулирования экономики, эффективность защиты прав собственности и т. п.). Достигнуть постиндустриальной стадии развития с такими отсталыми институтами невозможно. По крайней мере, ни одной стране в мире этого еще не удавалось. Правда, у нас еще есть некоторый потенциал догоняющего развития, который может быть реализован без радикального улучшения положения в институциональной сфере. Высокий уровень макроэкономической стабильности, высокие цены на нефть и минимально терпимое состояние базовых экономических институтов позволят российской экономике еще несколько лет развиваться быстрыми темпами без ускорения институциональных реформ. Вопрос о модернизации институтов мо-

жет в полный рост возникнуть уже в ближайшие годы. Это более вероятно в случае снижения мировых цен на энергоносители, которое неизбежно приведет к ослаблению традиционных факторов инвестиционной привлекательности российской экономики, связанных с природными ресурсами и относительно высоким уровнем макроэкономической устойчивости.

Аркадий Липкин («Российская самодержавная система правления» — «Полис», № 3) фиксирует, что сегодня, в фазе очередного «застоя», российским экспертным сообществом обсуждаются два проекта: «самодержавный», опирающийся на власть монарха и идею «державности», и «демократический», опирающийся на культуру и личность. Последний, в принципе, может быть ориентирован либо на «гражданскую нацию» (пример — Франция), либо на «гражданскую цивилизацию» (ЕС или США). Автору, кажется, ближе самый последний вариант проекта. Он полагает: если в первой половине XX века первую скрипку играли национальные общности, то в его последней трети национальная идентичность все более отступает перед цивилизационной (пример тому — процесс формирования ЕС). Липкину представляется, что *основой цивилизационных общностей являются не различные типы религии, как утверждают многие, а личностно ориентированные базовые смыслы и ценности, имеющие светскую основу.* В порядке почти что агитации он пишет, что либерально-демократический проект светской цивилизационной общности (типа ЕС), основанный на светской культуре, позволит России бесконфликтно интегрировать достаточно индивидуализированное население Поволжья и части Кавказа, уменьшить внутреннюю угрозу дальнейшего распада РФ. *...вариант вступления в качестве особой нации в европейскую цивилизацию для России по существу закрыт. Тем не менее, возможен (в предположении, например, демократической революции) путь формирования нации-цивилизации западного типа, подобной США. Такой проект предполагает превращение великой русской национальной культуры в общецивилизационную российскую, дочернюю европейской (подобно культурам Северной и Латинской Америки).*

Власть

Polit.ru 19 октября опубликовал прочитанную 27 сентября в клубе Bilingua публичную лекцию **Дмитрия Фурмана «Проблема 2008: общее и особенное в процессах перехода постсоветских государств»**. Режим, существующий сегодня в России, довольно типичен, утверждает Фурман. И если *идеи демократии* и победили в современном мире, это еще не означает, что в условиях демократии может жить любое общество. Так возникает *имитационная демократия* (большая часть арабских режимов, много африканских режимов, ряд режимов в Азии и Латинской Америке, а также многих стран СНГ). Исходная точка везде одна и та же: провозглашается демократия, рынок, права человека, движение к Европе, к прогрессу и т. п., — и это при полном отсутствии психологической и культурной почвы для осуществления этих задач. То есть две проблемы сваливаются одновременно — нужно и осуществлять переход к новому социальному строю и новому политическому устройству, и создавать новое, первое в истории, свое национальное государство. Как

считает Фурман, общество, абсолютно способное сорганизоваться и переварить эти проблемы, впадает в состояние анархии, через которое в начале 90-х прошли все страны. Таким образом в обществе возникает социальный заказ — желание прийти к порядку, успокоиться. По сути, это и есть заказ на построение *имитационного режима* — реально авторитарного, персоналистского режима, но который все-таки прикрывался бы общепринятыми в современной культуре формами. Заказ исполняет действующая власть, идущая в данном случае по пути, на который ее толкает общество. Однако однажды вступивший на этот путь обречен идти по нему до конца: это уже не дорога, которую ты выбираешь, а эскалатор, неумолимо везущий к неизбежному финалу. Дело в том, что построение имитационного режима обязательно сопряжено с нарушениями закона и конституции. Но после каждого шага, связанного с нарушением закона, правителю становится все труднее уйти, потому что уход может означать привлечение к ответственности. Дорога все время сужается, позволяя двигаться только в одном направлении и строить режим, ужесточающийся все более и более. Фурман рассматривает этапы этого движения и те проблемы, которые решает власть на каждом этапе. На исходной точке он отмечает повсеместное наличие демократических институтов, демократически видоизмененные советские конституции (речь идет о странах СНГ) и сильные парламенты. Но для того чтобы утвердить свою власть и выполнить *социальный заказ на порядок*, указывает далее Фурман, президент должен обуздать парламент. Так возникают первые важные конфликты, исход которых всегда один — побеждает президент, ведь он и есть те самые власть и порядок, которых жаждут люди. Однако, победив, президент немедленно сталкивается с другой проблемой: он должен сделать свою власть безальтернативной. С этой целью ему приходится сначала избавляться от старых товарищей, в дальнейшем осуществлять контроль над выборами (включающий в себя как контроль над политической жизнью вообще, над избирательным процессом, так и контроль непосредственно над подсчетом голосов и т. п.), а следовательно, над средствами массовой информации, и прежде всего телевидением. Приватизация в условиях устанавливающейся личной власти неизбежно становится раздачей собственности, — таким образом создается слой богачей, поддерживающих власть и заинтересованных в сохранении режима. А поскольку и приватизация, и последующее функционирование собственности в подобной системе имманентно связаны с нарушением закона, каждый собственник объективно оказывается «на крючке» у власти и в любой момент может быть привлечен к ответственности за реально имевшее место нарушение закона. Фурман отмечает также, что среди новых собственников обязательно находятся люди, не желающие подчиняться и воображающие, что приобрели собственность своим трудом и талантом. Такие начинают играть самостоятельно, однако эти игры быстро пресекают, для чего и существуют спецслужбы. Роль их довольно велика повсеместно, поскольку самый процесс управления в имитационной демократии представляет собой тайную операцию. Общими для всех оказываются и проблемы партийного строительства. На первом этапе президент надпартиен, он — отец нации, а потому старается ослабить партии и иметь дело с непартийным парламентом — аморфной массой отдельных депутатов. Однако дальше воз-

никает необходимость в разграничении своих и не своих, в создании механизмов контроля и рекрутирования, — т. е. происходит движение к однопартийной системе... К тому же все рассматриваемые режимы тяготеют к монархии, а следовательно, сталкиваются с еще одной общей проблемой — проблемой преемника. В идеале «семейное дело» следовало бы передать сыну. Однако сыновья есть далеко не у всех, и ситуация передачи власти становится очень рискованной, даже болезненной: возникает борьба кланов и групп, в результате которой может рухнуть и самый режим. А режимы эти, указывает Фурман, довольно неустойчивы. Расшатывают их прежде всего те факторы, что вытекают из самой логики режима. Во-первых, не имея оппозиции, не имея сигналов через парламент, прессу, правитель утрачивает представление о реальности. Кроме того, окружив себя неопасными людьми (а он все время осуществляет отбор по принципу «неопасный»), лидер собственными руками ухудшает качество элиты. Третьим обязательным моментом становится коррупция, поскольку приходится подкупать, закреплять лояльность. Четвертый момент — это постепенная делегитимизация: режим, в конечном счете, все-таки базируется на идее выборности, но выборы в этой системе ритуализируются и утрачивают легитимизирующее значение, и люди в конце концов понимают, что это не выборы... Каким образом может осуществляться конец этих режимов, видно на примере Украины, режима Шеварднадзе или акаевского режима, кончившихся по модели «цветных революций». Однако эта модель возможна только в мягких режимах, поскольку предполагает наличие легально функционирующей оппозиции. Результат падения этих режимов может быть двоякий: наряду с действительным переходом к демократии (как это происходит на Украине) возможно впадение в новый цикл хаоса с дальнейшим появлением еще одного аналогичного режима (история Латинской Америки — это история таких бесконечных циклов). Возможна ли трансформация этих режимов сверху? — задается вопросом Фурман. И отвечает: несмотря на то, что эти режимы камуфлируются в демократические формы и все-таки соблюдают элементы демократических норм, переход от них к демократии мирным путем, так же как и путем трансформации «сверху», очень трудно представить. Переход к демократии — это хотя бы однократная *победа не власти*. То есть сбой механизма самовоспроизводства, который властью отработан в совершенстве. И даже если президент в имитационной демократии вдруг пожелает привести страну к *демократии реальной*, ему придется самому выращивать оппозицию, которая должна будет его же разбить. Психологически это что-то немыслимое...

И все же, считает Фурман, Россия кое в чем отличается от абсолютного большинства имитационных демократий. И первое из таких отличий — добровольный уход Ельцина (хотя этот уход и вызван случайными факторами, прежде всего состоянием здоровья). Реальные отличия начинаются сейчас. С 2008 года в стране начинается что-то, что в общую модель никак не вписывается. Речь — о решении Путина уйти. Согласно логике рассматриваемых систем, если конституция мешает президенту, то президент должен ее заменить. Ведь что бы он ни делал дальше, в любом случае та система, которая возникнет после его ухода, будет менее стабильной. Уйдя, т. е. предпочтя собственной власти конституцию, Путин создает прецедент. Власть

становится несколько деперсонализированной, возникает некоторая неопределенность. Очень трудно представить себе преемника, который бы через некоторое время не пожелал бы дистанцироваться от предшественника и ментора. И здесь проявляется принципиальное отличие Путина от других правителей в однотипных системах. Чем это можно объяснить? Ведь с точки зрения способности общества к самоорганизации, готовности общества жить в условиях демократии, способности общества противостоять власти, россияне не только не лучше других народов (к примеру, тех же казахов), но и хуже. Российское общество атомизировано в большей степени. Во всех других странах есть племенные, клановые, региональные лояльности, с которыми власть должна считаться. Если она переходит границы, люди моментально сплачиваются: наших бьют. Однако трудно представить себе подобную ситуацию в России, где совершенно нет демократических традиций и привычек. Но — есть «но», полагает Фурман. Россия полноценно участвовала в европейском культурном процессе, в европейском политическом концерте, в политической жизни Европы, начиная с XVIII века. И у нас не может быть того оправдания, которое существует в любой центрально-азиатской стране. Серьезное отношение уходящего главы государства к конституции и к демократической форме, которое где-то даже переходит грань имитации, связано с тем, что здесь проявляется нежелание Путина быть рядовым «эсэнгэшным» президентом или вообще президентом третьего мира. Да и российское общество, российская культура не желают признавать себя культурой и обществом третьего мира. Это создает надежду на то, что Россию минет катастрофический вариант падения режима.

Николай Петров в статье **«Корпоративизм vs регионализм»** («Pro et Contra», № 4–5; Polit.ru, 21 ноября) показывает, как в путинской России сложилась модель корпоративистской олигархии, возникшая вследствие ослабления демократических институтов и ведущая к их дальнейшему ослаблению. Корпоративистская модель принципиально нестабильна и неустойчива и воплощает в себе примат корпоративно-ведомственных интересов над общегосударственными. Она недемократична, поскольку представляет собой манифестацию клановой политики, а не политики массовой. С точки зрения общества, корпоративные политические машины хуже региональных по целому ряду причин. Они более закрыты и непрозрачны, в гораздо меньшей степени используют элементы публичной политики, в частности выборы; их число невелико, при этом они мощнее, а их монопольное положение менее уязвимо. Корпорации могут вмешиваться в действия региональных политических машин, но обратное практически невозможно. Корпорации просто подминают под себя существующие институты, как, например, Совет Федерации, а теперь, с введением пропорциональной системы, и Государственную думу. Корпорации вытесняют и сохранившиеся региональные политические машины, продвигая своих людей на посты губернаторов и в верхнее звено управления, формируя депутатские группы в законодательных собраниях. В этом им часто помогает и Кремль, заинтересованный в том, чтобы подыскать регионам, особенно проблемным, ответственного «хозяина». Новая корпоративистская система, таким образом, «прорастает» из существующей, и реальный центр тяжести все больше смещается к госкор-

порациям, которые слабо представлены в публичной политике (а то и полностью отсутствуют в общественном пространстве), зато активно участвуют в подковерной борьбе. Вместо двусторонних договоров с регионами, расторгнутых при Владимире Путине, теперь федеральный центр фактически заключает договоры с корпорациями, получающими от государства различные знаки благоприятствования. Итак, за два президентских срока Путина страна проделала путь от вольницы регионов к вольнице госкорпораций. Петров прогнозирует: путинскому преемнику *в наследство достается тяжелый груз проблем и совершенно не приспособленные, не нацеленные на их решение механизмы. При этом возможности проведения популистской политики и откладывания проблем в долгий ящик практически исчерпаны. Политический ресурс системы, построенной Путиным, выработан полностью. Следующий президентский срок будет по определению сложным и вряд ли позволит снискать новому хозяину Кремля большую популярность: «вершки» в виде раздачи денег населению в виде повышения зарплат и пенсий (и в целом роста благосостояния опережающими темпами в сравнении с экономическим ростом) уже собраны президентом Путиным, остались корешки. Для преемника нынешнего президента проблема эффективного государственного управления станет ключевой. Девизом классической федерации — США, где удается совмещать решение масштабных общенациональных задач с сильными и самостоятельными регионами, является Ex pluribus unum — единство в многообразии. В новой России, провозгласившей приверженность принципам федерализма, эту формулу до сих пор получалось реализовывать лишь по частям: или многообразие, как при первом президенте, или, как сейчас, — единство. Следующему президенту предстоит совместить обе части формулы, что представляется задачей сложной, но выполнимой. Ее решение способно обеспечить успех новому президентству.*

Валерий Дубовцев и **Николай Розов** оппонируют сторонникам системы «Русской власти» (**«Природа "Русской власти": от метафор к концепции»** — «Полис», № 3). Феномен «Русской власти» («Русской системы») предполагает представления о стабильном воспроизводстве целого ряда вещей, в числе которых — самодержавие (в разных формах — от великокняжеской до президентской), стремление к максимальной централизации и контролю над ресурсами, «сильная рука», привычка действовать посредством принуждения и насилия, «вертикаль власти», нетерпимость к оппозиции. На неуклонной повторяемости всех этих вещей в долгой истории России настаивают популярные теоретики В. Пастухов, Ю. Пивоваров, А. Фурсов, А. Янов и др., не скрывающие своей завороженности феноменом, объясняющим, по их мнению, все основные российские события и процессы. Не случайно словосочетание «Русская власть» то и дело дополняют определением «метафизическая». Однако, напоминают читателю Дубовцев и Розов, гипноз удава — это на самом деле страх кролика. И хотя «Русская власть» — вполне реальная историческая субстанция (недаром мы и ныне вкушаем ее плоды), однако пора избыть «метафизический» пиетет перед идолом-мутантом и ответить, наконец, на вопрос: при каких условиях «Русская власть» сменится в России на нечто более приемлемое? Тщательно и остроумно анализируют Дубовцев и Розов мифотворчество сторонников «Русской системы». В час-

тности, обсуждая метафору «русского гена» (того самого гена, по вине которого и продуцируется авторитаризм), они отмечают, что, хотя постперестроечная история России действительно свидетельствует в пользу *архетипического преморфизма* и русская система власти восстанавливается в новых обличьях, но с теми же сущностными характеристиками, однако легкость и успешность, с какими наши соотечественники адаптируются в Европе, США, Канаде, Австралии или Израиле, показывают, что «русский ген» не так уж фатален. В иной социальной обстановке бывшие советские люди становятся вполне способны к горизонтальным договорам, гражданскому поведению, участию в демократическом процессе. Отвергают авторы статьи и теорию «осажденной крепости», с помощью которой сегодня принято обосновывать самодержавный уклон, отмечая, в частности, что *высокая степень централизма, самодержавие в большей мере характерны не для обороняющихся стран, а для экспансионистских империй.* Дубовцев и Розов полагают, что и в России имеет место факт договора между обществом и властью (идея, с которой никогда не согласятся сторонники несменяемости «русской власти», основанной на насилии). Именно этот негласный «вертикальный договор», по мнению авторов статьи, во многом играет решающую роль в русской истории. Для царской России они формулируют его так: *Мы, православный народ, готовы нести трудовое тяло, умирать в боях, а вы, царь и помещики-офицеры, должны успешно расширять землю Святой Руси.* Если же власть договор не исполняет, это приводит к кризису... Так, большевики обещали коммунизм (правду) во всем мире, начиная с России; и этот лозунг удачно лег на архетипы народного сознания, расположив людей трудиться в поте лица «за палочки» и умирать за победу коммунизма во всем мире, за Сталина и за Советскую Родину. Турбулентность 1990-х годов — попытка власти установить новый вертикальный контракт, который можно сформулировать следующим образом: *Мы даем вам возможность приватизировать что удастся и богатеть в условиях свободного рынка, а вы нас если и не поддерживаете, то, по крайней мере, терпите.* Новейшая же версия вертикального контракта со стороны власти может быть выражена таким образом: *Мы вам — сопоставимые со славными советскими временами порядок и стабильность, регулярные повышения зарплат, а вы нам — признание и поддержку на неопределенное время.* Однако этот контракт остается неустойчивым, ненадежным, а потому толкает власти к новым и новым шагам по обеспечению полноты экономического, политического и идеологического контроля над ситуацией в стране. Но в любом случае нахождение приемлемой формы вертикального контракта открывает новый период стабильности, и цикл повторяется. Однако Дубовцев и Розов не считают ситуацию безнадежной. Приверженность тех или иных групп и слоев «русской системе», указывают они, должна пониматься как зависимая величина, на которую влияют меняющиеся факторы. Надежда авторов статьи связана с людьми, не склонными уповать на принуждение и насилие как средства «наведения порядка».

А вот **Виталий Куренной («Рациональная бюрократия: теория и идеология»** — «Прогнозис», № 2) утверждает, что в России нет государства. А гражданское общество — есть. Государство давно стало жертвой интересов граж-

данского общества (более или менее локальных групп интересов) и даже еще более элементарной социальной структуры — «семьи».

Юрий Шевцов в статье **«Проклятие периферийности»** (сайт «Преемники. Ру», 23 октября) сравнивает и уравнивает Россию с Беларусью. Обе они — периферийные страны, достигнутая стабильность которых опирается на внешнюю конъюнктуру. Беларусь бесплатно потребляет множество бонусов дорогостоящей европейской интеграции: европейская система безопасности, необъятный рынок ЕС, заинтересованность ЕС в политической стабильности в Беларуси в силу ее транзитного значения. Россия, пишет Шевцов, сумела выйти из экономического коллапса за счет роста мировых цен на углеводороды и дешевого потребления все тех же благ европейской интеграции. Даже среднеазиатские региональные угрозы безопасности России были нейтрализованы Западом. Понятно, что ни Россия, ни Беларусь не определяют сами внешние источники своего роста и существования, а только удачно встраиваются в приходящую извне, созданную не ими внешнюю конъюнктуру. Потому оба сильных государства — изначально неинтеллектуальны, их аппарат власти нуждается не в глубоком осмыслении происходящего со страною, а в обычной лояльности и более или менее качественном оперативном анализе. Интеллектуальный класс в обеих странах маргинализирован. Перехода к постиндустриальности не происходит. Идет лишь рост потребления и оздоровления общества за счет в основном бюрократических мер. По сравнению с эпохой упадка начала 90-х — это, конечно, прогресс, однако перспективы развития в этой модели не заложено. Стратегические вопросы существования обе страны решают за счет консультаций с сильными мира сего напрямую. Самостоятельной политики в стратегических вопросах всерьез ни Беларусь, ни Россия позволить себе не в состоянии. Лишь по мелочи, в странах третьего мира... Судьба обеих стран в целом зависит от внутренних процессов в мировых центрах силы, прежде всего в ЕС и США. Беларусь в силу своей компактности и близости к ЕС чувствует это острее России. Шевцов убежден, что остановить нарастающую напряженность в отношениях России с ЕС невозможно. Государство в России будет просто в силу своей бюрократической природы втягиваться в ценностные споры, как это происходит в Беларуси, пытаться жесткими мерами решать тонкие проблемы в отношениях с Западом. Общество в ответ на требования Запада еще более обозлится и продолжит поддерживать курс на конфронтацию. Оппозиция внутри России будет становиться все более радикальной и будет сведена государством к диссидентскому уровню. *И будет за что ее сводить к такому уровню, глядя на беспринципную коммерческую торговлю оппозицией своей радикальностью, каналы и характер ее поддержки извне*, — ущучивает шакалящих у посольств оппозиционеров Шевцов. Но Европа продолжит свой экономический рост. Усиливающаяся и бескомпромиссная в вопросах о ценностях Европа, даже просто — Запад — в настающем кризисе российско-европейских отношений будут побеждать, ибо альтернативы участию в следующей фазе европейской интеграции у России не останется. *Именно так*, — пишет Шевцов, — *ныне переходит, стиснув зубы, к сотрудничеству с Европой Беларусь*. Сильное государство само по себе способно решить только некоторые, требующие короткого рывка про-

блемы. Если же государство, пусть из самых благих пожеланий и совершенно оправданно, застывает в своей концентрации власти надолго, ничем не остановить его бюрократизации. Заканчивает Шевцов как-то противоречиво: *эффективное сильное государство, неспособное самостоятельно преодолеть свою косность, — в этом главная проблема России.*

Сезон отмечен и апологиями президента в исполнении самых разных лиц. В октябре четыре деятеля искусств — **З. Церетели, Т. Салахов, А. Чаркин** и **Н. Михалков** — в обратились к В. В. Путину с просьбой остаться на третий президентский срок *«от имени всех представителей творческих профессий в России»* и *«выражая мнение всего художественного сообщества России, более 65 000 художников, живописцев, скульпторов, графиков, мастеров декоративно-прикладного, театрально-декорационного, народного искусства»* («Российская газета», 16 октября). Письмо четверки — удивительный памятник глубокой любви к лично Владимиру Владимировичу, неподдельной преданности ему. *Проводимая Вами мудрая государственная политика позволила российской культуре обрести новую жизнь,*— делятся своей душевной радостью Церетели, Михалков и прочие, — *благодаря Вашим усилиям была достигнута социальная стабильность и прогресс, необычайно повысился авторитет нашей Родины во всем мире. <...> России необходим Ваш талант государственного деятеля, Ваша политическая мудрость. Очень просим Вас, глубокоуважаемый Владимир Владимирович, принять во внимание наши надежды на Ваше положительное решение.* Письмо четырех вызвало довольно бурную реакцию в СМИ и блогах, а также серию ответных демаршей, став катализатором негативных социальных эмоций. Ряд творческих работников публично отмежевались от письма. Группа деятелей культуры призвала Путина уйти; такое выступление творческой интеллигенции, как отмечалось, — первый коллективный протест за время президентства Путина, непосредственно связанный с личностью главы государства.

Пример критического отклика — статья **Александра Архангельского «Как мать говорю, как женщина»** (РИАН, 26 октября). Автор встревожен: *произошла не просто неряшливая узурпация общего мнения; все куда опаснее: нас приучают к другому способу общественного мышления и публичного высказывания. Все отсылки к советскому опыту в данном случае ошибочны; это опыт азиатских деспотий, окружающих нас по всему каспийскому периметру. Это стилистика (пока не практика) туркменбашизма. Несколько лет назад три или четыре российских поэта обратились к Туркменбаши с просьбой поддержать их перевод «Рухнаме» и антологии туркменской поэзии, дать денег. Стиль был примерно такой же: неряшливый, витиеватый, лизоблюдский. Поэтов заклеймили презрением; они оправдывались: ну мы же пишем чужому дикарю, у них такие нравы, по-другому они не поймут, а деньги очень нужны, не сердитесь. Теперь такие стилистические обертоны становятся возможны внутри России; власть еще не решила для себя, в каком направлении ей мутировать — или развиваться; художники подсказывают — в каком. Они готовят отечеству дурную судьбу; будем надеяться, отечество само разберется, какую судьбу для себя выбрать.*

А 28 декабря в Сети появилось заявление комитетов ветеранов и лиги защиты человеческого достоинства и безопасности, подписанное их руко-

водителями, генералами **В. Варенниковым, В. Шамановым и др.** Они декларируют, что *судьба послала России Владимира Владимировича Путина. Он фактически спас страну, которая уже была на грани катастрофы. В. В. Путин в течение восьми лет в должности Президента*[1] *Российской Федерации фактически совершил мощный героический поступок. <...> Деятельность Владимир Владимировича Путина, конечно же, является высшим проявлением подвига.* Авторы полагают, что *народ обязан по достоинству оценить его пребывание на посту Президента страны*, а также подсказывают народу, чем можно было бы наградить героя.

Публицисты подводят свои итоги правления Путина. Рупор «политического православия» **Егор Холмогоров** в статье **«О Путине начистоту»** (АПН, 2 октября) в самом начале провозглашает: *Путину и путинизму нет альтернативы.* Отчего бы? А вот отчего. *Путин обещает обывателю две вещи. Главную — относительно заторможенное, замороженное протекание негативных процессов в обществе, торможение распада советской системы и смягчение болезненности переживания этого распада. Второстепенную — относительно динамичное протекание процессов становления некоего нового будущего или возрождения того, что было разрушено, но что еще вполне жизнеспособно.* А все альтернативные путинскому проекты, основанные на динамизации изменений путем расконсервирования кризиса, *потерпели постыдную неудачу, не заинтересовав и полпроцента населения*, чему Холмогоров искренне рад. Как он полагает, единственной идеей, которая могла сыграть на бунт, был русский национализм, который, довольно голословно утверждает автор, по сути является охранительным национализмом, *основанным на простом желании не дать уничтожить русских, не дать вкатать нас в асфальт истории и положить сверху щебенку из «народов более готовых к демократии», не дать продать нас по кускам и выморить всевозможными реформами.* По вектору такой русский национализм и путинизм полностью совпадают, различаются лишь темпы.

Между тем неприятие фигуры Путина в радикальных кругах имеет часто моральный характер, о чем свидетельствуют характерные суждения нынешнего соратника Э. Лимонова **Владимира Абеля («Путин и Литвиненко теперь неразлучны» — *kasparov.ru*,** 23 ноября): *Заметно уступая некоторым российским правителям по размаху злодейств, Путин войдет в историю все-таки злодеем. За восемь лет его правления (1999–2007 годы) не сделано ничего, что послужило бы для нации источником гордости и самоуважения — пусть не на века, но хотя бы на десятилетия. <...> При Путине Россия вовсе не «поднялась с колен», как нам внушают рекламисты-политтехнологи, а, наоборот, упала на колени — перед самым незначительным тираном в своей истории.*

Среди самых остроумных резюме к прошедшим выборам в Думу — весьма спорный комментарий **Павла Святенкова** на АПН (**«Путин сменил социальную базу»**, 2 декабря). Святенков полагает, что единственный реальный результат выборов — подрыв легитимности правящего режима. Пыта-

[1] Слово «Президент» здесь пишется с заглавной буквы. Да и может ли быть по-другому? — *Ред.*

ясь избежать кризиса при передачи власти, Кремль задействовал свой неприкосновенный запас — рейтинг Путина. Результат получен, но доверие к власти подорвано. Жители городов больше не считают, что власть представляет их интересы. А ведь именно горожане привели его к власти, именно они в 1999 году голосовали за «Единство» против коалиции бюрократии и этнических мафий, представленных тогда блоком «Отечество — вся Россия». Теперь же Путин откровенно отрекся от русского городского среднего класса, что видно по методам, которыми действовала власть. Публичный сгон народа на голосование, вбросы бюллетеней и прочие «административные технологии» — методы бюрократии. Заняв позицию бюрократии, Путин официально сменил свою социальную базу: от русских горожан — к «запутам» и «компопутам» (то есть к разного рода движениям «запутина» и «комитетам помощи путину»). Городской средний класс стал коллективным врагом Путина, он отвергнут, исключен, гоним. Он травим под псевдонимом «интеллигенции» и официально объявлен объектом для высокомерного шельмования со стороны сумасшедших властей.

Тот же **Павел Святенков** в статье **«Полночь Путина»** (АПН, 2 октября) комментирует решение президента Путина возглавить список «медведей» на парламентских выборах 2007 года. Несколько лет назад у России были две возможности: трудная — идти по пути строительства «буржуазной демократии» и легкая — воспроизводить стандартные сырьевые деспотии третьего мира. Развитие пошло по легкому пути. Новый авторитарный режим навевает ассоциации со странами «народной демократии» времен советского господства в Восточной Европе, где царила одна партия, однако существовал и целый ворох других, более мелких, фиктивных «партий», которые были способны лишь самозабвенно петь хвалу премудрости правящей. Россия, поплутав во тьме либеральных реформ, окончательно встала на путь сырьевого авторитаризма. Советская система воспроизводится почти буквально. Исходя из недоказанной аксиомы *«российский лидер никогда не был диктатором и не отличался чрезмерным властолюбием»*, Святенков пытается объяснить себе, зачем Путину нужно возглавлять «ЕР» и быть премьером. Ответ его предсказуем: *создаваемый им в течение восьми лет правления политический режим оказался слишком несовершенным. В отличие от западных демократий, суверенная демократия не гарантирует неприкосновенности отошедшему от власти лидеру. Запад также не желает давать гарантий. <...> Все это делает отказ Путина от власти слишком опасным. А для его окружения — и вовсе фатальным.* Короче говоря, *отступать Путину некуда. Позади Кремль.* Святенков не уверен, что Путину удастся превратить «Единую Россию» в полный аналог КПСС. Пока что, пишет он, она *является пиарной фикцией, а не инструментом осуществления власти... Путину, если он решит реализовать сценарий своего сохранения у власти через премьерство, придется налаживать отношения со своим формальным сменщиком в кресле главы государства. Это самый трудный момент, ибо традиция и логика нынешней политической системы будет работать на преемника.* А *сценариев свержения кукловода*, — напоминает Святенков, — *история знает немало.* Завершается статья следующим бодрым предупреждением: *как и сапер, президент не имеет права на ошибку. В противном случае любой*

микропереворот в элитах — и к власти российский лидер не вернется уже никогда. Для него наступает полночь — время, когда чары развеиваются, кареты превращаются в тыквы, а лабрадоры — в обычных крыс.

Наиболее отчетливо плюсы и минусы путинского курса попытался обозначить в пределах своей мировоззренческой установки **Михаил Делягин** (**«Историческая роль В. В. Путина»** — АПН, 5 октября). Он нашел у Путина ряд исторических заслуг, с которых и начинает. Правда, их описание выглядит амбивалентно. Главная из заслуг — восстановление государственности, которой не существовало с 1989 по 2002 год. Путин, замечает автор статьи, именно восстановил государственность, не просто любовно сохранив, но и усугубив многие ее минусы и растеряв на историческом пути многие ее плюсы. *Сегодня российская государственность используется преимущественно в коррупционных целях — для личного обогащения ее непосредственных членов. Но она по своей природе — со всеми своими недостатками — приспособлена не для этого, а для модернизации.* Вторая историческая заслуга *Путина — пробуждение самосознания российского (и в первую очередь русского, который испугавшийся властитель тут же начал подавлять и дискредитировать) народа и ощущения самоценности России.* Страна и общество, находит Делягин, воспринимают себя уже не беспомощным обломком Советского Союза, но самостоятельным субъектом истории. Путин смог стать «эхом русского народа», *восстанавливающего свое самосознание после контузии распадом государства и безумия «демшизы».* Он смог услышать и выразить сокровенную жажду своего народа, смог пусть лишь некоторое время, но быть его частью. Третьей исторической заслугой Путина Делягин считает *хотя и неполное и непоследовательное, но все же возвращение к разумности, наиболее заметное в осознании безусловной враждебности внешнего окружения.* В момент прихода к власти Путин стал символом наведения порядка и восстановления простого человеческого здравого смысла после демократического распада 90-х годов. *Да, он не удержался на этой высоте, бросившись строить военно-полицейский феодализм для своих друзей и, как пишут интернет-патриоты, «соратнегов». Но он сумел подняться на эту высоту.* Разумность проявляется и в *продвижении к адекватному восприятию собственной истории*, уважения к ней (несмотря на сопутствующие уродства типа реабилитации Сталина и насилия не то что над инакомыслящими, но над мышлением, как таковым). Четвертой исторической заслугой Путина Делягин называет создание государственно-коммерческого механизма, нацеленного на скрытую внутреннюю и внешнюю экспансию. Он создавался в коррупционных целях, но у бывших сотрудников ФСБ вместо *прачечной для отмывания денег* получилась вполне эффективная при разумном использовании система глобального влияния, ее можно использовать и *«в нормальных целях»*. Наконец, в-пятых, с довольно красноречивой вербальной гримасой Делягин указывает на *«гуманизм Путина»: Ведь сам Путин вряд ли отдавал приказы о физическом уничтожении неугодных... Для него более свойственны аккуратные методы в стиле Андропова — не столько подавлять оппозицию, сколько разлагать и развращать ее. Причем — и в этом принципиальное отличие от Андропова, — вместе со всем обществом. И, если возможно, стараться отнимать не саму жизнь, но ее смысл. Пусть тот, кого ни разу не*

убивали, скажет, что это хуже. И все же в целом, по Делягину, Путин — это президент упущенных возможностей, чьей главной виной является *последовательный и четкий отказ от модернизации общества. Ему и так хорошо — так зачем стремиться вперед и ввысь, когда можно просто потреблять? Зачем отстаивать стратегические интересы страны в глобальной конкуренции (в том же вопросе о ВТО), когда можно просто потреблять? Зачем решать проблемы с нехваткой газа и что-то умеющих работников через несколько лет, когда сегодня можно просто потреблять? Путин и правящая бюрократия искренне ощущают смысл своего существования в потреблении, а не в достижении общественного блага, обессмысливая тем самым свое существование и разлагая общество.* Разрушение социума — не только социальных гарантий и норм общежития, но и самого общества, как такового, как жизнеспособного организма, его ценностей и мотиваций — пошло при Путине даже быстрее, чем при Ельцине. Бандитско-реформаторский разврат был заменен развратом гэбэшным и коммерческим, к которому у нашего общества не было иммунитета. Делягин утверждает: *на фоне своих неминуемых сменщиков Путин будет казаться из исторического далека неким специфическим аналогом Горбачева — демократом и гуманистом, неспособность которого сформулировать для страны стратегическую цель обернулась утратой исторических шансов и колоссальными потерями... Его урок, который мы должны воспринять в полной мере, прост и беспощаден: Россией не может управлять слабый человек. Россией не может управлять человек, живущий ради корысти и личного потребления (в том числе символического). Россией не может управлять человек, более всего на свете желающий умереть в своей постели. До свидания, Владимир Владимирович. Вы сделали далеко не все мерзости, на которые были способны, и сделали много хорошего, чего нельзя было ожидать от человека Вашей биографии, прошедшего от Дрездена до Собчака. Позвольте выразить Вам благодарность. Я тороплюсь сделать это, потому что вспоминать Вас — если будет кому — еще долго будут за другое. За то, что Вы не сделали — и даже не задумались о том, чтобы сделать — и половины того, что были обязаны. Справедливость в отношении некоторых людей бывает самой жестокой вещью, которую можно себе представить, и потому я тороплюсь с благодарностью. Года через два — и тем более через 20, если Россию удастся сохранить после Вашего блистательного правления, — меня уже просто не поймут.* Напоследок Делягин снова предрекает грядущий системный кризис: *Нам будет очень плохо и очень страшно. И если мы опять, как в 1991 году, окажемся слабыми и глупыми, мы снова потеряем часть своей страны, мы снова потеряем миллионы жизней — и снова посадим себе на шею всю ту же самую бюрократию, только в еще более чудовищном и омерзительном виде. Этого надо избежать любой ценой. А президент Путин — что с него взять? Пусть пока развлекается, чувствуя себя хозяином: у него еще есть некоторое время и лабрадор Кони его действительно любит. Кстати, далеко не каждый может сказать это про себя.*

Ну а самый скандальный опус сезона о президенте — статья пермяка **Игоря Аверкиева «Путин наш хороший Гитлер»** («За человека», № 5, 10 декабря; републикация — nazlobu.ru, 22 февраля). Идеи не новые, но важна последовательность. Автор приходит к выводу, что тип и стиль властвова-

ния Путина очень похожи на тип и стиль властвования Гитлера на раннем этапе его государственной карьеры, а ситуация в постсоветской России очень похожа на ситуацию в послевоенной Германии; российский народ очень похож на немецкий народ на рубеже 20-х и 30-х годов. Аверкиев пишет: *Путин сегодня, как Гитлер в начале своего пути — не злодей. Как Гитлер, Путин просто спасает Родину. В начале великого пути во имя спасения Отечества никто никого не хочет убивать. К этому приводит логика абсолютной власти и миссия «спасителя Отечества»... Путин, как Гитлер, искренне любим большей частью народа, любим простыми людьми. Путин, как Гитлер, стал реальным общенародным лидером потому, что обладает удивительной способностью — Путин, вольно или невольно, поощряет в своем народе худшие его качества... Люди любят Путина, как любили Гитлера, потому, что он дает им расслабиться, сбросить бремя ответственности, свободы, цивилизации. При Путине, как при Гитлере, люди могут спокойно отдаться своим страхам и слабостям. При Путине, как при Гитлере, всякому нормальному человеку легко быть безответственным и несамостоятельным, трусливым и подобострастным — общество его за это не осудит. При Путине, как при Гитлере, легко и с удовольствием можно отдаться самой яркой и сильной человеческой эмоции — ненависти. <...>Путин, как Гитлер, — спаситель Отечества, страж Величия, Стабильности и Порядка. Путин — вот-вот уже и Вождь. Путин, как Гитлер, бережет страну от внешних и внутренних врагов. В представлении большинства Путин, как Гитлер, лично обеспечивает благосостояние и процветание каждого. Главное для российского простого человека — быть за Путина (как простые немцы были за Гитлера). Все остальное приложится <...>И Путин, и Гитлер в основе своей «политической личности» имеют одно и то же переживание. Оба восприняли геополитическое поражение своей страны как личное поражение, как моральную травму, один — полусражаясь на передовой, другой — служа Родине на «невидимом фронте»... И Путин, и Гитлер имеют особую, нарастающую харизму... Неяркие, тихие, дисциплинированные в молодости, в общем-то не герои, ничем особенно не примечательные, и Путин и Гитлер расцветают как бы вдруг, талантливо, даже гениально используя для увеличения личного величия не внутренние обстоятельства души и ума, а внешние обстоятельства «града и мира». И Путин, и Гитлер — политические максималисты. И Путин, и Гитлер всерьез взвалили на себя ни много ни мало миссию спасения страны... И Путин, и Гитлер — ни правые, ни левые, ни либералы, ни социалисты, ни за свободу, ни за справедливость. И Путин, и Гитлер — за народ, за национальные интересы и против врагов своей страны. И Путин, и Гитлер как бы над политикой... И Путин, и Гитлер настаивают, что к власти их приводят не как всех — деньги и личная борьба за власть — а сам народ, высокая миссия, провидение, судьба, долг и т. п. Политический путь Гитлера и Путина — тот самый третий, срединный путь. Путь неприсоединения к разделяющим общество идеологиям. Путь объединения нации через общее спасение от общих врагов. Тот самый бонапартизм, который возвышает демагогию... до народной идеологии и высокой стратегии. По «гамбургскому счету», Путин, как Гитлер, — фашист. Фашист, как минимум, в мировоззренческом смысле этого слова — как популист, стремящийся к абсолютной власти, опирающийся на*

народную ксенофобию (в данном случае, в виде народного «культа врага»: врага страны, нации, народа и т. д.) и склонный к насилию, как к основному инструменту разрешения политических и социальных противоречий. Точнее, Президент Путин — фашист в тенденции, так как его режим только-только начал осваивать четвертую из фашистских характеристик — насилие как политический универсум. Насилие физическое, моральное, социальное... Во всем и везде — хамская, в расчете на безнаказанность, демонстрация режимом своей, пока еще дутой, силы. Сотни тысяч людей в России на этих выборах почувствовали себя политически изнасилованными. Да, они не большинство. Но это не худшее небольшинство России. <...> Конечно, Президент Путин только в начале «темного пути». Он только делает первые шаги, но эти шаги не оставляют иллюзий относительно их направления. Абсолютистско-тоталитарные замашки нашего Президента[2]; легкость в применении уже крупномасштабных, но пока не фатальных репрессий; готовность на любые политические вызовы отвечать почти исключительно силой «административного ресурса» и натравливанием на противников новых «опричников»; раскручивание темы «врага страны» — все это говорит о тоталитарной, фашистской сути происходящего. Но мы еще на переломе. Все выше описанное еще соседствует со специфической, но свободой слова; «административный ресурс» часто не выдерживает простого организованного сопротивления граждан; судебная система, несмотря на все огрехи, не раз демонстрировала свою способность защищать граждан от государственного произвола. Мы на переломе — и это очень важно. <...> Как все лидеры с таким душевным складом, Путин обречен магнитом притягивать к себе именно «темный» человеческий материал. Как только Владимир Путин пришел к власти, в стране встрепенулись, потянулись вверх жлобы, хамы, шпана всех мастей и калибров. При всей внешней респектабельности сегодняшнего режима, с Владимиром Путиным в страну пришло время государственной шпаны, просвещенных гопников, высокопоставленных жлобов. Речь о доминирующем стиле публичной жизни, о политической моде, о том, как принято вести себя в обществе. В этом смысле горбачевская Россия была временем идеалистов и революционеров, ельцинская Россия открыла дорогу авантюристам и проходимцам, а путинская Россия раскрепостила шпану всех профессий и поколений. Страна соскучилась по храбрости, по героям, по народным заступникам — по «светлым». Но они пока в дефиците. Старые герои спились или пожухли в ельцинском безвременье, новые только зачаты или живут во младенчестве. Вместо них на сцену выходят имитаторы. Вместо социальной героики публика получает демонстративное, рассчитанное на безнаказанность, хамство. Хамство — стилевой конек путинской элиты, опирающейся на бездушную силу толпы или ватные мегатонны «административного ресурса». <...> Есть подозрение, что сам Путин не равен тем, кого к нему тянет, для кого он — сигнал к действию. Более того, его личные реакции на мир, до недавнего времени, были вполне нормальными и не выходили за рамки приличий, принятых в России для мужчин его возраста, его образования, его карьеры и темперамента. Как это

[2] Слово «Президент» и здесь пишется с заглавной буквы. Но на сей раз это имя собственное. — *Ред.*

часто бывает с «темными вождями», сам Владимир Путин — не хам, но это мало что меняет. <...> Путинский режим — это еще и публичное торжество «серых мышей» <...> Конечно, Путин, как Гитлер, вынужден прибегать к услугам талантливых и порядочных людей, высоких профессионалов. Но их служба режиму — это сплошная череда тягостных профессиональных и человеческих компромиссов, и не они — «гвардия Путина». Путинской России по-прежнему не нужны храбрые солдаты и эффективные чиновники, путинская Россия не любит самоценных политиков и независимых предпринимателей. Ей нужны новые малюты скуратовы, силовики-садовники: специалисты по подрезанию всего, что движется чуть быстрее и высовывается чуть выше. Главное, похоже, Путину, как Гитлеру, не нужны граждане — ему нужны подданные. Только о подданных Президент Путин готов заботиться, только подданных он готов вести к новому российскому величию. Особенно тревожным симптомом Аверкиев называет то, что осенью 2007 года Путин впервые примерил статус «национального лидера», фактически заявился на абсолютную власть в России. *В исторической памяти человечества этот феномен закрепился через метафору «перейти Рубикон». Владимир Путин свой Рубикон перешел, дав понять стране, что именно он, Владимир Путин, претендует на абсолютную власть в России, власть, не ограниченную никакими формальностями и сроками и опирающуюся только на ВЕРУ в него большинства населения. Теперь каждым своим последующим шагом Владимир Путин вынужден подтверждать свое право на абсолютную власть. Каждый его последующий поступок должен быть круче предыдущего. Любой шаг назад, любое неподтверждение «абсолютного статуса» будут расценены населением и противниками как слабость. Слабость, реальная или выдуманная — это смертельная политическая болезнь абсолютного лидера, стремительное и безвозвратное падение вниз. Поэтому нам всем грозит эскалация путинской справедливости, путинской суровости, путинской непримиримости. Враги будут множиться просто для демонстрационного эффекта. Репрессии последуют не от политической злости, а от безысходности. Владимир Путин теперь должен выигрывать все схватки любой ценой или делать вид, что выигрывает, идя на обман своего народа, применяя изощренную геббельсовскую пропаганду. Ибо каждую секунду он должен «сохранять лицо» — лицо национального лидера, имеющего право пренебречь всем, кроме народной веры в него... Уже неважно, пойдет Президент Путин на третий президентский срок или не пойдет. Важно, что он пошел в «национальные лидеры». Еще этим летом, глядя в 2008 год, Президент Путин мог представить себя хоть кем и мог стать хоть кем. Сейчас, заявившись на абсолютную власть, наш Президент сузил поле своего выбора до единственной дилеммы: или он становится единовластным хозяином России, или сознательно превращается в политическое ничто.* Утешает себя Аверкиев тем, что Путин может и остановиться. Тем более что страна ему досталась трудная, государство он так и «не доделал», все в нем валится. *Плохо жить в недоделанном государстве, но и для узурпатора оно — ненадежный инструмент.* И репрессивный аппарат у нас тоже не лучшего качества — не таков, чтобы вождь мог всецело опереться на него, загоняя несогласных в загон с согласными. В XXI веке личные диктатуры уже неэффективны для быстрого решения глобальных проблем. Да и

мы *не такие единые-стадные, мы информированнее, мы исторически опытнее, мы что-то знаем и про их Гитлера, и про нашего Сталина. Мы в большей степени познали радости свободного времени и частной жизни. Мы более разнообразны и утонченны в своих желаниях. Нами такими труднее управлять из одного центра, над нами тяжелее господствовать. Хотя, конечно, большинство из нас пока поддались на путинское предложение отдать свою волю в обмен на его заботу.* У нас есть 20–30 % сограждан, которым тоталитарные потуги недоделанных подручных осторожного диктатора противны по определению. Это много. Этого достаточно, чтобы объединиться и силой своей эмоции и своего единства убедить остальных в своей правоте.

Общество

Уместно начать со статистики. «Ведомости» 9 ноября сообщают, что, по опросу Европейского и Всемирного банков реконструкции и развития в 27 странах Восточной Европы и бывшего СССР, в России самый низкий уровень поддержки демократии (36 %). При этом авторитарное управление предпочли бы 33% россиян.

22 декабря «Российская газета» публикует отчет об исследовании, проведенном учеными Института социологии РАН (руководитель группы член-корреспондент РАН **М. К. Горшков**). Они трижды за десять лет — в 1998, 2004 и 2007 годах — попытались выяснить, как себя чувствуют и кем ощущают себя россияне. Некоторые итоги. Четверть населения России в данный момент уверены, что в целом их жизнь складывается хорошо. Еще 63% в основном ею удовлетворены. Но удовлетворенность россиян своей жизнью за последние три года снизилась — в 2004 году свыше трети респондентов (35%) считали, что все у них складывается хорошо. У нас по-прежнему столь же велик разрыв между бедными и богатыми, как в 1998 году накануне кризиса. В 2,5 раза выросла доля бедных в составе людей от 56 до 65 лет (то есть свежеиспеченных пенсионеров). Труднее стало пробиться молодежи — рынок труда «насытился» кадрами. И сейчас все-таки не 1998 год: люди не хотят «ждать лучшего будущего» и ради этого мириться с не лучшим настоящим. И еще ряд фактов. Людям в общем и целом нравится тот регион, в котором они живут. Хотя и тут не без диспропорций. Если в Москве свой регион называют «хорошим» для жизни 60%, то, например, в Архангельской области — лишь 23%, а 31% склоняется к мысли, что «здесь жить нельзя». Чем мельче населенный пункт, в котором обитают люди, тем меньше им нравится «малая родина». Очень многих не устраивает уровень их личной безопасности (здесь оптимисты — в основном молодежь, а люди старше 36 лет удовлетворены ситуацией гораздо меньше). Стало меньше тех, кому, по их признанию, «стыдно» за нынешнее состояние страны. По сравнению со второй половиной 1990-х годов таких ответов стало вдвое меньше. Гораздо реже люди стали произносить и сакраментальную фразу: «Так больше жить нельзя!» Тем не менее и сегодня свыше трети россиян устойчиво испытывают чувство несправедливости происходящего вокруг. 37% россиян в целом живут с устойчивым ощущением, что никого не волнует, что с ними происходит. «Каркас» российской системы жизненных ценностей не меняется уже лет 15. Са-

мая значимая сфера — это семья. Далее идут работа и друзья. Политику очень важной назвали только 10%, религию — 18%. По сравнению с концом 90-х резко выросло число тех, кто уверен: демократии быть не может без равенства всех граждан перед законом (в 1998 году так считали 54%, в 2004-м — 75%, в 2007-м — 74%). А вот свободу печати в число «демократических приоритетов» раньше ставили 48%, сейчас — только 30%. Возможность свободно высказывать свои политические взгляды сейчас считают неотъемлемым признаком демократии 18% против 37% в 1998-м и 40% в 2004-м. Среди социальных институтов наиболее высокое доверие проявляется ко всей вертикали власти — президенту (86 %), правительству (52%), губернаторам (60%), а также ФСБ (60%) и армии (56%).

Петербургский историк и социолог **Дина Хапаева** в статье **«Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов»** («Неприкосновенный запас», № 5) размышляет над данными опроса, проведенного в Петербурге, Казани и Ульяновске. Общая тенденция: самые кровавые десятилетия советской власти не вызывают у потомков ничего, кроме сдержанного чувства одобрения и нескрываемой гордости. Конечно, в российском обществе существуют два вполне сформировавшихся взгляда на сталинизм — его едва ли не полное обеление и вполне последовательное осуждение. Эти два взгляда опираются на системы исторических представлений, лежащих в основе двух основных политических культур постсоветского общества — державно-коммунистической и либерально-демократической. Но между двумя противоположными политическими культурами расползается скользкая почва исторической бесчувственности. Никакой третьей политической культуры, отраженной в исторических представлениях, пока обнаружить не удается, и, вынужденное выбирать, большинство соотечественников склоняется скорее к державности, чем к свободе. В исторической бесчувственности могут увязнуть последние политические альтернативы, открыв широкую дорогу «суверенной демократии» определенно нового типа.

Владимир Пастухов в статье **«Темный век. Посткоммунизм как "черная дыра" русской истории»** («Полис», № 3) примеряет к российской современности понятие средневековья в философско-культурологическом его смысле. Речь идет об универсальном явлении — историческом буфере, отделяющем угасание одной цивилизации от зарождения другой на том же месте. Одна культура не может быть замещена другой, без того чтобы на какое-то время не образовался культурный вакуум, сопровождаемый неизбежным хаотическим движением органически не связанных между собой культурных фрагментов, — обломков старого, и своего рода «семян нового», — втягиваемых вихрем безвременья в один сплошной, нескончаемый танец. Живущие в эту трагическую эпоху люди оказываются на дне исторического колодца, где им остается лишь, глядя вверх, сквозь толщу своего культурного опыта, угадывать в просвете контуры будущей цивилизации. Россия «свалилась» сегодня в один из таких средневековых колодцев культуры. Где исчезает историческое движение, там остается историческая суета. Но один элемент исчез полностью, растворился без остатка в «колодезной воде» — это право. Право в России сохранилось как видимость. Оно утратило главное качество — всеобщность. Этот феномен, названный «селективной юс-

тицией», является сутью нового средневековья. Право стало «частным» в том смысле, что оно теперь принадлежит исключительно частным лицам. Россия сегодня — эфемерное государство, оно существует благодаря инерции, которую имеет власть исторического времени (традиции) над географическим пространством (территорией). Его профиль определяют две константы: высокий уровень насилия и более чем скромная роль закона. В таком обществе все руководствуются исключительно собственными эгоистическими интересами и способны остановиться только в одном случае — когда наталкиваются на стену чужой, еще более сильной воли. Рассуждая о том, как мы дошли до жизни такой, Петухов отмечает, что уже в «перестройку» в качестве господствующего класса советского общества взошел номенклатурно-криминальный союз. Одновременно произошла люмпенизация остальных социальных групп. Последним, утверждает автор, была уготована роль исторических свидетелей. Начался процесс «внутренней колонизации», освоения новым правящим меньшинством российского социально-экономического пространства. Оно происходило стихийно и в полном соответствии с законами социального дарвинизма... Политически общество переменилось сильно. Старые институты были заменены новыми, подверстанными под новую жизнь, которая так и не наступила. Россия примерила на себя платье западной демократии, оказавшееся ей не по размеру. Новая политическая система повисла на России, как пиджак на вешалке. Между политической формой организации общества, с одной стороны, и его культурной и социально-экономической организацией — с другой, не оказалось никакой связи. Возникло противоречие, которое на два десятилетия предопределило ход российской истории. Политическая жизнь страны ушла в отрыв и очень быстро потерялась за горизонтом реальности. Общество осталось далеко в обозе «передовой политики». Оно, по сути, лишилось какой бы то ни было политической организации. А значит, лишилось государства — таков сделанный с сильным и едва ли вполне оправданным нажимом вывод Петухова. В 90-х общество жило с иллюзией о государстве, будучи на деле предоставлено самому себе, «варясь» в собственных страстях и пороках. В ходе микроциркуляции хаоса эпоха «братвы» сменилась эрой финансово-промышленных групп (ФПГ). Государство к этому времени ассимилируется частно-криминальной средой, теряя главное системное качество — монополию на насилие. Каждая ФПГ становится своего рода государством в государстве со своими бюджетом и армией. Петухов полагает, что общество с ускорением двигалось к полной неуправляемости, и с удовлетворением фиксирует, что в тот момент, когда, казалось, спасать уже было нечего, сработал инстинкт государственного самосохранения. Неожиданной стала способность советских спецслужб к регенерации. Советское государство оказалось больше похоже на ящерицу, чем на человека. Сначала робко и незаметно, а потом все более напористо государство стало восстанавливать свои позиции в обществе. Оно просовывает себя повсюду: в экономике, в социальной жизни, в массовых коммуникациях, в идеологии, в международных делах. По Петухову, эта «государственная терапия» носит спасительный характер, потому что альтернативой ей была бы смерть России. Все разговоры о загубленной демократии — лукавое ханжество. Не было

никакой демократии, был средневековый полураспад с единственной перспективой — распада полного. Мы уходим не от демократии, а от государственного разложения. Это — операция «по жизненным показаниям», когда не считаются с потерями. По ходу дела теряются руки и ноги, но остается жизнь. Вопрос — какая... *«Чекистская корпорация», вернувшая России государственность (и что бы ни было дальше, ей это будет зачтено историей)... оказалась счастливо сохранившимся ребром советской государственности, из которого история вылепила новое российское государство, как Бог вылепил Еву из ребра Адама. Но то была на сто процентов советская кость.* Из «хвоста ящерицы» выросло «советское» государство. *Оно советское насквозь: от прямолинейной риторики дикторов на телеэкранах до восстановления полицейского визового режима на границе. Оно не умеет быть другим.* Частному произволу новоявленных олигархов был противопоставлен произвол возрождающегося государства. Без ответа останется вопрос о том, могла ли власть обуздать насилие внутри общества иначе, чем противопоставив ему другое насилие — организованное и поэтому более эффективное. Худо ли, бедно ли, но задача была решена. *Знаковым событием стало дело Ходорковского. Последний был в определенном смысле символом беспредела своей эпохи. Чтобы нейтрализовать его, власть вынуждена была продемонстрировать, на что способен «организованный» государственный беспредел. Дело Ходорковского было пирровой победой, победой не только над Ходорковским, но и над самим правом (что ни в коей мере не оправдывает Ходорковского).* На смену децентрализованному произволу финансово-промышленных групп пришел централизованный произвол государственной власти. *Так они и пошли рука об руку — спасительное восстановление государственного порядка и разрушительное влияние государственного волюнтаризма... Одно здесь неотделимо от другого, зерна — от плевел. Добро и зло, прогресс и упадок слились в одно целое. Любое действие правительства вызывает смешанное чувство понимания и разочарования. Общество, сраженное было вирусом разложения, вдруг снова оказалось «огосударствленным». Это, однако, привело не к выздоровлению, а к временной ремиссии. Гнилостный вирус произвола никуда не делся, он просто перетек в государственные артерии. С таким трудом воссозданный «новый порядок» стал всего лишь высшей формой беспорядка. Страна от хаоса в управлении пришла к управлению, порождающему хаос.* Нет худа без добра: этот «огосударствленный произвол» легче осознать, чтоб начать с ним бороться за восстановление правовой системы. *Эмансипация России мыслима теперь только через эмансипацию русского права.* К тому же в самой сложившейся ныне российской политической системе коренятся механизмы ее неизбежного ослабления, из-за которых она не сможет оказывать длительное сопротивление гражданскому движению, если таковое возникнет. Нынешний политический режим генетически возник как режим *корпоративного управления* обществом. Но создавшая его корпорация начала активно разлагаться, как только превратилась в *государственную корпорацию.* Единые команды, будь то «силовиков», «питерцев» или «юристов», перестают быть едиными, как только получают под свой контроль те или иные ресурсы. Через несколько лет, считает Петухов, государственная власть России вновь окажется колоссом на глиняных ногах. Про-

клятое «советское ребро», из которого изготовлена нынешняя государственная система России, даст о себе знать. Новый трест, как и старый, лопнет от внутреннего напряжения. Вопрос в том, кто на этот раз воспользуется историческим шансом? На фоне всеобщего тления советских культурных останков происходит медленный, несмелый рост элементов новой культуры. Появляются «*новые новые русские*» элиты. Они еще очень слабы и пугливы. Но почти в каждом сегменте общественной жизни исподволь появляются совсем «несоветские» люди. Подрастает когорта молодых управленцев, прошедших дисциплинирующую школу западного бизнеса. Есть и старые бойцы теневой экономики, чья рука «колоть устала». Пройдя огонь, воду и медные трубы экономических войн, они хотят мирно закончить свою сытую жизнь в правовом государстве. Появляется новое чиновничество, обремененное грузом образованности и не лишенное элементов протестантской этики. Да, на фоне общей заскорузлости нашей культуры это лишь микропроцессы. Но не замечать их нельзя. События подталкивают «новых новых» к более активным действиям. В принципе, в России может появиться обеспеченный класс, который соединит в себе оба начала, ныне борющиеся между собой, — государственничество и гражданственность. Надо только уметь ждать. В 2009–2010 годах страна почти неизбежно переживет структурный экономический кризис — это будет расплата за слишком вольготную «жизнь взаймы», которую население ведет последние три-четыре года. Произойдет и культурный сдвиг. К активной общественной жизни придет поколение, родившееся после коммунизма. Оно окажется способно создавать новую реальность. Поколению 2012 года предстоит выводить Россию из «черной дыры» нового средневековья.

Социолог **Алексей Левинсон** анализирует феномен ощущения ненужности, неприкаянности у постсоветского человека (**«Ненужники»** — «Неприкосновенный запас», № 4). По разным поводам и разные люди чаще всего заявляют: мы никому не нужны. «*Никому*» в наших контекстах может значить только одно: не нужны государству. Иной раз кажется, что нас слишком много (для нефтегазоимпорта), иной раз — что слишком мало (чтобы охранять и сохранить такую большую территорию). От специалистов можно услышать соображения о том, что Россия имеет слишком низкий уровень доходов на душу населения, чтобы быть демократической страной. И от специалистов же — что Россия имеет слишком малую плотность населения, чтобы иметь развитую экономику и, соответственно, высокие доходы на душу населения. Прибавилась угроза с Востока: от слишком многочисленных, на взгляд многих россиян, кавказцев и среднеазиатов, которые лучше нас умеют только торговать, китайцы отличаются тем, что они все умеют лучше нас. Итак, мы не нужны не только Западу, но мы не нужны и Востоку. Мы не нужны собственному государству. Для многих это значит — мы не нужны сами себе. Несоответствие запросов человека и возможностей реализации их — причина внешне выражаемых недовольств. Иногда они принимают форму массовых протестных действий. *Я слышал от специалистов,* — пишет Левинсон, — *что в России на взрослого мужчину в трудоспособном возрасте приходится полбутылки выпитой водки в день. Это значит, коли вычтем непьющих и малопьющих, что значительная часть мужчин пер-*

манентно находится в состоянии сильного алкогольного опьянения. Если в стране нет массовой безработицы, если все эти люди находятся на работе, значит, есть множество рабочих мест, для которых годится такой работник. Это вариант улаживания конфликта постиндустриального уклада с доиндустриальным. А вот у тех, кто работает в новом секторе экономики, как правило, нет времени думать о том, что они никому не нужны... Еще одно следствие чувства ненужности самим себе — потребление культуры как наркотика. Благодарную аудиторию нашел в годы предкризисные и кризисные король эскейпа — сериал про чужую, экзотическую и роскошную жизнь. Сериалы — и нынче основа процветания главных каналов, опора многомиллионной экономики телевидения. Но это совсем другие сериалы. Из «женских» они превратились в «мужские», от экзотики «их» жизни они перешли к якобы реальности жизни «нашей», от томно-романтических коллизий к грубым «киданиям» и «разводкам», наемным убийствам и подставам в бизнесе. Оказалось, что для людей, которых никто не «кидал» на пятьсот кусков и никто не «заказывал», поскольку они никому не нужны и кусков этих не видели, возможен и такой эскейп.

Ирина Павлова в статье **«Плохо информированные оптимисты»** (grani.ru, 8 октября) возражает тем, кто популярность президента Путина у российского народа принимает за свидетельство правильности его политики. Народ, утверждает Павлова, далеко не всегда прав. Да и рейтинг в 85% — результат преступных манипуляций кремлевских политтехнологов, паразитирующих на страхах и предрассудках больного российского общества. *Может ли здоровое общество доверять власти — преемнице коммунистической, совершившей многочисленные преступления против собственного народа? Власти, которая не только не раскаялась в этих преступлениях, а наоборот, считает Сталина образцом эффективного менеджера, а репрессии исторически целесообразными при проведении модернизации? Может ли здоровое общество равнодушно смотреть на творящиеся вокруг насилие и ложь, не выражая ни малейшего протеста, наоборот, поддерживая их? Может ли здоровое общество безоглядно доверять власти, которая настолько закрыта и неподотчетна ему, что творит все, что ей заблагорассудится?.. Может ли здоровое общество добровольно сотрудничать с политической полицией, которая вербует все новых и новых сотрудников для охраны власти, проведения в жизнь ее инициатив и для подавления здоровых и независимых сил? Сегодня по-прежнему актуальны слова русского мыслителя Петра Струве, заметившего, что «во всемогуществе политической полиции и заключается в действительности та государственная самобытность, которую мы с полным правом можем противопоставить всему прочему культурному миру как наше подлинное достояние». Может ли здоровое общество одобрять действия власти, поощряющие худшее, что есть в русском народе: раболепство и стукачество, нетерпимость и ксенофобию?* Павлова не верит в теорию медленного развития общественного сознания. Для российского общества, считает она, отрезвление может наступить только после катастрофы, к которой рано или поздно приведет политика действующей власти. Павлова также указывает на то, что власть эта претендует на историческую миссию и те, кто утверждает, что ею движут лишь корыстные интересы, не выходящие за рамки корпора-

тивного государства или кооператива «Озеро», либо искренне заблуждаются, либо сознательно дезинформируют общество. Нет, такой власти узки рамки одних только финансовых интересов. Ей нужна великая идея, миссия типа «Москва — Третий Рим». Для Сталина это была подготовка к захвату Европы. Для современной власти это великодержавие в новом обличье. Традиционное российское противостояние Западу выражается сегодня в агрессивном антиамериканизме и подается как идея сдерживания США. Положив в основу своей внешней и внутренней политики антизападничество, путинская власть оказывается перед необходимостью встать и на антизападный путь модернизации, который в России традиционно осуществлялся посредством принуждения или прямого насилия. *Ясно одно: отрезвление будет долгим и мучительным. И начнется оно с осмысления своей недавней истории.*

Лев Гудков и **Борис Дубин** в статье **«Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли "элиты"»** («Pro et Contra», № 3) представляют результаты исследования механизмов формирования и основных политических и ценностных установок тех групп российского общества, которые принято называть элитой. Результаты опросов показывают отсутствие у российской элиты каких бы то ни было независимых представлений о будущем страны, потому авторы считают: *Россия не способна изменить политическую парадигму своего устройства и ей предстоят застой и последующая медленная деградация.*

За последнее время страсти вокруг темы нации и национализма (и конкретнее — русской нации и русского национализма) не только не остыли, но разгорелись с еще большей силой. Некоторые политологи говорят даже о «национализации» всего «политического дискурса» (О. Кильдюшов). Многие новые националисты апеллируют при этом к национальной пользе, выгоде, предлагая покончить с мессианским прошлым. В журнале «Москва» (№ 10) представлены ряд мнений. Президент Института национальной стратегии **Михаил Ремизов** в статье **«Создать нацию»** исходит из того, что русские в качестве нации не состоялись. Над этим надо работать. Национализм — это планомерная и рассчитанная на длительное время программа. Ремизов выделяет две ее стороны. Первая — культурный национализм, задача которого — *изобретение традиции.* Ведь, как полагает автор статьи, сегодня у нас нет целостной национальной традиции, а есть только обширный исторический материал для ее сборки. И потому задача культурного национализма — выработка по-настоящему актуального, не архивного «*русского стандарта*» в самых разных сферах — включая и массовую культуру, и политическую культуру, и историческую мифологию, и сферу повседневности... Другая сторона той же программы — это политический национализм, задача которого — выражать интересы своего народа приемлемым для него образом и делать их предметом государственной политики. Исходный тезис русского политического национализма прост: российское государство должно реализовывать приоритетные интересы русского этноса. В этой связи Ремизов полагает, что *выбирать нам придется из двух базовых сценариев.* Первый называется «*глобальный Север против глобального Юга*». Этот сюжет связывается либо с расистской перспективой (противостояние белых народов — творцов цивилизации — ордам цвет-

ных варваров), либо как идея альянса христианского (или иудео-христианского) Севера против исламистского Юга. Ремизов предлагает *бескомпромиссно противостоять этому сценарию,* который *расшивает Россию насквозь и превращает ее в передовую линию фронта и расходный материал.* К тому же, полагает автор статьи, *вызов третьего мира, в том числе исламского, является внутренней проблемой Запада, порождением его колониальной истории и нынешней глобалистской структуры. Тот же глобальный терроризм или глобальная миграция — это внутренние болезни западного миропорядка. Сегодня они затрагивают и нас, но лишь постольку, поскольку мы являемся его частью. Для того чтобы избавиться от них, нужно всего лишь изжить в себе Запад, а не становиться для него пушечным мясом.* Ремизова привлекает другой, сепаратистский сценарий: «*большие пространства*» против глобализации, понимаемой как власть корпораций, элит и меньшинств. Этой власти автор статьи противопоставляет выход из глобализации *очень большими политико-региональными группами, представляющими собой одновременно хозяйственные, культурные, политические и военные союзы.* В их рамках можно защититься от транснационального капитала, следовательно, только в их рамках национализм может достичь того, к чему он стремится: закрепощения элит и обуздывания меньшинств. *Предложение неколониального большого пространства. Это и есть русский проект для Северной Евразии. Разумеется, он уже не будет альтруистическим — история отучила нас от бессмысленного альтруизма, — но, несомненно, он будет великодушным.*

Сергей Сергеев согласен с Ремизовым: русская нация еще только формируется, и *ее идеологией может быть только русский национализм, утверждающий русскость как доминанту общественного сознания* (**«Нация и демократия»** — «Москва», № 10). Русский национализм для автора сегодня — единственная идеология, имеющая мобилизационный потенциал, и носителей этой идеологии Сергеев ищет в «среднем классе». Костяк новой нации — средний класс. Именно он наиболее заинтересован в сильном и независимом национальном государстве, ибо, пугает Сергеев, либеральная глобализация его просто съест и не подавится. Русский средний класс испытывает серьезную экономическую конкуренцию со стороны сильных иноэтнических кланов, следовательно, национализм — та идеология, которая ему наиболее близка «по жизни». Как видим, и тут имеются в виду сепаратизм и изоляционизм. Первоочередная задача, по Сергееву, — самоорганизоваться. Нужна система внутренних национальных связей — по профессиональному или территориальному признаку. Но цель русской самоорганизации — не борьба против государства, а борьба за подлинно национальное (а следовательно, и подлинно демократическое) государство. Так будет происходить трансформация русского сознания: от мироощущения подданных — к мироощущению граждан. Далее Сергеев ратует за *отказ от надрывного мессианизма.* И такой отказ — не *торжество антихристианского себялюбия.* Просто *нация как целое не только может, но и обязана жить исключительно для себя, в противном случае она будет жить для других народов (например, для тех, представители которых ведут себя в отношении русских на исконно русской территории как завоеватели), станет народом-донором, народом-подстилкой. Если это и есть жертвенность, к*

которой нас снова призывают те или иные некритичные апологеты Пушкинской речи Достоевского, то такую жертвенность большинство современных русских, конечно, уразуметь и принять не смогут, ибо она в нынешних условиях равнозначна мазохизму и национальному самоунижению.

Наиболее последовательно эти идеи проводит в большой двухчастной статье **«Национал-демократия как проект»** антидержавник, национал-демократ **Алексей Широпаев** (nazlobu.ru, 23–24 октября). Автору не по душе нынешний *чудовищный гибрид Орды, Византии и Совдепа*. Основной тезис Широпаева: *В лице национал-демократии русский национализм впервые в истории обозначил Российское государство как главного врага русского народа*. Начинает автор с обличенья нынешнего «российского патриотизма», который *открыто декларирует себя как верного прислужника Государства, причем любого: царского, советского, постсоветского, поскольку все эти генерации Империи онтологически едины. С точки зрения патриотов, исторический смысл существования русского народа состоит в жертвенном (обязательно жертвенном!) служении имперскому Левиафану Системы, который в патриотических толкованиях приобретает даже сакральные, религиозные черты (православно-монархическая концепция «удерживающего теперь»). Согласно патриотам, собственной судьбы у русских нет; их судьба — это судьба наднационального гипер-Государства, судьба Империи. Не господствовать в Империи, а быть ее вечным, безропотным донором, безликим скрепляющим раствором; смиренно нести бремя имперских «сверхзадач» — за счет собственного «бытоулучшательства» и «мелкобуржуазного» благополучия; быть агнцем на отнюдь не бескровной имперской «литургии» — такова участь русских в патриотическом понимании. Народ-холоп, народ-крепостной, вечные рабы и юродивые, перманентные колхозники и пролы — вот русские глазами патриотов. Законченная форма этой идеологии — православно-монархический сталинизм в духе Владимира Карпеца и Олега Платонова*. Недолюбливая христианство, Широпаев проводит смелую аналогию: *Последней стадией патриотической мерзости является евразийство — шедевр идеологического изуверства. Евразийцы призывают русских возлюбить не Орду под псевдонимом — Россию, а саму Орду, как таковую, с кнутом, кумысом и кошмой. То есть предлагают русским стать ментальными татарами, подобно тому, как, например, христианство предлагает своим адептам стать ментальными евреями. <...> Империя — это лжеродина и лжесудьба русских.* Широпаев воспроизводит свои аргументы против империи (*империя приводит к культурно-расовому хаосу и деградации исходного этноса... Очевидно, что именно Римская империя своей «глобализацией» создала все условия для успеха христианской проповеди космополитизма и всесмешения*) и оглашает задачи национального движения, как они ему видятся. Причем смотрит на вещи шире, чем Ремизов с Сергеевым: *Не через реставрацию Империи лежит путь в русское будущее, а через труп империи. Благодаря Империи русский народ так и не стал нацией, а все еще остается на положении народа при Государстве, вроде подмастерья Ваньки Жукова при суровом хозяине-мастере. Нацией, а точнее, созвездием наций русский народ сможет стать только в том случае, если откроет шлюзы для своего регионалистского развития* путем *народного самоуправления всех уровней, расширения прямой де-*

мократии, создания «вечевых» структур, которые смогли бы стать реальной народной альтернативой существующей бюрократии. Кроме того, национал-демократия выступает за формирование армии на добровольной основе. <...> Пусть, как говорится, расцветет сто цветов! Речь идет о возникновении целого ряда Русей, в которых начнется процесс формирования нескольких русских буржуазных наций. Не исключено, что в дальнейшем они обретут особые имена, оставив понятие «русский» для обозначения своей общности, в качестве исторического маяка. Эти Руси могли бы образовать Конфедерацию, цивилизационно ориентированную на Европу. Предлагается назвать этот проект «Русская Европа». *Только так может быть завершен демонтаж постсоветского пространства,* что предполагает упразднение «паразитарного» единого административно-бюрократического и силового центра. В этом проекте постоянно звучит призыв отказаться от жертв и жить для себя. *Национал-демократия — это принципиально новый русский национализм: антиимперский, буржуазный и западнический. <...> Русским нужна разукрупненная и приватизированная государственность, которая была бы их частной собственностью, как кулацкий хутор.* Основная проблема — владеющий русскими и ныне имперский гипноз. Широпаев пространно размышляет, как с ним бороться, и договаривается до мысли о том, что, начиная с Батыя, *национальные интересы русских лежали в плоскости государственной измены.* Настоящие герои русской истории — Андрей Ярославич, новгородцы, Курбский, бояре, первопечатник Иван Федоров, Лжедмитрий I, Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев, казаки, монахи, холопы, генерал Власов и весь трагический дискурс Русской Измены. *Они изменники потому, что стремились изменить, выправить русскую историческую судьбу, однажды исковерканную нашествием Азии. Они хотели не «изменить родине», а заменить родину: рабскую, азиатскую Россию на вольную, европейскую Русь.* Дальнейшие соображения автора заводят его в дебри расофилии: он апеллирует *к расовой памяти и расовому достоинству русской личности. Русские — янычары евразийской империи, когда-то украденные у своей матери-Европы, должны снова обрести ее в своей крови, в своем сердце. Только этот, внутренний Запад, может нам помочь по-настоящему. Национал-демократия — это восстановительная алхимия русской личности, курс ее реабилитации,* который, по Широпаеву, может идти естественным порядком *в условиях гражданского общества, в условиях свободы. Ибо только свобода соответствует подлинному русскому психотипу.* Автору видится *русский народ — очищенный хлесткими вечевыми ветрами от затхлой «богоносности», свободный от чиновно-мафиозного «отеческого стеснения», неограниченный и непривинченный; народ, чьим жизненным идеалом были бы не «смирение и покорность», столь милые сердцу чекистов и попов, а свобода и разум, воля и достоинство. <...> Национал-демократия — это выздоровление русской личности от тифа российской истории с ее горячечными видениями и кровавым бредом.* Мечты Широпаева простираются далеко: *Когда-нибудь, ясным осенним утром, русский человек выйдет на широкую террасу своего большого загородного дома, чтобы послушать, как шуршит листва на каменных дорожках сада. И, заглянув в себя, обнаружит, что он так же, как эстонцы, не любит Бронзовых солдат — и вообще, больше похож на шведа или*

норвежца, чем на воспаленных персонажей Федора Михайловича, который из актуального диагноза, наконец, превратится в культурный реликт вроде Гомера или Эсхила. Я мечтаю о том, что появится, наконец, такое понятие: русский бюргер, подразумевающее свободу от психопатической тяги к «предельному и запредельному», от «безбытности» и «богоносности», означающей, как правило, непролазные сортиры и неадекватность «по жизни». Бюргерство есть не измельчание русской личности, но ее трезвение, закалка, оформление. Итак, в статье Широпаева наиболее полно сформулирован тот проект национал-демократии, который представляет собой креативный вызов русским христианам и на который «Континент» дает единственно возможный ответ программой русской христианской демократии.

По-своему проповедует обывательско-бюргерские ценности и автор официозного «Русского Журнала», скрывшийся под псевдонимом **Василия Посошкова («На смерть нацбола»**, 11 декабря). Речь идет о смерти зверски избитого лидера подмосковных национал-большевиков Юрия Червочкина. Посошков пугает читателей: *Жертвующие собой ради непонятного даже им самим дела, ради целей, которые меняются в силу конъюнктуры, не задумаясь пожертвуют и вами. Дайте им время. И оружие. Сегодня нацболы рисуют себя жертвами «кровавого режима». Но, бросаясь под трамвай, можно сколько угодно кричать о том, что «кровавый технический прогресс» перерезал ноги. <...> Почивший Юрий Червочкин не был ни ангелом, ни невинным младенцем. Что он — после армии пошел работать? Нет, он создает в Саратове* (речь идет скорей всего о Серпухове. — *Ред.*) *ячейку НБП и регулярно участвует в противозаконных акциях. Попытки прорыва в Госдуму, применение травматического оружия у здания Таганского суда, попытка срыва выборов на одном из участков Одинцовского района в марте этого года — неплохой послужной список для 23-летнего парнишки без образования и профессии, не правда ли? За несколько дней до проведения «Марша несогласных» он был избит неизвестными, и, разумеется, в произошедшем тут же нашли «след Кремля», «кровавую гэбню» и прочие любимые «либерастами» ужасы. Крокодильи слезы над его трупом — мол, умер герой, потеря для матери — все это вступает в мерзостный диссонанс с тем, что проповедует козлобородый лидер НБП. Кто кричит «Да, смерть!»? Кремль? Нет, дорогие мои, это кричите вы. И вы получаете то, что себе придумали, — другую смерть за другую Россию. Хороните своих мертвецов в другой земле — они нам не нужны. И еще. Это политика, деточки. Здесь могут и убить...*

Реплика вызвала острую реакцию в Сети. Один пример. **Дмитрий Быков** в статье **«Сравнительная характеристика»** (point.ru, 17 декабря) сначала опровергает унижающее сравнение Червочкина с Хорстом Весселем: *Даже если бы Хорст Вессель не был сутенером, судимым за мошенничество, и погиб не в пьяной драке с другим сутенером, а при разгоне нацистской демонстрации, — между ним и Червочкиным есть та основополагающая разница, что Вессель был германским фашистом, а Червочкин — русским инакомыслящим. <...> Сегодняшним оппонентам власти внушают открытым текстом: если вас убьют, — пусть ваши соратники не говорят потом, что вас не предупреждали. Политика — это место, где могут убить. Просто за несогласие. Это пишется в открытую...*

Академик **Юрий Пивоваров** в статье **«Истоки и смысл русской революции»** («Полис», № 5) возвращается к любимой теме русских мыслителей XX века с новой исторической дистанции. Вероятно, он прав, когда пишет: *Русская Революция является главным событием русской истории.* Пивоваров не приемлет модного стремления помирить жертв и палачей, победителей и побежденных. Он обнажает «структуры» революции. *Русская Революция — это историческая эпоха между примерно 1860 и 1930 гг. Это семьдесят лет, жизнь человека, жизнь поколения. Русская Революция — это период русской истории между отменой Крепостного Порядка (права) и установлением Второго Крепостного Порядка (права) большевиков — ВКП(б). Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута (какой ценой — вопрос принципиальный — скажем позже). После этой победы движение повернуло вспять, в сторону восстановления рабства. Говоря красиво, Семнадцатый был пиком, русская история взлетела к свободе и, не удержавшись, рухнула вниз.* Согласно концепции автора, Русская Революция (1860–1930) была двойной комбинацией трех революций. С одной стороны, это 1905 год, Февраль и Октябрь 1917 года (как нас учили в школе). С другой, это — Эмансипационная революция послепетровской европеизированной субкультуры, предвестниками которой выступили декабристы и которая победила весной 1917 года (победила и почила в бозе, свои задачи она выполнила, а строить новое ей было не по силам, не по плечу); Общинная революция второй послепетровской субкультуры — традиционалистской, почвенной, старомосковской (она началась весной 1917-го и закончилась к 1922 году; ее результат: все пахотные земли России наконец-то принадлежали Общине, столыпинская же реформа — последнее, что могла предложить европеизированная субкультура, — была похоронена). Ничего общего — содержательно — между двумя этими революциями не было. Это — следствие послепетровского раскола на две субкультуры. Вместе с тем имплицитно общинная революция была направлена против «русских европейцев», европеизации и модернизации России. В 1917 году «столкнулись» две Революции. Столкнулись, как поезда. И, подобно железнодорожной катастрофе, произошла историческая катастрофа. Оба поезда сошли со своих путей... И, наконец, Большевистская революция. Большевики оказались у кассы истории. И взяли ее. Поначалу большевики нашли дело для всего русского народа: передел собственности. Передел земли, фабрик и заводов, армейского имущества и — как высшая форма передела — власти-государства. Потом революция большевиков покончила с двумя субкультурами императорского периода русской истории, поставив на их место новую Россию. Коммунисты занялись модернизацией страны, заковав ее в рабство. Они по-варварски взялись за дело, которое цивилизованно делали Витте и Столыпин... Какова же была субстанция самой Большевистской революции? Пивоваров удивлен: при всей культурной элементарности большевизма ответить на этот вопрос сложно. В нем, безотносительно к тому, что думали его идеологи и вожди, было намешано много всего. В этом автор видит характерную черту большевизма: смесь элементарности со сложным содержанием.

Будучи, с одной стороны, безусловной идеократией, с другой — он являлся идеологически беспринципным, всеядным. В этом отношении Большевистская революция была более сложным историческим явлением, чем Эмансипационная и Общинная революции. Однако что же все-таки лежало в самой-самой ее сердцевине? Насилие и упрощенчество, говорит Пивоваров. Причем упрощенчество и насилие как универсальные и единственные способы решения всех вопросов. Ставка делается на низменное, на слабости человека или социоисторической общности, на больное и наболевшее. Эксплуатация всего этого и есть ленинизм-троцкизм-сталинизм (большевизм)... Особо автор подчеркивает, что все три русских революции — Эмансипационная, Общинная и Большевистская — показали, увы, невысокий моральный квалитет русского народа. *Что особенно обидно,*— пишет он,— *это низкие моральные стандарты общинников. Ведь это и есть великий, святой и униженно-оскорбленный русский народ, во имя которого и для которого жили, творили и умирали лучшие наши сердца и умы!.. Пора перестать жалеть так называемый народ. Народом, напомню, на Руси полагали малообразованное и малокультурное большинство. Когда пытаются понять, почему все так дурно сложилось в ходе Русской Революции, счета предъявляются интеллигенции, бюрократии, царю, буржуазии, Церкви и т. д. Но никогда — народу. Попробуй тронь, руки оторвут. А не будь этот народ таковым, каким он был, никакие ленины-зиновьевы и троцкие-сталины здесь не победили бы... Большевизм принял во внимание эту природу «простонародья»: себялюбие, глубокое (можно сказать — онтологическое) равнодушие ко всему, что не касалось лично каждого конкретного человека. А еще для «простонародья» было характерно фундаментальное презрение к культуре, «высокой культуре» (Hochkultur, говорят немцы уже два столетия). Здесь большевизм и «простонародье» нашли друг друга».* Следом за П. Б. Струве Пивоваров называет большевизм «азиатским марксизмом», «черносотенным марксизмом», который *соединил в себе классовую борьбу и борьбу культурную. Причем в этой последней борьбе большевизм пил яд ненависти эксплуатируемой традиционалистской субкультуры к субкультуре европеизированной. Напившись сам, он залил этим ядовитым напитком всю страну.* Пивоваров подводит итог: Россия напрочь проиграла двадцатый век. Первым об этом вслух сказал А. И. Солженицын. Но *русский двадцатый век стал результатом напрочь проигранной Революции. Поражение потерпели все: народ, интеллигенция, священство, элиты и пр. К сожалению, русское общество не хочет этого понимать. Оно закрывается от этого исторического дефолта «победой в войне», «космосом», «индустриализацией», «второй великой державой» и тому подобным. Я не хочу вступать в дискуссию с этими «победителями», но более античеловеческого, немилосердного и губительного для собственного народа социального порядка в новой истории припомнить не могу. В России в ушедшем столетии произошла антропологическая катастрофа. И это делает все «космосы» ничем.*

Девяностые как исторический период

В прикремлевской сетевой газете «Взгляд» состоялась микродискуссия об историческом значении 90-х годов, периода между распадом Советского Союза и правлением Путина. **Виталий Иванов** в статье **«О дураках и подон-**

ках» (vz.ru, 6 ноября) определил в эти две категории тех, кому нравятся 90-е. Для него самого 90-е — это время болезни, которую излечил доктор Путин. Статья Иванова показательна уровнем истолкования прошлого, характерным для рядового пропагандиста привластных СМИ. Ему главное — не аргументировать мысль об исцелении, а заклеймить идейных врагов (*«дураков»* и *«подонков»*), представив их отморозками. Характерен лексический регистр статьи: *Дураки — это, как правило, спятившие советские интеллигенты, а точнее, недо- и постинтеллигенты, имеющие опыт диссидентства, обычно их называют «демшизой»... Они последовательные русофобы и «антипатриоты». 1990-е годы для «демшизы» — период временного торжества идеалов... В массе эта публика в личном плане ничего тогда не приобрела. Наоборот, потеряла (работу не бей лежачего, общественный статус, доходы, сбережения). Но куда больше ее беспокоила и беспокоит «украденная победа»... Довольно скоро старые дураки просто вымрут.* В «подонки» же записаны *выгодоприобретатели тогдашнего бардака. Это жулики, некогда «назначенные» миллиардерами, затем попытавшиеся разговаривать с властью на равных и в итоге потерявшие все или почти все. Это политики с имиджем либералов-западников, оказавшиеся на обочине. Это некогда известные журналисты, литераторы, политконсультанты, эксперты и пр. — квалифицированная интеллектуальная обслуга властителей 1990-х годов, по различным причинам не вписавшаяся в новое время (или вписавшаяся, но в итоге выпавшая) и кокетливо прикрывающая свое лузерство «эстетическими разногласиями с режимом». Это, наконец, разная «гуманитарная» шушера, прибогемленная сволочь, наловчившаяся кормиться от избирательных кампаний, PR-подрядов, «культурных проектов», переживающая по поводу того, что стало меньше «движухи».* В духе вошедшей в моду официозной агрессивности, уже замеченной нами у Посошкова, Иванов резюмирует так: *У нас сейчас свободная страна... Но тот, кто берется славить 1990-е, не должен удивляться и обижаться, если время от времени его будут бить по лицу. Память еще свежа. Не нарывайтесь.*

Иванову возразил **Александр Шмелев** (**«О больных и здоровых»**, (vz.ru, 7 ноября)). Он ищет и в 90-х хорошее. Тогда *началось возвращение России на ее исторический путь,* с которого *мы свернули в феврале 1917-го.* Шмелев предостерегает: *Курс, которым следует наша страна в 2000-е, с исторической точки зрения является прямым продолжением курса 1990-х. Первое было бы невозможно без второго, поэтому те, кто отчаянно бьют по Ельцину и 1990-м, одновременно попадают в Путина и 2000-е.* Но понятно, что Иванову ничто не угрожает, кроме разве мягкого порицанья за некорректность отдельно взятых выражений. Неудивительно, что 8 ноября **Иванов** в ответ заверяет, что он хотел только разоблачить тех, кто считает, что в 90-х было лучше, чем сейчас, или что можно было оттуда пойти другим путем. *Вот тем, кто такое болтает, я рекомендую засунуть свои языки в... портмоне. И не доставать никогда.* Вот такая, содержательная, вышла дискуссия у апологетов режима.

Основательнее о недавнем прошлом размышляет **Игорь Пантин** в статье **«Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего»** («Полис», № 4). Он пытается понять, почему в России не случилась демократия и каков ее

современный ресурс. Демократический импульс, направленный против монополии коммунистов на власть, возник до формирования либеральных ценностей и частной собственности как воля большинства, выраженная меньшинством, во имя прав всех. Получив в 1991 году власть в стране и не имея сколько-нибудь реальных планов по построению нового общества (плюс отсутствие массовой поддержки), либералы и демократы-антикоммунисты России попали в импровизаторский и демагогический «циклон». Рынок все устроит и все расставит по своим местам — эта идеология ориентировала ельцинскую администрацию на оппортунизм по отношению к «новым русским» и их криминальному богатству. Главное, что не удалось сделать демократическим силам в России, — это изменить сложившиеся веками отношения между властью и обществом. Как и раньше, новая власть оказалась закрытой от общественного мнения и гражданского общества. Выбранные на альтернативной основе «слуги народа» быстро превращались в повелителей, над которыми не властны ни закон, ни обычай. Кроме того, когда демократия разбудила общество, оказалось, что в ходе истории народы России сложились в нечто большее и иное, чем просто страна, — в своеобразный континент, где чересполосица этносов и цивилизаций, укладов жизни социальных субъектов разных эпох, неодинаковая культурная «продвинутость» народов образовали сложный социально-культурный конгломерат. Падение коммунистического режима, освобождение от принудительной унификации обусловили возврат масс людей, этнических общностей к первоистокам, к глубинам «своего» самосознания, обнажившим пропасть между императивами современной цивилизации и полутрадиционалистской ментальностью широких слоев населения. Народ России имел слишком бурную, богатую событиями, драматическую историю, сформировавшую его характер, его отношение к свободе и закону, его представления о народовластии, о государстве и его призвании, чтобы краткий период «бури и натиска» (1990-е годы) мог позволить покончить со старыми и новыми предрассудками и, главное, с привычным способом решения дел, с укладом жизни, традициями и образом мышления десятков миллионов людей... Являясь носителем передовых европейских идей, интеллигенция в силу своего положения, навыков, уклада жизни, наконец, нравственных принципов не смогла возглавить движение за демократию. Во-первых, демократического движения не существовало: оно возникало, но не успело сформироваться к 1991 году. Во-вторых, интеллигенция оказалась страшно далека от народа и его нужд. В результате созданные передовые «эталонные» демократические институты и отношения зависли в воздухе, превратились в своего рода политический фасад, за которым скрывалось господство новых экономических кланов и произвол коррумпированной бюрократии. И тем не менее демократия стала фактом (наряду с другими) жизни России. Она нашла свое выражение в федеративном устройстве страны (в обуздании централизма Пантин видит главный успех тогдашней демократии), в создании выборных представительных учреждений, в признании основных прав личности, в свободе СМИ, организаций граждан, вероисповедания, в отмене цензуры, в признании (правда, больше на словах) значения местного самоуправления. Большего она не сумела сделать: сказалось отсутствие идей-

ного задела и политической поддержки народа. К 1993 году выяснилось, что слияние интересов «авангарда» и народных масс не осуществилось. Реальностью стал политический и социальный прогресс, осуществляемый «сверху», административно. К тому же пришлось заново решать проблему целостности страны. Централизацию власти в руках президента диктовало осознание опасности распада страны в эпоху радикальных социальных перемен и входившего в жизнь безвластия. Отсюда, по Пантину, растут ноги нового этатизма, роста значения госаппарата. Как всегда, российский вариант «ускорения истории» оказался связан с революцией «сверху». Пантин утверждает, что в России был осуществлен минималистский проект *шумпетерианской демократии*[3], в логике которого демократический процесс — это не власть народа, а власть политиков, политических элит, избираемых на основе свободной конкуренции. Демократический метод, по Шумпетеру, отличается от недемократического лишь одним — периодичностью альтернативных выборов. Как оказалось, шумпетерианская версия демократии органично вписывается в традиционно российский способ правления с присущим ему культом правителя, безусловным приоритетом интересов государства по отношению к интересам граждан и общества. И главное, она не требует создания в стране такой обстановки, которая побуждала бы всех (или хотя бы политически продвинутые слои граждан) к участию в общественной жизни. В результате мы сегодня имеем государство, управленческий аппарат которого, включая правоохранительные органы, выведен за рамки ответственности перед гражданами, государство, чьи чиновники, выборные и невыборные, могут позволять себе (и позволяют) открыто лоббировать частные интересы в ущерб общественным, и наконец, государство, где право и законность применяются выборочно, в зависимости от «целесообразности», которую определяют центральные и местные органы, «влиятельные» люди и т. п. Как показал ход событий в России, наличие представительных институтов власти на общенациональном уровне не является достаточным условием демократии. Для массового участия людей в политике, а вернее, для подготовки к такому участию требуется нечто другое — обучение в широком смысле этого слова, социальная подготовка граждан в близких для нее сферах. Выработка концепции среднего образования, планирование городского и поселкового строительства, решение проблемы «дедовщины» в армии, перепрофилирование пахотных земель под дачные участки и т. д. и т. п. — все это может и должно находиться в компетенции граждан и их объединений. Но именно здесь гражданская инициатива встречает бешеное сопротивление чиновничьего аппарата, к тому же участие обычных граждан в общественных делах никогда не было ведущей ценностью в теоретических построениях российских демократов. Иго российской политической традиции, связывающей любые перемены в обществе только с инициативой государственной власти, тяготело над демократами 1990-х годов точно так же, как когда-то над русскими либералами, а затем народовольцами и большевиками... Далее Пантин указывает и на то, что новый рос-

[3] Йозеф Шумпетер (1883–1950), австрийский, а в дальнейшем американский экономист и социолог.

сийский капитализм возник с огромными социальными издержками вне и помимо общества свободной конкуренции как капитализм монополий. Жестко сцепленная между собой система «государство — крупный капитал» предопределяет особый тип буржуазного развития, связанный с расколом российского общества на две неравные части. Имущественная дифференциация, неизбежная при всяком капитализме, породила у нас, особенно в первое десятилетие, не частнопредпринимательскую конкурентную буржуазию, а бюрократически-олигархический слой, стремящийся к совмещению обладания властью и собственностью, с одной стороны, и обедневшую, политически ничтожную массу — с другой. Поляризация общества, возраставшая из года в год, чревата была социальной конфронтацией и, уж конечно, не благоприятствовала распространению либерально-демократических ценностей. Пантин утверждает, что администрация Путина была озабочена этой проблемой. Путин *начал осознавать, что незавершенность реформ в самом ключевом пункте — социальном эквиваленте новой политики — грозит крахом преобразований.* В духе своего социодетерминистского подхода Пантин заявляет: *не личность Путина (ее значение было бы, разумеется, глупо отрицать), а прежде всего сумма внутренних и внешних обстоятельств определила его политику авторитарной модернизации с социал-либеральной окрашенностью... В условиях, когда политика экономического либерализма оказалась не в состоянии реализовать либеральные требования в их современной формулировке (обеспечение экономической самостоятельности всем, а не только привилегированному меньшинству), инициативу продолжения курса реформ перехватила государственная власть в лице нового президента страны и правительственной бюрократии.* Здесь Пантин начинает заниматься уже откровенным апологетическим мифотворчеством, впав в странный для серьезного мыслителя оптимистический задор. Впрочем, напоследок и он вынужден признать: *главные проблемы, как и главные трудности, еще впереди... Вопросов много, ответов мало.*

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Александр БОРИН

ДЕВЯНОСТЫЕ

1. Танки под Новороссийском

12 марта 1990 года открылся Третий внеочередной съезд народных депутатов СССР. Он должен был учредить новый в стране пост президента. После тех казенных, нагоняющих сон речей депутатов Верховного Совета СССР, к которым мы привыкли за долгие годы, слушать живую полемику участников съезда было крайне интересно. В числе нескольких журналистов «Литературной газеты», получивших аккредитацию, я наблюдал за происходящим с балкона Большего Кремлевского дворца. Некоторой неожиданностью для меня стало, что представители демократической Межрегиональной группы спорили не только с представителями партийной номенклатуры, что было вполне естественно, но и друг с другом. Демократ Юрий Афанасьев сказал, что попытка наспех, здесь, на съезде, ввести пост президента — есть *грубейшая, тягчайшая политическая ошибка*, которая *многократно усугубит наши трудности, тревоги и опасения*, но демократ академик Виталий Гольданский возразил ему: а мы ждать не можем, *нужна реанимация, а не санаторное лечение*. 1817 голосами против 133 при 61 воздержавшемся пост президента СССР был учрежден. Главный редактор журнала «Вопросы экономики» Гавриил Попов предложил запретить устно или письменно в любых государственных учреждениях требовать от гражданина СССР ответа о его принадлежности к какой-либо политической партии. А вскоре прозвучало совсем революционное предложение: не запретить ли президенту возглавлять какую-либо политическую партию? Иными словами, не должен ли будет Михаил Горбачев, в случае избрания его президентом, оставить должность генсека? С небольшим перевесом (1497 голосов против 1303 при 64 воздержавшихся) это смелое предложение было отклонено.

Но не эти бурные словесные баталии запомнились мне больше всего.

Запомнилось, как два антипода, два человека, исповедующие не просто разные — совершенно противоположные, полярные позиции, можно ска-

---

Александр БОРИН — родился в 1930 г. в Ленинграде. Окончил Московский юридический институт и Литературный институт имени М. Горького. Больше 35 лет работал обозревателем «Литературной газеты», занимался правовой тематикой, судебным очерком. Автор книг «Короткая память», «Житейская логика», «Польза», «Состязание», «Нужен привереда» и др., а также ряда повестей и киносценариев. В 2006 г. за книгу воспоминаний «Проскочившее поколение» удостоен премии «Золотое перо России». Живет в Москве.

зать, два идеологических противника, вдруг оказались чуть ли не союзниками и единомышленниками.

Один из них — Иван Кузьмич Полозков — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, антирыночник, ярый сторонник коммунистической идеологии, противник горбачевских реформ, пламенный защитник *многострадального, обездоленного, незащищенного русского народа.*

Другой — Анатолий Александрович Собчак, — напротив, убежденный рыночник, противник зашоренной коммунистической догматики, сторонник горбачевской перестройки, твердый интернационалист.

И вдруг они оказались по одну сторону баррикад. Или, точнее сказать, сокрушительная, убийственная их критика направлена была в одну и ту же цель. И цель эта — недавно скандально прошумевший на всю страну государственно-кооперативный концерн АНТ. Тот самый, что, по утверждению газеты «Советская Россия», опубликовавшей 14 января 1990 года статью «"Спрут" под семафором», собирался нелегально продать иностранному государству наше святая святых — 12 боевых танков. Задержали состав в Новороссийске.

Этот АНТ, — говорил на съезде Полозков, — *ничего общего не имеет с кооперацией, тем более с нашей кооперацией, с ленинской кооперацией, как другие торгово-закупочные кооперативы.*

И Собчак назвал АНТ *лжекооперативом.*

Полозков говорил, что АНТ занимается грабежом народного достояния, он создан в нарушение всех советских законов.

И Собчак подтвердил, что АНТ организован с грубейшими нарушениями закона, что это грабительская организация. *Я хотел бы сказать несколько слов, о чем умолчал Полозков,* — говорил Собчак. — *А умолчал он о следующих обстоятельствах... Этот концерн совершал и предполагал совершать не только те операции, о которых шла речь, но и целый ряд других, в частности продажу необработанных алмазов из Гохрана и другого очень важного стратегического сырья на суммы, исчисляемые десятками миллиардов...*

Позже Анатолий Александрович даже напишет, что он с самого начала собирался выступить по делу АНТа на Третьем съезде, но его *опередил краснодарский секретарь.*

Впрочем, одно расхождение — и расхождение коренное — у них все-таки было. Полозков обвинил в создании «этих спрутов» народного депутата Тихонова, бывшего тогда председателем Союза кооператоров, и самого Собчака, назвал также подозрительные газеты «Московские новости» и «Известия». Анатолий Александрович же сообщил съезду, что он *знакомился с документами, относящимися к этому концерну,* и может *с ответственностью заявить, что и к созданию этого концерна, и к его деятельности приложило руку наше правительство. Под этими документами стоят подписи товарищей Рыжкова, Гусева* (заместитель председателя правительства. — *А. Б.*) *и других ответственных членов нашего правительства.* Вот, стало быть, с кого и надо спрашивать за эту аферу.

Отвечая Собчаку, Рыжков разнервничался, сказал, что создание АНТа и подобных ему кооперативов было делом нужным. Да, он, Николай Иванович, подписал распоряжение Совмина о создании АНТа. Кооперативам тре-

бовалось дать свободу, выпустить их на внешний рынок; пусть, продавая за рубежом отходы производства, сверхплановую продукцию, они станут поставлять в страну товары народного потребления. Что здесь плохого? Сам Собчак не раз призывал не зажимать внешнеэкономические связи. Кто же думал, что развернутся такие махинации, что мошенники вздумают продавать за рубеж наши танки...

И об одном только не шла тогда речь на Третьем съезде: а действительно ли кооператоры собирались толкнуть за рубеж мощь родной державы, наши драгоценные боевые машины что все-таки стоит за этим оглушительным танковым скандалом?

2. Разговор с Удачиным

Статья в «Советской России», которую на съезде Полозков назвал *информационным взрывом*, потрясшим *весь наш народ от мала до велика*, рождала уйму вопросов. Кому, какой зарубежной стране предназначались эти злополучные танки (если их действительно собирались вывезти за границу)? В статье о том не сказано было ни слова. А как вышли эти танки с территории завода? Без согласия военпреда, без специального разрешения Министерства обороны СССР. После публикации статьи в газете руководители АНТа объяснили, что уйти с завода должны были вовсе не танки, а мирные тягачи, за переделку каждой машины заводу заплачено было по 121 тысяче рублей. Однако переделывать боевые машины в мирную технику завод почему-то не стал, погрузил их и отправил. Почему? Наконец, знающие люди объяснили, что в таком виде танки все равно не смогли бы пересечь государственную границу. Тогда зачем они сюда, в Новороссийск, прибыли? Кому они здесь понадобились? Кто их здесь ждал?

И «Литературная газета» решила провести свое собственное журналистское расследование.

Автором статьи в «Советской России» был ее собкор по Краснодарскому краю Владимир Яковлевич Удачин. Не исключено, что он обладал более полной информацией, которая по каким-то причинам в статью не вошла. Правда, захочет ли он поделиться ею с представителем другой газеты — то есть, можно сказать, с конкурирующей организацией? Однако звонок мой Владимир Яковлевич встретил совершенно спокойно, сказал, что на днях он собирается в Москву и готов зайти к нам в «Литгазету». Мы встретились, и он рассказал следующее.

Одиннадцатого января 1990 года ему позвонил Полозков и сообщил, что в Новороссийске неожиданно обнаружены платформы с танками. Тут же секретарь крайкома связался с редактором «Советской России» Чикиным, и тот велел корреспонденту немедленно поехать и посмотреть. Однако, побывав на месте, писать Владимир Яковлевич не торопился, его одолевали сомнения. Танковый эшелон в мирное время, фактически без охраны, спокойно проходит полстраны — от Урала до Черного моря, и никто на это не обращает внимание. А Удачин сам родом с Урала, знает, как перевозят танки: на каждой платформе — непременно по часовому с винтовкой. Выяснилось к тому же, что странный этот состав, не числящийся ни в ка-

ких планах перевозки, нарушая все графики, долетел до Новороссийска за считанные дни, будто на крыльях. Каким образом? Не иначе, кто-то его вел. Но кто? И почему в Новороссийск? Через Новороссийский порт оружием никогда не торговали. Удачин это знал.

Словом, за перо Удачин не брался. Но 13 января ему позвонил заместитель главного редактора «Советской России» Николаев. «Ну как, был в Новороссийске?» — «Был». — «Видел?» — «Видел». — «Пишешь?» — «Да нет, большие сомнения». — «Какие сомнения! Чтобы до восьми вечера все было готово. Продиктуешь стенографистке, и будем ставить в номер».

И Владимир Яковлевич продиктовал.

Разговор с Удачиным подтвердил, что статью в «Советской России» тоже кто-то вел зеленой улицей.

Но и после этого рассказа вопросов не убавилось; наоборот, их стало еще больше. Ясно было, что танки эти за границей никто не ждал и, скорее всего, это была провокация. Не приходилось также сомневаться, кто был в ней заинтересован. Статья в «Советской России» появилась 14 января 1990 года, и именно в этот день состоялось заседание Российского бюро ЦК КПСС, где вовсю шла подготовка крупной политической оппозиции реформам Горбачева. А через полгода, 19 июня, в Москве открылась Российская партконференция, провозгласившая себя Учредительным съездом компартии РСФСР, во главе которой встал Иван Полозков.

Танковый скандал оказался здесь как нельзя кстати: смотрите, любуйтесь, горбачевские реформы разорят, погубят Россию.

Но чьими руками осуществлена была эта сложная, многоходовая афера, требующая и властных полномочий, и широкого кадрового ресурса? Только Полозкову и его соратникам в конце восьмидесятых такое было бы уже не под силу. Значит, кто-то за ними стоял. Кто?

3. Чекисты и обороншики

Недавно в Интернете появились выдержки из весьма примечательной книги Максима Калашникова «Третий проект». Автор рассказывает, как в конце восьмидесятых шло противостояние «патриотических сил» опасным горбачевским авантюрам, как проект «альтернативных» действий зародился в Оборонном отделе ЦК КПСС и в Генеральном штабе. *С 1987 года*, — пишет Калашников, — *Оборонный отдел ЦК начал явно и неявно финансировать то, что потом назовут «новой русской идеологией»*. По утверждению автора книги, отсюда происходит Александр Проханов с его газетой «День», а позже — «Завтра». Именно в эти годы обороншики впервые дают возможность выйти из подполья евразийству, поддерживают *философа и публициста* Александра Дугина. *Через Комитет по внешним экономическим связям, тесно взаимодействующий с КГБ*, свидетельствует автор книги, оказывалось содействие разработкам *едва ли не самого выдающегося философа-практика современности, претендующего, возможно, даже на эпитет гения, Сергея Чернышева и его тогдашнего соавтора Сергея Криворотова.*

Но оборонщики и чекисты занимались не только высокими материями. *В 1987 году*, — пишет Калашников, — *руководители КГБ и Генштаба догово-*

рились о том, что в недрах последнего создается центр прорывных и альтернативных технологий. Воплощать и реализовывать их задумывалось на базе предприятий, обслуживающих армию. Организована была специальная лаборатория, оформленная как номерная воинская часть. Она должна была вести мониторинг академических институтов, инженерных центров и научно-технических клубов молодежи, обнаруживать самые интересные проекты, находки и давать им ход. По словам Калашникова, ради этого «патриотически настроенные» люди из КГБ и ГРУ даже забыли свою «историческую вражду».

Один из таких *патриотически настроенных* людей — генерал КГБ Николай Алексеевич Шам. В «конторе» он работал с 1966 года, а в 1991-м сделался первым заместителем председателя КГБ СССР. Однако в 1992 году вышел в отставку. Официальная версия — по состоянию здоровья. Но на самом деле причиной отставки стал острый конфликт с тогдашним «демократическим» главой КГБ Бакатиным.

В беседе с автором книги генерал Шам делится некоторыми из «прорывных технологий», которые были обнаружены вновь созданной лабораторией. Оказалось, что в СССР есть работы, которые не имеют аналогов нигде в мире. *То, что мы увидели*, — признается генерал, — *кружило голову.* Ясно стало: *мы способны опередить весь мир.* Шам называет ряд таких сенсаций. Один инженер умел *очищать целые водоемы необычным способом: он зачерпывал из них стакан воды, ставил его на лабораторный стол — и воздействовал на него своим генератором. И мы видели, как сначала вода становилась чистой в стакане — а потом и в удаленном от него пруде, из которого этот стакан зачерпнули. Каким образом ему удавалось это сделать — никто объяснить не мог.* Но генерал сам был тому свидетелем. Другой специалист предложил *уникальные медицинские разработки, которые могли лечить тяжелые заболевания и даже рак.* Имелся еще маленький прибор, который умел *на приличном расстоянии останавливать целый танковый батальон.* Направленное воздействие меняло структуру топлива, и двигатели машин тут же глохли.

Но та, первая попытка *патриотически настроенных* сил опередить весь мир провалилась. *Нас умело подставили*, — жалуется генерал, — *мы столкнулись с противодействием аппарата... Многих стала раздражать деятельность лаборатории.* Министр обороны маршал Дмитрий Язов два часа слушал доклад начальника лаборатории, но, в конце концов, обматерил его, а лабораторию разогнал.

Однако «патриоты в верхах» не сдавались, они пошли на вторую попытку.

В 1988 году в стране вовсю разворачивалось кооперативное движение. Шестое управление КГБ пристально следило за этим новым в стране явлением. Один из знакомых генерала Шама рассказал ему, что есть такой перспективный кооператив АНТ (автоматика-наука-технология), руководит им Володя Ряшенцев, бывший сержант из Девятого управления КГБ, охранявшего партийно-советскую верхушку.

Мне сказали, — продолжает генерал, — *что у Ряшенцева — интересные взгляды, и я согласился с ним встретиться. После долгой беседы в гостинице «Москва» я предложил ему: «Володя, почему бы тебе не создать отдельное*

направление, которое займется исключительно новыми технологиями?» — «Да хоть завтра!» — ответил он.

Силами оборонщиков и чекистов дело ставится на широкую ногу. Созданный в Ногинске обычный кооператив преображается. Он попадает под начало Шестого сектора Совмина СССР. Любопытный то был сектор, в нем работали шесть штатных сотрудников КГБ, они были официально сюда откомандированы, и каждый из них имел по два удостоверения — и Совмина, и КГБ. Руководил сектором генерал Александр Стерлигов.

Организуется попечительский совет АНТа, в него входят Госкомитет по науке и технике СССР, Прокуратура СССР, Госкомитет по экономическим связям СССР и, конечно, КГБ. Позже В. Ряшенцев заметит: *Кто-то упорно распространял слух, будто я действующий полковник КГБ и мне поручено отрабатывать новую структуру. Поэтому, зная советскую практику, все воспринимали АНТ как очень влиятельную организацию.* Собчак, выступая на съезде, тоже скажет, что руководитель концерна Ряшенцев — *бывший работник Комитета государственной безопасности*, но *Полозков умолчал об этом.* Умолчал он и о том, что на КГБ возложено *обеспечение экономической безопасности деятельности концерна.* АНТу передается закрытая, связанная с ВПК, тематика, даются значительные полномочия, предоставляется право безлицензионной продажи за рубеж самого широкого спектра товаров, разрешается на основе бартера ввозить в страну всевозможные изделия — от компьютеров до парфюмерии...

Вот, стало быть, какой это был концерн. Вот какие перспективы перед ним открывались. Маячили огромные, баснословные, фантастические деньги. Тут уже речь шла не об очистке озера с помощью стакана воды и не о приборчике, останавливающем танковую армаду. Затевались дела крупные, серьезные, миллионные.

А через два года — полный крах. АНТ скандально проваливается.

Автор книги Максим Калашников убежден, что АНТ *был уничтожен с помощью продуманной провокации западных разведок*, которые «втемную» осуществили ее через лидера компартии РСФСР Полозкова.

Генерал Шам видит иную причину. *Все сгубил авантюризм бывшего сержАНТа Ряшенцева,— объясняет генерал,— сделку с продажей танков из Нижнего Тагила за рубеж Ряшенцев устроил мимо попечительского совета.*

Но никакой «сделки» о продаже танков за рубеж, мы знаем, обнаружено так и не было. А вот к утверждению о том, что Ряшенцев действовал *мимо попечительского совета*, прислушаться стоит.

4. АНТ дошел до политбюро

В то время к нам в редакцию «Литературной газеты» часто приезжали интересные люди. Собирались мы на втором этаже, в комнате № 206, отсюда пошло и название рубрики, где печатались отчеты о таких встречах: «Клуб 206». Встречались мы с членами Конституционного суда, с Генеральным прокурором СССР, с патриархом, посетил нас Мстислав Ростропович, а однажды приехал только что назначенный председателем КГБ СССР Вадим Викторович Бакатин.

После встречи я подошел к нему, объяснил, что занимаюсь делом АНТа, следствие по которому так ни к чему и не пришло. Но времена изменились, после провала августовского путча 1991 года многие участники тех событий уже не у дел, может быть, новые люди в КГБ согласятся ознакомить меня с материалами, еще недавно державшимися в глубокой тайне. После того как Бакатин проинформировал американцев о «жучках», установленных в их посольстве, все тайны АНТа, наверное, сущая ерунда, так, семечки. «Запишите телефон, — сказал Бакатин. — Я предупрежу».

Я позвонил. Мой собеседник оказался в курсе, спросил, когда бы я хотел к ним заехать. «Да хоть сейчас», — ответил я. Он поинтересовался, где я живу, и попросил через пятнадцать минут спуститься вниз: «За вами заедут». Я усомнился, доедет ли машина с Лубянки за пятнадцать минут. Он вежливо рассмеялся.

Через пятнадцать минут у дверей моего дома действительно стояла черная «Волга».

Подъезжая к комитету, шофер что-то сказал по рации, и у подъезда меня уже ждал майор. Мы поднялись на лифте и вошли в один из кабинетов. За длинным столом сидели два полковника.

Собеседники были милы, любезны, сказали, что они имеют поручение Вадима Викторовича предоставить мне всю необходимую информацию.

Вот что я тогда узнал.

Танками концерн АНТ никогда не занимался. Однако идея продавать иностранцам через АНТ боевую авиационную технику действительно разрабатывалась. Генеральный директор АНТа В. И. Ряшенцев свои предложения об этом направлял в Совет министров СССР и в Генеральный штаб Вооруженных сил. Письменных ответов он не получил, но идея никем из должностных лиц не отвергалась, и переговоры по данному вопросу с иностранными фирмами не пресекались. Одним из иностранных партнеров АНТа был директор венгерской фирмы «Авиаспейс» господин Я. Деши. В интервью газете «Пешти Хирлап» на вопрос корреспондента, взялась бы фирма за продажу по поручению советской стороны военной авиационной техники, господин Я. Деши ответил: «Мы сразу же постарались бы получить соответствующие разрешения и, имея их, с удовольствием взялись бы за дело».

Четвертого ноября 1989 года вопрос о продаже за границу через АНТ новейшей военной авиационной техники обсуждался — куда выше! — на заседании политбюро ЦК КПСС. Предложение внес Минавиапром. Три ведомства, однако, встали стеной: Д. Ф. Язов (Министерство обороны СССР), К. Ф. Катушев (Министерство внешних экономических связей СССР) и И. С. Белоусов (Комиссия Совета министров СССР по военно-промышленным вопросам). Предложение Минавиапрома не прошло. Политбюро признало его нецелесообразным.

Но сам факт такого обсуждения в святая святых нашей политической власти, ситуация, при которой крамольное желание АНТа торговать оружием смогло дойти, подняться до политбюро, а не было похоронено где-нибудь этажом ниже, уже свидетельствовали и о масштабе, приобретенном концерном, и о силах, которые за ним стояли. Такой АНТ становился по-настоящему опасен. У такого АНТа не могли не появиться враги, недруги,

конкуренты, завистники, на чьи интересы он покусился, «мимо» которых, по выражению генерала Шама, он действовал.

Слушая своих собеседников, я вспомнил слова А. А. Собчака о том, что по каким-то причинам консерваторам было выгодно пожертвовать ими же созданным концерном. Не в том ли как раз кроются эти причины? АНТ достиг непозволительных высот, заглотнул слишком большой кусок, а, значит, его надо было остановить.

В октябре, когда уже стало известно о готовящемся заседании политбюро, Ряшенцеву позвонил генеральный директор оборонного научно-промышленного объединения «Взлет» генерал В. К. Довгань. Сказал, что «Взлету» нужны компьютеры, а АНТ ими, как известно, торгует. Не выручит ли? «Мы не торгуем, а поставляем в порядке товарообмена, по бартеру, — ответил Ряшенцев. — Что вы может предложить нам взамен?» Через два дня Довгань позвонил снова: «Уралвагонзавод на базе танка Т-72 выпускает изделия для народного хозяйства, тяжелые тягачи. Годится?» — «Да, годится», — сказал Ряшенцев.

Завод такая сделка тоже вполне устраивала: Индия только что отказалась от заказанных ранее танков, и сбыть их было бы большой удачей. Однако генеральный директор завода Серяков объяснил Довганю, что необходимо разрешение правительства, иначе никак нельзя. «Нет проблем», — уверил Довгань, и, действительно, вскоре заводу было представлено правительственное поручение № ПП/ 25086, разрешающее реализовывать продукцию предприятий Минобороны и оборонных отраслей промышленности для нужд государственно-кооперативного концерна АНТ.

Работа закипела.

Довгань и Ряшенцев подписывают соглашение о том, что «Взлет» *окажет содействие в приобретении для АНТа разукомплектованных изделий «172» с целью использования их в народном хозяйстве.*

Тридцатого ноября платежным поручением АНТ перечисляет заводу стоимость танков и *полтора миллиона рублей за их переделку в тягачи.*

Однако о переделке танков в тягачи нигде нет и речи. Ни в одном заводском приказе, ни в одном распоряжении, ни в одном документе.

В тот же день, 30 ноября, выходит распоряжение по заводу о срочной, в течение нескольких дней, подготовке груза к отправке. Срок дается до 6 декабря. Не уложились. Состав отправился только 15 декабря: двенадцать платформ, крытых брезентом, на каждой по боевому танку, вагон, полувагон и пассажирская теплушка. В вагоне, аккуратно обернутые в ткань, сложены были пушечные стволы. Полувагон вез пулеметы: двенадцать танковых и двенадцать зенитных.

В дорожной ведомости № 696848 в графе «наименование груза» стояло: *средства транспортирования неразобранные.* Ни о каких танках не было ни слова. Воинского караула тоже не было, груз сопровождали трое заводских работников.

В железнодорожной ведомости срок прибытия указывался 25 декабря. Но эшелон прибыл в Новороссийск даже на три дня раньше, 22 декабря.

И тут оказалось, что состав этот никто не ждет. Никто, совершенно! Названный в документе грузополучатель Новороссийский торговый порт

в полном недоумении. На Уралвагонзавод идут срочные телеграммы: что за груз, чей он, что с ним делать? Сообщают Ряшенцеву. Он в бешенстве: «Они что, белены объелись?» Распоряжается отправить состав назад, в Нижний Тагил. Но железная дорога уже имеет указание начальства ни в коем случае груз не возвращать. Пусть стоит.

Платформы с боевыми машинами открыто, на виду у всех, три недели простояли на подъездных путях. Охраны не было, работники завода сразу же куда-то разбежались. А через три недели, 11 января 1990 года, корреспонденту «Советской России» Владимиру Яковлевичу Удачину позвонил секретарь крайкома Полозков и потребовал «информационного взрыва».

5. Венгрия, Будапешт

Разговор на Лубянке был, конечно, полезен. Архитекторы этой аферы становились, в общих чертах, понятны. Но по-прежнему оставалось неясно, кто же был ее конкретным исполнителем. Чьими руками была она совершена. На все мои вопросы полковники пожимали плечами и говорили, что если бы проводилось настоящее расследование, то оно, безусловно, дало бы ответ. А так...

Но к тому времени расследование уже захлебнулось. Вначале, после съезда, поднялся большой шум. Прокуратура СССР сообщила, что в следственную бригаду вошли самые опытные следователи и оперативные работники КГБ и МВД. Делом занялся Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Санкции сыпались как из рога изобилия: таких-то уволить, таких-то исключить из партии. «Правда» напечатала сообщение о заседании президиума Совета министров СССР. Совмин констатировал: *политическая близорукость, нанесен не только экономический, но и морально-политический ущерб.* Но постепенно все затихло. К чему пришло следствие, мы так и не услышали. Молчок.

Случайно узнаю, что в те дни, когда танковый скандал еще только разгорался, в Главное таможенное управление позвонили из КГБ и попросили разрешения упомянуть в справке, адресованной руководству страны, что танки на границе перехватили таможенники. Это, разумеется, в корне меняло бы дело. Если танки случайно обнаружены где-то на подъездных путях, можно лишь предполагать, что была попытка совершить контрабанду. Если же их перехватили таможенники, то покушение на контрабанду очевидно. Но таможенники, по их словам, отказались подтвердить то, чего не было.

Выходило, что к этой провокации причастен КГБ? Фактический создатель АНТа? А тут еще сообщение о том, что за границей Ряшенцев неожиданно умер — по всей видимости, его отравили. Но ведомство, таким образом убирающее неугодных, нам было хорошо известно.

О журналистском расследовании, которое веду, я рассказал известному адвокату Борису Авраамовичу Кузнецову. «Вы читали, — спросил он, — о действиях наших спецслужб, попытавшихся организовать в Будапеште захват двух сотрудников АНТа, якобы пойманных с поличным при получении взятки?» Да, читал. Ну и что? В печати сообщалось, что была задумана

важнейшая операция, но провести ее нам помешала неразумная венгерская военная разведка. «А вы зайдите ко мне, я покажу вам некоторые материалы. Будет интересно».

Зашел, прочел. Ничего общего с информацией, поданной в наших газетах.

Двадцать шестого февраля 1990 года (танковый скандал в СССР еще только набирает силу) полковника венгерской милиции, заместителя начальника следственного отдела Иожева Пайчича срочно вызывают на улицу Марко в Верховную прокуратуру. Здесь его ожидают представители из СССР: работник прокуратуры, советский консул в Будапеште и высокие чины из КГБ и советской милиции. Они сообщают полковнику, что, по их сведениям, некий суданец на днях собирается передать двум работникам АНТа крупную взятку.

Второго марта в 16 часов 30 минут в гостинице «Беке» одного из работников концерна задерживают, и в его чемоданчике действительно обнаруживают 140 тысяч долларов США.

А вот дальше советская версия о взятке трещит по швам. Венграм вручают расшифровку магнитофонной записи разговора между работником АНТа и суданцем в гостиничном номере. Венгры, однако, требуют саму пленку, и тут оказывается, что расшифровка оборвана на полуслове. Если же прослушать весь разговор, то получается, что 140 тысяч долларов — это часть штрафа, который суданец по соглашению сторон обязуется оплатить фирме за просрочку в выставлении аккредитива.

Советские представители пытаются доказать свою версию с помощью видеокассеты, но выясняется, что и она грубо смонтирована.

Венгры проверяют личность суданца и устанавливают, что это бывший московский студент, христианин, недавно посетивший СССР. Здесь, как раз в КГБ, ему и были переданы для провокации долларовые купюры, обработанные специальным составом.

Шумит венгерская пресса. Пестрят газетные заголовки: «*Провокация КГБ пресечена*», «*Провал операции "Большое надувательство"*», «*Пресечена провокация советской спецслужбы*».

Верховный прокурор Венгрии доктор Карой Сиярто пишет Генеральному прокурору СССР А. Я. Сухареву: *После оценки всех обстоятельств этого случая мы считаем некорректным поведение присутствующих представителей правоохранительных органов. Прошу господина Генерального прокурора принять необходимые меры с целью предотвращения подобных случаев.*

Любопытно, что советские спецорганы ни секунды не сомневались в успехе задуманной операции. В тот самый день, когда в Москву уходит письмо венгерского Верховного прокурора, из Москвы в Будапешт отправляется послание Генерального прокурора СССР. Он сердечно благодарит венгерских коллег за дружескую помощь в задержании двух сотрудников АНТа и просит передать советским сотрудникам все документы и изъятую сумму взятки.

Венгерская газета «Мой ноп» 28 апреля 1990 года так комментирует эту ситуацию: *Сначала была большая дружба. Советские милиционеры в доверительной форме сообщили венгерской стороне, что они имеют дело не с какими-то маленькими взяточниками, что в скандале замешан один из замести-*

телей председателя Совмина СССР, который на этом может быть взят. А дальше уже потянется и вся цепочка. В Москве была уже подготовлена международная пресс-конференция. С помощью признания, полученного от двух сотрудников АНТа, хотели доказать, как далеко зашли в СССР реформаторы экономики.

6. Один почерк, одна рука

Об этом как раз и скажет А. А. Собчак. Скажет, что провокация с АНТом имела цель дискредитировать Горбачева, а заодно, чохом, и все кооперативное движение. АНТ подавался не как государственный концерн, а как кооператив. Следовательно, можно было приструнить и демократов, выступающих за развитие кооперации. Тот АНТ, который на практике получился, скажет Анатолий Александрович, не есть феномен рыночного хозяйства, он есть порождение бюрократического класса, использующего каналы государства для целей личного обогащения.

Оглядываясь сейчас назад, вспоминая ту «танковую» историю, хорошо видишь, как оно начиналось, это обогащение бюрократического класса. «Прорывные технологии», о которых с жаром говорил генерал Шам, на поверку оказались способом, используя, как теперь сказали бы, *административный ресурс*, наваривать на государственной собственности бешеные капиталы. Получаемые при этом барыши достигали тысячи процентов, каждый рубль приносил сотни, а то и тысячи рублей, ни одному капиталисту такое не снилось. И происходило это еще до Гайдара, до Чубайса, до реформ 1992 года. При советской власти.

Когда начнется следствие по делу ГКЧП, обнаружится, что в подполье ушла гигантская, хорошо отлаженная, сильно коррумпированная партийная экономика, на начало 1991 года только легальная часть этого айсберга составляла почти 8 миллиардов тогдашних рублей. Но дело ГКЧП, как известно, тоже завершено не было. Иначе мы, возможно, узнали бы и о роли в создании этой огромной кубышки наших спецорганов, и о драчке, которая на виду таких денег, надо полагать, между ними происходила, и о том, почему фактический создатель АНТа КГБ в конце концов приложил руку к его уничтожению.

Словом, конкретные исполнители той танковой провокации так и остались неизвестными. Но по почерку уже нетрудно было их разгадать. Послать вместо мирных тягачей боевые машины, всучить венграм мошеннически сфальсифицированную пленку, обычный платеж выдать за взятку — разве не одни и те же методы, не одна и та же рука?

О готовившейся в то время чекистами еще одной афере рассказал мне бывший начальник Главного управления таможенного контроля при Совете министров СССР Виталий Константинович Бояров.

В январе 1991 года он отдыхал в подмосковном санатории «Сосны». Однажды к нему приехали два его заместителя и рассказали: перед вылетом лондонского рейса в таможне аэропорта Шереметьево-2 неожиданно появились сотрудники КГБ. Указав на одного из пассажиров, они велели произвести досмотр его багажа. После того как операция была закончена,

КГБ потребовал от таможенного управления бумагу о том, что при обычном таможенном досмотре у пассажира совершенно случайно были обнаружены некоторые документы. «Но никаких документов я в глаза не видел, — сказал заместитель Боярова. — Спросил у начальника таможни, он тоже ничего не знает. Без вас я никаких бумаг подписывать не стал».

Виталий Константинович рассказывал: «Только мой заместитель кончил говорить, как в нашем номере раздался телефонный звонок. Снимаю трубку. На проводе генерал-лейтенант В. М. Прилуков, заместитель Крючкова и начальник Главного управления КГБ по Москве и Московской области. "Виталий Константинович, — говорит, — я вас поздравляю. Таможня сделала огромное дело". — "Не понимаю, — говорю, — какое дело". — "Ну как же, — удивляется он. — Товарищ Крючков уже в правительство доложил, что таможня проявила бдительность, обнаружила у иностранца ценные документы". — "Да нет — говорю, — вы нас напрасно хвалите, никаких документов мы не обнаруживали. А потому ничего подписывать не будем". Пауза. Спрашивает: "Так мне и доложить товарищу Крючкову?" — "Так, — отвечаю, — и доложите". Через десять минут звонок снова. Опять Прилуков. "Владимир Александрович просил передать, что он не понимает вашей позиции. Но если вы не можете подписать бумагу, то и не надо. Справимся сами"».

Готовилась очередная афера? Еще одна громкая провокация? Затевалось новое наступление *патриотически настроенных* сил на горбачевские реформы? До августовского путча 1991 года оставалось семь месяцев.

7. Беседа с Николаем Рыжковым

К началу 1991 года стало ясно, что реальные авторы этой танковой провокации названы не будут. Пошумев, раздав всем тумаки и шишки, дело постараются замять, забыть о нем. Все к тому шло. Однако это было бы слишком просто, уж слишком громкой и вызывающей оказалась грандиозная афера, которая разворачивалась на наших глазах. Но имелась еще одна причина, которая мешала мне оставить эту историю. Сокрушительная речь Собчака на Третьем съезде, обрушившегося целиком на Рыжкова, взвалившего на него всю вину, вызывала у меня если не возражение, то, по крайней мере, ощущение некоторой недоговоренности, однобокости, даже, возможно, предвзятости. Получалось, что, справедливо говоря о *бюрократическом классе, использующем каналы государства для личного обогащения*, Собчак имел в виду и лично Николая Ивановича. А так ли это? Имелись ли основания это утверждать? Из личной ли корысти подписал он бумагу о создании государственно-кооперативного концерна АНТ или на самом деле все обстояло гораздо сложней?

Я хорошо помнил, как, поднявшись на трибуну Третьего съезда, Рыжков чуть ли не со слезой в голосе говорил Горбачеву: *Я, Михаил Сергеевич, вас не понимаю Почему именно товарищу Собчаку вы все время даете слово? Почему мы даем ему возможность плевать в каждого человека?.. Вы знаете, я волнуюсь... Вы знаете, я никогда бы не опустился до того, чтобы сводить какие-то счеты или упоминать фамилию, но надо же иметь предел! Воротников — обмазан, Власов — обмазан, Рыжков — обмазан! Какое вы имеете*

право вот здесь на весь мир объявлять, что я виновник в этом деле? Разберитесь, в конце концов...

В зале стоял шум, председательствующий на съезде Горбачев тщетно пытался призвать депутатов к порядку.

...Я прошу вас, как человек прошу, как председатель Совета Министров: или дайте нам возможность работать, или мы подадим в отставку...

Шум совсем усилился. Стараясь хоть как-то овладеть залом, Горбачев почти кричал в микрофон: *Прошу депутатов успокоиться: мы на съезде.*

Позже в своей книге «Хождение во власть» Собчак напишет: *Мне жаль было Николая Ивановича, когда, оправдываясь, он сказал, что Собчак «обмазал» его: это словечко, уместное в уголовном жаргоне, все же неловко звучит в устах премьера. И, конечно, когда на парламентской трибуне премьер-министр самой мощной (по крайней мере, в военном отношении) державы стал оправдываться с рыданиями в голосе, как ребенок, уличенный в нехорошем проступке, мне было уже и вовсе не по себе.*

Но разве для *рыданий в голосе* у Рыжкова не было оснований? И в чем же все-таки состоял его *нехороший поступок*, в котором, по словам Собчака, он был *уличен*? Не ошибка — в ошибках не «уличают», — а нечто злостное, почти преступное.

Словом, встретиться и поговорить с Николаем Ивановичем мне было крайне необходимо.

В апреле 1991 года он уже был на пенсии. Жил у себя на даче, на Рублевском шоссе. Я позвонил ему из кабинета главного редактора по «вертушке», кремлевскому аппарату. И дачу, и спецсвязь Николаю Ивановичу сохранили. Несколько раз я набирал его номер, но «вертушка» Рыжкова упорно молчала. Позвонил ему по-обычному, городскому — и на этот раз Николай Иванович ответил.

Выслушав меня, Рыжков сказал, что входить в подробности истории с АНТом он не хочет, дело темное, но встретиться со мной готов. И дал телефон охраны: «Позвоните туда и договоритесь».

Я позвонил. «А на какой машине вы приедете?» — неожиданно спросил дежурный. Я удивился: «На своем “жигуленке”». Почему-то это его не устроило. «А вы не могли бы взять казенную машину?» — «Могу, — сказал я. — Редакционная “волга” вас устроит?» — «Да, устроит. Не доезжая дачи, вас встретят».

И действительно, на шоссе, у поворота, над которым висел «кирпич», нас поджидали двое сотрудников в черной «волге». «Поезжайте за нами», — велел один из них.

Однако, не доезжая до ворот, передняя машина остановилась. Выглянув из окна, водитель сказал, что мы приехали на семь минут раньше срока, придется подождать.

Николай Иванович был уже не у дел, но заведенный порядок, как видно, соблюдался строго.

Беседовали мы с ним в маленьком кабинете на втором этаже. Против разговора под диктофон Рыжков не возражал.

Надо сказать, что я собирался сразу же после нашей встречи опубликовать эту беседу в «Литературной газете». Но тут узнаю, что на выборах пре-

зидента России 12 июня 1991 года коммунисты выдвинули Рыжкова своим кандидатом. Соперником его был Б. Н. Ельцин. Николай Иванович не сказал мне, что идет на выборы. Не знаю почему, но не сказал. А при таких условиях я уже не мог печатать свой разговор с ним, получалось бы, что я в его команде, даю предвыборный материал. А я не хотел быть в команде кандидата от Компартии. Так что беседу с Николаем Ивановичем я публикую здесь впервые. Так уж получилось.

Несмотря на то что об АНТе Рыжков говорить не хотел, я все-таки попросил его ответить хотя бы на пару вопросов. «Попытка продать за рубеж танки была недопустимой», — твердо сказал он. «Конечно, — согласился я. — Но разве танки в том виде, как они поступили в Новороссийск, смогли бы пересечь границу?» — «Нет, — ответил Рыжков, — не смогли бы, таможня бы их не пропустила». — «А вам хоть известно, в какую страну готовилась поставка?» — «Совершенно не известно, сам теряюсь в догадках». — «И все-таки вы считаете, что была попытка продать иностранцам танки?» — «Видите ли, — сказал он. — Только наивные люди могут поверить, что танки можно переделать в тягачи. Там все разное: коробка передач, другие механизмы. Хозяйственник, тем более с опытом, должен был это знать».

Коммерсант Ряшенцев, судя по всему, этого не знал, иначе зачем бы он отвалил заводу полтора миллиона рублей за переделку машин?

Я спросил Николая Ивановича о Шестом секторе Совмина, состоящем из сотрудников КГБ: кто, как не они, мог проинформировать председателя правительства о затевавшейся авантюре? Помолчав, Николай Иванович ответил: «Я узнал о ней не от сотрудников Шестого сектора, из других источников».

Что ж, можно было и не гадать, кто пригнал в Новороссийск эшелон с танками.

Я спросил: «Выступление Полозкова было для вас неожиданным?» — «Совершенно неожиданным, — сказал он. — Я не ожидал ни его выступления, ни выступления Собчака. Когда на съезде разразился этот скандал и были брошены очень серьезные обвинения в адрес правительства, знаете, я тогда не выдержал. Я обязан был выйти и ответить. Может быть, ответил слишком эмоционально, но если бы я промолчал, то создалось бы представление, что я просто-напросто проглотил обвинение в коррупции».

«На съезде вы сказали, что сама идея АНТ'а была правильной?» — спросил я. «Да, я так считал и сейчас считаю, — ответил он. — Задумывая его, мы не ошибались».

И тут Николай Иванович вспомнил, как несколько лет назад был он с официальным визитом в Финляндии. Шли переговоры с премьером Койвисто. В частности, обсуждались и взаимные поставки. «Почему вы у нас мало покупаете?» — спросил у него Рыжков. «Ничего не могу поделать, — пожаловался Койвисто. — Не могу заставить наши предприятия что-нибудь покупать. Вот как только экспорт, — не могу их остановить, все рвутся продавать, продавать, продавать... А заниматься импортом не хотят. Прямо-таки с палкой хожу». — «Я тоже все время хожу с палкой, — сказал Рыжков. — Только все наоборот. Требую, чтобы продавали за границу, а никто не хочет. Если импорт — пожалуйста, все готовы, у нас даже такое выражение ходило "импортная чума". А на экспорт — ни в какую».

«Как бывший директор завода я вам скажу, — говорил мне Николай Иванович, — экспортные поставки я тоже всегда производил из-под палки. Били меня нещадно. Просто били. Выговора давали, наказывали... Все шло под нажимом. Записывали: вот такие машины ты должен поставить в такие-то страны. И я мучился с этими машинами. Как говорится, молил Бога, чтобы побыстрее их отправить, чтобы от меня отвязались. Потому что за это я ничего практически не имел. Даже если были у меня какие-то отчисления от поставки в Болгарию, Румынию, Венгрию, какие-то переводные рубли, что я мог с ними сделать? Наклеить вместо обоев? Купить на них я ничего не мог, потому что все уже было распланировано...»

Терпеть дальше такое положение было невозможно, а потому в пакете тех мер, которые «перестроечное» правительство разрабатывало в 1987–1988 годах, особое внимание начали уделять внешнеэкономической деятельности. Стали думать: что же делать? Руки связывала монополия внешней торговли, превратившаяся из монополии государства в монополию одного ведомства. Значит, надо было менять ситуацию, и менять коренным образом. Нужно было дать дорогу на внешний рынок самому производителю.

Сначала выбрали 70 крупных предприятий, позволили им торговать за границей. Все бы хорошо, да только начался тот самый экспортный бум, на который когда-то жаловался финский премьер Койвисто. Теперь и нам приходилось ходить с палкой, чтобы остановить этот бум, ввести его в нужные рамки. Хотелось продавать за рубеж больше наших машин, обрабатывающих изделий, а туда понесло, наоборот, разные дефицитные материалы, которые нам и самим нужны. Рыжкова стали критиковать даже его ближайшие соратники: «Мол, смотрите, сколько всего вывозится!» Он отвечал: «Да, правильно, вывозится, мы сами виноваты, не отрегулировали должным образом эти процессы, не отработали нужные правила. Но почему вы плюсов не видите? Вы вчера ничего не могли сделать, чтобы заставить людей работать на экспорт, а сегодня остановить их не можете. Я настаиваю и буду настаивать, что из всех преобразований, которые мы проводили в последние годы, здесь как раз мы попали в самую точку, несмотря на все неизбежные издержки».

Но дальше — больше, рассказывал Рыжков. Крупным предприятиям, китам, дорогу дали, однако у нас же очень много мелких предприятий, где работают по 200 или по 500 человек. Они же никогда не выйдут на внешний рынок. Кто у них будет этим заниматься? И вот тогда появились люди вроде этого Ряшенцева из АНТа. Они говорили: «Мы понимаем, какое сегодня положение в стране с товарами народного потребления. Позвольте нам приобрести в стране всевозможные отходы производства, может быть, какие-то машины, оборудование, и мы станем посредниками, будем продавать их за границей, а взамен купим так необходимые стране магнитофоны, телевизоры или одежду». То есть наладим обмен, бартер.

Сперва Рыжков отнесся к этому скептически. Он не очень понимал, как это — нет валюты, а товары можно получать. Но его сотрудники один раз встретились с теми людьми, другой раз и докладывают: ничего страшного, просто возникнет некая посредническая фирма, которой мы дадим право что-то продавать и что-то покупать. И Рыжков подумал: в конце концов, для мелких предприятий, которые сами не в состоянии выходить на вне-

шний рынок, это будет даже полезно. Министерство внешней торговли — очень громоздкая машина, а нам нужны организации гибкие, которые занимались бы широким ассортиментом товаров, цветными металлами, сырьем, разными отходами... И — благословил. Такую организацию назвали АНТ. Единственное условие, которое Николай Иванович поставил: чтобы все было честно. Кристально честно. За этим ведь правительство стоит!

Помню, уже тогда, слушая его, я подумал: что значит — честно? Ведь в самом этом бартере уже таилась опасность крупных злоупотреблений. Тот же Собчак приводит в своей книге пример: тонна металлолома на рынке стоит, скажем, 150 долларов. Если продать пять-шесть тонн металлолома, то на вырученную сумму можно будет купить американский компьютер ценой 800 долларов. У нас он продастся за 40 тысяч рублей. Стало быть, один рубль принесет от 50 до 100 рублей дохода. Фантастическая прибыль. А инфляция, которая грозит захлестнуть страну, если бартер станет вытеснять денежный оборот?

Однако, с другой стороны, мог ли Рыжков не ухватиться за спасительный бартер? Страна действительно задыхалась без самого необходимого, дефицит охватил все кругом, а гигантское, неповоротливое государство само никогда не сможет вывезти этот металлолом, не продаст его, не обменяет на необходимые населению товары, страна и дальше будет катиться в пропасть. Так что же, прогнать людей, которые приходят и предлагают — да, очень простой, очень понятный, можно объяснить на пальцах, способ? Как было отказаться от него? Рыжков готов был хвататься за любую соломинку, за малейшую возможность хоть как-то насытить рынок. Чем проще эта возможность, чем доступнее, чем понятнее — тем лучше.

Понимал ли это Анатолий Александрович Собчак, когда на съезде на всю страну обвинил Рыжкова во всех смертных грехах?

Другой вопрос: а мог ли такой АНТ, даже десятки, сотни таких АНТов на самом деле спасти положение? Из глубокой пропасти, в которой оказалась страна, мы пытались выбраться самыми легкими, лежащими на поверхности способами? Казалось, чего уж проще: вывезем за рубеж лежащее у нас без толку и обменяем на необходимые нам товары. Произведем этот самый бартер и заживем.

Но тогда, разговаривая с Николаем Ивановичем, я еще не знал всей глубины пропасти, на самом краю которой мы оказались. Еще шаг — и все, катастрофа.

Позже будут опубликованы документы. В 1990 году стала рушиться нефтяная промышленность — главный источник валютных доходов. И дело тут не только в обвале мировых цен на нефть. Добыча нефти с ноября 1989 года неуклонно падала. Самотлор, дававший когда-то 130 миллионов тонн в год, к 1991 году «качал» не больше 15 миллионов. С невероятной быстротой таяли запасы золота, твердой валюты. За 1989–1990 годы из страны было вывезено более 1000 тонн золота. К концу октября 1991 года ликвидные валютные запасы также оказались полностью исчерпанными, Внешэкономбанк СССР вынужден был приостановить платежи за границу. Государство было банкротом. *Начиная с середины 1990 года страна оказалась реально на грани объявления ее неплатежеспособной*, — сообщалось в

особо секретной записке на имя одного из членов политбюро. Должны были остановиться крупные заводы, начиналась массовая безработица.

Знал ли все это Николай Иванович? Должен был знать. Не мог не знать. И что же, верил, что при создавшейся ситуации, при существующей окостеневшей экономической системе, не меняя ее, с помощью лишь косметических мер, мы сможем эту пропасть миновать? Спастись от краха?

Позже Е. Гайдар в своей книге расскажет, что осенью 1988 года его попросили помочь подготовить доклад Рыжкова о долгосрочных перспективах развития советской экономики. Авторская группа работала в санатории Совмина «Сосны». *Я пытался хотя бы минимально подучить Николая Ивановича Рыжкова в общеэкономических и финансовых вопросах,* — пишет Гайдар. — *Надо сказать, на редкость неудачно. Владимир Сиваков, ближайший помощник Н. Рыжкова, непосредственно руководивший работой группы, регулярно отправлялся с нашими текстами к высокому начальству и возвращался, как правило, расстроенный и разочарованный. Начальству не нравилось, оно не могло понять, как это развал потребительского рынка может быть связан с государственным бюджетом, вникнуть в другие экономические премудрости.*

Но только ли вина в этом Николая Ивановича или все-таки и его беда?

Он говорит мне: «Уже в 1987 году мы знали, что надо переходить от жесткой командно-распределительной системы к более или менее легкой, менее жесткой. Я говорю, к более или менее, потому что я считаю, что мы и через год не перейдем к рынку». «А через десять лет?» — спрашиваю я. «Дай Бог, чтобы через десять лет, дай Бог»...

Напомню, разговор наш происходил в апреле 1991 года. Примерно в те же дни помощник Горбачева А. Черняев записывал в своем дневнике: *Проблема продовольствия Но теперь уже конкретнее — хлеб. В Москве, по городам, уже очереди такие, как два года назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод... Такого Москва не видела, наверное, за всю историю — даже в самые голодные годы*

Десять лет... Да разве прожили бы мы эти десять лет, если бы через десять месяцев не пошла на слом вся эта командно-распределительная система?

«Знаете, — говорит мне Рыжков, — я ведь первый произнес слово "конкуренция". Я первый произнес слово "демонополизация". Но когда мы писали эти слова, мы сами боялись, какие мы храбрые. В законе о предприятии мы записали, что если в силу ряда обстоятельств, предприятие не способно работать, оно разорилось, то оно расформировывается. Банкротство то есть. У нас такого никогда не было, мы говорили, что трудовой коллектив ни при чем, начальник виноват... Когда мы это записали в 1987 году, мы думали, вообще социальный взрыв будет. Если бы эти слова произнесли еще шесть лет назад, допустим в 1981 году, то вряд ли кто-нибудь из нас в партии бы остался. И на свободе!»

Чего ж тут удивляться, что помощник Николая Ивановича Сиваков возвращался в группу Гайдара расстроенный.

«Мы все воспитывались в одной системе, чего греха таить, — говорит мне Рыжков. — Все мы дети своего времени». И вспоминает анекдот: дол-

гое время один лев провел в клетке. И вдруг его выпустили на свободу. Походил, походил и говорит: «Да ну вас к черту». И снова пошел в клетку.

В 1990 году кто-то из экономистов Рыжкову сказал: «Ваше правительство героическо-трагическое. Вы начали огромные преобразования, поэтому вы герои. Но вы обречены. Да, обречены. Сознание людей к этому еще совершенно не подготовлено. Все не готовы — и общество, и верхушка, и политическое руководство. В этой мельнице вас будут растирать».

Однако трагедия Николая Ивановича и его команды была, наверное, не в том, что они начали огромные преобразования, а в том все-таки, что настоящих, действительных, коренных преобразований они так и не начали. Да и могли бы разве их начать «дети своего времени»?

Речь зашла о кооператорах. Николай Иванович был одним из инициаторов закона о кооперации, который появился в 1988 году. «По сравнению с принятым год назад законном о предприятии, — говорит он мне, — сделан был гигантский шаг вперед. Кооперативам отныне предоставлялась невиданная свобода, им давались самые широкие права и возможности. И какая ведь великолепная была задумка! Известно, что экономика страны состоит из крупных отраслей — энергетика, металлургия, машиностроение... Это — огромные "булыжники", между которыми находится пространство, которое до сих пор никем не было заполнено, так сказать, своеобразные пустые ниши. От этого страдал потребительский рынок. Гибкие, мобильные кооперативы, быстро реагирующие на спрос и предложение, эти ниши могли бы как раз заполнить. А со временем опыт кооперативов подхватят и государственные предприятия. Плохо разве?»

Но как-то прочел он в одной газете: *Рыжков выпустил джинна из бутылки, и этот джинн задушил Рыжкова.* Кооператоры, которым Николай Иванович, можно сказать, дал свободу, развязал руки, на него и обрушились. «Такой, понимаете, парадокс».

Он говорит мне: «В кооператоры пошли очень способные, талантливые люди. Они быстро осознали, что в новых условиях можно в два счета развернуться и хорошо заработать. Они же не верили в долговечность кооперативов, думали, что это лишь временная отдушина, которую завтра прихлопнут. Знаете, как мотыльки, которые летают, летают, а потом — раз! — и сгорели. Впрочем, надо сказать, что основания так думать у них были, слишком часто мы делали подобные повороты... Так вот, эти "мотыльки" стали бешено пользоваться всеми льготами и свободами, что мы им дали, зарабатывать миллионы. Миллионы! Суммы, несопоставимые с заработком большинства населения. То есть был брошен вызов всему обществу. А уж когда стало известно, что кооператор Артем Тарасов заплатил со своего заработка в три миллиона 90 тысяч рублей партвзносов!..»

8. Артем Тарасов

Эта история нашумела тогда на всю страну. О ней много говорили, о ней писали все газеты. Действительно, председатель кооператива «Техника» Артем Тарасов заплатил 90 тысяч рублей партвзносов, гигантские по тем временам деньги.

Но самое интересное, что Тарасов... даже не был членом партии.

Рассказываю Николаю Ивановичу, как все было на самом деле, я этим занимался.

В конце января 1989 года Тарасов узнал, что с 1 февраля вводится правило, по которому кооперативам запрещалось работать с наличными деньгами. Разрешалось выдавать им не больше 100 рублей в день на всякие там скрепки, бумагу и другие мелочи. А весь их многомиллионный бизнес как раз и строился на живых деньгах. Наличными платили грузчикам в портах, экспедиторам, агентам, охранникам грузов — словом, всем на свете. «Техника» тратила в год не менее десяти миллионов рублей наличными. Остаться без них — означало бы гибель, конец.

Что делать?

В ту пору зарплата кооператорам никак не лимитировалась, она определялась только общим собранием членов кооператива. И тогда решили: Тарасов выпишет себе три миллиона рублей зарплаты, своему заместителю Анатолию Писаренко — тоже три миллиона, второму заму — миллион, бухгалтеру — 750 тысяч. После уплаты всех налогов должно было остаться больше пяти миллионов. На первое время хватит, чтобы платить наличными, а там будет видно.

Но требовалось застолбить, что деньги эти получены именно в январе, до выхода драконовского февральского постановления. Как это сделать? Единственным членом партии среди них был Писаренко. Он пришел к секретарю парткома той организации, где состоял на учете, сказал, что получил зарплату три миллиона рублей, партвзносы с них составляют 90 тысяч, вот деньги, вот партбилет, пусть секретарь распишется в партбилете и поставит сегодняшнюю январскую дату.

Услышав такую сумму, секретарь остолбенел. Отпустив Писаренко, он сразу же стал звонить в горком партии. Дошло до Горбачева. Выступая перед кем-то в Киеве, он сказал, что вот один кооператор продал какие-то фосфаты, привез компьютер и загнал его по сумасшедшей цене. Есть, мол, в нашей стране умники, которые пользуются моментом. Но это дело они так не оставят. Капитализм у нас развели. Не получится!

«Технике» тут же заморозили все банковские счета, они не могли уже взять деньги ни на зарплату, ни на что другое. Последствия оказались катастрофические. Остановились груженые составы, в портах простаивали суда, западные партнеры потребовали с кооператива баснословные штрафы. «Техника» стала банкротом.

Вышло постановление правительства, запретившее кооперативам внешнеторговую деятельность, устанавливались им и другие лимиты и ограничения. От недавнего закона о кооперации мало что осталось.

Все это я и рассказал Рыжкову.

«Я не хочу вдаваться в эти подробности, — сердито ответил мне Николай Иванович. — В то время как ткачиха, например, получает 150 или 170 рублей, эти загребают миллионы. В газете недавно было напечатано, что в стране 100 миллионеров. Как вы такое объясните народу? Народ нельзя убедить в том, что кто-то у нас может зарабатывать миллионы. Нельзя не считаться с народом, нельзя бросать вызов обществу. Может быть социальный взрыв».

Уже второй раз за время нашего разговора Рыжков заговорил о возможном социальном взрыве. Можно было представить, в каком страхе пребывали тогда последние руководители Советского Союза: действовали и озирались, начинали и тут же останавливались, отступали... Удивительно ли, что такая половинчатая, робкая политика очень скоро завела их в тупик?

А история Артема Тарасова — тема особая и чрезвычайно любопытная. В 1990 году его избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. Опасения Рыжкова, что народ взбунтуется против богача, не оправдались, избиратели, наоборот, дружно проголосовали за миллионера. После скандала с партвзносами, к 1991 году, он успел создать еще один кооператив — «Исток». А в феврале того же года выехал по делам за границу. И вдруг исчез.

Поползли слухи: убит в Париже... лежит при смерти в женевской больнице... Слухи оказались ложными, газеты напечатали заявление Тарасова с просьбой освободить его от депутатских обязанностей. Но тут же опять пошли гадания: не фальшивка ли это заявление, написано ли оно тарасовским почерком? В Москве появилась кассета с записью его голоса, однако и она проясняла далеко не все: кто и как ее записал, если с ним все в порядке, отчего он прячется, скрывает, где находится. Уехав из страны, он не встретился еще ни с одним нашим журналистом. Чтобы развеять многочисленные легенды и домыслы, необходимо было, наконец, увидеться с самим Тарасовым, информацию получить из первых рук.

С некоторыми работниками «Истока» я был знаком. Попросил их: если можете, передайте Артему Михайловичу, что корреспондент «Литературной газеты» хотел бы с ним встретиться. Если он согласен, пусть скажет, где и когда.

Через нескольких дней звонок: «В конце декабря Тарасов будет по своим делам в Лондоне и готов там с вами увидеться». Номер в гостинице он закажет и оплатит (у «Литературки» тогда денег на это не было).

На носу Новый год, вся Европа празднует Рождество. Редакция «Литературной газеты» предпринимает титанические усилия, чтобы в считанные дни получить мне английскую визу, достать билет до Лондона. Впрочем, как водится у нас, самолет Аэрофлота оказался почти пустым.

Разговаривали мы наутро после празднования Рождества.

Спрашиваю: «Почему вы оставили страну и ничего не давали о себе знать? Чем вызваны все эти страшные тайны?» Отвечает: «Газетные сообщения о том, что якобы я удрал, сбежал — очередная ложь и утка. В феврале 1991 года, уезжая, я не собирался бросать страну. Я выехал, чтобы продолжать здесь работать на нашу фирму "Исток", должен же был кто-то контролировать наши экспортные поставки».

Но планы его резко изменились. Однажды он почувствовал, что из Москвы за ним следят. Считает, что запеленговали его в Женеве. Спускался как-то на улицу и увидел, что у дома, где он снимал квартиру, стоят двое и разговаривают по-русски. Может быть, совпадение? Зашел в соседнее кафе, позавтракал, идет обратно — уже шесть человек. Очевидно, по рации вызвали пополнение. При его появлении все умолкли. Дежурство их возле его дома длилось двое суток. Одни машины приезжали, другие — уезжали. Он полагает, что ждали инструктажа из Москвы, готовилась, надо думать, ка-

кая-то провокация: могли подбросить наркотики, оружие. И тогда в одном костюме, без вещей, он вышел из дома, сел на поезд и уехал... И затаился.

О вопиющих злоупотреблениях Тарасова шумела тогда вся пресса. Германский журнал «Штерн» напечатал статью о том, что Тарасов похитил в России несметные суммы. С такими же обвинениями выступила наша «Советская Россия». Тему подхватили другие газеты.

Я не мог судить, что здесь правда, что нет, но я хорошо помнил, какие вздорные, лживые легенды ходили о 90 тысячах его партийных взносов, как поверили в них даже руководители государства. Да, что говорить, просто нравился мне он, Артем Тарасов. Молодой, талантливый, организовал преуспевающий кооператив «Техника». Загубили его — создал другой, не менее преуспевающий. Не такие ли люди — новые, яркие — должны прийти на смену затхлым советским руководителям, которые довели до ручки экономику страны?

Словом, очень не хотелось мне верить в те бочки грязи, которые выливали на него со всех сторон.

Я сказал ему, что из газеты в газету гуляет цифра 48 миллионов долларов. Они оставались на счету французского банка «Париба» в момент его отъезда из России, а где они сейчас — неизвестно.

«То есть, не прикарманил ли я их? — спросил он. — Нет, не прикарманил». Рассказал, что кооператив вывозил на Запад мазут, который тогда в России никому не был нужен. Пользуясь конъюнктурой, они сумели продать его по очень высокой цене, получили, правда, не 48 миллионов, а всего 26 миллионов. И все документы в порядке: можно представить расчеты, сведения, где эти деньги.

Заговорили о домашних делах. Четыре месяца назад произошел августовский путч. Я спросил его, как он относится к сегодняшней ситуации в России, на что надеется, чего опасается.

«Я вам скажу, чего я опасаюсь, — ответил он. — Я опасаюсь в России тех людей, которые произносят очень правильные слова, а на самом деле ненавидят все реформы. Опасаюсь политических карьеристов. Опасаюсь новой бюрократической структуры, которая пришла сейчас на смену старой. Она еще ужаснее и сложнее прежней, она еще не наелась, ее еще надо кормить. Она коррумпируется очень быстро и в огромных масштабах, поборы ее несравнимы с теми, что требовали себе старые кадры. Я опасаюсь отсутствия опыта у тех людей, которые стали сейчас у руля России...»

И опять мне вполне импонировали его слова, я готов был с ним согласиться.

Он сказал, что чем хуже будут обстоять дела в России, тем яростнее начнется поиск врагов, на которых можно будет все свалить. Но самый беззащитный, а потому самый идеальный враг — предприниматель. Вот на кого легче всего вешать всех собак. Никакие объяснения и убеждения здесь не помогут. Существует только один способ не допустить такой вражды — добиться, чтобы из 150 миллионов российских жителей 50 миллионов как минимум стали бы частными собственниками. Приватизацию провести нужно даже насильственно, указами и приказами сверху. Заставить людей быть собственниками!

Разве через год с похожими идеями не выступит Анатолий Чубайс?

Тарасов признался, что предпочел бы, чтобы рядом с Ельциным находились бы две-три параллельно действующие команды по выводу России из кризиса. Оппозиция нужна не только в политике, она нужна и в экономике. Пусть эти команды конкурируют друг с другом, предлагают разные проекты, а умные арбитры вместе с Ельциным их оценивают и либо останавливают, либо пускают в ход.

Я спросил: «У вас тоже есть свой проект?»

Да, у него есть некоторые соображения. Он, например, знает, как уже завтра получать товары народного потребления, продукты и лекарства, не затрачивая на них ни копейки российских денег.

«А не сказки?» — усомнился я. «Нет, отчего же!» — возразил он и стал подробно мне объяснять. Все наши внешнеторговые операции заключаются обычно в двух вещах. Либо нефть мы меняли на продовольственные товары, которые тут же немедленно съедались, либо валюту тратили на закупку зерна, которое опять же очень быстро съедалось, и на следующий год надо было находить новые деньги, залезать в долги. А он предлагает не тратить российские деньги, скажем, на закупку зерна или консервов, а приобрести на них 30 процентов собственности западной фермы, производящей это зерно, или 30 процентов фабрики, делающей эти консервы. Тогда мы станем либо получать 30 процентов зерна и консервов совершенно бесплатно, причем неограниченное количество лет, либо заберем всю продукцию на 30 процентов дешевле ее рыночной цены. Существуют и другие, не менее выгодные варианты. Самое же интересное, что Россия не только не проест свою валюту, а, наоборот, сохранит весь свой вложенный капитал и даже его преумножит. Завод, скажем, стоит 100 миллионов долларов. Вы вложили 30. На сколько же, вы думаете, завод произведет за год продукции? Почти на миллиард долларов, из которых 30 процентов — ваши. Значит, вы вложили 30 миллионов, а получили 300, вот в чем вся красота!

Он говорил это страстно, увлеченно. Сыпал миллионами, миллиардами. Приводил разные хитроумные планы и рецепты, они настолько просты, что стоит только нагнуться и подобрать с земли несметные богатства. Да вот никто почему-то не хочет этого делать.

«Но эти 30 миллиардов нужно сперва вложить, — сказал я. — А вы говорите, не затрачивая ни копейки российских денег». — «Ерунда, — отмахнулся он, — под инвестиции на Западе многие фирмы дадут вам любые кредиты, которые вы очень скоро отдадите».

До сих пор мы призывали богатый Запад инвестировать свой капитал в нищую Россию, а Артем Тарасов, наоборот, предлагает, чтобы нищая Россия инвестировала капитал в богатый Запад. А что? Может, в этом парадоксе и есть как раз своя сермяжная правда?

Я спросил: «Ваши предложения в России известны?» — «Да, два месяца назад я писал Ельцину. Ответа пока не получил. Не знаю, дошло ли до него мое письмо. По телефону я связывался с Бурбулисом и Гайдаром. Говорил с ними. Отклика, однако, пока, к сожалению, не встретил».

Но и тут я не мог сказать, прав он или не прав, но человек фонтанирует идеями, мыслит смело, нестандартно — разве это плохо?

«Артем Михайлович, а домой хочется?» — «Да, очень. Если откровенно, здесь я так и не прижился. Хотя имею самые лестные предложения и прекрасные условия. У меня нет здесь ни дома, ни машины. Предпочитаю ничем не обзаводиться. Хочу жить и работать в России. Только очень уж не хочу оказаться опять в положении человека, идущего против течения, пытающегося лбом прошибить стену»...

Он сказал, что собирается встретиться со своими заместителями по «Истоку», найти с ними все концы, все соприкосновения, поднять всю информацию, доказать, что никаких злоупотреблений не было, и где-нибудь в феврале — марте 1992 года обещает дать «Литературной газете» эксклюзивное интервью.

«Наша встреча произойдет в Москве?» — спросил я. «Очень может быть, — сказал он. — Очень может быть»...

Однако в 1992 году Тарасов в Москве не появился. Приехал он только в 1993-м. И тут же началась новая почти детективная история.

9. Второе бегство

В августе 1993 года он позвонил в Кремль Коржакову, они приятельствовали еще со времен депутатства Тарасова в Верховном Совете РСФСР. За эти годы Коржаков стал чуть ли не самым влиятельным человеком в России, однако Тарасова с ним сразу же соединили. «Чего сидишь в Англии, чего не приезжаешь? — спросил Коржаков. — У тебя здесь все чисто, я-то знаю». И Тарасов решил: будь что будет — поедет. К тому времени были объявлены выборы в первую Государственную думу, он станет баллотироваться и в случае чего воспользуется иммунитетом от уголовных преследований, полагающимся кандидату в депутаты.

Но оказалось, что уголовное дело его не прекращено, а кандидата можно привлечь с санкции Верховного суда России. Милиция такую санкцию получила, и Тарасову вручили повестку: он обязан явиться в Управление по борьбе с организованной преступностью в 11 часов в воскресенье, в день выборов. В том, что выборы он проиграет, сомнений у него не было. Что делать?

Один известный адвокат, с которым Тарасов связался, сказал ему: «Беги! Уезжай! Если ты туда придешь, то назад уже не выйдешь».

И тут начинается сюжет, словно списанный с голливудского боевика — с погонями и исчезновениями.

Суббота. У него в запасе всего несколько часов, уходить надо этой же ночью. Он едет к друзьям, посоветоваться. Видит, что за его машиной следуют шесть «жигулей», чехлы во всех машинах совершенно одинаковые, и в каждой по двое штатских. Явно его опять «ведут». Друзья советуют сначала добраться до Ленинграда, а там уже думать, что делать дальше. Билеты на поезд продаются только при предъявлении паспорта, поэтому находят паспорт какого-то Попова, и Тарасову привозят билет на его имя. Но как выйти из дома? Машина слежки стоит с заведенным мотором прямо перед подъездом. На какого-то парня надевают пальто Тарасова, его меховую шапку и в руки дают его портфель. Провожающие несколько раз громко называют

парня Артемом, и он едет на квартиру к Тарасову. Ночью ему дважды звонят, он подымает трубку и молчит. На другом конце провода тоже молчат. А сам Тарасов поднимается на крышу семнадцатиэтажного дома, пролезает в вентиляционную трубу, спускается по ней вниз в другой подъезд, садится в поджидающую его «Волгу» и мчится на Ленинградский вокзал.

В полупустом вагоне какие-то подозрительные мужчины в штатском, стоят в коридоре и молчат. Неужели его выследили? В черном парике и темных очках через вагоны он пробегает вперед, к началу поезда, на ходу соскакивает на перрон и смешивается с толпой. Едет в такси на черный рынок и с рук покупает какую-то куртку. Его приметный белый плащ спрятан в портфеле. До одиннадцати часов дня, когда он должен явиться в московскую милицию, остается всего несколько часов.

С приключениями — перепутаны цифры телефона — дозванивается до ленинградских знакомых, которые обещали обеспечить его бегство. Но куда бежать? В Финляндию? Там строго охраняется граница. Находят человека, который берется перевезти его в Эстонию. На границе — заминка, проводника куда-то уводят эстонские пограничники. Тарасов уже собирается выйти из машины и бежать, но появляется проводник и объясняет, что пограничники потребовали за пропуск еще пять долларов. Гора с плеч!

В Таллине, в аэропорту, он предъявляет паспорт Доминиканской Республики, по которому все эти годы жил в Англии, и ему тут же продают билет до Лондона. Повезло, можно перевести дух.

А в Лондоне узнает, что на выборах в Государственную думу первого созыва он победил! Стал депутатом по Центральному округу города Москвы. Теперь уже у него настоящий иммунитет, и никакая милиция ему не страшна.

Опять с приключениями — ведь официально он из Москвы никуда не уезжал — с белорусской визой через Минск возвращается в Москву.

Обо всем этом очень подробно, со всеми деталями, рассказал Артем Тарасов в своей не так давно вышедшей книге «Миллионер». Наверное, все так и было. Головокружительные приключения и различные антраша вполне в характере Артема Тарасова.

Но читал я эту книгу и не узнавал в ее авторе того, полного сил и энергии, очень яркого, уверенного в себе человека, с которым в декабре 1991 года я встречался в Лондоне. Такое ощущение, будто книгу эту написал обиженный на весь белый свет, потерянный человек.

Конец восьмидесятых — начало девяностых — время, когда в России создавался, накапливался, множился первый крупный частный капитал, определивший развитие страны на все последующие годы. Возможно, не так создавался, с огрехами и пороками, возможно, и могли бы мы избежать наступившей позже диктатуры олигархов — не знаю. Но именно тогда, в начале девяностых, люди становились собственниками, о чем еще в Лондоне страстно мечтал Артем Тарасов, говорил: приватизацию нужно провести хоть насильственно, заставить людей быть собственниками. Так оно, в сущности, и получилось. Собственники возникали точно из небытия и очень быстро стали прибирать к рукам миллионные, миллиардные состояния. Еще вчера никому не известные молодые ученые, комсомольские функционе-

ры, просто смышленые парни сегодня становились хозяевами огромных предприятий, строительных организаций, банков, нефтяных скважин, газет, телеканалов...

Тарасов пишет: *Если бы не я начал тогда кооперативный бизнес в России, может быть и не было бы этих частных компаний вообще?.. Я самым непосредственным образом был причастен к созданию рынка в России.* Да, заметнее других, даже скандальнее других начал действительно он, это правда. Но успеха, славы и миллиардов достиг не он, достигли другие. О них очень интересно рассказывает в своей книге «Олигархи. Богатство и власть в новой России» Дэвид Хоффман.

Михаил Ходорковский начал с того, что создал Фонд молодежной инициативы, «молодежный клуб». Молодые ученые должны были зарабатывать деньги, давая консультации заводам по техническим вопросам. И тут же перед Ходорковским встала та же самая проблема, что и перед Тарасовым, — нужны были наличные деньги, безналичные никого не интересовали, что с ними делать? Но, в отличие от других, Ходорковский стал вдруг копить, наоборот... безналичные. В двадцать четыре года он уже обладал огромным запасом безналичных денег. «Я знал наверняка, что мы что-нибудь придумаем», — скажет он позже. И действительно придумал. Нашел на Дальнем Востоке внешнеторговую организацию, торговавшую древесиной и готовую обменять безналичные на иностранную валюту. Валюту торговцы все равно сдавали государству не за живые рубли, Тарасов же предложил им обменный курс, куда более выгодный, чем официальный. Операции с валютой были еще запрещены, но на это уже смотрели сквозь пальцы. Так начиналось гигантское дело Ходорковского.

В 1987 году замначальника специализированного управления № 4 Первомайского ремстройтреста Александра Смоленского вызвали в горком партии и потребовали срочно создать кооператив, — таково было веление времени. «Почему я? — спросил он. — Сами и создавайте!» Но горком пригрозил ему увольнением. Свой кооператив Смоленский назвал «Москва-3», две «Москвы» уже были. Через несколько месяцев кооператив Смоленского, строившего дачи, превратился в процветающее предприятие, дачи пользовались спросом. И тут же возникла проблема: где хранить заработанные деньги? Государственным банкам Смоленский не доверял, да к тому же они не позволяли ему использовать деньги так, как он хотел. И тогда в 1988 году он решил создать свой собственный банк: закон о кооперативах, вышедший в мае, кооперативам это разрешал. Карьеру банкира Смоленский начал, не имея о том никакого представления. Но у него были голова, смелость и хватка. В отличие от других банков, большие ссуды Смоленский клиентам старался не предоставлять, боялся прогореть. Его банк занимался в основном не слишком легальными валютными спекуляциями. Однако в 1992 году банк Смоленского «Столичный» стал одним из первых двадцати российских банков, подключившихся к Международной межбанковской системе передачи информации (СВИФТ). То был грандиозный успех.

Молодой режиссер Владимир Гусинский, чтобы как-то заработать себе на жизнь, занимался частным извозом. Однажды он случайно остановился у трамвайного парка, в стороне лежала огромная деревянная катушка с

намотанным на нее медным проводом. Он знал, что многие носят медные браслеты, ходит поветрие, будто медь защищает от разных болезней. Почти даром он приобрел три такие катушки. Создал кооператив. На окраине Москвы нашел простаивающий завод, где имелись штамповочные прессы. Вскоре кооператив штамповал уже больше 50 тысяч браслетов в день. Изготовление одного браслета обходилось Гусинскому в три копейки, а продавал он браслет за пять рублей. Стало быть, за один день получал прибыль почти 260 тысяч рублей. А дальше пошло... Был кооператив, занимающийся изготовлением дешевых статуэток. Была консалтинговая компания «Инфэкс», помогающая западным инвесторам организовать бизнес в Советском Союзе. Занимался строительством и ремонтом недвижимости в Москве. Появился «Мостбанк»... Гусинский понял, что в современных условиях ему необходим инструмент влияния на общество и на чиновников — так возникла газета «Сегодня», а затем и популярнейший телевизионный канал «НТВ». Владимир Гусинский стал одним из богатейших людей мира.

Речь не идет о том, чем, в конце концов, обернулись их успехи, отчего произошло так, как произошло, речь идет о том, чего сумели достичь эти люди.

Тарасов же, в сущности, ничего не достиг. Может, его сломал скандал с партийными взносами, может, его сбила с пути вынужденная эмиграция: оставайся он в России, нашел бы и свое место, и свое дело; может, начал действовать слишком рано, погубил его фальстарт. Кто знает.

А может, ему просто не хватило воображения, фантазии, упорства, изобретательности — всего того, что с блеском проявилось в его преуспевающих соперниках. Поначалу для успеха достаточны были простейшие, отработанные операции. Кооперативы сами по себе большой смекалки не требовали. Неожиданно разрешенный выход на внешний рынок тоже не был особенно сложен: купить мазут, разные отходы, вывезти их за границу, выгодно продать — вот и все, дело сделано. Ходорковский, Смоленский, Гусинский с этого начинали, но на этом не остановились. Тарасов — остановился.

Однако и это еще не все.

Он пишет в своей книге: *Пока существовала плановая советская система, Россия не могла стать бандитской страной. Экономические преступления совершались в сравнительно небольших размерах — в теневой экономике, в торговле и мелком производстве. Люди же, которые контролировали действительно большой капитал, то есть казну государства, сами в воровстве не нуждались. Они жили на всем готовом, практически при коммунизме. Все деньги страны были фактически приватизированы. Их могли расходовать так, как вздумается, как в голову взбредет! И никто этих людей не контролировал. Они были вне подозрений. Они работали в Политбюро ЦК КПСС, в КГБ, в Совете министров СССР, в министерствах и ведомствах, в органах партийной власти на местах.*

Но вот советская система рухнула, и бандитизм охватил всю страну. Тарасов рассказывает, что у любого предпринимателя оказалось всего три варианта, как выжить и спасти свой бизнес в России. Первый — пойти под «крышу» воров. Но они брали очень много денег, процентов десять-двенадцать — это еще по-божески. Второй вариант — выйти на ФСБ или МВД.

Однако эти бандиты даже похуже. Сегодня они тебя защищают, а завтра им прикажут, и они тебя убьют. Причем, за «крышу» драли они уже процентов по тридцать-сорок. И третий вариант — самый сложный — собственная служба безопасности. От людей, которые там работали, требовалась полная самоотверженность, готовность рисковать своей жизнью. И обходился этот вариант тоже чрезвычайно дорого. Впрочем, по большому счету все три варианты были одинаково плохи, полной гарантии они не давали.

Угрозу пострадать от бандитов испытывали в той или иной степени тогда все отечественные предприниматели. Тарасов же это почувствовал, быть может, раньше других. Сразу же после уплаты партийных взносов с зарплаты в три миллиона, сделавшей его знаменитым, им заинтересовалось множество разных уголовников. И уже никогда они не оставляли его своим вниманием. В своей книге он не скрывает, что иных он распознал далеко не сразу, даже водил с ними дружбу, якшался с ними, они сотрудничали в его «Истоке».

Наступление на него криминала усилилось, когда он вернулся из Лондона. Под разными предлогами бандиты стали требовать денег, больших денег.

Он рассказывает, как однажды две бандитские группы устроили ему так называемую *стрелку*.

Меня просто, как вещь, делили эти две группировки, — пишет он, — *а я должен был сидеть и ждать своей участи, о которой, возможно, мне будет объявлено. Что мне оставалось? Я сидел и ждал. Депутат Государственной думы от Центрального округа Москвы, член Комитета по безопасности, кандидат технических наук, свободный и обеспеченный человек, в своей родной стране, я должен был тупо наблюдать, как за меня решали мою судьбу и жизнь.*

Он попросил Лужкова выделить ему охрану. К нему прикрепили омоновцев, огромных ребят, прекрасно экипированных, с пистолетами-автоматами.

По этим ли причинам, по другим ли, так или иначе, но первый отечественный миллионер, один из первых наших рыночников, человек, известный на всю Россию, сошел с дороги, оказался на обочине.

В 1995 году срок его депутатства истек, первая Дума была избрана всего на два года. Он решил баллотироваться в новую Думу — но на этот раз потерпел поражение. Из политики, однако, не ушел. Такое создается впечатление, что действовал он не только из тщеславия и амбиции, политикой продолжал заниматься, опасаясь, что теперь, когда он стал беззащитен, утратил депутатский иммунитет, может вдруг воскреснуть то старое уголовное дело 1993 года. Так оно и произошло.

В 1996 году началась кампания по выборам президента. У Ельцина, идущего на второй срок, очень мало шансов, он болен, рейтинг его чрезвычайно низок, есть большая опасность, что он провалится, — однако если не он, то придет Зюганов и наступит возврат к коммунистическому режиму. Чем это чревато, гадать не надо.

Трудно сказать, на что Тарасов рассчитывал, но он тоже решает принять участие в президентской гонке. Шансов у него никаких, более того, он прекрасно понимает, что может лишь отобрать у Ельцина часть голосов, повредить ему и подыграть Зюганову. *Появлялся реальный риск победы Зюганова*, — признает он в своей книге. Однако это его не останавливает. Не останавливают и былые добрые отношения с Ельциным. Тарасов идет напролом. В

регистрации ему отказывает Верховный суд, но он собирает 150 подписей депутатов Государственной думы и обращается в Конституционный суд. Тот даже не принимает к рассмотрению его заявление. *Я понял, что бороться цивилизованными методами в России стало невозможно*, — жалуется он, — *а от способов нецивилизованных меня удерживала совесть, да и просто не было достаточного количества денег.* Значит, были бы деньги, совесть не помешала бы? *Было очень обидно*, — пишет он, что его *выбросили за борт с судна, которое еще стояло в порту.* Ох ты, Боже мой, — обидно!

После отказа Конституционного суда он узнал, что старое уголовное дело действительно возобновлено, и ему снова, в третий раз, пришлось бежать из России.

В своей книге Тарасов пытается храбриться. Рассказывает, какие у него в то время были высокие связи, как все напропалую звали его к себе работать, водили с ним тесную дружбу, какие заманчивые предлагали ему посты. Порой в словах его звучат прямо-таки хлестаковские легкость и фантазия. Но за всем этим чувствуется страстное, почти болезненное желание самоутвердиться, хоть задним числом, но доказать всем, кто он — Артем Тарасов.

Мэра Москвы Юрия Лужкова в люди вывел, назначил хозяином Москвы, оказывается, он, Артем Михайлович.

Вспоминает, как однажды Гавриил Попов «торжественно заявил», что принимает дела в Моссовете и хочет, чтобы Тарасов стал его правой рукой, первым заместителем председателя Мосгорисполкома. *Я отказался. Попов удивился и попросил кого-нибудь ему порекомендовать в заместители. В моей голове сразу мелькнули две фамилии: Николай Гончар и Юрий Михайлович Лужков. «А кто из них лучше?» — спросил Попов. Я не мог сразу ответить. А про себя решил так: кто из них меня более радушно встретит, того и порекомендую.*

На какой же ниточке, значит, висела судьба Лужкова!

Лужков тогда управлял Мосплодовощпромом, *что являлось делом абсолютно неблагодарным*, — объясняет Тарасов. Он поехал к нему, но злая секретарша не хотела его пропустить: «Юрий Михайлович занят».

Я потоптался в приемной и уже решил ехать к Гончару. Вдруг отворилась дверь кабинета, и появился Лужков. Увидев меня, он пришел в неописуемый восторг: «Дорогой Артем! Как я рад тебя видеть! Да я тобой просто горжусь! Заходи, пожалуйста!» Конечно, после такой встречи я тут же выложил Лужкову, что приехал не просто повидаться, а по очень важному делу... «Я справлюсь, Артем! Честно говорю: я справлюсь с этой должностью»,— воскликнул Лужков... Вот так и произошло это поистине историческое для Москвы событие, — заканчивает Тарасов.

А вот как обо всем этом пишет Давид Хоффман. Демократы *встречались каждое утро за завтраком в большой комнате в здании Моссовета, чтобы обсудить планы на день... Однажды Попов пришел на завтрак и сообщил, что Ельцин предложил ему в качестве кандидата на должность городского управляющего Лужкова. Но никто из присутствующих не знал Лужкова. «Мы спросили, кто этот человек?» — вспоминал один из демократов, Александр Осовцов. Вопрос повис в воздухе... «Завтра мы должны принять решение», — сказал Попов, — мы должны это сделать завтра».*

Да и сам Лужков на демократов смотрел с раздражением, понимая, что те считают его представителем старой гвардии, одним из аппаратчиков. Он часто спрашивал себя, представляют ли они, какой хаос достался им в наследство?

Давид Хоффман: *Однажды размышления Юрия Михайловича о будущем были прерваны телефонным звонком. «Это Ельцин,— услышал Лужков знакомый голос.— Бросайте все и приезжайте сюда». Под влиянием Ельцина Попов и выбрал Лужкова на должность городского управляющего, Лужков согласился.*

Как разительно отличается этот рассказ, совпадающий с другими многочисленными свидетельствами и воспоминаниями, от трогательной байки Артема Тарасова.

Но что назначение Лужкова! Тарасов, по его словам, отважно ввязывается и в дела международные.

В ООН рассматривается вопрос о выдаче Ливией двух террористов, которые взорвали пассажирский «боинг» над Шотландией. К Тарасову обращается некий ливанец Адель Нассиф. Если Тарасов выйдет на Гайдара и в результате Россия проголосует в ООН против позиции американцев и англичан, то Артем Михайлович получит от Каддафи за посредничество десять миллионов долларов наличными. Отчего же не заработать? Тарасов находит какого-то бизнесмена Алексея, который берется все провернуть. Но стоить это будет дорого, два миллиона долларов надо дать министру иностранных дел Козыреву, а шесть миллионов — самому Гайдару. Каддафи согласен. Однако Тарасову звонят и говорят, что цены меняются: Козыреву надо заплатить уже не две единицы, а три, и сам Гайдар запросил не шесть миллионов, а пятнадцать. Но ливийцы опять не возражают, они дают еще денег. Тарасову останется поменьше, но ведь тоже неплохо. *По шесть миллионов со сделки — да это просто чудо!*— восторгается он.— *В этот момент я готов был забыть все идиотские реформы Гайдара, с которыми не соглашался с первых же дней.* Но, как известно, человек предполагает... Голосование в ООН перенесли на день раньше, и Тарасов вдруг слышит по телевизору, что Россия уже поддержала позицию европейского сообщества. *Мою жизнь спасло только то,* — вздыхает Тарасов, — *что Каддафи не успели сообщить о результатах переговоров в Москве и деньги не были отправлены...*

Подобными или похожими историями наполнена вся книга.

Что тут скажешь? Гайдар назвал Тарасова проходимцем, а мне грустно. Вспоминаю нашу встречу в Лондоне, разговор с первым российским миллионером, полным сил, надежд, планов, мои попытки защитить его, раскрыть подоплеку скандальных 90 тысяч рублей партийных взносов... Во что же превратился этот человек...

Но Артем Тарасов — тоже ведь примета моего времени.

10. Приказ или рубль

Сегодня многие рассуждают о том, что было бы, если бы Россия в начале девяностых не пошла на шоковые гайдаровские реформы, если бы Ельцин в тот драматический момент поставил во главе правительства кого-нибудь другого. Но мысли эти возникают не только сейчас, по прошествии

многих лет, — об этом мы размышляли уже тогда, в середине девяностых, в очень непростое для всех нас время. Думал, конечно, об этом и я. И я пытался представить, какова была бы наша жизнь при ином сценарии.

Восьмого ноября 1995 года на страницах «Литературной газеты» я напечатал статью, которая называлась: «В ноябре 1991 года правительство возглавил не Егор Гайдар, а Юрий Скоков...» Жанр — фантастика, антиутопия.

Имя Юрия Скокова сегодня знают немногие, а тогда оно было очень даже на слуху. Именно ему во время августовского путча Ельцин поручил, если понадобится, создать параллельное правительство страны на Урале. Сам Юрий Владимирович как-то признался, что он пять раз мог стать премьер-министром России. Видимо, шанс возглавить кабинет был у Скокова и в конце 1991 года, когда президенту предстояло сделать трудный выбор, каким же курсом идти России дальше. Так что мои предположения строились не на пустом месте. Да и свою программу Юрий Владимирович обозначал всегда достаточно открыто. «Истинных демократов» он категорически не признавал, они, по его словам, *могут привести государство к новому фашизму*, ибо *какая разница, с какой стороны придет неофашизм — от радикальных демократов или ультрасталинистов?*

Но в статье я приводил сперва реальные факты. В конце октября 1991 года на одной из дач в подмосковном поселке Архангельское, где рабочая группа, возглавляемая Егором Гайдаром, по поручению госсекретаря Бурбулиса готовила предложения по стратегии и тактике российской экономической политики, раздался телефонный звонок из Кремля. Президент приглашал к себе Егора Тимуровича.

Разговор с Ельциным продолжался более часа. Речь шла исключительно об экономике. Говорил Гайдар, президент слушал, иногда задавал вопросы.

Положение в стране угрожающее, говорил Гайдар, вот-вот наступит паралич денежного оборота, промышленность умирает, хозяйственные связи с союзными республиками рушатся. Явлинский готовит сейчас проект межреспубликанского соглашения, но работа над ним потребует нескольких месяцев, которых у нас нет. Прав, очевидно, академик Абалкин, сказавший, что если за два месяца мы не примем чрезвычайных мер по стабилизации финансово-денежного положения, нас ожидает социальный взрыв, по сравнению с которым августовские события покажутся лишь вечером бальных танцев.

Ельцин промолчал, ничего не ответил.

Есть только три варианта, сказал Гайдар. Первый: вообще ничего не делать. Точнее, изображать деятельность, пытаясь склеить то, что не склеивается, заставить вновь работать систему, которая вконец развалилась. Второй: ориентироваться на запуск рыночного механизма, но начинать это не сейчас, а дождавшись, когда появятся, может быть, благоприятные условия. Третий: запустить рыночный механизм сегодня, немедленно. Жизнь, реальность безжалостно требуют именно такого очень рискованного и предельно конфликтного варианта. *Правда*, — заметил Гайдар, — *людей, которые начнут реформы, вам вскоре придется заменить. Им не простят те неизбежные потери и тяготы, которые всем нам придется пережить.*

Ельцин усмехнулся, никак не прокомментировал.

Из Кремля Гайдар вернулся назад в Архангельское. Работа группы продолжалась. Спали по четыре-пять часов в сутки. Держались на крепком кофе и молодом азарте. Доходили слухи, что президент проводит сейчас активные консультации о назначении главы правительства. Называли Алексея Емельянова, Юрия Рыжова, Святослава Федорова. Говорили, что пост первого вице-премьера предлагался Григорию Явлинскому...

А 5 ноября, начинал я фантазировать, стало известно, что подписан указ о назначении премьер-министром страны Юрия Владимировича Скокова.

Воображать, какое хозяйство принял Юрий Владимирович, не надо было. Известны факты, есть документы. СССР формально еще существует, но реально его уже нет, распадается на глазах. Союзных министерств и ведомств фактически тоже нет, одно название. Бутафорская российская государственность заменить их не в состоянии, она никуда не годна. В советские времена она существовала лишь как ширма, как яркая политическая вывеска, все решалось на союзном уровне. Миллионам людей плевать бы, конечно, кто под кем ходит, но оказалось, что паралич государственной власти больно бьет и по ним. Уже на следующей неделе после августовского путча поставка зерна государству сократилась в четыре раза. Эйфория августовской победы пока еще жива, но люди уже видят, чувствуют: жди голода и холода. Сводки с мест, как сигналы SOS, как мольба о спасении. В Архангельской области мяса по талонам должны бы выдавать по пятьсот граммов в месяц, жалкие крохи, но где взять и их? Белоруссия, Ростовская и Ульяновская области срывают все поставки. Молока в торговле хватает на один час в день. Масла животного обещано по талонам по двести граммов на душу, но архангельцы не видят и того; отгрузки масла прекратили Вологодская и Смоленская области. В Нижнем Новгороде не хватает двадцати тысяч тонн зерна, в Перми — пятнадцати тысяч...

Итак, Юрий Владимирович Скоков...

Его правительство рассылает директивы, инструкции, приказы. Самые громкие, самые строгие. Премьер требует от всех железной дисциплины, неукоснительного исполнения.

А иногда, в минуты одиночества, он ощущает то, в чем не хочет признаться даже самому себе: бессилие.

Директивы и постановления правительства с каждым днем становятся все круче, за срыв, неподчинение, ослушание обещаны самые жесткие кары. Но Юрий Владимирович видит, что сегодня уже никто ничего не боится. Кричи, требуй, грохочи кулаком по столу, а в ответ только холодное враждебное молчание.

Юрий Владимирович никогда не старался держать людей в страхе. Власть, твердая рука — да. Но не устрашение. К руководителям, которые хотят взять криком, он всегда относился с легким презрением. Понимал: кричат, стращают обычно те, кто не умеет работать. А он умел. Еще как умел! Это признано всеми. Концерн «КВАНТ» под его началом добился выдающихся успехов. Сюда, как на выставку достижений, наведывались с визитами Горбачев, Рыжков, Ельцин, в ту пору первый секретарь Московского горкома партии. Особенно сблизился Юрий Владимирович с Борисом Николаеви-

чем после того, как в 1969 году на выборах в Верховный Совет СССР взял верх над кумиром перестроечных лет, главным редактором «Огонька» Виталием Коротичем. О закулисной стороне этой победы ходили всякие толки, но Юрий Владимирович на них не реагировал. Он вообще не желал реагировать на пустопорожние разглагольствования. Есть болтуны, а есть люди дела. Видимо, эту приверженность делу, умение хорошо, плодотворно работать и оценил в нем Ельцин, поручив Скокову организовать свою предвыборную президентскую кампанию. «Я был в команде Ельцина, — с удовлетворением скажет потом Юрий Владимирович, — считал себя чиновником по особым поручениям». Правда, после победы Ельцина между ними могла пробежать черная кошка. Обещанный Скокову пост премьер-министра президент тогда неожиданно отдал не ему, а Силаеву. Юрия Владимировича же назначил его первым замом. Никакого демарша Скоков, однако, устраивать не стал, с назначением согласился. Он вообще не любил бесполезных и недальновидных демаршей. Считал: работать надо, а не мутить воду. Но знал и другое, хорошо знал: еще не вечер. Далеко еще не вечер...

Отчего же сейчас, когда Юрий Владимирович дождался, наконец, своего, когда он сам премьер, отчего все усилия его идут прахом, воз ни на шаг не сдвигается с места?

Вчера у него состоялся телефонный разговор с одним областным руководителем. Скоков спросил, почему область нарушает план, не поставляет соседям мяса. Собеседник помолчал, потом поинтересовался: «Вам как, Юрий Владимирович, начистоту? Или темнить?» — «Темнить со мной бесполезно», — отрезал Скоков. «Ну что ж, так даже проще, — согласился собеседник. — Тогда объясните, на кой ляд поставлять мне соседям мясо? Какой у меня в том интерес? Мне вот трубы необходимы, на них мясо я и выменяю. А что мне соседи дадут? Деньги? Пустые бумажки? На лоб я их себе наклею?» — «Вы, кажется, забыли, — перебил Скоков, — что, кроме денег, в стране существует еще исполнительская дисциплина». Собеседник засмеялся. «Юрий Владимирович, — сочувственно произнес он, — да Бог с вами! Какая дисциплина? Вы на календарь посмотрите, в какое время живем! Скажите еще спасибо, что мы свою область собственным таможенным контролем не отгородили от всей России».

Юрий Владимирович про эти самочинные таможни уже слышал. О них недавно шел разговор на Совмине. Некоторые областные руководители дошли до того, что своей властью установили на дорогах милицейский контроль, заслон. Запретили вывозить продукцию за пределы области. В угоду тому же бартеру. Никакой продажи, только один обмен: хлеб на станки, сукно на овощи. Кто-то сказал, что даже села начинают выставлять у околиц часовых, задерживают груженые машины. Между моим скотным двором и твоей водокачкой пролегла государственная граница. Дожили! Наша благословенная единая и неделимая...

«Произвол этот мы прекратим, — сказал по телефону Юрий Владимирович своему собеседнику. — Все так называемые таможни немедленно ликвидируем». — «Как, Юрий Владимирович? — сочувственно спросил собеседник. — Каким образом вы их ликвидируете? Будете стрелять?»

Скоков положил трубку.

Накануне назначения на пост премьера, разговаривая с президентом, Юрий Владимирович услышал от него, что Гайдар выступает за установление государством твердых правил игры, но он против любого административного командования экономикой. Россия, считает Гайдар, стоит сегодня перед жестким выбором: приказ или рубль. «Несерьезно, Борис Николаевич, — возразил тогда Скоков. — Надуманная дилемма. Такого выбора, поверьте, нет. Должны работать и приказ, и рубль».

Хорошо ответил тогда Юрий Владимирович президенту, очень правильно. Не учел только, что приказ без принуждения никак не работает. Пустой звук. А какое сегодня в стране существует принуждение? Партийная вертикаль разрушена. КГБ оскоплен. Карательный механизм бездействует. Хоть до утра приказывай, никто и пальцем не пошевелит. Исчезла, померла в стране настоящая власть, благополучно растаяла с августовской демократической победой.

Неужели и вправду остается одно-единственное — стрелять?

Нет, не дай Бог! Этого Юрий Владимирович никогда не допустит. Стрелять он не станет ни при каких обстоятельствах.

Ни при каких?

А когда видит, как недавние «младшие братья», союзные республики, нынешние суверенные государства, будто вампиры, сосут из России последнюю кровь?

Одним из программных, основополагающих принципов Юрия Владимировича было сохранение в границах покойного Союза единого экономического пространства. Только гарвардские мальчики Гайдара могли додуматься, чтобы Россию отгородить от других республик своей собственной валютой, разрушить единый экономический организм, худо-бедно складывавшийся десятилетиями. «Этого допустить никак нельзя, — убежденно сказал Юрий Владимирович президенту во время того памятного их разговора. — Это преступно и самоубийственно»

Президент кивнул — кажется, согласился.

Общую для всех валюту оставили. Единую кровеносную систему, которая по идее должна была спасти и сохранить весь организм. А чем это на практике обернулось?

Республиканские банки рубли, конечно, не печатают, но безналичные деньги стали плодить вовсю. Украинский, например, банк выдает украинским предприятиям беспроцентный рублевый кредит хоть на миллиарды, хоть на триллионы. Этими воздушными триллионами украинцы и начали расплачиваться с российскими поставщиками — за газ, за нефть, за оборудование, за что угодно. Свою продукцию, свинину или приборы, в Россию украинцы не повезут — стараются продать на Запад за твердую валюту. Цены снижают, прилаживаются... А в Россию хлынули мифические банковские рубли, чистый воздух. Если можно рассчитываться с Россией, приписывая на бумаге бесконечные нули, то кто, скажите, захочет поставлять России хоть один гвоздь, хоть одну свиную тушу?

Даже своеобразное постсоциалистическое соревнование между суверенными государствами началось: какое из них выпустит больше пустых денег и переправит их в Россию. Я сегодня на миллиард выпустил, завтра — на

триллион, а сосед мой — сразу на триллион. Значит, он в выигрыше, он умнее меня.

Это разграбление России и называется сохранением единого экономического пространства?

Когда на Совмине зашел об этом разговор, кто-то в сердцах воскликнул: «А пусть не будут российские производители дураками, не отдают свое добро за банковские нули!» Но ему тут же возразили: «А как? Значит, и здесь опять бартер? На денежном обращении вообще поставим большой крест?»

Приказ или рубль... Сверлит, покоя не дает... Хотел бы Юрий Владимирович приказать бывшим республикам не валять дурака, поставлять продукцию России, да ведь никому уже не прикажешь, «старшего брата» больше нет, в Москву на ковер тамошнего секретаря ЦК теперь не вызовешь. Разве распад Союза произошел в Беловежской Пуще? Ерунда, настоящий его распад произошел уже тогда, когда Москва потеряла реальную политическую власть над республиками, когда порвалась железная узда, которой, как пелось в нашем гордом гимне, их сплотила навеки великая Русь.

К чему ведет объем денежной массы, катастрофически теряющий всякую связь с предложением товаров на российском рынке, Юрию Владимировичу до боли ясно. Цены в результате так взметнутся, успевай только печатать рубли.

Доступные для народа цены — это вообще оселок и краеугольный камень всей экономической политики Юрия Владимировича.

Ах, как хорошо, как убедительно говорил он президенту, что программа безответственного Гайдара сразу, немедленно отпустить практически все цены неизбежно породит в стране невероятный хаос! Ну никак не можем без того, чтобы самим, добровольно, не совать голову в петлю. С фатальной неизбежностью втягиваемся каждый раз в очередной социальный эксперимент. По сравнению с нынешней затеей экономических юнцов революционные большевистские преобразования могут показаться детской шалостью.

Юрий Владимирович пойдет другим путем. Такого разорения народа он не допустит. На ряд жизненно важных товаров будут сохранены пока твердые государственные цены. Со временем, через несколько лет, по мере роста производства и ликвидации монополий цены, понятно, постепенно станут освобождаться. Но начинать рыночное процветание с нищеты миллионов? Кем для этого надо быть? Машиной без души и сердца?

Президент слушал. Кажется, слова Юрия Владимировича находили у него понимание.

Твердые, рассчитанные на рядового гражданина цены были сохранены. Однако от товаров, которые должны бы продаваться по этим доступным, божеским ценам, осталось лишь одно воспоминание.

Магазинное мясо — миф. Магазинная рыба — то же самое. По известному анекдоту: «У вас есть мясо?» — «У нас нет рыбы. А мяса нет в магазине напротив».

Впрочем, и свободный рынок, где цены отпущены, тоже оказался не бездонным. Деньги, наводнившие страну, совершенно бесполезные в государственном секторе, лавиной хлынули сюда, на свободный рынок, все здесь сметая.

Шофер как-то со смехом рассказал Юрию Владимировичу, что сосед его покупает уже четвертый телевизор. «Да зачем он тебе?» — «Не нужен, конечно. Но сейчас он стоит тысячи, а завтра потянет в миллион. Пусть валяется. Не фантики же дерьмовые хранить».

Это и есть стабилизация, обещанная Юрием Владимировичем президенту? Дефицит опустошает все виды рынков, в том числе и свободный, а цены при этом, даже твердые, государственные, все равно астрономически растут. Да и как, каким способом их удержать? Перевозки бешено возросли в цене, электроэнергия, необходимая хлебозаводам, тоже резко подорожала. Какая же нужна государственная дотация, чтобы не скакнули до небес и твердые, государственные цены? Разве казна ее выдержит?

Печальная перспектива открывалась Юрию Владимировичу.

Стараясь не опустошать казну дотла, ты печатаешь новые деньги. Но цены растут быстрее, чем работает твой печатный станок. Ты еще быстрее печатаешь рубли. А цены вон уже где, не видать, зашкалились. Парадокс: страна тонет, утопает в деньгах, а правительству их все острее и острее не хватает. Оно оказывается в положении моряков, терпящих кораблекрушение: кругом вода, океан воды, а напиться нечем, жажда сводит с ума.

Гиперинфляция?

Даже самому себе невозможно произнести это убийственное слово.

Чем может обернуться гиперинфляция в современных российских условиях, и подумать страшно. Железной рукой диктатора? Лагерями, пулями, рабством? Или же разрухой, голодом, распадом России, жестокой братоубийственной войной?

Какой предпочтете вариант, Юрий Владимирович?

Приказ или рубль, приказ или рубль... Нет, не может, не должно быть этой дикой, противоестественной дилеммы, высосана она из пальца.

Отчего же тогда не срабатывают все противостоящие гайдаровскому авантюризму вполне осторожные и здравомыслящие идеи Юрия Владимировича?

Он говорил тогда президенту: «Нельзя начинать созидание с разрушения. Переход к рынку может потребовать годы. Нельзя гигантскую махину, монополистическую экономику, складывавшуюся десятилетиями, сразу, в одночасье пускать на снос. Даже реставрируя простой деревенский дом, ставят поначалу подпорки, меняют сперва фундамент, негодные венцы, а уж затем крышу».

Верно говорил, очень правильно. Отчего же поставленные им надежные подпорки тут же треснули, переломились и крыша вот-вот упадет на голову?

Приказ или рубль...

Признать, что приказ без железной руки есть блеф, мираж? Наступив себе на горло, согласиться: ладно, черт с вами, пускай рубль? Начать с того же, с чего хотел начать Гайдар в конце 91-го: отпустить цены, постараться сохранить бюджет, безжалостно резать все дотации, любые социальные субсидии, возвратиться назад, к концу 91-го, только ужасно потеряв и пострадав?

Но Юрий Владимирович отлично понимает: нет у него такой возможности. И, прежде всего, у него нет такой политической возможности.

Все знают: сам он и его правительство выражают первым делом интересы товаропроизводителей. Он этого никогда не скрывал. И президенту в том их разговоре он сказал: «Отечественное товарное производство — последний оплот, последний рубеж государства. Гайдаровские идеи о том, что сперва надо стабилизировать рубль, а затем уже стабилизируется и производство, — полная абстракция, голое умствование. И ребенку ясно: богатство — это то, что существует в натуре, выращено или произведено, товар. Все разговоры останутся разговорами, пока не будет мощной финансовой поддержки товарного производства». При Скокове оно будет. Даст предприятиям деньги, пополнит их оборотные средства, выделит льготные кредиты. Все сделает.

А вчера Юрию Владимировичу доложили: анекдот, знаете ли, — на одном крупном сибирском заводе, получив из центра деньги на развитие производства, тут же нелегально, по сумасшедшему курсу перевели их в валюту. Звонить директору завода Юрий Владимирович, однако, не стал. Слишком хорошо знал, что тот ему ответит. «На деньги, — ответит, — купить я сегодня могу только другие деньги. Прикажите, Юрий Владимирович, чтобы поставщики продавали мне за деньги сырье и комплектующие, тогда за долларами гоняться не стану».

Прикажите! Лучше бы этот ловкач-директор сказал: «Верните-ка, Юрий Владимирович, вчерашнюю иерархию начальников, пронизывающую всю страну сверху донизу, контроль высшего начальника над низшим, ослушаешься — в тюрьму, в лагерь, в лучшем случае волчий билет. Верните фонды, наряды, государственное планирование всего, до последнего винтика. Короче говоря, вчерашнюю тоталитарную социалистическую систему верните, при которой только и можно было по-настоящему приказать».

Однако такую ли программу широко декларировал Юрий Владимирович Скоков? Нет, не такую. Он же не путчист-ретроград, он убежденный реформатор. И не возврата к прогнившей социалистической системе ждет от него президент, августовский демократический победитель, друг западных лидеров. Ждет постепенного, разумного, без лишних потрясений, без шока, без обнищания масс, без народного недовольства благополучного перехода к рынку. «И приказ, и рубль», — твердо обещал Юрий Владимирович президенту. Уверенно обещал. Не сомневался: сделает.

Сделал?

На столе у Юрия Владимировича лежит сводка: к концу ноября, за семь месяцев до нового урожая, в распоряжении правительства остается примерно двухмесячный запас зерна. То есть до февраля. Что дальше?

Пойти испытанным путем, снова закупать зерно в Канаде? А на какие, спрашивается, шиши? Золотой запас государства разбазарен. Только в 1990–1991 годах было вывезено из страны 800 тонн золота. Внешэкономбанк докладывает: недостаток поступлений от текущего экспорта на 1 декабря 1991 года — три с половиной миллиарда долларов. Общий долг страны — более 83 миллиардов инвалютных рублей. Не сегодня — завтра Россию вообще могут объявить неплатежеспособной. Банкроты, по шею сидим в долговой яме. Какие уж тут закупки?

Но ведь есть хлеб в стране. Даже не прячут его в закромах, как когда-то в двадцатые годы. Открыто обменивают по бартеру. Нагло, без стеснения. А

зачем прятать? Продотрядов пока еще нет, подвалы никто не обыскивает, кулаков за околицей в расход не пускают, не ссылают их толпами на Колыму. Полная свобода у нас сегодня, долгожданная демократия.

Значит, чтобы взять зерно, накормить страну, чтобы не сжималось сердце от страха перед завтрашним голодом, чтобы унять этот бесконечный стук в висках: хлеб — хлеб — хлеб, предотвратить возможные голодные бунты, надо опять же вернуться туда, в двадцатые? Ввести в областях чрезвычайное положение? Объявить военный коммунизм почище прежнего? Безжалостно подавлять любые волнения? Нет другого пути?

Приказ или рубль...

Страшная дилемма, жестокая. Берет за горло...

Тогда, в разговоре с президентом, Юрий Владимирович презрительно сказал ему о команде Гайдара: «Утописты! Но, может, хватит России жить утопиями, нахлебались? В сегодняшней обновленной России к власти должны, наконец, прийти люди дела, испытанные реалисты».

Президент не возразил. Ему это, кажется, понравилось. Журавль в небе — вот где извечная погибель России. Синица в руках — вот что ей особенно сейчас необходимо.

А что же оказалось? Земная, сугубо реалистическая программа Скокова как раз и обернулась самой несбыточной и опасной утопией?

А он, Юрий Владимирович, в отличие от тех витающих в небесах мальчиков твердо стоящий на земле опытный практик, жизнь постигший не в башнях из слоновой кости, а в ее гуще, на производстве, он-то и явился на практике самым безудержным и бесшабашным утопистом.

«Будете стрелять?» — недавно спросил его областной руководитель. И что же, если дойдет до последней черты, действительно будет? Руки обагрит кровью?

Зазвонил на столе белый телефон с гербом бывшего Советского Союза. Юрий Владимирович поднял трубку. И похолодел.

Началось?

Напечатав мою «антиутопию», редакция «Литературки» предложила Юрию Владимировичу Скокову прислать ответ: поспорить, опровергнуть автора статьи, уличить его в искажении фактов, предложить свое видение ситуации, свою версию. Скоков, однако, газете не ответил.

11. Гайдары, отец и сын

В «Литературной газете» мы начали тогда новую рубрику, называлась она: «Без пиджаков». Собирались трое, люди достаточно близко знавшие друг друга, один из которых — корреспондент «Литературки», снимали пиджаки, вешали их на спинку стула и начинали свободный, без заданной темы и жестких рамок приятельский разговор. Однажды я попросил Тимура Гайдара, с которым знаком был много лет, позвать на такой разговор своего сына. Официального Егора Гайдара знала вся страна. А вот какой он «без пиджака», в домашней обстановке? Разговор этот происходил в марте 1995 года, чеченская война в разгаре, через год новые выборы президента, рейтинг Ельцина — хуже некуда.

Но — по порядку.

Александр Борин. Жена писателя Владимира Войновича Ирина как-то мне рассказала, что в начале семидесятых она преподавала литературу в девятом классе. Среди ее учеников был и Егор Гайдар. Однажды у них зашел разговор о диссидентах, и шестнадцатилетний Егор сказал: «Нет, мы пойдем другим путем». Это так?

Егор Гайдар. Да, в те юные годы у меня были еще весьма романтические представления. Но я уже знал, что Россия тяжело больна, что путь, на который она встала, бесперспективен и что с огромным трудом придется ее оттуда выковыривать. И с нетерпением молодости считал, что вот придет день, мы поднимем свою мускулистую руку, и... «ярмо деспотизма, огражденное информаторами КГБ, рассыплется в прах».

А. Б. Ни больше ни меньше. А путь диссидентства шестнадцатилетнего революционера уже не устраивал?

Е. Г. Нет. Это не был путь влияния на политику, это был путь нравственного протеста. Власти, мол, занимаются политикой, а мы защищаем права человека. Я был убежден, что так нельзя. Кто же тогда будет заниматься политикой? И кто будет эту страну поворачивать на нормальный путь развития, если все мы занимаемся неполитикой?

А. Б. Скажут: такой ниспровергатель, а потом работал в «Коммунисте», в «Правде»...

Тимур Гайдар. Ну, во-первых, как ты помнишь, «Коммунист» тогда, оставаясь органом партии, был самым либеральным из всех периодических изданий... А когда Егор, еще на первом курсе экономического факультета, кажется, в 1975-м, и группа его однокашников напечатали и собирались расклеивать листовки с призывом к рабочему классу подниматься за свою свободу, у нас с Егором возникло первое и, пожалуй, последнее политическое разногласие. «Пересажают, как щенков, и все дело. Время придет, понадобятся настоящие специалисты. Вот и готовьтесь».

А. Б. Тимур, тебе не было страшно за сына? Я хорошо помню, что многие мои знакомые старались в то время дома как-то уберечь детей от слишком откровенных разговоров, понимая, чем это может для них кончиться. Ты Егора не оберегал?

Т. Г. Как тебе сказать? Пожалуй, нет. Я его не очень оберегал. Потому что, оберегая таким образом, можно очень серьезно деформировать человека. Если он видит, чувствует, что кругом неправда, а в доме делают вид, что это правда, в результате у парня может развиться душевный кризис. Но все-таки первый такой отчаянно откровенный разговор состоялся у нас где-то в 68-м году, Егору было двенадцать, когда наши танки вошли в Прагу.

Е. Г. Не где-то, а 21 августа 1968 года, часов, наверное, в 11 дня.

А. Б. Откровенность с детьми — семейная традиция Гайдаров?

Т. Г. Да. Но в таких делах мой отец был со мной куда менее откровенен. Время, как ты мог заметить, было другим. Я только знал, видел срывы отца, когда арестовывали маму, когда кругом забирали его друзей...

А. Б. Из Аркадия Гайдара усиленно делали фигуру такого беззаветного трубадура советской власти. Легенда, преувеличение?

Т. Г. Почему же, он и был абсолютно советским. Только в смысле тех лучших идеалов социализма, которые тогда провозглашались и за которые он пошел воевать еще мальчишкой. Но, конечно, к концу тридцатых годов он уже многое понял. Своему другу Фраерману он писал: *Так порой тошно, что не могу поднять глаз.* Отечественная война была для него определенным избавлением. По крайней мере, стало ясно, где реальный враг, а не выдуманные враги народа.

А. Б. Маленькие дети — маленькие тревоги, большие дети — большие тревоги. Знаешь, Тимур, когда я слышу сегодня: «Гайдар пустил людей по миру, отобрал сбережения, разорил стариков», — я думаю даже не о Егоре. Он политик, знал, на что шел, и в политике чудес не бывает. . .

Е. Г. Разумеется. Принимая предложение работать в российском правительстве, я уже понимал, что подобные обвинения будут той платой, которую неизбежно придется платить за жесткие, но необходимые для спасения страны меры.

А. Б. Да, но каково это постоянно слышать тебе, Тимур? Отцу?

Т. Г. Хочешь знать, могу ли я абстрагироваться? Нет, не могу. Как не могу абстрагироваться от любой неправды. Переживаю, как переживают любую неправду. Но одно дело, когда это говорят в очередях действительно обездоленные старики, которым я глубоко сочувствую, и другое — когда то же самое повторяют некоторые журналисты, которых я знаю много лет и интеллекту которых я в общем-то всегда доверял. Вот когда они истошно бросаются, тогда да, обидно. Не за Егора, а за них, за страну, за их уровень. Ведь многие из них все отлично понимают, просто преследуют свои узкие интересы.

А. Б. Егор Тимурович, говорят, в политике друзей нет, есть только интересы. Вы согласны?

Е. Г. Нет, не согласен. Интересы? Да, конечно. Вы помните, Маркс однажды сказал, что, если бы формула дважды два — четыре затрагивала чьи-то интересы, она была бы немедленно оспорена. Выдержать напор, натиск разных чужих интересов бывает невероятно трудно. Я бы сказал, что премьер-министр, например, в определенном смысле похож на продавца колбасного магазина в эпоху советского дефицита. Тот знает, что всем колбасы не хватит, из очереди ему кричат: «В одни руки больше килограмма не отпускайте», — и он должен решать, кому сколько давать. Так и к премьеру идет колоссальный поток просьб и запросов. Произошло землетрясение, нужны на это деньги, останавливается атомная электростанция, не выплачивают зарплату в школах Бурятии... Работа состоит в том, чтобы определять, что из этого является реальной проблемой, что реальной, но не первоочередной, а что вообще фиктивной... Сохранить в таких условиях дружеские отношения, конечно, очень трудно. Политика, особенно в переходные периоды, испытывает человека на излом. Кто-то выдерживает, кто-то нет.

А. Б. Хорошо, я спрошу по-другому. Политика ломает человека? Вот хочу на кого-то обидеться, с кем-то поссориться, но не могу. Себе не принадлежу.

Т. Г. Почему только политика? А, скажем, люди в одной подводной лодке?

Е. Т. Согласен с отцом. А вообще вы же знаете: преуспеяние, счастье могут улучшить отношения. А несчастье, беды их, наоборот, чаще всего портят.

А. Б. Для многих из нас сегодняшний Ельцин, начавший чеченскую войну, — это личная наша драма, наше огромное разочарование. Для вас, наверное, особенно?

Е. Г. Да, конечно. Но ведь история моего отношения к Борису Николаевичу достаточно сложна. Я имею, как вы знаете, уральские корни. Мой дед и мама оттуда. Помню, приезжали к нам родственники, рассказывали: наконец-то повезло, теперь у них нормальный мужик первый секретарь, по-человечески разговаривает, старается что-то сделать. Помню, как он переехал в Москву, начал здесь работать. И, в общем, вызывал симпатию. Конечно, были обычные коммунистические методы, но скорее не запретительные, а разрешительные. Кампания по этим самым ярмаркам — это, конечно, кампания, но не с тем, чтобы запретить ярмарки, а наоборот — чтобы разрешить и помочь. Хорошо помню октябрьский пленум, когда его исключали, и мое ощущение, что у нас, может быть, впервые появился политик, независимый от власти. Но в то же время была и огромная настороженность. То, что он говорил, звучало прекрасно, но в цифрах абсолютно не ложилось. Я не понимал, как все это он собирается сделать.

Т. Г. Помните: *Если повысят цены, я лягу на рельсы*? Но было ясно, что не повысить цены невозможно.

Е. Г. Так что Ельцин был для меня одновременно и надеждой, и угрозой. Однако на фоне желеобразной к тому времени горбачевской политики Ельцин представлял хоть какую-то твердь. Он мог нравиться, мог не нравиться, но от того, сможем ли мы перетянуть его на свою сторону, использовать его популярность, во многом зависело будущее России и российской демократии. Окончательный же мой союз с ним, ему, разумеется, не известный, произошел 19 августа 1991 года.

А. Б. Как, по-вашему, что с ним сейчас произошло?

Е. Г. Он политик, и для него очень серьезным фактором послужили итоги выборов 12 декабря 1993 года. Если Россия проголосовала за человека, который пообещал поход на юг, то, видимо, для нее нужно сейчас больше державности, больше меди в голосе, больше стучания кулаком по столу, больше имперскости. Нотки этого были уже видны и в изменившемся тоне разговора с Западом, и в некотором, скажем так, переносе акцента с прав человека на права милиции.

А. Б. Хорошо, политик, я уже слышал такие объяснения. Но неужели он не понимает, что Чечня для него крах? И как для политика прежде всего? Откуда такое ослепление?

Е. Г. Знаете: «Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад»! Было страстное желание обмануться, поэтому ничего не стоило его обмануть.

А. Б. Ладно, «рад обмануться», объяснили, уговорили... Но то, что кровь будет, понимал же. Зачем Ельцину это было надо — войти в историю кровавым покорителем?

Е. Г. Что я могу сказать? Еще полгода назад, когда меня о чем-то спрашивали, я говорил: нет, этого не будет, не может быть. А вот, оказывается, может... Я думаю, если бы кто-нибудь заранее показал Борису Николаевичу картину того, что произойдет, в каком виде окажется Грозный, сколько будет бездомных, сколько убитых детей, он, конечно, никогда в жизни не

начал бы. Но он же искренне был убежден: раз-два, нейтрализуем дудаевский режим, наведем конституционный порядок...

А. Б. А остановиться невозможно?

Е. Г. Очень трудно. Хотя я убежден: если видишь, что начал пробивать лбом стену, никогда не поздно остановиться.

А. Б. Вы не опасаетесь, что недостаточно резкое отмежевание от Ельцина может повредить вам?

Е. Г. Что значит — недостаточно резкое отмежевание? Встать в позу истеричной институтки и перейти на язык личных оскорблений? А зачем? Что это, собственно, даст? У нас предельно нестабильные демократические институты. Не надо выдумывать себе другую страну, у нас эта страна. Какие-то резкие движения могут ситуацию только дестабилизировать. Так добиться, что и выборов никаких не будет. Мы, наверное, сделали больше всех, по крайней мере, на сегодняшний день, чтобы как-то попытаться убедить президента выйти из этой войны. Сначала говорили тихо, потом громче, потом еще громче...

А. Б. Неужели у вас есть еще надежда, что его удастся убедить?

Е. Г. Конечно, есть. Я считаю, что самое простое, что можно сделать, это опустить руки и сказать: дело безнадежное, что же мы будем стараться? Беда в другом. Если бы президент совсем не видел поддержки в обществе, он бы поступал, я вас уверяю, по-другому. Общество не очень выступает за войну, но ведь, с другой стороны, и не очень протестует. Колоссальное количество людей в России убеждены, что война — это неправильно, но она как бы их не касается. Собирай мы стотысячные митинги против войны, наши возможности давить на президента были бы иными.

А. Б. А раз так, то вам ничего не остается, как поддержать Ельцина на новых выборах? Или все-таки нет?

Е. Г. Я довольно долго считал, что Ельцин при всех своих недостатках самый естественный кандидат от демократов. Он символизирует стабильность и отсутствие революционного возврата назад. Сейчас, после всего происшедшего, я не могу так сказать. Это, конечно, мое личное мнение.

Т. Г. Знаете, я думаю, наша большая российская беда — это нетерпение. Посмотрим, как поведет себя Ельцин в дальнейшем. Что ему удастся сделать с экономикой. Что будет со свободой печати. Вот тогда и сможем с большей степенью точности говорить о будущем кандидате в президенты.

А. Б. Как бы он ни повел себя, что бы ни говорил, какие бы ни делал реверансы, лидер государства, который «рад обманываться», который пошел на кровь, все равно уже слишком опасен. Что было, то уже было. Егор же пишет в своей книге: *что полито кровью, стало или священным, или преступным. Середины не дано.* Здесь — преступное.

Т. Г. Саша, но нельзя говорить: «все равно». Он опасен? Да, разумно. Но сравни, скажем: а кто в таком случае менее опасен? Это же опять чисто российское: что бы дальше ни было с Россией, с демократией, с жизнью моей, с будущим моих детей, — но только не Ельцин. Да, произошла страшная трагедия. И кровь, и прочее. Но России все равно нужно жить. И выбираться в цивилизованное общество, что очень трудно. А значит, надо тщательно взвешивать. И не давать этих страшных зароков.

Е. Г. Друзья, я очень не люблю вести такие споры, построенные на очень сложных, длинных гипотезах. А что будет, если он сделает то-то? В сегодняшней столь динамичной ситуации всерьез это обсуждать, мне кажется, просто невозможно. Сейчас есть некая данная ситуация. Сейчас в ней есть понятные политические альтернативы. И ясно, какую из них нужно поддержать. Многие же сценарии я считаю крайне маловероятными и не хочу их всерьез обсуждать. Я очень не люблю жестких формулировок, построенных по принципу: все или ничего. И в этой связи я не хочу зарекаться от того, что может быть. Сегодня я лично не считаю возможным поддержать кандидатуру Ельцина.

А. Б. Но не исключаете, что факты, обстоятельства, политическая раскладка заставят вас изменить позицию?

Е. Г. Полагаю это крайне маловероятным, но не исключаю. Скажем, если увижу, что соперник еще более опасен.

А. Б. Хотите, развлеку? Недавно один человек с пеной у рта мне доказывал: у Гайдара, мол, огромное самомнение. Назвав свою книгу «Государство и эволюция», он поставил себя на одну доску с Лениным. Каково?

Е. Г. Безумно смешно.

А ровно через год, в 1996-м, вся демократическая общественность проголосовала как раз за Ельцина, потому что он был «наименьшим злом» и если б не он, то пришел бы коммунист, а допустить этого было никак нельзя. Но в конце 1999-го Ельцин добровольно передал власть тихому, скромному подполковнику КГБ Путину, веря, что он обеспечит Борису Николаевичу и его семье, которая не без греха, защиту и безопасность. Интеллигенция очень Путину радовалась. Я помню, как рассказывали мне мои товарищи о его приезде еще в бытность премьер-министром в Русский ПЕН-центр, как он там всех очаровал, какие говорил милые, умные, интеллигентные речи. Но скоро в Чечне опять возобновилась «маленькая победоносная война», в Москве стали взрываться жилые дома, генералы, отравившие газом заложников в Норд-Осте, по секретной линии получили звание Героя России, заживо были сожжены дети в Беслане и личный недруг Путина Ходорковский надолго был отправлен на нары.

Но все это произойдет потом, спустя годы, мы же с вами сейчас еще в середине девяностых. И следующий мой разговор «на троих» состоялся с моими товарищами, писателями Владимиром Войновичем и Бенедиктом Сарновым. На этот раз мы беседовали о том, что нас тогда изрядно волновало: идти ли интеллигенту во власть, даже если власть сегодня уже не та, не брежневская, а своя, достаточно близкая тебе, и ты ее принимаешь, ты ей сочувствуешь.

12. Время соблазнов, время ловушек

Бенедикт Сарнов. Между нами и властью всегда существовала дистанция. В самые несвободные времена мы были от этой власти внутренне независимы. Мне, скажем, плевать было, что случится с Брежневым. Как пелось в одной песне, «наша партия родная нам другую (имелась в виду

часть тела) подберет». Но сегодняшняя власть мне близка. А значит, я уже в игре, я уже не могу глядеть на все это со стороны, как при Брежневе. Во мне уже появляется что-то рабское, появляется несвобода. И вот тут-то таится огромная опасность. Я считаю, что ни при какой погоде, ни при каких обстоятельствах интеллигент не может отождествлять себя с властью, он должен дистанцироваться. Даже от той власти, которая выражает добрые тенденции. Потому что власть есть власть. Мы не имеем право терять свободу критики, свободу скепсиса.

Александр Борин. А идти служить во власть?

Б. С. Если идешь служить делу, а не власти, — пожалуйста.

Владимир Войнович. Нет такого человека, который, придя во власть, остался бы самим собой.

Б. С. Если хватит ума, самоиронии, — останется. Только не воспринимай себя слишком всерьез, не отождествляй себя с властью, сохраняй дистанцию.

В. В. Нет, исключено. Знаешь, как это происходит? Подспудно и незаметно. Вот ты приходишь во власть и сразу же становишься всем нужен. Этот просит продвинуть одно очень важное дело, тот — другое. А тут вдруг звонит Сарнов. Он как раз ничего не просит, он просто хочет, как прежде, общаться. Но у тебя уже не хватает ни сил, ни времени на обычные душевные движения. И ты невольно начинаешь возводить барьер между собой и Сарновым. Тебе неудобно сказать: «Знаешь, Бен, мне сейчас не до тебя». И ты начинаешь лгать, прятаться, отстраняться.

Б. С. Считаешь, это неизбежно?

В. В. Абсолютно неизбежно. Дальше Сарнов, скажем, приглашает на день рождения. Но у тебя обязательно возникает вопрос: а кто еще там будет? Не окажутся ли там люди, которые начнут обращаться к тебе с разными просьбами? Может, лучше, разумнее не идти? Эти соображения у тебя непременно появятся, и не потому, что ты плохой, а потому, что твое положение заставляет тебя защищать себя некоторой броней. Ну и, наконец, в наших российских условиях тот, кто у власти, само собой, втягивается в коррупцию.

Б. С. Взятки, что ли, берет?

В. В. Зачем взятки? Просто меняется образ жизни. В 1955 году я вернулся из армии, и один мой знакомый устроил меня инструктором в исполком. Должность маленькая, зарплата нищенская, но все равно власть. Ответственный секретарь исполкома посадил меня в машину и сказал: «Буду вводить тебя в курс дела». И мы отправились. Приезжаем в первый сельсовет. Разговоры о том о сем — и прямо в магазин, в подсобку. Завмаг достает молча бутылку, три стакана, выпиваем и отправляемся в следующий сельсовет. Так объехали все 14 сельсоветов. Мне это не нравилось. Но что я скажу: нет, оставьте, я не такой? Хочешь служить — втягивайся. Положение обязывает. А сегодня, когда аппарат остался, в сущности, нетронутым, разве эта наша отечественная традиция померла? Возвращаясь из загранкомандировки, сколько красивых бутылок везешь нужным людям?

Б. С. Не знаю, правда или нет, но один член Президентского совета мне сказал, что от добрых отношений с работниками аппарата зависит, как близко от президента сядешь ты на очередном заседании.

В. В. А ты отлично знаешь: чем ближе сядешь к президенту, тем слышнее будет твой голос.

Б. С. Опять же весь вопрос в том, для чего тебе это нужно: для дела или для собственного тщеславия?

А. Б. А правду ты себе скажешь?

В. В. Может, на первых порах и скажешь. А потом, рано или поздно, начнешь себя обманывать. Аппаратная психология станет твоей второй натурой.

Б. С. Но почему только власть? Это самый примитивный случай. Испытание властью очень быстро обнажает человека. Есть и другие, куда более тонкие вещи. Скажем, писательское тщеславие. Разве когда-нибудь оно так сильно разъедало душу? Прежде людям было трудно напечататься, многие из нас привыкли к своему почти подпольному существованию. А сейчас — печатай, что хочешь. И вот открываю я газету, вижу статью прекрасного человека, который прежде мог опубликоваться только на Западе. Начинаю читать... И, Боже мой, что он пишет! Сплошная жвачка. Не говорит, а вещает. Главное для него уже не потребность высказаться, а желание лишний раз мелькнуть в печати. Все же дозволено, все можно. Это уже связано не с властью, но с природой нашего времени. При всех его замечательных особенностях, о которых мы вчера и мечтать не могли, в нравственном смысле наше время куда более трудное и опасное. Потому что это время легких, доступных бесчисленных соблазнов. Время ловушек.

А. Б. Опаснее всего, наверное, что эти соблазны иной раз выглядят очень даже благородно. Ладно, на бутылку коньяка ты не купишься. А на возможность вершить великие дела? Осчастливливать людей? Облегчать им жизнь? Соблазн быть Мессией, пророком, благодетелем куда сильнее, чем мелкий корыстный соблазн. И если ради такой высокой цели потребуется заплатить непозволительную нравственную цену, — заплатишь с легкостью.

В. В. Да, верно.

А. Б. Раньше ты отвернулся бы от негодяя, запрезирал бы его, а теперь ради гуманной цели пожмешь ему руку, а может быть, и расцелуешься с ним. Не ради себя, только ради счастья людей. И старого товарища ради благородной цели предашь. И без особого труда оправдаешь себя в собственных глазах. Знаете, мне кажется, в нашей среде никогда прежде так часто и легко не предавали, как сегодня. И не самые плохие люди. При этом они не очень даже казнятся. Во-первых, благородная цель, как известно, оправдывает любые средства. Потом, правда, может оказаться, что цель эта всего лишь иллюзия, обманка. Ты стал игрушкой в чужих руках. Но неважно. Важно себя уговорить, найти оправдание собственному предательству. А во-вторых, если раньше кого-то предать означало погубить человека, сломать ему жизнь, может быть, упрятать за решетку, то сегодня — причинить всего-навсего мелкие неприятности. Предательство как бы упало в цене и потому многим стало по карману.

В. В. Раньше, по крайней мере в нашей среде, действовали строгие правила поведения. И сразу становилось ясно, кто ты есть, чего стоишь.

Б. С. Да, все так. Опасное, трудное время. И ловушки, соблазны на каждом шагу, причем не гадкие, а вполне благородные. Но мне одинаково от-

вратительны и готовность интеллигента раствориться во властных структурах, потерять себя, и эдакое чистоплюйство: «Ах, нет, я, интеллигент, не хочу замараться, а потому не пойду во власть». Ничего подобного. Тысячу лет тебя не востребовали. Если сейчас нужны твой интеллект, твои знания, — иди. Только ни на секунду не теряй дистанцию.

В. В. Я говорю не об интеллигенте вообще, а о художнике. Юрист, экономист должны, наверное, идти.

Б. С. Они что, застрахованы от сделок с собственной совестью?

А. Б. Мы всегда знали: за каждый жирный кусок ты должен будешь отплатить властям — солгать в угоду начальству, смолчать, когда молчать нельзя... Но сегодня же ничего подобного от тебя вроде бы никто не требует, тебя вроде бы никто не покупает. Иллюзия?

Б. С. Да, конечно. Сто раз подумай, прежде чем что-то получить у власти.

В. В. Знаешь, такой идеальный интеллигент, который сто раз подумает, прежде чем взять ему причитающееся, и дня не продержится во власти. Такие там не нужны. Сарнова же никто туда не зовет.

Б. С. Нет, ребята, так нельзя. Послушать вас, получается: «Нам там не место, сделать мы ничего не можем, не тратьте, куме, силы, опускайтеся на дно». Если ты интеллигент, художник, сиди, мол, дома и ни во что не лезь. Недавно в газете «Сегодня» я прочел выступление Льва Аннинского. Он развивает такую мысль: тонкий, изысканный человек не должен приближаться к власти. Нормальный русский интеллигент (о Господи!), Николай II стал императором, и вы знаете, что из этого получилось. А я хочу спросить: Вацлав Гавел, наверное, поинтеллигентнее Николая II, а ведь пошел в президенты.

В. В. Да, пошел. Но я буду очень удивлен, если, побывав президентом, он когда-нибудь напишет хорошую пьесу. Не верю.

Б. С. Почему?

В. В. Да потому, что писателя в нем государственный пост обязательно убьет. Выбирай: хочешь оставаться писателем или сделаться политиком. Совместить это не удастся.

Б. С. Я уважаю Гавела за то, что он пошел в президенты.

В. В. Я его тоже уважаю. Но у него теперь уже совсем другая психология, другие точки отсчета.

Б. С. Думаешь, интеллигент не может принять крутое, жесткое решение? Скажем, в случае крайней необходимости — отдать приказ стрелять по Белому дому?

В. В. Почему? Может.

Б. С. И вообще, хватит видеть в интеллигенте этакого сопливого слизняка: ах, нельзя нарушать демократию, закрывать фашистские газеты, применять силу. Сплошное кокетничанье и позерство.

В. В. Знаешь, каждый мерит по себе. Если бы я оказался на месте Ельцина, я бы тоже, наверное, дал приказ стрелять по Белому дому. Но после этого я бы уже не смог писать книги.

Б. С. Почему?

В. В. Не знаю. Я бы нанес себе невосполнимый урон. Не вообще, а как художник. Точно так же человек, отдавший приказ стрелять, никогда уже не сможет стать священником.

Б. С. Однако, становились... Мне кажется, есть глубокая разница между строжайшим моральным спросом с самого себя и сосредоточенностью на самом себе. Лев Толстой как-то сказал: чрезмерная сосредоточенность человека на самом себе — это начало психиатрического заболевания, которое кончается либо манией величия, либо манией преследования.

А. Б. Еще одна ловушка на нашем пути?

Б. С. Возможно. Но мы же договорились, что сегодня — время опасных ловушек. Трудно? Конечно. Но, слава Богу, что мы дожили до таких ловушек.

О московских кухнях, где близкие друзья в самые тяжелые времена за рюмкой водки изливали друг другу душу, зная, что тебя здесь всегда поймут, утешат и обогреют, если ошибся — не осудят, если слукавил — не пощадят, об этих московских кухнях сказано и написано уже немало. Наперекор парадному лицемерию застойных лет, наперекор шумным митинговым страстям времен перестройки здесь, на московских кухнях, мы получали то, что для нас, наверное, было всего дороже: человеческое общение. Вот с вопроса о том, что же сегодня, в середине девяностых, с нами происходит, не утрачиваем ли мы способность, талант общаться, не просыпается ли в нас иной раз ностальгия по совку, я и начал дружескую беседу с Эльдаром Рязановым и Александром Ширвиндтом. Договорились: никакого интервью — разговор людей, знающих друг друга многие годы. Как будто и на сей раз собрались мы не в редакции «Литгазеты», а в гостеприимном теплом доме Нины и Эльдара Рязановых.

13. «Мы влипли в исторический этап»

Александр Ширвиндт. Понимаю, о чем ты говоришь. Когда мы жили в этом страшном так называемом застое, друзья были для нас всем — и палочкой-выручалочкой, и соломинкой, и источником информации. Только здесь, с ними, и можно было оставаться естественным, самим собой. То был большой лакмус дружбы. А потом, когда мы растворились в этом шабаше информации, гласности, свободы, наше поколение растерялось. И когда мы сегодня собираемся вместе, мы с ужасом начинаем соображать, что перестаем быть индивидуальностями. Мы все время на что-нибудь ссылаемся. То на газету, то на сплетню, то на анекдот...

Эльдар Рязанов. Хорошо бы на анекдот! Анекдотов становится меньше.

Александр Борин. А газеты просто перестаем читать?

А. Ш. Да, потому что мы устали. Как это в стишке у Саши Черного?

Каждый месяц к сроку надо
подписаться на газеты.
В них подробные ответы
на любую немощь стада...
Получая аккуратно
каждый день листы газет,
я с улыбкой благодатной,
бандероли не вскрывая,
аккуратно, не читая,
их бросаю за буфет.

А. Б. Нашел, чем гордиться. Ты лучше скажи: когда-то вы были если не богатыми, то вполне состоятельными людьми. Сегодня появились новые хозяева жизни, по сравнению с которыми вы — тьфу. Они вас не раздражают, вы им не завидуете?

А. Ш. Я им не завидую, потому что понимаю, что это совершенно не моя стезя, не мой бизнес, говоря их языком. Одни мне говорят, что новые люди — будущее нашей цивилизации, другие — что они глобальные ворюги, воспользовавшиеся моментом. Я слушаю, согласно киваю, но при этом ровно ничего не соображаю, потому что здесь я полный профан...

А. Б. Но свою ущербность ты хоть ощущаешь?

А. Ш. Свою ущербность я ощущаю лишь в том плане, что мой труд остается копеечным. Я получаю самую высокую ставку в театре. Но если я еду на концерты и мне по телефону кричат: «Сколько вы берете?» — я не знаю, что ответить. Я знаю, сколько я стоил на рынке трехлетней давности. А сейчас? Я не могу выступать за два бака бензина, это унизительно. А просить столько, сколько скоро будут стоить десять баков, язык не поворачивается. Потому что у меня психология старческая, совковая.

Э. Р. Много лет назад, как ты помнишь, я снимал чужую дачу, где все мы собирались. Хорошо собирались. Приезжали Гриша Горин, Люся Гурченко, Таня и Сережа Никитины, Гена Хазанов... И вот мы валяли дурака: хорошо бы, рассуждали, купить две соседние дачи, соорудить рядом стоянку для автомобилей и устроить такое кабаре-варьете. Наши жены бы готовили, я бы работал метрдотелем, а Зяма Гердт стоял бы в дверях вышибалой. Такая дурошлепская идея, чистая фантазия. Сегодня пришло время, когда теоретически все это можно осуществить. Но для чего? Тогда это была идея братства, содружества, за всем нашим дуракавалянием стояло желание както выжить, раскрепоститься, избавиться от цензуры, похулиганить. А сегодня если такая идея и возникает, то для того только, чтобы разбогатеть. Но тут во мне просыпается совок. Я привык, что мою картину смотрят 40 — 50 миллионов зрителей. Так же и Шура, когда снимается в кино или играет в театре. А в наше кабаре прийти смогли бы одни нувориши, — потому что билет стоил бы многие тысячи, нормальному человеку такое не по плечу. Но хочу ли я остаток своей жизни тратить для того, чтобы повеселить сегодняшних нуворишей?

А. Б. Вы заметили? То и дело в нас просыпается совок. Но в грудь себя при этом почему-то не бьем, не спешим покаяться?

А. Ш. Понимаешь, тут вопрос довольно пикантный. Во мне с каждым днем все больше оживает совок, который мне совершенно не противен.

А. Б. То есть?

А. Ш. Дело в том, что если со всех этих хрестоматийных истин, которые оказались действительно и гнилыми, и пакостными, и ханжескими, соскоблить шелуху, они же в основном прекрасны. Дружба народов, например. Когда это не дружба народов в правительственных концертах, где я шутил при всех режимах, а двор моей молодости и, может быть, молодости моего сына. Люди здесь всегда были и всегда оставались людьми.

Э. Р. У меня никогда не было особенно развито чувство патриотизма. Оно по-настоящему стало просыпаться только сейчас, потому что сейчас

его начали оскорблять. Вы можете делать со мной что хотите, но я лично в своей душе Севастополь не отдам. И никогда не пойму, почему Крым должен быть украинским. Я еще могу понять, что он должен быть татарским, но украинским — никогда. Раньше это чувство патриотизма подпитывало, стремилось мне внушить государство. И у меня, естественно, возникал протест против такого неживого патриотизма. А сейчас у меня пытаются отнять мою историю, мою биографию. Ты спрашиваешь, почему мы говорим о совке со знаком плюс? Да потому что это слово всеми силами превращают в ругательство орды невежд, не знающих истории. Для них все, кто жил при Сталине и при Хрущеве, трусы и лизоблюды. Недавно в одной газете я читаю кроссворд: «*Режиссер, известный своими партийными фильмами*». Оказывается, это Михаил Ромм, человек, который для нашего поколения всегда был эталоном чести и совести, человек, который до 65 лет оставался невыездным, его считали антисоветчиком. Вот почему, говоря про совок, мы прежде всего отмечаем, что было там со знаком плюс, а про минус мы и так все знаем, он в каждом из нас сидит.

А. Ш. Я иногда слышу: «Вот ты шутил во Дворце съездов и при Хрущеве, и при Брежневе, и в застой, и в перестройку, — как тебе не стыдно?» И я стеснительно поджимаю хвост. Но кто мне все это говорит? Не сегодняшние коммерсанты, а мои же одногодки. Пусть они не шутили тогда во Дворце съездов, но, в сущности, ведь занимались тем же самым.

Э. Р. Или еще хуже — поносили Сахарова и подписывали подлые погромные письма.

А. Ш. А то и просто сидели в глубокой яме, потому что никому не были нужны. Мысль о том, что вот, мол, кончится дурное время и тогда я развернусь, займусь главным делом, это все бред, чепуха. Мы, профессионалы, должны работать. И когда время изменится, шутить все равно буду я, потому что я в форме, я умею, а вы отсиживались в подвале и ничему не научились.

Э. Р. Я живу в этой стране, я испытываю все напасти и горести, которые выпали моему народу И я не хочу, чтобы меня оскорбляли. Я готов выслушать любую правду, но от единомышленника. В том смысле от единомышленника, что для меня всегда была, есть и будет только одна партия — партия порядочных людей, людей здравого смысла. Ни в какой другой я не состоял и состоять не буду.

А. Б. Представьте, лет десять назад, когда мы собирались на даче у Эльдара, отводили душу, кто-то вдруг входит и говорит: «Значит, так, через десять лет не будет больше цензуры; Рязанов сможет ставить любые, какие захочет, фильмы; ты, Ширвиндт шути где угодно и как угодно; в любой момент, без всяких партбюро сможем выезжать за границу, — в общем, полнейшая свобода, хотя материально вы станете жить гораздо хуже». Мы ведь ринулись бы, а? Закричали бы: хотим, прекрасно! И вот сегодня нам все это дали. Но вдруг оказывается, что это не так, то не так. Начинаем даже испытывать, страшно сказать, какую-то ностальгию по тем временам, когда собирались на даче у Эльдара и люто ненавидели многое, что вокруг происходило. И вот я иной раз горечью спрашиваю себя: а может, мы просто не умеем приспособиться к новому времени?

Э. Р. Я не испытываю никакой ностальгии по палачам, которые уродовали мои картины, резали, делали идиотские замечания, заставляя калечить собственно произведение. Но вот ностальгия по миру в душе, которого не стало, — да, есть. Мы тогда жили в условиях тюрьмы и в тех условиях честно делали все возможное. Мы знали, где враг, кто враг, и боролись против него. Мы бились головой о стену, пытались ее прошибить, только стена эта, казавшаяся незыблемой, потом вдруг в одночасье рухнула. Сегодня же враг — куда более многообразный и поэтому ситуация чрезвычайно осложнилась.

А. Ш. За несколько последних лет произошло безумие. Нужна была осторожная гомеопатия, а мы огромным ржавым топором разрубили опухоль семидесятилетней давности. Вот стоим у этой разверстой раны, не имея ни анестезии, ни ниток, ни навыков, ничего.

А. Б. А, по-твоему, могло быть иначе? Разве можно было вот такую раковую опухоль ликвидировать гомеопатическими пилюлями?

А. Ш. Тогда и нечего пыхтеть, значит, то, что сейчас происходит, закономерно. Так и нужно к этому относиться. Все остальное, о чем мы говорим, чем мучаемся, только наши эмоции. Мы влипли в исторический этап.

А. Б. И слава Богу, что влипли.

А. Ш. Да, дико интересно... Слушай, Эльдар, какого черта мы, уже немолодые, не слишком здоровые и по горло занятые люди второй час сидим в этом душном редакционном кабинете и как заведенные послушно отвечаем на все его идиотские вопросы? Больше делать нечего?

Э. Р. Не говори. Сижу и в душе кляну его на чем свет стоит. Но раз друг попросил, ты мог отказаться?

А. Ш. Я — нет...

Э. Р. Вот и я — нет.

А. Б. Я люблю вас, ребята.

Перечитываю старые газетные публикации, и мне кажется, что в них звучит то наше, давно прошедшее время. Можно сегодня долго рассказывать о нем, рассуждать, вспоминать, но чтобы по-настоящему его ощутить, думаю, лучше всего просто перенестись в него, оказаться в нем, окунуться в наши тогдашние живые споры, страсти, волнения, страхи и надежды. Публикации эти как стоп-кадр: время на минуту остановилось, вы — в нем. Всмотритесь как следует и вслушайтесь.

Сегодня про «лихие девяностые», от которых будто бы вся беда, громче всех кричат как раз те, кто в эти девяностые состоялся, занял высокие посты и должности, нажил несметные состояния. Сейчас эти люди, укоренившиеся во власти, под крики о необходимости исправить допущенные тогда ошибки и искривления на самом деле заняты новым крупным переделом собственности, присвоили процветающий ЮКОС Михаила Ходорковского и, придумав так называемые *государственные корпорации*, почем зря набивают собственные карманы.

В девяностые годы Ельцину и его команде удалось, к счастью, вытащить страну из глубокой пропасти, уберечь ее от голода и гражданской войны. Но девяностые действительно были временем сложным и запутанным. Будущие историки, надо думать, все разложат по полочкам, назовут те пово-

ротные точки, когда российская история опять, в который уже раз, сбилась с пути, не довела до завершения многообещающие реформы, пошла вкривь и вкось. На свет вылезет и нынешнее беспрецедентное воровство людей при власти. Однако если мы сами сегодня, не откладывая, не попытаемся разобраться, отделить зерна от плевел, поставить все точки над i, белое назвать белым, а черное черным, то удастся ли нам выползти из той дыры, в которую мы сейчас с головой угодили?

Но готово ли на это апатичное, сонное, сердито ворчащее, но не способное ни по-настоящему задуматься, ни по-настоящему действовать общество? Позволяющее, чтобы выборы в парламент превратились в пустой фарс. Да что там выборы, в стране поощряется одна лишь декоративная, управляемая из Кремля политическая жизнь, а все, что в нее не вписывается, либо грубо вытаптывается, подминается, либо превращается в жалкую, так называемую оппозицию, погрязшую в междоусобной, мало кого волнующей мышиной возне.

Тогда, в девяностые, кажется, был шанс. Когда он снова повторится? Сколько еще царей суждено нам до тех пор пережить? И можно ли, нужно ли нам ждать от очередного царя того, что обязаны сделать мы сами? Или опять, как всегда бывало в России, мы начнем и тут же оступимся, воодушевимся и сникнем, пустим здоровые ростки и тут же позволим их грубо вытоптать?

Несчастная страна.

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ
Обзор материалов

От редакции

В предыдущем номере журнала мы напечатали материалы большого круглого стола, проведенного редакцией «Континента» на тему «Христианство и демократическая культура». Мы отметили тогда, что этот круглый стол — только первое из обсуждений, которые мы планируем провести, чтобы попытаться наметить и коллективно осмыслить возможные пути решения одной из самых, на наш взгляд, актуальных и острых проблем современной России — возможности и перспектив возникновения в нашей стране широкого общественно-политического движения того типа, которому во всем мире привычно соответствует термин «христианская демократия». Напомним, что к этой теме журнал не раз подступался уже и раньше (в частности, в 129-м и 131-м номерах — во втором-третьем и четвертом выпусках «Дневника редактора» И. Виноградова), но теперь мы намерены сделать ее одной из стержневых в разделе «Россия и мир», энергично и постоянно держать ее в поле нашего внимания. Ближайшая перспектива — проведение второго круглого стола, где планируется обсуждение тех вопросов, которые в конце первого «стола» были поставлены перед участниками главным редактором «Континента», а также и ответов на эти вопросы, — или уже данных участниками обсуждения (и напечатанных там же), или тех, которые только еще будут получены нами, как мы ожидаем, от ряда наших авторов. И эти выступления мы тоже, разумеется, напечатаем.

В рамках подготовки к этому обсуждению была задумана и данная публикация. Это — обзор основных подходов к теме христианской демократии, выработанных западной политической и религиозно-общественной культурой XIX—XX веков, — обзор, представленный фрагментами из нескольких обобщающих работ на эту тему, вышедших на русском языке, а также некоторыми другими текстами. Учитывая крайнюю скудость литературы такого рода в российском медийном пространстве, а соответственно и чрезвычайно слабую осведомленность в ней нашей широкой читающей публики, мы сочли, что такой обзор будет небесполезен для всех, кто не останется равнодушен к обсуждению на страницах нашего журнала столь сложной и острой темы, едва ли не первостепенно значимой для грядущих исторических судеб России.

I. Исходные доктрины

Из книги Александра Шипкова «Христианская демократия в России»[1]

Формированию социального учения Католической церкви способствовали энциклики папы Льва XIII, включая «Rerum Novarum» (Исходя из новых обстоятельств, 1891), в которой определялась роль церкви в условиях индустриального общества. Описание кризисного состояния современной

[1] *Щипков А.* Христианская демократия в России. М., 2004.

цивилизации, базирующейся на светской гуманистической, а не христианской культуре, занимает существенное место в социальном учении. Источник кризиса видится в неверном понимании сущности человека в отрыве от Бога. Построение мира без Бога обращается против человека, поскольку последний оказывается в духовном вакууме. Учение развивалось в последующих церковных документах[2], наиболее известным из них стало окружное послание II Ватиканского собора «Gaudum et Spes» (Радость и надежда, 1965).

Учение представляет собой совокупность общественно-политических, экономических и этических концепций. Окружное послание «Радость и надежда» утверждало независимость церкви, которая не связывает себя ни с одной из существующих политических, экономических и социальных систем. Одновременно церковь настаивала на своем праве вмешиваться в мирские дела, давая им нравственную оценку, основанную на евангельском учении. Церковь должна судить о том, согласуются ли основы конкретного социального строя, формирования или организации с Евангелием. Под «социальным» понимаются все сферы человеческой деятельности: семья, экономика, политика, право, культура.

Церковь как собрание верующих должна быть независимой от государства, но она не должна быть от него отделена, поскольку отделение несовместимо с сотрудничеством. Обе структуры — автономны. Социальная доктрина не является политической программой, не дает конкретных технических ответов на проблемы общественной жизни, но указывает принципы общежития:

1. Принцип единства и нерасторжимости брака.
2. Принцип неприкосновенности права на жизнь.
3. Принцип первенства человека над обществом.
4. Принцип природного равенства всех людей.
5. Принцип национальной и международной солидарности.
6. Принцип необходимости и законности частной собственности.
7. Принцип вспомогательности (солидарности) между социальными слоями (например, работником и работодателем).

Первенствующая роль в жизни общества отводится мирянам. Миряне имеют специфическое божественное поручение в созидании общества. Они не должны противопоставлять религиозную, профессиональную и социальную сферы деятельности. Они обязаны участвовать в делах общества и осознавать свою ответственность в процессе его преобразования.

Развиваясь, социальное учение Католической церкви оказывало на протяжении всего XX века колоссальное влияние на формирование политической мысли. Христиане получили нравственную основу, утвержденную церковным документом, для активного участия в политической жизни го-

---

[2] *Пий XI.* Quadragessimo Anno (Сороковой год), 1931; *Иоанн XXIII*, Mater et Magistra (Мать и наставница), 1961; *Pacem in Terris* (Мир на земле), 1963; *Павел VI.* Octogesima advenies (Восьмидесятая годовщина), 1971; *Иоанн Павел II*, Laborem exercens (Занимаясь трудом), 1981; *Sollicitudo rei socialis* (Забота о социальной действительности), 1987; *Centesimus annus* (Сотый год), 1991.

сударства. После Первой мировой войны в Европе начали появляться христианско-демократические партии; они полагали в основу своей программы принципы социальной доктрины, интеллектуальный потенциал которой начинал действовать помимо воли своих создателей. Одной из первых (1919) стала Итальянская народная партия, основанная священником Луиджи Стурцо.

После Второй мировой войны христианская демократия достигла больших успехов, особенно в Германии, и завоевала значительную часть не только католического, но и протестантского электората[3]. Опираясь на принцип международной солидарности, заложенный в социальной доктрине, идеологи Христианско-демократического союза (ХДС) Германии выработали концепцию христианского интернационализма, и в 1961 году возник Всемирный христианско-демократический союз, переименованный позже в Интернационал христианской демократии (ИХД). В 1990-е годы эта организация играла заметную роль в жизни христианских партий в России <...>

Отношения между Католической церковью и христианскими демократами не были простыми. Церковь не поощряла прямого прихода христиан в политику, призывая ограничиваться социальной сферой[4]. Процесс политического созревания приводил христианских демократов к нарушению церковного запрета. В дальнейшем многие христианско-демократические партии предпочли дистанцироваться от католической церкви, порой исключая из названия слово «христианский» и сохраняя лишь христианский дух в своих программах. Чаще всего они называли себя «народными партиями», демонстрируя историческую преемственность с партией Луиджи Стурцо.

Политическая идеология христианской демократии формировалась внутри единого христианского мышления, стремясь перешагнуть узкие конфессиональные границы. Тем не менее необходимо различать католические и протестантские влияния.

Параллельно католическому социальному учению, вышедшему из Европы, в Соединенных Штатах, где преобладает протестантизм, развивалось свое понимание социальной активности христиан. К началу XX века в США возникло движение социального евангелизма, основоположником которого стал баптистский священник Уолтер Раушенбуш (1861–1918)[5]. <...> Будучи молодым священником, У. Раушенбуш проповедовал в трущобах Нью-Йорка и столкнулся с нищетой и тяготами жизни низшего сословия. На фоне всеобщего обострения политических конфликтов социальная несправедливость вызывала в душе священника страстное сопротивление. Размышляя о путях преодоления социального зла, он пришел к выводу, что победить его можно лишь построением на земле Царства Божьего. Раушенбуш

---

[3] См.: *Папини Р.* Интернационал христианской демократии. СПб., 1992. С. 8.

[4] Энциклика Льва XIII «Graves et Communi» (1901) формально ограничивала деятельность христианской демократии социальными проблемами. Подробнее об этом см.: *Папини Р.* Указ. соч.

[5] Это движение протестантской мысли подробно проанализировано в книге: *Митрохин Л.* Баптизм: история и современность. СПб., 1997. С. 269–290.

писал: *Главная цель христианства состоит в том, чтобы преобразовать человеческое общество в Царство Божье путем восстановления всех человеческих отношений и преобразования их в соответствии с волей Бога*[6]. Раушенбуш рассматривал возможность преодоления пороков общества не с помощью прямого вмешательства христиан в общественную жизнь, а через самосовершенствование человека: чистый сердцем христианин, соблюдающий евангельские заповеди, преобразится сам и преобразит окружающих, а через них и весь мир. Отсюда вытекала мысль, что социальное зло можно искоренить миссионерской деятельностью. Постепенная евангелизация, по мнению Раушенбуша, будет формировать общественное мнение, которое в свою очередь положительно повлияет на политиков, бизнесменов и общество в целом. Идеи социальной евангелизации получили широкое распространение и, как отмечает Л. Н. Митрохин, *оказали едва ли не решающее влияние на либерально-буржуазное крыло российских баптистов*[7].

В начале XX века в России функционировали два крупных религиозных объединения баптистского направления: Союз русских баптистов и Всероссийский союз евангельских христиан. Обе церкви поддерживали тесные отношения с баптистскими церквами Германии, Англии, США. Оба союза входили во Всемирный союз баптистов. Во Всемирных конгрессах баптистов в Лондоне (1905) и Филадельфии (1911) активное участие принимали русские делегации, а лидер евангельских христиан И. С. Проханов был избран вице-президентом Всемирного союза баптистов. Русские баптисты были знакомы с организационной структурой западных протестантских церквей, получали от них финансовую поддержку и следили за развитием протестантской мысли[8].

В 1905 году по инициативе одного из лидеров русских меннонитов П. М. Фризена возникла политическая организация — Союз свободы, правды и миролюбия, в которую помимо меннонитской вошли баптистская и евангельско-христианская церкви. В Центральное бюро Союза вошли такие видные деятели баптизма, как И. С. Проханов, Н. В. Одинцов, И. М. Староверов. Союз свободы, правды и миролюбия явился первой в России конфессиональной партией, которая ставила перед собой конкретную политическую цель — вхождение во властные структуры через участие в предстоящих думских выборах. Исследователь христианских политических организаций России начала XX века А. И. Клибанов <...> характеризует Союз свободы, правды и миролюбия как партию конституционно-демократической ориентации с религиозно-нравственной и социальной окраской и прямо называет ее «социально-христианской»[9]. Партия Фризена выступала за конституционную монархию, отстаивала всеобщее избирательное право, всеобщее и бесплатное обучение детей, отмену *государственной опеки и субсидирования всех*

---

[6] *Rauschenbusch W.* Christianity and Social Crisis. New York, 1912. P. 13. Цит. по: *Митрохин Л.* Указ. соч. С. 284.

[7] *Митрохин Л.* Указ. соч. С. 270.

[8] См.: *Клибанов А.* История религиозного сектантства в России. М., 1965. С. 238.

[9] Там же. С. 262.

исповеданий, воскресный отдых и *узаконение сотрудничества между рабочими (служащими) и работодателями*[10].

Союз свободы, правды и миролюбия просуществовал недолго, распавшись в 1906 году вследствие внутренних противоречий. Организованную политическую деятельность протестантов в течение многих лет возглавлял основатель Всероссийского союза евангельских христиан И. С. Проханов. В 1908 году он создает Русский евангельский союз, в документах которого последовательно проводилась мысль о необходимости обновления церкви и религиозной «реформации». В Русский евангельский союз, так же как и в Союз свободы П. Фризена, входили разные протестантские церкви, что свидетельствует о его политических задачах. Вслед за Прохановым они утверждали, что «социальные свободы принесет России не политическая революция, а религиозная реформация»[11]. Один из лидеров русских баптистов В. Г. Павлов писал: «Мы должны повторить нашу весть об обновлении человечества посредством принятия Евангелия; мы должны говорить людям, что новый век может наступить лишь чрез возрожденных людей»[12]. Преемственность идей Раушенбуша очевидна.

После Февральской революции и падения российской монархии, в марте 1917 года Иван Проханов создает Христианско-демократическую партию «Воскресение», продолжая развивать идеи «социальной евангелизации» и формулировать их применительно к российским условиям:

- установление демократической республики как наиболее совершенного образа правления для государства и наиболее отвечающего учению Христа;
- полная свобода веры, слова, печати, обществ, союзов, собраний и народностей;
- устранение всех сословных и всяких других ограничений, осуществление равноправия женщин;
- социально-экономическое законодательство на основе полной справедливости к трудящимся классам;
- отчуждение в пользу народа удельных и монастырских земель за вознаграждение, определяемое законодательными учреждениями;
- преобразование России в Союз автономных областей под наименованием Соединенные Штаты Российской Республики; объединение всех государств в один «Всемирный Союз государств»;
- отделение церкви от государства; равенство всех религиозных общин, церквей и исповеданий перед законом, а также и вневероисповедного состояния;
- полная свобода религиозной проповеди;
- пересоздание церкви на началах Евангелия по образу церкви времени Христа и Его апостолов, описанной в Новом Завете;

[10] Там же. С. 262.

[11] Там же. С. 265.

[12] Там же.

- упразднение иерархии и восстановление равенства всех членов церкви; в церкви могут быть только служители, свободно избираемые и поставляемые церковью из достойных лиц;
- введение в богослужение народного языка вместо малопонятных языков; активное участие в богослужении членов церкви.

Программные установки партии «Воскресение»[13], впервые в России назвавшей себя «христианско-демократической», показывают, что И. Проханов пытался учитывать современные российские условия: социальную напряженность и падение авторитета Российской православной церкви. Основные положения данной программы касались социальной справедливости и были не только тесно связаны с идеей реформации религиозной жизни, но прямо из этой идеи вытекали.

В том же 1917 году Проханов основал газету «Утренняя звезда» — *для выражения евангельской точки зрения на религиозные, политические, общественные, экономические, научные и литературные вопросы.* Программу «Воскресения» он комментирует так: *Все пункты религиозной программы могут быть осуществлены только частью законодательным путем, но главным образом при посредстве свободного религиозного творчества, путем убеждения и вдохновенного слова проповеди*[14].

Официальная церковь опасалась новых идей, но принципы «социальной евангелизации» находили отклик в интеллектуальном слое православной общественности. Закрепощенность Православной церкви государством, которое понуждало ее к выполнению порой полицейских функций, церковный бюрократизм и сервилизм по отношению к власти провоцировали в православной мыслящей среде стремление к религиозной реформации. Между официальными представителями церкви и обществом росла стена непонимания. Русский философ С. Н. Булгаков (1871–1944), совершивший эволюцию от марксизма к христианству, знавший и церковь, и освободительное движение, считал необходимым вести одновременную борьбу как с пороками внутри церкви, так и с безрелигиозностью революционеров. В 1905 году он основал партию «Союз христианской политики», программа которой сформулирована в его статье «Неотложная задача» (1905).

Булгаков считает, что социалистическая идея преследует благородные цели установления социальной справедливости, но невозможность ее реализации заключается в том, что она базируется на философской почве атеистического гуманизма, на «религии человечества, но без Бога и против Бога»[15]. Государственную церковь, равнодушную к социальному злу и отталкивающую тем самым народ от христианства, Булгаков обвиняет в распространении безбожия. Он видит задачу христианской политики в христианизации социалистических идей: *христианин не может и не должен быть индифферентен*

[13] Полный текст см.: Утренняя звезда. 1917. № 1. С. 7.

[14] Утренняя звезда. 1917. № 1. С. 8.

[15] *Булгаков С.* Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Булгаков С. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 6.

к задачам политики и общественности, выдвигаемым современностью[16]. Определяющее направление христианской политике дают заповеди Христа. Учение о Богосыновстве, говорит автор «Неотложной задачи», утверждает абсолютное достоинство человеческой личности как образа Божьего. Он подчеркивает, что *непоколебимые основы всякого освободительного движения — идеал свободы личности*[17]. Однако укоренению нравственной основы в освободительном движении мешает поврежденность человеческой природы, следовательно, с исправления этой природы и следует начинать.

Авторитарному государственному устройству Булгаков противопоставляет *свободный союз самоуправляющихся общин* и видит идеальное будущее устройство мира в организации «Всемирных Соединенных Штатов». Спустя двенадцать лет эту идею почти слово в слово повторит И. С. Проханов в программе партии «Воскресение». Христовы заповеди одеть и накормить нуждающегося в настоящее время, по мнению Булгакова, можно выполнить только *посредством сложной социальной техники*[18]. Он добавляет: *Все это совестно и скучно говорить и доказывать, и было бы совершенно излишне на Западе и в Америке, где движение так называемого христианского социализма давно не новость, но, к сожалению, приходится у нас*[19]. Здесь автор прямо указывает интеллектуальный источник создаваемого им Союза христианской политики.

Союз христианской политики не обрел организационной формы и вошел в историю только как памятник философской мысли. Во II Государственную думу Булгаков баллотировался как беспартийный кандидат, был избран от Орловщины и стал одним из деятельных депутатов. Позже С. Н. Булгаков вовсе откажется от идеи христианского партийного строительства, бросив в 1917 году знаменитую фразу: *Нередко высказывается пожелание о том, чтобы у нас возникла самостоятельная* ***партия*** *христианских социалистов. Однако едва ли можно разделить это пожелание. Пусть социалисты делаются христианами, а через то христианизируется и их социализм, но выступать с проповедью особой* ***партии*** *христианского социализма — это значит принижать вселенские глаголы христианства*[20]. Но и здесь Булгаков, которого по праву можно назвать одним из предтечей современной русской христианской демократии, остается верным идее социальной евангелизации.

Из энциклики папы Иоанна Павла II «Сотый год» (Centesimus annus) (1991)

Глава V. Государство и культура

46. Церковь ценит демократическую систему в той мере, в какой система эта обеспечивает гражданам право политического выбора, гарантирует

---

[16] Там же. С. 31.

[17] Там же. С. 32.

[18] Там же. С. 36.

[19] Там же. С. 37.

[20] *Булгаков С.* Христианский социализм. С. 228.

им возможность избирать и контролировать правителей или, если понадобится, менять их мирным путем. Тем самым она не станет потворствовать образованию небольших правящих группировок, которые узурпируют государственную власть в своих интересах или в идеологических целях.

Подлинная демократия возможна лишь в правовом государстве и на основе правильного представления о человеке. Для нее нужны условия, при которых индивидуум мог бы развиваться, получая образование и истинные идеалы, а общество становилось «личностным», создавая структуры, где люди работают вместе и вместе несут ответственность. Теперь нередко говорят, что демократическая форма политической жизни хорошо уживается с агностицизмом и релятивизмом в философии. Тех, кто убежден, что знает истину и твердо ее держится, считают ненадежными с демократической точки зрения, ибо они не верят, что истину определяет большинство или что она меняется вместе с политическим равновесием. Надо заметить в связи с этим, что, если вообще нет окончательной истины, которая руководила бы политической деятельностью, очень легко манипулировать идеями и убеждениями в интересах власти. История показывает, что демократия без прочных ценностей скатывается к открытому или слегка прикрытому тоталитаризму.

Церковь не закрывает глаза и на опасность фанатизма и фундаментализма среди тех, кто во имя идеологии, претендующей на научную или религиозную значимость, полагает, что вправе навязывать другим свое понимание истины и добра. Христианская истина — не такая. Вера наша — не идеология, а потому не тщится загнать в строгую схему изменчивые политические реальности и признает, что жизнь человеческая осуществляется в истории по-разному, всегда несовершенно. Более того, Церковь неизменно почитает свободу, постоянно настаивая на богоданном достоинстве личности.

Однако свобода достигнет полноты, только если примет истину. В мире, где истины нет, свобода теряет самые свои основания; человек открыт разгулу страстей, игре явных или тайных обстоятельств. Христианин жив свободой, он ей служит, непрестанно предлагая другим известную ему истину в силу своего миссионерского призвания (см.: Ин 8:31–32). Он чуток ко всякой крупице правды, какую только увидит в жизни и культуре людей и народов, но, беседуя с другими, всегда утверждает то, что сообщили ему вера и здравое владение разумом.

47. Теперь, когда рухнул и коммунистический тоталитаризм, и многие другие режимы «национальной безопасности», мы видим, что — конечно, не без конфликтов — в мире распространяется демократический идеал и большая забота, большее внимание к правам человека. Но именно поэтому нужно, чтобы, перестраивая свои системы, народы подвели под демократию подлинное, прочное основание, открыто признав эти права. Среди самых важных — право на жизнь, включающее право ребенка развиваться в материнской утробе с момента зачатия; право жить в единой семье и в атмосфере, способствующей развитию личности; право развивать разум и свободу в поисках и познании истины; право участвовать в разумном использовании материальных ресурсов земли и зарабатывать этим трудом на жизнь себе и своим близким; право свободно создавать семью, иметь и воспитывать детей, ответственно используя свою воспроизводительную силу. В определенном смысле

источник и синтез этих прав — религиозная свобода, то есть право жить по истине своей веры, согласно с богоданным достоинством своей личности.

Даже в странах с демократическим правлением права эти не всегда уважают в полной мере. Мы говорим не только о соблазне абортов, но и о разных срывах внутри демократий, которые иногда словно бы теряют способность принимать решения, направленные к общему благу. То, чего требует общество, не всегда рассматривают по справедливости, нравственно; в игру вступает скорее политическая и финансовая мощь тех, кто эти требования поддерживает. Такое падение политических нравов порождает в конце концов апатию и недоверие; чувствуя, что их обманули, люди разочаровываются и все меньше участвуют в общественной жизни. Из-за этого труднее сообразовывать частные интересы с общим благом. Ведь общее благо — не просто совокупность интересов; интересы эти надо согласовать на основе уравновешенных, иерархических ценностей. В конечном счете это невозможно, если неправильно понимают достоинство и права личности.

Церковь уважает законную автономию демократического строя, не предпочитая тех или иных учреждений или уложений. В политическую сферу она вносит одно: глубокое почтение к достоинству личности, явленному во всей полноте в тайне Воплощенного Слова.

<...>

54. В наши дни социальное учение Церкви уделяет особое внимание человеку, включенному в сложную сеть отношений современного общества. Гуманитарные науки и философия помогают понять, что человек занимает в обществе центральное место, а ему самому — осознать себя как «социальное существо». Однако только в вере открывается ему, кто он такой, и только от нее исходит социальное учение Церкви. Черпая из сокровищниц науки и философии, оно должно, прежде всего, вести человека к спасению...

II. Принципы христианской демократии

Из книги Сергея Мезенцева «Международное христианско-демократическое движение. Теория и практика»[21]

Философы Маритен и Мунье — классики христианской демократии — выступили, во-первых, за социальное христианство и повышение духовной роли церкви в жизни политического общества; во-вторых, за четкое разделение функций и установление гармоничных отношений между церковью и государством; в-третьих, за формирование в недрах капитализма христианского общества и государства, которые стояли бы на службе обеспечения и защиты личности и ее прав и обязанностей...

В маритеновском социальном персонализме, целиком базирующемся на философии томизма, особо выделяется концепция общего блага. Анализ общего блага привел Маритена к выводу, что оно не только не противоречит благу личности, но, напротив, наиболее полно согласуется с ним.

---

[21] *Мезенцев С.* Международное христианско-демократическое движение. Теория и практика. М., 2004.

Общее благо предполагает перераспределение: оно должно быть как бы «роздано» между членами сообщества... оно должно содействовать развитию всех.

Общее благо требует существования общественной власти, которая устанавливала бы обязанности и бдительно следила за честным его распределением.

Нельзя говорить об общем благе, если оно не отвечает требованиям справедливости и не несет в себе нравственного начала.

Несколько по-иному формулирует социальный персонализм Мунье, утверждающий примат личности над материальной необходимостью и коллективным началом... Социальные институты должны строиться таким образом, чтобы создавать «атмосферу свободы» для личности и общества.

Творчество Маритена, Мунье и других христианских мыслителей и политическая деятельность Л. Стурцо, А. Де Гаспери, К. Аденауэра и др. внесли существенный вклад в развитие теории международного христианско-демократического движения. В итоге это привело после окончания Второй мировой войны к образованию массовых христианско-демократических партий в ряде стран мира.

С 1970-х годов теоретический кризис христианской демократии становится все более явным. Вот что об этом пишет Р. Папини: *Эволюция теории, философии, естественных и социальных наук, научное и технологическое развитие, изменение форм жизни, социальные мутации изменили мир и терминологию, к которой привыкла христианская демократия в течение десятилетий*[22]. Иначе говоря, томизм и персонализм, положившие начало послевоенному ренессансу международного христианско-демократического движения, в современных условиях демонстрируют свою неэффективность. Совершенно очевидна необходимость выработки новых теоретических подходов, способных придать ему «второе дыхание», а именно: выход социально-философской мысли христианско-демократической направленности за рамки христианских конфессий, использование теоретических разработок, осуществленных светскими социальными, политическими и экономическими науками.

Основные положения христианско-демократической теории:

- Подчинение материального духовному.
- Христианская этика, имеющая, согласно христианскому вероучению, божественное, внеисторическое происхождение.
- «Волновая» направленность исторического процесса, то есть колебания исторического вокруг логического как прямого пути к Богу.
- Двойственная концепция «социального», учитывающая в сущем и конфликт, и солидарность между людьми.
- Христианское понимание человека и общества, включающее в себя интерпретацию социального мира [в смысле мира=покоя] как одного из своих моментов.

---

[22] *Папини Р.* Указ соч. С. 136.

- Сочетание «государствоцентрического», «социоцентрического», «наднационального» и «антропоцентрического» видения.
- Изначальное единство человечества, в котором процесс глобализации выступает как окончательное его оформление.
- Превращение должного в сущее, нормативного в позитивное.

Составными частями христианско-демократической теории являются христианская демократия, христианский социализм и христианская политика.

Христианская демократия — это философско-культурное посредничество христианского направления, выраженное в «сообщественном» персонализме, политическое и социальное движение, автономное по отношению к церковным организациям, но объединяющее в своих рядах как верующих — католиков, протестантов, православных, так и неверующих.

Христианский социализм — это многочисленные течения в современном христианстве, обосновывающие социалистическую идеологию и практику положениями евангельского учения, исходящие из того, что все вопросы, вызванные промышленным развитием общества, и прежде всего противоречия между трудом и капиталом, возможно разрешить на основе христианских принципов, посредством сотрудничества и морально-религиозного усовершенствования людей.

Христианская политика — это посредствующий переход от «дурной» действительности к Царству Божию (Богочеловечеству) как конечной цели земной жизни людей; по сути, это определение имеет широкий смысл и охватывает «все виды их деятельности по самостоятельному *руководству*» (Вебер М. Политика как призвание и профессия).

[Вывод:] ...до сих пор отсутствует единое понимание христианской демократии, христианского социализма и христианской политики. Иными словами, процесс формирования теории международного христианско-демократического движения еще не завершен.

Теория христианской демократии выражает особый тип мировоззрения, миросозерцания, способ мышления, образ жизни. Положения о том, что распространение духовных ценностей является первейшим условием социально-экономического развития и что воспитание нового человека должно предшествовать общественным преобразованиям, представляются типичными для теории христианской демократии. Эта теория исполняет *глубоко идеалистическую миссию, помогая сохранить главное — достоинство человеческой личности, создавая условия, при которых она могла бы полностью развиться духовно и материально, посредством гармонического сотрудничества с другими людьми*[23].

Если Библия является первоисточником теории христианской демократии, то ее основанием 1) христианская философия, в первую очередь концепция интегрального гуманизма Ж. Маритена, 2) теория социального конфликта Р. Дарендорфа и Л. Козера и 3) социальный католицизм, глав-

[23] *Clemens C.* Christian democracy: The different dimensions of a modern movement. Brussels, 1989. P. 10.

ным образом социальное учение Католической церкви. Кроме того, теория христианской демократии является «золотой серединой», по одну сторону которой располагаются теории научного коммунизма, научного социализма и социал-демократии, а по другую — теории консерватизма, либерализма и национализма.

Основными принципами христианской демократии являются: свобода личности, общее благо, субсидиарность, солидарность, социальная рыночная экономика.

Принцип субсидиарности[24] есть принцип свободы социальных общин и гарант личной свободы каждого их члена.

Принцип субсидиарности как правовой принцип. Речь идет о защите отдельного человека или малых групп от опеки со стороны вышестоящих инстанций. Здесь принцип обеспечивает право на собственную экономическую, политическую и художественно-интеллектуальную инициативу и тем самым на собственную ответственность за свои действия. Это относится не только к личности, но и к малым общинам (семья, приход, соседи и объединения). Важной темой при этом становится коммунальное самоуправление, тарифная автономия и свобода объединения.

Субсидиарность как социальный принцип. Под этим имеется в виду, что вышестоящая инстанция или организация может вмешаться только в том случае, если отдельная или малая община по какой-то причине не в состоянии длительное время выполнять свою задачу. Возникшая трудность может иметь длительный или всего лишь временный характер. В последнем случае вышестоящая инстанция должна сразу же отходить на второй план, если нижестоящая опять в состоянии функционировать. Это можно назвать помощью для самопомощи. Как социальный принцип субсидиарность переплетается с понятием солидарности и помогает пониманию смысла и задачи любой общины: создавать условия для того, чтобы в рамках общественной задачи ее члены развивали свою личность и вели по-человечески богатую жизни.

Принцип субсидиарности ставит человеческую личность в центр процесса принятия каждого решения, в результате чего община становится ближе к человеку и его проблемам и тем самым заявляет о приоритете малых жизненных кругов перед анонимными крупными общинами.

Социальное рыночное хозяйство[25] противопоставляет коллективизму — персонализм, концентрации власти — свободу, централизму — децентрализм, организации — самопроизвольность и т. п.

Эта теория призвана примирить различные виды мировоззрений, идеологий и вероисповеданий, являясь той основой, на которой могут быть объединены католическая, протестантская и православная социальные доктрины, переработанные элементы социализма и лучшие традиции либерализма.

---

[24] *Нойхаус Н.* Ценности христианской демократии. М., 2005. С. 49–51.

[25] *Мезенцев С.* Указ. соч. С. 268, 275.

Именно в синтезе принципов свободы рынка и социального выравнивания заключается смысл социального рыночного хозяйства.

Взаимная зависимость между экономическим, государственным и общественным строем ставит социальное рыночное хозяйство в параллель к демократии правового государства... Взаимозависимость экономического и политического порядков включает в себя, разумеется, возможность для установления широких рамок, внутри которых собственность, конкуренция, свобода договоров, свобода производства и потребления представляют собой основные гарантированные в конституционно-правовом отношении краеугольные камни[26].

Из книги Норберта Нойхауса «Ценности христианской демократии»[27]

Социальная рыночная экономика — это прежде всего философия порядка, которая ставит человека в центр внимания. Она есть экономический порядок свободного общества или, лучше сказать, свободный общественный и экономический порядок.

Это общественная философия порядка, в которой либеральная традиция рыночной экономики сочетается с принципами христианского социального учения о личности и обществе.

Экономическая и общественная политика, ориентированная на общее благо, должна иметь в виду ценности духовного и нравственного содержания жизненного устройства. Экономическая политика не может рассматриваться изолированно как чистая политика, но она является частью всеобъемлющей общественной политики.

Социальная рыночная экономика уважает и поддерживает принцип свободного развития и самоопределения личности. Свобода потребления, выбора рабочего места, собственной экономической деятельности — таковы существенные составные элементы человеческих прав. Рынок есть место, где эта свобода может осуществляться. Рынок есть живая демократия.

Социальная рыночная экономика не низводит государство до положения ночного сторожа, как при либеральном капитализме, но предусматривает сильное, самосознательное государство, которое заботится об общем благе и обеспечивает экономическую и социальную функцию конкуренции... Она исходит из того, что индивидуальное благо и общее благо в принципе не противоречат друг другу и даже обусловливают друг друга.

III. Сравнительная характеристика христианской демократии

Из статьи в Википедии (пер. с англ.)[28]

Идеологически христианская демократия включает многие взгляды, которых придерживаются либералы, консерваторы и социалисты в более широ-

---

[26] *Шлехт О.* Этическое содержание социального рыночного хозяйства. — Цит. по: *Мезенцев С.* Указ. соч. С. 285.

[27] *Нойхаус Н.* Указ. соч. С. 114–125.

[28] http://en.wikipedia.org/wiki/Christian_democracy

ких рамках моральных и христианских принципов (Geoffrey K. Roberts and Patricia Hogwood).

- Вместе с либерализмом — акцент на правах человека и индивидуальной инициативе.
- В противовес либерализму — отвержение лаицизма и акцент на том факте, что индивид является частью сообщества и имеет обязанности перед ним.
- Вместе с консерватизмом — консервативные моральные ценности (по вопросам брака, развода, абортов и проч.), приверженность эволюционному развитию общества, акцент на законе и порядке и отвержение коммунизма.
- В противовес консерватизму — открытость к изменениям (например, в структуре общества) и не обязательно поддержка социального статус-кво.
- Вместе с социализмом — сильный акцент на социальной солидарности (государство благоденствия, борьба с бедностью, высокие налоги на богатство и проч.) и стремление к ограничению стихии рынка.
- В противовес социализму — поддержка капитализма и рыночной экономики и неприятие идеи классовой борьбы.

IV. Исторические периоды и партии[29]

В своем политическом измерении международное ХДД прошло три этапа: конфессиональный, неконфессиональный и межконфессиональный (народный).

Для первого этапа характерно существование католических партий (в XIX — начале XX века во Франции, Италии, Германии и др.), которые стремились защитить интересы прежде всего Католической церкви.

Второй этап — этап перехода от католических партий к народным (межвоенный период). На этом этапе «внутри католического движения появляются новые формы христианской демократии — народные партии, существование которых, хотя и недолгое, окажет большое влияние на христианский мир и демократию. Эти партии не конфессиональные, хотя и христианского направления, менее прямолинейные в защите религиозных интересов, что было присуще старым католическим партиям, и более связаны с защитой демократических свобод» (Р. Папини): Народная партия Италии («Пополяри»), Народно-социальная партия Испании, Народная партия Чили, немецкая партия Центра позднего периода и др.

Межконфессиональный (народный) этап в развитии международного христианско-демократического движения начался в ходе Второй мировой войны: создание Христианско-демократической партии Италии, христианско-демократического союза Германии и многих других подобных партий. Преследования и притеснения, которым подвергались христиане в период

[29] *Мезенцев С.* Указ. соч. С. 236–237, 249.

фашизма, участие католиков и протестантов «плечом к плечу» в Сопротивлении, неприятие ими коммунизма и опасения, что их страны могут стать социалистическими, сблизили представителей обоих вероисповеданий и создали возможность политического союза между ними.

В 1976 году была создана Европейская народная партия (ЕНП), центристская, в основу идеологии которой были положены принципы персонализма, солидарности и субсидиарности, христианская концепция личности и теория социального рыночного хозяйства.

ЕНП имеет крупнейшую фракцию в Европарламенте (в коалиции с европейскими демократами).

В политическом измерении христианские демократы занимают промежуточную позицию между социал-демократами и либералами: они не являются ни поборниками широкого присутствия государства во всех сферах общественной жизни, ни сторонниками «свободной игры сил». При этом различие между христианскими демократами, социал-демократами и либералами в значительной степени утратило свою социальную основу.

* * *

В современной России, в конце 1980-х — начале 1990-х годов, возникли и действовали (как в столицах, так и в некоторых региональных центрах) несколько мелких политических партий и организаций христианско-демократической направленности. Ни одна из них не стала парламентской партией, и большинство прекратило свое существование.

Информацию о «Союзе христианских демократов России» (СХДР) вплоть до 2002 года можно найти на Интернет-сайте партии: http://www.shdr.ru/.

Подробнее об истории христианско-демократического движения в постсоветской России см. в книге А. Щипкова «Христианская демократия в России», доступной в Интернете: http://religare.ru/book11.htm.

Григорий ПОМЕРАНЦ

ПОИСКИ ПОДЛИННОГО

Александр Шмеман в зеркале «Дневников»[1]

Когда б вы догадались, сколько зла
Скрывается в одной фальшивой ноте,
То бросили бы все свои дела
И стали помогать в моей работе.

Зинаида Миркина

«Дневники» Шмемана вызвали невротическую реакцию у православных фундаменталистов. На их нападки убедительно ответил священник Филипп Парфенов[2]. Мне хочется оставить все это в стороне. По мере чтения «Дневников» все больше захватывало иное, становление творческой личности, корни которой вышли за рамки профессии, этноса, нации и временами пробивают даже границы западного культурного круга. В «Дневниках» своих Шмеман откровенно пишет: *Если кто-нибудь когда-нибудь будет «изучать» «источники» моего богословия (!), он вряд ли догадается, что на меня всегда неимоверную тоску нагоняли, например, Кавасила, Дионисий Ареопагит и т. п., а что в извилистых путях моего мироощущения и, следовательно, мысли и убеждений сыграло странную, но несомненную роль: при-*

[1] Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2005. Далее страницы указываются в тексте.

[2] «На нас надвигается новое Средневековье...» — «Континент», № 132.

Григорий ПОМЕРАНЦ — родился в 1918 г. в Вильно (ныне Вильнюс). Окончил ИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны. В 1946 исключен из ВКП(б) за «антипартийные заявления». В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности, осужден; освобожден (1953) и реабилитирован (1958). Философ, культуролог, публицист. Автор книг «Сны Земли» (Париж, 1958), «Неопубликованное» (Мюнхен, 1972), «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М., 1990), «Собирание себя» (М., 1993), «Выход из транса» (М., 1995), «Опыты философии и культурологии» (М., 1995), «Страстная односторонность и бесстрастие духа» (М. – СПб, 1998), «Записки гадкого утенка» (М., 1998) и др.; вместе с З. Миркиной «Огонь и пепел» (М., 1993), «Великие религии мира» (М., 1995). Член Русского ПЕН-Центра. Живет в Москве.

служивание в церкви (корпус, rue Daru[3]), русская и французская поэзия, Андре Жид, дневник Жюльена Грина и дневник же Поля Леото (прочел все восемнадцать томов! — как они оба этому удивились бы!) и бесконечное число самых разнообразных биографий (например, Талейран и де Голль). Как объяснить самому себе, прежде всего, что я ***люблю*** *Православие и все больше и больше убежден в его истине и все больше и больше* ***не*** *люблю Византии, Древней Руси, Афона, то есть всего того, что для всех — синоним Православия. Я бы умер со скуки на «конгрессе византинистов». Только самому себе я могу признаться в том, что мой интерес к Православию обратно пропорционален тому, что интересует — и так страстно — православных* (с.236–237).

Тут каждая строка — парадокс. И одна из первых загадок — восемнадцать томов Леото. Шмеман много читал, очень много. Но восемнадцать томов — дневника! Что там захватывало? Жюльен Грин хоть католик, а Леото и вовсе атеист. Кажется, привлекал сам *жанр* дневника. Чтение дневников было школой, подготовившей «Дневники» самого Шмемана, — школой искренности. Есть тексты, располагающие к фальши: реклама, протокол допроса. Говоришь то, что тебе выгодно, и молчишь о том, что невыгодно. А дневник, лежащий в столе, — полная этому противоположность. Шмеман, искренний по натуре, уставал от канонов (а грубо говоря — от штампов), неизбежных в любом церковном разговоре, в любой церковной службе. Каноны Православия не менялись полторы тысячи лет, а люди менялись. Современный священник стал другим человеком. Он пришел из мира, где идет становление личности. Он одарен в одном, а в другом чувствует себя беспомощно, неловко. Я знаю два достоверных случая, когда митрополит Антоний Сурожский, выслушав исповедь, не погружался в тину мелочей, а молча смотрел человеку в глаза — пять, десять, пятнадцать минут — и потом говорил несколько разрешающих слов или просто переводил разговор на другую тему; и этого было достаточно, исповедующийся уходил с чувством, что его подняли на другой уровень и его проблема снята. У Шмемана этого дара не было. У него были другие дары. Есть замечательная запись в одной из последних тетрадей:

«Дома», «самим собой» я осознаю себя только когда читаю лекции. Каким бы он ни был, но это, в сущности, мой единственный дар. Все остальное — руководство, «духовная помощь» — все с чужого голоса и потому такое тягостное. Лекции — я всегда с удивлением ощущаю это — я читаю столько же для себя, сколько студентам. В них я не кривлю совестью, и не кривлю потому, что их читает во мне кто-то другой, и часто они просто удивляют меня: вот, оказывается, в чем вера или учение Церкви... Мне иногда хочется встать и громко заявить: «Братья, сестры! Все, что я имею сказать, о чем я могу свидетельствовать, — все это в моих лекциях. И больше ничего у меня нет, и потому, пожалуйста, не ищите у меня другого». Ибо во всем другом я не то что лгу, но не чувствую того помазания.., которое необходимо, чтобы быть подлинным (с. 576).

Это проблема не только церковная. Никогда прежде подлинность не была такой острой темой, как в современном обществе.

---

[3] Т. е. в кадетском корпусе и в соборе св. Александра Невского на ул. Дарю в Париже.

Время предписанных ролей кончилось. Открыты тысячи путей. Но выбрать трудно. Чужие голоса подсказывают вам тысячи дорог. И никто не помогает сказать, как ответил Гамлет Розенкранцу и Гильденстерну: *Вы можете расстроить меня, но не играть на мне.* Сознание самого себя складывается, но еще не сложилось. Шмеман — счастливое исключение. Он открыл в душе свой собственный источник, из которого льются подлинные слова (об этом мы прочитаем у него немного ниже). В аудитории, на лекции, — его «помазание». А писать для печати труднее, каждая написанная фраза перебивает полет вдохновения. И выход был найден — в дневнике.

К этому мы еще вернемся, а пока хочется отметить тонкое смысловое различие, которое Шмеман проводит между правдой, которая может быть записана с чужого голоса, и чем-то подлинным, рождающимся в глубине сердца, по выражению Бердяева — транссубъективным, укорененным в «царствии, которое внутри нас», но не совсем наше. Примерно на том уровне, где действует Бог, действует неожиданно для самого говорящего, — Шмеман это называет «помазанием». Сравнительно с подлинной правдой правда с чужого голоса чуть-чуть фальшива. На ней лег отпечаток чужой речи, письменного языка с его лексикой, грамматикой и синтаксисом, иногда еще чужого, мертвого языка, оттенки которого умерли, остались одни термины; но богословие, подчеркивает Шмеман, ближе к поэзии, чем к науке. Это многозначная ткань, которая ткется из многозначных, таинственных слов. Как в стихах:

А накопленье тишины
Шло так неисчислимо долго,
Что сердцу сделались слышны
На небе ангельские толки,
И тот, кто так давно отвык
От громких слов и формул строгих,
Постигнул ангельский язык
И начал лепетать о Боге.

* * *

Вы не знаете Бога,
Вы придумали Бога,
Слов насказано много,
Но ведь Он молчалив.
Что такое познанье?
Погруженье в молчанье,
Сердца к сердцу касанье
И свидетельство — жив.[4]

В свободной речи, как в поэтическом вдохновении, мелькает «помазание», неожиданный всплеск из последней глубины, который задним числом можно обработать, отшлифовать, но очень осторожно, чтобы не потерять противоречивость живой жизни ради стройности системы, ради толерант-

[4] З. Миркина.

ности и т. п. Когда говоришь с вдохновением, не думаешь, что скажет княгиня Марья Алексевна, а пишешь — и призадумываешься.

В современной культуре роль Марьи Алексевны часто играет информация. Все хорошо в меру, в том числе знание фактов. Куча мелочей, открытых в тысячах частных наук, засоряет голову и мешает видеть целое, увидеть с птичьего полета, что слова только подводят к главному, о чем надо молчать, что остается в паузе между словами. Об этом прекрасно писал когда-то Тютчев:

Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи.
Питайся ими — и молчи.

Это можно отнести и к внутреннему миру личности, и к объяснению в любви, и к тайнам веры. Слово подводит вплотную к тайне, но тайна должна всплыть из несловесной глубины.

Однако в русской культуре «Silentium» Тютчева остался одиноким парадоксом. И учителями Шмемана стали французы:

Читая Леото, я вдруг понял, что — помимо всего прочего, правдивость его укоренена, выражается в языке. Он — последний французский писатель, болезненно чувствующий фальшь и ложь того языка, что постепенно изнутри разлагал французский язык, соотношение в нем слова, предложения со смыслом, торжество в нем исподволь отвлеченности, «идеологизма» Так теперь пишут все, и не только по-французски (Увы! И по-русски. — *Г. П.*). *Наша эпоха создала постепенно новый язык, но и новое «чувство языка». Причина этого двойная: «идеологизм» и, более банально, отрыв культуры от жизни, творчество из ничего — и потому из «ничего» и состоящее, безответственная игра форм и структур* (с. 245). Почему безбожник может быть так *свободен и правдив, честен и по-своему милостив и почему именно этих качеств так трагически не хватает «религиозным» людям?* (с. 180). *И вот мне кажется, что этого «воинствующего» (на словах) атеиста Бог, так сказать, не может не любить. Именно за правдивость, за беспощадность в изображении, пересказе самого себя, без смирения, без какого бы то ни было знания о нем Не знаю, не знаю: слова все эти как-то не подходят, однако я читаю Леото всегда именно с духовной пользой, с какой, увы, почти никогда не читаю так называемой «духовной литературы». Он обличает во мне всякую духовную дешевку, ненужное возбуждение, пристрастие к красивым словам, как-то внутренне освобождает* (с. 244).

Для меня Византия была неведомой землей. Я успел полюбить византийскую и древнерусскую икону и проводил час за часом в отделе древностей Третьяковской галереи. Сравнительно с византийцами и с Андреем Рублевым почти все новое казалось мне мелким. Сожалею, что Шмеман был лишен этого опыта. И я охотно принял осторожное приглашение Аверинцева посетить его лекции о средневековой культуре. Осторожным Сергей был из вежливости (ему было тридцать, а мне пятьдесят), но я с готовностью стал ходить на эти лекции, как студент. Сережа, еще молодой, не умевший ограничить себя определенной темой, плавал в море воскрешенной им средневековой жизни, как в живой современности. Все прочитанное (а читал он безум-

но много) стало его собственным, и он ощущал себя в этом мире гораздо свободнее, чем в современности. Это был его дом, его наследственный удел.

Я развивался иначе. Я не мог повернуться спиной к хаосу XX века. И только *дополнял* современность: музыкой барокко, «проповедями и рассуждениями» Экхарта, беседами Судзуки и Уоттса о буддизме дзэн, беседами Кришнамурти, упанишадами, созерцанием древних икон. И мне хотелось включить в эту семью средневековое богословие, и прежде всего — самое мистическое в нем: Григория Нисского, Псевдодионисия Ареопагита, которого Шмеман зря отверг. Попытки Псевдодионисия подходить к несловесному слову, выкручивая и выворачивая обыкновенные слова, казались ему пустой игрой. Это перекликается с сопротивлением, которое в нем вызывали Достоевский и Марина Цветаева. Он, впрочем, понимал, как и Флоренский, что есть истины, которые могут быть высказаны только в истерике, в обстановке скандала, чрезмерного нажима на слова. Шмеман это в конце концов понял в Цветаевой, а в Псевдодионисии не стал стараться; так же, как не давал себе труда разобраться в «ориентальщине». Будем благодарны ему за то, что он разглядеть и понять сумел. Тем более, что многое он и у Достоевского усвоил. Некоторые страницы «Дневников» — не меньший скандал, чем скандальные сцены у Достоевского.

По мере того как я читал «Дневники», мне становилось ясно, что Шмеман — человек тройной национальной укорененности. Родившись в Ревеле, переименованном в Таллинн, в русской православной семье, он уже ребенком лет четырех, в 1925 году, оказался в Париже. Здесь он учился в русском кадетском корпусе, втягивал в себя русскую культуру, духовную и светскую, со всей силой эмигрантской ностальгии... Но в Париже, окруженный французской культурой, входившей во все щели, он незаметно врастал и в нее. И я совершенно понимаю, что Франция стала для Шмемана второй родиной, а может быть и первой, если говорить о структуре мысли, о стиле.

Вдумываясь в попытки Шмемана понять самого себя, видишь, как детская и отроческая любовь к православию проходила через французский фильтр, проходила как вселенская вера, как вера, не подчинявшаяся законам логики, никаким принципам (он цитирует анонимную английскую фразу, по духу близкую Антонию Сурожскому: *принципы — это то, чем люди заменяют Бога*). А Византия сквозь фильтр не проходила. Московия, задыхавшаяся в своей косной изоляции, не проходила. И его Россия — петербургская, европейско-русская культура, отрезанная от византийских икон и мозаик (их в Париже не было), отрезанная от Андрея Рублева и Дионисия с чадами... Их Шмеман не пережил и не знал.

В «Дневниках» — постоянные цитаты из русских поэтов и писателей, размышления о Пушкине, Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Чехове, Цветаевой, Набокове, Мандельштаме, Пастернаке, Бродском. Набокова он жестко критикует, а книгу Синявского о Гоголе, которую не приняла почти вся русская эмиграция, прочел с восхищением и еще раз перечитал, чтобы убедиться в своей правоте. Но не менее широко представлена и французская литература и вся полнота французской культуры. Она стала своей, вместе с русской она захватывала своими достоинствами и вызывала стыд своими пороками.

Переезд в Америку еще больше расширил этот круг *своего*. Став американцем на переломе между юностью и зрелостью, в 1951 году, Шмеман быстро укореняется в Штатах. Человеку, вышедшему из однозначной укорененности, сравнительно легко перейти от двойственной и к тройственной. Можно сравнить это с неосуществленным проектом преобразования Австро-Венгрии в Австро-Венгро-Польшу. До этого был проект Австро-Венгро-Славии, но помешал выстрел Гавриила Принципа, и в 1918 году появился другой проект, Австро-Венгро-Польши; на этот раз помешала катастрофа в сентябре на Западном фронте. Однако в личном плане Шмеман создал прочную тройственную державу и мирно жил в ней.

Никакой расколотости, никаких внутренних конфликтов[5] это не вызвало. Расколотость вызывало другое: участие в реформах церкви — при понимании, что глубокие реформы невозможны. А тройная национальная идентичность была вполне гармоничной. Это *зрячая* любовь к России, Франции, Америке с ясным сознанием их недостатков. Опираясь на одну свою ипостась, Шмеман видит и критикует другие: французскую склонность к левой фразе, русские бессмысленные споры, где каждый кричит свое и никто не слушает другого; короткую американскую память, непонимание окружающего мира и навязывание всем вокруг своей односторонности. Следя за политической борьбой во Франции, Шмеман чувствует себя правым в среде левых и левым среди правых. В спорах, вызванных публицистикой Солженицына, он пытается остаться в центре:

*Я не могу до конца принять ни одной из сторон и в их стопроцентном отвержении одна другой вижу ужасающую ошибку. Вот опять — поляризация русского сознания, это несчастное «или — или». Солженицын и вслед за ним Гинзбург[6] хотят, чтобы было так, как они «переживают». Хотят существования, несмотря на всё, на всю тьму, — неразложимой, **невинной** России, к которой **можно**, а потому и **нужно** вернуться Поэтому они (но главное, конечно, Солженицын) должны отвергать таких людей, как Синявский или Амальрик и т. д., отвергать их право на любовь к России. А они ее **любят**, и их оскорбляет, да и бесит, это отрицание у них любви: любви, направленной не на какую-то нетленную, почти трансцендентную «сущность» России, а на Россию «эмпирическую», на **родину** («да, и такой, моя Россия!»). В замысле я мог бы принять обе установки. Но на практике Солженицын во имя «своей» России выкидывает из нее половину ее исторической плоти (Петербург, XIX век, Пастернака и т. д.), предпочитает ей в качестве идеала, — Аввакума и раскольников, а «Синявские» все-таки как-никак презирают всякую ее «плоть», остаются безнадежными, «культурными элитистами». Разговор между ними невозможен не из-за аргументов или идей, а из-за **тональности**, присущей каждой установке. Солженицыну невыносим утонченный, культурный «говорок» Синявского, его «культурность», ибо не «культуру» любит он в России, а что-то совсем другое. Какую-то присущую ей «правду», определить которую он, в сущности, не способен, во всяком случае, в категориях отвлеченных, в мысли, но по отношению к которой всякая «культура», особенно русская, кажется*

[5] Как полагалось, по взглядам Л. Н. Гумилева.

[6] Александр Гинзбург (1936–2002), известный диссидент.

ему мелкотравчатой. Синявскому же ненавистна всякая «утробность» и из нее рождающийся утопизм, максимализм, преувеличение. В истории на земле возможно только культурное «возделывание», но не «преображение» земли в небо. Условие культуры — свобода, терпимость, принципиальный «плюрализм», моральная чистоплотность, «уважение к личности» (с. 473–474) (подчеркнуто мною. — *Г. П.*).

Здесь я готов подо всем подписаться. Однако «вселенскость» Шмемана имеет свои границы. *Вчера вечером*, — записывает Шмеман, — *от усталости, несколько глав Уоттса, «Своим путем» Меня нисколько не интересуют восточные религии. У Уоттса меня интересует только один факт: что он был священником и ушел ради этого, всегда мне казавшегося неглубоким, ориентализма. Поэтому прочел только те главы, что относятся к его пятилетнему англиканскому священству* (с.12).

С самоограничением привычного культурного круга я столкнулся несколько десятков лет тому назад у Аверинцева. Как-то он неожиданно подарил мне две книги по искусству Востока. «Мне это не нужно, — сказал он, — а Вам может пригодиться». Я тогда же или несколько позже назвал его «средиземноморским почвенником». Видимо, он повторял понравившуюся ему шутку как самоопределение, и в этом качестве оно попало в воспоминания О. Седаковой. Я думаю, что Шмемана тоже можно назвать почвенником или домоседом своего тройственного удела.

Любопытно однако сравнить «домен» Шмемана с «доменом» Аверинцева. Границы «почвы» Аверинцева уходят далеко вглубь истории, до Книги Иова и трагедий Софокла. Это лично пережитая традиция древней и средневековой книги (которую Шмеман отодвигает от себя). Мир Шмемана — от воцарения Петра до избрания Миттерана президентом. Но в пространстве границы двух духовных империй сходятся: до рубежей христианской цивилизации.

Такое самоограничение не имеет ничего общего с распространенной у нас диаспорофобией, начиная с отвержения классической диаспоры, восходящей к вавилонскому пленению евреев, до возникающей прямо на глазах диаспоры чеченцев, азербайджанцев и др. Ничего общего нет и с тем, что Страхов назвал «борьбой с Западом». Запад и для Аверинцева, и для Шмемана — в кругу *своего*. Чужое — на Востоке. Там можно потерять больше, чем приобретешь, в выходе за известные границы. Потерять уникальность Христа? Оставить христианству только место лепестка в «розе мира», как у Даниила Андреева?

Но почему не было этого страха у Александра Меня? Этот деятельный проповедник христианства среди неверующей советской интеллигенции с глубоким вниманием относился к индийскому духовному опыту и написал о нем талантливую книгу «У врат молчания». Религии Индии толкуются Менем как открытые вопросы, на которые ответом стал Христос. Можно не соглашаться с этим, но книга интересная, яркая.

Я думаю, секрет здесь в неравном удельном весе апофатического богопознания (то есть пути к тайне Бога через отрицание всех определений и всех образов Бога) — и богопознания катафатического, положительного, зримо образного, когда вся полнота духовной истины созерцается в иконе

Христа, в иконах близких к Нему, преподобных святых, в Святой Деве, родившей Его... Апофатическое богопознание теоретически признается христианством, но большинство христиан его не знают, не понимают и не считают нужным знать. Достаточно сосредоточиться на Сыне Человеческом, свободном от эго и ставшим зримым лицом незримого и неисповедимого духовного мира.

В прошлом этого хватало. Но не сейчас, когда четыре культурных мира, веками почти не знавшие друг о друге, оказались стиснутыми во внезапно сузившемся пространстве перед внезапно выросшими проблемами, грозящими глобальной катастрофой. Без духа диалога, без понимания друг друга конфликты будут громоздиться и громоздиться. Высокомерная уверенность Запада в своем превосходстве смыта событиями. Поиски общих ценностей ни в коем случае не сводятся к моде, к дешевой «*ориентальщине*». В диалог втянуты такие люди, как Далай Лама и Томас Мертон. Несмотря на огромные различия метафизики, диалог между буддизмом и католицизмом развивается довольно успешно, во всяком случае — успешнее, чем диалог между двумя ветвями Вселенской Церкви, расколовшейся в 1054 году.

Однако глобальные проблемы вовсе не становятся от этого личными проблемами каждого. Охватить все задачи не способен ни один ум. У каждого своеобразного мыслителя складывается своя зона творческих интересов, в которой он способен плодотворно действовать, зона «моего», ограниченная от «не моего», где, как сказал бы Шмеман, у данного человека нет «помазания», где он способен только повторять, с чужого голоса, общие идеи. В этом смысл старого изречения: *гений должен себя ограничить*. И самоограничение Аверинцева тем, что я назвал «средиземноморским почвенничеством», и самоограничение Шмемана его «триалитической державой» не было их ошибкой. Каждый находил опору против религиозного и идейного фанатизма в границах своего круга, отстаивая приоритет культуры в целом перед распуханием отдельной сферы культуры, отдельных идей и принципов.

Единой глобальной культуры, достигшей духовных вершин, сегодня нет, и формирование ее идет через суперэтнические, но в то же время субглобальные духовные организмы, противостоящие глобальному хаосу. И если я, читая «Дневники», в чем-то не соглашаюсь с ними, в чем-то вижу их ограниченность, то это не мешает моей любви к этой книге. И нас окружает общая ненависть. Не случайно Аверинцева в кругу «Нашего современника» называли Евреем Евреевичем, а книги Александра Шмемана епископ-фанатик сжигал вместе с книгами Александра Меня. Пропасть проходит между духом любви, ограниченной тем или другим пределом, и духом ненависти.

Святой Дух, веющий всюду, един, но образы, которые Он принимает в человеческом сердце, а затем в словах пророков, бодисатв и святых, в каждом культурном кругу свои. Зинаида Миркина, переводя Рильке, Ибн ал-Фарида и других поэтов-мистиков, натолкнулась на это в своей работе. Она старалась всегда почувствовать некий целостный, не разделенный на слова и обороты, язык Святого Духа и передать его по-русски, временами отступая от немецкого текста и подстрочника с арабского. Именно так получались хорошие переводы. Опираясь на этот опыт, мы в нашей общей книге «Ве-

ликие религии мира» определяем святые писания как «переводы» с целостного языка Святого Духа, «услышанного» (внутренним слухом), а затем разложенного на отдельные слова и обороты своей культуры, используя лексику и грамматику иврита, санскрита, пали, китайского, арабского языков. Святые Писания — попытки передать словами несловесный поток истины, несловесный поток Духа. Их достоинства — достоинства классического перевода. Их недостатки — недостатки всякого перевода. И когда апостол Павел говорит, что буква мертва и только дух животворит, и когда Шмеман восстает против омертвения религии, — они оба имеют в виду устаревший, омертвевший перевод. У Шмемана иногда так можно понять и само слово «религия» как общепринятую, но омертвевшую оболочку живой любви и веры: *По Евангелию так ясно: Бога любят святые и грешники. Его не любят и, когда могут, распинают «религиозные» люди* (с. 302).

Несловесное слово (возможно близкое к тому, что Сведенборг писал о языке ангелов) может быть лучше всего передано из глаз в глаза, от сердца к сердцу, как в разговоре св. Серафима Саровского с Мотовиловым и в общении других великих старцев со своими учениками (в Православии, в индуизме, буддизме, суфизме, хасидизме). Широкому кругу верующих так ничего не передашь. Вчитывание в книги (как у иудаистов и протестантов) часто дает укоренение в букве. Это не лучше, чем культ.

Пастор Рубенис назвал культ религиозным театром с либретто из Писания, с использованием музыки, икон, свечей. Культ создает настроение, направленность, передает людям, не способным на личное усилие подвижника, какое-то единство с Богом или хоть тень единства. Александр Шмеман посвятил много усилий, чтобы евхаристия именно так и переживалась. Но сам он пережил озарение на балконе при блеске солнца на автомобильном стекле. И у многих других людей переживание реальности светлой духовной бездны, объемлющей бездну пространства и времени, приходило неожиданно, нечаянно. Хотя подробный разбор пути человека к благодати обнаруживает почти всегда долгие мучительные поиски ответа на «проклятые вопросы». И Бог всегда ближе к Иову, чем к его благочестивым друзьям.

Однако буква, которую Шмеман беспощадно обличает, не перестает быть для него святой, как сосуд, в котором древность и Средние века донесли до нас дух, едва слышный в современном шуме машин и заседательской суеты. Слово «религия» в «Дневниках» Шмемана не имеет однозначного смысла. Мы каждый раз должны заново учитывать, что он созерцает своим умственным взором: помощь в вере? или искажение веры?

Зло появляется, когда мы теряем дух целого и начинаем рвать великие тексты на куски, на отдельные фразы. Это правило надо применить и к чтению «Дневников» Шмемана. Его книга истинна в целом, и больше всего — тогда, когда она опирается на культуру в целом. Привожу пример, который говорит сам за себя: *Пушкин России нужен гораздо больше, чем Типикон* (справочник по богослужению. — *Г. П.*). *Во имя Пушкина нельзя ненавидеть, резать и сажать в тюрьму. А во имя Типикона очень даже можно* (с. 81).

Попробуем теперь пойти по следу Шмемана и подтвердить все сказанное отрывками, сохраняя свойственные «Дневникам» единство сквозь бес-

системность: *Реальность: еще вчера ее ощутил — идя в церковь к обедне, рано утром, в пустыне зимних деревьев, и затем этот час в пустой церкви, до обедни. Всегда то же ощущение времени, наполненного вечностью, полноты, тайной радости. Мысль, что Церковь только для того и нужна во всей своей «эмпирии», чтобы этот опыт был, жил. Там, где она перестает быть символом, таинством, она ужас, карикатура* (с. 9).

Подумайте: почему в пустой церкви Шмеман больше чувствует Бога, чем служа обедню? Потому что созерцание — простор для Святого Духа, а богослужение — дело, хотя и святое, и священник отчасти отдает себя *делу*, а не Богу как Духу. *Меня отделяют от Тебя твои иконы*, — писал Рильке в «Часослове». Так мог бы написать и Шмеман, если бы он был поэтом.

На с. 14 находим *разговор с В., который, как всегда, обезоруживает меня своей логикой, хотя логика эта способна доказать всегда лишь часть настоящей правды, и даже и ее извратить. Ужас логики, ужасавшей Шестова. Ее жизненное бесплодие. Разумный и логичный человек вряд ли способен к раскаянию. Он способен лишь к анализу.* Здесь невольно вспоминаешь роман «Преступление и наказание». Пока Раскольников рассуждает, он не может понять Соню, думающую сердцем. Пока Раскольников в своей келье, он не сомневается в логике. На островах, на закате, он сразу освобождается от кошмара.

Шмеман отгораживается от «ориентальщины», но вот пришло (см. с. 15) *трагическое известие о нервном срыве в Лос-Анжелесе с N.N. Значит, признаки, поразившие меня три недели тому назад, были реальными. Боюсь, что причина всё та же: «с головой ушел в свою деятельность». А вот этого-то и не нужно. Полная невозможность в какой-то момент увидеть все в перспективе, отрешиться, не дать суете и мелочности съесть душу... Страшная ошибка современного человека — отождествление жизни с действием, мыслью и т. д. И уже почти полная неспособность жить, ощущать, осознать передвижение солнечного луча по стене — это не только «тоже» событие, это и есть сама реальность жизни. Не усилие* ***для*** *действия и* ***для*** *мысли, не их безразличный фон, а то, в сущности, ради того (чтобы оно было, ощущалось, «жилось») и стоит действовать и мыслить. И это так потому, что только в этом дает нам Себя ощутить и Бог, а не в действии и не в мысли. И потому прав Жюльен Грин: «Все там, все иное», «Нет ничего истинного кроме качания веток на фоне неба»* (с.15).

Качание веток на фоне неба — дзэнский ответ на дзэнский вопрос: что такое Дао? Или: что такое дзэн? (Возможно несколько вариантов, но они все такого же рода.) Шмеман дважды цитирует дзэнскую мысль, заимствуя ее из книги французского католика. Засилье абстракций в современной культуре толкает к интуиции, опирающейся на тихое созерцание. Тяга к созерцанию пронизывает сегодня творческое меньшинство и на Западе. Всюду идут поиски подлинной правды и продолжается спор дзэн с Конфуцием.

А вот еще один пример поиска истины в созерцании, схватывающем бытие как целое, не разорванное на осколки (см. на с. 20). *Смиренное начало весны. Дождливое воскресенье. Тишина, пустота этих маленьких городов. Радость подспудной жизни всего того, что за делами, за активизмом, того,*

что сам субстрат жизни. И поздно вечером снова тьма, дождь, огни, освещенные окна... Если не чувствовать этого, то что могут значить слова: «Тебя поем, Тебя благословим, Тебя благодарим». А это суть религии, и если ее нет, то начинается страшная подмена. Кто выдумал (а мы теперь в этом живем), что религия — это разрешение проблем, это ответы Это всегда — переход в другое измерение, и, следовательно, не разрешение, а снятие проблем.

Таково понимание религиозной жизни как неразрывной связи со всей окружающей жизнью, но в целом, в единстве, в недвойственности природы. А через страницу — в целостности жизни у семейного очага (на с. 22): *Что такое счастье? Это жить вот так, как мы живем сейчас с Льяной вдвоем, наслаждаясь каждым часом (утром — кофе, вечером — два-три часа тишины и т. д.). Никаких особенных «обсуждений». Все ясно и потому — так хорошо! А, наверное, если бы начали «формулировать» сущность этого самоочевидного счастья, сделали бы это по-разному и, того гляди, поссорились бы о словах. Мои казались бы ей не теми и vice-versa. «Непонимание»! И замутилось бы счастье. Поэтому по мере приближения к «реальности» все меньше нужно слов. В вечности же уже только «свят, свят, свят» Только слова хвалы и благодарения, моление, белизна полноты и радости. Поэтому и слова только те подлинны и нужны, которые не о реальности («обсуждение»), а сами реальность: ее символ, присутствие, явление, таинство. Слово Божие. Молитва. Искусство. Когда-то таким словом было и богословие: не только слова о Боге, но божественные слова — «явление». Но прельстилось чечевичной похлебкой обсуждений и доказательств, захотело стать словом научным — и стало пустотой и болтовней. И возомнило о себе, и стало нужным только такому же другому болтуну, но* ***не*** *человеку,* ***не*** *глубине человеческой культуры.*

Я убежден, что это, на глубине, те ***откровения*** *(«эпифании»), те прикосновения, явления* ***иного****, которые затем и определяют изнутри «мироощущение». Потом узнаешь, что в эти минуты была дана некая абсолютная радость. Радость ни о чем, радость оттуда, радость Божьего присутствия и прикосновения к душе. И опыт этого прикосновения, этой радости (которую, действительно, «никто не отнимет от нас», потому что она стала самой глубиной души) потом определяет ход, направление мысли, отношение к жизни и т. д. Например, та Великая Суббота, когда перед тем, как идти в церковь, я вышел на балкон и проезжающий внизу автомобиль ослепляюще сверкнул стеклом, в которое ударило солнце. Все, что я всегда ощущал и узнавал в Великой Субботе, а через нее — в самой сущности христианства, все, что пытался писать об этом,— в сущности всегда внутренняя потребность передать и себе и другим то, что вспыхнуло, озарило, явилось в то мгновение. Говоря о вечности, говоришь об этом. Вечность — не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь — это не то, что начинается после временной жизни, а вечное присутствие всего в целостности. «Анамнезис»* (незабываемость. — *Г. П.). Все христианство — это благодатная память, реально побеждающая раздробленность времени, опыт вечности сейчас и здесь* (*определение вечности подчеркнуто мною. — Г. П.*). *Поэтому все религии, всякая духовность, направленные на уничтожение времени, суть лжерелигии и лжедуховность. «Будьте как дети» — это и означа-*

ет «будьте открыты вечности». Вся трагедия, вся скука, все уродство жизни в том, что нужно быть «взрослым», от необходимости попирать «детство» в себе. Взрослая религия — не религия, и точка; а мы ее насаждаем, обсуждаем и потому всё время извращаем. «Вы уже не дети — будьте серьезны!» Но только детство — серьезно. Первое убийство детства — это его превращение в молодежь. Взрослый способен вернуться к детству. Молодежь — это отречение от детства во имя еще не наступившей взрослости. Христос нам явлен как ***ребенок*** *и как* ***взрослый****. Но он не явлен нам как молодежь... человек становится человеком, взрослым в хорошем смысле, когда он тоскует о детстве и снова способен на детство. И он становится плохим взрослым, если он эту способность в себе заглушает* (с. 24—25).

Это та глубина, на которой сходятся все великие религии. Глубина, не доступная разуму и открытая поэзии, даже внешне чуждой богословию.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
в зеркале прессы
(декабрь 2007 – февраль 2008)

(Краткий обзор)

К вопросу о преподавании ОПК в школе

В конце января в Москве прошли очередные XVI Рождественские образовательные чтения. На них снова был поставлен вопрос о преподавании духовно-нравственных дисциплин в общеобразовательной школе.

Особое внимание прессы привлекло первое пленарное заседание в Кремлевском дворце. Управляющий делами Московской Патриархии митрополит Калужский и Боровский Климент, открывая мероприятие, обратился к присутствующим в зале представителям светской власти и прежде всего к министру образования и науки Андрею Фурсенко. Иерарх, как сообщает об этом газета **«Время новостей»** (29. 01), напомнил о том, что РПЦ недовольна поправками в закон об образовании, минувшей осенью принятыми Госдумой. По мнению митрополита Климента, новая редакция закона фактически упраздняет региональные компоненты образования, в рамках которых мог бы преподаваться курс ОПК.

«КоммерсантЪ» (29. 01), цитируя речь митрополита, обращает внимание на слова: *Мы повторяем просьбу миллионов людей включить в новый стандарт новую образовательную область, в рамках которой дети из православных семей могли бы изучать православную духовно-нравственную культуру, чтобы этот предмет входил в основную программу и охватывал весь период школьного обучения с 1 по 11 класс.*

«Независимая газета» (29. 01) обращает внимание на то обстоятельство, что митрополит Климент не ограничился призывом преподавать ОПК, но и высказал беспокойство по поводу содержания и качества духовно-нравственной составляющей таких дисциплин, как история, литература и русский язык. *Считаю, что наши специалисты в этой области должны привлекаться более активно*, — сказал иерарх.

Михаил Поздняев в **«Новых известиях»** (29. 01) замечает, что впервые за много лет Патриарх присутствовал на открытии чтений лишь виртуально. Однако в своем видеообращении к собравшимся в Кремлевском дворце священнослужителям, политикам и педагогам он отметил, что вопрос о преподавании «Основ православной культуры» вовсе не закрыт. *Хочу сказать, что мы прошли долгий путь обсуждения с Министерством образования вопроса о месте духовно-нравственного просвещения в учебной программе. И сейчас формы решения этого вопроса уже определились.*

Это заявление можно считать сенсационным: ведь министр Андрей Фурсенко числился в рядах решительных противников ОПК. Сам министр образования, выступая с высокой трибуны, предложил организовать православные олимпиады. По идее оратора, разработкой заданий должна заняться РПЦ вместе с Российским советом олимпиад школьников, который

возглавляет ректор МГУ Виктор Садовничий. *Пока задания и порядок проведения новых олимпиад не определены, но Фурсенко считает, что их участники должны показать свои знания истории и культуры православия*, — сообщает газета **«Газета»** (29. 01).

XII Всемирный русский народный собор

20–23 февраля в Москве прошел Всемирный русский народный собор. Заявленная тема звучала так: *«Будущие поколения — национальное достояние России»*.

Мероприятие организаторы попытались провести максимально неформально, — пишут **«Известия»** (21. 02). — *Юные участники Собора разглядывали мечи и копья, принесенные членами военно-исторического клуба. Особое внимание привлекли бесплатные автоматы-автосимуляторы. Само заседание открылось лазерным шоу.*

Иначе оценила церемонию открытия Собора в Государственном Кремлевском дворце газета **«Русский курьер»** (25. 02): *В метро были расклеены плакаты, которые степенью своей художественной дремучести отчасти предвещали размах происходящего, но все же подобного шизофренического универсума в границах одного, хотя и очень широкого, мероприятия ожидать было трудно. Здесь играли в компьютерные игры, там — демонстрировали православные моды: коллекцию «паломничество» или «тему офиса в православии». Собор открылся лазерным шоу — вещей галлюцинацией, где башня Кремля оказывалась взмывающей вверх ракетой, а в официальном названии Собора вместо «Русский» стыдливо вспыхнуло «Российский».*

Газета **«КоммерсантЪ»** (21. 02) обратила внимание читателей на масштабность форума: *На обсуждение проблем молодежи пригласили более 5 тыс. молодых людей из 120 городов России. Патриарх Алексий II сообщил, что «церкви, государству и обществу вместе следует обратить взор на жизнь молодых людей, которым принадлежит будущее»* <...> *Внимание к молодежной теме на нынешнем соборе демонстрирует, что руководство церкви не исключает возможности массового объединения молодежи при помощи религиозной риторики*, — продолжает издание. И тут же подводит под это высказывание знак вопроса*: Впрочем, в массовом единении молодежи под знаменами церкви сомневаются социологи. По январским данным «Левада-центра», 28,7% опрошенных молодых людей (в возрасте от 16 до 25 лет) «верят в существование Бога, хотя иногда испытывают сомнения», а 43,5% считают, что являются «в какой-то степени религиозными». Между тем, по данным исследований, 44,3% респондентов признались, что никогда не посещают религиозные службы, 86,3% — что никогда не принимают участие в деятельности какой-либо религиозной общины, а 86,4% никогда «не посещают святые места» с религиозными целями.*

Светлана Солодовник в **«Ежедневном журнале»** (26.02) замечает: *Из своих рядов собор не выдвинул ни одной молодежной организации, которая могла бы явить миру плоды своих трудов — во всяком случае, я таковой в залах не приметила. Даже созданному год назад Правозащитному центру ВРНС (возглавляющий его Роман Силантьев вполне себе молодой человек), судя по всему,*

нечем похвастаться, а ведь мог бы, например, потребовать от Министерства обороны внятной информации о том, почему так внезапно умер солдат Роман Рудаков, что за таинственная история с начатой ночью операцией, после того как искалеченный парень пролежал в госпитале Бурденко чуть ли не полгода. Нет, молчит Правозащитный центр. Так что претензия проектантов надзирать в рамках собора над «падшим» обществом, собирая под свои крыла все правильное и разумное, кажется мне неоправданной.

Подробно рассказала о Соборе **«Российская газета»** (21. 02): *Приветственное выступление Патриарха на «детском» Соборе не было дежурно-помпезным, предстоятель Православной церкви без особой комплиментарности говорил о том, что мы живем во времена «широкого выбора» возможностей, «многие из которых, к сожалению, губительны». Для многих молодых людей, по его словам, современность стала периодом духовной бедности и несчастья. Он призвал восстанавливать связь с традициями своих предков, предупредив, что без этой связи молодежь особенно уязвима перед потоками грязи на телевидении и в Интернете. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, завсегдатай Соборных дискуссий, как всегда пассионарно обличил утилитаристский подход к молодежи и позвал ее искать истину, а не самооправдание опасным привычкам. Посетовав, что в церкви сегодня недостает пастырей и мирян старшего поколения для поддержки в ней молодых людей, поскольку многие взрослые люди только недавно сами пришли к вере, он сравнил приход в храм с занятиями футболом. Всякий тренер начнет с перечня ограничений — не брать мяч руками, не выходить за ограничительную линию. И церковь начинает с ограничения греха. Можно, конечно, пренебречь советами таких «тренеров», но тогда у нас не будет ни футбола, ни балета, ни нравственно здоровой страны.*

И в заключение сюжета приведем мнение **Романа Лункина** (**Портал-Кредо**, 22. 02) по поводу молодежной риторики соборян: *Вполне возможно, что еще не время объединять все церковные подростковые, молодежные и детские инициативы в сфере культуры или социального служения — церковная помощь детским домам, детские приюты при приходах. Может быть, еще не время говорить о работе РПЦ МП с наркозависимыми, которая ведется, скорее, фрагментарно, а наркоманы — это именно молодые люди. ВРНС заявляет общую позицию РПЦ МП по молодежной политике, делая это раньше, чем государство, но одно это не делает Церковь общественной силой. В России вообще многого приходится ждать веками.*

Украинское православие

В декабре 2007 года в Киево-Печерской Лавре состоялся собор епископов Украинской Православной Церкви Московского Патриархата (УПЦ МП), в работе которого приняли участие пятьдесят архиереев.

Архиерейский собор принял ряд знаковых решений. На нем была одобрена новая редакция Устава об управлении УПЦ МП; осуждена деятельность Союза православных граждан Украины во главе с В. Кауровым; намечены пути диалога с конфессиями, находящимися вне общения с Вселенским Православием (УАПЦ и УПЦ КП).

Комментируя решения собора, священник **Андрей Дудченко** на сайте **«Православие в Украине»** (24. 12) отмечает, что епископы однозначно дистанцировались от радикальной крайне правой идеологии, навязать которую Церкви долго пытались некоторые околоцерковные деятели. Автор пишет о том, что работа собора сопровождалась пикетами верующих, которые держали транспаранты с надписями «Автокефалия — дорога в ад», «Мы против принятия нового Налогового кодекса», «Электронные карточки — подарок антихриста». По мнению о. Андрея, подобные выступления людей просто используют лидеры, преследующие на самом деле не церковные цели.

Священник **Петр Зуев** в еженедельнике **«Зеркало недели»** (12–18. 01) утверждает, что канонический статус УПЦ МП вообще не был предметом рассмотрения собора, поскольку по этому вопросу не существует единого мнения ни на уровне епископата, ни на уровне священников и мирян. Автор обращает внимание на то, что *собор расставил новые акценты в отношении тех, кого в УПЦ принято называть «раскольниками», то есть духовенства и верующих Киевского патриархата и УАПЦ. «Мы добиваемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас», цитируют иерархи УПЦ слова св. Григория Богослова.*

Сайт **«Богослов.Ру»** (25. 12) публикует статью преподавателя Московской духовной академии **В. В. Буреги**. Автор обращает внимание на миссионерскую составляющую деятельности соборян. В частности, он приводит слова главы УПЦ МП митрополита Владимира о внутренней миссии: *Этот вид миссии предполагает постоянное свидетельство о Христе и Его истинном учении перед теми нашими соотечественниками, которые хотя и принадлежат формально Церкви и являются христианами по имени, но не живут церковной жизнью и не осознают, что значит быть христианином.* Бурега в контексте разговоров об автокефалии говорит о том, что собор подтвердил единство Украинской и Русской Православной Церкви.

Но это единство с каждым годом становится все проблематичней. С этого начинает свою статью **Максим Хижий** (**«Ежедневный журнал»**, 18. 01): *Мне, священнику Московского патриархата, особенно грустно сознавать, что вопрос об автокефалии УПЦ является проблемой времени, причем самого ближайшего.* Автор напоминает о том, что зависимость УПЦ от РПЦ исключительно каноническая: *Никаких финансовых потоков церковного происхождения через украинскую границу в Москву не течет. УПЦ абсолютно независима в своих финансах. Она действительно самоуправляемая, автономная часть единой Русской православной церкви. Епископат Украины действительно избирается решением «на местах», и никакой «руки Москвы» там нет и в помине. Единственное символическое исключение — благословение патриархом Московским и всея Руси избранного в Киеве предстоятеля УПЦ — митрополита Киевского и всея Украины.* И все-таки украинское православие стремительно движется к автокефалии, поскольку политический фактор играет в этом сугубо церковном вопросе значительную роль: *Не случайно в Верховной Раде была создана депутатская группа «За поместную украинскую церковь». Подобная позиция нашла отражение и в «Универсале» президента В. Ющенко. Единственным пунктом на переговорах с «Партией регионов», компромисс по которому оказался отложен, был церковный вопрос.*

«Регионалы» традиционно опирались на поддержку Восточной Украины, где национальная идентичность выражена слабее, а церковные приходы ориентируются на верность патриаршей церкви. <...> Однако внутри самой УПЦ МП протекают процессы, которые неизбежно ведут ее в русло автокефалии. За 16 лет независимости Украины произошла смена поколений внутри епископата УПЦ. Значительная часть духовенства и прихожан ориентированы на ценности «помаранчевой» революции. Один из украинских архиереев еще в бытность архимандритом открыто сотрудничал с депутатской группой «За поместную украинскую церковь». Даже в среде украинских семинаристов, обучающихся в московских духовных школах, преобладают «помаранчевые» и автокефальные настроения. В последнем абзаце статьи автор предлагает реалистично взглянуть на ситуацию на Украине и *позаботиться и о тех приходах (таких достаточно), а может быть и епархиях, которые захотят законно остаться в РПЦ.*

Фильм «Гибель империи. Византийский урок»

Телеканал «Россия» 30 января впервые показал, а 9 февраля повторил фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок». Хотя история о погубленном коварным Западом тысячелетнем царстве добра и света, которая рассказана в фильме, никакого отношения к реальной истории и не имела, она стала медиа-событием. Более того, ряд изданий выступили с хвалебными рецензиями. **«Литературная газета»** (06. 02) утверждает: *Фильм — некое «историческое нравоучение». Мы имеем яркие образцы данного жанра в древнерусской литературе Фильм, наконец,— довольно недвусмысленное предостережение, вариант прозорливого напоминания об ошибках прошлого.*

А вот что пишет уже не раз помещавший комплиментарные статьи об архимандрите Тихоне журнал **«Профиль»** (25. 02): *Это попытка на очень ясном и ярком примере показать, почему рухнула великая и цветущая цивилизация, историческими приемниками коей мы являемся, и есть очень серьезные основания полагать, что мы являемся историческими приемниками и ее болезней.*

Однако большинство публикаций говорило о серьезных проблемах фильма — прежде всего о манипулировании массовым сознанием и об исторической недостоверности.

Так, **Григорий Ревзин** в газете **«КоммерсантЪ»** (31. 01) пишет: *Историю можно интерпретировать по-разному, но когда сталкиваешься с совсем неканонической интерпретацией, то сначала воспринимаешь ее как откровенное вранье. Главным враньем является то, что ислама в этой картинке нет вообще.* Не согласен автор и с тем, что все беды православной империи связаны с вероломным Западом. Но больше всего его удивляет то, что в фильме мало говорится собственно о христианстве: *О развитии православной традиции в Византии, об учителях церкви, о писателях, философах он не упоминает вовсе. Даже святые император Константин и императрица Елена, совершившие грандиозную работу по обустройству святых мест вокруг Иерусалима, вообще не упомянуты. Говоря о разграблении Констан-*

тинополя в 1204 году, отец Тихон делает большой упор на золото, которое он с аппетитом считает тоннами, но не вспоминает о тысячах вывезенных христианских реликвий, мощей, как будто это кажется ему несущественным. Мы взяли от греков истинную веру, но что за вера, какой она была — об этом он молчит.

Известный историк **Александр Янов** в **«Новой газете»** (11. 02) замечает: *Увы, византийские вдохновители отца Тихона, уверенные, как и он, в «необъяснимой и генетической ненависти Запада» к православной империи, и думать о едином фронте с Европой не желали. Почти до самого конца была для них борьба с «латинами» важнее выживания своей страны. Очнулись лишь, когда уже было поздно и помощь Европы ничего больше изменить не могла. Так и направили они империю к гибели. Таков был последний византийский урок. Право, очень уж надо не любить свое отечество, чтобы навязывать ему полтысячелетия спустя ту же геополитику — и ту же судьбу.*

Владимир Можегов в статье **«Роковая симфония» («НГ-Религии»**, 20. 02) в связи с показом ленты делает несколько выводов: *Во-первых, даже вопреки своим безумным параллелям (весь этот византийский стабфонд из преемников и олигархов), фильм и его обсуждение показали, насколько общество наше «больно своими корнями». Во-вторых, напомнив лучшие образцы пропаганды 1930-х годов, фильм дал хороший повод задуматься над нашим возможным будущим.* «Что с того, что он антиисторичен?» — спрашивает автор. И отвечает: *Фильмы о Микки-Маусе тоже ничего об истории Соединенных Штатов Америки вам не расскажут, зато об американском «массовом бессознательном» — даже очень. Вот и с постмодернистской арабеской — квинтэссенцией современного православного фундаментализма — общество обрело убедительный артефакт, а исследователь — замечательный предмет для исследований.*

Задуматься предлагает читателю и автор редакционной статьи журнала **«The Economist»**: *Как одобрительно говорит отец Тихон, изучение Византии довелось воскресить только Сталину — а «он знал, у кого учиться». Но манипулирование историей опасно тем, что ее трагедии могут повториться.*

Итог полемики попытался подвести доктор исторических наук, кандидат богословия **Александр Мусин («Портал-Кредо»**, 20. 02): *Лента оценивалась в диапазоне от «взгляда православного человека на историю» (А. Крутов) до творения «полуграмотного попика» (А. Пионтковский) и компрометации «духовного и интеллектуального уровня РПЦ» (Н. Иванова). В конце концов, дискуссия свелась к «спору мировоззрений»: консервативного и либерального (Ю. Максимов).* <...> *В фильме нет фактологии, а есть лишь интерпретация исторической информации разной степени достоверности. Автор так и не научился отличать исторические события от «фактов» исторических источников и оказался неспособен их критически оценить,* — пишет далее Мусин. И солидаризируется с мнением Александра Янова: *Россия нуждается не в «византийских уроках», а в «уроках по истории Византии». Кстати, для многих государств претензии на «византийское наследство» стали прелюдией к их гибели...*

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике
четвертого квартала 2007 — первого квартала 2008 г.

Критический взгляд на ситуацию РПЦ изложил **Владимир Можегов** (**«Крестовый поход из гетто. Русская церковь в уходящем году»**, GlobalRus.ru, 26 декабря). Уходящий год для Русской церкви оказался знаменателен не только «великим примирением» двух разделенных революцией 1917 года частей, но и «Обращением епископа Диомида» — самым серьезным за все пятнадцать послесоветских лет знаком неблагополучия, обнажившим ее глубокий системный кризис. Не все просто и с самим примирением. Лишь одна епархия Зарубежной церкви после подписания акта о единстве избежала раскола. Несмотря на активизировавшуюся деятельность и потепление отношений с католиками, год и на внешнеполитическом направлении закончился на минорной ноте. После демарша делегации РПЦ на православно-католической конференции в Равенне, Русская церковь оказалась вне православно-католического диалога, а также в изоляции в самом православном мире. Молитва Патриарха в соборе Парижской Богоматери вызвала бурную реакцию в среде наших фундаменталистов. Их чрезвычайная активность увенчалась вызывающим по форме и содержанию письмом диссидентствующего епископа Диомида, поставившего на грань раскола уже саму Русскую церковь. А в конце года грянул гром пензенского скандала: зарывшиеся в землю борцы против ИНН окончательно разрушили имидж «успешной и благополучной церкви», несмотря на все попытки этот скандал замять. Можегов полагает, что «крестовый поход» по выходу Русской церкви из «духовного гетто», объявленный митрополитом Кириллом, терпит фиаско. И видит причину этого в избранных РПЦ методах. Перечисляя еще ряд эпизодов внутрироссийской общественной жизни, в которых участвовали активисты РПЦ, автор утверждает, что благие намерения терпят крах, потому что их *губит авторитарный стиль, неуважение к оппонентам, непререкаемая уверенность в собственной правоте, сверхболезненное отношение даже к самой осторожной критике, наконец, откровенное презрение к человеку, к людям вообще <...> И всякий раз мы видим, как за неискренностью, неуважением, насилием следует отторжение общества, а вслед за тем и фактическое поражение церкви. Ведь очевидно, что нельзя выиграть духовную битву, нажимая на бюрократические рычаги. Нельзя восстановить доверие собственной паствы и общества с помощью пропагандистских штампов советского агитпропа. <...> Неспособность любить, атрофия самого органа, которым любят, — вот страшная болезнь, поразившая церковь, вот причина ее глубочайшего системного кризиса (и явление одиозного Всеволода Чаплина, для которого золотой крест на куполе оказывается важнее «жизни всего человечества» — не частный случай помешательства, но лишь доведенный до предела идеологический вывих всего церковного само-*

сознания, свидетельствующий о превращении церкви из духовного организма, живущего единством и дышащего любовью, в бездушный бюрократический аппарат).

Не так давно на портале «Богослов.Ру» был опубликован документ под названием **«Письмо владыки Василия (Кривошеина) митрополиту Антонию (Блуму) в связи с высылкой из СССР Александра Солженицына»** (http://bogoslov.ru/text/286310.html). В письме, в частности, говорится об отношении Церкви к политике. Владыка Василий пишет: *...я в принципе не против участия Церкви в политической жизни. Церковь — всеобъемлющий организм, политика часть жизни, христианство судит обо всем; естественно поэтому Церковь высказывает политические суждения и выражает их в действии, но, конечно, эта политическая сторона не должна никогда доминировать, как это часто случается сейчас на Западе. И главная задача Церкви не в этом. Так в принципе, а в конкретной исторической жизни в применении этого принципа многое зависит от исторических обстоятельств. Так, сейчас, в условиях безбожной тоталитарной диктатуры, когда Церковь борется за само свое существование и не может в России иметь свою собственную самостоятельную линию, а части Церкви за рубежом не могут свободно высказывать свои взгляды из опасения повредить Церкви на родине, наиболее правильной церковной линией является полное воздержание Церкви от политических высказываний и действий. Этим исключаются участие Русской православной церкви во всех видах «борьбы за мир», во многих политических и социальных секциях Всемирного совета Церквей, с одной стороны, политические открытые высказывания зарубежных церковных деятелей Московской патриархии, с другой. Одно совершенно недопустимо — ложь!* Эти слова, написанные в 70-х годах прошлого века, могут до сих пор определять вектор церковно-государственных отношений. Но, к сожалению, в последние годы Церковь все больше воспринимается как государственная структура.

Современная позиция РПЦ нашла отражение в статье **Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II «Церковь, общество, политика: взгляд из Москвы»** (http://religare.ru/article51164.htm), опубликованная в журнале «European View». В ней предстоятель РПЦ опровергает упреки в том, что Церковь в России хочет стать государственной. Патриарх вспоминает Синодальный период (с XVIII по начало XX века), когда Церковь фактически контролировалась государственным чиновником, и дает емкую формулу таких отношений: *Тесные объятия государственной власти мешали нашей свободе.* Он утверждает также, что прямое участие Церкви в политике на стороне одной из существующих партий недопустимо: оно чревато раздорами среди верующих, а роль Церкви состоит именно в том, чтобы быть главной объединяющей силой в обществе. Патриарх предлагает создать гармоничную модель церковно-государственных отношений. Он призывает к диалогу власти и всех *благонамеренных сил общества.* Современное общество, напоминает Алексий II, не может существовать без веры в Бога. Так, Советский Союз, бывший весьма сильным государством, распался во многом и из-за того, что власть подвергала верующих жестоким гонениям. Патриарх призывает власть больше заботиться об обездоленных людях, преодолевать

социальное неравенство и ответственно принимать важные решения на благо народа. Говорит он и о важности преподавания в школах курсов по основам религиозной культуры и особо останавливается на псевдорелигиозном экстремизме — реальной угрозе для всего населения Земли.

Первоиерарх Украинской православной церкви Московского патриархата **митрополит Киевский и всей Украины Владимир (Сабодан)** недавно выступил с докладом **«Украинская православная церковь: современность и перспективы»** на церемонии присвоения ему степени почетного доктора Христианской богословской академии в Варшаве. Перевод доклада опубликован на сайте «Русская линия» (http://www/rusk/ru/st.php?idar=8977). В отличие от России, на Украине главной проблемой церковно-государственных отношений является раскол: там нет единой Православной церкви, а есть три юрисдикции, каждая из которых считает себя истинно православной: Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП), признаваемая всеми православными поместными церквами; Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), не признаваемая в православном мире, но возглавляемая в прошлом достаточно влиятельным иерархом — бывшим митрополитом Филаретом (Денисенко), и Украинская автономная православная церковь (УАПЦ), также не признаваемая в православном мире. Президент Украины Виктор Ющенко, со своей стороны, призывает создать единую поместную Православную церковь на Украине, считая при этом все три церковные организации равными партнерами в диалоге. Такая позиция неприемлема для УПЦ МП, что, в свою очередь, порождает напряжение в ее отношениях со светскими властями, особенно на Западной Украине. Основная претензия к государству, звучащая на протяжении всего доклада, — вмешательство во внутренние дела Церкви и навязывание ей неприемлемых условий переговорного процесса. Остальные упреки являются частностями, вытекающими из этого тезиса: это и сложности с передачей церковных зданий из одной юрисдикции в другую, и неисполнение решения суда по передаче храмов УПЦ МП, и преследование верующих и иерархов УПЦ МП на Западной Украине, а также отсутствие у властей четкой церковной политики, которая бы учитывала самостоятельность Церкви в ее внутренних делах. Митрополит Владимир говорит о том, что раскол православия в начале 90-х годов во многом был спровоцирован непониманием роли Церкви. Интеллигенция видела в ней средство утверждения национальной независимости, что умело использовали радикальные политики. Но они не понимали того, что христианство шире национальных границ, а Церковь не должна становиться разменной картой в политической борьбе. Преодолеть эту ситуацию, считает владыка Владимир, можно, лишь учитывая мнения верующих и перестав проводить дискриминационную политику по отношению к УПЦ МП. Пока же церковно-государственные отношении на Украине продолжают развиваться по очень напряженному сценарию.

«О некоторых проблемах современной церковной жизни» — так озаглавлена статья, опубликованная на сайте Казанской духовной семинарии (http://kazan.eparhia.ru/zhurnal/?id=12871&print=1) со ссылкой на сайт «Русская

линия» и подписанная ***Протоиерей Александр*** (фамилия, к сожалению, не указана). В числе наиболее существенных автор называет проблему неофитов в Церкви. Таковые неофиты, по его мнению, сравнимы зачастую с сектантами: верят в самые безумные басни, людей делят на своих и чужих, да к тому же всюду ищут врагов, разоблачая «всемирный масонский заговор». Ситуация усугубляется еще и пренебрежительным отношением к знанию и учености. Современные православные, замечает о. Александр, не только утратили всякую осторожность при подходе к необычным явлениям, но и более того — настойчиво ищут всяческих «чудес», забывая о том, что главное чудо, признающееся христианством, — Воскресение Христово. Однако зачастую оказывается, что в мироточивые иконы прихожане наших храмов верят больше, чем в Воскресение. Впрочем, пишет дальше о. Александр, на место Христа у нас сегодня ставятся также Монархия и Россия, в результате чего раздаются требования о канонизации таких «подвижников», как Сталин, Распутин или Иван Грозный. Псевдорелигиозные политические игры такого рода сталкивают Церковь в неудержимое мифотворчество, что наглядно показывают и нездоровый поиск «старцев», и страх перед ИНН. К чему это может привести, стало очевидно, когда в декабре прошлого года в землянку ушли пензенские сектанты, ожидающие в мае конца света. Снова и снова призывая помнить о том, что наша Церковь — это Церковь Христова, автор статьи приводит слова митрополита Сурожского Антония: *Я никогда не проповедовал Православие. Я проповедовал Евангелие с православной точки зрения.*

Игумен Петр, автор статьи «**Духовничество: ошибочное восприятие**» (http://kazan.eparhia.ru/zhurnal/?id=12764&print=1), размышляет о том, что современная церковная практика склонна воспринимать фигуру священника искаженно. Явление это автор называет *мистическим гуруизмом*. Подобный «гуруизм» представляет собой погоню за «старцами» и сведение всей православной и христианской традиции к фигуре духовника, который в глазах своего «духовного чада» фактически подменяет собой Христа. Между тем, напоминает автор, христианское представление о пастыре совсем другое. Священник — это прежде всего слуга. Отношения между ним и мирянином строятся на любви и взаимном уважении, а сам иерей — лишь помощник на пути ко Христу. К сожалению, современная церковная жизнь часто искажает эту норму: священник начинает воспринимать себя как нечто самоценное, а благодать Святого Духа — как то, что он автоматически получает при рукоположении. В свою очередь многие миряне начинают практиковать слепое послушание такому «младостарцу», то есть переносят на него ответственность за любое свое решение и начинают бояться свободы, как таковой. Между тем, напоминает автор, отказ от свободы есть отказ от христианства. Христос спасал не роботов или рабов, а Своих учеников, которые должны стать Его соработниками, что невозможно без проявления личной инициативы и творчества. Духовник, пишет игумен Петр, должен воспринимать себя как наставник новоначального христианина на пути к Богу. Его дело лишь сформировать правильный вектор развития, способствовать взрослению человека. Но, к сожалению, «детское» христианство устраивает большинство и пастырей, и пасомых, поскольку в этом случае и

от тех, и от других не требуется больших усилий и работы над собой. А в результате на современных «старцев» перекладывают ответственность в решении бытовых или житейских проблем — на ком жениться, где работать, что делать с квартирой, ложиться ли на операцию... То есть «старец» должен угадать некую компьютерную программу, «написанную» Богом для каждого человека. Такие отношения мало похожи на христианство. Это скорее напоминает известный фильм про Матрицу, с которой не борются, но пытаются угадать ее волю.

Необходимым условием спасения для большинства людей является нормальная семья, пишет протоиерей **Георгий Митрофанов** в статье **«Православная семья: агиография и реальность»**, опубликованной в журнале «Вода Живая» (http://journal.aquaviva.ru/2008/01/27.html). Однако ни на Руси, ни в Российский империи, ни в СССР, ни в современной России культ семьи так и не сформировался. Причины этого священник видит и древнерусской агиографии, в классической русской литературе, в декретах советской власти и в современном представлении об «идеальном» православии.

Разбирая житийную литературу, о. Георгий указывает на отсутствие интереса агиографических персонажей к семейной жизни. Даже преподобная Иулиания Лазоревская (самая «семейная» из всех русских святых) больше заботится о нищих и больных, чем о собственном муже. Из текста жития можно сделать странный вывод, что святая даже рада бывала многомесячным отлучкам мужа. Отрадное исключение, замечает о. Георгий, составляет повесть о муромских князьях Петре и Февронии, но это народное житие с элементами фантастики — скорее исключение из правил. Не радует вниманием к семье и русская классическая литература. Самый христианский персонаж — Татьяна Ларина. Но и она, по мысли автора статьи, нуждается в воцерковлении, поскольку подвержена различным суевериям и, с точки зрения воцерковленного христианина, жизнь ведет довольно странную.

Немало мифов о семье, к действительности отношения не имеющих, содержит и популярная историческая литература. Современные православные почему-то мечтают жить по «Домострою», видя идеал семейной жизни то в Московской допетровской Руси, то в семье Николая II. Церкви, пишет о. Георгий, не следует поддерживать ложные представления о крепкой советской семье или благочестивом монархическом прошлом. Ей пора начать жить реальной жизнью, обратив внимание на семьи собственных прихожан.

О монашестве и браке как двух достойных путях к спасению в журнале «Вода живая» размышляет **Винсент Росси «Аскетизм (Мост между браком и монашеством)»** — http://journal.aquaviva.ru/2008/03/28.html). Автор опровергает распространенное представление о том, что истинным призванием христианина якобы является монашество, а миряне, будь они женаты или холосты, остаются людьми второго сорта и в земной жизни, и в Небесном Иерусалиме. Основание для этого мифа, с сожалением замечает Росси, можно найти и в православной аскетической литературе, где очень много наставлений в духовной жизни для монашествующих и очень мало — для мирян. С другой стороны, эти заблуждения питаются и стремлением современного православия отгородиться от культуры, и кризисом современного право-

славного монашества, и представлениями о «последних временах», когда практически невозможно встать на путь аскетических упражнений и полноценной духовной жизни. Очевидно, что в этих условиях необходим подлинный диалог между монашеской и мирской традициями. Автор статьи призывает не рассматривать аскетику и духовную жизнь как привилегию или обязанность иноков, а заодно не идеализировать институт монашества, ведь не секрет, что многие православные автоматически переносят житийные рассказы об иноках на любого современного «старца», а это часто приводит к весьма печальным последствиям. Росси напоминает, что существуют несколько типов монашеской духовности, а также, цитируя святых отцов, отмечает, что подлинных духовных высот может достичь любой мирянин — как живущий в браке, так и остающийся холостым.

Обзор подготовил Андрей Зайцев

К семидесятилетию С. С. Аверинцева (1937–2004)

Ольга СЕДАКОВА

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АВЕРИНЦЕВ. АПОЛОГИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО[1]

Начну с эпизода, который можно считать эпиграфом ко всему, что я собираюсь сказать в дальнейшем.

Однажды мы с Сергеем Сергеевичем были в Риме на конференции. Это был последний год его жизни и наша последняя встреча. Я читала доклад о Пушкине[2] и среди прочего заметила, что в отношении веры и безверия борьба *сердца* Пушкина с его *умом* с лицейских лет происходила прямо противоположным привычному образом:

Ум ищет Божества, а сердце не находит.
(«Безверие», 1817);

mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse (*мое сердце — материалист, но мой разум этому противится*, — дневниковая запись 1821 года). Первой причиной, побудившей Пушкина отстраниться от атеизма, был не «зов сердца» или «муки совести», а потребность *ума*. Атеизм представлялся ему неудовлетворительным в *умственном* отношении: *Не допускать существования Бога — значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге* (из рукописи 1927–1928 годов).

[1] Я отдаю себе отчет в том, что, назови я мою тему иначе (апология *мудрости, ума, разума,* наконец*)* — недоразумений было бы меньше. Но, тем не менее, я хочу говорить о *рациональном*: во-первых, чтобы «реабилитировать» само это слово, которое — и в положительном, и в осуждающем употреблении — понимается слишком узко, и, во-вторых, потому, что именно *рациональному* противопоставляется *«иррациональное»*. Изначально источником и предметом моих размышлений была мысль С. С. Аверинцева, но в дальнейшем в них появился второй герой — о. Александр Шмеман с его «Дневниками», на которые я буду не раз ссылаться: Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973–1983. М., Русский путь, 2005 (в дальнейшем — *Дневники*).

[2] «Поэзия, разум и мудрость. Мысль Александра Пушкина».

Ольга СЕДАКОВА — родилась в 1949 г. в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Кандидат филологических наук, поэт, автор многих книг, в том числе собрания сочинений в 2-х т. и тома избранного «Путешествие волхвов». Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

После доклада, a parte Аверинцев спросил меня: «Но почему вы считаете этот путь *противоположным* обычному? Мне кажется, это самый естественный путь!»[3] Такая картина — сердце, которое сопротивляется уму, ищущему веры, — казалась ему самой естественной! Но ведь мы в самом деле привыкли к другому. «Ум с сердцем не в ладу» в этом случае мы привыкли понимать как борьбу «теплого», «доверяющего» «доброго» начала в человеке — «сердца» с началом «холодным» критическим, строгим до безжалостности — «умом». Верит, несомненно, сердце —

Верь тому, что сердце скажет;

так у Жуковского, так у цитировавшего его Достоевского. Ум — «резкий, охлажденный ум» — вставляет ему палки в колеса. Сердце верит (и сердцу нужно верить) вопреки разуму и его истинам (знаменитая декларация Достоевского: *Если истина не со Христом, то я останусь со Христом, а не с истиной.*) Разум и его «низкие истины» внушают нам, что это «глупо». Все разоблачения «предрассудков» и «верований», вся атеистическая пропаганда обыкновенно проводится с позиция «разума» и «истины» (или же —

---

[3] Ср. похожее признание у о. Александра Шмемана: *Le Coeur a ses raisons que la raison ne connait pas. (У сердца есть свои основания, которых разум не знает. Б.Паскаль). Мне иногда кажется, что у меня наоборот. Верит, и радуется вере, и согласен с верой мой ум. «Сердце же мое далеко отстоит....» Оно в союзе с «плотью». **Дневники**. С. 518. О. Александр несомненно принадлежал к «людям ума», как Пушкин и Аверинцев, людям, по его собственному наблюдению, довольно редким в российской культурной истории. При этом «ум» о. Александра часто склонен понимать привычным образом: как «регулирующую функцию» («как желчный пузырь») и как аналитическую функцию: «Двусмысленность **ума** ("надмение") и его главной функции — **анализа**. В этом **умном** анализе обычно все верно, в целом же он почти неизбежно **темный, разрушительный** и **плоский**. Ум знает только одно измерение. И потому его анализ в конечном счете, и как это ни страшно, совпадает с анализом дьявола. Все верно и все ложь. По отношению к этому уму не только поэзия, но и богословие, и все остальное должны быть **глуповаты**, ибо ум и есть носитель и рассадник гордыни в человеке, то есть того, что привело к падению. В этом я убеждаюсь каждое воскресение, читая Book Review в "Нью-Йорк Таймз". Означает ли написанное выше «апологию глупости?» Нет, ибо глупость в нашем падшем мире тоже от Диавола и тоже — гордыня. Больше того — в пределе своем она как бы совпадает с умом. <...> И это так потому, что то, что мы называем глупостью, есть на самом деле разновидность того же падшего ума. На деле ум только кажется «умным». <...> Маркс, Фрейд, Гитлер, Сталин — умные? А также Набоков, Андре Жид... В пределе, по отношению к **главному** — очевидно **глупыми**. По отношению к **неглавному** — умными. В падшем мире ум — это грандиозная и, повторю, демоническая операция по маскированию основной и «существенной» глупости, то есть гордыни, сущность которой в том, что, будучи **глупостью** — слепотой, самообманом, низостью, она «хитроумно» выдает себя за ум.*

*Это значит, что в мире противостоят друг другу не **ум** и **глупость** (они «вместе» предполагают друг друга, укоренены друг в друге), а ум-глупость — то есть **гордыня** — **смирению**. Смирение — Божественно и потому одно преодолевает и побеждает ум-гордыню и глупость-гордыню. **Дневники**. С. 549–550.*

науки и факта). Успешность этой работы, легкость, с которой эти «предрассудки» рушатся, говорит о том, какая слабость образовалась в «чисто сердечном» сентиментальном фидеизме, в таком «вопреки уму» восприятии священного. Ум, разум, рассудок, рациональное (не слишком различая эти вещи) мы склонны видеть в противопоставлении ко всему чудесному, тонкому, волшебному, невыразимому, — к жизни, в конце концов, не схватываемой разумом. Разумихин Достоевского, одним словом. Вся культурная история с эпохи Просвещения поработала на такое переживание *разума*[4] — и противоположного ему *чувства* (или же: *сердца*, *интуиции*, *веры*, *природы*, *мистики*, *вдохновения* и других не поверяемых алгеброй вещей). От всего этого разум — евклидов разум — оказался не просто отсечен, но поставлен во враждебные к нему отношения. Если его не переставали считать «здравым» («здравый смысл»), то этой здравости — в лучшие минуты — предпочитали «высокую болезнь», «творческое безумие», «жизненный порыв», и его «низким истинам» «нас возвышающий обман».

Враги романтического Художника — Обыватели, враги вдохновенного Моцарта — Сальери, враги Лириков — Физики, — автоматически относились к области «разума». Сальерианством советские ученые бранили структурализм и вообще «точные методы» в лингвистике и литературном анализе; сами они были, видимо, «моцартианцы». Гармонию *чувствовать* надо, а не анализировать и считать слоги! Я помню, в мои школьные годы эти жаркие споры о физиках и лириках. Физики побеждали. О них снимали кино. Сергей Сергеевич рассказывал, что именно это побудило его выбрать гуманитарию. Он говорил: «Я никогда не был бунтарем и спорщиком. Но я подумал: если все бросились на одну сторону лодки, то я буду на другой: для равновесия». Интересное объяснение! Оно говорит о каком-то врожденном для Аверинцева чувстве собственной причастности к общему, к общей судьбе (судьбе нашей бедной лодки). В таком основании для выбора своего пути (образ корабля-государства и корабля-церкви) слышится и дух античного гражданства, и дух христианской общинности. Кто из нас выбирал путь таким образом, думая о равновесии общей лодки? Мне лично и в голову бы это не пришло. И это, между прочим, тоже ум! Глупо переме-

[4] Впрочем, об опасности разума для веры думали много раньше. Вот смертельная битва ума и веры в изложении Николая Кузанского: *Та вера, через которую смертный человек верит, что добудет бессмертие, достигается только в агоне состязания, ибо в той победе, когда верою побеждается разум, заключена величайшая борьба. Поэтому когда Авраам поверил в то, что разум его считал невозможным, он победил. Когда человек так верит, а именно в то, что восстанет к бессмертной жизни, ни понимания, ни опыта которой не имеет, а разум толкает его в противоположную сторону, — тогда необходимо, чтобы умер сам разум и отступила его премудрость и смирилась гордыня и умертвилась заносчивость ума и человек стал как бы неразумным и глупым и рабским, то есть отступил от свободы своего разума и принудил себя к пленению.* Nicolai de Cusa opera. Basileae 1565, 640 sq. Пер. В. В. Бибихина. Цит. по: Бибихин В. В. Слово и событие. М., УРСС, 2001. С. 26. То, что здесь имеется в виду — скорее рассудок, чем разум. Тем не менее, если бы Пушкин «*отступил от свободы своего разума*», он остался бы в плену «сердца-материалиста».

щаться по неустойчивому судну, не замечая, что ты в нем не один, и если оно перевернется, то и тебе несдобровать!

Итак, Аверинцев выбрал гуманитарность — но такую гуманитарность, в которой разумное начало не только не уступает естественно-научному, но в каком-то отношении превосходит его. Об этом, и о том, что точность и рациональность гуманитарной мысли — это другая «точность» и другая рациональность, он говорил не раз. С «точными методами» в филологии он не был единодушен. В записках В. В. Бибихина есть его слова о молодом тогда структурализме: *Они стараются создать язык, на котором нельзя соврать. Но язык, на котором нельзя соврать, — это еще не язык, на котором можно сказать правду.*

Стоит вспомнить и о том, что Россия и Запад традиционно противопоставляются как рациональное — иррациональное («Умом Россию не понять»). Эта схема славянофилов многократно повторяется в других конфигурациях: Восток–Запад, Юг–Север, колония–метрополия: «у них» холодный разум, зато «у нас» — богатство, широта, интуиция и т.п. Устойчивое недоверие к рациональности, к «гордому уму» вообще отличает русскую культуру[5]. Так что явление Аверинцева у нас особенно значительно. Пожалуй, предшественников у него — в этом отношении — в русской мысли почти нет. Ни о. Павла Флоренского, ни А. Ф. Лосева — в других отношениях близких Аверинцеву и повлиявших на него — не назовешь апостолами здравого смысла. Аверинцев же был таким апостолом аристотелевского здравого смысла. И исходя из «золотой середины» Аристотелевой этики, все противопоставления такого рода, как мы назвали выше, он просто отодвинет в сторону и покажет их как пример плохой рациональности.

Чтобы переживать ум по-другому, в забытом позднейшей историей роде, нужно, видимо, для начала самому быть от природы наделенным таким *другим* умом: широким, светлым, гибким, живым, вдохновенным. Веселым, я бы сказала. Да, это не случайное слово. Близость мудрости и веселья, «художничество», «игру» мудрости Аверинцев отмечал как то, что обще для греческой и библейской традиции, для Афин и Иерусалима. Таким веселым умом и были наделены — каждый по-своему — Пушкин и Аверинцев. Тем умом, для которого «ум» в расхожем понимании часто выглядит просто глупостью и недалекостью (вспомним, что глупцом Пушкин считал Чацкого, который, по замыслу его автора Грибоедова, был жертвой собственного ума в окружении глупости).

Впервые встретившись с мыслью Аверинцева в студенческие годы, я (не успев еще, конечно, этого как следует обдумать) располагала той самой общей диспозицией ума и, так сказать, «вне-умного», какой можно было ожидать в наших местах и в то время. Умному, рациональному, интеллектуальному в этой диспозиции отводилось весьма незавидное место. Стихи юного Пушкина мы читали в переиначенном виде:

Да здравствуют Музы! Да скроется разум!

---

[5] Ср.: «Может быть, русские вообще как целое талантливы, но не очень умны», замечает Шмеман, делая при этом исключение для Пушкина, — «который, мне кажется, никогда не сказал ни одной глупости». *Дневники*. С. 333.

Про «солнце святое ума» думать было трудно. Если в «разуме» и есть свет, то такой, при котором все чудесное и глубокое, все настоящее и интимное исчезает. Свет не знания, а дознания. Алогичное и иррациональное располагалось, как повелось после Ницше, куда выше — или: куда глубже. Только оно, бросив жалкий, узкий, прозаичный разум, и могло соприкоснуться с высшей истиной[6]. То, что открывал нашему вниманию Аверинцев, поражало прежде всего этим: другим учением об уме.

В дальнейшем, значительно позже, я могла убедиться, насколько эта «новая разумность» традиционна — но располагается она в том пространстве традиции, которое отрезано от нас несколькими веками, и решительную черту между ними проводит Просвещение с его культом универсального Разума. Разум Просвещения Аверинцев, в частности, обличил в таком роковом промахе: этот разум перестал понимать смысл страдания, осмысленность страдания, воспринимая его как досадную помеху, нарушение порядка вещей, которое и можно, и должно разумно поправить. Этот промах нельзя назвать «бессердечием», наоборот, он исходит из горячего сочувствия человеку и желания поправить его участь. Чего здесь не хватает, так это как раз ума. Нужно заметить, что искусство и в послепросвещенческое время никогда этого не забывало, высоты и осмысленности страдания:

И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.
(Н. Заболоцкий)

Но искусству вообще позволено было быть «неразумным». О том, что оно, может быть, «по-другому разумно», просто не думали.

И еще одно я поняла значительно позже: что о вере, согласно которой по меньшей мере четыре из семи даров Духа Святого имеют «интеллектуальную» природу (дух Премудрости, Разума, Знания, Совета) вне ума и вопреки уму можно иметь только самое кривое представление. Что Отцы Церкви, о которых Аверинцев писал с таким пониманием, какое может быть только у человека «той же крови», человека античной культуры, паидейи, чей разум впитал классическую рациональность Платона и Аристотеля, — «интеллектуалы», а не «сентименталисты», если употребить эту позднюю оппозицию.

Однако первым, кто для нас «реабилитировал» разум — и сделал это не путем деклараций, а путем простой демонстрации, показывая, как действует этот инструмент (хочется сказать: этот организм, потому что аверинцевский ум ближе органическому, а не техническому миру) там, где этого не ожидают — в понимании вещей сложных, таинственных, поэтичных; в понимании, которое их при этом не редуцирует, — был Аверинцев. Он открыл это, «сопротивляясь времени», «споря с временем» (ср. его слова о старшем современнике: *И в конце концов выяснилось то, что выясняется всегда: что времени нужны не те, кто ему, времени, поддакивает, а совсем другие собеседники*[7]),

---

[6] Ср.: «В воздухе какая-то тяга к экстремизму, к иррациональному. Может быть, потому, что «рациональное» являет себя столь жалким... «Если свет, который в вас, — тьма...». *Дневники*. С. 454.

[7] Аверинцев С. С. Памяти А. Ф. Лосева.

причем не с маленьким временем, с местной актуальностью, а с целым эоном — и тем самым создавая его. Без него мы продолжали бы надеяться на темные интуиции в позднеромантическом духе, на иррациональную глубину, а затем, когда она свои возможности явно исчерпала, и с этим покончить в духе постмодернистской деструкции. Иначе говоря, идти в тупик прямого продолжения того эона, знаком конца которого был Аверинцев.

Некоторый эон, большой кусок содержательно определенного времени, явно закончен. Это не декларация С. С. Аверинцева, это не более чем мое непосредственное впечатление.

У меня сложилась довольно ясная картина его движения, его траектории. За эту картину Аверинцев не отвечает, это мое личное предположение. Однажды мне довелось побывать в огромном литературном архиве Марбаха с бесчисленными портретами людей культуры. Там-то эта картина и предстала мне в своей наглядности. Двигаясь из зала в зал, от восемнадцатого века к двадцатому, я видела, как молодеют лица на портретах. Движение культурной эпохи идет вспять течению «природной», биографической жизни человека, от младенчества к старости. Взрослые тонкие умные лица в залах XVIII века, молодые очарованные лица романтизма — и к XX веку: выражение «сложного подростка» почти на всех портретах.

Сергей Сергеевич глубоко понимал модернизм (что для филолога-классика совсем не само собой разумеется): мы знаем его любовь к таким гениям модернизма, как Мандельштам, Цветаева, катастрофический Целан. О Пауле Целане я впервые услышала от Аверинцева. Но нечто в модернизме он категорически не принимал: это настроение бунтующего подростка. Темы этого бунта против старших, против порядков, против буржуа казались ему недостаточно серьезными для больших вещей, для «дела всей жизни», для мировоззренческой позиции. В частности и потому, что отношение этих подростков к себе слишком серьезно — и поэтому *понимать* другое и другого они отнюдь не расположены. Они живут как бы накануне конца света и сами готовы его устроить, они ставят ультиматум: если то-то и то-то произойдет или происходит, — для меня этот мир кончен. Но взрослый и умный человек может шутить над собой (совершенно невозможная вещь для подростка); он приобрел, может быть, печальное, но и спасительное знание: мир не с него начался и не им кончается. Он может употреблять на письме любимый знак Аверинцева — точку с запятой. Знак победы над собой. Взрослый живет, по словам Честертона, «после конца света» — того конца, который представлялся нам в юности. Но это не жизнь после жизни. Это терпение, которое выносит то, что мы считаем «нашей собственной» жизнью, за пределы наших телесных, психических, биографических границ. «Наша собственная» жизнь теперь в том, как, скажем, стоит вон то дерево — стоит, ничуть ни имея в виду «нас лично». И будет стоять, независимо от того, вернем или не вернем мы «билет Творцу». И слава Богу.

Подростковый бунт модерна переходит в постмодерне к идиотским выходкам избалованного ребенка. Наступает маразматическое детство. Ведь ни взрослый, ни юный человек, ни сердитый подросток не будет делать того, что показывают нам теперь на акциях и перформансах: кусаться, портить готовые вещи, вываливать кучи мусора в виде экспоната, т. п. Творчес-

кие идеи актуального искусства — делать все из туалетной бумаги или скотча и т. п. — предполагают очень ранний этап развития интеллекта. Так, на мой взгляд, этот все молодеющий, все дальше уходящий от разума творческий эон исчерпал себя. Уходящий от разума — куда? Открытие бессознательного представлялось в XX веке открытием нового материка — но оказалось, что эта новая земля не так-то богата... Вывернутая наружу «бессознанка» поражает своей монотонностью. И что же теперь? Об этом тупике и говорят те, кто называет этот конец эона «концом истории». Аверинцев — с его умом, которого как раз у этого эона трагически не хватало, — знал и говорил, что мир кончался уже много раз. Пора подумать о том, что́ начинается. Это опять же не слова Аверинцева. Это мои слова.

Аверинцев показал умное начало прежде всего как начало позитивное, соединяющее, а не отстраняющее, связанное с целым ближе, чем какая-нибудь еще из человеческих возможностей[8]. У современных художников мы до сих пор почти не встретим этой интуиции. Вот исключение. Композитор Валентин Сильвестров: *...следование только иррациональным путем опасно, может привести к иллюзорности, необязательности. Рациональное тоже не всегда отрицательно. Оно может быть огненным, обладать софийностью, передавать некое всепонимающее, всеобъемлющее начало*[9].

«Может быть», — говорит Сильвестров. «*Есть* в своем существе», — говорит Аверинцев. Оно и есть софийное, всепонимающее, всеобъемлющее начало, «дух весьма тонкий» и — чего также не привыкли числить за «холодным» разумом в новейшее время — «дух человеколюбивый», словами библейского гимна Премудрости. Аверинцев мог бы сказать, как составитель этого гимна, *Я полюбил ее и взыскал ее от юности моей* (Прем. 8, 2) и как Поль Клодель:

О высокая дева, первая, кого я встретил в Писанье!

С этим известием он по-настоящему появился перед людьми. Его «Плутарх» был благородной прелюдией к дальнейшему. Первая характерно аверинцевская работа, которую в 1964 году услышали и только через восемь лет, в 1972 году, смогли прочесть наши изумленные читатели, была посвящена Софии Премудрости Божией. Она называлась конспиративно: «К уяснению смысла надписи над конхой центральной абсиды Софии Киевской». Веселье, милость и красота мудрости — с этим забытым культурой смыслом пришел к нам Аверинцев; это сообщение он продолжал нести до конца своей жизни. Верность — тоже свойство ума. И мужество — свойство ума. Философия и мужество (virtus, arete) связаны изначально, это понимали в Афинах Платона и Аристотеля, об этом помнил М. Мамардашвили, определявший философию как «формирование классического мужества». Ср. в письме Данте флорентийским землякам, предлагавшим ему вернуться на родину ценой публичного покаяния в том, в чем он не считал себя виновным: *Да не испытает сердце человека, породнившегося с философией, подобного унижения!*

---

[8] Ср. описание «ума» и «глупости» как разновидности того же «ума» у о. Александра Шмемана: *Дневники*. С. 549.

[9] Сильвестров В. Музыка — это пение мира о самом себе... Сокровенны разговоры и взгляды со стороны. Беседы, письма, статьи. Киев 2004. С. 99.

Мудрость, «дух человеколюбивый», — это дух, устраивающий общение людей, поскольку в основе общения лежит *понимание*, вероятно, главное слово Аверинцева. «Служба понимания»: так он определял филологию. Ища название для того общего предмета, который лежит в основе его разнообразных занятий, он остановился на *понимании. По-нимание*, *в-нимание* самой своей морфологией, внутренней формой, говорят о при-ятии, вз-ятии: не об отталкивании, не о дистанцировании. Итак, дело Аверинцева — человеческое понимание и служба ему. Общительное понимание, по замечательному слову В. В. Бибихина: *Сергей Сергеевич самим своим присутствием создавал широко вокруг себя общительность... Этот его дар был неотделим у него от способности понимания, собственно неограниченной, сделавшей средиземноморскую культуру его родным домом. <...> Аверинцев показывает, что христианство должно быть названием такой широты общительного понимания, которая способна вместить всё достойное в человечестве.*

Оба полюса современной картины человека — отстраняющий ум и иррациональная не поверяемая умом сила — не способны создать общения, потому что оба они не практикуют понимания. Тема одиночества современного человека, чувствующего себя «осколком», «отколком» (И. Бродский), ближайшим образом связана с таким представлением об «уме» и «внеразумном». Иррационализм, стремящийся слиться с каким-то бесформенным началом, пропасть в нем, не может даже и с ним общаться и его понимать. Он сливается с ним как с абсолютно неведомым, непроницаемым: с судьбой. Что и говорить о дистанцирующемся «интеллектуалисте»! То, что делает этот последний, — не понимание, а истолкование. Две эти вещи Сергей Сергеевич противопоставляет. Понимание — сложная позиция: это сохранение за тем, что понимается, «права голоса». Понимание создает некое «между», оно расположено не внутри отделенного от своего «объекта» истолкователя. Оно — стихия собеседования (ср. «Наш собеседник — древний автор»). Оно не то знание, которое овладевает своим предметом и замыкает его в тюрьме своего решения о нем с видом на его дальнейшее использование, не бэконовское *знание — сила*, а то знание, которое дает своему собеседнику простор для высказывания, для «дерзновения» (парресии): *знание — пространство.*

С. С. Аверинцев — это ответ таким характерным позициям новейшего времени, как герметическая замкнутость в себе, нарциссизм (наблюдение во всем собственного отражения), доктринерство (не позволяющий переспрашивать себя монологизм), так называемый плюрализм, т. е. равнодушие к истине, и др. Все они существуют там, откуда удалилась мудрость. Отчаяние и жестокость также существуют там.

Нужно заметить, что техническому разуму — вопрошающему, «переспрашивающему», критическому — Аверинцев тоже прекрасно знал цену («Святое слово схоластики «Distinguor!» — «Я различаю!», говорил он) и видел в нем инструмент сопротивления «бытовым понятиям», которые по привычке проходят за «разумные». Он поправлял хронические грубые ошибки современного разума в этом отношении (об этом дальше). Но главной его новизной было все-таки его напоминание о положительном уме, который располагается в «сердце» и в «чувстве», сотрудничает с совестью и волей и связан с восприятием Целого, мудро устроенного.

Приведу два примера герменевтики Аверинцева.

Один из них — его энциклопедическая статья «Судьба». Вот аверинцевское определение судьбы — одной из лейтмотивных тем европейской цивилизации: *Это вещь непроницаемая, неосмысляемая и неотвратимая в отношениях между людьми. Судьбу нельзя познать, ибо в ней нечего познавать.* Вот прекрасный образец его проницательности и способности в нескольких словах выразить то, с чем имеют дело европейцы со времен греческой трагедии вплоть до Хайдеггера. Вот она, неотступная тема судьбы. И вдруг, после этого определения: *Христианская совесть противостоит языческой судьбе.* Совесть — как инструмент познания!

Второй образец — из его вступления к переводу псалмов Давида, где он рассуждает о сложности и простоте, и сначала говорит о «благословенной сложности», а потом: *Но ведь когда-то сердце просит простоты.* Здесь появляется сердце как познавательный орган!

У этой рациональности два корня — классический античный и библейский. Их христианский синтез мы найдем у Отцов, у Фомы Аквинского, которого Аверинцев знал отлично. При всем различии афинского и иерусалимского корней в уме предполагаются такие свойства, которыми совсем не обязан обладать «новый» ум, почему он так легко и производит все свои глупости. Например, «форму» этого ума, как писал Данте, составляет любовь. Человек новых времен склонен представлять демонические силы как очень «умные», исключительно умные, коварные, проницательные и т. п. Данте же говорит о том, что падшие духи не могут философствовать (то есть быть мудрыми), потому что в них угасла любовь. А форма мудрости — любовь. Демоны глупы. У погибших душ также угас «свет разума», который они отдали «за похоть». Аристотель ничего не слышал о злых духах и адских муках такого рода, но несовместимость зла и ума для него была вещью необсуждаемой. Зло иррационально. Уму в нем делать нечего[10].

Я уже говорила о верности как свойстве э т о г о ума. Говорила о его мужестве. О его красоте. О его веселье. Можно прочесть вслух знаменитый гимн Премудрости (Прем., конец гл. 7—начало гл. 8) — и достаточно! Там мы встретим еще много замечательных свойств и возможностей мудрости.

---

[10] То, что было некогда общепринятым представлением просвещенных людей, у нашего современника о. Александра Шмемана выглядит как личное открытие, в своем роде «диссидентское» относительно сложившейся церковной традиции. И преодолением собственных изначальных представлений о «гордом уме» (см. выше): «...и христианство, и Евангелие начинаются с metanoia, «обращения» «транспозиции» ума, с поумнения в буквальном смысле этого слова. И потому, наконец, так страшно, когда «религия», возрожденная Христом, наполнившаяся снова «светом разума» и ставшая «словесной службой» («словесный» в церковнославянском значит — «умный», «бессловесие» — глупость. — *О.С.*), снова и снова выбирает глупость. ... Религия... восторженно соглашается на противопоставление веры и разума, упивается собственной «иррациональностью», чувствует себя хорошо где угодно, только не в разуме.... И вот в мире и над миром царствует «князь мира сего», а в переводе на более простой язык: Дурак, Лгун и Мошенник. Не пора ли ему это сказать открыто и перестать верить в то, чего у него *нет*: в его *ум*?». *Дневники.* С. 298—299.

Три богословских добродетели — Вера, Надежда, Любовь — дочери Мудрости, Софии. Поймет ли статистический современный человек, что надеяться — мудро, верить — мудро, любить — мудро? Не «хорошо» вопреки разуму (с этим он еще согласится), а именно «мудро».

Но не только Св. Писание. Классические добродетели также связаны с этим умом и по своей природе «интеллектуальны». Особенно в связи с Сергеем Сергеевичем мне вспоминается prudentia, благоразумие, светлый, практичный ум — самая редкая, пожалуй, в современности добродетель, *прекраснейшая ветвь от корня мудрости*, по словам Данте («Пир»). Между прочим, одним из проявлений prudentia является *почтительность* (отношение, почти покинувшее землю нашей цивилизации, которая не может отличить свободного почтения и благодарности достойному от слепого поклонения — и рушит «репрессивный авторитет» за «репрессивным авторитетом»). По определению Фомы, prudentia состоит в понимании отношений между вещами. Этим-то и отличается всякое суждение Аверинцева — говорит ли он о фонетике стихов Брентано или о текущем политическом моменте. Он видит вещь в ее обширных отношениях. Показательна сама постановка вопроса в его первом филологическом труде, о Плутархе: *место* классика жанра в истории жанра.

Именно такой, благоразумный ум, умеющий свободно почитать лучшее и превосходящее, обладает уверенностью различений, как будто невозможной в наши дни. В частности, уверенностью различения настоящего и поддельного.

Приведенными примерами я хотела показать, что самой большой и как бы «непредметной» новизной мыслительной позиции Аверинцева была новая рациональность — в действительности, традиционная рациональность, забытая Новым временем, рациональность, не разделенная с совестью и сердцем. Вот такая рациональность распознает, вот в этой позиции, понимая вещи умом сердца, умом совести, умом воли (на библейском языке, умом утробы), мы можем позволить себе уверенность, мы можем позволить себе не сомневаться, различая правое и левое, истинное и ложное.

Однажды мы говорили, как часто, о поэзии, и Сергей Сергеевич сказал: «Но согласитесь, Оля, что если что противоположно, так это не поэзия и проза, не проза и бытовая речь... По-настоящему противоположны вещи, которые называются одним словом: поэзия и поэзия, литература и литература (то есть настоящая поэзия — и ненастоящая, и так далее). А история литературы обыкновенно описывает эти полярные вещи в одном ряду» (когда-то он говорил то же о неразличающей «истории церкви» — или целиком негативистской, в атеистической перспективе, или целиком триумфаторской — и о том, как ему хотелось бы написать настоящую, различающую историю). Сергей Сергеевич коснулся, быть может, самого больного места современной культуры — различения: различения истинного и ложного, подлинного и поддельного, оригинала и копии. Это, вероятно, одна из ключевых тем культуры (светской, секулярной культуры) последних десятилетий. Умберто́ Эко в своем «Имени Розы» впервые выступил с тезисом о том, что истинное и ложное неразличимо, что различение это — более или менее предрассудок, и притом опасный (почитатели «истинного» не-

пременно становятся фанатиками), что у нас нет никакого инструмента, нет никаких аргументов, чтоб отличить истинное от ложного. Вслед за этим началась целая лавина реабилитации подделок, симулякров и т. п. И не стоит думать, что Умберто Эко — какой-то уж совсем революционный хулиган: он даже готов предположить (в том же романе «Имя Розы»), что святые различают истинное и ложное, но как бы само собой разумеется, что время святых прошло, остались симулякры святости — святоши и невротические фанатики, поэтому уж лучше мы различать не будем, не будем притворяться, искать настоящего, чтить что-то как настоящее. За всем этим, за этим вопросом об истинном и ложном, оригинальном и подражательном, стоят самые серьезные недоумения современности, поскольку то, что самым заинтересованным образом обсуждается теперь, это не добро и зло, а именно настоящее и ненастоящее. Именно здесь обнаруживается крушение традиционной рациональности, неспособность разумным образом решать и различать. Можно подумать, что какая-то невероятная глупость охватила людей, какое-то невероятное сопротивление очевидным истинам: почему так охотно и без малейшего сопротивления говорят и слушают такую инфантильную чушь? Но, я думаю, в духе понимания, а не отталкивания стоит постараться понять, откуда все это взялось. И понять это не слишком трудно.

Современный страх перед уверенностью — это страх самозванства, это паническая реакция на опыт двадцатого века: на догматизм, авторитаризм, идеологичность, на «великие истины», которые насаждались таким свирепым путем. Реакция, конечно, немудрая, паническая, но понять ее можно, памятуя, как людей мучили «непреложными истинами» идеологий. Другое дело, что требование неуверенности и агностицизма само стало новой идеологией...

Я вспомню другое — «понимающее» — высказывание Сергея Сергеевича, на этот раз в беседе о Фрейде, который, если бы он был воспринят «идеологически», несомненно был бы слишком чужд Аверинцеву, чтобы его обсуждать. Так вот, Аверинцев говорил, что Фрейд, несомненно, лжеучитель, но есть элемент правды в том, что он видит, а именно: у человека не должно быть такой власти над другим человеком (он имел в виду описанную Фрейдом тиранию отца). И, таким образом, во фрейдовском учении была своя правда, свой исторический резон. Наши современники, релятивисты, сторонники тотального релятивизма имеют своим аргументом личную свободу и совесть. И я думаю, что без этих корректив, без того, чтобы отвечать на требования личной совести и ответственности, уже невозможна никакая доктринальность. Новая доктринальность должна учитывать травматический опыт существования при господстве этих необсуждаемых «истин», ради которых столько крови пролил минувший век.

И тем ни менее, реакция на идеологизмы явно зашла уж чересчур далеко и сама стала идеологией. Можно сказать, что в споре Сократа и софистов на наших глазах победили софисты.

Мне пришлось слышать однажды кардинала Шонборна, который говорил об этом как об эпохальном явлении. Еще в его юности, вспоминал он, симпатии школьников, изучавших историю Сократа, были несомненно на стороне Сократа, и убежденность их в том, что в конце концов прав и мудр

Сократ, а не софисты, была полной. И настолько же несомненна теперь у молодых людей противоположная оценка. Сократ — безумный. Кто мудр, кто прав — это несомненно софисты. Эта вторая смерть Сократа, по мнению Шонборна, — эпохальное событие.

Победа софистов касается неписаных основ нашей культуры. Мы, вообще говоря, не знаем, что на самом деле думали большинство людей в другие времена: возможно, втайне большинство всегда сочувствовало «реалистически мыслящим» софистам. Но хотя бы из ханжества оно вынуждено было признавать норму благородства, искренности, дара и так далее. Теперь этого ханжества больше ни от кого не требуется. Речь идет о смене нормы.

И в самом деле, где рациональные основания для различения истинного и ложного, где аргументы? Если не разум (в своем современном, отделенном от всего смысле) и не практика, что их различит? Сергей Сергеевич на фоне нынешних мыслителей, критиков, ученых выступал с удивительной позиции *несомненного различения* — и при этом различения, которое не собиралось превращаться в доктрину, в пустой и насильственный морализм. Что ставилось и охотно ставилось, им под вопрос — это субъект высказывания, субъект различения. Это *я* не совершенство, это *я* могу ошибаться, но такое положение вещей ничуть не мешает тому, что некоторые непреложности несомненно существуют. Вот эта сложная позиция методического сомнения в себе и доверия непреложностям современности явно не дается.

Однажды, говоря о различии собственно духовного и интеллектуального труда (он никогда не считал собственное дело духовным в том строгом смысле, в каком духовным для него было дело молитвенного подвижника, и не любил, когда эти вещи не различали), он заметил: но одно их определенно объединяет. Это отрешение от обыденного настроения (я цитирую неточно, по памяти), от бытовых привычек души.

Бытовой ум, бытовое употребление понятий и слов, бытовые навыки умозаключения — привычный ужас, в котором мы живем, — это и есть по существу то, что называется «разумностью» и «здравым смыслом». «Здравый смысл», как известно, — основа жизни, и простые люди чаще обладают им, чем интеллектуалы. Можно ли тогда полагаться на народный здравый смысл? К этому был склонен Честертон — и здесь, я думаю, Аверинцев с ним не сходится. Честертон предлагает рассказать теорию Фрейда в кабаке: вот будет забавно. Слушатели скажут: «Значит, мы все хотим убить папашу и жениться на матери? Во дает!» Этот смех Честертон считал окончательным ответом «умникам». Боюсь, пересказ теории относительности или третьей Кантики Данте в этом кабаке вызывал бы не меньший смех. Аверинцев не думал апеллировать к народному здравому смыслу. Он любил культивацию ума, аскезу разума. Он говорил, что мистика вполне совместима с рациональностью, но с чем обе они не совместимы, так это с бытовым сознанием.

Что это такое, бытовое, обыденное сознание? Прежде всего, это обобщение опыта, обыденного опыта — и потому оно неспособно воспринять неизвестное из него, чудесное. Вот на это свойство «ума» и указывает рассуждение Кузанского об Авраме. Ум как опытность:

> Вместо мудрости — опытность, пресное
> Неутоляющее питье...

Но классический ум Аристотеля как раз заключается в умении видеть поразительное, поскольку начало мудрости — изумление, о чем напоминал Аверинцев: *Мудрец — это тот, кто сохранил способность изумляться.* Это также точка схождения Афин и Иерусалима.

Далее, обыденный ум — это тот способ ориентации в действительности, который ничего от себя не требует, «не переспрашивает себя», словами Аверинцева, не проясняет того, чем пользуется как само собой разумеющимся, прихватив все это где попало. Это иррациональная смесь обрывков самого бедного рационализма.

Вот некоторые свойства этого бытового ума. Уверенность в том, что все по частям рациональным образом объяснимо, — и с другой стороны, такая же уверенность в том, что целое абсолютно иррационально (этому Аверинцев противопоставляет сложную идею *символа*, не переводимого до конца в понятие, — символа как основной единицы, из которых сложена человеческая культура).

Уверенность в том, что все в мире механически детерминировано, причем ближайшим образом и «снизу», — и при этом абсолютно случайно (этому Аверинцев противопоставляет понимание вещи в широком, широчайшем контексте, показывая ее дальние связи и отголоски, необходимость и одновременно свободу ее явления).

Неприятие сложности, допущение исключительно тотально действующих закономерностей: или так всегда и везде — или никогда и нигде. «В некоторых случаях и некоторых местах» — такого рода обобщение здесь не пройдет. Механичность такого рода связывается обычно с образцом «точных» наук — тогда как сами эти точные науки в своем современном состоянии разработали куда более сложные, парадоксальные и далекие от бытового сознания представления о причинности, закономерности и т. п.

Это подстановка опыта — личного, *моего* опыта — на место знания. Простейший факт того, что мы можем разделить опыт, которого лично не переживали, напрочь забыт (а большинства тех смыслов, о которых говорят искусство, философия, религия, статистический человек не переживал опытным путем). Мы можем каким-то образом пережить чувство Отелло вовсе не потому, что подставляем «себя» на его место. А потому, что кроме человека наличного в каждом из нас есть человек возможный, с которым и работает мысль высокого мыслителя, образ высокого художника.

Полное описание «бытового сознания» — не моя сегодняшняя тема, и этими его свойствами я ограничусь.

Особенно впечатляет работа Аверинцева с самыми общими навыками обыденной мысли: прежде всего, с мышлением дихотомиями, парными противопоставлениями вещей, смыслов и т. п. Современное мышление как будто не предполагает другого пути кроме как механический перевод всех смыслов в системы бинарных оппозиций (тем более, что на основании такого дерева оппозиций строится искусственный интеллект, и достижения в этой области не могут быть подвергнуты сомнению). Качество и основательность этих противопоставлений и ставит под вопрос Аверинцев.

Он с особым веселым удовольствием любит спорить с двумя «противоположными» вещами сразу, и в его полемических выпадах — направо и

сразу же налево — есть особый кураж: он обычно не опровергает одного мнения с тем, чтобы тут же не воздать должного противоположному. И чтобы в конце концов дать понять, что не так уж полярны эти полярности, поскольку обе они в равной мере противоположны чему-то еще: чему-то *здравому* и отвечающему положению вещей как внутри нас, так и снаружи. Оба они противоположны центру подвижного равновесия как два элементарных уклонения от него. «Скупость» не противоположна «мотовству», для примера, а каждое из этих свойств противоположно добродетели щедрости как ее плохие подобия. Они однозначны — а середина сложна. Они противоположны ее живой подвижности как конвульсивные метания — или как окаменелость. «Золотая середина» Аристотелевой этики принята Аверинцевым как познавательный метод. Он напоминает о здравомыслии (греческое sophrosyne, иначе переводимое как «целомудрие», близкое тому латинскому представлению prudentia, о котором мы говорили), слове античной мудрости и христианской аскетики. Это слово, вероятно, — одна из напряженных точек синтеза традиций «Афин» и «Иерусалима», сердцевинной темы Аверинцева.

Можно сказать, что новая рациональность, которую выражал Аверинцев и которой он учит нас, это одновременно сопротивление дурному иррационализму — и плоскому дурному рационализму. Здесь, в сложном взвешивании собственных умственных движений и в *собеседовании* с предметом, вырабатывается sophrosyne, prudentia, здравомыслие, целомудрие. Та установка ума, которая всегда предпочтет *понимание истолкованию*. Но также и «вживанию». Истолкованию — как незаконному отстранению от смысла и *вживанию* — как иллюзорному отождествлению с ним[11].

---

[11] Об этом последнем бытовом искажении *понимания* прекрасно писал В. В. Бибихин: *Требование понимания апеллирует к гуманности, но часто ведет в душные лабиринты, которые хуже, чем общество деловитых стратегов, оставляющих по крайней мере душу не под надзором. Понимание способно обернуться таким разгулом психологии, что и одному сознанию будет невыносимо тягостно, а чем грозит нескольким, примкнувшим друг к другу, показывает история коммунального бытия.*

Труд мысли и слова способен прогонять приторные мечты о родственной понимающей душе, давая взамен другое, настоящее удовлетворение, трезвую уверенность, что все надежно продуманное, удачно воплощенное заранее уже несет в себе свое будущее понимание. Которое вовсе не обязательно такое, как я ожидаю. — Бибихин В. В. Понять другого. — Слово и событие, М., УРСС, 2001. С.164.

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике четвертого квартала 2007 г.

Существуют ли последние, универсальные основания чего бы то ни было? Например — морали? Сегодня, в ситуации недоверия к любого рода «тотальности» и «универсализму», подобные вопросы обсуждаются вполне всерьез, а философы столь же серьезно занимаются вопросом, **НУЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ**.

С XVII столетия философия играла видную роль в утверждении демократических институтов, говорится в статье американского философа **Ричарда Рорти** (1931 — 2007) **«Демократия и философия»** («Неприкосновенный запас», № 6). Однако в наши дни впереди идет политика, философия же следует за ней. Для большинства интеллектуалов предположение о том, что политические взгляды отражают философские убеждения, сродни *гипотезе, согласно которой хвост способен управлять собакой.* Так, сторонники основных политических партий США — «левые» демократы и «правые» республиканцы — одинаково привержены демократии и Конституции. Можно предположить, что политическое противостояние левых и правых отражает разногласия между теми, кто полагает, что демократия строится на божественном фундаменте, и теми, кто приписывает ей философские основы. Но Рорти считает, что для теологических или философских ухищрений в этой полемике нет места и на деле обе стороны будут апеллировать к историческому опыту. Например, припомнят высказывание Черчилля: демократия несовершенна, но все прочие формы правления еще хуже. И все же, пишет Рорти, время от времени приходится сталкиваться с дебатами о том, имеет ли демократия «философские основания». Себя Рорти относит к «историцистам», т. е. к тем, кто вслед за Гегелем считает, что *философия есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении*, лишь *служанка историографии.* По мнению Рорти, историю философии следует изучать в контексте тех социальных ситуаций, в которых создавались философские доктрины и системы. Философия, таким образом, не является — и никогда не станет — наукой, понимаемой как последовательное приумножение нерушимых истин. Для историцизма *такой вещи, как человеческая природа, просто не существует, поскольку люди преобразуются и меняются по ходу собственного развития. Они творят себя подобно тому, как поэты творят стихи.* Так что моральные истины, как и постулаты науки, представляют собой итог экспериментирования и наблюдения. Ничего кроме совокупности опыта в моральных принципах нет, и категорический императив Канта останется пустой абстракцией до тех пор, пока его не наполнят конкретными деталями, извлекаемыми из исторического опыта.

Станислав Яржембовский исходит из того, что с «последними основаниями» проблем нет: их знает Православие. В статье **«Зерцалом в гадании». Вера и знание: этимологический этюд»** («Звезда», № 12) он размышляет

над проблемой **ВЕРЫ и ЗНАНИЯ**. Свой вклад в прояснение смысла этой пары понятий Яржембовский стремится внести с помощью этимологии. (Вообще этимологические изыски, отсылки к «праиндоевропейскому» или еще какому-нибудь «пра»-корню слова часто используют для выявления связи обозначаемого этим словом явления с «последним основанием». Порой думается, что слишком часто используют.) Итак, указывает автор, если в современном понимании вера — это знание, не обеспеченное доказательствами, как бы знание в кредит, то в прежние времена под верой подразумевалась несомненная достоверность. Это видно из тесной этимологической взаимосвязи понятий веры и истины: русское слово «вера» родственно латинскому «veritas» — «истина», в свою очередь, связанному с глаголом «videre» — «видеть» (это «видение» есть восприятие на расстоянии, способность человека осознавать предмет раньше, чем мы входим с ним в непосредственный контакт, полагать свои цели вне себя). Понятие веры как истины заложено и в древнееврейском слове «эмуна» («вера»), от которого происходит «аминь» («истинно»), и в родстве английских «trust» (верить) и «truth» (истина)... Таким образом, делает вывод Яржембовский, вера и истина являются двумя различными аспектами одного и того же: истина — имеющее быть, сущее — выражает объективность веры; в свою очередь, вера — видимое, очевидное — выражает субъективность истины. В отличие от веры, связанной с возвышенным понятием истины, знание, пишет Яржембовский, представляет собой некое «нутряное» чувство, связанное с наиболее прямым, физиологически непосредственным восприятием мира — его вкусовым, тактильным и т. п. ощущением, что опять же подтверждается этимологически: родством слова «знать» с такими словами, как «жена», «жать, пожинать», «ценить» и даже «жевать», в то время как значение этого слова, связанное с обладанием мудростью, вторично. Под «верой» же и сегодня чаще всего имеют в виду веру религиозную. Слово «религия», разъясняет автор, пришло из языческого Рима, и первоначальным его смыслом было пунктуальное соблюдение ритуала: «religiens» — «тщательный», в противовес «negligens» («небрежный»). Христианство, пишет Яржембовский, принесло иное отношение к миру божественного — ощущение личной связи с Богом. Поэтому и этимология слова «религия» была переосмыслена как «religio» — установление связи между человеком и Богом: «ligo» — «связываю». Вера нового типа получила и свое обозначение: «credo» (вера как любовь) — слово, этимологически связанное с протоиндоевропейским обозначением сердечного расположения. Понимаемая таким образом вера означает прямое сердечное постижение, не нуждающееся в косвенных интеллектуальных доказательствах. Этот «сердечный», эмоциональный накал веры автор (в противоположность распространенному представлению о западном гиперинтеллектуализме) считает присущим преимущественно западному христианству, тогда как «восточная доминанта веры» — это не эмоциональное, сердечное расположение к предмету веры, а пребывание в истине, поскольку верой самого Иисуса была «эмуна» как пребывание в истине. Сердечность же как прямая, не мудрствующая лукаво непосредственность понимается Яржембовским как *стремление к установлению прямого личностного контакта с Богом, без каких-либо авторитетных посредников*, по принципу *отдайся сво-*

ему чувству, не сковывая себя никакими схемами и догмами, и сердце твое само откроется истине. Такая мечта, по мнению автора, всегда была уделом «маленького человека», *вечного Акакия Акакиевича* и во все времена вдохновляла еретиков, а в наше время восторжествовала в *религиозной попсе* — у *сектантских проповедников, проникновенно убеждающих всякого встречного и поперечного: «Иисус тебя любит!»* Впрочем, и «католическое» (по мнению Яржембовского) учение о пресуществлении Святых Даров в таинстве Евхаристии, слишком буквально-физиологическое, на взгляд автора, свидетельствует о сниженности, *гипертрофированном гуманизме* западного христианства, сводящем *высшую духовность даже не до этики — почти до физиологии.* Статья Яржембовского, говорить о которой подробнее мы за недостатком места, увы, не имеем возможности, выявляет парадокс религиозного сознания, которому сегодня, в условиях продолжающейся конкуренции со стороны науки, кажется, особенно выгодно транслировать мысль о возможности и надежности познания божественного мира и одновременно — о зыбкости познания мира «посюстороннего». Второй, таким образом, парадоксально оказывается преимущественно областью знания, первый — областью веры. Так, парадоксальным образом, свойство трансцендентности «снимается» религиозным сознанием с «мира горнего» и переносится на «мир дольний».

Ту же тему **Яржембовский** развивает и в статье **«Засохшая смоковница. Фрактальность древа познания»** («Звезда», № 10). Осознание *принципиальной нелинейности* мира, пишет автор, заставляет говорить не только о границе знания самой по себе, но и о *зыбкости* этой границы. В «нелинейном» мире мы больше не уверены ни в чем: все, что казалось твердо установленным и абсолютно незыблемым, грозит в любой момент рухнуть под напором неожиданных новых данных. Однако рост нового знания не беспределен: у каждого из нас имеется свой интеллектуальный потолок, по достижении которого разум в случае, если в него вложены знания, превышающие его уровень, запустит процесс в обратную сторону — не снизу вверх (в сторону возрастания понимания), а сверху вниз (в сторону избавления от непонятного). Иными словами, пишет Яржембовский, неизбежно наступает момент, когда добавление новых данных будет не увеличивать, а уменьшать понимание. Возникает парадоксальная ситуация: чем больше мы знаем, тем меньше понимаем, нам снова становятся непонятными, казалось бы, уже давным-давно понятые вещи... Научный и религиозный подходы автор статьи сочетает без видимых затруднений, обращаясь, в частности, к новейшим областям математики: теории хаоса и ее разделу — фрактальной геометрии[1]. Их средствами, утверждает Яржембовский, можно количественно оценить область твердого знания о мире: менее двух третей принципиально возможной информации о нем. Вчера казавшееся осмысленным сегодня

[1] Ф р а к т а л (от *лат.* frangere — ломать, разбивать на части) — неправильная геометрическая форма, состоящая из подобных же форм меньшего размера, которые в свою очередь состоят из своих уменьшенных подобий и т.д. О статье М. Эпштейна, посвященной фрактальной структуре мироздания, а также человеческой личности, см. наш обзор в № 129.

видится бессмысленным, но это не означает, впрочем, что завтра вроде бы навсегда утраченный смысл снова не возродится при более тонком анализе, хотя скорее всего — на совершенно иной основе. Познание представляет собой фрактальную — непредсказуемо сложную и прихотливую — границу между океаном бессмыслицы и островками осмысленного. Как бы то ни было, напоминает Яржембовский, но именно безграничность познания, по мнению Льва Шестова, и прельстила человека, захотевшего «стать как боги». Но от соблазна всезнания пытался предостеречь наших прародителей Садовник: Он-то знал, что претензии человека как конечного существа на всезнание иссушают корень его бытия — нравственность; чрезмерно разросшийся интеллект релятивирует нравственность, и ее наделяя своей фрактальностью. Впрочем, говоря о нравственности, приходится уточнять, о каком ее понимании идет речь. Яржембовский убежден, что следует различать нравственность в бытийном и в бытовом смыслах — как онтологический принцип и как свод правил человеческого общежития. Первая связана с покорностью воле Божьей, а вторая не является самоценностью (высоконравственными в высшем смысле были Ной, Лот, Авраам, Исаак, Давид и другие библейские персонажи, которым с точки зрения бытовой нравственности можно было бы предъявить довольно суровый счет) и лишь инструментальна, ее единственное назначение — стабилизировать общественные отношения. При этом, по мнению автора, у нравственности имеется естественный враг — высокоразвитый интеллект, способный подойти к любому явлению как «сверху», так и «снизу», то есть вполне обоснованно дать чему угодно как самую благородную, так и самую низменную оценку. Недаром излюбленное развлечение интеллекта — не только глумиться над нравственностью в ее конкретных проявлениях, но даже оспаривать у нее само право на существование. Ведь рационально оправдать можно все на свете и еще Декарт утверждал, что *нет такого абсурда, которого нельзя было бы обосновать логически*. Нравственность же, в отличие от интеллекта, выражающего безудержное устремление человека к абсолютной свободе, призвана служить началом сдерживающим, консервативным. Высшая, «бытийная» нравственность символизирует устойчивость принципов. Для нее не характерна фрактальность, свойственная интеллекту, ибо нравственный инстинкт получен человеком непосредственно от Бога. Нравственен тот, кто продолжает придерживаться твердых принципов вопреки всем доводам лукавого рассудка. Это способность двигаться в выбранном направлении, не оборачиваясь, не обращая внимания ни на какие внешние обстоятельства. Быть нравственным чрезвычайно трудно, доводы рассудка, здравого смысла, настойчиво призывающие нас вернуться к реальности, исключительно сильны, зачастую неотразимы — в особенности когда нужно оправдать собственную слабость. Проблема примирения интеллекта и нравственности («сердца и ума», «змеиной мудрости и голубиной кротости») решается путем смирения: в некоторых ситуациях человек должен перестать слепо доверять своему интеллекту. Речь, подчеркивает Яржембовский, не идет о нарочитом обскурантизме, весь наш ум остается при нас, речь идет лишь о том, кто кем владеет: мы своим умом или наш ум нами. Человек призван избавиться от фрактального наваждения, мысленно срубить ветхозаветное древо познания, сжечь

его в огне покаяния — к чему и призывает евангельская притча о засохшей смоковнице. Таким образом автору вновь удается противопоставить зыбкую почву интеллекта и твердые основания религиозности.

Взглянуть свежим взглядом на понятие **ДЕМОКРАТИИ** призывает **Александр Кустарев («Политическое воображение. Демократия: наше все или только половина»** — «Неприкосновенный запас», № 5). В своем предпочтении демократии расписываются сегодня 86% европейцев от Португалии до России, сказано в статье. В том факте, что слово это стало рекламной этикеткой всего, что считается желательным, автор видит симптом *содержательного опустошения культуры*. Демократия связывается с канонизированной «корзиной общественного блага», сама воспринимается как безусловное общественное благо и синоним разных благ: «свободы личности» («прав человека»), «равенства», «благоденствия». Все эти «блага» и сама демократия также ассоциируются в народном представлении с образами «парламента», «выборами», «партиями», информационной «прозрачностью», гласностью, сменяемостью правительства по результатам его работы. Однако, считает автор, жесткая корреляция между демократией и разными компонентами общественного блага отнюдь не доказана. Так, понятие свободы — центральное понятие не демократического идеала, а либеральной доктрины. В СССР, считает Кустарев, дело кончилось полной победой демократии над либерализмом. Древние греки, по его мнению, согласились бы, что в СССР демократия, и сочли бы это доказательством того, какая это плохая вещь. Следует более трезво взглянуть на связь демократии и с другими общественными благами. На деле, утверждает Кустарев, связь эта зачастую иллюзорна. Так, принцип «welfare» — гарантия социальной корзины прав человека — существовал и до демократии, а рост благосостояния исторически скорее явился причиной демократии, чем ее следствием. Более очевидна связь между демократией и миром в обществе: наиболее внушительным успехом демократии стало предотвращение назревавшей в Европе войны как продолжения классовой борьбы другими средствами (потому профессиональные революционеры так ненавидели парламент). С другой же стороны, в эпоху позднего модерна ни один общественный строй не был чистой демократией: даже президент США весьма напоминает монарха. Не был устранен из европейских политических систем и элемент аристократии: на место старой аристократии пришла партократия. Системы партий, вне зависимости от того, как они зародились — в коридорах ли власти (как в Англии), на улице (как во Франции) или же попросту «ветром надуло» (как в России), — в конце концов срастаются с государством и превращаются в весьма монолитный социальный агрегат, именуемый по-разному: «политический класс», политический «истеблишмент», «картель» и т. п. Таким образом, утверждает Кустарев, в странах, которые огульно и привычно именуются демократиями, имеет место смешанная конституционная практика, функционирующая как еще один вариант сдержек и противовесов. Элементы «управляемой демократии» политологи обнаруживали не единожды и отнюдь не только в современной России. Сейчас демократия является управляемой повсюду, и это вовсе не происки «зловещих антинародных сил», заинтересованных в тотальном господстве, а естественное следствие процесса социогенеза и культурогенеза, который идет сам собой.

Алексей Левинсон в журнале «Неприкосновенный запас» продолжает свою *социологическую лирику*. **УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ** — эта расхожая цитата может стать лейтмотивом очередной его статьи — **«У нас иначе»** («НЗ», № 4). То есть у нас все «не как у людей». Начиная с того, что если, согласно англосаксонской максиме, в молодости надо быть социалистом, а взрослея, следует приходить к либерализму, то у нас, в таком случае, «молодость страны» с ее социалистическими идеалами олицетворяют люди пожилые, а «взрослые» либерально-индивидуалистические идеи владеют молодежью. Соответственно, у нас молодые люди ставят благополучие человека в зависимость *от него самого* (60%), а старшее поколение — *от того, насколько справедливо устроено общество* (67%). И на вопрос: *Что важнее — интересы государства, страны в целом или интересы каждого отдельного человека?* — старшие чаще отвечают: *Интересы государства*, а молодые — *Интересы человека*. И это свидетельствует о том, отмечает Левинсон, что патерналистски-социалистическая модель отношений государства с его жителями из России уходит. Однако и тут все идет «особым российским путем», т. е. никаких договорных отношений государства и населения на смену государственному патернализму не пришло. Со стороны государственной состоялось массовое «*сбрасывание социалки*», отказ от обязательств перед населением (чему наглядный пример — монетизация льгот). Со своей стороны, работоспособная часть населения, усвоив урок, предпочитает не работать на государство, избегать любых договоров с ним... Иначе видятся гражданам России и отношения между родителями и подростками. *Можно ли*, скажем, *физически наказывать*? Согласных с поркой — 35% в молодом и 40% в старшем поколении. Треть страны готовы наказывать, значит — готовы сами спустить штаны перед «властным отцом»! *А можно ли ограничивать общение подростка с приятелями*? Не меньше 42% «молодых» высказались за это право социальной цензуры, а среди старшего поколения — и все 60% (автор напоминает, что за цензуру на ТВ и в прессе два года назад высказались большинство молодых людей.) Что ж, выходит, нам век свободы не видать? Кто знает, может, и видать, отвечает Левинсон. Молодежь готова отстаивать свои права, но в специфической области: право родителей *забирать заработанные подростком деньги в общий семейный бюджет* абсолютное большинство молодых (77%) отвергают. Что заработал (не скажу как) — мое; не приставай ко мне, папа, со своими налогами! То есть в вопросе денег народ претендует на взрослость даже еще до совершеннолетия. И самые старшие чувствуют, что нынче новые времена, потому, хотя 46% за то, чтоб деньги отбирать, но ровно столько же махнули рукой и это родительское право не поддерживают. Еще один пример: почти 70% молодых людей — за прекращение войны в Чечне. Впору ожидать мощного антивоенного движения. Но и здесь у нас иначе. Мужчины призывного возраста предпочитают «уклоняться» или «косить». Они намерены осуществлять и отстаивать свои интересы, но не политическим, не коллективным путем, а как частные лица. В целом, как следует из социологических данных[2], нельзя

[2] В статье приведены данные опросов Левада-центра, проведенных в 2004–2005 гг.

однозначно сказать, растет ли у нас *«покорное быдло»* или *«свободное, непоротое поколение»*. 77% респондентов сочли допустимым критиковать деятельность президента Путина, но эти же респонденты в этом же опросе почти в полном составе одобрили его деятельность на посту президента. Но, может быть, пресловутый *высокий рейтинг* связан со свойством российского народа — незаинтересованностью в выборе и, следовательно, в демократических процедурах? Избирателям предлагали высказаться относительно обсуждаемых в прессе мер по *сохранению руководства страной после 2008 года в руках Путина*. Уловку с внесением изменений в Конституцию с тем, чтобы позволить Путину выдвигаться на третий и четвертый сроки, поддержали 11% россиян, вариант с назначением преемника — 18%. Подавляющее же большинство (60%) избирателей советовали Владимиру Путину *обеспечить в 2008 году честные президентские выборы, не оказывая давления на их результаты*. В общем, куда ни кинь, перспективы формирования правового государства и самоответственного общества туманны.

Другая *социолого-лирическая* заметка **Левинсона** посвящена активно обсуждавшемуся несколько лет назад вопросу, **СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РОССИИ СРЕДНИЙ КЛАСС («Средний еще не класс»** — «НЗ», № 3). Сейчас, считает автор, происходит формирование новой социальной группы, которая готова принять это наименование. Дело лишь в том, чтобы состоялся момент ее конституирования и возникла идентификация отдельного индивида с этой общностью. Но пока что потенциальным представителям искомого социального слоя кажется, что *наш средний класс не тот, что на Западе, у нас еще не сложился настоящий средний класс* и т. п. Пока еще отсутствует ощущение себя как группы, связанной внутренними связями, но уже появилось представление о своем человеческом типе, так что, считает Левинсон, можно говорить о классовом этосе и ведущих ценностях. Это люди, которые ставят себе цели и их добиваются. Жизнь, которую они ведут, не представляется им вынужденной. Они живут так, как считают нужным, как хотят. Для них характерно прежде всего высокое самоуважение. Каждый из них уверен в себе. Они привыкли управлять обстоятельствами и самостоятельно формировать ближайшую среду. Кредо этого класса таково: сейчас всякий, кто хочет достойно жить, может своими силами этого добиться. Для представителей этой группы характерно различение тех, кто виноват в собственной бедности (пьяницы, лентяи), и тех, в чьей бедности виновато государство или ситуация в целом (пенсионеры, врачи). А свое отличие от представителей верхнего слоя они видят в том, что все, что имеют, заработали своим трудом (а не получили «даром», в момент приватизации оказавшись «в нужном месте»). Приняв эстафету потребления от «новых русских» (машины, коттеджи, отдых в Италии), нынешний средний класс отдалился от них: здесь действуют не столь жесткие законы внутригрупповой моды, а нормы более зрелые и гибкие. Однако, в отличие от стандартов в сфере материального потребления, основы собственной духовной культуры этим классом почти не осознаны. Ощущается, правда, генетическое родство категорий среднего класса и советской интеллигенции — некоторые теоретики предлагали считать ее советским вариантом среднего класса — так что, видимо, есть возможность продать среднему классу ее культурное на-

следство. Что касается национальной самоидентификации, по большей части новые «новые русские» считают себя русскими, но в основном среди них считается, что люди сами решают, к какой общности себя отнести, а патриоты они в той же степени, в какой и космополиты: готовы (по их словам) защищать родину с оружием в руках, но решать, есть ли угроза, будут сами. Дети из «среднего класса», по мнению их родителей, будут жить в России, но при этом практически все в столицах и многие в регионах хотели бы видеть своих детей «гражданами мира»: уезжающими и возвращающимися по мере надобности. Что касается религиозных убеждений, чаще всего они сводятся к тому, что есть Бог как высшая сила, отождествляемая с добром, справедливостью, смыслом жизни. Однако люди рассматриваемой группы обычно не являются ревностными прихожанами и плохо разбираются в вопросах вероучения. В их среде популярно утверждение, что все религии — это формы веры в единого бога, заявление «я — атеист» — редкость, а все атеисты подчеркивают свое уважение к вере и верующим. Представители среднего класса поддерживают принцип отделения церкви от государства и не поддерживают идеи распространения определенного вероучения в учебном заведении. В отношениях с нижними структурами власти (т. е. разрешающими и контролирующими органами на местах) у людей бизнеса сложились «правила игры», которые соблюдаются обеими сторонами. Эти правила, разумеется, включают нарушения законов и взятки, но в устойчивых формах и «разумных пределах». Возмущение по поводу уровня коррупции заменяется представлением, что власть — это тоже вид бизнеса со своими правилами. Представления о защите не только своих личных, но и корпоративных, классовых интересов у людей «среднего класса» отсутствуют. Свои политические интересы они если и обозначают, то как «обычные» граждане страны, а не как члены некоей корпорации, класса. Не находит средний класс и «своей» политической партии. Видимо, пишет автор, дело за тем, чтобы она сама его нашла.

Поводом поделиться мыслями послужила **А. Левинсону** и вышедшая в 2007 году в издательстве РОССПЭН «Книга погромов» (**«Книга уроков»** — «НЗ», № 5). Это очередные страницы истории евреев, но Левинсон согласен с издателями: приведенные в книге документы относятся и к истории Гражданской войны в целом. Ведь любые преступления, совершенные людьми против людей, суть действия обоюдные: удел жертв — гибель или мучения, но удел другой стороны — смертный грех. Документы, пишет автор статьи, свидетельствуют о массовом ощущении дозволенности и права нарушать базовые законы и заповеди, что и сделало погромы далеко не исключительным феноменом в истории Гражданской войны. Этот урок, убежден Левинсон, помогает понять, какую опасность для всего общества представляет нравственная дозволенность насилия и беззакония. Сначала она реализуется в ограниченных пространственно-временных условиях, но проходит немного времени, и оказывается, что в обществе уничтожен иммунитет к нарушению охраняющих его же норм и заповедей, — и начинается разгул насилия или, на нынешнем языке, — террор: истребление людей людьми не на поле боя, но «в мирной жизни». Ведь и жертвы еврейских погромов, где громили якобы чужих, составляют менее одной сотой всех

жертв, павших от рук «своих» в ходе Гражданской войны, а потом репрессий 1920–1930-х. Ключевым, считает Левинсон, здесь является вопрос, как и почему отключаются механизмы социальной регуляции — ведь нормальное человеческое сознание не может вместить в себя погромы как нечто бессмысленное, иррациональное. Из истории погромов, пишет автор, известно, какую важную роль в их провоцировании играет позиция власти, — и это при том, что случаи ее прямого участия в организации погромов относительно редки, хотя и случаи прямого подавления погромных действий также не часты. Наиболее типичным является двойственное поведение, вариантов которого множество. Верховное начальство может осуждать погромные действия, а нижние чины им потворствовать, или же правители какими-либо символическими жестами, а то и прямыми заявлениями показывают, что закон к «своим» и «чужим» применяться будет по-разному. Такой сигнал запускает механизм погрома, освобождая общество от ответственности за содеянное. Осознание того, что за погром «ничего не будет», — один из главных пусковых механизмов массового насилия. Сигнал этот подается всему обществу, но ловится отдельными его группами — в том смысле, что творит погром, как правило, не толпа, а группа. Но все же многие погромщики, как свидетельствуют выжившие жертвы, находились в некотором особом эмоциональном состоянии. Слова вроде *«зверское выражение лица»* попадаются в описаниях погромов нередко. Групповые психологические механизмы, считает Левинсон, посильнее механизмов «толпы», способных за короткое время превратить обычного, нормального человека в палача. Говоря о жертвах, нередко забывают оборотную сторону: никто не избавлен и от роли унижающего, бьющего, пытающего. Скажем, в российской армии за вычетом тех, кого механизм дедовщины выбраковывает на первом этапе, все «настоящие мужчины» с непреложностью делают то, что делали с ними, сохраняя эту готовность на всю жизнь. Насилие же над «своими» в казарме естественным образом переходит в насилие над «чужими»; *социализация в насильники* оказывается функциональной для армии, чья роль — не воевать с противником, а контролировать собственное население и свою территорию. И в наши дни, как и в лихолетье 1920-х, человек оказывается крайне слабо защищенным не только от чужого насилия над собой, но и от риска самому стать насильником. Ведь сегодня, согласно опросам, в российском обществе существуют вполне очерченные «образы врага». Былая доля евреев достается теперь нынешним торговым диаспорам: *евреями* нынешнего века стали в первую очередь выходцы с Кавказа (44% положительных ответов на вопрос, следует ли ограничить их проживание на территории России), а также китайцы (41%). Людей с крайними взглядами, считающих, что надо ограничить проживание *всех наций, кроме русской*, — 10%. А вот тех, кто полагает, в соответствии с нашей Конституцией, что *не следует вводить ограничения на проживание людей каких бы то ни было национальностей*, всего 23%...

ОБ ИСТОКАХ КСЕНОФОБИИ рассуждает **Николай Вольский** (**«Национализм как “превращенная форма страха”, или Откуда берутся антисемиты»** — «Звезда», № 12). Автор обращает внимание на тот же эффект, что красками социологии описан у А. Левинсона, — в последние несколько лет

антисемиты, до этого бывшие наиболее заметной частью националистических движений, оказались в тени: их потеснили «борцы с черной опасностью». По создавшемуся у автора впечатлению, дело тут в средствах массовой информации — достаточно им указать врага, как возрастает внутреннее невысказанное чувство раздражения «*массы коренного населения*» по отношению именно к этому «врагу». И все же в качестве примера националистических умопомрачений, по мнению Вольского, наиболее пригоден антисемитизм — не только яркостью и разнообразием исторических проявлений, но и хорошей задокументированностью в общественной памяти. Так что всегда есть политические силы, готовые в своих целях разыграть «еврейскую карту». Сегодня «жидомасонов» и «сионистов» заменили «кавказцы» и «черные», теперь мы постоянно слышим об ужасных и неистребимых скинхедах, а не об антисемитах, но уши везде торчат те же самые. Автор статьи не сомневается, что вожди всех этих «движений» получают жалованье в одной и той же кассе. Но еще любопытнее, на его взгляд, разобраться с рядовыми участниками этих движений — с теми, кто создает массовку. Зачем людям это надо? В чем их мотивация? В поисках основного стимула антисемитских настроений Вольский отмечает несколько особенностей. Во-первых, «индуцированный» характер массового антисемитизма: в период обострения «еврейского вопроса» количество активных антисемитов резко возрастает, а затем — когда страсти утихнут — возвращается к исходной «нормальной» величине, до следующего обострения. Во-вторых, указанная латентная ненависть неспецифична и латентный антисемит одновременно может быть и «антиисламистом», и «антидемократом», а если нужно, то и, скажем, «антиукраинцем»: такие люди создают дополнительные удобства для всех, кто имеет возможность и желание манипулировать их агрессивными реакциями. Парадокс в том, что такой антисемитизм в одно и то же время и абстрактно теоретичен, и импульсивно спонтанен. То есть принципиальный антисемит может признаться в дружественных отношениях с конкретными близкими ему евреями: непосредственные эмоциональные межчеловеческие связи оказываются сильнее, чем основанная на головных построениях ненависть. В то же время на митинг или другую антисемитскую акцию такой человек идет не по логическим соображениям, а по некоему безотчетному импульсу. И еще один парадокс: среди антисемитов непропорционально большой процент людей, в чьих жилах есть капля еврейской крови... Вольский полагает, что антисемитом движет неосознанный глубинный страх. Но не боязнь евреев (откуда она у человека, если в опыте его повседневной жизни отсутствуют серьезные конфликты с евреями?). И здесь Вольский приходит к парадоксальному выводу: антисемиты боятся... антисемитов. Этот вывод, по его мнению, подтверждает сама механика возникновения массовой антисемитской активности. В исходном состоянии латентные антисемиты не помышляют воевать с евреями, дело ограничивается возможными предубеждениями против них, впитанными, что называется, с молоком матери. Активизироваться антисемитизм начинает только с получением наглядной информации о том, что «евреев будут бить». Возникает цепная реакция, в результате которой еще вчера малозаметный «еврейский вопрос» становится злобой дня. Латентный антисемит — факти-

чески обыкновенный обыватель — предпочел бы не вмешиваться в перепалку, но ему не дает покоя страх приближающегося общественного катаклизма. Видя на телеэкране марширующих чернорубашечников, он чувствует, что его политика невмешательства не дает ему достаточных гарантий: общество раскалывается на две непримиримые части и выбранная им позиция равноудаления от борющихся сторон становится очень опасной. Нужно прибиваться к какому-то берегу, под защиту какой-то организации, и не возникает сомнений, в какую сторону надо грести: как ни противны, наглы и безумны антисемиты, если есть альтернатива — бить самому или быть битым, то уж лучше примкнуть к тем, кто будет бить. Внутренне став таким образом на сторону антисемитов, человек приобретает далее соответствующе черты поведения, легализующие его в качестве такового же. Чтобы оправдаться в собственных глазах, он с радостью хватается за любые подсовываемые ему «теории». Чем больше его страх (а при близком знакомстве с антисемитскими кругами страх этот только возрастает), тем больше он «верит» в опасность еврейского заговора и тем более бурно выражает свои чувства. Таким образом, пишет Вольский, антисемиты из обывателей действительно находятся во власти аффекта, но природа его совершенно иная, нежели обычно предполагают сторонние наблюдатели. В связи с этим Вольский считает нужным заметить, что тезис о непросвещенности и одураченности масс как об одной из главных причин распространения антисемитских верований оказывается совершенно ложным. Никакие просветительные мероприятия, никакие исторические, научные, теологические и прочие разумные аргументы не могут оказать тут существенного влияния — просто потому, что эта аргументация не имеет в антисемитской среде никакой аудитории. Ее никто не воспринимает. Причина антисемитизма — страх перед антисемитами, а не пробел в образовании. Кстати, по мнению автора, страхом как основным «двигателем» антисемитизма и объясняется высокий процент среди антисемитов людей с еврейской кровью. Усредненный портрет *индуцированного антисемита*, рисуемый Вольским, таков: *трусоватый интеллигент русско-еврейского происхождения*. Но раз так, стоит ли преувеличивать опасность явления? Какие из них погромщики, когда они сами себя боятся? Во-первых, отвечает Вольский, когда доходит до погромов и грабежей, к делу моментально подключается масса всякого деклассированного сброда. А во-вторых, трусость вовсе не предохраняет от жестокости, а, напротив, служит подспудным мотивом для нее. Неспецифичность, «общечеловеческий» характер страха как эмоции порождает и неспецифичность агрессии: теперь понятно, почему в качестве ненавидимого «нацменьшинства» могут подойти и «кавказцы», и «африканские студенты», и «сексуальные меньшинства», и «мигранты» неопределенного происхождения. Напугать можно чем угодно, главное — напугать в принципе. А страх можно использовать для создания массового движения, вектор которого легко перенаправить в любую сторону. Наглядный пример Вольский видит в ранней истории нацизма. Вспоминает он и описанный Наумом Коржавиным всплеск антиизраильских настроений в европейских странах: угроза массовых антигосударственных выступлений со стороны французов арабского происхождения заставляет «чистокровных» французов дистанциро-

ваться от Израиля и от евреев вообще, чтобы «задобрить» как своих «внутренних» антисемитов, так и многочисленных врагов Израиля в арабских странах, поставляющих в Европу нефть. Можно сказать, замечает Вольский, что речь опять идет об антисемитизме не по внутреннему убеждению, а «со страху». Это, конечно, трусливая и недальновидная позиция, но осознанная и вполне понятная — иррациональной ее не назовешь. В типичном же случае, описанном Вольским выше, запуганный вовсе не надевает маску антисемита, а реально и безотчетно превращается в такового. Можно сказать, что мы готовы возненавидеть любого, кого предполагается бить, лишь бы самим не оказаться в числе битых. Таким образом, итожит Вольский, следует в первую очередь обращать внимание не на идеологические побрякушки, которыми украшают себя «патриотические движения», а на глубинные истоки тяжелой хронической социальной патологии, поразившей российское общество, которое многие десятилетия вынуждено было существовать в атмосфере тотального террора и всепроникающего страха.

Анализу **ТЕРРОРИЗМА** посвятил статью **Валерий Островский («Время непримиримости. Генезис и перспективы современного терроризма»** — «Звезда», № 10). Само это слово, напоминает автор, появилось в годы Великой французской революции; террористами тогда называли людей, которые, наводя смертельный ужас («террор» и означает — ужас) на окружающих, добивались своих политических целей. В начале XXI века террор разросся до невероятных пределов. Сторонники расширительной трактовки террора подыскивают для нее исторические подтверждения, называя актами терроризма некоторые события древней и средневековой истории. Однако, пишет Островский, в основе подобного древнего «терроризма» лежала, как правило, банальная борьба за власть. Террор же новейшего времени ставит перед собой масштабные цели и стремится к их достижению на мировом уровне. К тому же он готов в случае чего и пожертвовать целым миром. Идейная основа современного террора, пишет автор статьи, — тотальное изменение человеческого мышления, сведение этики к простейшим истинам. Ни на что, кроме мирового господства, терроризм не согласен, словно современность нарочно подвергает глобализацию и демократию испытанию глобальным терроризмом. И исход этого испытания непредсказуем. Эта глобальность устремлений, считает Островский, — хорошо усвоенный терроризмом урок марксизма, тоже бывшего глобальным проектом мирового переустройства и радикальной перемены человеческой природы. Можно ли противостоять терроризму? Но пока что идеологический перевес в мире отнюдь не на стороне тех, кто не приемлет террор и его оправдание ни в какой форме. Интеллектуальные уступки терроризму, с которыми приходится сталкиваться повсеместно, — следствие массовых умонастроений, что, по мнению автора, чрезвычайно опасно. Современный терроризм, говорится в статье, зачастую принято выводить из национально-освободительного движения. И это естественно. Проблемы национальных меньшинств в истории нередко использовались политиками, поощрявшими террористическую деятельность. Вообще роль государств в отношении террора в современном мире Островский считает двусмысленной. Так, нет оснований не верить данным о том, что, когда СССР воевал в Афганистане, Соединенные

Штаты поддерживали воинствующих мусульман. Это, пишет автор статьи, *рудименты непримиримой борьбы «двух систем»*. Однако в «многополярном» современном мире террорист чувствует себя еще удобней, чем в «биполярном». Государства сегодня твердо усвоили постмодернистскую идеологию двойных стандартов: «своих» террористов называют *борцами за свободу*, а «чужих» — *бандитами и убийцами*. Причем этим грешат все без исключения. Все разговоры о «международной антитеррористической коалиции» остаются разговорами, а ослабление государств под влиянием экономической глобализации дает террору дополнительные возможности.

Обсуждается в статье и вопрос, *ПОЧЕМУ ИМЕННО ИСЛАМ* стал сегодня знаменем террористов. Вопрос этот, по мнению Островского, следует переформулировать: почему именно в конце XX — начале XXI века на первый план вышли агрессивные истолкования ислама? Ведь ислам — религия децентрализованная, его положения можно трактовать как в мирном духе, так и в силовом, непримиримом. Однозначно на этот вопрос ответить невозможно, но Островский высказывает предположение, что радикально-исламский проект стал «сменщиком» потерпевшего провал глобального коммунистического проекта. Так что, считает автор, дело не в исламе, как таковом, — не будь его, террор воспользовался бы любым другим предлогом, хоть уфологическим. Дело в том, почему вот уже лет сто пятьдесят, как возникают теории конструирования «чистого и светлого», беспроблемного мира, причем всегда находятся организаторы и исполнители, берущиеся за реализацию этих теорий на практике. Почему же тяга к глобальному переустройству неизменно возобновляется? — вот в чем вопрос. Островский убежден, что надежды на прогресс и «конец истории», когда идеи либеральной демократии автоматически распространятся повсюду, также доказали свою нелепость. Глобальный либеральный проект так же утопичен, как марксистский или радикально-исламский, и большой вопрос, стоит ли бороться за демократию в Абу-Даби, Иордании или Марокко и даже Турции. Тем более что мусульманские государства, при всех их недостатках, полезны такими, какие они есть. Исламский мир нужен западной цивилизации в качестве союзника против террористической агрессии, и без ответственного ислама победить радикальных исламистов не удастся, пусть даже этот *ответственный ислам* не будет *гладеньким и политкорректным, как бельгийский социалист*. Итог размышлений Островского состоит в том, что генезис терроризма — не в национальных или религиозных различиях, не в склонности тех или иных народов к патологическому человекоубийству, а в сложности самого нынешнего мироустройства, когда последствия любого действия в мире непредсказуемы и любое действие может аукнуться в мировом масштабе.

Соединить на российской почве постмодернизм с традиционализмом пытаются **Илья Бражников** и **Яна Бражникова** (**«Шанс завершения русского Модерна»** — «Политический журнал», № 29 (172)). В первую очередь авторы призывают очистить понятие **ПОСТМОДЕРНА** от негативных коннотаций, когда он понимается как проект окончательного разрушения истинных ценностей. Но, заявляют авторы, постмодерн вообще не является сознательным проектом; он — лишь ситуация или состояние, в котором

оказался проект Модерна (под Модерном же понимается все, что связано с приматом человеческого разума и вмешательством разума в естественный ход Традиции с большой буквы). Специфика современности, по мнению авторов, заключается в том, что мы продолжаем жить в институциональном и языковом пространстве, сконструированном Модерном, но в ситуации, когда сам Модерн как проект уже завершен. Отсюда становится ясным фактический смысл постмодернистского понимания *симуляции*: необходимо делать вид, что никакого завершения проекта еще не произошло. К подобным симуляциям, в частности, Бражниковы относят назойливые, по их ощущению, заботы (прежде всего со стороны США) о гражданском обществе, толерантности и правах человека. На самом же деле Постмодерн, по мнению авторов, противостоит не Традиции с большой буквы, а лишь модернистской традиции, абсолютизирующей ценность личности, творчества и свободы. А высокая коммуникативность, неагрессивность, прозрачность и нестрогие границы, характерные для постмодерна, могут быть использованы в своих целях не только Модерном, но и религиозной Традицией. Поэтому, переходя к практической — т. е. политической — части своей статьи, они заявляют: постмодерное состояние России сегодня — это историческая неизбежность, причем не такая уж печальная. Она-де чревата *новейшим Средневековьем*, и *от нас зависит*, будет ли оно столь же религиозно выдающимся и плодотворным, как средневековье первое, давшее Святую Русь. *Православная Церковь, обагрившись кровью новомучеников, не была уничтожена и жестким советским Модерном, в ситуации же постсоветского Постмодерна Церковь стремительно возрождается. Всем противникам постмодерной эпохи следует осмыслить этот непреложный факт. Церковь, как несложно установить, возрождается не вопреки, а благодаря Постмодерну — как исход из советского Модерна, на фоне кризиса атеистической рациональности и модернистского прагматизма.*

Обзор подготовил Дмитрий Матвеев

Анатолий УХАНДЕЕВ

КТО ОСТАНОВИТ ЭТОТ ПОЕЗД?

Я вхожу в аудиторию со страхом. Всякий раз, когда это студенты заочники, которых я плохо знаю. Сегодня в перерыве они пытаются говорить со мной о возможности сохранения дружбы после секса. Не так страшно. Не услышали, вернее, отложили услышанное на завтра, и думают о своем, якобы насущном, о том, что «жизнь коротка и надо же ее как-то прожить».

Лекция на сей раз была посвящена рассказу «Сигнал» Всеволода Гаршина. Написанный в сказовой манере текст о том, как жили-были железнодорожный обходчик, бывший денщик офицера Семен и железнодорожный обходчик Василий. О том, как Семен смиренно живет, по милости божьей, а Василий совсем напротив не желает мириться с несправедливостью большого и злобного мира. Семен — агнец, Василий — волчонок. Волчонок, потому что «силы» ему никто не дал, потому что рождением и умом не выдался он в волки.

Василий борется за «справедливость», не желает спускать начальству мелкие, но непростительные обиды, вроде удара по лицу или запрета на выращивание капусты. Семен же обиды никогда не чувствует, да его и не обижают.

Василий от злости и отчаяния совершает террористический акт, сворачивает рельс перед пассажирским поездом, но Семен спасает и людей в поезде, и Василия, который, увидев жертвенный, окровавленный флаг, падающий из рук презираемого им «агнца», подхватывает этот страшный стоп-сигнал, останавливает мчащийся к гибели поезд и сознается в преступлении.

На этот текст наложу две полупрозрачные картинки. Или наоборот, через «Сигнал» посмотрю на два других набора слов.

Захар Прилепин в «Русской жизни»[1] пишет о мещанине, который за свои мещанские радости любому шею свернет. Захар жаждет такого мещанина, он с ним пойдет на баррикады, он сам — такой мещанин отныне. И это удивительные слова для славного своей радикальностью писателя. Отчаявшись искать адекватности, человеческого поведения, хотя бы просто

[1] http://www.rulife.ru/index.php?mode=article&artID=467.

Анатолий УХАНДЕЕВ — родился в 1984 г. в Набережных Челнах. Окончил Казанский государственный университет. Работает преподавателем истории русской литературы в филиале Казанского госуниверситета. Поэт, критик, журналист. Редактор литературного ежегодника «Черный вторник». Участник форумов молодых писателей. Стихи печатались в журналах «Берега», «Луч». Живет в Набережных Челнах.

активного социального поведения хотя бы в каком-нибудь страте общества, он решается выдумать «мещанина». Он выдумывает мещанина, который действительно ценит свою канарейку, герань и детей. У которого на самом деле есть что-то важное в жизни. Идеального, праведного в своем потребительстве, очень симпатичного субъекта.

И я думаю, Захар лучше всех понимает, что мещанин никогда не был и не будет субъектом, он всегда предмет. И ценностей у него никаких нет. Да и самого мещанина нет. Последним был небезызвестный Кузьма Минин, о котором википедия рассказывает очень интересные вещи. Например, что начиная с 1613 года Минин был уже дворянином. Или что Костомаров считал его человеком *с крепкой волей, крутого нрава, пользовавшимся всеми средствами для достижения цели.*

А вот что Минин говорил народу:

Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать, бить челом тому, кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником.

Ключевые слова: начальник, истинная вера, не жалеть ничего. Минин был отличным агитатором и хозяйственником, очень успешным и изворотливым дельцом и карьеристом. Он поставил на ту сторону, которая победила, и вложил свой недюжинный талант в эту победу, за что получил все, что только мог получить человек столь низкого происхождения.

Обыватель, идеальный мещанин Прилепина — тоже лозунг, и он ничуть не хуже призыва Минина, даже лучше. Но в лозунге Прилепина нет ключевых слов, он не призывает жертвовать всем, не хочет нового вождя и не утверждает, что говорит истину.

Поэтому правдоискатель Василий, искренне не могущий смириться с тем унижением, которому его подвергает система, никогда не добьется справедливости. Он не понимает того, что система изначально не предназначена для осуществления справедливости. Настоящая справедливость бессистемна, потому что она — любовь. «Кесарю — кесарево», кроме всего, обозначает еще и то, что кесарь всегда будет насильником. А обывательщина никогда не защищает свои ценности, потому что их у нее нет. Во всяком случае в России, где начальник всегда может ударить по лицу: это его неотъемлемое животное право, которое рабу ценнее, чем его собственная канарейка.

Прилепин понимает больше, чем малограмотный железнодорожник из рассказа Гаршина. Он играет, играет эффектно, пытается использовать любимый условным «мещанином» образ стабильности и вечного процветания без проблем, которые нужно иногда (очень редко) защищать. Но за ним пойдут лишь обиженные Василии или упрямые, зараженные *неподвижной мыслью* овцебыки Лескова.

А вот прямо в ходе лекции возникла совсем другая параллель. Отношения Семен — Василий очень напоминают другие: Соня — Раскольников. В конце XIX века у писателей были такие два типа положительного героя (их было больше, но я сейчас говорю только об этих двух).

Первый: Родион Раскольников, Овцебык из одноименного рассказа Лескова, Василий из «Сигнала». Это герой «почти правдоискатель», но точ-

нее — ненавистник лжи. Он не может выносить лицемерия, отсутствия справедливости. Вспомните, как Родион встречает Лужина, с какой ненавистью и точностью (и усталостью) бьет по его лицемерному блудомыслию.

В случае с Овцебыком — это паталогическая (буквально: болезненная до самоубийства) невозможность выносить отсутствие знания об истине. С какой тоской он подвергает себя жизненным опытам и с какой несмиренностью борется с привычным нам бытовым соглашательством. Овцебык просто не может жить в ожидании спасения, он пытается найти в эмпирическом мире основания для веры или неверия, требует у мира окончательного ответа здесь и сейчас.

Гаршинский Василий — концентрированное отчаяние от невозможности отстоять элементарное человеческое достоинство.

Второй тип — тот, который часто называется «праведником», — это смиренный или смиряющийся, Семен из «Сигнала», Очарованный странник Голован и священник Туберозов Лескова, Соня Мармеладова Достоевского. Этот персонаж не идет по жизни, а ведом ею, но претворяет этим христианский парадокс о «благе ига», о «свободе на коленях». Они решительны и смелы, когда этого требует ситуация, но смелость эту берут не внутри себя, не из злобы и не из инстинкта. Самый безмысленный из этого ряда — Очарованный Голован — уже в виде притчи показывает предельное воплощение талана-судьбы, непротивления ей. Ценность этого непротивления исповедуют и Семен, и Соня, и Туберозов.

Другое дело, что все эти персонажи в известной степени искусственны. Даже лесковский Туберозов, который удивительно живописен, все-таки слишком уж *блестит*. Слишком уж хорош да румян провинциальный священник Савелий Туберозов, слишком чуден. И весь роман «Соборяне», полный любви к православному священству, критическому уму кажется излишне выглаженным и *несомненным*.

От подобного блеска удается избавиться только Достоевскому, да и то протащив мечту о праведничестве через пять романов от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых», а своего «правденика» через ряд перерождений от Сонечки до Алеши Карамазова. Но уже и Соня Мармеладова, безответная и этим даже неприятная овечка, жертвенная, нещадная к себе, себя презирающая, дорастает до любви. И здесь важно заметить, доросла до любви к себе, до осознания божественной природы своей грешной, слабой и, казалось, пропавшей души. И лишь в этой любви она обретает силу, ею спасена, возлюблена Раскольниковым не в меньшей мере, чем он ею.

В этом существенное различие столь сходных конфликтов у Гаршина и у Достоевского. Гаршин не ставит себе задачу создать реальную фантазию, он живописует образ, икону того, что хотел бы видеть[2]. У Гаршина праведник — только праведник, предмет в себе, лозунг. У Достоевского — сражение с неподвижностью происходит внутри каждого героя.

---

[2] Так же, как это почти всегда делает Лесков, но у Лескова есть еще и завидное чувство юмора, поэтому галерея лесковских праведников (кроме того, что привлекательна) уморительна до слез.

Люблю повторять уже сказанное. *Неподвижная идея,* какой бы она ни была, порабощает нас. Даже мечта о праведном и смиренном Семене. Даже мечта о своенравном Овцебыке (эта даже привлекательнее).

Целью моей беседы со студентами была именно попытка как можно четче представить им этот старый и добрый конфликт, чтобы было ясно, что рецепта правильной жизни не будет.

Ни псевдомещанство, ни новые эвфемизмы для гламура или антигламура, ни национальная идея не имеют отношения к человеческому в человеке. Диплом вуза, красный он или синий, рекомендации преподавателей, количество сексуальных партнеров, степень социальной активности... — любые параметры ложны, потому что навязаны. Любая *система* координат — система насилия, важно лишь движение, а то, в каких единицах измеряется его скорость и относительно чего устанавливать направление, не относится к мышлению как таковому. Не относится к праведности, на деле исключающей правила.

Однако же свобода, какой она мне мнится, не означает отрицания систем, морали, отказа от социальной активности. Так же, как благодать не означает отрицание закона. Но именно о благодати мне хочется говорить, а не о структурах, позволяющих ее зарегистрировать и применить.

Моим студентам не нравятся ни Семен, ни Василий. Но хочу надеяться, что и Питер Паркер — Человек-Паук, их тоже больше не устраивает. Потому что ни Семен, ни Василий, ни даже нарисованный Питер Паркер не смогут остановить летящий к катастрофе настоящий шестичасовой скорый.

Евгений ЕРМОЛИН

АРТЕФАКТЫ ГЛАМУРНОГО ВРЕМЕНИ

Роман-памфлет и оккультный роман как симптомы

В прозе нового века метет иной раз дикая пурга, наметая страшенные сугробы. Но это не снег, это труха.

В отсутствие точки духовного схода разворачивается панорама разброда и шатаний, скольжения и распада. Мелочность мотивов и стимулов к творчеству, бедность вдохновений дают на выходе картину, напоминающую поверхностную рябь на глади вод. Социальный пафос деградирует до стеба, скептически вырождается. Религиозное брожение в отсутствие сильной воли и творческого духа предстает в основном как блуждание вокруг трех сосен и обживание давно известных заблуждений, банальных мифологем. Слишком часто именно в религиозной рефлексии современный писатель обнаруживает беспомощность или впадает в примитивизм, в принципе так или иначе дискредитируя саму идею духовно мотивированной прозы. Неудовлетворенность сущим, панически-чемоданные настроения, принципиальный отказ от фиксации дня текущего сочетаются как тенденция то с болтливой влюбленностью в краски и запахи Петро-России, то с циничным вскрытием пустой души современника...

Вы скажете, что литература, по крайней мере, служит у нас по-прежнему неплохим сейсмографом, фиксирующим подспудно протекающие процессы в обществе и в его духовной жизни. Вот, к примеру, беспрецедентный расцвет жанра антиутопии в отечественной словесности последних лет, казалось бы, менее всего располагающих к думам о грядущем кризисе. Очень понятно, что связан этот расцвет не только с далекими тревогами о завтрашнем дне, но и — прежде всего — с той рассеянной сегодня в атмосфере тревожностью, которая накатывает и на писателя, с неопределенностью (и/или неприемлемостью) актуального бытия и невнятностью социальных и духовных векторов. Непретворенный в смысл хаос повседневности только прибывает в количестве, порождая фрустрацию и вдохновляя лишь на алармистские грезы.

Вот и ничтожество большой части современной словесности — это, можно полагать, примета духовной расслабленности и выхолощенности социальной жизни, в целом весьма характерных для переживаемого исторического момента.

Евгений ЕРМОЛИН — родился в 1959 г. в Архангельской области. Закончил факультет журналистики МГУ. Как критик публикуется с 1981 г. Заместитель главного редактора «Континента». Дневник в Живом Журнале — erm_kontinent. Живет в Москве и Ярославле.

Аналитический ум пытается дать этому моменту сущностное определение. Один из вариантов такого определения — Гламурный век. Такова путинская Россия времени т. н. стабилизации. Времени, когда произошло потребительское обновление социальных ориентиров и возобладали ориентиры потребительского гедонизма; сформировалась петроэкономика, которая создала главные материальные предпосылки гламура[1]. Итогом стал в духовной жизни общества какой-то аморфный кисель — вместо сильного, яркого, по-настоящему духовно обеспеченного социального и религиозного движения, способного обновить народ и страну. Как будто расслабляющая атмосфера искусственного благополучия поразила и самые важные, духовные центры народного организма.

Еще один вариант определения связан с апелляцией к Герману Гессе, который когда-то ввел понятие «фельетонная эпоха», пришедшееся впору нашему историческому эпизоду. Фельетонная эпоха — это мир обнищавшего духа (его *унижения, продажности, добровольной капитуляции*) и девальвированного слова. Мир спекулятивного разума, незаглубленной душевности и мелких страстей. Здесь дух *приобрел неслыханную и невыносимую уже для него самого свободу,.. не найдя настоящего закона, сформулированного и чтимого им самим, настоящего авторитета и законопорядка.*

Господствующие в это время модусы общественного настроения, по Гессе, — неуверенность в себе и отчаяние или сладострастная констатация полной деморализации. Тиражируется тип «бандита духовного поприща». *Люди слушали доклады о писателях, чьих произведений они никогда не читали и не собирались читать, смотрели картинки, попутно показываемые с помощью проекционного фонаря, и так же, как при чтении газетного фельетона, пробирались через море отдельных сведений, лишенных смысла в своей отрывочности и разрозненности. <...> они жили в постоянном страхе среди политических, экономических, моральных волнений и потрясений, вели ужасные войны, в том числе гражданские, и... их игры... отвечали глубокой потребности закрыть глаза и убежать от нерешенных проблем в более безопасный фиктивный мир.*

Конечно, Гессе далеко не все угадал в том, что происходит сегодня в нашей культуре. Но образ эпохи, созданной им некогда в «Игре в бисер», опознается без усилий.

---

[1] Я бы определил следом за И. Лукашенко отечественный гламур как стиль жизни в эпоху гедонистического авторитаризма, когда и верхи, и низы упиваются (в меру своих ресурсов) новыми открывшимися им возможностями для получения удовольствий. Гламур — воплощенное желание новорусского обывателя жить красивой и богатой — и в то же время легкой — жизнью. Он стал не принадлежностью элиты, а довольно массовым культурным эффектом, рефлексом сознания массы. Превращению социально локального мироощущения в массовый психоз много содействовали коммерциализированное телевидение и реклама. Социальная граница гламура — это грань между полным или относительным благополучием и ощущением непреходящей нужды и заботы. Между новым богатством и традиционной бедностью.

Даже оставаясь в сугубо литературной сфере, видишь, что постмодернистский сюжет нашей словесности в итоге, по факту своего завершения, может быть определен как сюжет газеты-симулякра. Он претендовал на то, чтобы поглотить и освоить все литературное пространство, демифологизируя его смыслы и ценности, релятивизируя его относительно реальности. Но при явном дефиците интеллектуальной рефлексии и просто авторской эрудиции он по своему масштабу и значению не пошел дальше легкого газетного фельетона. (Я ничего не имею против газетного фельетона, я сам в нем, как умею, упражняюсь, но при этом нисколько не посягаю на генерализацию ни своего, ни жанрового опыта.)

В новом веке постмодернизм утратил авангардный посыл и драйв и обратился, как принято считать, в самую настоящую попсу. Его нехитрые технологии были адаптированы, коммерциализированы и употребляются в широком диапазоне актуального гламурного масслита. Фельетонно-памфлетная его основа вполне легализована и стала общеупотребительной. Ну а авторы с амбициями пытаются дотянуть памфлет до притчи (иногда небезуспешно), скрестить памфлет с лирическим самовыражением и социальной типизацией или порадовать читателя глобальными параллелями и ассоциациями (не всякий раз зряшными).

Вот так, скажем, в прошлом номере «Континента» Слава Сергеев в повести «Я ваш Тургенев» трансформировал, содержательно усложнил портретный памфлет посредством типологической генерализации лирической и социальной тем. Он строит рефлексию ученика об учителе, производит социальный анализа типа современного либерала в контексте нескольких исторических, чутко схваченных эпох. Герой, лишенный твердой веры и потому сверхчутко резонирующий на атмосферу того или иного момента, как в кривом зеркале, портретирует собой злобу дня — то великую, то пошлую.

Виктор Пелевин в новом веке пишет притчеобразные романы-памфлеты на наши времена и конкретно — на путинскую Россию. В частности, «Empir V», представляющий, если уж совсем упростить мессидж автора, вампироподобную власть. А впрочем, критически ориентированный гораздо шире — вполне свифтиански. Прискорбно выглядят люди — эта специально выведенная вампирами раса, которая, сама того не осознавая, создает священный напиток баблос. Баблос этот «варится» на деньгах. Чтобы было больше «сырья», надо провоцировать людей на потребление-производство товаров. Основной способ провокации — дискурс, результат дискурса — гламур... Хочешь — не хочешь, но смакуешь пелевинские пассажи типа: *Человеческий ум сегодня подвергается трем главным воздействиям. Это гламур, дискурс и так называемые новости. Когда человека долго кормят рекламой, экспертизой и событиями дня, у него возникает желание самому побыть брендом, экспертом и новостью. Вот для этого и существуют отхожие места духа, то есть интернет-блоги. Ведение блога — защитный рефлекс изувеченной психики, которую бесконечно рвет гламуром и дискурсом...*

Дмитрий Быков в «ЖД» изображает отечественную историю как перманентную и безысходную гражданскую войну, полагая, вероятно, что такова специфика нашего социума...

Владимир Сорокин гротескно портретирует случившееся в России торжество спецслужб в «Дне опричника», заостряя в своей восходящей к маркизу де Саду манере все, что можно заострить, и привлекая рифмы из прошлого и будущего. В романе повествуется об одном дне в жизни бывшего студента МГУ, а ныне опричника Андрея Комяги. 2027 год, Россия после восстановления монархии, в изоляции от мира. Один понедельник на государевой службе включает в себя утреннее похмелье, разорение провинившегося боярина и поджог его усадьбы, ужин с государыней, корпоративную гомосексуальную оргию, навевающую воспоминания о пляске опричников в «Иване Грозном» у Эйзенштейна и оргии СА в фильме Висконти «Гибель богов»... Антиутопия Сорокина — яркая метафора современности в ее вероятной (хотя едва ли все-таки возможной) перспективе[2].

Начинающий прозаик Максим Кононенко ничего такого скорей всего не умеет. Он — не мастер на обобщения, у него вообще нет особенно глубоких мыслей. Это фельетонист par excellence, беспринципный циник, мастер стеба, виртуоз анекдота, чем и прославился впервые благодаря Интернету, создав в 2002 году своего рода антипод тогдашних остросоциальных телевизионных «Кукол» — интернет-проект *Владимир Владимирович* (юмор этого проекта — бессмысленный с примесью сервильности — заслуживает отдельного разбора) и подвизаясь затем в ЖЖ и у Глеба Павловского как *Mr Parker*. А уже потом, по смешной логике нашего времени, на этом зыбком основании в нем стали видеть эксперта, чуть ли не интеллектуала высокой пробы, способного рассуждать о времени и о себе. О своих жизненных целях Кононенко однажды в интервью говорил просто: *Что касается меня, то я хочу заработать денег на том, что умею, то есть на шоу-бизнесе. Кроме того, меня интересует слава и популярность*[3].

В противовес Сорокину Максим Кононенко нацелил свое перо на либеральную оппозицию путинскому режиму, доведя в романе «День опричника» до абсурда содержание ее борьбы и издевательски представив либерализм и демократию как разновидность тоталитаризма[4]. Как в проек-

---

[2] Как я уже говорил, это возвращение писателя к осмысленному соц-арту после многолетних бессмысленных причуд. Социально вменяемое и внятное актуальное искусство не может не вызывать интереса. В данном случае мы это имеем. В интервью газете «El Pais» Сорокин так толковал свою задачу: *Я хотел выразить идею, которая сейчас присутствует в сознании многих русских. Я имею в виду идею изоляции России, возможности возведения высокой стены и отделения от этого Запада, от которого одно зло. Значительная часть команды Путина думает именно так <...> Если будет создан железный занавес, то, в отличие от сталинской эпохи, Россия погрузится в прошлое, то есть в XVI век, когда Иваном Грозным фактически и было создано Российское государство. Если во времена Сталина советская Россия приобрела новую форму благодаря коммунистической идее и символам, сейчас нет никакой новой идеи. Существует только идея изоляции, и если она будет воплощена, мы станем свидетелями Средневековья, не только в идеологическом плане, в способе мышления, но и в стилистическом смысле* (цит. по: http://www.newsspain.ru/novost1734.html).

[3] http://www.newsru.com/cinema/23jan2008/book.html.

те фигурируют персонажи политической тусовки и кремлевского истеблишмента, так и в романе под своими или слегка видоизмененными именами и фамилиями появляются разные общественные деятели — от «несогласных» и «Другой России» до олигархов и Чубайса. И в Сети, и в романе Кононенко в своей манере аккумулировал сложившийся в 90-х годах стиль стеба. И тогда, и теперь он означает своего рода неодекаданс, полную независимость от социальных и моральных обязательств, дефицит ценностей и кризис иерархий.

Аналитики определяют данный стиль как род интеллектуального ерничества, где снижение символов происходит за счет демонстративного использования их в пародийном контексте. Это аналог благга, который так был охарактеризован Ю. Боревым: *В середине XIX века безверие и отсутствие идеалов породили во Франции особый род остроумия, получивший название «благг». Это беспощадная издевка, насмешка над тем, чему люди привыкли поклоняться. Благг — дитя общественных разочарований, которые выразились в безрадостном, циничном смехе. Для благга нет ничего запретного*[5].

Вариант негативной идентификации парадоксальное соединение демонстративного неучастия с бессознательной зависимостью от объекта дистанцирования.

В полном соответствии с природой стиля кононенковский стеб характеризуется циничным, иронично-издевательским тоном, насмешливо-отрицательным отношением ко всему, о чем идет речь. Призвание Кононенко — глумиться. А глумиться он предпочитает над тем, что опасности не представляет. Исходя из этой посылки, он и испек памфлет на памфлет, пародируя, насколько вообще к тому способен, упомянутый роман Сорокина.

Изложение содержания в данном случае уже не требует больших аналитических усилий.

Памфлетная основа заложена в пародийном жанровом определении: «утопия». Действие происходит в некоей будущей России после полной победы либералов и демократов. В стране побеждает «Березовая революция». Каким образом? Довольно наивно. Березовский и Невзлин создали строительную компанию, которая обменивала жилье на телевизоры; россияне сдали все свои телевизоры и вследствие этого перестали подвергаться государственному зомбированию. Далее была устроена трансляция футбольных матчей прямо на облаках, и толпы болельщиков вышли на улицы. А на Красной площади устроили бессрочный митинг революционеров, которые раздавали символы мирной революции — березовые колья и колпаки. Когда к ним присоединились толпы болельщиков, власть «стабилинистов» пала.

---

[4] Насколько я понимаю, в современной литературе сложились уже целое течение или жанр такого рода, у него есть и имя — либерпанк. Это тексты, объединенные неприятием либеральных и демократических идей и ценностей и имеющие задачей их компрометацию, как правило, посредством попытки доказать, что оные идеи и ценности — всего лишь инвариант тоталитаризма (причем не свой, доморощенный, а импортированный).

[5] http://media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=14&bid=39.

После этого Россия стала называться «Д. Россия» (то есть Другая Россия) и вошла наконец в семью цивилизованных народов. Для этого ей пришлось, правда, отдать свой золотой запас и накопленный рачительными «стабилинистами» стабилизационный фонд в качестве компенсации за порабощение Прибалтики, Украины и Грузии. На Манежной площади стоит конный памятник Эйзенхауэру, а новорожденных девочек называют Михаилами в честь национального героя академика Михаила Ходорковского. В страну пришли западные инвестиоры, построили химические заводы, где почти все и работают. Вчерашние «оппозиционеры» начинают отключать электричество (по логике: *нет электрификации всей страны — не будет и коммунизма*), борются с другими негативными явлениями якобы привычным демократам методом: уничтожая не негативные стороны явления, а само явление. Дедовщину изжили путем ликвидации армии, с коррупцией справились, отменив деньги, с разрушенными коммуникациями — путем сноса всех домов...

Нефть и газ отдали Западу за то, что страну охраняют войска НАТО. Богатства Сибири принадлежат теперь всему миру. А люди в Д. России живут в персональных трейлерах на колесах, став зато собственниками. Отапливаются дровами, воду берут из реки, ездят на лошадях, а автомобили запрещены.

Продуктов почти нет, — только чипсы, кукурузная каша, овес для лошадей да сахар по спискам. *Талонная система распределения — это совсем не признак свободного общества, ну да врать так врать! Если врать про либералов нечего — можно же приписать им грешки социализма?* — замечает по этому поводу автор самой дельной рецензии на книгу Кононенко С. Соболев. — *Во славу победившей демократии и свободы слова ежеутренне устраиваются митинги с многочасовым скандированием в воздух «Свобода! Мы свободны!» ну и т. п. речевки-отуплялочки, более все-таки свойственные тоталитарным планеркам. Выборы считаются нелегитимными, если в них хотя бы один человек не принял участия... странная правовая норма для якобы демократического государственного устройства, видимо, автору нечего было высмеивать в концепции демократии, поэтому он решил высмеять какой-нибудь атрибут из арсенала тоталитаризма. Непонятно, чего же он в конце концов хотел*[6].

В духе своей игровой условности Кононенко изображает людей этого мира как полных идиотов, которые счастливы, потому что их научили считать, что они живут в свободном мире. Веру в общечеловеческие ценности и свободы, в права человека и в демократию человеку вдалбливают с младых ногтей еще в детсадовском возрасте...

Главный герой — отличник Роман Свободин — работает специалистом по коммуникациям и презентациям в министерстве свободы слова под руководством министра Евгении Бзац (прототипом которой, вероятно, является известная журналистка). И мечтает войти в элиту общества и иметь самое почетное звание в стране — правозащитника. Описан один день его жизни, в который мечта почти сбывается. Он посещает полигон, где терро-

[6] http://s3000.narod.ru/2007121001.htm.

ристам разрешают совершать теракты, встречается с легендарным правозащитником Линьковым, который объясняет герою первое правило правозащиты: чем больше ты защищаешь одни права, тем больше нарушаешь другие. И первое следствие из него: чем меньше ты защищаешь одни права, тем меньше нарушаешь другие. Кроме того, права человека важнее человека...

Романа испытывают: некая бывшая стабилинистка просит его защитить ее права. Герой, однако, испытание проходит: на женщину доносит, как и следует поступать отличнику, после чего его везут в подвалы Лубянки, где его ждет встреча с Людмилой Алексеевой и другими членами Хельсинкской группы. Там отличника ожидает главное испытание — мистическим Соловецким камнем, и камень признает его не правозащитником, а вертухаем. Но оказывается, что это не позорно, — правозащитники не могут жить без вертухаев, а последних в современном обществе найти очень трудно: вертухай один, и когда он умирает, ищут другого. Вертухай должен мучить правозащитников, пытать их. Вначале Роман тренируется на тех, кто сидит в казематах Лубянки, а потом его отправляют в Сибирь к главному правозащитнику Ходорковскому, который так подсел на пытки, что добровольно мотает уже третий срок. При этом правозащитники бессмертны, а вертухаи быстро умирают. Революция и совершалась для того, чтобы правозащитники были вечны, а вертухаи менялись, ну а тюрьма — все то, что находится снаружи от камер правозащитников. Герой понимает, что скоро умрет, но он счастлив. Он выпивает стакан нефти, как чашу цикуты.

...Получилось, как видим, довольно убого. Но зато, если вообще искать в современной прозе образчик гламурно-фельетонного памфлетного жанра, исполненного практично, злободневно и без затей, то вот он. Наряду с апологетическими по отношению к нынешнему порядку вещей сочинениями С. Минаева, М. Юденич, О. Робски, с памфлетно-ангажированной публицистикой В. Соловьева или питомцев ФЭПа книга Кононенко — наиболее характерное беллетристическое детище глянцевого века. Да и сам Кононенко — в своем роде замечательный образчик того типа сервильности, который процвел у нас в последние годы. Иллюстрация для учебника истории культуры.

Однако социальный памфлет — не самый интересный жанр беллетристики гламурного века. Другой, гораздо более затейливый вариант художественной белиберды — эзотерический, *оккультный роман.*

Жанровая форма далеко не новая. В России у ее истоков — вероятно, проза Веры Крыжановской (1857–1924), авторессы, исполненной «трансцендентальных вдохновений» и почитавшейся поклонниками в качестве визионера и «пишущего медиума». В ее сочинениях вполне уже проявилось то, что в принципе характеризует такого рода словесность. Содержательно это — глобальное противостояние, *вселенская борьба божественных и сатанинских сил, взаимозависимость скрытых сил в человеке и космосе, тайны первородной материи.* Авторская позиция — это практически почти всегда миссия Добра, Света, Истины и прочих замечательных вещей, получаемых автором из первых рук, из Космоса и т. п.

Крыжановская — в своем роде предшественница сюрреалистов. Любопытные подробности сообщал на сей счет ее биограф Е. Харитонов: *Вся*

жизнь Веры Ивановны окутана каким-то мистическим ореолом. Вот, к примеру, свидетельство В. В. Скрябина о том, как она писала свои оккультные романы: «Часто во время разговора она вдруг замолкала, слегка бледнела и проводя рукою по лицу, начинала повторять одну и ту же фразу: "Скорее карандаш и бумагу!" Обычно в это время Вера Ивановна сидела в кресле за маленьким столом, на котором почти всегда были положены карандаш и кипа бумаги. Голова ее слегка откидывалась назад, и полузакрытые глаза были направлены на одну определенную точку. И вдруг она начинала писать, не глядя на бумагу. Это было настоящее автоматическое письмо. <...> Это состояние транса продолжалось от 20 до 30 минут, после чего Вера Ивановна обычно впадала в обморочное состояние.<...> Каждый раз письменные передачи заканчивались одной и той же надписью: "Рочестер". По словам Веры Ивановны, это было имя (вернее — фамилия) Духа, который входил с нею в сношение»[7].

Сомнительные откровения Крыжановской, как и практически любая оккультная словесность, ценны лишь для тех, кто им готов поверить, о художественном же качестве текста речь в таких случаях редко заходит. Впоследствии на отечественной почве оккультизм в литературе заявлял о себе поневоле редко, являлся эксцессом. Наверное, нужно различать прозу, где квазимистическое содержание включено в контекст притчевой или игровой условности и контролируется автором, и вещи, где больная мистика начинает доминировать и отчаянно претендует на некую подлинность, происходя как будто уже и помимо авторского контроля и участия. Едва ли знаменитый роман Булгакова можно отнести к прозе этого свойства, а вот книга Даниила Андреева «Роза мира» или сочинения Юрия Мамлеева и Евгения Головина вполне могут быть включены в оккультный список. Оккультные сквозняки начинают посещать литературу во второй половине XX века, синхронно с отмиранием больших идеологических проектов.

И вот новый век. И новый всплеск оккультизма. Как некогда в эпоху увядания античности, рационализм сегодня не в чести. Мутная вера в чудо подспудно тлеет в недрах сознания, давая фантастические выплески: в перестроечные годы моду на Кашпировского и Чумака, с тех до этих пор увлеченье гороскопами, а совсем недавно — истории о воскрешении мертвых

---

[7] Таинственный соавтор «Рочестер», согласно легенде о Крыжановской, — никто иной, как английский поэт-хулиган, хиппи XVII века Джон Уилмот, второй граф Рочестер, в последнее время ставший культовой фигурой благодаря только что переведенной на русский язык книге Грэма Грина «Распутник. Обезьянка лорда Рочестера» и в особенности фильму, снятому по этой книге с Джонни Деппом в главной роли. Исполненный сомнений скептик Харитонов все же дает ссылку на еще одного биографа писательницы Б. Влодаржа: оказывается, к 1890-м годам относится событие огромной для нее важности, *а именно: первая встреча с ее Учителем и невидимым покровителем И. В. Рочестером. Он полностью материализовался, воспользовавшись медиумическими способностями самой Веры Ивановны, и предложил ей всецело отдать свои силы на служение Добру. Предложил писать под его руководством* (Харитонов Е. Первая леди научной фантастики // «Библиография». 1997. №1).

«целителем-экстрасенсом» Григорием Гробовым[8]. Начало минувшего века рифмуется с началом нынешнего. Там и тут мы видим оккультное возрождение, и на смену ветхим мистериям Ордена Золотой Зари приходят новые идеи и практики. Думайте, как хотите. То ли это эра Водолея начинается с мутного духовного брожения, с колыханья хаоса. То ли отсутствие внятных идеалов и ценностей в постсоветском обществе провоцирует на нетрезвую, невнятную мистику. То ли ленивый дух больше всего падок на самые банальные заманки (а оккультные темы именно так и нужно определить!).

В современной литературе в избытке представлены и проза фантазийной условности, и словесность, претендующая на статус откровения. Литературы первого рода гораздо больше. Это и вещи упомянутых Пелевина и

---

[8] Для современного оккультного образа реальности характерна нижеследующая вербальная эквилибристика с рекламного сайта: *Григорий Гробовой спасает от катастроф и болезней, применяя свои личные способности ясновидения, предсказания, целительства и дистантного управления. Подтверждения предсказаний Григория Гробового заверены в государственных организациях и частными лицами. Он автор открытия создающей области информации. Доктор Наук, Академик Международной академии информатизации АЧ ООН, Академик Российской Академии Естественных Наук, Академик Нью-йоркской Академии Наук, Академик Итальянской Академии Наук, Почетный Академик Российской Академии Космонавтики Григорий Гробовой окончил факультет прикладной математики и механики Ташкентского Государственного университета по специальности механика. Имеет медицинское образование. Григорий Гробовой дистантно исцеляет от различных заболеваний, омолаживает; своим ясновидением диагностирует автомашины, самолеты, космические объекты; воздействием оптимизирует события; обучает скрытым возможностям; консультирует бизнесменов и ведет курсы по бизнесу. Издан трехтомник запротоколированных результатов работ Григория Гробового «Практика управления. Путь спасения». В трехтомнике представлены свидетельства стопроцентной подтверждаемости предсказаний, получаемых Григорием Гробовым через свое ясновидение. Показаны свидетельства проведенных Григорием Гробовым материализации и дематериализаций, регенераций ткани. Приведены протоколы, заверенные в ООН, о том, что Григорий Гробовой своим дистантным воздействием излечил больных от четвертой стадии рака и других заболеваний. Григорий Гробовой сформировал трехтомник «Практика управления. Путь спасения» таким образом, что, в неявном виде, в трехтомнике предсказал все будущее со способами преодоления катастроф, описал прошлое для всех времен и пространств, указал конкретный путь спасения. Перевод предсказаний и описаний, данных в трехтомнике, в явный вид можно осуществить, используя труды издаваемые Григорием Гробовым. Чтение, а лучше запоминание, трудов Григория Гробового оптимизирует Ваши события и исцеляет. Григорий Гробовой внедряет свой способ представления информации, при котором от получения информации о Григории Грабовом происходит оптимизация Ваших событий* (http://benny14.narod.ru/resume.html). *Распространение управляющей реальности методом преодоления системы возможного сопротивления вместе с физическим Телом Единого Бога. <...> Гробовой Георгий Петрович обучает технологиям управления событиями, методами структуризации сознания по авторской системе спасения и гармоничного развития специалистов различного профиля и слушателей, не имеющих специального образования* (http://www.kinopanorama.com/index.php?page=19&razd=show_element&id=44969).

Быкова, и сочинения модного Лукьяненко, и вообще весь «контент» жанра фэнтези, и проза Волоса или Сахновского... Да кто только не балуется с мистическими путешествиями и знаками![9] Но бóльшая часть такой словесности, пожалуй, эксплуатирует то, что максимально непосредственно предъявлено во внятно и последовательно оккультной прозе.

Один из ярчайших примеров новейшей оккультной беллетристики — роман продолжателя дела Веры Крыжановской Александра Проханова «Экстремист»[10]. Проханов и прежде в некоторых своих сочинениях был не чужд оккультных акцентов. Но в целом у него доминировали скорей политологические умозрения. Теперь, наконец, оккультное вышло на первый план и стало смыслонесущей основой повествования.

По-прежнему присутствует в романе памфлетное начало. Чаще всего — в портретах персонажей, имеющих прототипов. Да и вообще газетная очерковость бросается в глаза. Очень многие портреты героев, как замечает критик Н. Переяслов, *напоминают собой реальных деятелей сегодняшней России, — скажем, генерала Рохлина и его жену Тамару, лидера КПРФ Зюганова, ведущего телевизионной программы «Зеркало» Сванидзе и ряд других личностей. А многие сюжетные эпизоды напрямую перекликаются со сводками телевизионных и газетных новостей последних лет, вроде нашумевшего не так давно покушения на главу РАО ЕЭС Анатолия Чубайса, убийства того же Рохлина или неудавшегося выстрела из гранатомета по американскому посольству. Благодаря этому приему, этой предельно правдоподобной узнаваемости лиц и событий, «проглатывается» как живая реальность и многое из того, что представляет собой исключительно плод размышлений самого Александра Проханова — его собственные выводы и домыслы, а также слова и мысли, вкладываемые в уста и головы его персонажей*[11].

Но под действием патетического воодушевления и околомистической увлеченности автора риторическая, идеологическая, памфлетно-очерковая проза превращается в оккультную лирику, которая вливается в гораздо более мощный (и, очевидно, востребованный обществом) поток современной оккультной литературы разного рода: сочинения ясновидцев, зачинателей новых вер и культов, претендентов на статус пророка[12]... Globalpolitik, исхо-

---

[9] Вот и В. Сорокин не чужд оккультно-магических причуд, если верить его сужденьям из интервью «El Pais»: *Один друг сказал мне: «Мне кажется, ты написал заговóр, заклинание». Заговóр — магический ритуал, во время которого заговаривается, изгоняется болезнь или смерть. На самом деле, я не думал об этом, когда писал роман, но идея мне понравилась, и я думаю, что речь действительно идет о заклинании...* (http://www.newsspain.ru/novost1734.html).

[10] В «Нашем современнике», где роман был впервые напечатан, указывалось, что это журнальный вариант романа «Имперская кристаллография», но текст синхронно уже вышел книгой под названием «Пятая империя».

[11] http://magazines.russ.ru/sib/2008/1/pe11.html.

[12] Характерный пример — вызвавший не совсем здоровый ажиотаж в отечественных маргинальных кругах экзотический феномен Жана Парвулеско — то ли литературная мистификация, виртуальный проект писателя-визионера, созданный, как иногда утверждают, Ю. Мамлеевым и Е. Головиным при дальнейшем участии А. Дугина и В. Карпеца, то ли действительно, как пишет

дящая из борьбы за жизненное пространство и противостояния суши и моря, идеология консервативной революции трансформируются в парамистику, в невнятное, мутное бормотанье, в кощунственный временами лепет.

История рассказана такая. Примерно в наше время в Москве круто развернулся бизнесмен, политолог и конспиролог Сарафанов — тайный адепт известного по прохановским статьям в газете «Завтра» идеологического проекта «Пятой Империи» — *русской цивилизации, Русского Рая*, страны, где все будет по-русски и чудесным образом процветет[13]. Сарафанов — почти alter ego Проханова, по духу и убежденьям. Этот бизнесмен-патриот, как некий идейный Плюшкин, собирает для будущего и хранит в огромном сейфе дискеты с уникальными секретными научно-техническими проектами и изобретениями советских НИИ и заводов. ...*Наступит день, когда из тайного хранилища вновь излетят на свет духи жизни. Осуществятся великие идеи и фантастические проекты. Воскрешенная Родина расцветет прекрасными городами. Во всей красоте и величии обнаружит себя «русская цивилизация».*

В тайной кладовой, в своей домашней святая святых, Сарафанов выращивает искусственный алмаз. Чудо-камень питается энергиями Космоса. *Если его положить в саркофаг, где лежит мумия,* — говорит Сарафанов другу, писателю-анахорету Заборщикову, — *то воскреснет Нефертити. Если поднести к засохшему дереву, на мертвом стволе зазеленеют побеги. Силы распада и тления преображаются силами творчества. Этот камень, как поцелуй, которым Господь оживляет погибшие миры, остывшие участки Мироздания, «черные дыры» Вселенной. Это и есть чудо воскрешения.* (Вспомним ма-

---

названный А. Дугин, *живая тайна европейской литературы. Мистик, поэт, романист, литературный критик, знаток политических интриг, революционер, друг и конфидент многих европейских знаменитостей второй половины XX века (от Эзры Паунда и Юлиуса Эволы до Раймона Абеллио и Арно Брекера). Его истинная личность остается загадкой. <...> его настоящее призвание — «визионер», прямой и вдохновенный созерцатель духовных сфер, открывающихся избранным за угрюмой и плоской видимостью современного профанического мира* — http://www.my.arcto.ru/public/templars/saturn.htm.

В мифе Парвулеско, как он излагается российскими адептами его идей, с прозрачной ясностью отражены стандартные черты современного оккультизма, по отношению к которым прохановская история оказывается своего рода вторичным продуктом, литературной иллюстрацией, а сам Проханов видится явным эпигоном этой мифической фигуры, обязанной своим существованием, кстати, отчасти его газете «Завтра».

[13] Кстати, если чуть глубже вникнуть в суть прохановского вещания по этому поводу, то видно, что империя в данном случае — не столько даже попытка встроить социальность в логику религии или идеи, сколько инструмент насилия, насильственного принуждения к «симфонии», «гармонии». Акумуляция духовной традиции понимается писателем примитивно и, к счастью, несбыточно: не как мистерия духа, проходящего через метанойю, а как простое соединение ежа с ужом, согласие лебедя, рака и щуки. Он слишком явно не любит и боится свободы, его отвращает демократия как способ ежедневной мобилизации и самоорганизации общественных сил. Учтем, кстати, и довольно очевидную наименовательную перекличку между Третьим Рейхом и Пятой Империей.

гический Соловецкий камень у Кононенко! Всего лишь случайная рифма? Или вольно-невольные апелляции к культурной теме философского камня как предела стремлений ветхих алхимиков и розенкрейцеров?)

Однако безмятежные чаяния магната-патриота сталкиваются с мировым заговором против России.

Идеологически концепт заговора развернут незатейливо. Враждебные силы некогда развалили Советский Союз, о технологической стороне какового развала Проханов рассказывает от себя: *Противнику ненавязчиво и настойчиво предлагались образцы чужой враждебной культуры. Слой за слоем внедрялись «агенты влияния», занимавшие господство в идеологии и культуре страны. Искажались идеи, и смыслы, которые поддерживали устойчивость общества, заменялись фальшивыми смыслами и ложными целями развития. В структуры экономики и управления вкрапливались организации, созданные в другой цивилизации, действующие, как внесенные раковые клетки. Обрабатывались послойно все эшелоны общества от элиты до широких масс, воздействуя на подсознание, апеллируя к архетипам народа. Шельмовались духовные авторитеты страны, уменьшалось их влияние в обществе. Еще недавно прочное общество лишалось каркаса, теряло духовных вождей, наводнялось ложными смыслами. И тогда на него, ставшее неустойчивым и зыбким, насылались «цветочные революции». В одночасье, под звуки рок-музыки, сметались режимы. В хаосе буйных торжеств, в вакханалии быстротечной победы устанавливался угодный каббалистам режим, обрекавший народы на рабство...* В каковом рабстве и пребывает, согласно автору, нынешняя страна.

Далее активная роль переходит к Сарафанову. Он ведет тайную жизнь, просто как какой-нибудь масон. Публично помогает еврейским школам, а секретно — православным приходам... Вращаясь ради конспирации среди враждебных, либерально-еврейского толка, олигархов, журналистов и политиков (прототипы многих весьма очевидны), Сарафанов узнает страшные вещи о мировом зле. Некая тайная организация планирует «интернационализацию» российских недр и физическое истребление русского населения, переселение людей из Европы и Израиля на территорию России. Глобальное потепление уже началось, и жить, кроме как здесь, скоро будет, вероятно, негде, а израильтянам и вовсе неуютно на Ближнем Востоке под натиском арабских соседей. Этот проект называется «Ханаан-2».

Патриот Сарафанов не хочет сдаваться и, чтобы предотвратить реализацию проекта «Ханаан-2», решает объединить разрозненные патриотические силы — коммунистов, националистов, казаков, православных фундаменталистов. Он ведет вдохновенные беседы с лидером коммунистов и с опальным популярным генералом, с атаманом ряженых казаков и с ветераном афганской и чеченской войн, с фанатично настроенным православным священником... Внушает им идею выступить сообща. И подпитывает их решимость чемоданами, полными денег.

Сарафанов придумал собственный тайный план «Дестабилизация»: *Нужен атомный минизаряд в земную кору, чтобы тектонический удар прокатился по поверхности города, сместил слои, оторвал присоски вампира, сдвинул оптические линии зеркал, нарушил фокусировку световой машины. Дестабилизация освободит город от плена, лишит мозг питания, и он зачахнет.*

А вместе с ним зачахнет чудовищный заговор, бесчеловечный план, и Россия спасется. А он, Сарафанов, будет отомщен... «Дестабилизация»,— повторял Сарафанов с восторгом. Спускался в скоростном лифте. Как заклинание повторял одно слово: «Дестабилизация...» Согласно плану «Дестабилизация», нужно разрушить устоявшиеся социальные связи и сети — и в момент замешательства захватить власть. Для этого планируется на несколько дней обесточить Москву, ввести в нее верные войска, будет совершен военный переворот власти, а простые люди, вдохновляемые священником и газетой «Утро», с чувством глубокого удовлетворения все это поддержат.

Описаны и предварительные акции дестабилизации, проводимой Сарафановым и его помощниками в форме погромов, которые производятся в различных московских вертепах порока — в казино, на дискотеке, в ночном клубе, на рынке... Сам Сарафанов, почти как Гарун-ар-Рашид, инкогнито посещает эти места, — то ли чтобы лично убедиться в эффективности погрома, то ли чтобы магически подпитаться энергией разрушения.

Картины этих разнообразных грехов и преступлений представлены, кстати, у Проханова весьма рельефно. Все-таки яркий мастер гротеска! Особенно впечатляет сцена в абортарии, где еврейские врачи-убийцы заставляют как бы загипнотизированных русских женщин делать аборты, а потом используют стволовые клетки нерожденных младенцев для того, чтобы подпитать постаревший и изношенный демократический истеблишмент. Тут-то и настигает злодеев возмездие: одного из врачей убивает снайпер, привлеченный Сарафановым... Точно так по заслугам получают гнусные мерзавцы и в других случаях. Задумано показательно казнить и олигарха Ефимчика — душу проекта «Ханаан-2».

Но... врагам становятся известны планы Сарафанова. Согрешив с журналисткой-еврейкой, он подпал под какие-то магические чары и раскрыл свои замыслы неприятелю. Ханаанистам удается предотвратить «дестабилизацию». Мало того, все теракты в итоге оказываются только инсценировками, так что от начала до конца замыслы Сарафанова провалены. И еще: разорены его волшебные пещеры, похищены «магические архивы», дискеты с чудесными тайнами науки и техники, уничтожен волшебный кристалл...

Сарафанову делать здесь больше нечего. В белой рубахе он уходит в русские дали умирать.

Странноватый положительный герой и странноватая для идеологического романа история бесславного поражения этого положительного героя!

Однако перед нами, как я уже говорил, не просто банальный политический памфлет, не просто политический детектив. Политизированная памфлетность, на уровне которой заявлена все-таки в основном внятная смысловая база прохановской концепции мира, трансформируется в некое горячечное вещание, питающееся квазимистической судорогой. Мелкий глум и дешевый цинизм Кононенко вытянут у Проханова на уровень настоящей вдохновенной истерики. Там, где Кононенко просто манипулирует идеологическими стереотипами, жонглирует ярлыками и клише, там Проханов пошаманski камлает, и иной раз возникает впечатление, что он сам, не удовлетворяясь ролью и статусом писателя, хочет стать инженером истории, ов-

ладеть розенкрейцерской премудростью, магическими средствами преображения реальности.

Проханов наделяет и героя своего обморочными, квазимистического характера видениями и откровениями (ему кажется, что установленные на площадях Москвы новогодние елки выкачивают из русских мистическую энергию и передают ее на Останкинскую башню, а оттуда она течет куда-то в Израиль и Америку, а то еще видится над Москвой зловещий моллюск с щупальцами, высасывающими опять же энергию, а то на Псковщине является мир светлых энергий...), и сам как повествователь представляет реальность как проникнутую энергетическими флюидами арену борьбы демонических и ангелических агентов.

Если немного вдуматься в специфику оккультной религиозности автора, то приходят в голову несколько простых мыслей.

Это — меньше всего христианство и совсем не христианство, хотя кое-где в романе разбросаны указания на православные святыни, мощи, выведен священник-борец... Нам предъявлена скорее всего весьма характерная и давшая массу опытов в течение двух последних столетий неканоническая синтетическая религиозность гораздо более примитивного и тусклого, чем христианство, языческого характера. Это неглубокий оккультно-магический синкрезис.

Есть ощущение, что первоначально у Проханова такой синкрезис мотивировался политической задачей: упразднить в обществе разномыслие и объединить в едином, могучем имперском теле язычников и православных (впрочем, про русских католиков и протестантов Проханов вроде бы помалкивает), коммунистов с антикоммунистами... Но скольжение в религиозный план в итоге, пожалуй, трансформировало эти приоритеты.

Один аспект прохановской религиозности — непременный в идеологической словесности радикальный дуализм в зороастрийско-манихейском стиле. Лагерь добра, лагерь зла. Этот дуализм предполагает принудительную мобилизацию, для чего оказывается необходима сильная монолитная государственность. Империя.

Другой аспект нетрезвой прохановской оккультной религиозности — представления о двоемирии, о мире предков, которые у каждого народа свои, о фатальной силе крови и почвы, магических святынях, о борьбе разных энергийных стихий и сил за доминирование в здешнем мире — борьбе, которая инициирована демонами и предками евреев и других плохих людей. Можно сказать, что Проханов вымечтал какое-то оккультное чучело России, ведущее миражную, сомнамбулическую жизнь.

Есть ли что-то более чуждое духу и букве христианства?!

Мария Ремизова уже писала однажды в «Континенте» (№ 113) о нехристианской и магической природе прохановской религиозности: по ее словам, в «Красно-коричневом» *герой-визионер почти непрерывно наблюдал в небе — как на экране — всевозможные кривляния политиков и олигархов, принимавших там собственные обличия — бесов с птичьими клювами и свиными рылами. На него, да и на всю доступную часть мира, воздействовали лучами магического кристалла, которые лишали воли и заставляли действо-*

вать как под гипнозом. И в «Красно-коричневом», и в «Гексогене» есть сцены натуральных магических процедур, когда разыгрываемое действие по принципу симпатической магии почти тут же осуществляется в реальности. <...> Проханов не столько, может быть, создает «художественный образ», сколько действительно мыслит в таких категориях. Мир для него — конгломерат влияющих друг на друга фантомов. Интересно, совершал ли он сам какие-нибудь магические процедуры, чтобы усилить воздействие своего романа?..[14]

Может, и правда так: писатель-оккультист пытается, как он выражается, «активировать» сонный народ. Возможно даже, он каббалистически верит в простую магию слова, букв. Ведь, как уже бдительно заметил упоминавшийся здесь критик-патриот Н. Переяслов, *ни у одного из положительных персонажей «Экстремиста», включая главного героя и даже виднеющегося за его спиной автора, нет никакой ясной, отчетливо формулируемой политической идеи, базирующейся не просто на категорическом неприятии существующего в стране режима, но на видении реальных путей того, что можно сделать для изменения сегодняшней российской реальности в сторону улучшения жизни ее народа.* То есть здравых или хоть завиральных, но логически мотивированных идей нет, — есть только магические зигзаги. Однако при этом писатель неспособен к пророчеству и даже не ищет в себе такой ресурс. Возможно, для этого его тип магической религиозности не дает больших оснований.

Как в этой связи истолковать финал романа? Побеждают активные и злые духи. Русские же предки оказываются бессильными и могут только наблюдать упадок и гибель России, которые после провала авантюры Сарафанова кажутся неизбежными.

В этом пораженческом фатализме есть что-то странное. В этом смысле убедительнее выглядит легендарно-фантомный Парвулеско, еще в конце минувшего века якобы создавший роман «Звезда Невидимой Империи» о последней битве энергетических армий[15], но оставивший его недописанным: что недосказал автор, доскажет жизнь...

---

[14] http://magazines.russ.ru/continent/2002/113/rem.html.

[15] В романе *описывается приближение к окончательной развязке той трансцендентной метаистории, хронистом которой выступает наш автор. Вот его резюме. По всей планете, и особенно во Франции и Португалии (а также в Перу и Мексике), магических «акапунктурных» точках оккультного Запада, агенты Небытия установили «черные пирамиды», физические и сверхфизические объекты, предназначенные для обеспечения прямого вторжения в мир демонических энергий, орд Гогов и Магогов. Этот апокалиптический проект имеет секретное название «проект Водолея», так как в соответствии с астрологическим символизмом скоро наступит «эра Водолея», несущая с собой не радость и гармонию (как пытаются заверить человечество «агенты Небытия»), но разложение, гниение, хаос и смерть, «растворение в нижних водах». <...> Слуги «Водолея», открывающие дорогу в человеческий мир черным «скорлупам» внешних сумерек, стремятся преподнести свое противоестественное пришествие как благо, как спасение, как предел эволюции, скрывая свою сущность, Vomitto Negro (Черную Блевотину) под политическим и спиритуалистским лозунгом New Age или new world order. <...> Но против заговора Водолея, в котором концентрируется весь страшный, «метагалактический» потенциал агентуры Небытия, ищущей своего финального воплощения в «новом*

Возможно, иррационально Проханов чувствует то, о чем немало говорили историки русской культуры: русский человек бессилен перед активным злом. Но эта версия национального характера и национальной судьбы, восходящая к примеру страстотерпцев Бориса и Глеба, все-таки едва ли единственная. Да и тот же Проханов — и по характеру, и по симпатиям — активист, борец. Со своей идеей Пятой Империи он носится, как с последним русским козырем. И его, кажется, не заподозришь в том, что он упорствует в сдаче и гибели.

Забавно, что в совсем уж недавнем интервью Русскому Журналу Проханов так отвечает на вопрос С. Шаповала о том, из чего он исходит во взгляде на будущее России: *Из своего мистического опыта. Он в совокупности с опытом историософским говорит о том, что Россия, пережив страшные поражения и крушения, приходит к величайшим победам. Я исповедую русскую пасхальную победную теорию, к тому же я сторонник теории неизбежной русской победы. Русская Победа в XX веке была одержана не в 1945 году, а гораздо раньше — в 1924-м. Все, что происходило в этом временном промежутке: стройки, репрессии, создание аппарата подавления и аппарата возгонки идеализма, обращение Сталина к церкви,— все это было результатом*

мировом порядке», борются представители тайного западного ордена Atlantis Magna. <...> На высшем трансцедентальном уровне речь идет о ритуальной тантрической реализации эсхатологического Явления, связанного с приходом Утешителя и приходом Жены. Только на этом уровне можно победить строителей «черных пирамид». Подготовка и организация таинственнейшего ритуала «красного круга» составляют основной сюжет романа. Члены Atlantis Magna на пути к этой процедуре совершают символические путешествия, анализируют мистические тексты, отыскивают истинные причины политических трансформаций, исследуют странные аспекты истории некоторых древних европейских родов, расшифровывают эзотерические идеи (появляющиеся как утечка информации в обычной бульварной литературе), переживают любовные и эротические связи, подвергаются покушениям, становятся жертвами похищений и пыток, но вся эта конкретная плоть увлекательного, почти детективного романа является непрерывным прочтением и уточнением взаимосвязанной визионерской реальности Последнего События Истории, проявления Великой Евразийской Империи Конца, Regnum Sacrum или Imperium Sacrum, отблески которой различимы во всех аспектах современного мира. На уровне политического заговора герои романа также действуют активно и решительно. Духовное противостояние New Age, неоспиритуализму <...> проецируется на политическое противостояние «новому мировому порядку», американизму и либерализму, что заставляет «агентов Бытия» ткать сети планетарного заговора с участием всех политических сил, оппозиционных мондиализму. Палестинские террористы, подпольные группы европейских неонацистов, социал-революционеры и члены «Красных Бригад», ненавидящие «демократию» потомки аристократических родов, в тайне желающие конца либеральной эпохи, члены итальянской мафии, голлисты и франкисты, революционеры Третьего мира, шаманы Америки, Азии, коммунистические лидеры, немецкие банкиры — все они становятся участниками геополитического проекта, направленного на воссоздание финальной Евразийской Империи. Так излагает содержание романа Парвулеско Дугин. И что-то очень близкое ему видим мы в сочинении Проханова... (http://www.russ.ru/stat_i/gospod_zaslal_menya_v_etot_mir_kak_razvedchika).

того, что Победа уже была одержана. Я себя тоже чувствую функцией осуществленного победного аргумента. Победа России в XXI веке одержана! Русская перспектива представляется мне возвышенной и священной! [16]

Широковещательно, многошумяще и бессодержательно. К тому ж с очевидным передергиванием исторических реалий.

Но в финале романа все по-другому. И я думаю, это победа художника. Как бы ни насиловал Проханов реальность в своей прозе, он все-таки не может в последнем усилии наколдовать победу тем идеям и силам, которые сугубо фантомальны. Или, по крайней мере, не решается пока употребить в своей прозе окончательно магические средства для искомого позитивного результата. Финальная катастрофа в романе — это месть жизни за нежизнеспособность прохановских (сарафановских) рецептов, проектов и магических пассов. Это возмездие за оккультно-магические опыты, которыми сделана попытка подменить реальные пути к возрождению родины. Конечно, демократическое строительство — гораздо более прозаическая задача, чем шаманские пляски вокруг имперского фантома. Но со строительством этим связана надежда, а шаманизм влечет за собой провал в отчаяние.

А может быть, все проще, и историческое крушение Третьего Рейха дало рефлекс в сознание Проханова, образовавший сцепку между судьбами двух имперских проектов. Как бы то ни было, оказывается, что русские духи засмертны, что по неудержимой логике развития повествования сама Россия, по сути, засмертна, за шеломянем еси, и правда, что в этом — не самом лучшем — мире ей уже не место, пора произвести магическую метаморфозу ухода в мир, намеком обозначенный в финале романа и смутно напоминающий собой вовсе даже не какой-нибудь лубочный рай, а совсем уж анемичный, унылый античный аид, в котором, кажется, стирается без остатка личное начало. Возникает впечатление, что все надежды Проханова не просто ушли в мутный оккультно-магический план, но и приняли мрачновато-эсхатологический характер (в стиле восточных эсхатологий, лишенных воскресительного обетования).

Все бы ничего, да и в мыслящей публике распространен скептический взгляд на необходимость немедленно вставать в очередь на переправе через Лету. Какой-то сетевой остроумец заметил про Проханова: *на него ангел Пятой империи нагадил...* Но там же, в Сети, можно встретить и апологетические по его адресу определения... А главное, общая расхлябанность и нищета духа приводит и в жизни к явлениям, перспективный смысл которых, возможно, недооценивается.

Возьмем хоть тех же пензенских затворников с их квазихристианским эсхатологизмом давно уж забытого, казалось бы, типа. Игорь Свинаренко, может быть, был не так уж неправ, когда недавно заметил, пытаясь встать на позицию европейца: *Мы как-то в полушутку по своим телеканалам гоним эти сюжеты — ну а что, типа, ну залезли в землянки с детьми, подумаешь! Рядовой черный юмор как бы. Но как это видят белые люди? Вылезших из-под земли русских ни в дурдом не тащат, ни в суд за издеватель-*

[16] http://www.russ.ru/stat_i/gospod_zaslal_menya_v_etot_mir_kak_razvedchika.

ство над детьми — нет! Им просто дарят корову. Что, это серьезно, это они реально так живут, у них такие законы и такие правила жизни? — спрашивают западники. Мы в ответ хихикаем. А у них, боюсь, мороз идет по коже при мысли о том, что земляки и родня точно таких же пензенских дежурят в ракетных шахтах. И тоже, может, ожидают некоего неизвестного знака свыше... Чтоб вылезти. Или, наоборот, притащить туда детей. И ждать конца света. Или устроить его. Что, кто-то у нас удивится такому повороту?[17]

Пожалуй, нет необходимости привлекать европейский взгляд на происходящее, чтобы вздрогнуть и задуматься. Хотя едва ли, несмотря на наличие знаков конца, мир сей кончится в таком срочном режиме, тем более — по персональному заказу ангажированного беллетриста.

А вот что обречено концу, так это Гламурный век. Он не может быть длинным. Благополучие и безмятежность еще ни разу не длились слишком долго. В перспективе гламурная культура будет уже только деградировать и разрушаться. Происходит износ символов эпохи. Они не предназначены для длительной эксплуатации ввиду отсутствия сколько-то богатого содержания. Это метафоры пустоты, отсутствия. С ними можно немного пожить, но нельзя жить долго. И совсем невозможно умирать.

Мелкая, незаглубленная культура имеет свойство недолго продолжаться, ее сменяют какие-то иные, часто более драматические и болезненные, но и более существенные события. Вихри враждебные начнут размывать зыбко-хрупкую рокайльную красоту гламура. И даже, я уверен, будет расти число людей, для которых скучный бытовой и душевный комфорт не равнозначен смыслу жизни, которые будут чувствовать, что их обманули, заманив в плоскую сферу выморочного существования...

Наверное, уже приходит помаленьку пора напоследок удивиться этой короткой эпохе с ее банальной красотой, этому изящно-пошлому веку, глухому к человеческим страданиям и чуждому трагизма, а часто и драматики. Скоро мы будем с ним прощаться. А потом уже и оглянуться на него не захотим.

---

[17] http://www.gazeta.ru/column/svinarenko/2684822.shtml.

«Я БУДУ ОБ ЭТОМ ПИСАТЬ...»

Памяти Юрия Казакова и Георгия Семенова

От редакции

Мы сожалеем, что публикуемый ниже материал нам не удалось напечатать к 80-летию со дня рождения Юрия Казакова (1927–1982), которое отмечалось 8 августа 2007 года: публикация, подготовленная вдовой Георгия Семенова Еленой Владимировной Семеновой, была предложена нам значительно позже. Это страницы дневниковых и мемуарных записей Георгия Семенова (1931–1992), посвященные его старшему другу, которого он пережил на десять лет, и письма Юрия Казакова к Георгию Семенову. Но мы полагаем, что и без всякой привязки к какой-либо конкретной памятной дате подборка этих текстов заслуживает того, чтобы посвятить ее памяти двух прекрасных русских прозаиков, которым выпало счастье быть большими друзьями.

Георгий СЕМЕНОВ

О ЮРИИ КАЗАКОВЕ

Возможно, имя Юрия Казакова и не у всех на слуху, кто-то, может быть, впервые откроет для себя замечательного писателя, почувствует завораживающую красоту его слова, таинственное очарование его прозы. Можно только позавидовать читателю, который еще не знает его рассказов, у которого впереди чудесные часы наслаждения.

Впрочем, Юрий Казаков такой писатель, к прозе которого хочется возвращаться — рассказы его обладают редкой способностью раскрываться всякий раз с новой, еще не изведанной стороны. Воспоминания о них странным образом волнуют. Невольно думаешь, что ты чего-то недопонял, что-то важное ускользнуло из сознания. Но ощущение красоты, какое сохранилось в сердце, тянет тебя вновь и вновь к этим уже прочитанным страницам... Ты открываешь книгу и, вспоминая сюжет того или иного рассказа, с непостижимым интересом и даже любопытством зачитываешься опять этими удивительными произведениями, забывая, что тебе уже все известно.

Как это удавалось Юрию Казакову, навсегда останется тайной. Литературное творчество тем и отличается от творчества в других областях человеческой деятельности, что мастер не в силах передать секрет мастерства своим ученикам, не может научить других писателей талантливому письму. Порой он и сам не знает, как это все у него получается, почему слова в предложении расставлены так, а не эдак, какая сила владела им во время работы над рассказом...

По всей вероятности, эта сила называется талант.

Русскому писателю нелегко найти свой путь и свое место в литературе, — во всяком случае, труднее, чем кому бы то ни было. Стоит ему заявить о себе, как тут же находятся истинные знатоки литературы и с глубокой мыслью на челе заявляют, что имярек работает в традициях Чехова или Бунина, Толстого или Достоевского, Тургенева или Гоголя. И плетется современный русский писатель в хвосте бесконечной вереницы *великих*, привыкая к своему порядковому номеру. То ли было бы, если бы величайшая русская культура не накопила своих богатств?! Сколько бы гениев ходило сейчас по земле русской! Но мы избалованы судьбой! Мы так богаты талантами, что нам ничего не стоит отмахнуться, поморщиться, скорчить кислую мину, прочтя великолепный рассказ или роман своего соотечественника, и легко отдать предпочтение сомнительной экзотике.

Очень близким, понятным писателем был для меня Юрий Казаков. Все в его рассказах казалось мне необыкновенным: и густота письма, и новые возможности русского языка, и поразительная мелодичность. Помню еще в Литинституте, где Казаков учился на два курса старше меня, он уже славился своей прозой. Когда в «Знамени» были опубликованы первые мои рассказы, я встретил его на Тверском бульваре и, набравшись смелости, спросил, не читал ли он их. Узнав мою фамилию, «мэтр» обрадовался и похвалил меня, наговорив кучу приятных слов о моих рассказах, пригласил меня поехать с ним на Валдай на охоту. Приглашение это было для меня испытанием и праздником одновременно. С тех пор и началась наша дружба. Хотя, замечу, что писательская дружба — это особое явление: в ней непременно присутствует дух состязательности, соперничества. Всю жизнь я эту дружбу хранил, хотя обстоятельства порой и разводили нас.

Имя молодого писателя Юрия Казакова, выпустившего уже одну или две книги, приобрело для меня магическую силу, я же был совсем еще зелененький, никому, кроме него, не известный, начинающий прозаик, опубликовавший несколько рассказов[1].

Сколько прожито, пережито с ним, пройдено охотничьих троп, сколько воспоминаний связано с этим удивительным человеком и превосходным писателем!

Юра был жадным человеком. Но не в житейском, плохом, смысле этого слова, а в более высоком и благородном — он был жаден в познании жизни, в изучении человеческих характеров, в восприятии всего яркого и необычного, что встречалось на его пути.

Был солнечный, очень ветреный день, и по Валдайскому озеру шли иссиня-черные волны с белыми гребешками. На рейсовом катере мы плыли к далекому и незнакомому берегу, рассчитывая хорошо поохотиться в диковатых тогда глухих лесах Валдая.

Надо бы рассказать об этой чудесной поездке, о дождях, о рейсовом катере посреди озера, о наших ночевках в избах, о запахе ворвани, которой были густо смазаны сапоги Юрия Казакова.

---

[1] В 1961 году в «Знамени» были опубликованы рассказы Г. Семенова «Тростниковые заводи», «Непутевый», «Барабан», «Галахов», «Сорок четыре ночи».

Мы весело разговаривали с молодым капитаном, стоя с ним на продуваемой палубе, шутили, смеялись, расспрашивали об озере...

И вдруг заметили, как от берега отчалила лодочка и направилась наперерез катеру. Двое в лодке что-то кричат, машут руками, стреляют в воздух из охотничьих ружей, чтобы остановить рейсовый катер. Похоже, что случилось несчастье и требуется немедленная помощь. Пассажиры столпились на борту, качаются вместе с катером в ожидании дурной вести. Капитан застопорил машину.

Сизые волны, зеркально отражая солнечный блеск, бьют о мятый борт катера. Дым солярки щекочет ноздри. Валдайское озеро ходит ходуном под бортами остановившегося катера. Он сильно раскачивается на волнах, разворачиваемый ветром. А лодочка тем временем, буравя волны, делает разворот и уже колыбится возле борта.

Ожидаем услышать самое худшее, но все оказывается до смешного просто и даже глупо. Заросшие щетиной охотники скалят желтые зубы: «Ребята, — кричит один из них, — выручайте! Сигареты промокли! Курить нечего! Погибаем». И смех, и упреки, — все летит в сторону лодочки, скачущей на волнах, капитан и тот улыбается, достает помятую пачку сигарет, и она кувыркается вместе с нашими по ветру, счастливо попадая в руки измучившихся курильщиков, живущих на зеленом солнечном берегу своих утех.

Все это так понравилось Казакову, что он, ярый курильщик, тоже отдал свои сигареты охотникам, а когда катер, загудев машиной, задрожал и стал разворачиваться на курс, Юра подступил ко мне с безумноватой улыбкой и чуть ли не с угрозой прокричал, перекрывая гул ветра и мотора:

«Мое! Это все мое! Я буду об этом писать! Это мое!»

Сколько раз я слышал от него это предупреждение! Видит Бог, я и не пытался писать о том, что он брал по праву себе. Это было — *его.*

Он всегда радовался всякой удаче собрата по перу, писал нежные письма, говорил добрые слова, как какое-то чудо рассматривая появление нового талантливого рассказа. Многие ли сохранили эту способность радоваться успеху другого? А вот Юра Казаков родился еще и для этой радости, которая всегда была, есть и будет внутренним движителем литературы, когда слово мастера звучит не просто словом одобрения, а трубой, зовущей к объединению талантов во имя отечественной литературы, к жертвенности и самоотречению во имя *слова.*

Он много лет потратил на то, чтобы перевести на русский язык трилогию Нурпеисова[2], казахского писателя, имя которого благодаря Казакову, известно у нас и за рубежом. Это очень большой и благородный труд. Ведь надо понять, что он делал это, жертвуя замыслами своих новых сочинений, которые так и остались, может быть, неосуществленными.

Правильно ли он поступил, взявшись за перевод? Кто может ответить на этот вопрос, кроме Юрия Казакова. А уж если он сделал это — значит, так ему было нужно, так ему подсказало время.

---

[2] Нурпеисов Абдижамил (род. 1924) — прозаик. Трилогия «Кровь и пот (1961–1970) — перевод Ю. Казакова.

Юра был очень добрым и отзывчивым человеком. Он настолько нежно относился к людям, что иной раз стеснялся своей нежности и напускал на себя, как это делают дети, суровость. Эта напускная сердитость ему удавалась, и многие люди, плохо знавшие его, думали, что он ужасный грубиян и несносный собеседник. Но это было не так!

Так случилось, что в Тарусе я никогда не бывал, хотя гостил неподалеку у Бориса Можаева[3] в Дракине, там, где Протва впадает в Оку. Он сказал, что я сижу на той лавке, где недавно сидел Солженицын. (А у нас рыжики, водка... И такая радость от ощущения причастности к великому делу, общему делу.) Ощущения приближающегося гения русской литературы...

А когда «Матренин двор»[4], — Господи! Так ведь я же знал, я же ночевал в таких домах... Я же мог бы! Ан нет, не смог. Не то что написать не смог бы — это простительно. А вот не смог так увидеть, как увидел все Солженицын, открывший мне глаза не мир и душевную крепость русской крестьянки.

А как ждали «Ивана Денисовича»[5]! Только об этом и говорили.

С Юрой Казаковым мы в ту пору, когда он жил в Тарусе, только-только начинали свою дружбу, если можно так сказать. Сразу же после первой публикации в «Знамени» Казаков легко ввел меня в круг своих друзей. Но виделись мы в ту пору редко. Это уж потом, когда он купил в Абрамцеве дом, мы с ним жили бок о бок. Мы снимали там дачу в течение двадцати пяти лет. Первое время он никак не мог привыкнуть к лесной абрамцевской глуши, тосковал, по-моему, по окским просторам, говорил, что там глаз на зеленую стену не натыкается.

Дом в Абрамцеве стоит в еловом темном лесу. Я иногда думаю, что именно этот дом и погубил его. Может быть, если бы он жил в Тарусе, жизнь его сложилась бы иначе. Таруса для него была некоей прародиной...

А для меня Таруса так и осталась таинственной страной.

Снова сняли дачу в Абрамцеве у Абрикосовых[6]...

Год 1981-й. Будет он когда-нибудь таким далеким, что и подумать страшно.

К Юре Казакову пришел. Заглянул в окошко, а он, как обычно, сидит на стуле перед стулом, на котором папиросы, спички и граненый маленький, мутный стаканчик, что-то еще (окурки в камин бросает — потом, говорит, сожгу), а уж за стулом — телевизор включен. Смотрит самозабвенно, с детской восхищенной полуулыбкой, зачарованно...

— Юро-о! — кричу ему, потому что он плохо слышит.

— Ооо! Заходи, Юрочка[7]. Ну чего ты тут стоишь, заходи!

---

[3] Можаев Борис Андреевич (1932–1996) — прозаик, публицист.

[4] Рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» был опубликован «Новым миром» в январском номере 1963 года.

[5] «Новый мир», 1962, №11.

[6] У детей академика в области медицины А. И. Абрикосова. Его сын А. А. Абрикосов — ныне лауреат Нобелевской премии. Дочь М. А. Абрикосова — специалистка в области спортивной медицины.

[7] Родные и близкие звали Георгия Семенова Юрой.

Рассказывает, как ему зубы-протезы делали, как зубной врач ацетоном сжег десны. «Пройдет, говорит. А я не могу! У меня сопли из носа, слезы из глаз и, по-моему, даже из ушей пошли... У-ухх! Да! Тут я вчера смотрел фильм, пятую серию: "Место встречи изменить нельзя". На Высоцкого смотрел. Какой он прекрасный! Знаешь, там кадры есть, видно, что Володя давно не пил, лицо чистое, тонкое, все мешки исчезли. Глаза пушистые, добрые... Был бы я женщиной, — говорит он со слезой, и рот его судорожно кривится, ползет, дрожит. — Я бы, Юра, бросился к нему на грудь... А потом другие кадры, — смеется громко сквозь слезы и громко говорит. — Другие кадры... Ну, морда! Опухший, мрачный. Режиссер с ним намучился. Снимать надо, а его нет, пьет... Во, тля, человек какой был. А когда умер, сколько народу пришло. Вот телевидение нам показывало... Лев Лещенко[8] и прочие — все пели, а Володе не дали. Но Москва им отомстила, все перекрыто, весь центр был перекрыт... А знаешь, Юра, я, лет, наверное... восемь уже прошло, дядьку хоронил на Ваганьковском. Зашел на могилу Есенина, а там вокруг могилы все забито осколками бутылок. Не дай Бог такой славы! Приходят те, которые "Москву кабацкую" читали, пьют, а потом бутылки колотят. Не дай Бог! Да, старичок, вот такие дела».

Смотрю, поднимает с пола алюминиевый ковшик, который я сразу не заметил, и наливает оттуда в стаканчик темное какое-то вино. Выпивает с жадным отвращением, блестит мокрой, окровавленной как будто губой.

«Э-эх, — говорит. — Знаешь, я тут пошел по твоим стопам. Не пил. Но боли — жуткие. Все болит. Во рту, в глотке, в животе сухо. Говорю маме, мол, когда пил, все было в порядке, ничего не болело, а тут такая боль».

Зачем он из ковшика пил, а вернее — наливал в стаканчик из ковшика, я так и не понял. Может быть, обманывает себя: не может уж видеть бутылку. А из ковшика вроде бы и не вино, вроде бы и не пьет.

Опять потом расплакался, когда о Васе Белове[9] вспомнил: «Такой он весь провинциальный, вот такусенький, а глаза... Глаза, как голубые брызги, брызжет такой острой голубизной... У, тля! У него рассказ есть, как развелся один с женой, а жена ему не дает встречаться с дочкой...»

Плачет и никак не может остановиться. Я ему говорю, что я тоже плакал, когда читал этот рассказ, и даже письмо Васе написал.

«Во! — говорит Казаков. — Гениальный рассказ, — и показывает большой палец. — Ну посиди немножечко, — кричит он мне, когда я собрался было уходить. — Юра, посиди, не обижай! У меня несчастье на несчастье... Посиди со мной».

И я еще долго сидел с ним, о многом мы говорили. Точнее, он говорил!

Девять вечера. После жаркого дня вдруг похолодало, и небо было голубенькое, нежное, а на нем прозрачные розовые облачка, и среди облачков серебристая белая луна, как жемчужная. И все это над темно-зелеными вершинами елей.

Люблю людей страстно влюбленных в жизнь, тоскующих в четырех стенах своего жилища и жаждущих при всяком удобном случае вырваться из

---

[8] Лев Лещенко — популярный в те годы эстрадный певец.

[9] Белов Василий Иванович (род. 1932) — прозаик.

дома, уехать, как это делал, например, Казаков, на Север. В тот благодатный для него край, откуда он никогда не возвращался без рассказов, или, точнее сказать, без новых сюжетов.

Архангельск, Белое море, острова — земля и море нашего Севера — оказывали самое благотворное влияние на Юру, как будто он всякий раз уезжал к себе на родину, хотя родился и вырос в Москве. Но если говорить о его писательской судьбе, то Север и в самом деле был его истинной родиной, прикосновение к которой рождало в нем художника, очень зоркого и требовательного к себе, чувствующего малейшую фальшь и понимающего настоящую красоту, будь то красота человека или пейзажа.

Север питал его душу всеми соками жизни, словно душа его обитала где-то возле Белого моря, оставив бренное тело в суете большого города. Может быть, это кажущееся раздвоение, а вернее, таинственное какое-то разъятие души и тела даны были ему для того, чтобы в минуты слияния высекалась в нем искра вдохновения?

Как я понимаю, он часто писал именно по горячему следу. То есть, принимался за работу, не давая остынуть впечатлениям, вдохновившим его на счастливый труд.

Как-то однажды мы с ним и с Евгением Евтушенко охотились в Вологодской области[10] и заночевали в избе, где жили старик со старухой, такие древние и немощные, что, глядя на них, трудно было удержаться от жалости и сострадания. Когда мы вернулись в Москву, Юра тут же принялся писать об этих стариках. Я бы, наверное, не узнал об этом, пока рассказ не появился бы в печати, потому что Казаков не любил говорить о том, что он пишет. Но он сам позвонил мне как-то вечером и попросил встретиться с ним.

Просит срочно придти в Дом литераторов, а я отнекиваюсь, как могу, потому что занят чем-то, да и настроения нет никакого выходить из дома. А он чуть ли не умоляет, слезно просит придти по очень важному делу. Устоять нет никакой возможности, и я иду на встречу. Прихожу, а он сидит, как говорится, в кругу друзей, на меня никакого внимания, будто увидел меня случайно и, поздоровавшись, опять продолжает веселый застольный треп. И обида, и злость! Спрашиваю, зачем звал... А он заговорщически: сейчас, мол, подожди немного, закажи себе сто грамм и подожди... Ни денег у меня на это, ни желания, — сижу, кипячу в себе злость на него и едва удерживаюсь, чтоб не встать со стула. А он, словно бы вспомнив обо мне, отвлекается и спрашивает с затаенной надеждой, с нежностью в голосе: не помню ли я, что сказала старуха про своего старика, когда тот забрался на печь, какое она слово при этом сказала...

Мы недавно вернулись с охоты, или, точнее, они с Евгением Евтушенко вернулись недавно, а я, в ту пору безденежный, как цыган, уехав от них из

[10] (В марте 1963 года состоялся пленум СП, на котором учинили разнос Евгению Евтушенко за публикацию во Франции его «Автобиографии». Перед этим были разгромные статьи в «Правде» и «Известиях». По Москве поползли слухи, по нарастающей, о реакции Евтушенко, о его переживаниях. Казаков предлагает Семенову пригласить Евтушенко на охоту. Позвонили, позвали, помогли купить ружье и отправились на Вологодчину втроем.

Вологды, вернулся уже давно, но, к его радости, это слово помнил. Старуха сказала тогда: «В него *влазит* — он кричит ночью». Это «влазит» и забыл Юра, остановив работу над рассказом. Радость его была настолько велика, что он тут же распрощался со всеми и убежал домой работать.

Это тоже было — *его*. Он не смог, не смел заменить забытое слово, смутный звук которого беспокоил его, и мучился, вспоминая, и не было для него важнее заботы, чем услышать это местное словечко, без которого ни сна ему, ни покоя, будто потерял он что-то очень и очень дорогое, без чего ему и жизнь не в жизнь.

А мне от этого тоже радость, как если бы выручил друга в тяжелую минуту, накормил голодного хлебом, насытил случайно оставшимся в памяти словом и сделал его счастливым.

Всего-то навсего слово! А оно ему в тот жизненный миг было, наверно, дороже хлеба, ибо несло в себе дух беспокойной ночи, когда мы, тогда еще молодые и сильные, остановились на короткий весенний ночлег в избе старика и старухи.

Рассказ был опубликован, но никто из критиков так и не обратил внимания на это маленькое и нелепое словечко, потеря которого была горем для писателя и которое вместе с другими словами составило воздушное пространство рассказа.

Почему же не любуется критик писательским словом, живой тканью художественной прозы? Не радуется вместе с чутким писателем красоте жизни?

Помнится, в «Северном дневнике» есть у него сцена забоя коровы. Будто кистью фламандского живописца написана эта картина, равной которой, пожалуй, и нет в нашей литературе. Но гений Казакова подсказал ему каким-то таинственным образом, что и этого мало, что надо еще написать рядом с освежеванной коровой молоденького теленка, жующего свежую травку и не чующего страшной беды, которая ждет его впереди.

Не похожи ли и мы на этих милых телят, когда спокойно слушаем на писательских пленумах и съездах доклады и речи, в которых, увы, давно уже нет имени Юрия Казакова?

Стыдно!

Осмелюсь вспомнить и поведать людям о радости Юрия Казакова, который не одному мне, наверное, доверительно признавался в том, какое наслаждение он испытывает, работая над своими рассказами.

Есть у него маленький шедевр — «Осень в дубовых лесах». Рассказ этот еще не был закончен, но Казаков уже светился торжеством победы, ибо ему удалась главная поэтическая сценка, без которой, как он безошибочно чувствовал это, не было бы ни осени, ни дубовых листьев над Окой.

Младенчески чисто светились его усталые голубо-серые глаза, когда он, сняв очки, говорил мне о своей удаче. Он рассказал о ночной тьме, о некошеном береге Оки, и о том, как в этой тьме идет к реке за водой герой рассказа. В руках у него пустое ведро, и он слышит, как о стенки ведра постукивают головки невидимых во тьме поздних цветов...

Радость Юры была всегда в таких случаях так искренна, что он никого никогда не подавлял этой своей наивно-хвастливой мальчишеской радостью, потому что она была пронизана уверенностью, что всякий, в ком жива душа, не может не радоваться вместе с ним его художнической удаче.

Он понимал, что написать эту сцену мог только он один среди множества пишущих. Вместе с ним понимали это и его близкие друзья, которым он рассказывал о своей удаче, и радовались вместе с ним, хотя и не знали еще, о чем рассказ. Но сочная, душистая, таинственная эта сцена, написанная рукой мастера, и без того говорила о том, что рассказ и в самом деле будет гениальным, как об этом, не смущаясь, заявлял всегда сам автор. И не ошиблись — рассказ получился таким, и ему суждена долгая счастливая жизнь в сердцах и душах читателей.

Одна лишь наша критика не сумела тогда почувствовать всей красоты осенней ночи над Окой, не смогла ответить радостью на радость художника, не заметила, не обратила никакого внимания, обошла стороной эту поэтическую сценку — осталась глуха к художественным особенностям рассказа. Критика тогда говорила о рассказах Юрия Казакова примерно так же, как если бы, говоря о Кельнском соборе, она объясняла его функциональное назначение, но ни словом не обмолвилась об архитектуре.

Русский рассказ — это нечто отличающееся от западных новелл. Это маленькое музыкальное произведение, звуками которого являются слова, фразы, периоды.

Самым музыкальным писателем из всех, которые сейчас пишут, я считаю Юрия Казакова.

За несколько дней до кончины написал он письмо, в котором не было и намека на страдания или тоску. Он вспоминал о наших охотах, просил совета по поводу своего автомобиля, у которого вышел из строя замок зажигания, писал, что никак не может сесть за работу. Но одна строка резанула по сердцу не Казаковской какой-то ранимостью. Он спрашивал: «Как тебе название: "Послушай, не идет ли дождь?"» Название ненаписанного рассказа, которое, увы, прозвучало в моей душе звоном погребального колокола.

Яркий след крупнейшего писателя можно, наверное, сравнить с небесным следом кометы, пролетевшей над миром людей и восхитившей очевидцев.

Странное чувство испытываю я, написав про комету и про ее небесный след, словно бы вижу брезгливо прищуренный взгляд Казакова, читающего эти строчки, и слышу его насмешливый голос, осуждающий меня за чрезмерно красивый образ, которым я соблазнился. Красивая его проза всем своим строем, стилем отторгала ложную, выспреннюю красивость, являя собой образцы русского литературного языка, ставшие в ряд с образцами прозы Чехова и Бунина. Но вот тут у меня возникает, увы, тоже довольно странное, давно живущее во мне, идущее издалека сомнение, о котором я когда-то говорил Юре в минуты откровенных споров. Мне кажется порой, что академизм его стиля явился одним из сдерживающих начал, которое заставляло его бросить неоконченный рассказ. Он заковал себя в этот стиль и, с поднятым забралом глядя на окружающую реальность, не мог иной раз

вырваться на свободу и сказать о всех болях, которыми переполнена была растрепанная, не укладывающаяся в какие-либо стили, пестрая, лоскутная наша жизнь. У него, к сожалению (как ни странно звучит это «к сожалению»), не было плохих рассказов, не было явных неудач, провалов.

А эти провалы и неудачи могли бы, на мой взгляд, выбить его из истинно прекрасного седла, в котором он по-рыцарски гордо восседал. «Я не умею, старичок, писать плохие рассказы», — сказал он мне однажды на мой совет написать плохо.

В споре нашем, однажды возникшем, вышел победителем Юрий Казаков, доказав всей своей жизнью, что возможен и плодотворен и тот путь, которым он шел.

Был он гением, с первых своих строк почувствовавшим, что жизненные впечатления делятся на две громадные категории, одна из которых подвластна его таланту, а другая — нет. То есть, он заранее знал, предчувствовал, что из жизненных явлений и событий, окружавших его, принадлежит ему, а что проходит мимо. «Это мое, — как бы говорил он в восторженном изумлении. — А это — нет».

Дени Дидро в своем эссе о гении в прирожденной избирательности этой усматривал гениальность художника.

Думаю, что это не просто эстетика, не просто психологический портрет гения, — в этой особенности заключена высокая нравственность художника: не браться за чужое, хотя, может быть, и очень заманчивое, великое по сути своей, дело.

Скольким же из нас, ныне здравствующим и ушедшим в небытие, не хватало этой малой малости — браться за свое дело и не зариться на чужое!

Никакие советы, пожелания, а то и требования ретивых критиков не способны «улучшить» истинный талант. Все это, как горох об стену, отскакивает от художника, только мешая ему и раздражая своей трескотней.

Хотя, надо сказать, что Юра Казаков, насколько я знаю, никогда не таил зла на редактора, отвергшего его рассказ. Ни слова упрека не бросал он тому, кто из редакторского своего кресла протягивал ему возвращаемую рукопись.

Самый тяжелый момент жизни он переносил с величайшим достоинством, сохраняя честь художника, ибо был абсолютно уверен в непреходящей эстетической ценности своего произведения. Но как трудно, больно до слез, принимать отвергнутую по конъюнктурным соображениям рукопись, над которой ты исстрадался душою, правя чуть ли не каждое слово, сомневаясь над уместностью запятой или точки!

Он очень трудно и медленно писал в последние годы, но каждая строка его рассказов, оставленных нам, наполнена пронзительным предчувствием выстраданного и пропитанного слезами счастья.

Эта особенность всех его рассказов, среди которых не было ни одного плохо написанного. Эта особенность, проникавшая в сердца благодарных читателей, заставляла некоторых критиков стыдливо молчать о его сочинениях или вспоминать при имени Юрия Казакова великих писателей прошлого, потому что талант его никак не укладывался в схематичное представление этих критиков о художественной литературе.

ПИСЬМА ЮРИЯ КАЗАКОВА ГЕОРГИЮ СЕМЕНОВУ

* * *

Старик! — я уезжаю и поэтому пишу тебе.

Ружье у Бродского[11] я видал, он даже дал мне его, чтобы я попробовал, оно прекрасно по форме, но, увы, — никуда не годно по содержанию. Стволы изнутри и снаружи покрыты раковинами. Так что вся надежда теперь на твой Зимсон. А хорошее слово — Зимсон — зимний сон, правда?

Итак, смелей и выше. Хватай свою тетю, держи ее, а я приеду и унесу ружье. Приеду я к середине февраля.[12]

Затем! Точно как и тетю, хватай за горло Кожевникова, тереби его, как стреляную утку. Это я имею в виду мои рассказы.

Бедные мои рассказы! Я, как Пушкин, поднимаюсь сейчас на высшую ступень, а обо мне дурно говорят[13]. До чего дошла наша литература!

По приезде я буду звонить тебе или просто зайду.

Будь здоров, желаю успехов!

28 янв. 1962 *Ю. Казаков*

* * *

Милый Георгий Семенов!

Спешная к тебе просьба. Узнай ради бога, кто именно занимается сейчас составлением сборника рассказов в «Сов. писателе» за 1961 год. Это и в твоих интересах, ты тоже там тиснешься — один из твоих рассказов, напечатанных в «Знамени», по твоему усмотрению. Понял? Узнай и напиши мне, а именно: имя отчество и фамилию и адрес составителя. Понял? Действуй!

Как дела? Напиши — что новенького вообще. Я работаю, пишу, брат. Живу. Скоро Ока тронется, буду глядеть.

Новостей нету, рассказы новые есть только. Но они у меня лежат, подлые, ничего им не будет. Места не пролежат. Хреновое это дело — рассказы.

Привет твоему коллеге Уварову.

Будь здоров! *Ю. Казаков*

Адрес мой: Таруса, Калужская область. Почта, до востр.[14]

---

[11] Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) — поэт, лауреат Нобелевской премии. Узнав, что бедствующий в то время Бродский продает ружье, Ю. Казаков решил его купить.

[12] Казаков купил «Зимсон» у овдовевшей тетушки Г. Семенова. С этим ружьем Казаков охотился до конца жизни.

[13] Письмо отправлено на адрес журнала «Знамя», в котором Г. Семенов по просьбе В. Кожевникова два месяца работал редактором. Казаков имеет в виду свой рассказ «Нам становится противно», о котором *дурно говорят* критики.

[14] Письмо отправлено в конце февраля, а получено в апреле, когда Семенов уже не работал в «Знамени».
Проработав там два месяца, он понял, что не сможет сам писать, если будет работать в журнале, и ушел, хотя его очень уговаривали остаться. Уваров — редактор в отделе прозы.

* * *

Старик! Увы, охоты не вышло. Не то, понимаешь, нынче время, чтобы охотиться. Не та эра. Не та эпоха. Это тебе не девятнадцатый век! Это тебе не Аксаков и не какой-нибудь Толстой.

Все эти дни ходил я в лес, но, кроме реактивных самолетов, с ревом проносящихся в верхатуре, ни хрена не видал. С горя стрелял по сойкам и дроздам. Ружье хорошо — то ли ты наклал слишком много пороху в патроны? — но бьет здорово. А дрозды все равно вкусны. Я воображал, что это вальдшнепы.

Ну и были еще разные приключения. Один раз, возвращаясь в темноте с тяги (которой не было), мы нашли ежей. Двух штук. Сейчас они живут у нас на террасе, фырчат, издают звуки, будто густая каша кипит на плите, топочут по полу, перевертывают тазы и кастрюли, пьют молоко, едят хлеб и птичью требуху, и днем спят без просыпу. Мы их скоро выпустим опять в лес.

Еще была встреча. Опять мы шли с тяги, которой не было, шли подлеском, такие, знаешь, частые, красные пруты, и вот вдали над этими прутами, в темноте узрел я корягу, очень похожую на лося. Это и был лось. А с ним еще лосиха и лосенок. Ты думаешь, они удрали? А вот хрен! Лось насторчил уши и пошел к нам. Он всхрапывал и был страшно большой. И нам стало как-то неудобно. Пропала, понимаешь, вся интимность. Главное, что ружье было на вальдшнепа заряжено. И пуль не было. И потом еще всякие такие мысли насчет штрафу в 10 тысяч рублей или тюрьмы. За этого-то подлеца-нахала лося, а? В общем, во мне боролись противоположные чувства, пока мы трусливо обходили проклятых лосей стороной. Это ли не подлость?

Больше приключений не было. Ружье я почистил, смазал и запаковал до осени.

Теперь вот какая к тебе будет просьба. Я тут куда-то засунул твое письмо с адресом Бочарова. Не то я его в Москву свез и там оставил. Я ведь так и не позвонил ему, ружье все мои мозги отбило. Не дается мне этот Бочаров. Будь другом, позвони ему ты, спроси, взял ли он в сборник какой-нибудь мой рассказ. Если взял, то какой? Если не взял, то будет ли вообще брать. Если будет, то пусть берет «Осень в дубовых лесах». А потом напиши мне сюда — хорошо?

Вот и все. Привет Лене[15] и маленькой поэтессе. Пиши мне сюда.

Ю. Казаков

Таруса 21 апр. 1962

* * *

Дорогой Георгий!

Очень хочу я с тобой съездить на охоту. В любое место, хотя я уже остановился почему-то на Валдае. Много мне про него рассказывали. Будь другом — пришли мне телеграмму на мой московский адрес, сможешь ли ты поехать. Поехать можно было бы 5–6–7 сентября, дней на десять или меньше, или больше — это будет зависеть от охоты и нашего настроения.

[15] Елена Владимировна Семенова, жена Георгия Семенова.

Или звони мне.

В Москве я объявлюсь 2-го в воскресенье, во всяком случае, утром в понедельник (10 ч.) я буду дома.

Если не поленишься, то достань журнал «Москва» № 8 и прочти мой рассказ, хоть ты его и знаешь. Это «Адам и Ева».

Будь здоров, обнимаю!

Ю. Казаков

29. 8. 1962

Надо бы взять командировки от к. н. журнала — как думаешь от какого?

* * *

Юра, вот задание, в котором заинтересован сам президент.

Необходимо узнать, когда открывается охота в Псковской обл. Т. к. Псковская обл. севернее, чем прочие, то очень может быть, что там открытие охоты отнесут дней на 5 позже.

Далее.

Если еще раз будешь в «Лит. России», то веди речь о командировке не только в Псковскую, но также в Вологодскую и в Архангельскую области. Б. м. просидев недельку в Грызавино мы двинем на север вслед за птицей, и м. б. доберемся до Б. моря — чем черт не шутит. И будем охотиться числа до 10 мая. Там увидим. Но на всякий случай срок командировки взять такой — 20 дней, и в три области.

Скажи, привезем весенние заметки.

Доставай пленку для фото и киноаппарата.

Доставай гильзы и порох.

Держи порох сухим. Есть еще порох в пороховницах. Жив курилка! Все как один. Единодушно! Куй патроны, пока горячо. Народ от тебя требует! Обед проходил в дружественной обстановке.

Обед прошел мимо.

Целую. *Резидент разведки ССП — Ю. Казаков*

Таруса. 12 марта 63 г.

О выполнении задания доложить по телефону — Таруса-165.

Герой моей повести обедает в Питере в ресторане-поплавке.

* * *

Старик, на обороте — это одна девочка у меня упражнялась на машинке. Ко мне сюда ездиют всякие такие умненькие девочки, а эта еще вдобавок пианистка, и два дня услаждала мою нежную душу звуками.

А я еще раз повторяю: ничего нет и неизвестно (между прочим, ты не оценил этого перла. Это в Тарусе однажды было объявление на керосиновой лавке: «Керосину нет и неизвестно») — ехали мы сюда, было мокренько, весной пахло, и мысли у нас были весенние, о сапогах, и как отсюда выбираться. А потом опять стукнули морозы, дует злой ветер, весны и в помине нет, грачи, которые уже прилетели, — в полной панике, жрать им

нечего, любви тоже никакой, мороз кровь сгущает, мотаются они по ветру, над белой равниной, и тоскливое очарование исходит на мою кровавую душу от их пролетов. И письма от друзей все приходят унылые, зимние. Словом, заморозки.

Но ты не робей, а ты вот что — разведись с женой, детей отдай в детский дом, собаку подари Кочетову[16], доставай гильз и пистонов, и думай все время обо мне и о деревне Грызавино (название-то, с ума сойти!), сделай себе соляной раствор, заряди шприц и в предвкушении маринования всяких уток и глухарей, и тетеревей, и прочей мрази, втыкай пока время от времени шприц себе в задницу и напускай туда соли. Кровь должна быть соленая, это ты знаешь? А у тебя она пресная, судя по твоим унылым письмам.

Я приеду под Пасху. Под светлый праздничек Христова Воскресения. И позвоню тебе тогда, и мы решим, что нам делать. Если с весной затянется, то охоту, наверное, отложат на недельку, ну да нам не к спеху, поедем попозже.

Ружо я вынул и повесил на стенку. И гляжу на него. Такое оно изячное.

Повесть моя пускает соки.

Девочка моя привезла мне гиацинты. Они сейчас стоят передо мной в банке, толстенькие такие, и пахнут одновременно бананами, клубникой, сиренью и шампиньонами. У меня на столе весна. И мне охота писать рассказы для детей про весну. И быть каким-нибудь там Пришвиным или Бианкой, и чтобы окружен я был какими-нибудь домовитыми уютными старушками, чтобы их вокруг меня было штук десять и чтобы они мне носки вязали, кофе варили, спину мне чесали, а когда я напишу свеженький рассказец, чтоб они садились возле и я бы читал им, а они бы ахали, и какая-нибудь из них бежала бы после этого в магазин за четвертинкой. Хотел бы я быть старосветским помещиком, старик, вот так! Я тут стал читать одного старого писателя (и хорошего) Салова, так у него есть такое место, где охотник жалуется на плохую тягу, всего шесть штук убил, а?

Ну, будь здоров, информируй меня, ради бога, как с охотой и как с гильзами, порохом и прочим.

Привет Лене!

Таруса. 1 апреля 63
Ю. Казаков.

* * *

На какой я тебе бумаге пишу, а? Ты погляди на свет. На такой бумаге только президенты пишут, Льву Толстому не снилась такая бумага.

Слушай, старина, что бог ни делает, все к лучшему. То бы мы поехали в Псков, а теперь так: 10 дней по Вологодчине пошляемся, я сегодня писну письмишко одному знакомому писателю, он там охотился, знает, где лучше.

А потом 10 дней в Архангельской. Слушай, купи дроби 00 или даже картечи, мы там поплывем куда-нибудь к ненцам, на Колгуев остров, и будем в тундре гусей бить.

---

[16] Кочетов Всеволод Анисимович (1912–1973) — прозаик. С 1961 по 1973 — главный редактор журнала «Октябрь».

Ты бил гусей в тундре, а? То-то! А тюленей бил? Белых медведей бил? А пока заряжай патроны и мечтай.

Приезжай! Разлив в этом году будет небывалый, и хоть я живу на 20-метровой высоте над рекой, но вода подойдет к самому дому. Во как! А тяга тут приличная — больше никакой охоты нет, можешь в Москве купить живых уток, тут выпустить и поохотиться. А тяга ничего. В 58 лошадиных сил тяга!

Привет Лене.

Целую, жду.

Ю. Казаков
Таруса. 11 апреля 63.

* * *

Дорогой Юра!

Как там в Москве и что нового, интересного такого? Как твоя охота?

Я тут охотился один раз, стрелял раз 15, убил 2 фазанов и пощекотал слегка шакала. Я думал сперва, что лиса (она, т.е. он — зверь — на меня набежал), а у меня в стволах фазанья дробь (№ 6) я не выдержал и шарахнул. А он перекувырнулся и деру. Фазаны это сказка. Взлетает так же как тетерев с громом, но зато красота! Я потому двух убил, что они взлетают почти всегда сбоку или сзади. Ты бы со своим псом наколотил бы столько, что и не донес бы. Там за ними с машин охотятся, из «Газиков». Стрелок сидит рядом с шофером, ветровое стекло поднимают и медленно едут по кустам.

Это на берегу Сыр-Дарьи. Рыбы там уйма, сазаны, лещи и прочая благодать, только были мы там всего одну ночь и день.

Слушай, если увидишь Жору Садовникова[17], скажи ему, что о долге своем я помню, отдам в январе. Пусть он мне напишет, я м. б. ему пришлю отсюда, пусть сообщит свой теперешний адрес.

А ты «Москвича» купил?

А по зайцам ездил?

Все сижу за переводом романа, кончу числу к 10 января. Заеду потом в Аральск на недельку и домой. Напиши мне! Привет Леночке, и всем домашним.

Алма-Ата.

Ю. Казаков
16. 11. 64

* * *

Милый Юра!

Ты не только не опоздал с письмом, но я еще пробуду здесь с месяц. Роман я закончу довольно скоро, да потом приедет мама, мы поживем здесь немного, просто так, ничего не делая, а потом махнем в Аральск, поглядеть на настоящую Азию. А то здесь — как у Хемингуэя. Горы, солнце, елки, горная речушка. Пахнет весной, да и мало сказать «пахнет» — просто настоя-

[17] Садовников Георгий Михайлович (род. 1932) — прозаик, кинодраматург.

щая весна. Как у нас перед ледоходом. Дроздов много. Дрозды жирные. Есть черные — большинство, — но попадаются и серые. Глядя на них, я каждый раз вздрагиваю и хватаюсь за несуществующий приклад ружья. Ел ли ты когда-нибудь жареных дроздов?

Все бы отлично, да вот с правами у меня дело швах. Тут казахи было ретиво взялись за мои права. Все было на мази. Т. е. мне был обещан мягкий экзамен в ГАИ и торжественное вручение прав. Но потом вопрос уперся в прописку, и я уж не знаю, что будет. Я ведь документы свои, т. е. медицинскую справку затребовал из Москвы. Там-то хоть я мог сдавать экзамены. А теперь в Москве я и этого лишен. Придется, видимо, по приезде поступать на твои иностранные курсы. Вот беда нам с этими правами.

Если б ты знал, как мне охота домой, в Россию. И поездить на машинке. Слава богу, она у меня в гараже, в тепле и покое. Но я уж не буду таким дураком, как в прошлом году. Весной меня приглашают в Англию. Так вот, я и в Англию не поеду, пока не сдам на права.

Поохотиться — это было бы славно. Да мы еще м. б. и рыбки половим, съездим. Вообще-то я хочу забиться в Тарусу. Потому что в Москве работать не по мне, а работать очень охота. У меня ведь не окончен северный дневник и повесть. Вот какие дела.

С Нового года я не пью совсем, и неохота. Очень хорошо себя чувствую, лазию по горам, поглядывая на сорок и дроздов. На охоту я так больше и не ездил. Мне было устроили охоту в заповеднике. Да на мою беду за три дня до меня приехал туда охотиться Пред.Сов.мина — а там ему что-то мало попалось. Он и сказал, что это такое, если даже в заповеднике не поохотишься как следует. Не пускать никого и даже меня в течение года! И охотка моя сорвалась.

Писатели тут живут очень здорово. У всех громадные квартиры. Я бы тут имел не менее четырехкомнатной. И писатели запросто ходят к Первому секретарю ЦК и вообще в ЦК и в Верховный совет, и в Совет министров.

Живу я теперь не в доме отдыха, а в санатории. Это тут же, только повыше в горах. Порядки тут зверские. Разные процедуры, режим и прочее. Все бы ничего, да мешают работе. Только распишешься, заходит сестра: просим на циркулярный душ. Или массаж. Или хвойные ванны. Сбивают, понимаешь, настроение. Но все-таки работенка двигается и уже конец маячит. Как ни говори, а 15 листов для меня много. Я же рассказчик! А тут сразу такой роман. Я в нем и плаваю, как г. в проруби. Но ничего, казахи довольны, говорят, что перевожу я гениально. А я сам не знаю. Навряд ли.

Спасибо за адрес Жоры Садовникова — завтра я получаю деньги и сразу же пошлю ему.

Будь здоров, милый, поцелуй Леночку, привет папе и маме! Напиши мне о новостях, а то я тут одичал совсем. Адрес мой такой: Алма-Ата, 20, Санаторий Совета Министров Казахской ССР. — Понял? Попробуй-ка ты в Москве устроиться в санаторий в Барвиху. Так-то. Целую. Пиши.

Алма-Ата. 26. 1. 65

P. S. Привет Жене Евтушенко. Вышла ли у него в «Юности» поэма, и что говорят о ней в Москве? Обидно будет, если она не придется.

Ю. Казаков.

* * *

Юра! Где ты? М. б. в Крыму? А м. б. вернулся? Я все это время, т. е. с 1 сентября в Друскининкае. Неделю пробыл на Валдае. Хорошо ловилось по 30-40 штук, причем попадалась плотва по 350 граммов. Не забывай, что у меня есть два варианта насчет охоты — один подо Ржевом и другой — на Рыбинском море. Что новенького в Москве? Напиши, пожалуйста, как поживаешь, как ведет себя машина? Я сюда приехал на «Запорожце». Здорово здесь, но я живу однообразно — работаю. Всего доброго, обнимаю!

Леночке — поцелуй!

P.S. Хорошая была на тебя пародия в Л.Р.

Здесь ловят грандиозную рыбу в Немане, леща по 5 кг. Был ли ты в Крыму, как хотел?

Я приеду числа 15-го октября.

Ю. Казаков

Литва, 27 сен. 1965

* * *

Абрамцево, 7 дек. 68 г.

Поросята вы эдакие! Адреса-то своего вы мне так и не дали! Склероз вас заел! Не надо пить с Таней Самойловой[18]. Не надо быть снобами. (Кстати, чтоб вы знали, сноб — это не человек, который к другим относится с пренебрежением, а сноб — тот, кто водится только со знаменитостями, это в точном первоначальном смысле.)

Итак, долой Самойлову, да здравствует Казаков!

Тут зима. Тут живет Галя. Одна. А? И я один. А?

Шим написал гениальную пьесу и гениальную повесть. Он в этом уверен.

А я еще не написал бездарного сценария. И я в этом тоже уверен. Я сижу дома в меховых чулках. Ружье мое бьет изумительно. С сорока-пятидесяти шагов кладу сойку или сороку бездвижно. То есть после выстрела они падают, как камень, не трепыхнувшись. Потом я их обдираю, даю Ваське, и он воет, бегает по всем углам и никак не может спрятаться со своим сокровищем, то есть это ему кажется, что не может.

Купил ли ты гордона или ирландца, или как его еще там?

Езжу на машине гулять. Она у меня фырчит, зад у нее засыпан снежной изморозью, печка греет. Куплю радио, тогда совсем будет серенада в солнечной долине. Два раза ходил на лыжах. Воспитываю в себе вкус к одиночеству (как Шим[19]). Это нам всем предстоит. И надо заранее готовиться.

Читал ли ты Лихоносова[20]? Этот глухой пень дает нам всем прос...ся (Лена, не читай этого слова!). Это Шопен в прозе.

---

[18] Самойлова Татьяна Евгеньевна (род. 1934) — знаменитая актриса, народная артистка России.

[19] Шим Эдуард Юрьевич (1930–2007) — прозаик, драматург.

[20] Лихоносов Виктор Иванович (род. 1936) — прозаик; видимо, речь идет о повести «На улице Широкой», опубликованной в журнале «Новый мир» в 1968 году.

Вот так, а вы там ходите по ЦДЛ, а потом стучите кулаком по столу, действуя на нервы жене и гостям.

А читал ли ты Камю — «Чужой»? Если нет, то не надо, я глянул, — Нора Даль по-бабски и пискляво перевела эту загадочную и могучую вещь, я тебе дам в переводе Адамовича.

Пиши мне, хоть ты и бездарен в письмах, как Бунин.

На зайцев я, наверное, не пойду, подсыпало еще снегу, и теперь в лесу не побегаешь, снегу почти по колено.

Лена, у меня давнишняя склонность к полигамии, так что если Семенов будет еще стучать кулаками, прибегай ко мне, места хватит, будем жить дружно. У Нурпеисова старшая жена называется байбише, младшая — токал. Ты будешь токал, хорошо? (Это место Юрка пусть не читает, а то он зарядит свой боксфлит картечью...)

Чиф[21] все умнеет, и я даже начинаю его стесняться.

15 янв. я уезжаю в Лондон на полтора месяца. Королева, ребята, меня пригласила, ее величество. Лондон — это прекрасно, но мой визит к королеве подвергает меня в мерихлюндию — никогда не разговаривал с королевами. Завтра вот надо ехать в ЦК... (Только это между нами.)

Воробьи мои, нажравшись пшенки, воображают, что уже весна, и начинают драться и яростно чирикать.

Посылаю вам фотографию, ради которой, собственно, я и написал вам все эти глупости. Целую вас и прошу — пишите! Лена, напиши, как ты меня любишь.

Будьте здоровы и богом хранимы, ребятишки. Остаюсь весь ваш,

Ю. Казаков

* * *

Любезный барон!

Заяц трепаться не любит — сказано — сделано!

Это я к тому, что, помнишь, ты неоднократно причмокивал от мысли, что найти бы охотника, который бы держал у себя нашего гончака, а мы бы к нему наезжали по осени, по первому полю.

Так вот такого охотника я нашел.

Теперь весь вопрос упирается в щенка. Щенок нужен, как сам понимаешь, от наилучших родителей, какие только найдутся в Москве. По всем статьям сейчас наилучшей считается англо-русская гончая. Так что щенка нужно непременно англо-русского. И еще одно: сучку не надо, только кобелька.

Понял, ваше сиятельство?

Так что — действуй! Садись к телефону и звони во все концы. Гусеву не звони, я ему написал — если он найдет нам что-нибудь, мы тогда поглядим, что лучше. Я хочу, понимаешь, чтоб у нас был выбор. Благословляю!

М. быть, лучше взять щенка в госпитомнике?

---

[21] Чиф — собака Ю. Казакова.

Ты представляешь, к будущей охоте у нас будет в Абрамцеве прекрасный пес! Да мы с ним тут всех зайцев побьем, в Переславль поедем, под Загорск и т. п.

А зайца тут пропасть — сплошные тропы, полно следов, полно следов в самом поселке, у меня на участке следы, я даже побаиваюсь за свои молоденькие яблоньки, хоть в тулупе выходи на ночь сторожить.

Получил ли ты мое письмо с фотографией? Почему молчишь?

Ай, ваше благородие, подумай насчет Нового года! А то ведь я тебя знаю, кончится дело тем, что ты закажешь столик в ЦДЛ, надерешься там, как свинья, и будешь целоваться с Фирсовым[22], вместо того чтобы целоваться со мной и Васей Росляковым[23].

Барон! Объясни мне, почему, если кухарка выходит замуж за барона, она становится баронессой, а если кучер женится на баронессе, то он так и остается кучером? И дети его — кучерята?

Ее светлости, Леночке, целую ручки. Даже не целую, а — цалую!

А тебя, цыганский барон, небрежно чмокаю в прищуренный левый глаз. А впрочем, честь имею пребыть и проч.

Вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Ю. Казаков

В «Русской старине», которую я сейчас усердно читаю, есть одно любопытное всеподданнейшее письмо бедного дворянчика, погрязшего в нищете и обремененного огромным семейством. На сем прошении всемилостивейше начертано: «Пусть терпит».

Пиши мне. Как только застолбишь щенка — телеграфируй, мы с охотником немедленно приедем.

У меня в парке теперь птиц — как у Шима! Сейчас завожу машину и еду за пшеном.

Абрамцево, 20 дек. 68 г.

* * *

Милый, милый Юрочка! Из похвальбы Кожевникова перед 5000 иностранных корреспондентов я узнал, что у тебя в «Знамени» скоро выходит повесть[24]. Молодец! Один ты блюдешь и пасешь отечественную нашу литературу, и мне приятно представлять, как ты пишешь своим ровным почерком страницу за страницей, а Лена потом перепечатывает, и сначала испытываете удовольствие только вы вдвоем, а потом, при посредстве Кожевникова, и мы все.

Зато я вдосталь напитался горами, санаторием, казахскими героями и героинями и скоро, скоро поеду домой и опять засяду в Абрамцево и буду прислушиваться и поглядывать в окно, не прошуршит ли твой Москвич

---

[22] Фирсов Владимир Иванович — поэт, учился в Литературном институте на одном курсе с Георгием Семеновым.

[23] Росляков Василий (1921–1991) — критик, прозаик, фронтовик — друг Ю. Казакова.

[24] Речь идет о повести «К зиме, минуя осень».

слоновой кости. Но ты, наверное, редко теперь будешь посещать наши бедные края и нас с Голубковым...[25]

Зима прошла, как сон, и тут уже, как у нас в мае, отошли подснежники, скоро зацветут тюльпаны — жарко, работать не хочется. Хочется пить холодное шампанское и говорить, как Евтушенко, — прощайте, прощайте, приходите целоваться ко мне на могилку!

Охота весенняя опять накрылась, ружья долой, да здравствуют судаки!

Ты, небось, думаешь, что я заканчиваю последнюю часть трилогии, и прощай Казахстан и Нурпеисов? Нет, мой милый, эти оба понятия беспредельны и бесконечны, и мы уже вдвоем с режиссером летом засаживаемся за работу над двухсерийным фильмом по трилогии. Так-то вот, это тебе не какой-нибудь грузин, которого ты перевел в мгновенье ока. Это, брат, дело фундаментальное.

Сижу я сейчас без копейки, как в 1953—1954 годах, когда еще не печатался, а учился в институте. Не одолжишь ли от щедрот твоих под трилогию? Под фильм? А? Я серьезно — с весны мне надо браться за ремонт дома, а деньги начнут валом валить только осенью.

В самом деле, где ты будешь проводить лето? В Абрамцеве? Или на колесах? Или м. б. ты уже купил себе усадьбу где-нибудь?

Напиши мне на Абрамцево, сюда не успеешь, я тут до 31 марта — очень мне будет радостно получить, приехав, письмо от тебя.

Новостей у меня никаких, кроме того, что я Дантовский лауреат и весной-летом поеду в Италию за премией. Ну да это не новость. Все остальное по-старому.

Я не пью, а папахен мой бросил курить, — с возрастом, как видишь, мы исправляемся.

Я было хотел остаться здесь насовсем, а дом продать, да теперь как-то раздумался, не знаю, как быть.

Я бы тебе давно написал, да твоего адреса не было под рукой, а в Алма-Ату я не спускался (санаторий в горах), а вот позавчера был, и в справочнике твой адрес узнал. И пишу.

Будь счастлив, милый, обнимаю. Лене целую ручку.

Твой Ю. Казаков. 28 марта 71 г.

* * *

14.XI.72. Гагра.

Дорогой Юра!

Идем по вашим стопам, и вот ноябрь, а мы — в Гагре, как и вы два года назад. Погода здесь такая — семьдесят процентов солнечных дней, тридцать — пасмурных. Купаемся в море, ездим иногда в разные злачные места. Удовольствие небольшое, но все-таки. Кроме того, пьем чудесный кофе, который теперь готовит во всей Гагре один только кофевар.

Пробудем здесь до декабря, даже если будет плохая погода, потому что у нас в Абрамцеве еще хуже...

---

[25] Голубков Дмитрий Николаевич (1930—1972) — прозаик, поэт.

О Голубкове знаем. Эта смерть меня просто убила и повергла в транс[26]. Не будь тут Тамары[27], я наревелся бы до чертиков и рыдал бы не переставая. Странно, не был он мне другом, а вот горюю больше даже, чем если бы погиб друг... М. б. потому, что был он мне сосед? И как-то без него для меня Абрамцево осиротело.

Рассказ твой прочел, очень хорошо. За упоминание о писателе Ю. Казакове — спасибо[28].

Здесь жил Евтушенко, как всегда трагичен и бодр одновременно, написал про меня стих, о том как я его тащу из болота[29]. Мне становится стыдно, хочется всех вас любить и писать больше и лучше, чтобы оправдать добрые слова обо мне.

Загляни кстати в 11 номер «Нашего современника» — авось, понравится.

Ну будь здоров, целую, напиши мне в Гагру. Тамара кланяется и посылает вырезку из газеты, кот. она тут читает.

Леночке привет. Не поминай лихом, а я вас люблю. Ю.К.

* * *

Дорогие мои Юрочка и Леночка!

С новым годом! С новыми литературными успехами!

Как вы и что вы — ничего не знаю, ибо живу в лесу. Знаю только, что ты, Юра, накатал и опубликовал здоровый роман[30]. Но так как «Новый мир» не выписываю, то...

Еду скоро в Ленинград, Архангельск, Нарьян-Мар, а потом в Дубулты.

Будьте здоровы, не забывайте. Целую.

Ю. Казаков

5 мая 77 г.

* * *

Дорогой Юра!

Во-первых, большое тебе спасибо за участие в моей госпитализации! Авось, с твоей легкой руки я тут пойду на поправку.

---

[26] Голубков покончил с собой, застрелился. В 1977 году Юрий Казаков опубликовал рассказ «Во сне ты горько плакал», где размышляет и об этом событии.

[27] Тамара — жена Ю. Казакова.

[28] Рассказ «Голубой дым»: *В ненастные дни Танечка забиралась с ногами под серое одеяло и, насупившись, читала рассказы Юрия Казакова. Их легко было читать, но так же легко можно было уйти от них и в бездумье парить в музыке, оставшейся в душе.*

[29] Стихи Евтушенко «Долгие крики» — так называлась переправа на Севере, когда они охотились там.

[30] Роман «Вольная натаска» опубликован в «Новом мире» (№ 9—10 за 1976 год).

Мне Наташа[31] сказала твой дачный телефон, но я так и не добился до коммутатора.

Ну, я тут живу, лечусь, собираюсь нечто написать, да все не с руки — много очень процедур и разных анализов, порою мучительных.

Мою дачу опять грабанули, не знаю, что взяли (я там не был), но зато знаю, что украли мой славный «Зимсон», с которым так много связано, который немало породил рассказов и очерков, произвел немало хороших выстрелов, и у колыбели покупки которого стоял опять же ты — 20 лет назад!

Вот такие грустные дела, словом.

Юрочка, вот у меня к тебе просьбы:

а) тебе позвонит Анатолий (мой двоюродный брат), подскажи ему, где купить эти железные скрепки на угол стекла, и потом, где заказать или опять же купить болты на колеса, которые не отворачиваются? И каким образом достать замок зажигания? Посоветуй, пожалуйста!

б) Пришли мне телефон и адрес, и имя-отчество врача — зубного протезиста, его бумажка у меня куда-то задевалась, а мне горько надо.

За зайцами не собираешься? М. б. съездишь в то охотхозяйство, где мы с тобой шикарно поохотились в ноябре 63, когда убили Кеннеди? Это так близко.

...Ну, Господь с тобой! Слышу, что ты вовсю работаешь и — радуюсь.

Леночке самый нежный привет.

14 ноября 82 г.

Ю. Казаков

Мой адрес пока: 143420, Моск. обл. Красногорский р-н, п/о. Архангельское, 3 ЦКВГ, 10 отд., 823 палата.

Как тебе нравится название: «Послушай! Не идет ли дождь?»

P. S. Вот черт, перечитал фразу, и вышло, что мы с тобой убили Кеннеди. Что значит — давно не брать шашек в руки.

Подготовка текста, комментарий, публикация

Елены Семеновой

[31] Наташа — дочь Георгия и Елены Семеновых, психолог Наталья Лусканова.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И КРИТИКА

(Четвертый квартал 2007 г.)

1. Художественная проза

А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»

Повесть «Маргара, или Расстреляйте меня на рассвете» («Дружба народов», № 11) оказалась одной из последних прижизненных публикаций **Анатолия Азольского** (1930–2008). Писатель рассказал характерную для него историю о лабиринтах советской жизни, о простых людях, которые ищут свое контрабандное счастье в обход власти. Власть эта уже не смертельно опасна, на дворе середина 60-х. Но испортить жизнь человеку она может. Особенно если герой — простой московский инженер режимного НИИ — вдруг случайно столкнется с госсекретами, разгадает несколько шпионских тайн, вступит в контакт с опасными их носителями. Не одобряет герой этих агентов властей и малость даже жалеет тех, кто позволил завлечь себя в шпионскую службу: *...я вынес горькое впечатление о величии той швали, что бегала по континентам, вынюхивая и выспрашивая: они — талантливые артисты и мошенники! Они — ряженые, балаганные шуты и притворы, базарные прохиндеи, мнящие себя властителями мира.* Сам-то инженер пытается фатум вмененной властью судьбы победить, и небезуспешно. И даже спасает однажды человека. Но вот вокруг него зияет какое-то выжженное советским солнцем пространство беды. Пространство поражения. Да, так: *Жизнь унизительно коротка, и удлиняют, обогащают ее не радости, а несчастья, беды, катастрофы, воспоминания о них воскрешают прошлое, былые чувства, и стискивается сердце в упоительной печали.*

К лучшей прозе сезона нужно отнести **роман Романа Сенчина «Лед под ногами»** («Знамя», № 12). Уже не первое десятилетие популярным героем в современной прозе остается человек, потерявшийся в жизни, заблудившийся в ее лабиринте. Как правило, это нечуждый самокритической рефлексии мужчина-горожанин с напрочь отсутствующим социальным темпераментом, запутанной личной жизнью, брошенными-забытыми женой-детьми и хилыми творческими потугами, лишенными приметного результата... Чащин в романе Сенчина приехал из провинции, чтобы покорить Москву — столицу новой петроимперии. Но в итоге подчинился банальной круговерти существования с офисными заботами и убогими развлечениями в часы досуга. Точнее, он не может и не хочет адаптироваться до конца, насладиться жизнью без угрызений совести. Он осознает вымороченность, искусственность, бездарность своего бытия; пытается вернуться к творчеству, но ему не хватает сил перебороть власть среды и эпохи. Сенчин довольно тонко прописывает и исчерпанность романтизма, который с течением лет начинает все больше походить на дешевую позу; и искушение комфортом, ха-

рактерное для нашей изобильной благами эпохи нефтетрафика; и вымороченность актуальной политики. В романе остро проявлено переживание неподлинности бытия, которое вообще является едва ли не основой экзистенциального опыта писателя. Он знает, как нельзя жить. Его аутсайдинг все менее компромиссен. Но он не находит героев, способных соединить внутреннюю значительность с успешной социальной активностью.

Гораздо менее членоразделен близкий по типу к Чащину и череде прочих «лишних людей нашего времени» герой **романа** культурного беллетриста **Глеба Шульпякова «Цунами»** («Новый мир», № 10–11; журнальный вариант) — социальный паразит гламурной эпохи с неопределенными амбициями и мутными культурными запросами. Шульпяков обильно цитирует смысловые и композиционные ходы отечественной и западной прозы такого рода. Драма судьбы и поколения у этого автора, пожалуй, смазана квазидетективными эффектами. Бесплодно и бессмысленно герой прошутил молодость, выпавшую на постсоветское время. Случай (цунами в Таиланде) предоставляет ему возможность избавиться от обременений жизни прежней и, оставив жену, зажить другой жизнью, с новыми документами, — разумеется, не бедняком где-нибудь в Весьюганске, а богатым москвичом с квартирой в центре столицы, деньгами и любовницами. Натурально, герою все это не по нраву, он кривит губу и морщит нос, предаваясь тем временем от огромной скуки, от полной безответственности и абсолютной бессмысленности своего существования всяким скоромным забавам. Автор герою, кажется, сочувствует, хотя — к чему бы? Ввиду общей тоскливости и невразумительности рассказываемой истории эстету Шульпякову приходится развлекать читателя фривольными деталями и подробностями то эротического, то политического свойства. Заметим, что роман Анатолия Курчаткина, опубликованный год назад в «Знамени» и имеющий в точности такое же название, пожалуй, во многом выигрывает у прозы Шульпякова.

Плейбоистый герой нового **романа Александра Мелихова «При свете мрака»** («Новый мир», № 12), немало мудрствуя лукаво, все-таки в основном и прежде всего делит свою жизнь на главы встречами-романами с женщинами. Живописные перипетии богатой интимной жизни, лишенной, увы, иного содержания, если не считать праздно-тщетных рассуждений о жизни и грезах.

В «Нашем современнике» большая форма представлена двумя романами.

Александр Сегень в **романе «Расстрел»** («НС», № 11–12; журнальный вариант) представил беллетризированную хронику октябрьских событий в Москве 1917 года. Получилось легкое в чтении художественное обозрение с сильной симпатией к противникам большевиков.

А **Александр Проханов** вышел к читателю с **романом «Экстремист»** («НС», № 9–10; журнальный вариант романа **«Имперская кристаллография»**). Об этой любопытной вещи см. подробнее статью в этом номере.

Екатеринбуржец **Валерий Исхаков** в **романе «Призрак автора»** («Дружба народов», № 10–11) затеял забавную игру в театр. Писатель Самострелов, далекий от кулис и закулисья человек, однажды попадает в мир театра, в некий «Вечный театр» (ВТ). В этом театре живут и играют давно умершие гении и таланты. К примеру, двойной юбилей (40 лет со дня рождения и

90 лет на сцене ВТ) отмечает ведущая актриса Елизавета Воронцова-Вульф. Но ВТ — это и «Волшебный театр», тут в афише всегда *новые пьесы Шекспира, Лопе де Вега, Шиллера, Мольера, Чехова... И все это играется в таких звездных составах, что и помыслить нельзя! Мочалов, Щепкин, Сальвини, Сара Бернар, Комиссаржевская <...> А представляете: Мольер играет Мольера в пьесе Булгакова...* Пожалуй, Исхаков забалтывается и явно теряет темп. Неглубокая, но не лишенная остроумия, богатая выдумками вещь.

Среди **рассказов** сезона нужно отметить **«Запах оружия» Дмитрия Новикова** («Новый мир», № 10). Новиков пишет густо, ярко, концентрированно, создавая смысл по логике ассоциаций. Из пронзительных фрагментов складывается некое единство, развешенные по стенам ружья дружно стреляют в финале. Однако сгустки семейной памяти, застрявшие в душе, в критический момент не позволяют герою стать убийцей. Катарсическая проза.

В новых **рассказах Александра Иличевского** (**«Штурм»** и **«Улыбнись»** — «Новый мир», № 12; **«Дизель»** — «Октябрь», № 10) самое яркое и впечатляющее — картины знойного юга, прикаспийского и причерноморского. Полный странных пульсаций мир природы, мир первобытных людей, которые живут хищно и безгрешно, как звери или птицы, — просто какой-то особой породы. Патологическое отсутствие в прозе Иличевского духовного измерения отчасти компенсируется дикой прелестью его описаний, имитирующих романтическое волхвование в манере, напоминающей иногда раннего Горького, с примесью лермонтовской «Тамани».

Опыт **Олега Зоберна** локальнее, а потому новые его **рассказы** (**«Кунцевская патриархия»** — «Новый мир», № 12; **«Кола для умных»** — «Знамя», № 12) вообще-то скучнее, чем тексты Иличевского. Но Зоберн лишен способности наслаждаться самим фактом физического бытия его героев. Он пытается найти какой-то смысл в нелепой мелочности их обихода. Вот герой обиделся на неприятный мир и решил изменить Богу с дьяволом. Но вдохновения не хватило, а попутно еще и бомж попался, замерзающий на скамейке, — ну как не перенести его в подъезд, чтоб не околел?.. Другой персонаж редактирует, точнее, пересказывает тексты детской писательницы начала XX века Лидии Чарской для современного издательства, но способен и о космосе подумать, хотя и довольно нечленораздельно. Может быть, это уже какой-то героизм... Бедноватые духовные контексты Зоберна радуют искренним свидетельством о неподдельной детскости опыта его вполне взрослых, на первый взгляд, персонажей.

Житейски бездарного молодого героя изобразила **Наталья Ключарева** в **рассказе «Один год в Раю»** («Новый мир», № 11). Но ее невнятный персонаж от пустоты своей жизни ищет какой-то содержательности в воспоминаниях о войне и о погибшем деде. Он пускается в странствие, которое заводит его в смоленскую деревушку Рай. Случайно купив здесь дом за ящик водки, герой потом случайно же и поселяется здесь, довольно пассивно наблюдая тутошнее оскудение жизни и буквальное вымирание поселения. Дед когда-то отстоял эту землю от завоевателей, а теперь она вроде бы никому и не нужна. В общем, как-то не очень успешно герой осел на почве, да и есть ли она, эта почва?

Вымысел Ключаревой рифмуется с новыми автобиографическими **заметками** известного врача из Тарусы **Максима Осипова «Грех жаловаться»** («Знамя», № 12) — предметными, по-медицински точными диагностическими наблюдениями над провинциальным запустеньем. Нарастающий хаос души и жизни простого человека увиден глазами перебравшегося в райцентр москвича. ...*Главное, что отравляет жизнь провинциала,— безысходность. Вид за окном останется неизменным до конца твоих дней, известно место на кладбище, где будешь лежать, исхода нет. Не попробовав жизни в большом городе, утешения в этом постоянстве не найти. Хорошо еще, что исчезли похоронные процессии, так пугавшие в детстве: открытый гроб несут через город, духовики фальшиво играют Шопена. Переезд из провинции в Москву — дело как будто естественное и правильное и носит массовый характер: у нас в городе почти нет людей от двадцати до сорока, кроме тех, кто стоит с пивом посреди улицы. Переезд же из Москвы в провинцию, напротив, индивидуален, плохо воспроизводим, в этом его дефект, если взглянуть на дело глазами западного человека, для которого воспроизводимость — главное доказательство бытия, а маргинал — чаще всего неудачник. Взгляд на Москву снаружи выхватывает всякие мелочи: по мере приближения к ней расстояние от дороги, на которое мужчины отходят помочиться, становится все меньше...* Но сам Осипов — герой совсем другого плана; герой, бросающий вызов упадку и моральной деградации общества.

Леонид Бородин в **рассказе «До рассвета»** («Москва», № 12) представил немолодого героя-филолога, который всю ночь мается, бродит по городу, чуть не бредит, а в финале оказывается, что это неспроста: обманули простака нечестные риэлторы и нет у него теперь ни квартиры, ни денег...

Евгений Шкловский в новых **рассказах** («Дружба народов», № 12) дает в своей привычной акварельной манере эскиз какого-нибудь житейско-психологического курьеза, влекущего за собой анекдотические (но притом банальные) последствия. Отсутствие пафоса как залог достоверности.

В **рассказе «Полет шмеля»** («Новый мир», № 11) **Олеся Николаева** снова, как во многих своих вещах, завязывает интригу вокруг удачно купленного когда-то дома в некоем городке Троицке. Рассказчица на сей раз фокусирует внимание на местной жительнице Шурке, подрядившейся держать дом и сад в порядке в отсутствие хозяев. Очень хороша и удобна Шурка, проста, богобоязненна и даже мила невероятно, что в совокупности рассказчицу весьма и весьма умиляет. Но вот умирает эта Шурка, и приходит дом в упадок... Однако даже с того света она шлет некую весточку, предостерегая хозяйку от оплошности. Православный сентиментализм.

Среди повестей сезона рядом можно поставить прозу Ирины Мамаевой и **Бориса Минаева**. Минаев в **повести «Ошибка доктора Левина»** («Октябрь», № 11) вывел 45-летнего врача-психолога Льва Левина, консультирующего родителей, дети которых имеют психологические проблемы. Но Левину интереснее взрослые, он вступает с ними (прежде всего с матерями, женщинами) в сложные и тонкие отношения, о которых Минаев со всей тщательностью и повествует. В конце концов, однако, обнаруживается, что консультации его на самом деле никому не нужны. А **Ирина Мамаева** в **повести «С дебильным лицом»** («Дружба народов», № 12) умно и тонко

рассказывает о женском одиночестве. Эмансипированные горожанки, дожив до тридцати, обнаруживают, что более никому не нужны. Как же им быть?.. Трогательное, сентиментальное повествование.

«Концерт для рецензий» Елены Шварц («Знамя», № 10) — с изыском написанная **повесть** о странном питерце, маргинале сталинских времен. Иван Иваныч Семеркин легко поддается творческому зуду и на все явления жизни пишет рецензии. Наиболее живописна та часть, в которой рассказано, как Семеркин работал литературным секретарем у советской литературной львицы.

Повесть Маргариты Хемлин «Про Иосифа» («Знамя», № 10) — живописно запутанная семейная еврейская история. Умелая беллетристика о душных страстях советских обывателей.

Александр Хургин в объемной бытоописательного свойства **повести «Целующиеся с куклой»** («Октябрь», № 10) изобразил двух странноватых братьев-евреев, жизнь которых богата превратностями. Один уезжает в эмиграцию в Германию, другой остается...

Валерий Осинский в **повести «Чужой сын»** («Москва», № 12) предложил довольно небрежный набросок на тему всяких-разных любовных перипетий, но кульминацией становится история о фактическом усыновлении героем мальчика, ставшего инвалидом, — жертве Приднестровского междоусобья. Увы, этот сюжет изложен автором крайне путано и скудно, да и вообще Осинский плохо отличает главное от второстепенного и пытается компенсировать композиционные провалы щеголеватостью слога.

Текст **Светланы Чураевой «Ниже неба»** («Дружба народов», № 10) имеет подзаголовок «*Акварели*» и представляет собой лирико-патетическое жизнеописание первого башкирского художника Касима Девлеткильдеева. *Память нужна живым, и никто не скажет, знает ли летящий по ветреному небу чернявый мальчик о том, что на уфимском мусульманском кладбище в яме лежит засыпанный землей камень. На котором уже не прочесть надпись: «Художник Касим Девлеткильдеев (1887—1947)». Он уже прожил свой миг. И оставил его нам. На тех картинах, что стоят лицом к стене в пыльных комнатах музея. Мы можем заглянуть в них и прожить этот миг — движение от тьмы к свету. Миг Искусства. Миг до вечности, миг после вечности — миг смерти, миг рождения. Миг одиночества. Жизнь.*

ВОСПОМИНАНИЯ

Поэт **Бахыт Кенжеев** (**«Из Книги счастья. Вольная проза»** — «Новый мир», № 11) вспоминает московское детство в середине XX века, любовно перебирая детали тогдашней жизни: вещи, слова, фактуру повседневности. Вперемешку он весьма занимательно рассуждает о призвании поэта, о том, как становятся поэтом, какие бывают поэты и проч. Правда, два эти плана повествования практически не связаны между собой, но что в этом удивительного? Сказано ж — «*вольная проза*».

О старой московской жизни в районе Большой Пироговской вспоминает и другой поэт, **Юрий Ряшенцев** (**«А песня-то была веселая...»** — «Знамя», № 10). А также — о вхождении своем в литературу, о журнале «Юность» времен его расцвета, о Тбилиси как мекке советских литераторов... Все вразнобой, но много замечательного.

А **Зиновий Зиник** в **«Иерусалимском квартете»** («Знамя», № 11) рассказывает о русском Иерусалиме в лицах. И прежде всего — о покойном поэте Леониде Иоффе. Весьма любопытное размышление о парадоксе русского поэта в Израиле.

«Все, что называется биографией» московского писателя **Михаила Бутова** («Новый мир», № 12) — текст, производящий впечатление набросков к интеллектуальной биографии автора. Иногда получается интересно. Иногда не очень. Как-то вот так: *Если бы я не был начисто лишен способности к изображению предметов на плоскости, я бы с удовольствием писал картины — и это бы улучшало мое душевное состояние. Картины двух родов. Во-первых, лирические среднерусские пейзажи. Во-вторых, что-то вроде жанровых портретов в эдаком попсовом точном, даже слегка гиперреалистическом духе. Я вижу сюжеты для них всюду вокруг себя: «Мальчик, завязывающий кроссовку», «Девушка с Лотманом под мышкой», «Продавцы гербалайфа...». Вот сегодня, пока я ковылял по переходам метро, проклиная разболевшееся колено, попались сразу двое. Тетка — точно такой наружности, как все тетки, торгующие в метро, — продавала павлиньи перья. Не знаю, где она ободрала столько павлинов, но перьев у нее было не три и даже не десять, а здоровенный пучок, целая колонна, которую ей приходилось держать двумя руками. <...> А затем попался навстречу на эскалаторе человек с бас-балалайкой. <...> Сергей Костырко, когда предложил мне писать настоящие заметки, просил, чтобы в них присутствовала мысль. Но нужная мысль, в которой объединятся барабан и павлиньи перья, ко мне пока еще не слетела...*

Невымышленные рассказы **Зои Богуславской «Действующие лица: 1990-е—2000-е...»** («Октябрь», № 11) — цикл небезынтересных, подчас поверхностных, но богатых подробностями заметок (с элементом интервью) о людях искусства, чем-то близких автору. Это Любимов и Высоцкий, Рустам Хамдамов, Василий Аксенов, Олег Меньшиков...

«Рассказы старого книжника» Сергея Боровикова («Знамя», № 11) — колоритная россыпь историй о собирании книг в советские времена, об окололитературных нравах, интересных встречах, о писательских привилегиях, ныне кажущихся невероятными.

Дмитрий Сучков в **«Палатошных рассказках»** («Дружба народов», № 11) в анекдотической манере живописует мир глазами палаточного торговца 90-х годов. Люди, разговоры...

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Звезда», «Нева»

Трудновато справляется питерская проза с крупной формой. Хоть ты плачь, выходит она досадно неорганичной, — то романом именуется нарочито растянутая повесть (если не рассказ), то повестью — очевидная новелла. Мыслей романных, что ли, недостает прозаикам?.. Романная же мысль, как известно, к многомерности тяготеет, к некоей духовной объемности. Где же она, эта многоплановость плюс объемность?

А романа хочется.

Андрей Столяров довольно смело объявил ***романом*** свое повествование **«Маленькая Луна»** («Нева», № 11). Но вышло у Столярова некое вялое, аморфное сочинение, которое, попадись оно хорошему редактору, следовало бы ужать до размеров рассказа. Правда, рассказ все-таки требует какого-никакого действия, а тут и его как раз нет: выжми воду — и что в остатке? Слова, слова, слова. Живет в Ленинграде небездарный парень по имени Арик, со школьной скамьи мечтает он о неразгаданных тайнах мироздания и прочих любопытных предметах. Этой тягой к неведомому, хоть и чересчур абстрактному герой первым делом покоряет своего учителя физики, который озабочен сходными проблемами и в поисках их решения бесконечно бродит по загадочным, почти мистическим ленинградским улицам, пока однажды не исчезает в их бесконечности, как привидение. У парнишки меж тем гибнут в автокатастрофе родители, что как-то мало его трогает: не до того ему, ищущему смысл жизни. О исканиях же его рассказывается таким языком: *Будто высвеченная рентгеном, проступила из темноты таинственная механика бытия. Мерцали отдаленные смыслы, протягивались между ними ниточки соответствий, бесшумно, овеществляя грядущее, разворачивалась громадная вселенская закономерность, результатом которой был и он сам. Мы сделаны из пыли погасших звезд. Несколько дней он ходил потрясенный...* Словом, речь, как видим, идет о материях настолько возвышенных, что, кажется, еще чуть-чуть — и роман превратится в пародию. Герой меж тем любит одну женщину, но, по здравом размышлении, женится на другой. Рождение ребенка неведомого пола (непонятно, кстати, в курсе ли сам герой, сын у него родился или дочка) трогает Арика не больше, чем гибель родителей... Наконец, искания Арика завершаются триумфом: он изобретает искусственный мозг, точнее нечто, *поглощающее лучи и влияющее на энергию психики.* Разгадка тайны, терзавшая человечество столетиями, близка! Увы, увы, — прожорливый аморфный Гарольд (так названо это нечто, на вид омерзительное: перепончатое, кожистое, в буграх и вдобавок волосатое) убивает своего создателя. Втайне думается: и поделом, давно бы так! Далекий от проблем современной биофизики читатель с трудом постигнет, зачем юному дарованию понадобилось это чудище изобретать. Не плод ли перед нами явно нездорового воображения?

Несравненно более удачным представляется роман **Гоар Маркосян-Каспер «Пенелопа пускается в путь»** («Звезда», № 11), хотя трудно сказать, присутствует ли и в нем мысль именно романная. Перед нами типичный пример затягивающего в себя марсель-прустовского «потока сознания», прихотливого, гибкого, извилистого, переполненного причудливыми ассоциациями, философскими интенциями, искрометными прозрениями, наплывом воспоминаний и пр. и пр. Героиня — молодая армянка по имени Пенелопа путешествует по Германии и Италии, где обосновались по самым разным причинам ее бывшие соплеменники (чаще соплеменницы). Остроумная, едкая, зоркая, искренне, как принято в патриархальных армянских семьях, привязанная к многочисленной родне и неустанно пестующая всех, кто в ней нуждается, Пенелопа написана с явной авторской симпатией. Писательнице интересно смотреть на мир глазами героини, чьи вкусы и убеждения патриархальны и упрямо консервативны. Так, европейское искусство открывается ей как забавная мешанина экспериментаторства с традициона-

лизмом. С немалым изумлением смотрит она, например, постановку «Риголетто», где действие происходит на кладбище и среди надгробий прыгают полуголые девицы, которых время от времени вяло лапают персонажи-мужчины. Однако Европа манит Пенелопу какой-то удивительной гармоничностью в подходе к тому, что называется у нас клубком национальных проблем. Ведь для героини беды армянского народа — источник постоянной муки и горестных раздумий: *При Тигране Великом все народы вокруг были с гулькин нос, вот он и навоевал себе государство, но когда равновесие нарушилось... Никак не поймешь, почему армян так и осталось мало, а персов стало много?.. И почему вообще одни народы получаются малыми, а другие большими?..* Вот и ищет теперь близкую душу наша простодушно-мудрая Пенелопа, среди тех своих соотечественников, что населили нынче и Европу и Америку, и, оправдывая свое знаменитое имя, остается по-прежнему преданной и *верной* своей родной Армении.

От романов перейдем к прозе помельче.

«Черный с белым не бери, "да" и "нет" не говори» — так названа лирическая **повесть Дмитрия Григорьева** («Звезда», № 10). Это написанное в нежных пастельных тонах произведение — собственно, не повесть в привычном смысле слова, а некий ряд словно бы кинематографических наплывов, что-то вроде словесной анимации. Героиня повести — красивая юная женщина по имени Вера, чей дневник, толстая коричневая тетрадь, попадает на глаза рассказчику, тонкому психологу и эстету, который даже в цвете его видит некую символику: *коричневый — цвет прошлого.* Дневник — лекарство героини, ее психотерапевт, *она пишет словно кричит, вторя грохоту близкого поезда.* Из воспоминаний, из ассоциаций лепятся в повести лица дорогих Вере людей: матери, неверного возлюбленного — режиссера, снимающего не столько фильмы, сколько преследующие его видения... Старые, неясные черно-белые фотографии, воспоминания, звуки, наплывающие картины, — все в повести зыбко, текуче, все обволакивает героиню, вписывает ее в импрессионистическую неопределенность. Вера словно погружена в странно-символический мир, где подвижны и текучи и краски, и звуки, и чувства героев. В общем, вещь необычная, для чтения в силу этого трудноватая, но живописная и в своем роде органичная.

Яркая публикация сезона — **повесть Елены Михайловой «Пожар»** («Звезда», № 10). Основой сюжета служит тяжелейшая смертельная болезнь героини, а фоном — счастье жизни, которое с необычайной силой открывается ей именно в силу болезни. Атмосфера этого болезненного счастья, в полной мере доставшегося женщине, кочующей от одной операции к другой, шатающейся от слабости, с облысевшей после химиотерапии головой, в значительной степени создается тем, что автор опускает многие медицинские и бытовые подробности болезни. А началась эта болезнь — гибельный пожар, изнутри сжигающий теперь тело героини — в тот самый момент, когда, потрясенная, она увидела пламя пожара над Троицким собором. Трагическую тему смертельной болезни писательнице удалось поднять на экзистенциальный уровень. Героиню, словно крылья птицу, держат на земле любовь, тепло, сострадание, свет, великое искусство. Неожиданная, удивительно пронзительная повесть.

Другая талантливая публикация сезона — **рассказ Владимира Михеева «Вещь, во тьме приходящая»** («Звезда», № 12). Рассказ о сильной, сжигающей человека дотла любви, причем любви несчастной. Эту свою любовь герой, бирюк и молчальник, что было сил загнал внутрь. Потому что однажды, много лет назад, любимая его жена ему изменила и с тех пор он так и не изжил в душе ненависть и обиду, — даже смерть жены не примирила его с нею. И о силе его сжатой, как пружина, любви, давным-давно загнанной в подполье, но тоже так и не отпустившей его до самой смерти, говорит разве что смертельное его одиночество, остро ощущаемое им в выстуженном пустом доме. Михееву удалось передать сильно и точно — без малейшего налета сентиментальности передать эту трагедию человеческого одиночества. Причем невозможно даже сказать, характер ли героя тут всему виной, непомерная ли его гордыня, любовь ли, так и не смирившаяся с изменой, органическая ли неспособность простить и забыть. Потому что кто же может отыскать какой-то единый ключ к подобного рода человеческим загадкам?..

Близки новелле Михеева и короткие **рассказы Александра Севостьянова** (1941–2006), напечатанные в «Звезде» (№ 11) в разделе «Наши публикации». Рассказ **«Антоха»** — о деревенском бирюке, который, оставшись после развода один, встречает-таки — совершенно случайно — такую же одинокую и усталую душу: молодую женщину с больной дочерью. А ведь о женщинах он привык говорить пренебрежительно: «*Все они, бабы, одинаковы*». Своеобычен рассказ **«Там, за Миссисипи...»** Сквозь воспоминания героя-рассказчика о чудаковатом деревенском мужике, исчезнувшем незнамо куда на целых два года (не иначе как нечистая где-то носила), сквозь припоминающиеся ему разговоры деревенских жителей о том, нужен ли человеку Бог или нет и как приготовиться к смерти, в вере или безверии, сквозь воспоминания о том, как после чтения на детском утреннике «Смерти пионерки» Багрицкого он славословил Христа в день Его рождения, — сквозь все это высвечивается страстная, могучая потребность *верить во что-то одно*. Вот рассказчик думает о своих последних днях, точнее, предчувствует их. *Наверное, я буду уже старым, и потому можно будет сказать обо мне «старый дурак», но все равно, умирать надо в вере, и если я почувствую приближение смерти, сяду в поезд и поеду до станции Ново-Хоперск... Лягу на одном из таких бугров в траву навзничь и буду следить за жаворонком в небе, буду слушать далекую песню трактора и близкую — кузнечика, буду дышать полынью и зноем — и это будет моей последней молитвой. Умру — все это останется и будет по мне отпеванием.*

Для героя любопытной **повести Владимира Андреева «Паэлья»** («Звезда», № 10) это сложное испанское блюдо — не столько еда, сколько некий магический символ приобщения к мечте, к иной жизни, к необыкновенным ощущениям. Что-то вроде давнего желания заснуть в апельсиновой роще или спеть Годунова в Мариинском театре. Таким уж неугомоном он уродился — и штурманом служил, и телепередачи вел, и учителем работал, и переводчиком, и в Испании на ярмарке матрешками торговал, и певцом в джаз-клубе подрабатывал. Повесть расстилает перед нами причудливый узор из воспоминаний-ассоциаций героя, этого вечного странника, истинное наказание для которого — сидеть дома. Но по свету его гонит не только наша

отечественная грусть-тоска, но и рвущая душу потребность найти духовного наставника. В этих своих метаниях герой доходит почти до психического истощения, настолько близко к сердцу принимает те человеческие страдания, зрителем которых становится повсюду — даже в благословенной Испании. Слишком уж страшна и сложна оказывается открывшаяся ему, бедняку на чужбине, жизнь...

«М & М» — так называется **повесть Татьяны Янковской** («Нева», № 12). Название это расшифровывается так: Мара одна плюс Мара вторая. Героини-тезки — две бывшие россиянки, дамы энергичные и предприимчивые, уехавшие в Америку и вышедшие там замуж за двух бывших соотечественников. На этом сходство между ними кончается. Если муж первой Мары — типичный маменькин сынок, для которого жена, мечтающая о собственном ребенке, оказывается что-нибудь на двадцать третьем месте после сестер, братьев и племянников, то второй Маре везет больше. Хотя — как сказать. Ведь именно она смертельно заболевает и умирает на руках любящего мужа...

Замечателен умный, насыщенный массой интересных фактов **очерк** историка **Игоря Архипова «А. Ф. Керенский: Пьеро из революционной сказки»** («Звезда», № 11). Тема очерка — молниеносное превращение Керенского, этого незаурядного, талантливого человека, из кумира эпохи, «исторического чуда», в предмет злобных насмешек и ненависти. Автор приводит слова октябриста С. И. Шедловского: *В первые дни революции он оказался в своей тарелке, носился, повсюду произносил речи, полный добрых желаний, не различал дня от ночи, не спал, не ел и весьма быстро дошел до такого состояния, что падал в обморок, как только садился в кресло, и эти обмороки заменяли ему сон.* Однако вскоре, замечает Архипов, Керенский попал в плен собственных деклараций, не подтвержденных действиями. Выпущенные в сентябре 1917-го «керенки», суррогат казначейских билетов, призванных сгладить крах финансовой системы, окончательно дискредитировали его в глазах населения и сделали карикатурным персонажем. Жестокие строки Зинаиды Гиппиус:

Проклятой памяти безвольник,
И не герой — и не злодей,
Пьеро, болтун, порочный школьник,
Провинциальный лицедей —

как нельзя лучше передают отчаяние либеральной общественности, не простившей себе былого преклонения перед кумиром, с которым связывалось столько надежд.

Нудноватая, растянутая **повесть Сергея Дигурко «Песок и время»** («Нева», № 10) — пример произведения, жестко идеологически заданного, но для утепления конструкции пронизанного стихами в прозе. Стихи якобы сочиняет высокоположительный герой повести, советский офицер, выполняющий военную миссию в Ливане. Он вдохновенно читает Коран, а также предается размышлениям о духовности, вере и культуре. Повесть пронизана откровенной ностальгией по благословенным советским временам, когда именно в СССР царили *духовность, вера, культура*, ныне, после перестройки, уступившие место *ханжеству, лицемерию, тусовкам*. Почитаешь и аж

вздохнешь завистливо: в какой счастливой Аркадии жил автор прежде! В стране где не было разделения на бедных и богатых, успешных и неудачников, верующих и обывателей... Ведь это только в наше время, утверждается в повести, обрушились на людей эти напасти.

В *хрониках* **Дмитрия Каралиса «Частная жизнь начала века. Из дневников и путевых тетрадей. 2001—2004 годы»** («Нева», № 12) затронута любимая тема автора — поиски разбросанных по всему миру предков. Тут надо пояснить, что Каралис — происхождения румынско-молдавско-литовского. Худого в этих поисках, конечно, ничего нет, тем более что в предках у автора числятся главным образом *записанные в высший разряд российского дворянства* бояре и вообще высокородная знать. Чем автор простодушно, немножко по-детски гордится. Интересно, что этот литератор, просвещенный и духовный (любят, любят в «Неве» духовность), за чистую монету принимает чей-то идиотский рассказ о том, что *дикие сотрудники пограничной охраны Румынии* насилуют подряд всех женщин от 13 до 65 лет *за право въехать в Румынию*. Традиция, словом, там такая есть. Вот такой нам преподан урок духовности и размышлизмов.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

2. Литературная критика

А. «Знамя», «Москва», «Новое литературное обозрение», «Октябрь»

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ» — под таким заголовком материалы своего круглого стола публикует журнал «Москва» (№ 11). Правда, открывавший дискуссию **Леонид Бородин** сразу же несколько уточнил тему прений, сформулировав два основных вопроса: 1) правомерно ли привлекать писателя к уголовной ответственности за его писания и 2) а кого, собственно, следует считать именно писателем, а не, допустим, публицистом, пропагандистом или террористом. Разговор, таким образом, из сферы метафизической или просто нравственной сразу же переместился в сферу уголовную, т. е. сугубо практическую. Практическую настолько, что главный редактор газеты «День литературы» **Владимир Бондаренко** даже выразил опасение: а вдруг, начав сажать тех, кто этого действительно заслуживает, *закончат совсем другими, например авторами журналов «Москва», «Наш современник»*. На что дважды судимый **Бородин** (главный редактор как раз журнала «Москва») мужественно ответил: *Второй мой срок я получил за литературу <...> именно за литературу. И считаю, что совершенно правильно и справедливо был осужден. Почему? В государстве существуют какие-то правила. Так вот, если писатель сознательно идет на нарушение существующего в государстве правила, он обязан быть готов к ответственности.* Однако **В. Бондаренко** попытался все же вывести спор за пределы узкоправового пространства и заметил, что *писатель отвечает своим словом и своим художественным творчеством прежде всего перед самим собой*, — хотя бы уже потому, что самое понятие «талант» неумолимо включает в себя

энергию ответственности. Но, продолжал **Бондаренко**, всякий писатель — творец, следовательно еретик уже по своей природе. И *если говорить о полном запрете по религиозным критериям, по политическим критериям... тогда начиная с Достоевского и кончая писателями наших дней мы запретим половину нашей литературы.* Однако **Бородин** неумолимо стоял на своем, для чего даже в несколько нестандартном контексте напомнил собравшимся, что «прежде было слово»: *все действия, которые совершались, — чудовищные, преступные, сверхпреступные, — все они сначала имели словесное выражение, словесную программу.* На поставленный в начале дискуссии вопрос **Бородин**, отрекомендовавшийся убежденным государственником, ответил так: государство имеет полное право преследовать писателя в уголовном порядке, если в его писаниях оно усматривает для себя опасность. Далее главный редактор «Москвы» сформулировал следующий манифест государственничества: *Запрещается самосуд, но государство берет на себя смертную казнь, убийство, как и множество прочих грехов, которые запрещаются человеку, но государство их исполняет — это его суть.* Словно демонстрируя, что все-таки пока еще не все запретное — привилегия государства, критик **Павел Басинский** заметил, что *первыми публично материться стали писатели*, так что в том, что сегодня на улицах и в общественных местах открыто звучит нецензурная брань, не в последнюю очередь повинны Ерофеев, Яркевич и Лимонов. А **Сергей Сибирцев** кстати напомнил слова пролетарского классика Максима Горького: «*Если человеку долго говорить, что он свинья, то он свиньей и останется*»...

Директор издательства «Ad marginem» **Александр Иванов** попытался вернуть дискуссию к заявленной теме и для начала предложил все же отличать собственно *литературное произведение* от текстов иных жанров и иных задач (тут же предложив и критерий для такого разграничения), а заодно заметил, что если писатель привлекается к уголовной или гражданской ответственности вовсе не как писатель, а совершенно по другому обвинению (как уже упомянутый Лимонов), поднимать шум на тему «преследуют писателя» — значит, вводить в заблуждение общественное мнение. Так, сбивать своим автомобилем пешеходов писатель не имеет права ровно так же, как и любой другой гражданин. Прозаик **Алексей Варламов** заметил: *тюрьма для писателя — очень хороший, выигрышный шанс... чтобы привлечь к себе внимание.* С этим согласился и **В. Бондаренко**: *возбуди против Сорокина или Ерофеева*[1] *уголовное дело, — они будут только рады.* Председатель попечительского совета русского национально-культурного центра Москвы, сопредседатель монархической партии **Дмитрий Меркулов** оказался настроен еще решительнее: *преступления в сфере языка* он приравнял к призывам к насилию. *С моей точки зрения,* — сказал **Меркулов**, — *Сорокин должен был сесть, несмотря на все наши либеральные представления. Он хуже матерщинника, который матерится на улице. И поэтому, когда мы вернемся к нормальному здравому порядку в стране, Сорокин будет сидеть или уедет в более свободную страну.*

---

[1] Не зная достоверно, о каком из двух Ерофеевых речь, на всякий случай подчеркиваем эту фамилию второй раз. — *Ред.*

В качестве выхода из сложившейся ситуации **В. Бондаренко** предложил жесткий контроль за идеологическим пространством. По его наблюдениям, подобный контроль существует в США: *в рамках пяти экземпляров ты можешь говорить что хочешь, но если ты выходишь на широкую общественность, тогда идет запрет издания, лишение лицензий, штрафы миллиардные и т. д.* **Д. Меркулову** идеальным представляется восстановление института цензуры, но коль скоро институт этот отсутствует, уголовная ответственность *должна ложиться на конкретного человека, который составил и опубликовал, пусть в пяти экземплярах, этот текст.* **П. Басинский** блеснул афоризмом: *цензура не нужна*, — сказал он, — *она уже есть.* Поясняя свою мысль, он произнес еще несколько афоризмов. Например, такой: *система запретов — это и есть культура государства.* Или: *культура, цензура — это и есть один из показателей государства, а если ее нет, значит, государство ничего не может, значит, оно папуасское.* Критик выразил искреннее сожаление о том, что государство сегодня не интересуется литературой. Раньше, сетовал он, было по-другому — существовали *жесткие, но интимные отношения* — как говаривал Розанов: *Николай II декабристов повесил, но был им как отец родной...* Да и позже, в XX веке, ностальгирует **Басинский**, — как все было интимно: *сталинские премии, звонки Сталина Пастернаку, Булгакову, беседы с Шолоховым, Фадеевым...* Да, вздохнем и мы, бывали времена, не чета нынешним... **Д. Меркулов** сказал, что литературу нельзя отрывать от народа, от исторического процесса и конкретных политических явлений. И для убедительности своих слов добавил: *Несомненно, боевым отрядом развала СССР были национальные литературы. Через национальные литературы внедрялись идеи — сначала о необходимости национального возрождения, а потом, в конце концов, направленные на сепаратизм...*

Похоже, несколько озадаченный всем услышанным, **Александр Иванов** не стал уже ничего добавлять о писательской ответственности, а просто поблагодарил коллег за приглашение участвовать в круглом столе журнала «Москва». *Потому что*, — сказал он, — *журнал «Москва» — это журнал, в котором был опубликован великий русский роман XX века «Мастер и Маргарита»...* (У собравшихся хватило такта не говорить гостю, что в последние годы как раз журнал «Москва» с замечательным постоянством публикует на своих страницах статьи, разоблачающие булгаковский шедевр как *роман-инициацию, триумф демонизма*, а также *«библию» либеральной образованщины*[2], и что сотрудники «Москвы», наверное, дорого бы дали, лишь бы в биографии издания не было такого темного пятна, как публикация «Мастера».) И хотя слова **Иванова** вовсе не были завершающими, закончить рассказ об этой встрече в редакции почему-то хочется именно ими: *задача состоит не в том, чтобы разбираться с государством*, сказал издатель, — *государство не очень заинтересовано в литературе, и это нормально.* Задача (и ответственность) тех, кто делает сегодня литературу, состоит *в том, чтобы чудо совершилось. Потому что литература рождается из чудесного.* Ива-

[2] В качестве иллюстрации к сказанному см. хотя бы наши обзоры в № 123, 125 и 129.

нов недаром помянул «Мастера и Маргариту», ведь, по его мнению, сегодня нужнее всего чудо, а именно — *большой русский роман, по которому мир узнал [бы], что с нами происходило за последние двадцать лет, как мы страдали, мучились, надеялись, помнили, забывали и т. д.*

В другой дискуссии, организованной на сей раз журналом «Знамя» (№ 11), сделана попытка подвести итоги «журнального бума» рубежа 1980–1990-х годов, определить, какое место ***ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕСТРОЙКИ***[3] занимает в истории отечественной словесности и какова ее роль в тех *духовных и политических переменах, которые произошли в России.*

Никаких «духовных преобразований» в нашей стране не произошло, считает **Александр Архангельский**, — только экономические, т. е. как раз те, к которым *мы, интеллектуалы* — люди, отвечающие за культурные и политические смыслы, отношения не имеем. А вот именно со смыслами в стране из рук вон плохо — совершилась *победа пустоты над содержательностью.* А ведь перестройка была тем великим временем, которое давало великий шанс именно для духовных и политических перемен. И в процессе освобождения страны от власти КПСС журнальные публикации сыграли колоссальную роль, послужили своего рода *ломом или рычагом* — и старые тексты, и новые. *Появляясь на страницах печати, они расшатывали прежние устои и расширяли пространство личной свободы.* Однако опыт публикаций вещей «из стола» и свежих откликов на происходящее обнажил неприятную правду: *оказалось, что советский писатель в массе своей разучился писать без договора с авансом. Сколько, собственно говоря, значимых текстов было извлечено из-под спуда? Раз-два и обчелся. Плакались-плакались; лили пьяные слезы; но вот пришла свобода, а предъявить почти и нечего.* А что касается «свежих откликов» на перестроечную реальность, то за исключением Виктора Астафьева с «Печальным детективом» все актуальные сочинения тогдашних писателей оказались откровенно плохи: *торопливые, картонные, неживые.*

Говорить о перестроечной литературе как о едином явлении не имеет смысла, считает **Михаил Эдельштейн**, хотя основной поток тогдашней прозы состоял из произведений сомнительной литературной ценности. *То было,* пишет критик, *время простых ответов на сложные вопросы, и романы самых разных авторов — от Рыбакова до Белова — предлагали очень разные по содержанию, но в равной степени упрощенные варианты. Но именно простота и требовалась тогда, негуманно в тех условиях было предлагать читателю всяческие усложненности. Виктор Шкловский однажды заметил, что бесполезно описывать аромат дыни человеку, который всю жизнь жевал сапожные шнурки — романы Рыбакова, Дудинцева, гранинский «Зубр», собственно и были нормальной прозой этапа, переходного от шнурков к дыне.*

---

[3] Речь идет не о возвращенной классике, а о тех произведениях (в диапазоне от «Белых одежд» и «Детей Арбата» до «Печального детектива» и «Невозвращенца»), которые авторы годами прятали в потайных ящиках, а во времена перестройки извлекли на свет божий, — а также о тех, что стали выходить из-под пера, как только потянуло ее свежим воздухом.

По мнению **Марины Абашеевой**, журналы перестроечных лет сумели ответить на социальный запрос, но только разговаривать о судьбах России людям мало-помалу надоело, да и жизнь становилась тяжелее, — пришлось много работать. Ведь это только в советские времена читать было интереснее, чем жить; в постсоветские все поменялось с точностью до наоборот. К тому же перестроечная литература, тематически актуальная, зачастую не обладала достаточной художественной ценностью, и, по мнению Абашеевой, на современный литературный процесс гораздо больше повлияла не она, а возвращенная литература — так называемая *задержанная классика*. Что же до журналов, которые в начале 90-х пережили свой звездный час, а сегодня былую аудиторию потеряли, Абашеева рекомендует им не держаться именно за литературно-художественные тексты, ведь большинство читателей листают страницы «толстяков» не ради повестей и романов, которых и без того море, а в поисках критики, библиографических обзоров, обсуждения культурной ситуации и т. п. — т. е. в поисках свежих идей. Так почему бы не пойти навстречу читателю, отказавшись (или почти отказавшись) от публикации художественных текстов?

Годы перестройки — это, утверждает **Евгений Ермолин**, *кульминация русского литературоцентризма*. В центре тогдашних споров оказывались произведения, являвшие собою критические свидетельства о советском прошлом и настоящем. Подобная литература не могла долго сосуществовать с действующим строем, она его разрушала. Именно литература описала, освоила, развалила и похоронила советскую цивилизацию. И даже сделала кое-какие предостережения относительно будущего. Однако, отмечает критик, внимание к социальным проблемам как будто отнимало у общества все силы, и когда дело доходило до области духа, ресурсов уже не оставалось. Значительно меньше в те годы замечалась и меньше споров вызывала литература акцентированного духовного опыта, религиозного поиска, проза с выраженным экзистенциальным началом (ранние романы Солженицына, «Пушкинский дом» Битова, «Псалом» Горенштейна, проза Максимова, даже «Затворник и Шестипалый» Пелевина). Вровень с тогдашними духовными ожиданиями и чаяниями оказалась только «Плаха» Айтматова — не самый глубокий роман, споры о котором в основном сводились к одному: актуально ли верить в Бога и полезно ли заниматься богоискательством. Это было время, замечает Ермолин, когда очень много говорилось о покаянии, но никакого покаяния не произошло, а *литература итогов и приговоров* никого не вдохновила на строительство новой жизни. И тем не менее в появившейся тогда прозе, по мнению критика, заложено гораздо больше, чем вычитало из нее тогдашнее общество, — и опыты стойкости, и религиозный поиск, и диалог с Бытием. *Это* было, считает он, *богатое пространство небанальных смыслов. Это та Россия, за которую не стыдно*. Кое-что, замечает он, *оказалось и на вырост. И не факт, что мы сейчас доросли до нового понимания глубин этой прозы. Кто-то дорос, а многие, наоборот, впали в безвылазное детство*. Ресурс религиозных исканий у нас и посегодня ограничен банальностями, разве что на фоне дефицита смысла и накопившихся разочарований оформился запрос на праведника, который сидит где-то на краю земли, заботится о грешных людях и молится

за них Богу. Свидетельство тому — успех фильма «Остров» и книги «Даниэль Штайн, переводчик».

Мы живем в эпоху относительных истин, когда *одно не более правильно, чем другое, — в эпоху смысловой безопорности*, пишет **Валерия Пустовая** в статье **«Пророки второй оси»** («Октябрь», № 10). *Как дом без хозяина, где может переночевать бездомный, а может обосноваться банда, — так и безопорное сознание современного человека впускает в себя любые идеи, играя в переменчивое содержание, как в переодевание.* Итогом такой *безопорности* становится ощущение бессилия, страх перед выбором (*когда не смеешь сделать ничего решительнее новой покупки*) и потребность вручить свою волю кому-то, кто знает, *как надо*, кто возьмет на себя твои грехи и оснастит твою жизнь спасительными директивами. И вот в этой духовной ситуации современные писатели один за другим обращаются к ***ПРОРОЧЕСКОМУ СЮЖЕТУ***. В центре целого ряда произведений современной литературы оказывается пророк — человек, в силу тех или иных обстоятельств ставший носителем некоего откровения. Выбранные для анализа тексты Пустовая рассматривает парами — согласно внутренней перекличке или внутреннему спору. Первой такой парой становятся «Предтеча» Владимира Маканина и «Пророк» Павла Мейлахса, в случае которых наиболее отчетливо прослеживается один из лейтмотивов пророческого сюжета — двойственность избранника, когда в сакральной фигуре того, кто призван нести крест высшего знания, *проступает дьявольский силуэт вождя* и *лжепророка*. Вторая пара — «Американская дырка» Павла Крусанова и «Поганец Бах» Михаила Левитина, романы, где в центре внимания — не столько собственно пророк, сколько взаимное преображение пророка и его последователя, учителя и ученика. Здесь с наибольшей отчетливостью прослеживается второй лейтмотив сюжета — *догадка о том, что мы сами провоцируем пророка обратиться в нашего вождя* и что *лжеучитель вырастает из лжеученика*. Роман «Будда из Бенареса» Дмитрия Орехова рассматривается без пары, но парный сюжет роман заключает в себе самом: здесь представлены два Будды, два альтернативных пути к истине — и оба они оказываются равно неправыми. Здесь отчетливее всего звучит тема знания, которое дается пророку не в качестве подарка или привилегии, а как *испытание на подлинность*. Развенчивая в своем романе обоих героев, а вместе с ними отрешенную этику буддизма, отодвигая фигуру пророка в сторону, Орехов словно бы подводит итог пророческого сюжета: он взывает к жертвенной любви и действенному состраданию, вновь открывая *частного человека как сосредоточение надежды времени*. Таким образом, рассмотренный сюжет, по убеждению критика, предупреждает о возможности духовного совращения толп и наглядно демонстрирует, что подлинный пророк вовсе не указует путь, а лишь показывает пример веры и поиска.

Сугубо методологическим вопросом о влиянии некоторых субкультур на культурный мейнстрим озабочено «Новое литературное обозрение». В 88-м номере журнал публикует две статьи под общим заголовком: ***ЛЕСБИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА***. В редакционном предисловии к подборке говорится: *в современной России, где из-за роста*

ксенофобии и благодаря пропаганде «культуры большинства» «сетевые»[4] *группы либо становятся предметом внимания агрессивных молодежных движений, либо, по меньшей мере, перестают считаться достойным изучения объектом. Но они продолжают оказывать глубинное и значительное влияние на «культуру большинства»...*

Правда, ни в статье **Галины Зелениной «"И нас по-иному уже не заставишь": портрет одной субкультуры в юности»**, ни в статье **Александра Чанцева «Отношение к страсти»** («НЛО», № 88) о таком влиянии как раз и не говорится, зато у Чанцева тщательно прослеживаются многообразные культурно-исторические связи, взаимовлияния, источники и составные части изучаемого явления, а также коротко и доступно излагается нехитрая, в общем, философия лесбиянства. Автор статьи констатирует, что и в области *лесбийского дискурса* (да, да, даже и тут, — вот она бабья доля!) ощутима отчетливая дискриминация женщин: лесбиянок никто не воспринимает как самостоятельное явление, как культуру, отличающуюся от культуры геев. Вот и приходится бедным членам лесбийского сообщества прозябать словно бы *«в тени» мужской гомосексуальной культуры*. И таким вот двойным непризнанием — и со стороны нетолерантного общества в целом, и со стороны толерантного, но все-таки недостаточно чуткого меньшинства, — объясняются особенности *СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕСБИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*. В 90-е годы, когда и в социуме, и во всем корпусе отечественной культуры *лесбийский дискурс* не был признан никоим образом, «розовая» литература носила радикально-маргинальный характер. Содержание ее было обостренно-трагическим, а формы вызывающими и стилистически разнообразными, ведь лесбийская культура прежде всего была озабочена утверждением себя во враждебном мещанском мире, тем, чтобы со всем своим нонконформизмом прорваться в традиционное культурное поле. Лесбийское творчество 90-х отличала интертекстуальность, небывалая плотность культурных аллюзий, заметная даже на фоне остального всеобщего постмодерна. И это имеет очень простое объяснение: «розовой» литературе важно было обозначить свою традиционность, укорененность в классической культуре — от Древней Греции до Серебряного века. Однако ничто не вечно, и сегодня, как замечает Чанцев, лесбийская культура семимильными шагами движется к легитимации. А заодно не только теряет свой нарочито шокирующий и усложненный стиль, но порой и скатывается к излишним упрощениям. Лесбийская культура, замечает автор статьи, *становится модной в «попсовом» смысле этого слова*, и модность эта даже становится предметом пародии:

Мне бы тоже лесбияном,
но бессовестная мать
родила меня с изъяном,
даже стыдно показать...

И. Караулов

[4] Почему эти микросоциальные группы названы здесь «сетевыми», мы не поняли. — *Ред.*

И вот молодой субкультуре уже приходится оберегать свою неповторимую оригинальность от щупалец масскульта, с дальнейшим риском даже укрыться в *своеобразное социальное и культурное гетто.* Впрочем, Чанцев верит в то, что лесбийская литература выберется и из гетто, и из субкультуры и станет равноправной ветвью культуры. И похоже, с этим прогнозом нельзя не согласиться. Правда, у нас он оптимизма отчего-то не вызывает.

Обзор подготовила Ирина Дугина

В. «Звезда», «Нева»

Весьма туманными рассуждениями об ипохондрии, депрессии, психопатии и прочих пограничных с психиатрией недугах, коими в изобилии страдали «лишние», чрезмерно совестливые персонажи классической литературы, делится **Константин Фрумкин** в статье **«Почему не лечимся, или Русская литература между психиатрией и психологией»** («Нева», № 10). Приводится длинный ряд *ноющих и тоскующих героев,* начиная с Чацкого (так и хочется вспомнить недавнюю конструктивную критику президентом Путиным театральной постановки «Горя от ума»! Молодец «Нева»: держит нос по курсу!) и кончая, разумеется, чеховскими персонажами. Правда, без внимания почему-то оставлены герои Достоевского. К сожалению, добравшийся-таки до конца статьи читатель так и остается в недоумении — а зачем все это писалось? То есть не статья Фрумкина, про которую как раз все в этом смысле понятно. Зачем, ради чего писалась вся русская классика. Вот на какой вопрос Фрумкин ответа не дает. Не медицинские же проблемы решали в своих пьесах Грибоедов, Лермонтов, Чехов, Горький...

К 120-летию Самуила Маршака приурочил свою статью **«Знать лично... огромная радость» Александр Рубашкин** («Звезда», № 10). В ней, в частности, еще раз добрым словом помянуто детище Маршака — созданный им в 1930-е годы Лендетиздат, почти целиком уничтоженный немного позднее руками не только гэбухи, но и выпестованных в нем авторов. Рубашкин вспоминает рассказ Маршака о том, как на собрании 1937 года, где Самуила Яковлевича поносили кто только мог, писатель Борис Лавренев неожиданно бросил новое обвинение: *Он* (Маршак. — *Е. Щ.*) *и за Раису Васильеву вступался...* А ведь Маршак об этом никому не говорил! И узнать это можно было только в ведомстве Ягоды и Ежова...

Совершенно неожиданный факт приводит **Валерий Шумилин** в статье **«Как надули большевиков»** («Звезда», № 11). Оказывается, вполне невинное стихотворение под заглавием «Гимн пролетариата», подписанное псевдонимом Красный и напечатанное в «Правде» аж 25 октября (7 ноября) 1917 года, — акростих. И если сверху вниз прочесть первые буквы каждой строки, то фразочка получается такая: «*Ми немецки шпион и провок*» (провокатор). Газета, пишет Шумилин, шла в тот печальный для России день нарасхват. Надо заметить, что смех читателей докатился до редакции, которая на другой же день поспешила отмежеваться от этих стихов, назвав их *гнусной выходкой провокационного толка,* что наверняка еще подхлестнуло интерес к стихотворению. Увы, раскрыть псевдоним автора и узнать о его

судьбе так и не удалось. Не исключено, что он стал одной из первых жертв красного террора.

О литературной критике пишет **Владимир Елистратов («Накануне реализма»** — Нева», № 10). Сегодня, по мнению автора статьи, под словом «критик» подразумеваются представители двух, в сущности, совершенно разных профессий: критик-аналитик и «критик»-книгопродавец, *библиошоумен*. Правда, второму в звании критика Елистратов отказывает. Но и первый, по его мнению, работает неважно. Между тем сегодня литературе необходим Вергилий, который, ведя читателей по *Аду нецивилизованной книготорговли*, вывел бы их через Чистилище в Рай цивилизованного чтения. Покуда же Вергилий не объявился, отечественный книжный рынок представляет собой главным образом склад второсортной зарубежной литературы, кое-как переведенной, а частенько — и просто помойку. Что ведет к резкому падению читательских вкусов: юные россияне уже не в состоянии отличить оригинальные русские тексты от переводных. Винит тут автор тех критиков-вергилиев, которые словечка в простоте не скажут, а только какие-нибудь *«шизоаналитические матрицы бриколажа»*. Но это, уверен Елистратов, лишь *дым, который рассеется*, когда вновь восторжествует отлаженный инструментарий анализа вместе со словами *«герой»*, *«тема»* и *«язык»*, которые названы в статье великими. (Осторожно спросим в скобках: а определяют ли что-либо слова *сами по себе*? Да еще такие многозначные? И можно ли забывать, что именно этими *«великими словами»* уверенно — да как еще уверенно — оперировали советские критики-соцреалисты. И гвоздили с их помощью немало настоящих талантов, как, впрочем, любого, кого им прикажут.) В конце статьи критик уже прямо оперирует словесным блоком явно «соцреалистического» происхождения. Нам нужно, говорит он, *глубинное жизнеутверждающее начало*. (Но с этим, опять заметим в скобках, у нас как раз все хорошо. Достаточно послушать по телеящику наших всенародно избранных вождей.) Если бы все было так просто!..

О том, как развращает и читателей, и писателей, и критиков легкое чтиво, можно сказать, *литературная бормотуха*, размышляют **Ольга** и **Владимир Новиковы («Ничего не происходит?»** — «Звезда», № 11). *Даже профессионалы,* сказано в статье, *разучились воспринимать философский нерв прозы*. И это чревато серьезным смещением нравственных ориентиров. На нас надвигается *новый тип фабульного повествования — проза коллективистского, тоталитарного сознания*. Как пример такого письма приведен роман Захара Прилепина «Санькя» (кстати, именно этим *реалистически-классическим произведениям* восторгается Елистратов в упомянутой выше статье, называя прилепинского нацбола бесспорным *героем нашего времени*). Новиковы же увидели в «Саньке» приторную сентиментальность, родную сестру жестокости, и театрализованный бунт. *То, что она* (литературная интеллигенция. — *Е. Щ.*), пишут критики, *не брала из рук Проханова, радостно принимает из рук Прилепина*. Так что, делается в статье вывод, никак не обойтись в России без связи эстетики с политикой.

Богатейшую игру смыслами, ассоциациями, темами открывает **Сергей Стратановский** в одном из самых сложных и загадочных стихотворений Осипа Мандельштама «Реймс — Лаон» **(«Мальчишка-океан»** — «Звезда», № 12).

Логика развития этого стихотворения, по мнению критика, — трехуровневая: от архитектурной темы к социальной, а затем к экзистенциальной. Привлекая в стихотворение множество смыслов и ассоциаций, пишет критик, Мандельштам не противопоставляет свободу внешнюю свободе внутренней: *И та и другая для него — суть проявления единого духа.* В целом же Стратановский уподобляет текст стихотворения *записке в бутылке, выброшенной в критическую минуту мореплавателем в океан.*

Изысканное стихотворение Ольги Седаковой (1986) «Китайское путешествие» — объект пристального, тонкого прочтения **Александра Жолковского** (**«Неужели?..»** — «Звезда», № 11). Смысловое ядро стихотворения, утверждает критик, образует оппозиция *любовь как культурная, сложная, творческая, утонченная совместность — разрыв как нечто простое, стандартное, бездарное, вульгарное.* И синтаксис, и рифмовка создают особую ауру утонченности, взаимопонимания, любви. А метапоэтическая отсылка к творчеству китайского поэта Ли Бо активизирует *культурную престижность текста.* Мысль о хрупкости изощренных культурных связей перед угрожающими изнутри и извне силами энтропии, резюмирует Жолковский, Седакова развертывает в небольшой поэтический шедевр.

Марина Кудимова в статье **«Взгляд в небеса отцов. Богопознание Ильи Тюрина»** («Нева», № 11) исключительно высоко оценивает творчество трагически погибшего в 1999 году *гениального мальчика* поэта Ильи Тюрина, отмечая прежде всего невероятную, *воистину пушкинскую* интенсивность его развития. В стихотворении «Сон Иосифа» — первом, посвященном памяти И. Бродского, необычайно важного для Тюрина автора, — намечается, пишет критик, путь богопознания, проделанный русской поэзией XX века, главным образом поэтами еврейского происхождения, а именно *путь культурного агностика.* В своем стремительном взрослении Тюрин, погибший в 19 лет, проходит все стадии сомнения и метафизической эволюции, не минуя и не перескакивая ни одной. Для Тюрина, пишет Кудимова, *феноменального юноши иноческого склада,* заповеди Божьи постепенно наполняются конкретикой, той самой, *которая отличает верующего в личного живого Бога от бесплодно философствующего.*

На рецензиях **С. Гедройца** из фирменной рубрики «Звезды» **«Печатный двор»**, как всегда, отдыхаешь душой. Потому что душа, явленная в них, — своя, родная. В «Звезде», № 10, рассказывая о книге Виктора Шендеровича «Плавленые сырки и другая пища для ума: Политическо-трагикомические хроники 2006 года», критик замечает, что в книге явлены нам как бы два модуса ума. Один — широко распространенный в Европе, Америке и Австралии и именуемый *здравый смысл.* Другой — *довольно сложная местная галлюцинация.* Но именно этот, последний, как назло, обладает материальной силой, в то время как у первого есть только инстинкт самосохранения. *Но Виктор Шендерович дьявольски упрям. И к тому же дерзок. Регулярно нарушает конвенцию. Негласную. Которую на заре времен заключили между собой сатира и тайная полиция — и поручили присутствовавшей цензуре следить за соблюдением. Старуха временно отрубилась — и Шендерович бессовестно этим пользуется. Плюет на Эзопов комплекс. Черное и белое на-*

зывает, «да» и «нет» говорит, вместо обобщенных типов — органы как есть, с действующими фамилиями. А что неприличней всего — нет в этом авторе настоящего уныния. Подобающего проигравшим и обреченным.

Мягонько-мягонько, но чувствительно прошелся **С. Гедройц** по непомерно расхваленной (впрочем, у нас сейчас принято все расхваливать, — реклама!) книге княжны Зинаиды Шаховской «Таков мой век» («Звезда», № 10). Нет-нет, книга не объявляется ни бездарной, ни глупой. Просто в этой книге (так элегически спокойно написано в рецензии) рассказывается, какая она, т. е. писательница, *с младых ногтей отчаянно храбрая. До мозга костей справедливая. Беззаветно щедрая. Веселая и находчивая. В невидимых миру скобках: умница и красавица. Подчеркнуть повсюду пожирней (для широкого иностранного читателя): княжна, то есть фактически принцесса. Урожденная, не какая-нибудь.* Так что, вытекает из рецензии, повстречайся автор этой книги *хоть с самим Набоковым, он и про Набокова через какое-то время ничего не припомнит, кроме того, что сам он был Набокова умней.*

Но полный простор своей язвительности **С. Гедройц** дал в рецензии на книгу Владимира Соловьева «Краткий курс выживания в России» («Звезда», № 11), тоже вознесенной угодливой критикой до небес. Герой рецензии, этот бесстрашный *астероид телеэкрана, свой в кругу вельмож,* к тому же *постоянно готовый рискнуть головой за свои убеждения*, — вообще-то, как вроде бы на полном серьезе утверждает С. Гедройц, проповедник. То есть проповедь — жанр рецензируемой книги. Вот почему автор в ней столь важен и строг. Ну и написано там, само собой, про деньги. *Что у хорошего человека их должно быть много. И что хорошему человеку они достаются честным трудом. Что граждане РФ должны возлюбить друг друга. Что Достоевский убил в России Бога. И как приходится страдать за правду.* И фотографий в книге, информирует рецензент, уйма: *автор в различных позах.* И тираж у книги симпатичный — 50 100 экземпляров. Чтобы, отметим уже от себя, до каждого дошло.

Особо хочется сказать об отзыве **С. Гедройца** на очередную книгу историка Марка Солонина «23 июня: "день М"» («Звезда», № 12). Поскольку, сказано в рецензии, Солонин пишет *ярко, с интонациями живого человека и при этом до занудства неопровержим,* его ненавидят особенно остро. А рассказывает историк, с привлечением обилия тщательно проанализированных фактов, о том, какое фантастическое вранье и с каким феерически пропагандистским блеском вколачивалось нам всем в головы с пеленок. Именовалось это вранье *официальной историей Великой Отечественной войны*, а сочинялось в *специальных пропагандистских институтах, академиях и управлениях.* А Марк Солонин, который С. Гедройцу в высшей степени симпатичен, проработав несколько тысяч страниц особых папок протоколов заседаний сталинского Политбюро, *в какой-то момент вполне уяснил для себя, что за страна была Советский Союз и что за существо был Сталин. Пересказывать не стану,* добавляет рецензент. *Эту книжку надо прочитать.*

По совести говоря, то же самое советуем сделать и мы.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

3. журнал «Иностранная литература»

(Публикации 2007 года)

Январский номер открывает **роман** чешского писателя **Михаила Вивеги «Игра на вылет»**. По-кундеровски психологичный, по-уэльбековски откровенный текст напоминает сложно скомпонованное музыкальное произведение, в котором соединяются темы детства, памяти, соперничества, красоты. Почему уродливая 40-летняя женщина — в настоящем преуспевающий дизайнер, любимая и любящая жена, мать двоих детей — продолжает жить с ощущением невыразимой ярости и протеста против Бога? Потому что именно Он дал ей внешность, ставшую причиной полученного ею некогда прозвища — «Фуйкова». И в сорок из ее памяти, отравленной детскими комплексами, не уходит образ безупречной Евы Шалковой; по сей день помнит Фуйкова *каждый кармашек, каждый разрез юбки* школьной красавицы, поразившей в самое сердце «трех мушкетеров» — Джефа, Тома и Скиппи. Чувство к Еве стало краеугольным камнем их судьбы. А сама прекрасная Ева... Отчего всю жизнь ее лицо, столь боготворимое людьми, таит выражение безысходной печали? Детская страсть к директору школы Вартецкому — ее первому мужчине — оказывается воистину роковой в судьбе, подарившей Еве столько возможностей счастья, от которых она легко отказалась, получив взамен «невыносимую легкость бытия». Роман Вивеги, построенный на смене разных голосов, — печальных, ироничных, яростных, но никогда — абсолютно счастливых, — о том, как школьные годы исподволь определяют весь путь человека; как первая любовь или отсутствие столь необходимой любви накладывает отпечаток на судьбу, привносит в нее смысл и радость, но — чаще всего — глубокий драматизм и неизменное болезненное чувство утраты.

Автор более тридцати книг, лауреат Гонкуровской премии, французский писатель **Патрик Рембо** рассказывает на редкость правдоподобную в своей фантастичности историю человека, заблудившегося во времени. В духе борхесовских сюжетов, герой **романа «Деревенский дурачок»** (№ 2) блуждает по лабиринту эпох, балансируя между 90-ми и 50-ми. Неожиданно для себя он оказывается отброшенным в параллельное измерение, где вновь становится маленьким мальчиком, послушным сыном и беспечным школяром. Зная будущее, он не желает пользоваться этим в своих интересах, превращаясь в «шпиона», следящего за эпохой и судьбами людей. Обреченный на наблюдение и вечное повторение (*девять лет ежедневно по восемь часов я терпел эти муки, неужели мне предстоит это вновь?*), герой испытывает двоякое чувство. С одной стороны, радости — от полученного вдруг количества времени; с другой, фатальности при мысли о том, что он не способен изменить закономерный ход событий — ни болезнь матери, ни смерть отца, ни войну. Фактурный, психологически точный текст оставляет ощущение незавершенности: если в начале действие разворачивается неспешно и предвещает полный неожиданных авантюрных ходов сюжет, то под конец автор как-то сворачивает повествование, превращая его в нарезки впечатлений, мыслей героя, переживающего второе детство. Умело закрученная интрига, построенная на таинственных временны́х смещениях,

оборачивается разрозненными психологическими зарисовками, напоминающими быструю смену слайдов. Остается непонятным, результат ли это замысла автора или же довольно удачная попытка свернуть повествование, заканчивающееся многообещающим: *Еще поглядим. Время есть.*

Проблему исторической неизбежности поднимает в **романе «Две точки зрения»** (№ 2) немецкий писатель **Уве Йонсон**, чья проза считается классикой. Драма его жизни — человека и художника — связана с изгнанием в широком смысле слова (Йонсон покинул ГДР; жил в ФРГ, затем какое-то время в США, а в последнее время — в Великобритании, где закончил свою жизнь в полном одиночестве). Тема изгнания и сопровождающие ее мотивы побега, невстречи, отчуждения становятся смыслообразующими в романе, посвященном трагедии «двух Германий». Берлинская стена оказывается проклятием и одновременно искупительной жертвой за нацистские бесчинства. Чувство вины и ответственности за грехи отцов проходит через все творчество Йонсона и вполне отвечает духу всей немецкой литературы, часто обращающейся к своему историческому прошлому. «Две точки зрения» — это история мужчины и женщины, разделенных стеной. Это медленное и слепое движение навстречу двух людей, забывших даже лица друг друга, но сохранивших тепло и странную боль, толкающую их на преодоление преграды, выстроенной Историей. С одной стороны, побег девушки Д. из ГДР, сумевшей пересечь границу с чужим паспортом, имеет под собой реальную основу: побег Элизабет Шмидт, будущей жены Йонсона, вскоре после возведения Берлинской стены, в 1961 году. С другой, история Д. и ее возлюбленного Б. представляет обобщенное осмысление опыта отчуждения, которое переживала Германия в течение тридцати лет. Мотивы порывов героев остаются не до конца понятными, несмотря на скрупулезный психологический разбор и насыщенность текста деталями повседневности. Что толкает Д. на побег из ГДР? Любовь? Но она едва помнит человека, настойчиво зовущего ее за собой. Скорее, страх быть окончательно подавленной Системой, душевное беспокойство, вызванное потерей свободы мысли и передвижения, столь необходимой человеку. Героями бессознательно движет желание идти наперекор исторической определенности.

О *способности желать* и *необходимости жертвовать* как формуле шведского мировоззрения, о надеждах на ренессанс и перспективах шведской литературы, о темах возможного бестселлера и экономике Интернета можно прочитать в третьем, шведском, номере «ИЛ». Помимо подборки художественных текстов (это и сложный по форме **роман Лотты Лутасс «Голоса в пространстве»**, и феномен иммигрантской прозы **роман Юнаса Хемири «На красном глазу»**, и **новеллы Сесили Давидсон, Ульфа Эриксона, Черстин Нурборг** и др.), в журнале представлена публицистика, в которой осмысляются художественные процессы последних двух десятилетий, намечаются прогнозы развития прозы, обобщается опыт современных прозаиков (статьи **Мальте Персоно «Современная шведская литература: научно-фантастическое эссе»**, **Стефана Седерблума «Заметки о новой шведской литературе»**). Современная шведская проза являет нам расцвет жанра новеллы, в котором способу повествования отводится не меньшая роль, нежели предмету изображения. Часто эксперименты с формой преобладают над смыс-

лом, хотя в целом тексты в «ИЛ» отражают сам дух Швеции — страны дождей, где человек колеблется между меланхолией и жаждой жизни, благополучием и бессознательным стремлением к смерти.

Шведскими критиками высоко оценивается творчество **Юнаса Хемири** — писателя с арабскими корнями, который в «хулиганском» **романе «На красном глазу»** (№ 3) поднимает важную общеевропейскую проблему интеграции культур. 16-летний школьник Халим намеренно говорит на неправильном шведском (чего стоят его «*последняя перед канакулой пятница*», «*самые утренние уроки*», «*прекрасные арабские гены, которые произвели стратегию по добыче бабла...*»), называет шведов *грязными щведоносами*, а девушек — *блудливыми телками*, носит на голове восточный тюрбан и повсюду оставляет свой след — мусульманский полумесяц со звездой. Но все это — не более чем бравада мальчика, осознающего свою неустойчивость в мире. Мечта Халима о Родине, которую он толком не знает, — попытка ускользнуть от реальности; диалект — самозащита. Его отец — реалистично смотрящий на вещи мудрый старый араб — понимает бесполезность противостояния миру, в котором они всегда останутся чужаками. Но в его сыне еще сильна тяга к самоутверждению: для Халима поход с отцом в восточный ресторан, арабская речь — предметы гордости и сомнения одновременно, ведь именно из-за этого он при всех амбициях остается «*голым среди одетых*». Иммигрантская драма, пропущенная через призму сознания подростка, полного жажды любви и свободы, приобретает иронический оттенок. Трагедия смягчается изображением наивного бунтарства в целом обаятельного и доброго Халима.

Тематическим также является шестой номер «ИЛ», полностью посвященный ирландской литературе. Что мы знаем о **Мартине О'Каине, Патрике О'Конайре, Томасе О'Криовхане** — ключевых фигурах ирландской словесности XX века? Кто из нас изучает ирландский язык, столь насыщенный сочной образностью? Кто бы мог предположить, что историческое и культурное развитие Ирландии и России имеет много точек соприкосновения, а без влияния наших Тургенева, Достоевского, Толстого, Гоголя, Чехова вышеупомянутые ирландские мастера, по их собственному признанию, *не стали бы самими собой*. Вышедшие из беднейших частей страны, они проходят путь некоторых русских писателей на другой почве. Наподобие того, как «схлестываются» у нас западники и славянофилы, в Ирландии XIX века наблюдается борьба сторонников фольклорных форм, базировавшихся на *народных представлениях о жизни*, и тех, кто хотел писать по-европейски. Об этих и других моментах, роднящих, казалось бы, столь далекие культуры, можно прочитать в **эссе Алана Титли «Уроки русского».**

В номере не обошлось без упоминания о Джойсе — краеугольном камне ирландского модернизма. **Екатерина Тарасова** представляет новую **книгу «"Русская одиссея" Джеймса Джойса»**, название которой несет скорее ментальную, нежели географическую характеристику. В работе, проделанной научно-библиографическим отделом ВГБИЛ, собраны очерки и факты из жизни Джойса — глазами И. Эренбурга, С. Эйзенштейна, О. Мандельштама, А. Ахматовой и других деятелей русской культуры. Тема Джойса звучит во многих эссе, стихах, прозаических текстах ирландских писателей, в частно-

сти, **новелле Дермонта Болджера «Улицы Марты»**, в которой «Улисс» становится для героини своего рода визитной карточкой, тайным знаком в поиске «своих».

В качестве «горячего блюда» в номере публикуется **роман Патрика Маккейба «Помощник мясника»** — жестокая сага о мальчике Фрэнсисе, у которого общество отняло мать, отца, лучшего друга. Помимо своей воли, под воздействием отчаяния одиночества, он становится убийцей. Повествование Маккейба — это поток сознания, в котором смешиваются диалект и литературная образность, откровенный натурализм бытописания (пьянство, гомосексуализм наставников исправительного лагеря, предательство, грязь, «свинство» как образ жизни) и доходящее до сюра изображение поворотов судьбы мальчика, не способного противостоять реальности. Любая попытка «очиститься» и начать новую жизнь обречена на неудачу. Ведь рядом нет сильного и любящего взрослого. При этом дистанция между трагизмом содержания и формой повествования — непрерывного выговаривания Фрэнсисом своей судьбы — создает иронический эффект. То, что роман обращается к темам абсурда провинциальной жизни, религиозного и нравственного распада личности, бытовых и моральных предрассудков, которые обличали Оскар Уайльд, Джеймс Джойс, Бернард Шоу, говорит о тематическом и жанровом постоянстве ирландской прозы, верной неутраченной традиции. Неслучайно во многих предложенных в номере текстах обнаруживаются римейки и отсылки к классике (например, **трагикомедия Алана Титли «Годо приходит»**).

В **романе** американского писателя и драматурга **Джеймса П. Донливи «Леди, которая любила чистые туалеты»** (№ 4) автор исследует парадоксы человеческого бытия, доводит до абсурда изображение состояний женской психики (ярость, тоска, пустота), обнаруживает иллюзорность боготворимых современным обществом ценностей — богатства и престижа. Симпатичная миссис Джонс, истинная леди, выбирающая во время прогулок по музеям и художественным галереям исключительно самые чистые и красивые туалеты, на 43-м году жизни, брошенная мужем и забытая взрослыми детьми, однажды ночью обнаруживает себя сидящей с заряженным дробовиком на коленях и с мыслью о том, что на самом деле она — *лошадиная жопа*. Единственным средством самосохранения для нее оказывается культура, которая, однако, не спасает ее от тоски. Самым неожиданным образом любовь леди к чистым туалетам обернулась для нее невероятной удачей. Она, потерявшая мужа, детей, состояние, дом, имя, вдруг по воле случая оказывается наследницей огромного состояния, которое завещает незнакомый, как оказалось, скверный, человек (ее имя было единственным в книге соболезнований, в которой она ненароком расписалась, в очередной раз посещая приглянувшийся ей чистый туалет костела). Однако именно в тот момент, когда она получает возможность купаться в роскоши и ни в чем себе не отказывать, дама только о том и думает, *как бы покончить с жизнью, которую можно начать с чистого листа*. Эту формулу Донливи выносит отдельно в качестве универсального правила бытия человека, чья природа непредсказуема и таинственна.

Один из самых поэтичных текстов, открытых ИЛ в 2007 году, — это **роман** 30-летнего французского писателя **Стефана Карьера «Давний спор»** (№ 4). Будучи издателем, Карьер остро осознает пропасть между подлинным твор-

чеством и подделкой на потребу публике, невозможность соединить жажду прибыли и творческий поиск. Решающему выбору в судьбе каждого серьезного художника (дать людям духовный импульс либо — в духе Цезарей — «хлеба и зрелищ») посвящена история соперничества маэстро Жоана и маэстро Жерома — двух талантливых кукольников, чей поединок за звание лучшего мастера составляет кульминацию романа и является краеугольным камнем любого творческого пути. Победа зрелища над мыслью, пиротехники над рукотворным мастерством обнаруживает ограниченность толпы, однако не может обмануть членов труппы передвижного цирка, у которых «зорко лишь сердце». Цирк представляет собой модель мира, вбирающего в себя все человеческие пороки и добродетели. Но о чем бы ни говорил Картер — о молчаливой ли страсти клоуна Лупо к юной гимнастке, о любви «чернокожего короля» Котона и стареющей гадалки Милены, о честолюбивых замыслах Жерома или тоске старого Жоана, — все пронизано красотой и чистотой изображения мира, что в современной прозе встречается, прямо скажем, редко. Сама форма повествования — притча с мотивами городской сказки — настраивает читателя на вневременной лад и дает отдохновение в плане безупречности языка, лишенного вульгарности и стилистических несуразиц.

Четвертый номер «ИЛ» предлагает читателю еще один сюрприз — это претендующее на сенсацию **эссе Михаэля Мааре «Лолита и немецкий лейтенант»**. В нем исследователь идет по следам набоковской Лолиты, пытаясь найти источники вдохновения бессмертного образа роковой нимфетки и обнаруживая их в сборнике рассказов немецкого журналиста Хайда фон Лихберга, для которого литература была своего рода хобби. По стечению обстоятельств Лихберг в 1935 году написал свою «Лолиту», чья демоническая красота губит двух влюбленных в нее братьев-близнецов и ее саму. Написанная в традициях немецкого романтизма новелла имеет много общего с сюжетной канвой набоковского шедевра (мотив двойничества, страсть взрослого мужчины к девочке-женщине, убийство). Случайность ли это, или все же Набоков был знаком с текстом журналиста? На этот вопрос скрупулезно отвечает Мааре. В этом же номере мы имеем возможность познакомиться с предполаемым «прототипом» набоковской нимфетки — «Лолитой» Лихберга.

Сугубо мужской взгляд на мужскую психологию предлагает **Джим Гаррисон** в **повести «Человек, который решил отказаться от имени»** (№ 5). Название сразу отсылает читателя к тексту М. Фриша о Гантенбайне, избравшем не только чужое имя, но слепоту, изменив таким образом свою судьбу и ви́дение мира. Герой повести Гаррисона — бизнесмен Нордстром, пережив развод с любимой женой, отпустив повзрослевшую дочь в свободное плавание, чувствует необходимость заполнить пустоту, которая возникла скорее не от потери близких людей, а от ощущения общей жизненной усталости. Писатель создает очень тонкую картину мира 40-летнего мужчины, находящегося в процессе поиска своего нового «я»: отказавшись от власти и всех своих денег, он обретает бесконечную свободу и силу, которая направлена на танцы и кулинарию. В этих двух простых занятиях, приносящих ему душевное равновесие и телесное удовлетворение, он открывает для себя прелесть процесса жизни как такового.

Писатели направления «Нет» — так определяет свое «исследование» герой испанца **Энрике Вила-Матас** в **романе «Бартбли и компания»** (№ 5). Этот текст — о невысказанных идеях, об отрицании самой возможности самовыражения. Некий горбун, неудавшийся писатель, создает мифологию «нет», включающую целый пантеон ненаписанных шедевров. «Бартбли» — это литературные гении, принявшие обет молчания (чудаковатый Сократ и практичный Рембо, обезумевший Мопассан и Гердерлинг, к концу творческого пути стремящийся выразить любую идею через завывание, сопровождаемое отбиванием ритма). Кто-то живет с этим обрушившимся на него «ничто» (вроде друга главного героя Пинеды, юношеская одаренность которого оборачивается бездарностью и пошлостью); кто-то не ищет оправдания, исчезая физически (вроде легендарного Артура Кравана — издателя, дебошира, сюрреалиста скорее по природе, нежели по сознательному эстетическому выбору); кто-то впадает в безумие (Мопассан, просивший собственного слугу принести ему смирительную рубашку, когда чувствовал в себе синдромы болезни «бартбли», иначе говоря, творческого паралича), а кто-то, преодолевая драму, с облегчением вздыхает (подобно подруге горбуна Марии, чьим попыткам написать роман помешали «литературные розыгрыши» А. Роб-Грийе и Р. Барта). Эта своеобразная энциклопедия молчания, написанная на основе документальных фактов и вымысла, позволяет взглянуть на историю культуры с иных позиций. Оказывается, молчание может служить интересной призмой для постижения смысла слов.

Фигура Оскара Уайльда, то возводимого до небес, то ниспровергаемого в бездну нищеты и позора, не дает покоя литераторам. Очередную версию роковой для 40-летнего писателя связи с Альфредом Дугласом предлагает английский драматург **Дэвид Хэйр** в **пьесе «Поцелуй Иуды»** (№ 5). Уайльд предстает в ней масштабной личностью, чья любовь к Боузи, принесшая ему столько боли, губит его, но в то же время становится смыслом жизни. В запретном чувстве к юноше смешиваются отцовская забота и желание оградить от сплетен, мужская страсть и стариковская снисходительность к бездарному развратному любовнику и, наконец, человеческое всепрощение. Лишь любовь, по его мнению, *позволяет увидеть истинного человека. Любовь — не иллюзия. Иллюзия — жизнь.* То, как говорит Оскар Уайльд Хэйера (афористично, всегда неожиданно остроумно, метко), как он выглядит (тучный денди, не желающий сдвинуться с места, словно придавленный бедностью и предчувствием неминуемого краха), делает образ ирландского гения очень подлинным в его противоречиях и слабостях. В свою очередь, вину за жизненное и творческое поражение Уайльда автор пьесы возлагает на Боузи, чьи честолюбивые помыслы сначала толкнули его обнародовать связь с писателем, в результате потерявшим семью, репутацию, возможность публиковаться, а затем страх бедности заставил покинуть его. В пьесе удачно сплетены темы страсти мужчины к юноше, жалости гения к бездарности, торжества себялюбия и трусости над добром и любовью. Хэйер вносит еще один штрих в миф об Уайльде.

Еще один мастер литературных мистификаций — о том же Уайльде, Диккенсе, Чаттертоне — **Питер Акройд** создает очередную **литературную биографию «Лондонские сочинители»** (№ 7), посвященную Чарльзу Лэму —

английскому поэту, современнику Т. Кольриджа и У. Вордсворта, крупному эссеисту своей эпохи, эрудиту, остроумцу. Акройд — большой любитель выискивать недостатки и слабости в своих всегда неоднозначных персонажах — показывает склонность Чарльза к обильной выпивке и злословию, но в то же время — преданность семье, друзьям и... Шекспиру. Литературная мистификация становится не только формой повествования, но главной темой «Сочинителей» (в центре интриги — подделка шекспировских рукописей). Кроме того, рассказывая о реальном Чарльзе Лэме, писатель делает акцент на вымышленном персонаже — честолюбивом лавочнике Уильяме, которого роднит с Шекспиром исключительно имя. Однако немалые литературные амбиции толкают юношу на подлог — свои сочинения он выдает за неопубликованные ранние пьесы великого Барда. Смешивая реальных и вымышленных персонажей, включая в свой текст многочисленные не всегда распознаваемые цитаты из того же Лэма, Шекспира, Мильтона, Горация, Акройд пишет зашифрованный текст, адресованный самому широкому кругу читателей: от эрудированного интеллектуала до любителя детективных историй. Писатель оставляет большое поле для создания собственной мифологии лондонского острослова и дебошира.

В **седьмом** номере хочется отметить подборку воспоминаний, писем, очерков разных философов, писателей, критиков, драматургов, издателей, знавших, любивших, изучавших жизнь и творчество одного из самых загадочных швейцарских писателей XX столетия — **Роберта Вальзера**, чьи мистические рассказы, пьесы в стихах, юмористические зарисовки также представлены на станицах «ИЛ». Тексты Вальзера столь же глубоки и значительны, сколь его молчание, ставшее своеобразной метафорой сошедшего с ума и отвернувшегося от человека мира. **Вальтер Беньямин**, **Карл Зеелиг**, **Юрг Аман**, **Б. Дубин**, **Сюзен Сонтаг** говорят о своем видении этого «блудного сына»; странного человека, который *постоянно размышлял о том, как бы что-то оставить позади, чтобы у него было все впереди*; чудака, которому нравилось бегать *ради того, чтобы те, кто его ищут, его не находили. Но ищет ли его кто-нибудь?* Не в этом ли вопросе, задаваемом Юргом Арманом, — причина безумия швейцарского писателя? В чем смысл его молчания? В одиночестве? Непризнанности? Неприкаянности? А может, вобравший в себя само отчаяние времени, он не смог нести это бремя... Ответы можно найти в рубрике «литературный гид».

Не слишком обременительную литературную игру предлагает англоязычный канадский писатель **Мордехат Рихлер в романе «Версия Барни»** (№ 9–10). Предшествующее ему вступление **А. Ливерганта** настраивает читателя на позитивный лад. Однако, несмотря на оптимистические прогнозы уважаемого редактора, обилие имен, а также временны́х, языковых, сюжетных скачков может просто ошеломить. В тексте обнаруживаются традиции импровизированной прозы Джека Керуака с бесконечным словесным потоком, имитирующим бурление самой жизни странствующих героев. Битническое влияние во многом определяет характер канадской прозы, сформированной на пересечении трех культур: английской, американской и французской. Главный герой романа — Барни Панофски — канадский еврей, космополит, житель двуязычного Монреаля. Он балансирует на грани ин-

теллектуализма Мозеса Герзога (Сол Беллоу), отчаянного бегства Гарри Энгстрома (Джон Апдайк) и легкомысленного сумасбродства мошенника Дина Мориарти (Джек Кераук). После трех неудавшихся браков и крушения литературных амбиций Барни приходит к осознанию жизненной неустроенности, в которой, однако, преспокойно существует. Через призму его восприятия (форма повествования — дневниковая запись, снабженная комментариями его сына) пропускаются проблемы независимости Квебека, миграционных потоков, несчастной любви, преждевременной старости. Являясь перекрестком культур, конфессий, языков, Канада несет в себе особый дух, отраженный в литературе: это какая-то полусвобода — полузависимость персонажей; это поиск новизны и стремление не выбиться из общего политического и эстетического контекстов. Отсюда, возможно, ощущение некой чрезмерности прозы Рихлера с нагромождением деталей, аллюзий, исторических и литературных ссылок. Умно, хорошо, но — слишком...

Напротив, **роман-дневник «Автопортрет у радиатора»** французского писателя и эссеиста **Кристиана Бобена** (№ 8), отличается умеренностью. Автор смакует повседневные моменты жизни, для него *в любой вещи всегда многое скрыто от глаз...* Одинокие будни холостяка, обращающегося к умершей возлюбленной, пронизаны светлой печалью и радостью бытия как такового. *Воздух апрельского утра, лучезарно беззащитные тюльпаны*, чашка черного кофе — все под тонким пером Бобена превращается в поэзию. В этом дневнике мотивы любви и жизни переплетены с идеями приятия смерти, что составляет суть философии невмешательства Бобена *(моя жизнь еще прекраснее, когда меня нет; фраза, которую я мог бы записывать каждый день: «Я о чем-то размышляю, но не знаю, о чем»; Я пишу не дневник, а роман. Главные герои романа: свет, боль, радость и несколько пачек крепких сигарет; Бывает, солнечным днем в улыбке случайного прохожего можно различить отсвет Бога. Это так просто. Но ведь никто и не говорит, что простота может ошеломлять; Сегодня день без цветов. Но свет, который могут излучать только они, останется со мной*). Эти несколько ненавязчивых поэтических афоризмов дарят нам свободную музыку, которой порой очень не достает в современной прозе.

Кубинским изнуряющим солнцем и ставшей привычной тоской пронизан **роман Хулио Траверсо Серрано «В Гаване идут дожди»** (№ 11). Это история любви зеленоглазой хинетеры (проститутки, клиентами которой являются иностранцы) и немолодого агента по недвижимости, в прошлом журналиста, потерявшего работу и семью, на фоне кажущегося почти невозможным в контексте современной истории «коммунистического Рая». Автору удается передать дух Гаваны — города *прекрасного, уродливого, грязного и порочного.* Этот город, насыщенный мрачной красотой и жгучей эротикой, обрушивает на героев бесконечные дожди и страхи. Трудно поверить, что действие происходит в 1992 году, что все еще где-то «идеологические враги» стремятся бежать из страны, что лучшие умы прозябают в одиночестве и нищете, а люди, выстаивая огромные очереди, радуются тому, что получили ром по талонам. Последние из могикан, они стали предметом любопытства туристов, чьи доллары и вожделение губят двух прекрасных юных кубинок: Монику (возлюбленную повествователя) и Малу. Заражен-

ные СПИДом от одного мексиканца, они обречены на смерть. В то же время в романе, словно в старой кубинской песне, мотивы печали и смерти сменяются настроениями природной жизнерадостности и легкомыслия. Герой, получивший отрицательный результат анализа на СПИД, приходит к тому, что *жизнь замечательная штука и вполне стоило ее прожить.* Этот же герой предпочитает не задаваться проблемами неисправного телефона и рваных носков. Было время, когда он, потеряв жену и дочек, уехавших за границу, хотел повеситься на первом суку, но оно прошло. Если ничего нет, кроме пустоты, то почему бы просто не порадоваться собственной здоровой крови, этому теплу, *разливающемуся по телу, по рукам, по ногам...* Любовь героев, построенная по законам кортасаровской игры, трагически обрывается, но роман не оставляет ощущения полного жизненного крушения, балансируя на грани иронии и острого драматизма. Темы абсолюта любви и абсурда режима, предательства и чистоты, проклятья и счастья, преломленные через образы моря и соленого кубинского ветра, приобретают полнокровность и легкость, оставляя привкус не столько грусти, сколько красоты.

Пищу для размышлений дает небольшая заметка **Александра Ливерганта**, в которой речь идет о дружбе народов , объединенных одним языком — английским (**«Дружба народов»** — № 11). Автор статьи делится своими впечатлениями от ставшего традиционным в Кембридже литературного семинара — своеобразного «смотра» британских авторов и потребителей английской литературы, съехавшихся на шесть дней со всего мира. Мы узнаем не только о новых именах в современной англоязычной прозе, но и о ходе проведения таких мероприятий, имеющих безусловное значение в культурной жизни страны. Несмотря на характерную ироничную интонацию, Ливергант выражает восхищение творческим проектом английских коллег и сожаление по поводу того, что на отечественной почве пока нет финансовых и духовных ресурсов для подобных семинаров. А чем наш — великий и могучий — хуже? Разве нет у нас талантов и поклонников художественного слова?

Какова связь между незрелостью и жаждой абсолюта? Между жаждой абсолюта и революционным вдохновением? Что такое лирическое сознание? Как проявляется оно в любви? Какова роль матери в формировании лирического мира молодого человека? — эти вопросы задает **Милан Кундера** в **романе «Жизнь не здесь»** (№ 10), опубликованные отрывки которого составляют отдельную **повесть «Ксавьер»**. Этот роман был написан еще в 1968 году, в период знаменитой Пражской весны, и только теперь — почти 40 лет спустя — мы имеем возможность познакомиться с этим шедевром чешского писателя. Как всегда иронично и образно Кундера вновь обращается к парадоксам бытия человека в контексте исторического опыта. Главный герой, поэт Яромил, — восторженный юноша, воспитанный мамочкой в тепличных условиях, — пишет стихи и тонко воспринимает мир. Но он же — дитя времени и коммунистического режима — свято верит в идеалы революции, толкающие его на чудовищное предательство любимой девушки. Не имея успеха у женщин в силу своей молодости и неопытности, не проявляя большой активности в деле революции, несмотря на страстное желание внести вклад в общее дело, Яромил придумывает Ксавьера — мальчи-

ка-мужчину, смелого, многоопытного, жестокого и удачливого в любви, к тому же находящегося в самом сердце Истории. Ксавьер имеет возможность путешествовать по лабиринту времени, падая из одного сновидения в другое и примеряя разные маски. Непобедимый и бессмертный, этот искусственный персонаж наделен мифологическими чертами. В отличие от героя своих фантазий, Яромил умирает в юном возрасте от гриппа. Смерть, несомненно, трагична, как любая смерть, но, по сути, нелепа. Честолюбивые и сильные порывы оборачиваются столь непоэтичным финалом. В неожиданных поворотах и заключается «соль» парадоксального гения Кундеры, который не любит пафоса, легко смешивая верх и низ, серьезность и фривольность. И хотя легкость порой невыносима, она и есть жизнь, *telle quelle est*[5].

В разделе «Документальная проза» помещено **эссе** с провокационным названием **«Клонировать Христа»** (№ 10), ставшее итогом работы писателя и сценариста **Дидье ван Ковелера** над фильмом «Собираются ли клонировать Христа?», в котором автор вместе с режиссером Ивом Буассе и продюсером Филиппом Альфонсом в течение 52-х минут рассказывает о мистических явлениях, связанных с личностью Спасителя. В своей книге Д. ван Ковелер приводит результаты «следственного эксперимента» сотрудников национального центра научных исследований, в частности, специалиста по ядерной физике профессора Андре Мариона, пытавшегося установить природу кровавых пятен и надписей на Аржантийском хитоне, в котором якобы Христос нес свой крест на Голгофу. Доказательство подлинности хитона при современных технологиях в области генетики открывают невероятные перспективы — клонирования сына Божьего! Человек в своей неуемной гордыне жаждет моделировать Историю. *Если мы сами не возьмем быка за рога,* — читаем высказывание в Интернете охотников за Христовой кровью, — *христиане будут ждать возвращения Мессии до скончания века. Второе Пришествие Христа случится потому, что мы собираемся заставить его вернуться*. Данное эссе — не только скрупулезное собрание фактов по «делу Спасителя», но попытка философски осмыслить нравственный аспект честолюбивых помыслов тех, кто посягнул на «святая святых» христианства — тайну тела и духа Господня. Сама идея клонирования подрывает первооснову веры — слепого приятия существования Иисуса как абсолюта. Любая же наука — суть сомнение, способное отнять у верующих этот абсолют. Так стоит ли заходить столь далеко в разгадке того, что непреложно должно оставаться вне человеческого понимания?

Путешествие — это встречное взаимообогащающее движение... Место выигрывает от визита вдумчивого наблюдателя, пожалуй, больше, чем он сам, — считает **Петр Вайль** в предисловии к последнему номеру «ИЛ», собравшему путевые очерки, эссе, рассказы самых разных авторов, стремящихся поделиться своими впечатлениями от путешествий — этого универсального способа самопознания.

Герой **рассказа** американского прозаика и журналиста **Дейва Эгерса «Давай»** (№ 12) пересекает на коне пустыню в Египте, следуя за беспощадным провожатым — лошадником Хеманом. Араб зовет сорокалетнего

[5] Такова, какова она есть (франц.)

иностранца посмотреть все новые и новые пирамиды, каждое посещение которых приносит только разочарование. От неудобного положения в жестком седле герой испытывает страшную боль во всем теле, однако не сдается, постепенно понимая, что смысл этой поездки — не в пирамидах, что у них *какая-то другая цель*. Гонимый провожатым, ветром, депрессией, американец освобождается от своего прежнего «я», становясь в этой бешеной скачке другим человеком.

Земную жизнь пройдя до половины, герой **рассказа** венгерского писателя **Ласло Краснахоркаи «В сумрачном лесу»** (№ 12) оказался... в Пекине, посещение которого совпало с его «дантовским рубежом». Улицы, автобусы, вывески, даже звезды — все представляется европейцу чужим и непостижимым. Неслучайно образ лабиринта становится центральной метафорой рассказа. Это не только город, структура которого ускользает от понимания героя, и не только прекрасный храм, из которого он едва находит выход. Это и сама жизнь, которая заставляет человека постоянно двигаться в поисках счастья и гармонии, ставя перед нами бесконечные вопросы, однако вместо того, чтобы в итоге привести к ответам, помещает в новый лабиринт. Другой город лишь усиливает ощущение загадочности бытия и беспомощности человека перед тайной мироздания.

Желанием постичь эту тайну движим герой **рассказа Эвана С. Коннелла «Затерявшийся в Индиях»** (№ 12). Гейтсон — профессор истории и литературы, дядя повествователя, с которым тот случайно сталкивается на золотой свадьбе родителей и вдруг открывает в этом на первый взгляд вечно недовольном и несколько нелепом человеке одержимого путешественника. Собирая материал для своих мемуаров с кажущимся ему самому оригинальным названием «В поисках утраченного времени», профессор мечется из одного конца света в другой, наблюдая за процессом казней на Кубе и за обрядом погребения в Индии. Каждое впечатление для Гейтсона — сокровище: мутный Ганг, встреча с индийским мальчиком, уличная проститутка, посещение храма... Этот неутомимый странник умирает, но его глубокий интерес к миру становится духовным уроком для повествователя.

Томас Манн, не любивший, по его собственному признанию, путешествия, но вынужденный не только много перемещаться по Европе с лекциями, но жить вдали от дома, оказывается героем тонкого **рассказа** поляка **Влодзимежа Ковалевского «Авторский вечер»** (№ 12). Автор «Будденброков», с трудом оторвавшись от письменного стола, едет в Восточную Пруссию, чтобы дать очередную лекцию «Ницше и музыка. Любовь и ненависть». Среди слушателей он замечает некогда встреченную им в Венеции женщину, однако писателю так и не удается перекинуться с ней парой слов. В тот же вечер, полный загадочных совпадений, Манн получает телеграмму от жены Кати с известием о том, что он стал лауреатом Нобелевской премии. Рассказ, несущий характер недосказанности, построен по принципу музыкального контрапункта, лежащего в основе многих произведений самого Манна (неслучайно и тема лекции связана с музыкой). Бывшая возлюбленная писателя, немного располневшая, но сохранившая очарование, в новом месте воспринимается им совершенно иначе, хотя желание побежать за ее каретой говорит о не совсем уснувших чувствах. Показательно, что его по-

рыв останавливает письмо от жены. Место ли влияет на отношения людей, или сам человек переносит на другого эмоции, вызванные местом? Один ли и тот же гений Манна в Венеции и в Восточной Пруссии? И разве не загадочна жизнь, часто выстраиваемая по законам музыкального произведения: лейтмотивы звучат то последовательно, то сливаются в одну тему, как и параллельные передвижения по миру людей, которые вдруг сталкиваются в одной точке пространства и времени, чтобы расстаться затем насовсем. Этими вопросами задается Ковалевский вслед за своим героем, прикоснувшимся к тайне времени и совпадений, но, будучи простым смертным, не постигшим ее до конца.

Шведский писатель и переводчик **Арис Фиоретос** открывает Санкт-Петербург в **рассказе «Строчки из России»** (№ 12) через призму набоковских текстов. Повествователь ведет своего рода диалог с русским писателем — загадочным и, как он считает, холодным и рассудочным. Перед посещением закрытого на ремонт дома-музея автора «Приглашения на казнь» ему приходит на память то набоковская «крестословица» (кроссворд), которая становится для шведского туриста метафорой самого Петербурга, то образ шахматной доски, не менее таинственной в своей черно-белой симметрии, чем город на Неве. Финал рассказа — в духе набоковских «роковых случайностей». Перед входом в гостиницу, где остановился приезжий, происходит убийство босса грузинской мафии, его любовницы и шофера. Это нарушает планы повествователя продолжать разгадку *петербуржской крестословицы*. Он улетает из «нашей Раши», после которой у него остается *много красного цвета в глазах*.

Впечатления о путешествии из Оксфорда в Москву отразил в своем личном **дневнике Льюис Кэрролл** — математик, священнослужитель, создатель гениального Зазеркалья, который в 1867 году совершил поездку вместе с коллегой Генри Лари Дидддоном в белокаменную столицу с целью установления связей между Англиканской и Русской православной церквами (№ 12). Путевые записи Кэрролла не предназначены для читателя: он делал их для себя, — однако при всей суховатой сдержанности чувствуется несомненный литературный дар их автора, его тонкий юмор и наблюдательность. При этом англичанин передает типичный взгляд иностранца на Россию: восхищение богатством убранства Грановитой палаты смешивается с удивлением по поводу грязи и неустроенности гостиниц и кабаков; уважение по отношению к высокообразованному московскому духовенству — с насмешкой над дикостью простого народа.

Другой великий сказочник и любитель открывать новые земли **Ганс Христиан Андерсен** оставил после себя многочисленные путевые заметки, в частности, опубликованные в номере **«Базар поэта. Путевые заметки 1826–1872»** (№ 12). Гонимый желанием обрести не то дом, не то любовь, в 1840 году он путешествовал девять месяцев, побывав в Германии, Греции, Константинополе, на Дунае, наконец, через Вену и Прагу вернулся на родину. Его дорожные записи могут стать ключом к разгадке двойственной личности писателя. Пребывая в вечном страхе опасности, страдая от различных недомоганий, в особенности, от зубной боли, он, тем не менее, преодолевал и страх, и боль, с иронией рассказывая о своих злоключениях, часто обле-

кая их в метафорическую форму. Мучаясь от непогоды в Риме, от которого ожидал тепла, Андерсен не жалуется сам, передоверяя свой голос паре изношенных отчаявшихся сапог, за которыми он записал их «подслушанный» ночью плаксивый монолог. Склонный к романтическому видению мира (природы, архитектуры), Андерсен все же реалистически смотрел на вещи и болезненно переносил дорожные тяготы (длительные переезды, сырые гостиницы). Эта «двойная оптика» отразилась в споре ретивого восторженного коня Пегаса, одержимого скоростью и жаждой приключений, и двух недовольных старых кляч, пытающихся периодически вернуть жеребца «с неба на землю». Опубликованные отрывки книги Андерсена **«Из Швеции»** выстроены в виде коллажа, в котором путевые очерки перемежаются с бытовыми зарисовками, стихотворениями, поэтическими эссе. Взгляд писателя на любую страну, в том числе, и на Швецию, очень субъективен. Он, например, может бесконечно долго описывать дождь и скромный ландшафт за окном трактира, в котором остановился передохнуть. Андерсен фиксирует, казалось бы, незначительные детали, живописуя затронувшее его душу место, кусочек пейзажа. Он, прежде всего, передает свое ощущение от страны и не задается целью составить целостное представление о ней.

О своем опыте постановки пьесы С. Беккета «В ожидании Годо» в 1997 году вспоминает американская писательница и режиссер **Сюзен Сонтаг**, приехавшая для этого в Сараево (**«Ожидание Годо в Сараеве»** — № 12). Измотанные бомбежкой, вечными страхами, голодом, сербские актеры между репетициями ложились прямо на пол: настолько велика была их непреходящая усталость. Пьеса абсурда об ожидании людьми Годо — Бога, способного избавить их от одиночества и потерянности, — в контексте югославского конфликта приобрела по-новому трагическое звучание. Однако эта работа помогла актерам преодолеть одолевавший их ежедневный ужас. Удивительно, что пьеса об отсутствии смысла и невозможности коммуникации стала для актеров и зрителей на какое-то время смыслом их жизни и неким объединяющим, дающим энергию делом.

Англичанин **Лоренс Даррелл** в рассказе **«Сицилийская карусель»** (№ 12) погружает нас в мир итальянского острова, куда его герой отправляется, с тем чтобы заглушить боль от смерти приятельницы Мартины, с которой познакомился на Кипре. Попытка забвения оборачивается восстановлением в памяти образа женщины, любившей Сицилию и оставившей на острове невидимый, но ощутимый героем след.

Сербская писательница и режиссер **Вида Огненович** предпринимает путешествие по Норвегии, о котором повествует в форме беседы и обмена впечатлениями с **Исидорой Секулич** — автором книги об одной из романтичных частей Скандинавии (**«Путешествие по Норвегии с Исидорой Секулич»** — № 12).

Идея заключительного номера очень удачна: города и страны, преломленные через призму восприятия талантливых путешественников, словно выстраиваются заново, утрачивая в глазах читателя заданную туристами рамку стереотипа. Встреча Кэрролла и России, Андерсена и Швеции, Краснахоркаи и Пекина и т. д. пробуждает то, чему П. Вайль посвятил одну из лучших своих работ, — *genius loci* — гению места, *связывающему интеллек-*

туальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Кроме того, взгляд американского режиссера на Сараево, датского сказочника на Италию, сербской писательницы на Норвегию (трудно перечислить все интересные «встречи» путешественника и места, собранные в журнале) создает ощущение полноты и открытости мира в целом. Стремление каждого человека к расширению горизонтов и преодолению границ — это уменьшенная мечта великого Александра Македонского пройти весь мир, смешать все народы, установить всеобщую гармонию. Несомненно, это иллюзия, потерпевшая крах. Ведь в разности народов, в столкновении культур и заключается процесс самопознания. Но в любой иллюзии великого человека есть доля истины: земля маленькая и круглая, а в каждом из нас достаточно сил, чтобы обойти ее всю, с тем чтобы вернуться другим человеком, не покорившим, но полюбившим и понявшим этот яростный, но «дивный и сказочный мир».

Обзор подготовила Ольга Маслова

Корректоры – *А. З. Лазуткина, Ю. Н. Маслов*

ЛР № 066469
Подписано в печать 18.04.2008. Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 30,00. Тираж 2500 экз.
Заказ № 695

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, **73218**

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых лет.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60

"BILINGUA" – Кривоколенный пер., 10 стр. 5; тел. 623.66.92

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" – Страстной бульвар, 8 (рядом с выходом из метро «Чеховская»)

ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка – Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98

"ПИРОГИ" – Никольская, 19/21; тел. 621.58.27

"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 627.56.09

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.42.64

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80

"УМНЫЕ КНИГИ" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 504.47.95

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ – Столешников пер., 2; тел. 629.52.62

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 962.05.63

В РЕДАКЦИИ «КОНТИНЕНТА» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Двухтомник Ольги СЕДАКОВОЙ «Стихи. Проза»

Двухтомник издан издательством «Эн Эф Кью». Издание вышло ограниченным тиражом и состоит из тома стихов (574 стр.), в который включены также и поэтические переводы, и тома прозы (959 стр.), содержащего разделы: заметки и путешествия, эссе, исследования, очерки словесности, воспоминания, вместо заключения (в этот раздел, в частности, включена речь при вручении премии Владимира Соловьёва). Вступительная статья Сергея Аверинцева, художник А. Райхштейн.

Книга Ольги СЕДАКОВОЙ «Музыка»

В книгу, изданную в «Русском міре» в 2006 году, вошли стихи, филологические и религиозно-философские эссе. Книга выпущена в серии «Литературная премия Александра Солженицына».

Книга сестры ЭММАНУЭЛЬ «Меджугорье, девяностые годы. Торжество сердца»

Издание общины «Беатитюд». Перевод с французского, 284 стр. В книге собраны свидетельства, а также наблюдения и размышления о Меджугорских событиях. Автор — сестра Эммануэль Майар — живет в Меджугорье с 1989 г.

Книга Нелли БИУЛЬ-ЗЕДГИНИДЗЕ «Литературная критика журнала "Новый мир" А.Т. Твардовского (1958-1970 гг.)»

Издание Культурно-просветительского центра «Первопечатник», 439 стр. Докторская диссертация автора, защищенная на факультете славистики Женевского университета. Исследуется творчество ведущих критиков «Нового мира»: В.Я. Лакшина, Ю.Г. Буртина, И.И. Виноградова, А.Д. Синявского в контексте журнальной политики.

Книга Игоря ВИНОГРАДОВА «Духовные искания русской литературы»

Издательство «Русский путь», 2005 г., 672 стр. Автор предлагает галерею масштабных мировоззренческих портретов русских писателей и мыслителей XIX-XX веков от Лермонтова и Писарева до Солженицына и Искандера. Книга обращена к духовным проблемам нашего времени — прежде всего к проблемам того «открытого сознания», которое свойственно современным людям, в подавляющем большинстве своем живущим вне мира религиозной веры. Книга для всех духовно вменяемых наших современников, которые не утратили способности терзаться высшими загадками бытия.

Книга «ХРОНИКА КАЗНИ ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА (в его письмах из зоны ЖХ-385, свидетельствах и документах)». *Составитель, автор вводной статьи и комментариев — Геннадий Кагановский.*

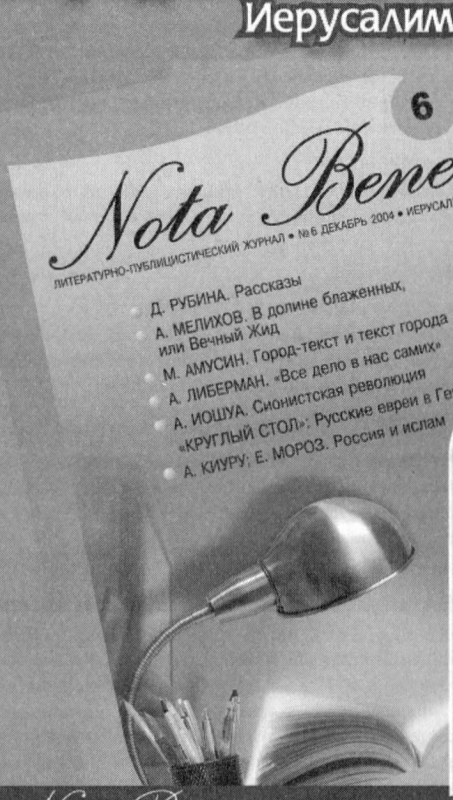
Книга выпущена издательством «Аграф». Поэт, мыслитель, подвижник Ю. Галансков погиб в мордовском лагере строгого режима в возрасте 33 лет на шестом году заключения. Его письма из-за колючей проволоки, а также другие материалы, сопряженные с кульминационным периодом жизни Галанскова (пребывание под следствием в Лефортовском изоляторе, судебный процесс, лагерные хождения по мукам), позволяют читателю составить представление об этой яркой неповторимой личности, о том времени и о том режиме, которые предопределили его мучительный путь.

Также имеются в продаже
остатки тиража некоторых номеров «КОНТИНЕНТА» с 1993 года

Звоните и приходите!

Тел. 248.62.35 **Адрес:** ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

Литературно-публицистический журнал. Иерусалим



Наши авторы:

Григорий Бакланов,
Владимир Буковский,
Денис Драгунский,
Сергей Кургинян,
Александр Мелихов,
Борис Парамонов,
Дина Рубина,
Бенедикт Сарнов,
Виктор Славкин,
Виктор Суворов,
Борис Фальков,
Борис Хазанов,
Асар Эппель,
Михаил Эпштейн и др.

Nota Bene выходит **6** раз в год; объем - **350** стр.

СТОИМОСТЬ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ:

В России – $65 ● В Европе – €55 ● В США – $70

Тел. редакции: 972-2-5325931; факс: 972-2-5324863

E-mail: omegag@bezeqint.net

Адрес: POB 45156, Har-Hotsvim, Jerusalem 91450 Israel

2008
№1

«КОНТИНЕНТ» № 135, 480 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218 и 71682